

Петр Еремеев

Арзамас-городок

Рассказы о былом

Автор благодарит коллектив Арзамасской типографии и её директора Сергея Михайловича Чехлова за издание этой книги.

К ЧИТАТЕЛЮ

Книге этой предшествовали долгие годы собирания материалов к истории Арзамаса — города с легендами и преданиями, города исторического. Архивные данные, различные публикации, записи рассказов старожилов — этих неложных свидетелей минувшего, наконец, позволили автору поделиться с земляками тем, что он собрал и осмыслил.

Понять долгую жизнь села, города, родного края можно только в контексте истории всего государства. Именно этому принципу и отвечает первая часть книги «Ответ на вызов», которая рассказывает о тех давних годах, когда русские велением времени начали осваивать Среднее Поволжье, когда поставили на круче Дятловых гор Нижний Новгород — опорный пункт Руси на восточном рубеже своих владений.

Появление русского города Арзамаса на окраине славянских владений в середине XVI столетия, естественно, вызвало рассказ о коренном народе эрзянской земли и его судьбе, навсегда затем связанной с исторической судьбой Московского государства, с Россией.

В первой части нельзя было обойти и события двух крестьянских войн под предводительством С. Т. Разина и Е. И. Пугачева, которые широко захватили Среднее Поволжье и обширный Арзамасский уезд. Эти войны — яркий пример свободолюбия россиян, героический пример несмирения, неприятия народными низами крепостнических порядков, жестокого диктата власти над простым человеком.

На всех крутых поворотах нашей истории, в течение бурных веков утверждали русичи свое право на крепкое стояние в многоликом и часто враждебном окружающем мире. В кровопролитной, изнуряющей борьбе против монголо-татарского ига, в тяжелое лихолетье Смуты, в десятилетия освобождения северных и южных славянских земель, в грозном 1812 году и далее — нижегородцы, а с ними и арзамасцы показали себя истинными патриотами, верными сынами родной земли.

«Бытие» — такое заглавие предпослано второй части книги.

Любой народ глубоко и ярко раскрывается в своей уникальной самобытности. В старых провинциальных городках наиболее устойчиво сохраняется русская национальная духовность, здоровые нравственные устои, неповторимое богатство родного языка и то многое другое, что делает, скажем, Арзамас особенной общежительной общностью.

Автору хотелось дать современному читателю по возможности более разностороннюю, живую картину дореволюционного арзамасского быта в частных и общественных проявлениях. Бесконечная череда внутригородских событий, особенности местного устоявшегося уклада жизни, появление в рассказах большого числа фамилий и имен — все это вызвало необходимость объединения собранного материала в отдельные тематические главы — их во второй части издания двенадцать.

Третья часть книги — «Родные имена», состоит из повествований о тех, кто осознанно отдал себя на высокое служение русской культуре, своим землякам. Нам еще предстоит воздать должное другим достойным сыновьям и дочерям земли арзамасской.

Язык, слово — душа, высота народной мудрости. Автор счел нужным привести в текст издания хотя бы немного из выразительного многоцветья языка предков, изложить исторический материал с бесхитростной простотой рассказчика прошлого.

«Арзамас-городок» — книга, написанная на похвалу родному граду, предназначена

для домашнего чтения нижегородцев, она послужит и пособием для учителей средних школ, студентов-историков, которые углубленно изучают прошлое своей отчины. Рассказы о старом Арзамасе, надеемся, станут настольной книгой для всех тех, кто любит свой город, кто ищет в прошлом миропонимание и ответы на вопросы сегодняшнего дня, кто созидательным трудом вносит достойный вклад в нынешнюю и будущую жизнь дорогого Отечества.

Пётр Еремеев.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТВЕТ НА ВЫЗОВ

«Централизация и дисциплина (военная и политическая) — вот ответ Москвы на исторический вызов, брошенный русскому народу. Ответ суровый, но единственно правильный в той неравной борьбе, что вел этот народ за существование, за национальную независимость, за удовлетворение насущных потребностей своего экономического развития».

Ф. Нестеров. Связь времен. М. 1987.

Историк В. О. Ключевский как-то подсчитал, что великорусская народность в период 1228-1462 годов, в то время, как она формировалась, вела 160 внешних войн.

Русских постоянно теснил Запад в стремлении отобрать исконные славянские земли. В этих условиях русичи невольно в плане своих главных будущих интересов обращали свое внимание на Восток.

Давным-давно они сведили о Волге. Да и как было не знать ее, великую реку, когда на верхней части ее издревле обитали кривичи, а на Оке селились вятичи. Уже в 961-969 годах по Волге до Каспия проплыли судовые дружины киевского князя Святослава, а в 1120 году князя Владимира.

В XII-XIII веках в пределах Средней и Нижней Волги у болгар и хазар обжилось немало славян. Великий волжский путь все больше влечет к себе русских первопроходцев, они скоро осознали, что устье реки Оки — это то самое место, откуда можно и должно протянуть руку к местным народам.

Первые насельники из славян осели в начале XII века в местах будущего Городецкого уезда.

Владимиرو-Суздальская Русь объявляется на востоке городом Владимиром, Боголюбовым, Стародубом, Ярополчем, Гороховцем...

В середине XII века неподалеку от устья Оки возникает Городец-Радилев, созданный как форtpост на Волге для сопротивления волжским болгарам.

Волжская Болгария к этому времени стала сильным государством, она поставила в вассальную зависимость все народы Поволжья и наступала на русские земли.

Русские достойно отвечали. Андрей Боголюбский в 1164 году уничтожил ряд болгарских городков на территории Средней Волги. Далее поход на болгар предпринял зимой 1172 года князь Мстислав. В устье Оки собирались «судовые рати» русских против болгар в 1186 и 1205 годах. Но только в 1219 году наступил перелом в пользу русских, когда объединенные дружины владимирские, ростовские, переяславльские и муромские спустились на судах вниз по Волге и разгромили один из крупных болгарских городов Ошел.

Болгары согласились на значительные земельные уступки русским в 1220 году. К Владимиро-Суздальскому княжеству отошли земли Волжско-Окского и Сурско-Пьянского междуречья.

В следующем 1221 году князь Юрий Всеволодович, племянник Боголюбского, основал в устье Оки Нижний Новгород, укрепил его валом, выстроил церковь во имя архангела Михаила, собор во имя Спаса и монастырь за городом во имя Богородицы.

Нижнему Новгороду сама судьба определила стать ключом от Оки и Волги. К исходу XIII века он числился третьим городом во Владимиро-Суздальской Руси. Непрерывно росло число его жителей. Ремесленники, купцы, речники, рыболовы — все находили дело в новоявленном городе.

Недолго шла спокойная жизнь. На Русь нанесло с востока беду. Незнаемые прежде монголо-татары хлынули на приволжские земли. В 1236 году рухнуло государство волжских болгар, затем полчища врагов налетели на Рязань, Москву, Суздаль, Владимир. Зимой 1238 года пал Волжский Городец, на следующий год Муром. В 1239 году возможное взятие Нижнего и разорение татарами его окрестностей.

Около этого времени из Владимиро-Суздальского княжества выделилось удельное Суздальское с пригородами Нижним Новгородом и Городцом.

Пограничный город жил крайне напряженно. В 1256 году в нем произошел совет русских князей, обговаривались способы борьбы против захватчиков. В 1263 году на обратном пути из Золотой Орды в Городце остановился князь Александр Невский. Больной, он и умер тут 14 ноября 1263 года.

Около 1264 года из Суздальского образовалось Городецкое княжество с пригородом Нижним Новгородом.

В 1341 году возникает Суздальско-Нижегородское княжество со столицей в Нижнем Новгороде. Его владения на востоке проходили по реке Суре, на юго-востоке по реке Пьяне и Серезе, на западе по правобережью Оки до Муром. На севере княжество обрезалось по Унже-реке. Одно время Вятская земля тоже входила в состав нового русского княжества.

Впоследствии, несмотря на борьбу князей за власть над Нижним Новгородом, монголо-татарское засилье, город на восточном порубежье быстро рос, укреплялась его экономика. На нижегородских землях оседают званые и добровольные поселенцы со всех концов Руси, распаиваются земли, там и тут появляются новые села и деревни.

Первостепенное значение в жизни Нижнего Новгорода занимала трудовая Волга, крупная торговля со Средней Азией, Ираном, Закавказьем.

В седую старину коренным населением Поволжского края были угро-финские

народы — мордва, мари́йцы и исчезнувшее со временем племя мурома. Эти угрофинские народы когда-то широко расселились в Среднем Поволжье, нижегородских и пензенских пределах, северной части нынешней Мордовской республики, Тамбовской области.

Мордва разделялась на несколько ветвей. Главная — эрзяне или эрзя жили в границах нынешнего Арзамасского, Лукояновского, Ардатовского, Сергачского и Княгининского районов. В прежней Казанской губернии жило небольшое мордовское племя каратаев. Близ устья Оки и Волги обитало племя терюхан, а мокшане жили и живут по реке Мокше.

О мордве, как о народе, известно издревле. Еще византийский император Константин Порфириносный (905–959 г.г.) писал о стране Мордии, что находилась между землей печенегов, славян и волжских болгар.

Арабский путешественник X века, побывавший у волжских болгар, Ибн-Даста сообщает в своей работе «Книге драгоценных сокровищ»: «булгар граничит со страной буртас — мордва».

Путешествующий Иорнанд назвал мордву «миролюбивым племенем». Интересные сведения о мордве оставил голландский монах и путешественник Вильгельм де Рубрук в своей книге «Путешествие в восточные страны... в лето благодати 1253-е». Он вспоминал: «Эта страна за Танаидом — за Доном очень красива, имеет реки и леса. Живут два рода людей именем моксель, не имеющих никакого закона, чистые язычники. Города у них нет, а живут они в маленьких хижинах в лесах... В изобилии у них имеются свиньи, мед и воск, драгоценные меха и соколы. Среди них живут другие, именуемые мордас — мордва и они сарацины. За ними находится Этилия — Волга».

Ученый Гербенштейн, а он посетил Россию в 1516–1526 годах, говорит о мордве, как о народе независимом, имеющем постоянные жилища, отличных стрелках из лука.

Первый русский летописец Нестор-Печерский тоже упоминает среди других племен о мордве, жившей на землях между Окой, Волгой и Сурой. Тут жили эрзяне.

Глубокое по своей научной основе описание жизни и быта мордвы сделал нижегородский писатель П. И. Мельников (Андрей Печерский) в работе «Очерки мордвы», опубликованной в середине прошлого века.

Языческая мордва... Она не имела идолов или каких-либо иных изображений божества. У нее отсутствовали храмы, местом молений служили заповедные рощи, поля, кладбища. Мордва верила в верховного бога, от которого зависел весь видимый и невидимый мир. Называли его эрзяне, терюхане и каратам — Пас, или Чам-пас, мокшане — Шкай. Кроме единого бога мордва признавала созданных ее богатым воображением добрых и злых духов. Управлялась мордва прявтами — князьками и старшинами, долгое время она находилась в зависимости от сильного волжского государства — Великого Болгара.

Плодородные нивы, богатые зверем леса с бобровыми гонами, бортными ухожеями, ягодными местами, рыбное изобилие в реках и озерах, тучные сенокосы — всем добрым наполнилась мордовская земля с незапамятных времен. Многие годы мирно подселялись и жили среди мордвы русские, приносящие в быт соседей более высокую материальную культуру, эффективные приемы земледелия и животноводства.

Вассальная зависимость мордвы от болгар сменилась жестоким, кровавым диктатом монголо-татар, хлынувших с востока в Поволжье и далее на Русь.

Во время владычества угнетателей мордва по-прежнему занималась звероловством в своих лесах, хлебопашеством и бортным пчеловодством, но теперь мордве пришлось служить в войсках ханов и платить тяжелую дань звериными шкурами,

медом, а также соколами и кречетами для охоты татарских владык.

Выпало мордве терпеть и худшее. Так, в 1288 году сын Темира князь Елартей опустошил мордовскую землю.

К началу XIII века в самой мордве то и дело происходила открытая борьба за власть родовой знати. Князь Пургас, что владел землями к югу от реки Пьяны, воевал с Пуресом, который держал контроль над территорией от Пьяны до Волги.

Истошала свои силы мордва и в набегах с тем же Пургасом на Нижний Новгород. Налет на русскую крепость состоялся в 1229 году.

Русским в очередной раз в жестокой сече пришлось обрести право на существование. Юрий Всеволодович в союзе с отрядом мордвы под предводительством Пурейши — противником Пургаса, сделал ответный набег на врага своего союзника. Еще один поход предпринял князь Юрий зимой 1232 года. Его сын «пожгоша села их, побиша много».

В 1366 году Булат-Темир громит арзамасскую мордву. И снова остатки ее под нажимом татар выступают против русских.

В 1378-79 годах князь Борис Городецкий оружием «вразумлял» мордву и ее деспотичных степняков.

Поистине трагическими выпали для мордвы XIII-XIV века, как впрочем и для всех народов Среднего Поволжья.

Из неведомых глубин азиатских просторов вдруг ураганно хлынули монголо-татары. Жестокие полчища Чингизхана в XIII веке захватили Китай, Среднюю Азию, Закавказье и временно Грузию. Современный историк пишет:

«Ни в одном из советских источников не сказано о политическом альянсе папы римского Гонория Третьего и французского короля Людовика Святого с Чингизханом, чьи орды они с помощью посланных военспецов сделали самым современным по тому времени войском, пообещав ему во владение Русь и центральную славянскую Европу за возможность уничтожения православия и окатоличивания всего Евразийского материка, выговорив себе во владение лишь богатые Псковско-Новгородские земли».

Не встречая крепкого отпора, эти полчища появились в Причерноморье на земле половцев. Половцы позвали русские дружины на оборону своих владений. Но 31 мая 1223 года восточные захватчики разбили у реки Калки соединенные отряды половцев и русских. Так над славянскими землями огненным пожарищем нависла беда страшного порабощения.

Русские вправе были ожидать определенной поддержки со стороны благородных рыцарей европейских стран, но напрасно. Едва Батый начал жечь русские земли и истреблять русских, как папа римский объявил крестовый поход против «русских схизматиков», чтобы оружием загнать православных в католичество. Однако бесславно пали эти честолюбивые надежды римского владыки. Разбитыми оказались шведские крестоносцы и их финские союзники новгородским князем Александром Ярославовичем на реке Неве в 1240 году. Вскоре ливонские немцы напали на Псковскую землю. Александр Невский выгнал немцев из Пскова и учинил псам-рыцарям «Ледовое побоище» в 1242 году. Выгнал затем князь в 1245 году и литовцев с русских земель. Новгородцы и псковичи нанесли им полное поражение у Ракова в 1268 году.

Риму не удается. Советником Батыя совсем не случайно стал рыцарь Альфред фон Штумпенхаузен. В 1245 году в Великую Монголию ездил посланец папы Иннокентия IV к Великому хану Иоанн де Плано Карпини. Побывал у хана Менгу и голландский монах Рюисброк, посланный французским королем Людовиком IX. В

1255 году папа Александр подталкивает «литовского короля» «воевать Россию». Еще не имея крепкого государственного устройства, русские, как могли, отбивались от оголтелых захватчиков.

В 1236 году монголо-татары Батые — внука Чингизхана — ворвались в поволжские пределы, разгромили сильное прежде Болгарское царство и отряды русских князей. В 1237 году зимой полчища непрошенных гостей захватили Рязань. Никто к рязанцам, к сожалению, на помощь не пришел, а они сражались героически, до конца. Далее пали Суздаль, Ростов, Ярославль, Переяславль, Москва, Тверь, Торжок.

Давняя междоусобица помешала русским собрать свои силы воедино и противостоять чужеземному владычеству, которое после длилось более двухсот лет.

В этот первый набег на Русь монголо-татары не ограничились разграблением славянских земель. Летом 1242 года они дошли до Венгрии, и только истощение сил заставило их повернуть на восток.

Мало-помалу удельные князья преодолевают междоусобные распри, объединяются в дни жестоких испытаний и все чаще соединенными силами дают отпор врагу. Летом 1380 года хан Мамай, имея под началом почти стотысячную армию, двинулся на Русь. К верховьям Дона устремилась и тридцатитысячная армия литовцев, союзница татар. 8 сентября московский князь Дмитрий Иванович Донской на поле Куликовом выставил шестьдесят тысяч русских. Страшная это была сеча. Бой выиграла продуманная тактика Дмитрия Ивановича и его сподвижников, патриотический порыв наших воинов, которых благословил игумен Троицкого монастыря Сергей Радонежский. Мало кому из ордынцев удалось уйти живым с поля боя. По преданию, Мамай прибежал в Крым после боя всего с восемью воинами. Ягайло и его литовские вояки, отряды которого в день побоища не смогли соединиться с Мамаем, так побежали восвояси, что посланный за ним отряд русских воинов так и не смог догнать храбрых рыцарей.

Русских погибло в бою до восьми тысяч человек, а всего урон в армии князя Дмитрия составил 25 тысяч человек. Из армии Мамаея спаслось около 30 тысяч человек вместе с ранеными.

*Сергий Радонежский благословляет
Дмитрия Донского на битву с Мамаем. 1380 г.*

Военная победа на поле Куликовом показала всей Европе, что, как говорили, душа русского народа непокорна, а голова непоклонна. Русичи еще раз осознали силу единства, святость патриотизма.

В середине XV века могущество монголо-татар истощилось в непрерывных боях с соседними народами и в междоусобных распрях. В 1502 году крымский хан Менгли-Гирей нанес Золотой Орде последний удар, после которого она и прекратила свое существование. Вместо нее образовалось несколько ханств или царств: Казанское, Астраханское, Крымское и ногайские орды.

Более двухсот лет перед Русью стоял вопрос: «быть или не быть?». Москва, русские достойно ответили на тот исторический вызов, который вынудил Восток и Запад раз и навсегда признать могучего соседа, признать Россию.

Велика досталась чаша горького терпения русскому и другим народам, что подверглись страшному погрому монголо-татар. Отечественные летописи XIII–XV веков полны описаний тех ужасных страданий, что выпали на долю городского и сельского люда.

Русский историк пишет:

«Состояние России под ярмом монголо-татар было самым плачевным: казалось, что огненная река промчалась от ее восточных пределов до западных, что язва, землетрясение и все ужасы естественные вместе опустошили их от берегов Оки до Сана». Летописцы наши, сетуя над развалинами Отечества о гибели городов и большой части народа, прибавляют: «Батый, как лютей зверь, пожирая целые области, терзал когтями остатки. Храбрейшие князья пали в битвах, другие скитались в землях чуждых, искали заступников между неверными и не находили, матери плакали о детях растоптанных конями татарскими. Живые завидовали спокойствию мертвых».

*Чудотворная икона Святителя и
Чудотворца Николая. Резной образ,
именуемый Можайским, был заступником
русских городов от нашествия иноземцев.*

Жесток диктат захватчиков. Каждый двор на русской земле платил трудную дань хану. Эту дань жестоко выколачивали так называемые баскаки — татарские сборщики, что рыскали по селам, чиня разбой и насилие. А если у кого-то нечем платить дань — брали членов семьи в рабство.

И далее:

«Только с пятнадцатого по восемнадцатое столетие восточные соседи Руси —

татары и турки — захватили в полон и обратили в рабство около пяти миллионов русских. А сколько еще погибло во время хищнических набегов! В одной лишь Казани, взятой русскими после упорного штурма в 1552 году, томилось до ста тысяч пленников. Еще в начале семнадцатого века на большинстве французских и венецианских военных галер гребцами были русские рабы, обреченные на пожизненный каторжный труд. Русь искореняли не только грабежом, огнем и боевым мечом, но и изводили ее рабством плена».

Горит свеча памяти...

Подвиг тех, кто отдал свои жизни в разные времена при защите отчей земли, не забыт. Свойство православной души, высшая память велит помнить жертвенность наших предков. Святая любовь многих поколений к павшим за Русь, за Россию не остывает. Пусть же и впредь животворные свечи памяти горят и не гаснут на любом ветру нынешних и предбудущих времен.

«Московское государство родилось на Куликовом поле, а не в скопидонном сундуке Ивана Калиты», — говорил историк В. О. Ключевский.

Преемники Дмитрия Донского Василий I и Василий II Темный по мере сил «собирают власть» Московского и Владимирского княжеств. В правление «Государя всея Руси» Ивана III (1462–1505 г.г.) не осталось удельных княжеств, к 90 годам XV века завершено объединение почти всех русских земель под властью Московского государя.

Иван III прекратил платеж дани казанскому хану, заключил союз с крымским ханом. Хан Большой Орды Ахмат потребовал через посла выдать дань за девять лет, грозился заслушание наказать страшными карами. Иван III выгнал посла с позором и сказал: «Прошли те времена, что русский народ уступал чужим хозяевам». В 1480 году войска Ахмата и Ивана III встретились у пограничной реки Угры, хан не решился напасть на русских, ушел к себе не солоно хлебавши. Вскоре ханские прихвостни схватили своего господина и отрубили ему голову.

Более Россия не поклонялась ханам. 1480 год явился годом освобождения от монголо-татарского ига, речка Угра стала тем «поясом Богоматери», который

долго еще охранял русские земли. «В том, что русские выстояли в течение более чем двухсот лет татарского владычества — они обязаны православной церкви,» — говорит современный историк.

Василий Иванович III (1505–1533 г.г.) завершил объединение Великороссии. Иван Васильевич Грозный, принявший от родителя титул «Государя всея Руси», принял и герб России — византийского двуглавого орла...

Окончательное освобождение от Казанского ханства выпало исторической миссией Ивану Грозному (1533–1584 г.г.).

Правители Казани, предчувствуя скорый конец своему тиранству в Среднем Поволжье, еще яростней налетали на русские земли. В 1534 году, как сообщает летопись, «...многие казанские люди к Нижнему приходили и места пусты учинили и грехов наших ради полону бесчисленно много поймали, жен и детей боярских да и черных людей и с их женами и детьми».

Нападение татар на Владимир произошло в 1545 году. Снова «огнем пожгоша» и в «полон имали».

В 1550 году набегали татары на муромские земли.

Переполнилась чаша русского терпения...

Первый поход на Казань планировали на 1547-48 год. Он не состоялся ввиду того, что быстро спала по весне вода в Москве-реке, и суда с артиллерией обсохли.

И зимний поход 1549 года также кончился неудачей. Зимние глубокие снега вынудили идти войско по льду Волги. Но тут не вовремя наступила такая сильная оттепель, что лед раскис, и немало пушек ушло под воду. Армия повернула обратно.

В 1551 году в мае-июне в 30 верстах от Казани всего за четыре недели поднялась русская крепость Свияжск. Поставили ее на устье Свияги, что впадала в Волгу.

1552 год, лето... Под русскими стягами 150-тысячное войско, 150 пушек. Армия Грозного движется к Казани тремя группами. Одна из них, руководимая Шигалевым и воеводой П. А. Булгаковым, поплыла с артиллерией по Волге. Сам царь со своей дружиной — сторожевым полком и всей «левой рукой» — фронтом и флангом движется от Мурома на Саконский лес. Другие полки направились от Касимова и Темникова — это южнее главных сил — с тем, чтобы предотвратить возможные нападения казанцев на главные силы русских.

Не лишне отметить при этом, что «одну треть войска Грозного составляли татары».

В 1769 году в Петербурге издана «Царственная книга», в которой прослеживается поход царского отряда.

Первый ночлег, или стан, 20 июля был в 30 верстах от Мурома в лесу, на речке Велетьме. Продвигались вдоль реки Теши на восток. Рать вели проводники из мордвы, одного из них по преданию звали Ичалкой.

Второй стан разбили при реке Шиленьте — между нынешними Кулебаками и Ломовкой. Третий раз остановились на ночлег под Саконским городищем на реке Теше верстах в сорока от нынешнего Арзамаса. Четвертый стан пал на поле у речки Иржи. А вот пятый пришелся на речку Авшень — позднее Акша, это уж совсем рядом с будущим Арзамасом, а еще ближе к возникшим вскоре селом Ивановским на Ивановских буграх. Село и бугры на правом берегу Теши названы якобы арзамасцами в память царя Ивана. Далее войско, переправившись через Тешу, отдыхало у речки Кевзи, притоке Пьяны...

Идущий царь для взятия Казани изначально уверился в своей победе. Потому-то по пути к Волге войны ставили церкви-обыденки или оставляли для будущих церквей

иконы и необходимую утварь.

Иван Грозный раздавал мордовские деревни «для крещения» боярам, служилым людям и монастырям. Так образовались Пурдышевский и Рождественский монастыри для обращения Темниковской мордвы.

В главном месте обитания эрзян построен был Спасский монастырь в новоявленном Арзамасе. Ему отданы «царские мордовские вотчины»: село Ивановское с деревнями Чернухой и Ореховской. В Арзамасском уезде также основали Троицкий монастырь на Пьяне и еще один, безымянный для нынешних историков, близ села Пустыни.

...Около семи недель стояли русские под Казанью — татары не покорялись. Осаждавшие соорудили вокруг города две линии осадных сооружений, пустили в ход подвижные башни «гуляй города». Казанцы упорствовали, защищались храбро. Тогда сделали подкопы под стенами крепости, вкатили в них бочки с порохом...

Очевидец рассказывал: перед самым боем царь пошел к обедне. Дьячок читал Евангелие. И вдруг раздался сильный гром, так, что земля вздрогнула. Молодой царь выглянул из храма, увидел огонь, дым, большой обвал крепостной стены... И когда дьячок на ектенье воскликнул: «И покориши под ноzi его всякого врага и супостата», произошел второй взрыв еще сильнее прежнего. Русские с возгласом «С нами Бог!» рванулись в стенные проломы на штурм... Героем битвы внутри города стал князь Андрей Курбский. Он и разгромил остатки дворцовой стражи. Казань пала 2 октября.

Позднее мордва пела:

Грозен был воин, царь наш батюшка. Первый царь Иван Васильевич. Сквозь дремучий лес с войском-силою Он прошел землю мордовскую, Себе царство взял Казанское.

Россия праздновала...

В середине октября нижегородцы торжественно встречали у себя царя, вернувшегося из Казани. Ликующие толпы горожан встречали победителей. Один из свидетелей говорит, что богослужение по этому поводу едва не было испорчено оттого, что своим восхищением народ в какие-то минуты прервал церковное пение.

В Москву молодой царь въезжал народным героем. На Красной площади в честь Победы был выстроен дивной красоты Покровский собор, известный в народе как храм Василия Блаженного — у стен собора похоронили этого любимого москвичами юродивого.

В 1556 году без больших потерь русскими завоевано Астраханское ханство. Признала свою зависимость от России Ногайская орда, что обитала в Северном Прикаспии и Приуралье.

В 1582 году Ермак Тимофеевич со своими казаками начинает покорение Сибирского ханства.

...Волга, Урал становятся русскими владениями. Тут возникают города Самара, Саратов, Царицын, Симбирск, Уфа, Сызрань, Пенза. Тамбов.

Цепи рабства окончательно разорваны. Россия теперь могла обратиться к другим жизненно важным для нее задачам...

Бескрайние славянские просторы... Они всегда охотили врагов к разбойному захвату. И потому из века в век великие князья, а потом и московские цари непрерывно создавали все новые крепости и другие оборонные сооружения.

Только Иван Грозный, по свидетельству англичанина Горсея, повелел построить 155 крепостей. Издавна умели русские выбрать место как для большого, так и для малого города. Прекрасно поставлен древний Киев, Великий Новгород, Псков, Москва. Владимир, царственно поставленным городом называют Нижний Новгород.

Русские города средневековья — это центры православия, управления, крепости, сосредоточие ремесел и торговли. Ставили города в красивых, высоких местах, выгодных в стратегическом отношении.

Рубежи Руси укрепляли воин и строитель.

Строительство крепостей крепило волю русичей, поднимало патриотический дух народа.

Арзамасская крепость...

Известно, что в походе русских на Казань принимал участие и известный городелец дьяк Иван Григорьевич Выродков, строитель Свяжской крепости. Сходность с ней Арзамасской дает основание думать, что Выродков «приложил руку» и к новой крепости.

Большое число воинов у царя под рукой. Наверное, среди них хватало топорников... Леса рядом, в лошадях тоже недостатка не было. Так что не составляло большого труда, по крайней мере, выкопать рвы, произвести заготовку и вывозку леса,

начать закладку крепости...

Река Теша, а на гребне ее высокого правого берега с западной стороны вытянулась дубовая «городня» с башнями. С юго-востока к самой Теше тянулся глубокий овраг с малой речкой Сорокой. Тут по козырьку берега оврага и встала вторая стена. Только на широкой северной стороне треуголья можно было скорее всего ожидать штурма крепости врагом. Здесь, на выгонном поле, крепостную стену укрепили выкопанным рвом и высоким валом.

Длина крепостных стен составила 1066 сажен или 2270 метров. Толщина крепостных стен и высота остались неизвестными.

На сохранившейся копии XVIII века плана крепости видно, что стену твердыни скрепляли 11 башен, 4 из них были проезжими. Одна, Стрелецкая, воротная, в северной стене вела к Нижегородскому тракту. Другая по северной же стене, к востоку, Спасская, давала выезд на Большую Макарьевскую дорогу и на выгонные луга. На западной стене первой стояла главная, Настасьинская башня. Из этой дорога спускалась съездом к Теше и далее через мост смыкалась с Московским трактом. Южнее, на стыке западной и восточной стен, возвышалась Кузнечная башня, а за ней на посаде звенела наковальнями Кузнечная слободка.

Крепость внутри усиливалась Большим и Малым острогами. Острог — укрепление из врытых в землю бревен с заостренным верхом. Малый острог находился в южной части крепости возле Кузнечной башни, потом на его месте обосновался Никольский женский монастырь.

Упоминание о «Большом остроге» на Пушкарской улице находим в документе — закладной Ивана Прохорова сына Писемского от 16 апреля 1633 года. Топографических данных о названном остроге нет, надо полагать, что он окружал некогда воеводский двор, съезжую избу, пыточную башню и другие служебные помещения.

Не раз возникал у краеведов вопрос о личной причастности Ивана Грозного к основанию Арзамаса. Историк города Н. М. Щегольков пишет, что «...это наименование (главной городской башни) не могло произойти ни от чего другого, кроме как от имени царицы Анастасии Романовны, первой супруги Иоанна Грозного, а следственно и дано им самим при жизни ее, а скорее всего лично во время Казанского похода».

Крепость охраняли стрельцы, пушкари и казаки. На ночь проезжие ворота запирались на крепкие запоры, на стены и башни поднимались очередные сторожа.

Власть в городе осуществлял воевода и «осадный голова».

В воеводской избе сидели за бумагами подьячие. Посадскими делами занимался староста, а судебными — губной староста.

В церковном отношении город и уезд Москва отнесла к патриаршей области. А в городе и уезде храмы входили в особую Арзамасскую десятину. В городе находился Десятильный двор, верховодил которым протопоп Воскресенского собора.

Из «письма и дозора Булата Телицына», составленного в 1620 году, видно, что в Арзамасской десятинае состояло уже 98 церквей.

Первые переписи горожан составлены писцом Тимофеем Измайловым в 1620, 1621 и 1622 годах. В 1626 году в Арзамасе из числа его жителей оружие могли носить 650 человек.

Опись 1629 года дает данные о боеспособности Арзамасской крепости. У гарнизона на счету 35 затинных пищалей — пушек медных и железных, некоторые из них на колесах, откатные. К этому имелось 35 ручных пищалей. К пушкам, конечно, полагались ядра, а для пищалей пули. В специальных «свиньях» держали более 50

пудов свинца и 77 пудов «зелья» — пороха.

Москва строго следила за состоянием крепостей. В 1631 году царский указ, присланный в Арзамас, диктовал: «Город беречь накрепко, чтобы по городу и по острогу караулы в воротах, по башням и по стенам были крепкие... береженье держати великое, чтоб в Арзамасе дурна никакова городу и острогу, порухи никакие ни от кого не были».

Воеводы несли строгую ответственность и за внутренний распорядок жизни крепости. «...Чтоб в Арзамасе на посадах и слободах и в уезде всяких чинов служилые и жилецкие люди никого не били и не грабили и иным каким воровством не воровали».

Предписывалось не допускать появление «корчмы» — тайную, вроде кабака, торговлю вином, прекращать азартные игры — «зернь» и прочие непотребности. Особо оговаривались противопожарные меры. Вменялось следить, «чтоб в летние жаркие дни мылен (бань) никто не топил и ввечеру поздно с огнем не сидел. А для хлебопеченья и где есть варити велети всяким людям поделати печи в огородах и на полых местах не близко хором». Предлагалось у домов и лавок ставить кадки с водой, и тут должны находиться ведра.

Не всегда выполнялись грозные предписания сверху. Осадный голова Федор Нечаев доносил царю о посадных нарушениях: «А посадские, государь, люди, староста Ондрюшка Облезлов с товарищи в летнюю пору в жаркие дни избы и мыльни топят, а кузнецы в кузницах куют повседни, а дворы, государь, и кузницы около города под стеною... а кабак поставлен в городе близко твоей государевой пороховой казны»...

Жизнь пограничного городка всегда была напряженной. Кроме различных предписаний различным служивым людям, жильцам приказывали иметь определенный запас продуктов, «... чтоб в осадное время без припасов им не быти».

В случае угрозы военного нападения врага, воевода обязан был «тотчас из всего Арзамасского уезда уездных людей собирать в осаду со всеми их животы».

Более 170 лет Арзамасская крепость содержалась в полной боеспособности. В 1654 году малую овражную речку Сороку перегородили плотинами, образовался каскад глубоких прудов, что также служило оборонным целям, укрепляло восточную сторону крепости.

...Огромный Арзамасский уезд делился на две неравные части. Западная, по левобережью Тешы, называлась Утишьем. А восточная часть, где проживало немало мордвы и татар — Залесьем.

Административно уезд делился на пять станов: Подлесный, Иржинский, Тешский, Ичаловский — это в Утишье, одним станом считалось Залесье.

Арзамасская крепость верно несла свою государственную службу. Враги знали о ней, пытались подступать к ее стенам, нападали на села и деревни уезда. Так, в 1612 году, осенью, на арзамасские земли налетели крымские и ногайские татары. Они проломили Пузскую засеку и побили сторожевые посты. В то же время два дня бились арзамасцы с отрядами мурзы Бающа у деревни Чуколы близ Пьяны и под Ардатовым. В 1613 году арзамасцы узнали, что в их пределы готовятся ворваться «ногайские люди...» Случалось, что южные степняки появлялись с оружием в уезде даже в 1653 и 1667 годах.

Арзамасской крепости не выпало отражать прямые вражьи наскоки, все же она несомненно сыграла свою ответственную роль в системе других крепостей юго-востока государства Российского.

По мере укрепления России значение крепостей Поволжья постепенно утрачивалось. Ветшала, заваливалась Арзамасская крепость. В 1726 году при

сильном пожаре сгорели ее остатные стены. Более крепость не возобновлялась.

Несомненно, что появление Арзамаса на карте России обусловлено третьим походом Ивана Грозного на Казань.

Нижегородский писатель П. И. Мельников (Андрей Печерский) в середине прошлого века писал: «Арзамас, ныне уездный город, считается столицей племени эрзя и, по всей вероятности, есть тот самый город Арса, о котором упоминает в IX веке Ибн-Фоцлан». Еще писатель говорит о том, что эрзянское поселение писалось «мордовским арземасовым городищем».

Время не сохранило для нас документа с точной датой основания русского города Арзамаса, но в начале XVIII века записана местная легенда о том, как это произошло.

... Когда Батый шел на русскую землю, мордва бежала в дремучие леса. В числе таких беглецов был и некто Тешь, поселившийся там, где после появилось мордовское селище Втарес — позднее село Вторусское Арзамасского уезда. Однажды Тешь с сыновьями, увлеченный охотой, оказался на месте, где со временем суждено было подняться городу Арзамасу. Охотники устали, нажарили дичи, наелись и легли спать на круче горы. Во сне увидели они, где кому должно поселиться.

Место открывалось красивое. Правый высокий горный берег, внизу — голубая лента реки, за рекой обширные луга и синь недалежных лесов... Тешь осел на горе, протекавшую внизу речку назвал Тешею. Сын Шамайко поставил свое жилище близ маленькой луговой речки, которая впадала в Тешу с востока. Он назвал ее Шамкой. Второй сын Теша — Михалко облюбовал себе селитбенное место на север от отца — на протоке Михалевом. Третий сын — Якшейка поставил двор близ старшего брата на овражной речке Сороке, что бежала с востока на запад и также впадала в Тешу. Последний сын Теша — Кусилко обжился южнее Якшейко, на горе, что после стала называться Киселевой.

Разрастался род Теша... Мордву обнаружили ханские слуги, заставили платить не только дань, но и участвовать в разбоях на русских землях.

... Существует предание, что на пути следования к Казани Иван Грозный поставил свой шатер на том высоком месте правобережья Теши, где после появилось село Ивановское, названное в честь царя. Там же была заложена церковь во имя Иоанна Богослова.

Арзамасский историк Н. М. Щегольков говорил по этому поводу: «Предание о том, что царский стан расположен был на месте, где ныне село Ивановское можно считать вероятным и даже несомненным: из сведений видно, что царское войско шло с юга на север по берегу речки Акши, впадающей в Тешу против самого села Ивановского, расположенного на горе, с которой открывается прекрасный вид на всю окрестность. Невольно представляется воображению — царский шатер, стоящий на самом возвышенном месте, вокруг него палатки воевод царских, а кругом по берегам Теши и Акши огромный воинский стан... ржанье коней и гул человеческих голосов... чудная теплая июльская ночь, а всего в версте на север мордовское сельбище, жители которого с трепетом ожидают — что-то скажет наступающий день...»

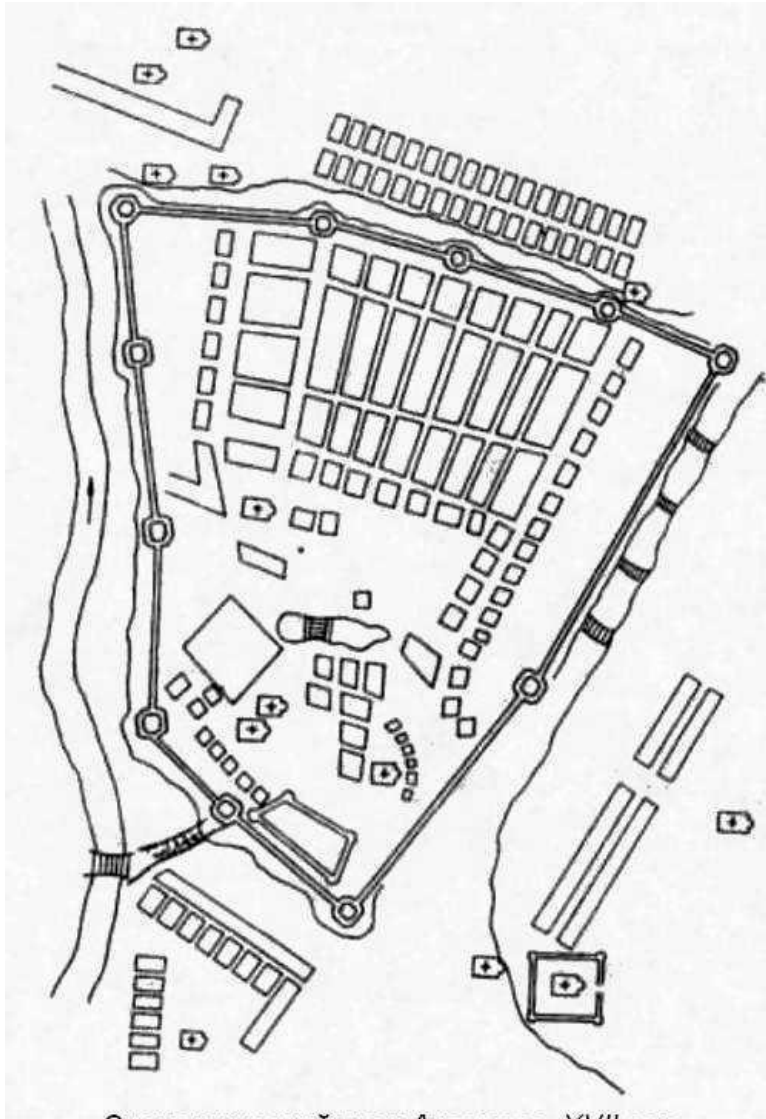

Иван Грозный в Арзамасе.

Все правильно: менее всего царь хотел сразу вламываться в мордовское поселение... На другой день началась переправа войска и обоза на другой, восточный берег Теши — хватило времени у царя и его близкого окружения свидеться с мордвой. А свидеться надо было. Еще в Москве, надо полагать, решили поставить в эрзянском краю крепость для охраны Нижнего Новгорода и Мурома.

Далее предание повествует: царь спросил, чего хочет мордва. Эрзяне просили, чтобы местность закрепить за ними и их потомством. Чтобы в селении стали жить русские торговцы. И, наконец, чтобы татары, осевшие по течению Теши, покинули мордовские пределы.

Грозный дал слово, что исполнит просьбы, и объявил эрзянам свою волю о постройке крепости. Мордовские старшины Арзай и Масай приняли предложение. На другой день состоялся совет русских и мордвы: определили место для крепости. В присутствии царя совершено молебствие с освящением и кроплением святой водой, тут же начали расчистку леса, копание рва и основание острога.

Схематический план Арзамаса. XVII век.

Царь предложил язычникам принять православную веру. Ответа не услышал. Тогда Иван Васильевич объявил, кто первым пожелает креститься, именем того и будет назван новый город. Выступили из толпы те же Арзай и Масай, и вот производным от их имен и сложилось название города Арзамаса. Первенцы православия в святом крещении получили новые имена: Арзай назван Александром, а Масай Михаилом. Вскоре и остальная мордва последовала за своими старшинами. Из уважения к эрзянам царь взял новый город в свою вотчину, а сельскую мордву записал в дворцовые крестьяне — оградил их от произвола помещиков.

Внутри новой крепости заложили русские воины церковь во имя архистратига Михаила на месте нынешнего собора, и новому храму дарована икона Воскресения Христова прекрасного старинного письма...

Так вот и начался, согласно преданию, новый русский город Арзамас. Начально называли и писали его по-разному: Эрзямас, Рзамас, Эрземас, Орземас. Время установило окончательное: Арзамас.

Уже в наше время название Арзамаса привлекло внимание краеведов, историков, ученых.

В 1911 году Н. М. Щегольков писал: «Наименование Арзамаса знатоки

мордовского языка объясняют... говорят, что Арза или Эрзя есть собственное имя мордовского племени Эрзян, а Мас на мордовском языке значит добрый, хороший народ или же местность, занятая Арзамасом, или самое поселение есть лучшее на земле Эрзян».

Доктор филологических наук А. И. Попов в 1968 году обосновывал: «Название происходит, по-видимому, от мордовского личного имени Арземас или Орземас, которое неоднократно встречается в писцовых книгах и других источниках истории Среднего Поволжья, особенно в XVII веке. Среди мордвы того времени бытовало много подобных имен: Инемас, Вячкомас, Полдомас и т. п. Можно предположить, что город был назван по имени владельца или первого поселенца. Использование собственных имен в названиях населенных пунктов — вообще явление нередкое. В той же Мордовии, например, есть села Полдомасово, Арземасово и другие. Собственное имя Арзамас имеет в основе эрзянское арсемс, мокшанское арьсемс: думать, желать, пожелать, и, следовательно, может быть переведено на русский язык как желанный. С племенным именем Эрзя оно не имеет ничего общего».

Итак, точных сведений о дате возникновения Арзамаса пока не найдено. Не упоминается о закладке Арзамасской крепости и в «Царственной книге», что повествует о походе Ивана Грозного на Казань.

Большая Советская энциклопедия 1980 года издания отнесла появление Арзамаса к 1578 году.

Обнаружен, однако, документ от 16 марта 1562 года — жалованная грамота Е. Д. Бахметеву. В ней оный Бахметев жаловал «... в Орзамасе волостью Собакиною». Тут дано знать не только о существовании волости, как таковой, но и пишется «Орзамас». Эта грамота не подлинная, она дошла до нашего времени в копии XVII века и потому подвергается сомнению, возможно и необоснованному.

В 1556 году основан Спасский мужской монастырь в Арзамасе, как повествует «История Русской церкви» митрополита московского Макария. В средневековой Руси основание города всегда начиналось с закладки храма, а вскоре появлялся и мужской монастырь.

*Соборный храм Преображения Господня
в Арзамасском Спасском монастыре. 1638–1643 г.г.*

1572 год.

Духовная грамота Ивана Грозного:

«Да сына ж своего., благословляю великим княжеством нижегородским, даю ему Нижний Новгород с волостьми и путями, и селы и со всеми пошлинами, и с мордвами и черемисами... Да город Арзамас с мордвами и черемисами и со всем тем, как было при мне».

Эта духовная грамота поначалу определена учеными под 1572–1578 годами. В другой, современной публикации, сей документ подан под июнем-августом 1572 года. К этой духовной невольно прикладывается вопрос: если царь диктует «как было при мне», то понятно же, что имеется в виду время более раннее, чем 1572 год.

И еще один документ.

1574 год, 12 декабря. Иван Грозный дает грамоту вдове Марье Абрамовой: «... в Арзамасский уезд в Ыржинский стан в село Березову усаду в Михайлов жеребей... А Михайла на нашей службе убили немецкие люди».

В 1966 году опубликована «Разрядная книга» 1475–1598 годов. Из нее узнаем, что «Того ж 84 (1576) году, месяца мая послал царь и Великий князь Иван Васильевич всея Руси бояр... в Арзамас Григорей Бобров Шетнев». И далее в 1577 году — Иван Хохлов. В 1578 году — Степан Волынский. В 1579 году двое воевод: Добыча Лачинов и Василий Левашов. В 1583 году князь Солнцев-Засекин и т. д.

Итак, вначале явлена территория — 1562 год, затем в 1572 году уже город Арзамас, а затем и Арзамасский уезд со станами...

Упомянутое здесь предание записал от старожилых в начале семисотых годов купец Шлейников. В конце XVIII века торговый человек Мерлушкин — грамотный, читающий, дополнил его опять же рассказами старожилых и составил уже сводное повествование о начальной истории города Арзамаса. Серьезность намерений Мерлушкина объясняет уже то, что он пользовался сочинением князя Хилкова «Ядро Российской Империи». Позже рукописью краеведа воспользовался известный этнограф Александр Терещенко, который опубликовал в середине прошлого века в журнале «Москвитянин» свои «Заметки об Арзамасе».

Рукописью Мерлушкина пользовался также историк города Н. М. Щегольков.

Отдельные краеведы советского периода истории комментировали опубликованное Н. М. Щегольковым как измышления церковников, как материал малоправдоподобный, не заслуживающий доверия.

Да, отдельные штрихи предания и вызывают сомнения, но в целом-то не являются досужими измышлениями церковников.

... Мордва знает, что их землями идет русский царь воевать Казань. Эрзяне, как и русские, тяжело пережили татарское иго, они понимают, что Иван Грозный снимет и с них оковы рабства и что мордвы, как и другим народам Поволжья, отныне навсегда вязать свою судьбу с судьбой России. Нет, не лишними были мордовские дары русским. Кстати, подношения даров, а это знак не только поклонения, но и уважения, — извечная форма начала дружбы между народами — что в этом церковного?

Далее. Эрзяне просят, чтобы к ним пришли торговые люди. Материальная культура русских, конечно же, была выше мордовской, разнообразие товаров соседей всегда желанно — что в этом осудительного, церковного?

Мордва просит, чтобы царь выслал татар с захваченных ими эрзянских и мокшанских земель. Царь внял, исполнил и эту вполне законную просьбу — какая тут церковность?

Освящение закладки крепости, храма — русские частенько ставили обыденные церкви, построенные до захода солнца, крещение эрзянских старшин, наречение их православными именами — и это все согласуется с обычаями того времени.

Было бы странно, если бы народная память о возникновении Арзамаса лишила подлинное событие замеченной «церковности». Вот тогда она действительно вызвала бы сомнения в правдивости предания у каждого вдумчивого любителя истории.

С высоты птичьего полета Арзамас смотрелся густозаселенным треугольником земли, резко очерченным поясом крепости.

Город, поставленный на стыке нескольких важнейших русских трактов быстро рос, скоро перешагнул свои крепостные грани.

Вокруг крепости одна за другой возникают слободки. За острием южной части крепостного треугольника, сразу за Кузнечной башней с утра и до ночи звенела железом Кузнечная слобода. За нею, за оврагом, рядом со Спасским монастырем появилась слободка Ореховская. Далее, на восток — Ильинская, за Спасским монастырем под горой близ речки луговой Шамки вольно раскинулась Кожевенная

слобода, еще далее на юг, за селом Ивановским, уже за Тешею объявилась велением Москвы Ямская слобода. Ну, а за западной стеной крепости разрасталась Оброчная слобода, за Тешею, за луговым простором царь поселил пятьсот казаков для охраны новоявленной крепости. Рядышком с этой, Выездной слободой, поселены были мастера огневого боя — пушкари.

... Первые шестьдесят лет Арзамас жил тихо и безмятежно.

Смута... Польско-шведская интервенция...

«Она принесла глубокие потрясения и разорение стране. Ценой больших жертв, невероятных страданий русский народ отбросил интервентов. Захватчики надеялись на внутренние потрясения в России, на то, что крестьянская война ослабит ее. Между тем борьба народа развернулась в освободительную войну, направленную против интервентов и их пособников — русских феодалов».

Иван Грозный только перенес очередной припадок застарелой болезни, в облегчении, в добром настрое захотел сыграть в шашки. Тут-то и настигла царя коварная смерть. Уже полумертвого Ивана постригли в монахи с именем Иоанна...

Это произошло 18 марта 1584 года.

Вот с этого времени и до 1613 года сущим наказанием для России и явилось Смутное время.

На трон взошел сын Грозного — Федор Иванович, который, по признанию родителя, не мог управлять делами огромного государства. О нем говорили: полумонах, «избывающий мирскую доуку».

У Грозного рос еще сын, малолетний Дмитрий. Однако ему выпала трагическая судьба.

При Федоре Ивановиче фактически правил страной боярин Борис Годунов. Умный, деятельный, с симпатиями к Западу Годунов удалил Марию Нагую, последнюю жену Грозного, с ее сыном Дмитрием в город Углич. Там 15 мая 1591 года девятилетнего царевича или зарезали, или он нечаянно зарезался сам во время игры со сверстниками — подлинная причина гибели царевича неясна и до сих пор.

Смерть малолетнего Дмитрия Ивановича расколола бояр на два лагеря. Сторонники Нагих обвинили Годунова в преднамеренном убийстве царского сына и подняли восстание в Ярославле. Тут в Москве случился страшный пожар, и приспешники Годуновых объявили Нагих в умышленном поджоге первопрестольной. Начались страшные расправы...

В 1598 году умер бездетный Федор Иванович. Так пресеклась династия Рюриковичей, которые создали единую Россию. Царство на какое-то время оказалось «ничьим», народ впал в смятение, началось искание царя, венец и скипетр лежали на троне праздно...

Созванный из людей всех сословий Земский собор 1598 года избрал на царство Бориса Годунова, которого в ту пору поддерживал патриарх Иов.

Не повезло Годунову уже в начале царствования.

В 1601 году все лето без остановки лили дожди — поистине разверзлись хляби небесные, а затем ударили ранние морозы, пали снега, погиб урожай. На следующий год весной всходы погубили сильные холода. А в 1603 году сделала свое черное дело засуха. Страшный голод и мор начался в России. Только в Москве за два года и четыре месяца схоронили в скудельницах — убогих домах, более ста

тысяч человек. В четырех церковных оградах Кремля ежедневно оделяли каждого голодающего денежкой на хлеб, но и это благодеяние не помогло: толпы исстрадавшихся все увеличивались, а цены на зерно дико взлетали вверх. Не помогали и грозные указы прекратить скачки цен.

... В конце 1604 года ярко засияла на небе необычная комета. В Нижегородском крае, как рассказывали, она виделась даже днем. Люди со страхом взирали на редкое явление, сочли это «знамением свыше» и не ошиблись: «шатость», смута протянулась еще на девять долгих лет.

Смута созревала исподволь в недрах народа и власть имущих.

Четверть века Иван Грозный безуспешно вел изнурительную Ливонскую войну за выход России к Балтийскому морю. Здесь русские встретили яростное сопротивление поляков, Литвы и Швеции. А еще страну ослабила опричина — беспощадная борьба царя против боярской крамолы. Борьба эта часто принимала разбойный характер, от нее пострадали не только знатные роды, но и целые города.

Вот в это тяжелое для России время и объявился Лжедмитрий I, заявивший, что он царский сын, Дмитрий Иванович, хотя на самом-то деле происходил из мелкопоместных дворян, в последнее время монашествовал.

Весть о якобы чудесно спасшемся Дмитрие Ивановиче быстро разнеслась по стране, будоражила всех. Всполошились московские власти, Борис Годунов.

Несмотря на то, что Москва довела до сведения Польши, кто таков самозванец родом и каковы его незаконные притязания, отдельные магнаты Речи Посполитой решили погреть руки на смуте соседей, хотя до этого король и заключил с Россией перемирие на двадцать лет. Князя Вишневецкие, Мнишек, мечтая о чужом богатстве, сделали-таки ставку на расстригу. Дошло до того, что Отрепьева принял король Сигизмунд, а 22 мая 1604 года папа Римский Климент VIII отправил «любезному сыну и благородному сеньору» грамоту, в коей благословил самозванца на подвиги во имя католической веры. Папа надеялся: «Мы не сомневаемся, что так как ты хочешь иметь сыновей от этой превосходнейшей женщины, рожденной и свято воспитанной в благочестивом католическом доме, то хочешь также привести в лоно римской церкви и народ московский...»

Авантюрист, тайно принявший католичество, пообещал, что дочь Юрия Мнишека — Марина, станет русской царицей. Согласно сделке. Григорий Отрепьев заверил, что после того, как взойдет на престол, он выплатит тестю миллион польских золотых, оплатит все его долги и приезд в Москву. Невесте обещаны Новгородские и Псковские земли... Брачный контракт, данный Дмитрием под присягой, заканчивался словами, заверением: «... присягаю на том на всем при святом чину, при попех, что мне все по сей записи сдержати крепко, и всех русских людей в веру латынскую привести».

Вокруг авантюриста собрались алчные наемники и в августе 1604 года Лжедмитрий вышел из Польши в Россию. Борис Годунов собрал большое войско против самозванца, и, хотя бояре и воеводы понимали, что имеют дело с преступником, будучи в оппозиции к царю, они действовали вяло, нерешительно. В апреле 1605 года Борис Годунов внезапно умер, и многие из московского войска предали Лжедмитрию, к нему пришли днепровские и донские казаки, что искали наживы и особой для себя воли. На сторону «природного», «хорошего» царя бежали изнуренные голодом, напуганные страшными пророчествами простые люди в чаянии «тишины» и сносной жизни. Щедрый на посулы, «Дмитрий Иванович» обещал все блага, вот только ему царство заполучить.

Так легко обманули наивную доверчивость русских людей!

Москвичи, всегда причастные и к тому, что творилось в Кремле, потеряли покой.

Боярин Бельский, бывший воспитатель царевича Дмитрия, кричал с Лобного места, что идущий к первопрестольной Дмитрий Иванович — подлинный сын Грозного.

20 июня 1605 года «царский поезд» вошел в Москву, и Марию Нагую — мать подлинного царевича — принудили признать в самозванце своего сына. Так москвичи доверчиво и приняли авантюриста.

«Яко комар льва не дошед порази», — так выразился умный современник событий тех дней.

После смерти Бориса Годунова на престол вступил его сын Федор Борисович. Юноше не удалось унять страсти боярства, возле него не оказалось преданных сторонников. Посланные против небольшого войска самозванца — до четырех тысяч поляков и казаков, стрельцы окольного Басманова и князя Голицына перешли в стан врага. После этого дни юного царя были сочтены. Федора и его мать бесцеремонно убили те, кто предался самозванцу.

...Новый царь начал управлять решительно. Объявил себя императором, собирался собрать союз европейских государств и идти войной против Турции.

Скоро, очень скоро Лжедмитрий насторожил москвичей тем, что дал много воли полякам, а сам не соблюдал православных и народных предписаний, обычаев. Англичанин Джером Горсей, наблюдавший тогда жизнь Москвы, писал: «Поляки — высокомерная нация, заносчивая в счастье — стали проявлять свою власть над русским боярством, вмешивались в православную религию, нарушали законы, мучили, угнетали, грабили, опустошали сокровища».

Назревал массовый протест против засилья иностранцев.

8 мая 1606 года состоялась свадьба самозванца с Мариной.

В кремлевском соборе шел свадебный обряд... В положенное время Лжедмитрий и Марина не выказали желания причаститься Святых Тайн из рук патриарха. Неслыханно! Лжецарь кощунственно обманывал православных, принимая их таинства и святыни, а лжецарица открыто осталась полькой и католичкой. По окончании литургии протопоп Федор совершил венчание, за которым сосуд, из которого молодым дали испить вина, был брошен на пол и растоптан.

«В средневековье, — пишет современный историк, — власть светская в лице церкви имела сильного ограничителя своего произвола, и именно наличие двух властей делало Московскую Русь крепким государственным и духовным организмом. Царь не мог безбоязненно переступить определенную черту, за которой народ, находившийся всегда рядом, воспринимал бы его как безбожного деспота. Именно таким нарушителем оказался Лжедмитрий I, и его конец известен всем. Это он поразил москвичей тем, что не соблюдал постов и даже свадьбу решил устроить в постный день».

... Множество поляков вольготно жировало в Москве. Их более чем щедро одарили жалованьем за многие месяцы и они окончательно обнаглели. Спесиво вели себя и многие казаки, посадившие на престол Лжедмитрия. Бояре и народ потребовали удаления казаков из Москвы.

Скоро кончилось терпение москвичей. Все громче раздавались голоса о том, что царь — беглый монах Чудова монастыря. Открытый протест высказал дьяк Тимофей Осипов. Он несколько дней постился и молился, причастился Святых Тайн, а потом, как случай выпал, при боярах и других служилых людях бросил в лицо самозванцу: «Ты воистину Гришка Отрепьев — расстрига, а не царь. Не царев ты сын Дмитрий, но греху раб!»

За предрезостные слова патриота лишили жизни.

Возмутила русских и страсть к распутству Лжедмитрия. После убийства жены

Бориса Годунова и царевича Федора, самозванец принудил к сожигательству дочь Годунова Ксению, в кремлевских покоях стали дневать и ночевать приходящие распутные женщины.

Еще не знала Россия такого надругательства над собой.

На лжи, как давным-давно известно, далеко не уедешь. Почти год провел в стране ставленник польской шляхты. В ночь на 17 мая 1606 года бояре во главе с Василием Шуйским набатом подняли народ. Москвичи ворвались в Кремль, убили Лжедмитрия, труп сожгли, а пепел смешали с порохом и пальнули из пушки в ту сторону, откуда самозванец пришел...

После этого в города направили оповещение: «... Праведным судом Божиим за грехи всего крестьянства (т. е. всех православных) богоотступник, еретик и чернокнижник, беглый монах Гришка Отрепьев, назвавшись царевичем Дмитрием Угличским, прельстил московских людей, был на московском престоле и хотел попятить христианскую веру и учинить латинскую люторскую (лютеранскую). Но Бог объявил людям его воровство (государственное преступление) и он кончил жизнь свою злым способом».

Боярство, что устроило заговор против Лжедмитрия I, избрало на царство Василия Шуйского.

О нем говорили: «Самохотно наскочивше бесстудне от боярска чина на царство».

Этому незадачливому царю не удалось вывести государство из смуты, напротив, она усилилась.

Не доверял царю и простой народ. Шуйский не раз менял свои показания о судьбе царевича Дмитрия. При Годунове он говорил, что сын Грозного убит, а когда самозванец захватил трон — уверял, что царевич спасен. После, когда свергли лжецаря, объявил того вором и расстригой.

Распри опять же начались в среде боярства. Шуйского поддерживали родовитые бояре, а служилые при дворе дворяне сплотились вокруг Филарета Никитича Романова.

Голодные 1601–1603 годы вынудили владельцев рабов распустить огромную дворню. С голоду толпы шатающихся людей принялись за грабеж и воровство. До двух десятков тысяч их сбежало к западным границам России, в те места, откуда началось восстание против Шуйского. К гольтыбе присоединились и вчерашние крестьяне, городские посадские, на кого ложилось бремя тяжелых, все возрастающих налогов.

Во главе восставших объявился холопский воевода Иван Болотников. К нему, что побывал в татарской и турецкой неволе, сбежал оттуда в Венецию, пожил в Польше, стала сходиться всякая бездомная вольница, тульские, рязанские дворяне.

Захват Москвы, обретение опять же «доброго царя» — вот нехитрая цель восставших.

Из Путивля и Комарицкой волости двинулись болотниковцы к Москве. Одолели царское войско, путь к столице помог открыть Истома Пашков, разбивший под Ельцом другой отряд Шуйского. Царское войско далее потерпело поражение под Калугой... В октябре началась осада Москвы.

Восстание охватило более 70 городов и уездов.

Пестрое, многочисленное войско Ивана Болотникова подступило к Москве, но тут дворянские отряды Прокопия Ляпунова и Истома Пашкова перешли на сторону царских войск. Не помогло восставшим и соединение с другим большим отрядом

самозванца «царевича Петра» — казака Илейки-Муромца. 2 декабря 1606 года царские войска нанесли тяжелый удар болотниковцам. Последние отошли от Москвы вначале к Калуге, а потом засели за крепостными стенами Тулы. Четыре месяца армия во главе с Василием Шуйским осаждала Тулу — безуспешно. Пошли на хитрость: построили плотину, вода стала заливать город. Защитники крепости страшно голодовали, и 10 октября 1607 года «черный люд» сдался после того, как царь поклялся, что не будет жестоких расправ со сдавшимися в плен. Но и в этот раз Шуйский нарушил обещание, сурово расправился с мятежниками. «Царевича Петра» казнили в Москве, Ивана Болотникова отправили в ссылку в северный Каргополь, там ослепили, а затем «посадили в воду» — утопили вождя восставших.

Кто такой он был, Лжедмитрий II?

Скоро о нем дознались московские власти, тут же имя искателя русского трона появилось и в официальных бумагах зарубежья.

Оказал себя в Польше. Но поначалу там проявили осторожность, отстранились от авантюриста, еще хорошо помнили судьбу первого своего выдвигенца.

Простой учитель в церковной школе на могилевщине... С первым Лжедмитрием сходство имел лишь в небольшом росте. Но если первый ходил с «босым» лицом — без бороды, то второй носил плотную черную. И был лишен бородавок на физиономии, а их москвичи хорошо запомнили. Знать, поэтому «шкловский выходец» и «стародубский вор» не торопился в русскую столицу.

Правой рукой самозванца стал казачий атаман Иван Заруцкий, помогал ему стародубец, боярский сын Гаврила Веревкин.

Любители легкой наживы — казаки, остатки болотниковцев и разные неприкаянные «гулящие люди» — стали начальной военной силой «второго живого Дмитрия Ивановича». Многие из прежних служилых дворян уверовали, что царь опять же чудесным образом спасся, что в московском кремле убили кого-то другого. Очень уж хотел измученный народ своего «законного» государя, чтобы тот твердой рукой попривал алчных и продажных бояр да навел наконец-то должный порядок на родной земле.

Опять обманулись, легковверные! И дорого после расплачивались и за эту свою доверчивость.

Первым присягнул на верность «государю» город Стародуб.

Война против второго пришельца из Польши велась лениво, часть бояр не только ждала самозванца, но и готовила падение царя Василия Шуйского.

Город за городом брал «царик». Вскоре Лжедмитрий II осел в семнадцати верстах от Москвы в Тушине и решил взять столицу измором. Теперь те, кто окончательно раскусил авантюриста, стали называть его «тушинским вором», «таборским царьком».

Тушино превратилось в большой военный лагерь.

Близкие к «вору», в том числе и русские, скоро пригляделись к самозванцу и после оставили о нем свои свидетельства. И в наше время историки, публицисты все еще проявляют интерес к «шкловскому выходцу». Один из них пишет: «У Лжедмитрия II была цель не только честолюбивая. Русский престол ему нужен был для целей более далеких. Как считают некоторые историки, Лжедмитрий II, не расстававшийся с „Талмудом“, раввинскими книгами, рассчитывал повернуть Россию против турок, отобрать у них Палестину, создать там собственное государство».

Южные области России разорены, тушинцы рвутся в замосковные и поморские

богатые города. Они захватывают Дмитров, Суздаль, Владимир, Ростов, Ярославль, Кострому, Вологду, а в сентябре 1608 года польские отряды Яна Сапеги и полковника Лисовского пошли на приступ русской святыни — Троице-Сергиева монастыря.

Шуйский заступил ляхам дорогу, но его войско и тут потерпело поражение. Тридцать тысяч поляков пытались одолеть тысячу пятьсот защитников обители — монахи выдержали двухлетнюю осаду. В январе 1610 года подошедшие к монастырю русские воины из северных городов отогнали захватчиков. Поражение поляков показало, что народ наш оставался крепок своей религиозной целостью, что только единение приведет к изгону иноземных захватчиков.

Авраамий Палицин, келарь Троице-Сергиевой лавры, писал о беде, что пала на московское царство, как вели себя поляки, считающие себя цивилизованными христианами: «Церкви и священные предметы подвергались поруганию: в церквях затворяли коней и в алтарях кормили псов. Одних иноков и священников убивали после всяческих мучений, других же заставляли варить вино и пиво, готовить кормы людские и конские, пасти стада, носить воду и дрова, „порты скверные“ для них мыть и, ругаясь над ними, заставляли песни срамные петь, скакать и плясать, а непокоряющихся предавали смерти».

Падение нравов, гражданского чувства — все это наличествовало и в Москве. Царем играли как «детисцем». Случалось, что бояре и служилые люди «целовали крест царю Шуйскому», а потом ехали в тушинский стан и там эти «перелеты» за подачки и обещания целовали крест уже «вору».

Разбои и насилие повсеместно стали обычным делом, отчая земля стоном стонала от грабежей, позора и обнищания.

Но в это же время росло и набирало силу здоровое земское движение против тушинцев. Его возглавили люди северных и приволжских городов.

... Если первый претендент на русский престол царствовал одиннадцать месяцев, то Лжедмитрий II осаждал Москву двадцать один месяц, но так и не вошел в нее. Извечно не складывается судьба всякого рода авантюристов, особенно у тех, кто хочет запросто заполучить «безтрудное богатство». Добро, в конечном итоге, всегда одерживает верх над злом.

Марина Мнишек, что восемь дней ходила русской царицей, после бесславной смерти «Дмитрия Ивановича» согласилась стать женой нового Лжедмитрия II в затаенной надежде на возвращение своего прежнего высокого положения.

«Царик» увидел выгоду такого союза: его же признает бывшая «супруга», а с нею признает и католическая церковь! На радостях «тушинский вор» пожаловал Мнишек четырнадцать русских городов с ближними к ним землями, пообещал 300 тысяч золотых рублей, как вступит он на «отцовский престол».

Успехи решительного царского воеводы Михаила Скопина-Шуйского в мае 1609 года в боях против тушинцев, его победный поход к Москве сквозь кольцо врагов, отступление поляков от стен Троице-Сергиева монастыря, а затем открытое вторжение в Россию коронных войск Польши, осада Смоленска — все это предопределило развал «тушинского стана» и гибель «вторжливому самозванца». К 1610 году «царик» стал ненужной помехой полякам, они задумали его, постоянно пьянствующего, не оправдавшего возлагаемых надежд, убрать. Лжедмитрий II почувствовал сгустившиеся над его головой тучи и с верными сторонниками, обманув польскую стражу, сбежал из Тушина в Калугу. А «Маринка» осталась в лагере. Брошенная полячка попыталась сама отстоять свой призрачный трон. Как писал ее дворецкий, панна действовала известным нехитрым способом: «распутно проводила ночи с солдатами в их палатках, забыв стыд и добродетель».

11 декабря 1610 года... «Тушинский вор» после очередной попойки по обыкновению поехал на прогулку за черту Калуги. Его охраняли два десятка

конных татар, двое слуг и придворный шут. Вдруг начальник охраны князь Петр Урусов подскакал к санкам и пальнул в «царька» из мушкета. И тут же для верности отрубили ему голову. Царские охранники из татар поспешно скрылись... «Маринка» скоро утешилась — связала свою судьбу с атаманом Иваном Заруцким, сбежала с ним в южное Поволжье вместе с «воренком» — сыном полячки.

Тяжело приходили в себя и на этот раз обольщенные залетными краснопевцами и продажными боярами россияне.

Смутное время привело в «шатость» и коренные народы Поволжья.

Еще со времен Ивана Грозного мордвы, татарам и марийцам, особенно тем, кто из них принял православие, дали значительные льготы во всем и преимущества против русских. Поволжские народы отдохнули за пятьдесят лет от жестокого татарского порабощения, мирно занимались своим трудом. Но голод начала XVII века, а с ним и расстройство ремесел, торговли, возросшие нужды на содержание армии понудили московское правительство разверстать налоги и на инородцев, которые, признаться, жили куда лучше русских. Продолжающееся в стране закрепощение крестьян, отмена «заповедных лет», грозные указы о сыске беглых — все это толкало русскую и инородческую бедноту к противлению.

Боярские распри в Москве разделили народ на сторонников Василия Шуйского и его противников. Одни города присягали Москве, другие Лжедмитрию II.

... Арзамасцы доверились Лжедмитрию I. Они еще не успели опомниться от страшной вести, что «природный государь» оказался самозванцем, как набежала на город весть: царь жив и снова борется за прародительский престол. Арзамасцы — достоверной информации у них не было, как и многие города, признали и второго искателя московского трона.

Главными очагами народных выступлений в Среднем Поволжье стали Арзамас, Алатырь, Муромский, Курмышский, Чебоксарский и Свияжский уезды. Начальню в 1607 году разрозненные отряды инородцев вместе с русской голытьбой выражали свой протест грабежами и разбоями и только позже втянулись в борьбу те, кто хотел мизвести царя Василия Шуйского.

В выступлении, скажем, мордвы «Новый летописец» сообщал: «В те же времена собравшаяся мордва и бортники, и боярские холопы, и крестьяне пришли под Нижний Новгород, осадили. У них же старейшин два мордвина: Москов да Воркадин, и стояли под Нижним и многие пакости граду делали».

Более подробно об этом в летописи «Карамзинский хронограф». В нем историк Баим Болтин писал: «Того же 115 (1606) году от царя Василия посланы воеводы Григорий Григорьевич Пушкин Сулемша да Сергей Григорьев сын Ододуров, а с ними ратные люди володимерцы, суздальцы, муромцы, а велено им идти на Орзамас и на Олатырь, что те города и с уездами были в измене, от царя Василия отложились... А Нижний Новгород стоял за царя Василия, от воров, от русских людей был в осаде. А стояли под Нижним русские люди, и бортники, и мордва, а с ними были за воеводы место Иван Борисов Доможиров, нижегородец, да с ним выбраны два мордвина: Варгадин да Москов. И как они уведали, что царя Василия московские люди идут на орзамасские и олатырские места, из-под Нижнева воры разбежались». Разбежались еще и потому, что к Нижнему на выручку спешил крупный отряд воеводы боярина Шереметева, что возвращался после усмирения мятежа в Астрахани и Чебоксарах.

Недолго стоял в «измене» и Арзамас. В январе 1607 года «князь Иван Михайлович Воротынский град Арзамас взял».

Царские войска пошли приводить «под высокую царскую руку» и другие города Среднего Поволжья. К ним присоединяются и нижегородцы. В декабре 1608 года

они «всем городом» приговорили воеводе Алябьеву идти на «воров». Воевода с помощью стрельцов Шереметева выбил «тушинцев» из Балахны, Ворсмы, Павлова. В январе следующего года Алябьев нанес поражение тушинскому воеводе князю Вяземскому, причем сам Вяземский попал в плен. Его повесили, как и подручных князя.

Повсеместные победы Скопина-Шуйского на севере, Шереметева, Алябьева во владимирских и иных местах почти избавили Россию от «тушинского вора». Но тут навалилось новое бедствие — вторжение поляков под стягами короля и шведов на северные русские земли.

После «вразумления» князем Иваном Михайловичем Воротыньским отложившихся, было, арзамасцев в городе собрали и вооружили отряд на борьбу с поляками и теми, кто служил второму самозванцу.

Ратная дорога привела триста арзамасцев — детей боярских и дворянских — к городу Зарайску под Москвой.

Отряды «тушинского вора» шли на Москву... Царь Василий Шуйский послал ратных людей во главе с тридцатилетним Дмитрием Михайловичем Пожарским противостоять врагу. Поляков разбили у села Высотского. Но тут тяжело стало русским у Зарайска.

Возле Зарайска и произошло сражение добровольных дружин рязанцев и арзамасцев под началом воеводы Хованского. Неравный бой произошел 30 марта 1608 года. Полковник Лисовский разбил немногочисленный отряд русских.

Столяровская летопись об этом рассказывает: «В Переяславле Резанском (ныне Рязань) были воеводы князь Иван Андреевич Хованский да думный дворянин Прокопий Петров сын Ляпунов, а с ними были резанцы всех станов, да с одним князем И. А. Хованским было арзамасцев дворян и детей боярских по списку лучших людей 250 человек... резанцы и арзамасцы пошли под город под Заразской. А в городе в Заразском сидел полковник Алесандр Лисовский и с ним литовские ратные люди, и черкасы (казаки), и русские всякие воры. И как Московские люди пришли под город Заразской, на поле, и Лисовский со всеми людьми из города вышел на бой, и с резанцы и с арзамасцы был у него бой, и резанцев и арзамасцев побил и много живых поймал».

Никоновская летопись добавляет: «... единых Арзамасцев убиша на том бою триста человек: трупы же их Лисовский повеле похоронити в одно место, в яму, и содела ту над ними для своей славы курган великий: той курган стоит и доньше...»

... Полковник Лисовский еще немало поразбойничал на русской земле. С Сапегой — польским войском, он безуспешно стоял под стенами Троице-Сергиева монастыря, бывал в Кинешме, известном ремесленно селе Дунилове и, как пишет историк, «много-много еще где: пролил много русской крови, еще более заставил пролить слез, но славы не нашел, а высокий курган его сделался памятником убитых им арзамасцев и рязанцев».

После, как успокоилась русская земля, царь Михаил Федорович повелел поставить близ кургана храм Благовещения для поминовения лежащих под курганом. В храме хранилась старинного письма икона Благовещения. Как гласила надпись на ней, это копия с чудотворной Арзамасской, с которой, по преданию, были в походе убиенные арзамасцы. О подлиннике ничего не известно.

Долгое время арзамасцы ежегодно отправлялись в Зарайск и вместе с горожанами служили в храме панихиды по павшим героям. Потом они как-то призабыли о славных деяниях своих предков.

Но не забывали о своих давних заступниках зарайцы.

25 марта 1880 года они установили на кургане памятник с надписью: «Тут покоится триста храбрецов арзамасцев, защитников Зарайска, павших в битве с польским воеводой Лисовским в 1608 году во время междуцарствия».

Местный поэт написал стихи:

*За сей оградой под холмом
Спят арзамасцы вечным сном,
Тому уж триста лет назад,
Как все сказания гласят,
Они с кичливой Польшею в борьбе
Стяжали славу здесь себе,
Исполнив долг святой
За честь страны родной.
Так пусть же слава их
и в нас Любовь к Руси пробудит,
В годину бед их смертный час
Для нас примером будет.*

В конце прошлого века уроженец села Ивановского, что под Арзамасом, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Палладий, посетив Зарайск, будучи еще епископом Рязанским и Зарайским отслужил вместе с городскими священнослужителями панихиду по своим землякам.

В канун 275-летия со дня битвы под Зарайском общественность Арзамаса почтила память героев-земляков. В Воскресенском соборе была отслужена торжественная панихида.

20 апреля 1908 года в городе Зарайске состоялось чествование и поминовение русских воинов, погибших триста лет назад. В многолюдном шествии к холму славы, кроме духовенства, арзамасской депутации, зарайцев, шли с оркестром воины 6-й саперной бригады во главе со своим командиром. Воины специально прибыли на торжества из Москвы. На холме с патриотическими словами выступили протоиерей Арзамаса Ф. И. Владимирский и историк города Н. М. Щегольков. Арзамасцы оставили в Благовещенской церкви Зарайска памятную хоругвь.

В 1962 году в Зарайске установили новый памятник с надписью: «Русским воинам, защитникам города Зарайска, павшим в сражении с польскими захватчиками в 1608 году».

Смутное время долго помнилось в Арзамасе фактом столкновения со смоленцами.

После разгрома армии Болотникова Василий Шуйский заключил в феврале 1609 года договор со Швецией, по которому шведы пополнили царское войско, а русские отдали северному соседу часть отчих земель.

Сигизмунд претендовал на шведский престол и потому союз русских и шведов явился для него неприемлемым. Так вот, в сентябре 1609 года поляки и двинулись на Россию, осадили Смоленск.

Смоленск оказался «крепкостоятельным». Пятьдесят тысяч поляков не могли одолеть 5400 защитников города в течение двадцати месяцев. И только 3 июня 1611 года, когда в крепости осталось всего двести воинов, окончательно разрушив крепостные сооружения, ляхи вошли в город. но непрошенных вояк никто не встречал, ключей панам от русской твердыни никто не преподнес. Часть оставшихся в живых героев взорвала себя в соборной церкви Богородицы. Пораженные патриотизмом, поляки проявили уважение к оставшимся в живых и отпустили их на все четыре стороны.

Вот и пошли смоляне вглубь разоренной России искать пристанища. Дошли до Москвы, но первопрестольная сама жила голодно, да и без смолян наполнилась беженцами из Дорогобужа, Вязьмы и других мест «литовской украины».

Боярский совет направил смоленских дворян в Арзамас «на новые поместья» и дворцовые земли.

Карамзинский, хронограф, рассказывает:

«Того же (1611) году из-под Москвы бояре отпустили смолян — дворян и детей боярских — в Арзамас, и стали все в селе Выездной слободе под градом, и дворцовые мужики не послушали, делить себя не дали, чтобы быть им за ними в поместьях, и стояли многое время, и бои с мужиками были, только мужиков не осилили, помогли мужикам арзамасские стрельцы 300 человек».

Отчего так вышло?

Вспомним, что Выездная слобода поселена Иваном Грозным казаками для охраны города. Позже приписано село к числу дворцовых — большого гнета, произвола помещика оно не испытывало. Рядом с Выездной обжилась Пушкарская слобода — пушкарки защищали Арзамасскую крепость... И вот являются смоляне, дорогобужане, вязьмичи с претензией на те небольшие земли, что принадлежали Выездной. Выходило, что надо потесниться в запашке и пушкарям. Все это и вызвало взрыв неприятия незваных гостей. И понятно почему открыто встали стрельцы города на защиту выездновцев — они тоже теряли, скажем, сенные покосы по берегу Теши...

На первых порах ослабевшая власть Москвы не могла силой поддержать свое решение — послать войско для усмирения непокорствующих, смоляне и иже с ними ушли в Нижний Новгород, влились там в земское ополчение против поляков.

Но вот кончилось лихолетье на русской земле, избран был царь, укрепилась власть, и та же Выездная слобода с ее вольным, еще казацким духом пожалована в 1635 году в вотчину боярину Борису Михайловичу Салтыкову за то, «что он против королевича Владислава, польских, литовских, немецких людей и черкас стоял крепко на боях и на приступах бился, не щадя головы своей, и никакие королевичевы прелести не прельстили его, многую свою службу и правду Московскому Государству показал, а будучи в осаде во всем оскудение и нужду терпел...» Упустили на сей раз свою волю выездновцы...

А памятником пребывания смолян и до сих пор осталась в селе речка Смолянка — теперь-то едва заметное бывшее русло ее. По преданию, по берегам этой речки и поселились, было, смоляне. Рядышком с Пушкарской слободой...

17 июня 1610 года, несмотря на противодействие патриарха Гермогена, Василий Шуйский был отстранен от трона «заводчиками» И. М. Воротынским, Захаром Ляпуновым и И. Н. Салтыковым. Василия насильно постригли в монахи и заточили в Чудов монастырь, взяли под стражу его братьев.

Править государством стала «семибоярщина», чуждая народу. У бояр осталась одна надежда на помощь гетмана Жолкевского, который подошел к Москве, — Лжедмитрий II в это время отошел к Калуге и там вскоре убит заговорщиками.

17 августа 1610 года бояре-предатели, которые по словам патриота Авраамия Палицина из Троице-Сергиева монастыря, решили служить польскому королевичу, «нежели от холопей своих побитым быть», захотели посадить на русский престол Владислава при условии, что поляк примет православие, что осада Смоленска будет снята...

Но король Сигизмунд возмечтал сам править Россией.

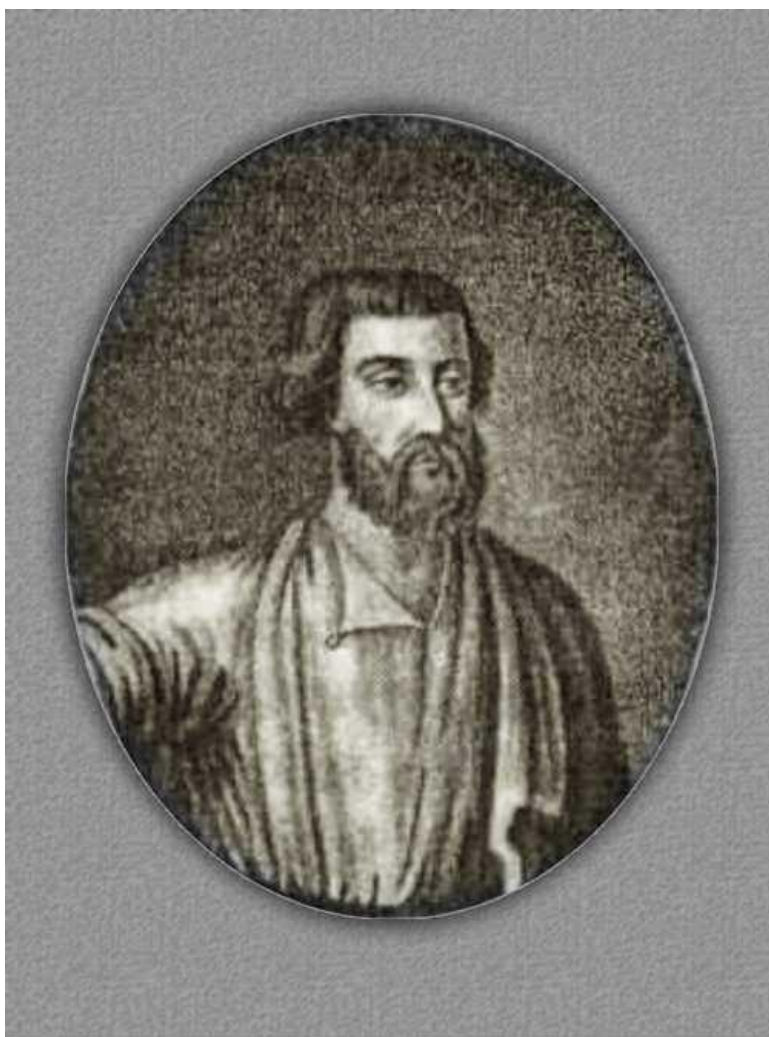
В сентябре по тайному сговору с боярами армия гетмана Жолкевского вошла в Москву. Над страной нависла опасность иноземного порабощения.

Поляки стали нагло хозяйничать в столице. В это время шведы продолжали самочинно захватывать северные земли России, осадили Новгород с тем, чтобы посадить на русский престол своего королевича.

...К началу 1611 года в Рязани создано земское ополчение во главе с воеводой Прокопием Ляпуновым. Примкнули к нему князь Д. Трубецкой и И. Заруцкий со

своими служилыми людьми, казаками. В марте 1611 года ополчение двинулось к Москве, его поддержали москвичи. В уличных боях участвовал также отряд князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Поляки уже стали отступать, но тут враги подожгли Москву, огромный пожар оттеснил патриотов из города.

Ошибки временного руководства первым ополчением в плане устройства судьбы беглых крестьян, холопов, отстранение атаманов и казаков от управления — раскололо единство патриотов, ослабило их военную силу, взять Москву они уже не решились. Впрочем, партизанская война против поляков не прекращалась.

Кузьма Минин.

В сентябре 1611 года со страстным призывом помочь «Московскому государству» выступил в Нижнем Новгороде посадский староста, торговец мясом Кузьма Минин. Горожане горячо отозвались на призыв, отдали пятую часть своего имущества на нужды второго ополчения. Воеводой избрали князя Дмитрия Пожарского, уже отличившегося в уличных боях в Москве. «Заводчика» Кузьму Минина определили войсковым казначеем и в дальнейшем о нем писали и говорили, как о «выборном человеке всея земли».

Благословение ополченцев.

Начинается сплочение городов в едином порыве. Они призывают друг друга: «быти в любви и в совете и в соединении друг другом... в том крест целовати меж себя, что нам с вами, а вам с нами и ожить и умереть вместе; и за истинную христианскую веру на разорителей нашея христианские веры, на польских и литовский людей и на русских воров стояти крепко... а потом... выбрати нам на московское государство государя земли Российския державы».

Ядром второго ополчения стали ушедшие из Арзамаса смоляне, дорогобужане, вязьмичи, арзамасцы. Шла в ополчение арзамасская мордва. В это трудное время казанский митрополит обратился к татарам и марийцам с призывом освободить Москву от поляков. Марийцы и татары начали вливаться в Нижегородское ополчение. В феврале собранное войско пошло из Нижнего сначала к Костроме, а потом к Ярославлю. Здесь и создали «Совет всей земли». Армия Пожарского значительно возросла, готовилась к боям.

Патриарх Гермоген звал народ в ополчение, поднимал значение Москвы как центра православия, призывал спасти первопрестольную: «Здесь образ Божией Матери, который святой Лука написал. Здесь великие светильники и хранители — Петр, Алексей и Иона чудотворцы. Или вам, православным христианам, все это нипочем?!»

Патриарх Гермоген.

Михаил Салтыков от имени бояр начал уговаривать, настаивать на том, чтобы патриарх Гермоген отправил от своего имени грамоту ополченцам с запрещением подходить к Москве. Высший духовный пастырь отказался выполнить требование, сказал: «Да будет им (ополченцам) от Бога милость и от нашего смирения благословение; на вас же изменниках да излиется от Бога гнев и от нашего смирения будьте прокляты в сем веке и в будущем».

Продажные бояре заточили Гермогена в темницу и уморили голодом в Чудовом монастыре. Он скончался 17 февраля 1612 года.

В августе ополчение во главе с князем Дмитрием Пожарским стояло уже возле Москвы. Приход земской рати испугал казаков атамана Заруцкого, и две тысячи их ушли из столицы в Калугу. У Москвы помощью Пожарскому стояли казаки князя Дмитрия Трубецкого, а его прежний сподвижник Прокопий Ляпунов, подозреваемый во враждебных умыслах, еще в июне 1611 года был зарублен.

Подосевший к Москве гетман Ходкевич рвался к Кремлю, чтобы выручить поляков. Казаки князя Трубецкого не раз меняли настроение, колебались во время решающего боя — зорко следили, за кем будет перевес... 24 августа в критическую минуту, когда поляки, казалось, одолеют, Кузьма Минин выпросил у князя Дмитрия Пожарского отряд в триста воинов, дерзко ударил у Крымского брода на конных и пеших поляков Ходкевича. Минину помогли другие ополченцы, и гетман, потерявший в бою до пятисот человек, отступил начально к Донскому монастырю, а потом, бросив свой обоз, побежал к Вязьме...

22 октября патриоты штурмом взяли Китай-город. Поляки в Кремле стали голодать, а 26 октября сдались. Родная Москва была освобождена!

Когда после благодарственного молебна на Лобном месте Красной площади русские вошли в Кремль с иконой Владимирской Богоматери, они с ужасом увидели «поруганные и оскверненные всякою мерзостью церкви, рассеченные на части образа с продырявленными очесами, ободранные и разоренные престолы». И это надругались над русскими святынями католики, якобы христиане!

Король Сигизмунд еще надеялся войти в Москву, под его стягами находилось четыре тысячи воинов. Он хотел привезти в русскую столицу своего сына Владислава, кому продажные бояре прочили царский престол. В Вязьме король узнал о капитуляции польского гарнизона в Москве. Он дошел до Волоколамска. Посланные Владиславом подручные в Москву были оттуда изгнаны, прежних бояр-изменников уже вымели из Кремля — Владислава никто не признавал. Так и ушел Сигизмунд со своим отпрыском из России с позором.

Народ отовсюду гнал чужеземцев. Поляки, осведомленные о местонахождении юного Михаила Романова, которого русские уже прочили в цари, хотели умертвить его, однако боярина героически спас костромской крестьянин Иван Сусанин.

Мать Михаила Романова инокиня Марфа знала, что еще в декабре 1612 года и январе 1613-го в Москву съезжались выборные из всех городов на Земскую думу и где единодушно избрали царем Михаила сына митрополита Филарета Никитича Романова. Романовых любила вся Москва... Дума направила во все города, кроме самых отдаленных, верных людей для опроса населения: приемлют ли они избрание Романова? Народ одобрил выбор Думы.

Посольство земского собора явилось в Ипатьевский монастырь... Вместе с народом при колокольном звоне подошли к монастырю, в соборной церкви после молебна вручили Михаилу народную грамоту об избрании его на царство, просили ехать в Москву. Долго не соглашалась старица Марфа отдать сына, на ее глазах произошло падение четырех царей, пролито из-за трона столько крови... Наконец, она не устояла против всенародного моления и челобитья. Преклонила колени пред иконами и благословила сына на царство. Это произошло в Костромском Ипатьевском монастыре 14 марта 1613 года. Торжественное венчание на царство царя Михаила Федоровича совершилось 11 мая в Успенском соборе Московского кремля.

... Долго не знали спокойствия в Поволжье. Наконец, Москва послала воевод Одоевского и Головина очистить Волгу от разбойников. Набрали целую армию. Нижний Новгород выставил шестьсот человек. Алатырь — сто, Арзамас — сто, Балахна — пятьдесят воинов. Остатних добрали в других уездах Поволжья. Главное гнездо разбойников было под началом Ивана Заруцкого, сторонника Лжедмитрия II. Немало «погулял» Заруцкий с Мариной Мнишек и с ее «воренком» в низовьях Волги. Атаман едва не склонил на свою сторону персидского шаха, хотел вовлечь Турцию, юртовских татар, ногаев и волжских казаков в войну против Москвы, ограбил Астрахань. Взяли Ивана Заруцкого на реке Яик. Атамана, «Маринку» и «тушинского воренка» отправили в Москву. Там Заруцкого посадили на кол, трехлетнего сына полячки, как претендента на русский престол, повесили, а «вориху Маринку» хотели сохранить для обмена с Польшей, но она в тюрьме в Коломне «от болезни и от тоски по своей воле умерла».

...В памяти россиян и до сих пор жива непреходящая благодарность нижегородцам, прославленному Кузьме Минину за жертвенный вклад в святое дело очищения родной земли от чужеземцев.

Та победа боевого отряда Кузьмы Минина у Крымского брода в Москве, главенствующая роль нижегородцев во втором ополчении дала им право после говорить изменникам-боярам, их приспешникам, а также всем тем, кто остался в стороне от патриотического движения:

— Кабы нижегородцы не собрались да не встали, так вы бы опоганенную землю до сих пор носом копали...

Царизму удалось погасить восстание, но не удалось связать крылья народной души, убить его жажду свободы. Пройдут года, и великий поэт России А. С. Пушкин запишет народные песни о Степане Разине, назовет его «единственно поэтическим лицом русской истории».

Д. Н. Смирнов.

Издревле граница Руси простиралась широко, но людей в этих границах всегда не хватало.

С конца XV века и по середину XVIII Россия резко отставала в росте народонаселения. Так, во Франции к 1500 году насчитывалось более 15 миллионов человек, в Германии — 11 миллионов, а в России в 1678 году всего лишь 5,6 миллиона.

Нетрудно объяснить эту разницу в демографии. На протяжении столетий славяне, русские вели бесконечные оборонительные войны. Огромный урон в людях понесен во время монголо-татарского ига, в долголетней войне Ивана Грозного за выход к Балтике, в страшный голод 1601-1603 годов и, наконец, в затяжную смуту, что длилась до 1613 года.

Смута во многом изменила россиянина. Историк В. О. Ключевский писал по этому поводу: «Из бурь Смутного времени народ вышел гораздо впечатлительнее и раздражительнее, чем был прежде, утратил ту политическую выносливость, был уже далеко не прежним безропотным и послушным орудием в руках правительства. Эта перемена выразилась в новом явлении — XVII век был в нашей истории временем народных мятежей».

С приходом на царство Романовых встала задача укрепления государственности, возрождения городов, сел и деревень. Прошедшие годы смуты показали правящим кругам сколь опасны толпы холопов и всякого рода «гулящих людей», которые за кусок хлеба готовы служить даже иноземным авантюристам. Вот почему следуют указы за указом по закреплению крестьянства за землей и отдача «тягла» в руки помещика.

Еще Борис Годунов в 1592-93 годах закрепил крестьян на тех местах их проживания. В 1597 году новый указ повелел отыскивать беглых крестьян уже через пять лет после того, как они сбежали от хозяина. А во время «семибоярщины» — после царя Василия Шуйского, бояре «выпросили» у королевича Владислава указ, «чтобы крестьянам выхода не было». Соборное уложение 1649 года царя Алексея Михайловича еще более закрепило крестьянина, ухудшило положение посадского люда в городах.

«Народ русский зело терпелив и послушен», — с довольством сказал однажды Петр I, вздыбивший Россию в ходе коренных преобразований старого уклада жизни, в стремлении «прорубить окно в Европу», для чего крутому, безоглядному преобразователю потребовались сотни тысяч человеческих жизней и расточение экономического потенциала России.

Да, смиренномудрие, терпимость, жертвенность — это составные части национального существа русского человека, принявшего православие как главный смысл земной жизни. Русский человек, сильный в своей соборности, всегда держался высшей справедливости, был и остается противником того зла, которое так или иначе угнетает человека, низводит его до положения раба. История нашего Отечества полна тому подтверждений. Долгие века в кровопролитных битвах россияне отстаивали православие, свою национальную самобытность,

государственность, свободу и землю от разного рода завоевателей. Но история государства Российского — это и непрерывная борьба «униженных и оскорбленных» против своих внутренних угнетателей за достойную жизнь каждого отдельного человека.

Недрузи России, прежде и теперь, все еще в желании унижить, разоружить нас, утверждают, что русский человек раб по своей природе. Полноте! Семнадцатый век, как и все последующие столетия — яркая полоса народных выступлений крестьян, городских низов против прямых своих эксплуататоров и чиновной бюрократии. Выступления отрядов Хлопка Косолапа близ Москвы, многотысячные армии Ивана Болотникова и Степана Разина — эти крестьянские войны красноречиво говорят о том, что народные низы не мирились с установленным угнетением.

Тяжелую боярскую и дворянскую тяготу терпело крестьянство. Трудно жил и посадский люд в городах.

Шло безудержное развитие товарно-денежных отношений в стране... Землевладельцы расширяли запашку, требовалось все больше рабочих рук. Рабочие руки ценились, но и увеличивались поборы с народных низов, недоимки взыскивались строго. И куда было деваться тем, кто не мирился с закрепощением, бесправием. Смутное время во многом изменило народ, он уже осознал свою силу, многие ведь хлебнули «воли». И вот непокорные бежали на Дон к казачеству, уходили в бескрайнюю Сибирь искать сказочное Беловодье, толпами убегали в низовья Волги, на уральский Яик. Так формировалась «вольница», которая пополняла многочисленные шайки разбойников, «гулящих людей», а в городах «ярыжек» и «черни». Эти обездоленные только и ждали того, кто пообещал бы им опять же «доброе» для народа царя...

Каким он был, Степан Тимофеевич Разин?

Вот как подал портрет Степана Тимофеевича историк Н. И. Костомаров на основе слышанных им в Поволжье преданий. «Крепкого сложения, лицо правильное, слегка рябоватое, взгляд повелительный. К характеристике вожака крестьянской войны: предприимчивый, порывистый, своенравен, непостоянный, упорный в намерениях и делах, то мрачен, то суров, то разгульный до бешенства... Часто чужие страдания забавляли его, свои он презирал. Попирал все, что выше его: власти, церковь... Толпа чувствовала в нем сверхъестественную силу, называла его колдуном. В душе его действительно таилась какая-то мистическая тьма...»

Степан Тимофеевич Разин.

Данных к биографии Разина немного. Родился в станице Зимовейской на Дону в роду «домовитого» — зажиточного казака. У родителя было их три брата, имя старшего неизвестно, а младшего звали Фролом.

В 1652 году Степан ходил, может быть, по обету на богомолье в далекий Соловецкий монастырь. Затем в 1661 году он числится в составе казачьего посольства в Москве.

1665 год... Россия помогает братской Украине окончательно сбросить засилье поляков и борется за освобождение Смоленской и Чернигово-Северской земли... Позже, в 1667 году Польша подпишет перемирие, по которому Россия получит эти родные земли, а также Левобережную Украину и город Киев.

В народе на Дону после рассказывали: князь Юрий Долгорукий идет в поход против поляков. В его войске и донские казаки. Атаманом одного из отрядов дончаков Разин-старший. Своевольничать вздумали казачки, пристали к князю: отпусти домой! Долгорукий, конечно, не разрешил. Тогда казаки ушли тайно. Догнали дезертиров, и суд, как всегда в походных условиях, оказался коротким: атамана повесили. Братья Степан и Фрол Разины присутствовали при казни своего старшего. И вот с тех пор и поднялось в Степане чувство мести «москалям»...

Малодушно поджег себя местью Разин, и скоро, очень скоро эта месть наружу вырвалась и начала свое черное, свое страшное дело.

Весна 1667 года...

В верховьях Дона, у Паншина городка, объявляется отряд казацкой «голытьбы» во главе с атаманом Степаном Разиным. Отсюда по реке Камышинке казачки выплыли на Волгу, и рванулись вниз их быстрые струги.

Кто же сидел за веслами тех стругов? А большей частью «новоприходские» или «голутвенные», которых приводили на «вольный» Дон «сиротские дороги». «Вольница» всегда жила ожиданием сильной личности, того атамана, по «клику» которого они бросались за «казацким хлебом» — грабили береговых жителей восточного Черноморья... А временами, чтобы сабли не ржавели, нанимались служить то Киеву, то Варшаве, то Москве... Сама о себе эта «вольница» говорила прямо: не вор, не тать, только на ту же стать. Вот эти забубенные головушки, которые подчас и жизнь-то свою могли отдать ни за понюх табаку, окружили Степана Тимофеевича: широкая душа просила широкой гульбы, шумного праздника свободы...

И поднялась к высоким волжским берегам молодецкая песня бунташного люда:

Ребятюшки, праздник, праздник! У батюшки праздник, праздник! На матушке-Волге праздник. Сходится голытьба на праздник. Готовьтесь бояре на праздник!

Поначалу успокаивали разинцы честной народ:

А мы вовсе не воры, не разбойники, Стеньки Разина мы вольные работнички, Люди добрые, удалые ребята поволжские...

Вначале задумка была проста: сплавать по Каспию «за зипунами», как, бывало, по Черному морю. Но начали «вольничать» тут же, на Волге. Встретился караван судов, что принадлежал лично царю, патриарху и купцу Шорину. Немалые богатства взяли казаки — стрельцы, охранявшие суда, пристали к разницам.

О разбое скоро узнали, Москва тотчас направила отряд стрельцов на поимку злодеев, но часть из них перебили, а остальные переметнулись к разницам.

Из Каспия рукавом Волги доплыли до устья реки Яик, овладели Яицким казацким городком, зиму праздничали.

Московская власть пыталась еще раз отговорить Разина от разбоя, но резоны и теперь не услышаны. Царь Алексей Михайлович предвидел скорые действия казаков-разбойников, так не хотелось обострений с восточными соседями, ничего хорошего России это не сулило.

Весна 1670 года...

Порадовал Степана Тимофеевича атаман Василий Ус, что пришел к нему с большим отрядом.

Решили идти на Волгу. Там ватажиться вольно, там инородцев много, и Астрахань хорошо привечала. А ежели подождет беда, то рядом степь бесконечная, в низовье Волги столько речных рукавов — схорон надежный.

13 апреля семитысячное войско подступило к Царицыну. Оправдались надежды, посадская беднота открыла крепостные ворота, в городе установилось казацкое правление, выборность начальников.

За зиму Разин обдумал многое. От разбоя он переходит к борьбе с царем Алексеем. Конечная цель — пойти на Москву, а для этого нужно прочное положение в тылу. Выходит, брать Астрахань. С помощью городской бедноты, отдельных стрельцов

овладели и Астраханью, хотя гарнизон, иностранные офицеры яростно сопротивлялись. Начался разгром, истребление богатых, освобождение «тюремных сидельцев».

Ненависть к боярам была давно обоснована бедным людом:

У него казна не трудовая, У него казна праховая, У него казна слезовая, У него ли с кроволитья нажитая.

Да, пришло время возмездия. В одной из отписок властям говорилось: «... по уездам рубят помещиков и вотчинников за которыми крестьяне, а черных-де людей, крестьян и боярских людей и казаков и иных служилых людей никого не рубят и не грабят». После недаром родилась такая вот поговорка: «Были, были, и бояре волком были».

По всему Поволжью и далее стали расходиться «прелестные» письма Степана Разина с призывом присоединяться к восставшим: «Грамота от Степана Тимофеевича от Разина. Пишет вам Степан Тимофеевич всей черни. Кто хочет Богу да государю послужить, да и великому войску, да и Степану Тимофеевичу, и я выслал казаков, и вам бы заодно изменников выводить и мирских кровопивцев вывалить. И мы казаки како промысь станут чинить, и вам бы идти к нам в совет, и кабальные и опальные шли бы в полк к моим казакам».

«Пишет вам Степан Тимофеевич всей черни».

Решили привлечь поболее простого народа на свою сторону. Степан Тимофеевич объявил, что у него на струге находится сын царя Алексея Михайловича — Алексей (В действительности к этому времени умерший). Пустили слух: царевич-де сбежал к казакам от жестокого отца. Царь-де держал наследника в черном теле по ложным наветам бояр. И вообще царь «из барского рта глядит, говорит только боярскими устами».

Мало того, Разин приказал приготовить два судна. Одно из них покрыли красным бархатом, а другое черным. Наивным людям показывали на эти суда и говорили: на красном-то царевич Алексей пребывает, а на черном отвергнутый царем патриарх Никон... Народ не мыслил жизни государства без царя, верил рассказам, шел служить государю и патриарху с твердой верой, что отдает себя правому делу.

Крестьянская война разрасталась в Поволжье.

Разин рассылал своих людей поднимать бедноту и в отдаленные районы. Атаман Михаил Харитонов послан в пензенские места, Максим Осипов в нижегородские пределы. Армия повстанцев насчитывала до двадцати тысяч человек.

Царь Алексей Михайлович (Тишайший) наконец-то осознал угрозу, и в августе в Поволжье была отправлена большая, хорошо обученная иностранцами армия.

Главным, определяющим событием этой крестьянской войны, несомненно, стало сражение за Симбирск, которое продолжалось с 5 сентября по 4 октября. Такая продолжительность боев говорит о стойкости, решительности восставших. Восемь тысяч разинцев легко овладели посадом, четыре раза ходили на штурм крепости, и только подход войска князя Ю. Н. Барятинского спас осажденных и царского воеводу И. Б. Милославского.

4 октября разницы потерпели сильное поражение. Плохо вооруженные, не владеющие искусством вести бой, крестьяне не могли длительно противостоять обученной царской армии. Тяжело ранило Степана Тимофеевича. Достала сабля его голову и нашла пуля — пищаль прострелила ногу, едва атаман не попал в плен. С верными донцами предводитель восстания поспешно уплыл по Волге, малодушно бросил свою крестьянскую пехоту. Ее прижали к реке, многих порубили, часть взяли в плен. Воевода князь Барятинский праздновал победу. После утвердилось мнение, что именно он спас русский престол.

Тут, под Симбирском, и произошел перелом войны.

Атамана с малым отрядом казаков не впустили в свой город самарцы, отступающих не приняли к себе и саратовцы, а давно ли сдали город без боя...

Поправлялся Степан Тимофеевич от ран в Царицыне. Зимой этого 1670 года атаман явился на Дон, понимая, что для успешного ведения войны ему нужно большое и крепкое казацкое ядро — надо собрать это ядро и готовиться к новым боям и походам.

«Домовитые» — богатые казаки, боясь царского гнева, задумали черное дело.

Закатывалась мятежная звезда Разина.

В апреле 1671 года обманным путем его схватили и позже выдали казаки. То сделал атаман Корнило Яковлев, он и повез в столицу Степана Тимофеевича с младшим братом Фролом.

6 июня после жестоких пыток Разина казнили на Красной площади в Москве.

«Прелестные письма» — воззвания Разина, будоражили, поднимали поволжских крестьян, тут и там возникали все новые очаги восстания.

Война перекинулась на правобережье Волги. Примкнули к разницам алатырцы, курсунцы, пензенцы, часть тамбовцев.

На юг от Арзамаса возмущение простого народа охватило Верхний и Нижний Ломов, Темниковский и Кадомский уезды. Во всем Пензенском крае лишь город Шацк оставался в руках царского воеводы Хитрово.

Вот что писал современник событий, эмоционально переживая происходившее

вокруг него: «...умножался огонь ярости, гнев и свирепство воспалялись, всколебалась чернь на бояр... мир весь закачался».

Под Нижним Новгородом действовал сильный отряд умелого сподвижника Разина Максима Осипова, закрепившийся в селах Богородском, Большом Мурашкине и Лыскове. В руках повстанцев оказался Скопинец, Юркино, Работки, Безводное, Великий враг и Бор. На Оке первыми взбунтовались крестьяне князя Одоевского, они напали на Павлов, Перевоз, побили там часть государевых ратников.

Быстро сбросили с себя ярмо царской власти жители Большого Мурашкина — тогда города. Они овладели 13 пищальями, захватили 1174 ядра и с этим припасом решили двинуться на Арзамас.

8 октября 1670 года восставшие начали штурм Макарьевского монастыря, под стенами которого ежегодно шумела знаменитая Макарьевская ярмарка. Монахи на крепостных стенах отчаянно сопротивлялись, и разинины уже отступили, но тут к ним подоспела подмога, и богатый монастырь достался на волю победителям.

Разин ждал, что беднота Нижнего Новгорода восстанет, но выступления не состоялось, а тут подошел большой отряд московского войска, сходу разбил мужицкие отряды в Лыскове и Мурашкине, а 22 октября освободил от мятежников Макарьевский монастырь.

Начались розыски, суды и расправы. После воевода Константин Щербатов докладывал: «И тех воров переимав велели казнить смертью по дорогам, а иных четвертовать в городе для того, что в нижегородских жителях была к воровству шатость».

Вскоре Юрий Долгорукий донес в Москву, что «Нижний Новгород от воров очистили».

Только в январе-феврале следующего 1671 года после казни 29 разинцев и наказания кнутом 57 человек в Нижегородскую округу пришло «замирение».

Обезопасив Нижний Новгород и его окрестности, отряды войска Юрия Долгорукого пошли на юг Нижегородского края и в другие области Поволжья.

Князь Барятинский 2 ноября взял Козьмодемьянск и предал там казни 60 человек. Пал Ядринск, Васильсурск сдался без боя.

Один за другим каратели брали восставшие города и села Поволжья: Корсунь, Алатырь... 14 декабря воевода Хитрово взял Керенск, 17 декабря князь Щербатов овладел Нижним Ломовым, а затем и Верхним Ломовым. Князь Барятинский овладел Саранском, 23 декабря пала Пенза. В конце декабря и начале января 1671 года покорился весь Тамбовский уезд.

Медленно и тяжело затихало пламя крестьянской войны...

В середине сентября, когда восстание растеклось по Нижегородскому, Арзамасскому и Курмышскому уездам, арзамасский воевода Леонтий Шайсулов пишет тревожное доношение царю: «...холоп твой Левка Шайсулов челом бьет. В Арзамасе, государь, город и острог большой, а стрельцов и пушкарей не много, а посадские люди безружейны и из них многие в разсылке, и я, холоп твой, опасен воровских людей и за малолюдством своим, боюся всякого дурна, и о том, что ты, Великий Государь мне, холопу своему, укажешь».

Только приход царского войска успокоил пужливого воеводу.

Юрий Долгорукий прибыл в Арзамас 26 сентября 1670 года. Он тут же написал царю: «...пришел я, холоп твой, в Арзамас с твоими, великого государя, ратными, с конными и пешими людьми стал, перешед реку Тешу по Олаторской дороге близко

посадов устроясь обозом, а товарищи мои... окольный и воевода князь Константин Осипович Щербатов да думный дворянин и воевода Федор Иванович Леонтьев и дьяк Иван Михайлов пришли в Арзамас преж моего».

Это значит, что царское войско расположилось станом на луговине возле Ивановских бугров.

Отсюда, из Арзамаса, Юрий Долгорукий и посылает подчиненных ему воевод для подавления очагов сопротивления.

Повстанцы вполне понимали значение Арзамаса, стоящего на Московском тракте, и несколько раз в конце сентября подступали к нему с целью захвата.

...Всего в пятнадцати селах и деревнях Арзамасского уезда волновались крестьяне. Они видели, понимали, что противник значительно превосходит их в военной выучке, в оружии, а часто и числе. Повстанцы действовали без связи между собой, разрозненно. И все же восставшие бесстрашно вступали в сражения, ибо хорошо знали, что бьются и умирают за правое дело.

Той осенью 1670 года Арзамас переживал великое смятение, жители его стали свидетелями страшных казней.

Острог переполнен, пленных держали под открытым небом за крепким караулом, многочисленными палачами пугали малых детей...

В продолжение трех месяцев: октября, ноября и декабря — в городе и окрест предавали казни попавших в плен разинцев.

Иностранец, очевидно, служивший офицером в войске князя Юрия Долгорукова, подчеркивает, что несчастных «...осуждали не иначе, как соблюдая обряды правосудия и выслушав свидетелей».

Кого-то, явно с умыслом, отпускали из пленных домой после привода ко кресту, после клятвы более не «воровата» и народ не «возмущати». Помилованные обязывались донести до своих сел, до крестьян то, как нещадно царские слуги карают бунтовщиков.

Иностранец писал: «Страшно было смотреть на Арзамас: его предместья казались совершенным адом: повсюду стояли виселицы и на каждой висело по 40 и 50 трупов, там валялись разбросанные головы и дымились свежей кровью; здесь торчали колья, на которых мучились преступники и часто были живы по три дня, испытывая неописуемые страдания. В продолжение трех месяцев в Арзамасе казнили одиннадцать тысяч человек».

В сообщении иностранца есть и такие слова: «...а захваченные в плен принимали смерть с мужеством необыкновенным, будучи в твердом убеждении, что умирают они за правое дело».

Казни разинцев, по преданию, происходили большей частью за городом, на Ивановских буграх.

*«Божий домик» на месте казней разинцев
на Ивановских буграх под Арзамасом осенью 1670 г.*

Арзамасский поэт Николай Рачков посвятил разницам стихи.

*Одиннадцать тысяч здоровых, чубатых
Казнили при детях, при плачущих
бабах. И было веревок и виселиц мало,
Лопат не хватало, и плах не хватало.
Но смолк постепенно немислимый плач...
И выпрямил спину вспотевший
палач. Одиннадцать тысяч! И все — друг на друге.
Им тесно. Земля шевелилась в
округе. И кости восставших сквозь годы
вразброс. Из мрака взлетели стволами
берез. Сквозь красную глину пробившись,
возник. Как светлое чудо — чистейший
родник. Пей, путник! Вода холодна и свежа.
Почувствуешь в жилах огонь
мятежа...*

Народ помнил и помнит своих героев...

Когда от разинцев очистили Нижегородский и Арзамасский уезды, после боя у Кременок Юрий Долгорукий пошел в соседний Темниковский уезд, который был еще в руках восставших.

На Темниковской земле, окрест ее и проявила свое мужество атаман Алена, позже прозванная Арзамасской.

Молодая, сильная духом, эта женщина собрала вначале в подгородних арзамасских селах двести смельчаков. Открыто выступить с этим почти безоружным отрядом против укрепленного Арзамаса она, конечно, не могла. Решили пойти в соседний Темниковский уезд, куда стекались разрозненные, сильно поредевшие в прежних боях отряды повстанцев. К Алене потянулись мужики мордовских, татарских, русских сел и деревень.

В одном из доношений в Москву говорится, сколько разинцев сосредоточилось в самом Темникове и рядом в лесу: «А в Темникове, государь, воровских людей стоит 4000, устроясь с пушками. Да в Темниковском лесу, государь, на засеках, на арзамасской дороге стоит воровских людей от Темникова ж в 10 верстах 8000 с огненным боем». Это данные на 28 ноября 1670 года.

После большого боя у Кременок появляются сведения о старице Алене. К князю Юрию Долгорукому привели есаула казацкого Андрея Осипова. Он, кроме всего прочего, рассказал: «Да ему ж де, Андрюшке, воровские казаки сказывали, что в Шацком уезде ходит баба ведунья, вдова крестьянина Темниковского уезда Красной Слободы, и собралось-де с нею воровских людей 600 человек. И ныне та жонка и с воровскими людьми в Шацком уезде, а из Шацкого хотела итти в

Касимов».

В этом первом сообщении об Алене неверно названа ее родина.

И еще одно свидетельство: мурза Исмаил Исяшев, из числа восставших же, подтвердил: «Да он же слышал, что старица собрала к себе воров 200 человек и пошла на воровство в шацкие места. А какова чину та старица в мире была, и откуда, и какие люди с нею собрались, и где она ныне, про то подлинно не ведает».

Позднее к Алене присоединилось еще 600 человек. От Арзамаса она продвигалась к Шацку, но затем пришлось повернуть от заслонов царских войск на восток к Темникову, где ее отряд слился с отрядом Федора Сидорова, что пришел в эти места ранее Алены.

Алена вместе с Федором Сидоровым на казацком кругу два месяца управляла Темниковым и командовала большим пестрым разноязычным войском. Она переписывалась с атаманами ближайших городов, искусно лечила раненых и учила тому же Сидорова.

За волю народную.

Дошло свидетельство, что Алена ходила в мужской одежде и была храброй. Между тем вражье кольцо все теснее сжималось вокруг Темникова.

30 ноября у села Веденяпино сошлись разницы и отряд правительственных войск. Повстанцы и тут разбиты. Полковник Василий Волжинский пошел на Темников. Защитники города не выдержали стремительной атаки и вместе с жителями бросились спасаться в лес.

... Только воеводскую избу каратели скоро взять не могли. Позже в соборе они с удивлением увидели, кто держал оборону: «Перед иконостасом в молитве распростерлась фигура еще не старой женщины, которая была в монашеской одежде, но опоясана воинскими доспехами. Вломившиеся в собор стояли в изумлении...»

Одержав победу у села Кременок, воевода Леонтьев дал возможность отряду Юрия Долгорукого 4 декабря дойти до Темникова. Навстречу князю вышли из города священство и «всяких чинов люди, и били челом великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу». От имени царя Юрий Долгорукий «привел к вере в соборной церкви по чиновной книге, чтобы им, темниковским людям, впредь к воровству и ни к какой шатости не приставать».

К Юрию Долгорукому привели пленных. Вскоре он сообщил царю: «И темниковцы ж грацкие посадские люди и уездные священники и крестьяня привели к нам, холопом твоим, Темниковского уезду села Аксела попа Саввуда разных сел и

деревень крестьян 18 человек, которые с ворами были вместе и против твоих великого государя ратных людей на боех бились и бунты многие заводили.

... Да темниковцы ж грацкие люди привели к нам, холопом твоим, вора и еретика старицу, которая воровала и войско себе збирала и с ворами вместе воровала, да с нею ж принесли воровские заговорные письма и коренья. И мы, холопи твои, того приводного попа и крестьян роспрашивали и велели пытать и огнем жечь. А в роспросе и с пытки поп и крестьяне в воровстве винулись...

А вор старица в роспросе и с пытки сказала — Аленю зовут, родиною де, государь, она города Арзамаса, Выездные слободы крестьянская дочь, и была замужем тое ж слободы за крестьянином; и как де муж ее умер, и она постриглась. И была во многих местах на воровстве и людей портила. А в нынешнем де, государь, во 179-м году, пришед она из Арзамаса в Темников, и збирала с собою на воровство многих людей и с ними воровала, и стояла в Темникове на воевоцком дворе с атаманом с Федькою Сидоровым и ево учила ведовству. И мы, холопи твои, того приводного попа и крестьян за их воровство велели казнить смертью, повесить около Темникова, а вора старицу за ее воровство и с нею воровские письма и коренья велели зжечь в струбе».

Еще и не кончилось повсеместно «возмущение разинское», как в 1671 году в Голландии и Германии вышло «Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно учиненного в Московии Стенькой Разиным». В 1672 году вышло английское и французское издания «Сообщения». Позже, в 1674 году некий Иоганн Юстус Марций защитил в Виттенберге даже диссертацию о восстании в Поволжье, а в 1677 году о гибели Алены Арзамасской напечатал свои строки Иоганн Фриш...

В голландском и немецком текстах говорится: «Среди прочих пленных была приведена к князю Юрию Долгорукому монахиня в мужском платье, надетом поверх монашеского одеяния. Монахиня та имела под командой своей семь тысяч человек и сражалась храбро, покуда не была взята в плен. Она не дрогнула и ничем не выказала страха, когда услышала приговор: быть сожженной живо... Прежде чем ей умереть, она пожелала, чтобы сыскалось поболее людей, которые поступили бы, как им пристало, и бились так же храбро, как она, тогда, наверное, поворотил бы князь Юрий вспять... Она спокойно легла в сруб — маленькое деревянное сооружение с четырьмя отверстиями и открытым верхом... Перед смертью она перекрестилась на русский лад: сперва лоб, потом грудь, спокойно взошла на костер и была сожжена в пепел».

«Восстание крестьян, возглавленное Пугачевым, явилось одним из звеньев классовой борьбы крестьян с крепостничеством, которая со временем и отменила крепостную систему».

«История СССР с древнейших времен до 1861 года». М. 1983.

Сто лет жила в народных низах России мистическая вера, что «батюшка» Степан Тимофеевич Разин еще явится в мир, чтобы защитить сирого и убогого, сполна расплатиться с теми, кто угнетал и попирали простой народ.

И — точно: в той же донской станице Зимовейской, откуда «грозный атаман» был родом, поднялся Емельян Иванович Пугачев с тем же зажигательным кличем: я пришел дать вам волю!

По-прежнему, как и во времена Разина, крестьянство жило в неволе, в неволе еще более тяжелой нежели прежде. Если по «Уложению» 1649 года крестьянин и не мог уйти с собственной земли, то во всем другом он был еще свободен. Имел право на собственность, мог торговать на базарах, заключать хозяйственные сделки, завещать свое имущество. Таким образом усекалась возможность передвижения,

но отнюдь не личная независимость.

Начало подлинному рабству положил Петр I.

В свое время, говоря о «крещеной собственности» помещиков, Герцен заявил, что именно Петр I «совершенно отделил дворянство от народа и, наделив его страшной властью по отношению к крестьянам, заложил в недра народной жизни антагонизм».

Указ Петра III от 18 февраля 1761 года о даровании вольности и свободы дворянству взбудоражил крестьян. Они, по народной мудрости, справедливо полагали, что коль царь освободил от «крепости» дворян — значительно сократил срок обязательной, бессрочной прежде, государственной службы, то тут же будет дадена свобода и селянам...

Историк В. О. Ключевский об этом писал: «По требованию исторической логики и общественной справедливости, на другой день, 19 февраля, должна была бы последовать отмена крепостного права; она и впоследствии на другой день, только спустя 99 лет».

Если царица Елизавета дала помещикам право ссылать крестьян в Сибирь без всякого суда, то «матушка» Екатерина II за «предерзостные поступки» — кто их определял? — разрешила гнать мужика прямо на каторгу.

В те времена кормилец земли русской говорил с горечью о себе: «Душа — Божья, тело — царское, а спина — барская».

О вопиющем бесправии крепостных рассказывала песня:

Батюшку с матушкой За Волгу везут, Большего-то брата В солдаты куют. А среднего-то брата В лакеи стригут, А меньшего брата — В приказчики...

В «Плаче холопов», а он написан кем-то из крепостных, слышится стон:

О, горе нам, холопам, за господами жить! И не знаем, как свирепству их служить... Пройди всю вселенную, нет такова житья, Разве как просить на помощь Александра Невского.

Александра Невского — защитника Веры и Отечества, дозваться вживе было нельзя, на защиту холопов поднялся Емельян Иванович Пугачев.

Родился он в 1742 году. Смолodu участвовал в Семилетней войне с Пруссией, Польшей и Турцией. Будучи неграмотным дослужился до хорунжего — офицерского чина. После возвращения с ложным письменным видом (паспортом) из-за польской границы, скитался по разным местам, сошелся со старообрядцами, несколько раз его брали под арест, как подозрительного.

Емельян Иванович Пугачев.

Уже в начале царствования Екатерины II, а она взошла на престол в 1762 году, волнения охватили около ста тысяч крепостных крестьян. За период с 1762–1772 годы произошло около пятидесяти крупных восстаний крестьян против произвола помещиков в Петербургской, Московской, Тульской, Воронежской, Нижегородской, Казанской губерниях. А всего в шестидесятые годы произошло более ста выступлений селян. Отчаявшиеся крестьяне убивали своих помещиков. Только в Московской губернии с 1764 по 1769 год убито до тридцати дворян.

Трудновато жили и коренные народы Поволжья и Приуралья.

Экономическое расслоение казачества на приуральской реке Яик на богатых и бедных привело в 1772 году к восстанию служилой бедноты. Заваруху заглушили армейские пушки, генерал правительственных войск оказался убитым...

В народе ходил слух о незаконном захвате Екатериной II царского престола, высказывались разные догадки о судьбе исчезнувшего мужа царицы. И вот летом 1773 года на реке Яик Пугачев объявляет себя Петром III, спасшимся чудесным образом. Он, после названный мужицким царем, обещает в свое царствие держать старую веру, будет запрещено брить бороды и носить немецкое платье. К этому пошли слухи, что добрый царь восстановит патриаршество, которое упразднил западник Петр I.

Царский титул поднимал авторитет, объяснял законность действий Пугачева, а

потом и давал основу для объявления всеобщей воли. Пугачев еще верил в «наивный монархизм».

Ближайшие сподвижники Емельяна Ивановича «полковники» И. Чика-Зарубин — граф Чернышев, И. Белобородов, И. Творогов, М. Горшков и другие хорошо знали, что их предводитель простой казак, но верно служили «Петру III», говоря между собой: все равно, абы в добре...

На зов «государя» стали сбегаться бедные казаки, прятаясь еще со времен Петра I старообрядцы, которым теперь жаловались их «крест и борода», заводские рабочие Урала, беглые крестьяне, работная голытьба Волги, инородцы... Простой люд всегда считал, что царь, он не только дворянский, но и царь простого народа, и вот этим воодушевлялась армия Пугачева.

Наивная вера простого народа опять-таки в доброго справедливого царя-батюшку, в свободу от помещичьей кабалы — все это и обусловило широкий размах новой крестьянской войны под знаменами и призывами Е. И. Пугачева.

Задуман всполох на Дону, а оружие-то заговорило, как и во времена разиновщины, в Поволжье...

В войну против угнетателей вводится слово. В разные концы Урала, Приуралья, Поволжья, в Воронежский край направляются «манифесты» «Петра Федоровича» к народу. В них действительно выражены народные чаяния, они, по словам А. С. Пушкина, являются «удивительным образцом народного красноречия».

Чем же жаловал «своих подданных» Петр III?

А жаловал он «всех, находившихся раньше в крестьянстве и подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короне, и награждает древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностью и свободой и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и протчих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и соляными озерами без покупки и без оброку и освобождает всех прежде чинимых от злодеев дворян и градских мздоимцев-судей крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощений».

Боевые действия развернулись уже зимой. В январе 1774 года Салавату Юлаеву сдался Красноуфимск. В феврале подняли бунт рабочие 92 заводов Урала, они овладели Челябинском, Курганом...

12 июля пугачевцы с ходу взяли Казань, но в кремль не вошли. Тут подоспела помощь осажденным. Подполковник Иван Иванович Михельсон в тяжелом пятичасовом бою нанес поражение осаждавшим. Две тысячи повстанцев погибли, более пяти тысяч с пушками сдались в плен на милость победителей. Уцелевшая конница башкир ушла в свои родовые пределы.

С отрядом в пятьсот верных казаков Пугачев перешел на правобережье Волги. А. С. Пушкин, написавший историю этой крестьянской войны, говорил: «Пугачев бежал, но бегство его казалось нашествием».

... Емельян Иванович быстро шел на юг. Его сподвижники заняли 19 июля Цивильск, 20 — Курмыш, а 27 — Саранск, 1 августа — Пензу, 6 — Саратов.

Уход Пугачева в Нижнее Поволжье поставил под угрозу разрозненные отряды повстанцев, один за другим они терпели поражение от регулярных войск.

За поимку Е. И. Пугачева объявлена большая награда в 10 тысяч рублей. Повторялось извечное: расчет на предательство.

На юге силы пугачевцев значительно возросли, пополнились бурлаками,

волжскими, украинскими казаками и калмыками.

17 августа Пугачев взял Дубовку, тогда центр волжского казачества. 21 августа армия оказалась у стен Царицына, но города Пугачев не взял. А 24-го близ Черного Яра Михельсон в очередной раз нанес сильное поражение восставшим. С небольшим числом своих сторонников Емельян Иванович едва ушел за Волгу, он еще надеялся, что соберет в прикаспийских степях бедноту. Обсуждалось предположение скрыться в Персию, на Кубань или в Запорожье.

Но богатые яицкие казаки уже сговаривались выдать властям «мужицкого царя».

Нижегородская губерния не осталась в стороне от событий и в эту крестьянскую войну.

Отряды повстанцев появились в пятнадцати верстах от Нижнего. В городе началась нешуточная паника. В страхе губернатор А. А. Ступишин сообщал в Петербург, что «ручаться за безопасность Нижнего, да и Москвы уже нельзя». Ступишин кинулся укреплять Арзамас, открывающий дороги и на Нижний, и на Москву. В Арзамасе он собрал до трехсот дворян, чиновных и прочих служилых для отпора наступающих «злодеев», но собранные вояки разбежались. Тогда губернатор направил в Арзамас полковника Архарова со 160 казаками, из коих 30 донцов отрядил на усмирение мужиков, приписанных к Починковскому конному заводу. Вздыхнул генерал-поручик лишь тогда, когда прочитал рапорт от подполковника Михельсона, что «злодей», очевидно, «узнав, что дорога ему пресечена, изменил свое намерение явиться в Арзамасу».

5 августа 1774 года губернатор советует графу Панину, что полки, «вышедшие из Москвы», надо бы разместить между Арзамасом и Темниковым, так как обе дороги, ведущие к Москве, будут под присмотром...

Окружение Пугачева торопило его с походом на Москву, но военный человек Емельян Иванович понимал, что с необученными крестьянами первопрестольной не взять. А тут еще повседневно преследовал Михельсон. Пугачев понял всю сложность ситуации и поспешил на Дон поднимать казацкую бедноту, что вполне владела оружием.

А между тем все правобережье Волги полыхало в огне восстания.

Екатерина II наспех заключила мир с Турцией, армия спешно направлялась в Поволжье. 25 июня ее командующим назначен граф П. И. Панин. Это был уже четвертый главнокомандующий, посылаемый в районы восстаний. Прежде слабо действовали А. И. Бибиков, Ф. Ф. Щербатов и П. М. Голицин. С берегов Дуная срочно вызвали А. В. Суворова. Проездом к месту нового назначения в волжский район он останавливался в Арзамасе.

Насколько широкий размах приняла крестьянская война на правобережье Волги можно судить по тому, что за два месяца в этих краях — с 20 июля по 20 сентября — царские каратели разбили более пятидесяти отрядов повстанцев, некоторые из них насчитывали до 3–4 тысяч человек. У пугачевцев отбито 64 пушки, 4 единорога, 6 мортир, убито сторонников «Петра III» до 10 тысяч, в плен взято 9 тысяч, освобождено из плена «дворян, благородных жен и девиц — 1280 душ».

Накопленная ненависть простого народа против угнетателей имеет тоже свою статистику. За указанные месяцы войны «разными смертями умерщвлено» дворян, их жен и детей — 1572, священнослужителей с женами — 237, служилых, приказных с их женами и детьми — 1037, а всего дворян и прочих чинов истреблено — 2791 человек. Конечно, эти сведения далеко не полны.

Едва напор восставших на Арзамас и Нижний спал, губернатор Ступишин занялся палаческими делами. В городе казнили тех шестерых, которых Пугачев послал для подстрекательства к бунту — поймали их близ села Богородского. Повесили

мужиков на барке и пустили вниз по Волге в «назидание приречным жителям». В Нижнем Новгороде же повесили и крестьянина Чернова. Многих других пойманных выпороли под виселицей плетью для острастки. На площадях тех нижегородских сел и деревень, где происходили «возмущения» начали возводить виселицы и «глаголи» — одиночные виселицы в форме буквы «Г» с приложением к ним орудий наказания.

С крестьян повсеместно под угрозами собирались подписки о повиновении помещикам и властям. Эти подписки гласили: «... в послушании быть должны, а злодейского разглашения и коварного толкования о государственном бунтовщике Емельяне Пугачеве не слушать». Сельские жители приходили в повиновение, однако, как писал тот же Ступишин, «не от угрызения совести, но от строгости».

В Арзамасской провинции — в это время бывший уезд так назывался, состоящей тогда из огромной территории нынешних Арзамасского, Ардатовского, Шатковского, Вадского, Дивеевского, Болдинского, Лукояновского и других районов (106 750 душ мужского только пола), преобладало крупнопоместное дворянство. Здесь крепостной гнет выражал себя наиболее тяжело. Немало земель в провинции обрабатывали также государственные, дворцовые пахотники.

Летом 1774 года крестьянские выступления на территории провинции приняли едва ли не повсеместный характер. В 124 селениях подняли мужики свой протест. Бунтовало 82 помещичьих селения, 21 государственное, в основном — экономические, и 14 дворцовых.

Мирской суд.

Выступления крестьян всюду носили ярко выраженный протест против крепостного права. В районах военных действий жители сел и деревень убивали особо ненавистных помещиков, жгли усадьбы и документы по закреплению крестьян, долговые записки, забирали себе скот, хлебные и другие припасы, устанавливали мирское правление по казачьему образцу. Всячески помогали пугачевцам, снабжали их провиантом, лошадьми.

... Многие крестьяне не верили, что Пугачев взят царскими слугами и отвезен в Москву. Вот почему в декабре жители деревни Забелиной, что в четырех верстах от Арзамаса, напали на своего помещика С. И. Мещеринова.

Выступления крестьян Арзамасской провинции еще долго продолжались и после поражения повстанческой армии Е. И. Пугачева. Канцелярия воеводы 8 сентября 1774 года сообщала, что «чернь бунтовать еще не перестала». К сентябрю восстания подавили только в 51 селении.

Арзамас с середины XVIII века переживал пору бурного экономического подъема, начал отсчет своего «золотого века». С ростом товарно-денежных отношений в России все больше в городе развиваются разные ремесла, растет число мелких и крупных кожевенных, кошмовальных, салотопных, свечных и других заведений. В провинции дымят железоделательные заводы Баташевых, Цыбышевых и Беляниновых.

Город стал «многолюден»...

... Особое беспокойство охватило в конце июля 1774 года дворян, сбежавших в Арзамас из своих усадеб. Нервная обстановка наблюдалась в воеводской канцелярии. То и дело скачут гонцы в Нижний Новгород с рапортами о беспорядках в провинции. Воевода А. А. Сенявин настораживал губернские власти, что «ни одной вртчины донныне в приводе не имеется,» то есть не усмирены.

24 июля он опять же доносит губернатору А. А. Ступишину: «Здесь город по малости военной команды, в случае хотя бы малейшего от злодейской партии нападения, останется без всякого защищения и по неимению здесь в наличии пороха никакого против оной сопротивления чинить никто не может».

28 июля А. А. Сенявин рапортует в Нижний Новгород снова: «Теперь уже не столько от явных государственных злодеев, как больше от внутренних уездных обывателей нужно иметь предосторожность».

Действительно, уже и окрест Арзамаса действую! небольшими группами повстанцы. Со слов крестьянина погородней Выездной слободы стало известно, что к Арзамасу намереваются идти пять отрядов. Потому 30 июля Нижегородскому губернатору опять же отсылается доношение: «... почти все здешнего уезда обыватели весьма взбунтовались... во многих селениях приказчиков держат под караулом и имения их помещиков грабят».

Смятение перед грозными силами народной войны передано и в словах сенатора П. С. Рунича, который нашел «весь город в страхе и унынии».

Часть арзамасцев сочувственно относилась к Е. И. Пугачеву, к его борьбе, верила, что он и есть император Петр III. Ходили слухи о желании купцов встретить предводителя войны хлебом-солью. Находившийся при питейных сборах крестьянин А. Усов свидетельствовал на допросе именно в пользу этого. Магистрату отдали распоряжение выяснить «... не является ли кто из подлых купеческих людей столь вредного богомерзского намерения или поползновения». В связи с этим был наказан плетью целовальник арзамасского питейного дома купец Е. В. Дубов за то, что он осмелился назвать Пугачева «российским храбрым воином».

Состояние арзамасцев передает местный историк: «Жители Арзамаса, не посвященные в тайны полководцев и не знавшие о движении Пугачева к югу... ждали его с часу на час в Арзамасе. Одни собирались бежать, другие зарывали свои деньги и драгоценности в землю».

Постоянные вопли арзамасского воеводы о помощи наконец были услышаны: в город и уезд для подавления бунтующих сначала направлена команда солдат в тридцать человек под командованием офицера Белехова. А появление конного

полка, двух эскадронов гусар, а затем проезд Главнокомандующего графа П. И. Панина внесли определенное успокоение в среду чиновного Арзамаса и укрывшихся в городе дворян.

После «замирения» Арзамас и его провинция явились местом массовых наказаний борцов за свободу: в городской тюрьме находилось 340 участников восстания, два из них казнено, 114 наказано кнутом, а остальные сечены плетями. Места казни, созданные в 6 селах и деревнях для «назидания» сохранялись долго.

Стихло в бунташных селениях... Однако, несмотря на такую трагическую концовку жизни Емельяна Ивановича Пугачева, кой-кто польстился на славу предводителя крестьянской войны. И вот снова объявляется «Петр Федорович».

Сохранился сказ о нем: «Кабачок „Ямка“ стоял около дома Подсосова-купца близ церкви Введения во второй половине XVIII века. На Арзамасской площади свершилась казнь, рубили голову какому-то чернухинскому дьякону, называвшему себя Петром III. Отрубленная голова была выставлена на железном пруте и долго наводила страх на легковверных людей. Спустя долгое время, под фундаментом дома Подсосова, где находился кабачок „Ямка“, вырыт череп. Череп этот будто бы принадлежал казненному дьякону-самозванцу».

Бунт «беспощадный и жестокий» давно кончился, но народ все еще жил будораживающей памятью о нем. Арзамасцы, спустя и сто лет, говоря о какой-нибудь старинной вещи, определяли давность ее словами: «Она ведь бунт помнит!»

В своей «Истории Пугачевского бунта» А. С. Пушкин писал: «Пугачев скитался... по степям. Войска отовсюду окружали его». Пугачев не имел средств выбраться из сетей, его стесняющих. Его сообщники, с одной стороны видя неминуемую гибель, а с другой надежду на прощение, стали сговариваться и решились выдать его правительству.

14 сентября они прибыли в селение тамошних староверов.

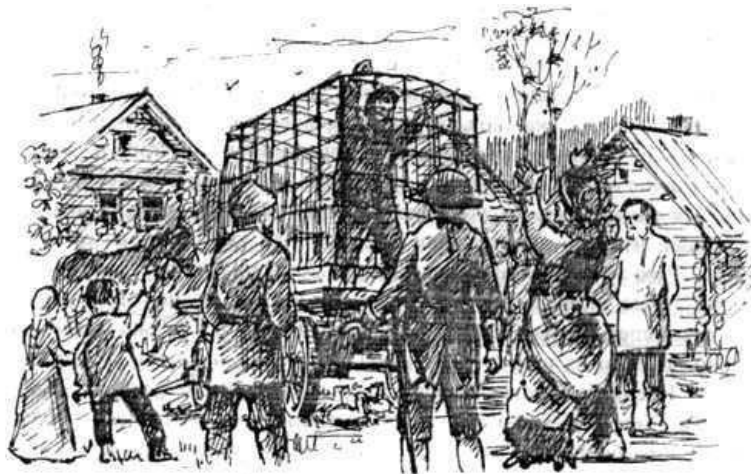
Пугачев сидел один в задумчивости. Оружие его висело в стороне. Услыша вошедших казаков, он поднял голову и спросил, чего им надобно. Они стали говорить о своем отчаянном положении и, между тем тихо подвигаясь, старались загородить его от висевшего оружия. Пугачев начал опять их уговаривать идти к Гурьеву-городку. Казаки отвечали, что они долго ездили за ним и что уже ему пора ехать за ними. «Что же? — сказал Пугачев. — Вы хотите изменить своему государю?» «Что делать!» — отвечали казаки и вдруг на него кинулись... Пугачев успел от них отбиться. Они отступили на несколько шагов. «Я давно видел вашу измену», — сказал Пугачев и, подзвав своего любимца Илецкого казака Творогова, протянул ему свои руки, сказал: «Вяжи!» Творогов хотел ему скрутить локти назад. Пугачев не дался. «Разве я разбойник?» — говорил он гневно. Казаки посадили его верхом и повезли к Яицкому городку... Однажды нашел он способ высвободить руки, выхватил саблю и пистолет, ранил выстрелом одного из казаков и закричал, чтоб вязали изменников, но никто уже его не слушал. Казаки, подъехав к Яицкому городку, послали уведомить о том коменданта.

... Пугачева привезли прямо на двор к графу Панину... «Кто таков?» — спросил он у самозванца. «Емельян Иванов Пугачев», — отвечал тот. «Как же смел ты, вор, назваться Государем?» — продолжал Панин. «Я не ворон, — вздохнул Пугачев, играя словами и изъясняясь по своему обыкновению иносказательно, — вороненок, а ворон-то еще летает».

Начались глумления, издевательства и даже истязания во время допросов. Наконец, 25 октября в слякоть и стужу под конвоем драгунского полка Емельяна Ивановича повезли из Симбирска в Москву.

В Арзамасе драгунский полк ночевал. Сохранились воспоминания А. К. Орешникова, как арзамасцы пришли посмотреть на «Пугача»: «Клетка с

Емельяном Пугачевым стояла во дворе дома купца Сулимова. Чуть не все жители перебивали тогда на этом дворе... Рассказывают, что приплелась какая-то старая барыня, и захотела она Емельяна пожурить за „душегубство“. Страшно взглянул на нее Пугачев, звякнул кандалами, и бедную старуху вынесли замертво».

«Он и в тесной клетке бунтовал.»

Это сообщение А. К. Орешникова легло в основу стихотворения арзамасского поэта Александра Плотникова:

ПОСЛЕДНЯЯ ДОРОГА

Арзамас прислушался, примолк, Но взорваться тишина готова... К городу спешил драгунский полк, Конвоировавший Пугачева. Стук копыт, Позвякиванье шпор, Кони, запотевшие от бега. И к купцу Сулимову во двор Въехала скрипучая телега. Разлетелись гуси, гогоча, Раскричались серые, зная, к худу. Чтобы поглядеть на Пугача, Торопились люди отовсюду. Слезы из осенних облаков. Шум толпы. И пестрота одежды. И печаль в глазах у мужиков, То печаль несбывшейся надежды. Он молчал, Чуть голову склоня, Их не сбросить, Кованные цепи. Вспоминал он саблю да коня, Вольный ветер вспоминал да степи. Не согнулся крепкотелый дуб, Как ни гнула буря, ни качала. — Ты — злодей, разбойник, душегуб! — Барыня сердито прокричала. Пугачев цепями вдруг потрянул, Руки дела ратного просили, И железный раскатился гул По всему подворью, по России. И такой сверкнул во взгляде гнев, Тяжелей холодного металла. Барыня, от страха побледнев, Ахнула и замертво упала. Он и в тесной клетке бунтовал, Сотрясал огромное царство, Голытьбе он в кровь переливал Силу непокорства, Дух бунтарства. Под топор — казацкой голове, Только нет раскаянья и страха. На Болотной площади в Москве Для Емели уж готова плаха. Дым из труб тревожно-языкат. Был конвой слегка помят с ночлега. И от Арзамаса на закат Покатилась тряская телега.

... Предположительно, Емельяна Ивановича Пугачева провезли через Арзамас 8-9 ноября 1774 года.

А. С. Пушкин со слов свидетеля рассказывал: «Он был в оковах. Солдаты кормили его из своих рук и говорили детям, которые теснились около его клетки: „Помните, дети, что вы видели Пугачева“... В Москве встречен он был многочисленным народом, недавно ожидавшим его с нетерпением и едва усмирённым поимкою грозного злодея. Он был посажен на Монетный двор, где с утра до ночи в течение двух месяцев любопытные могли видеть его прикованного к стене».

Суд вынес решение: Пугачева и его ближайшего сподвижника атамана Перфильева четвертовать живыми, а уж затем отсечь головы. Атаману Чике-

Зарубину отложили казнь. Трех пугачевцев: М. Шигаева, Т. Падурова и В. Торнова определили повесить, двадцать — высечь кнутом, одного (дворянина) лишить чина и дворянства «с ошельмованием», другого наказать плетью, третьего только лишить чинов, остальных надлежало сослать на каторгу или поселение.

24 декабря обнародован манифест о Пугачеве и его «преступных замыслах».

Казнь Емельяна Ивановича Пугачева и его товарищей произвели в Москве на Болотной площади 10 января 1775 года.

«... По прочтении манифеста... Пугачев, сделав с крестным знаменем несколько земных поклонов, обратился к соборам, потом с уторопленным видом стал прощаться с народом; кланялся на все стороны, говоря прерывающимся голосом: прости, народ православный; отпусти, в чем я согрубил пред тобою... прости, народ православный! При сем слове экзекутор дал знак: палачи бросились раздевать его; сорвали белый бараний тулуп, стали раздирать рукава шелкового малинового полукафтаныя. Тогда он, всплеснув руками, повалился навзничь, и вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе.

Палач имел тайное повеление сократить мучения преступников. Перфильев, перекрестясь, простерся ниц и остался недвижим. Палачи его подняли и казнили так же, как и Пугачева. Между тем Шигаев, Падуров и Торнов уже висели в последних содроганиях... В сие время зазвенел колокольчик: Чику повезли в Уфу, где казнь его должна была совершиться... Народ разошелся».

Надо сказать, что расправа с восставшими, если ее сопоставлять с карательными мерами против разинцев, была милостивой. Перепороли и сослали многих, но жизнью лишили по суду, кажется, не более пятнадцати человек. Дарованы милости и крестьянам. Недоимки отсрочены, подати за 1774 год собирались только за треть года, на выдачу пособий пострадавшим определили миллион рублей.

Царские поблажки диктовались, конечно, опасением «грозящей беды» — власти боялись «бунта всех крепостных деревень», а потом императрица старалась показать себя перед Европой «милостивой матушкой» для своих подданных. Да и в «историю» попасть не хотелось — помнила о скорых трудах иностранцев, сочиненных за рубежом о мятеже «Стеньки Разина»...

В конце 1775 года обнародовано общее прощение, верховные власти повелели предать недавние события в стране вечному забвению. И в этом плане явилось желание вытравить из народной памяти имена Разина и Пугачева. Станица Зимовейская, в которой родились народные заступники, была переименована, названа Потемкинской. Подверглось опале яицкое казачество, оно стало называться Уральским. Даже реку Яик переименовали в Урал. А волжское казачество переселили на Кавказ.

... Еще целый год граф Панин и А. В. Суворов оставались в усмирных, вроде бы, губерниях — укрепляли власть, отстраивая города и крепости, подавляли отдельные вспышки народного недовольства.

Крестьянская война 1773–1775 годов была более «серьезной» движением Ивана Болотникова, Разина, Булавина, она внесла немало пищи в развитие общественно-политической мысли в России. В преддверии крестьянской реформы 1861 года, в годы новых мужицких бунтов перед дворянством, властью поднимался грозный призрак «пугачевщины». Он-то и торопил отменить крепостное право сверху, не дожидаясь, когда его отменит народ снизу...

Нет, никогда не был рабом в душе русский человек, да и все россияне. Никогда не склонялся он перед нашествием иноземцев, не опускал своей головы и перед своими угнетателями.

«Каждый русский сознает себя частью всей державы, сознает родство свое со всем

народонаселением. Оттого-то, где бы русский ни жил на огромных пространствах между Балтикой и Тихим океаном он прислушивается, когда враги переходят русскую границу, и готов идти на помощь Москве».

А. И. Герцен.

Еще в последней трети XVIII века отношения России с Францией — последняя поощряла Турцию к войне против северного соседа, очень осложнились. Однако русские благодаря громким победам своих полководцев на суше и на море утвердились в Причерноморье, овладели Крымом, кубанскими землями.

И уж совсем охладели связи России с Францией после революции, после казни французского короля 21 января 1793 года. Россия тут же заключила с Англией и Пруссией договор против революционной Франции.

... В августе 1811 года в небе появилась хвостатая комета, которую видела вся Европа и считала явление необычной гостью недобрым предзнаменованием.

К бедам русский человек чуток.

Ходили слова: согрешили... Божье знаменье... Пометет эта комета землю русскую... Народ, зная, что «Наполеон всю Европу прошел», понимал, что дойдет он с оружием и до России. Так и вышло.

Но этот 1811 год для России выпал добрым, принес громкую победу войскам Кутузова при Рущуке, весной 1812 года Турция запросила мир и дала православным сербам самоуправление. Так русские помогли братьям по вере создать Сербское княжество.

Мир с французами, вынужденно заключенный 25 июня 1807 года, оказался недолгим.

В июне 1812 года огромные полчища захватчиков числом в 600 000 человек — армия, состоящая из народов едва ли не всех государств Европы, перешла пограничный Неман и вошла в пределы России.

И тут же родилась поговорка: летит гусь на Святую Русь.

Наполеон самонадеянно заявлял: «Я буду властелином мира, остается одна Россия, но я раздавлю ее».

У узурпатора имелся стратегический план захвата Москвы. Он считал: «Если я возьму Киев, я возьму Россию за ноги; если я овладею Петербургом, я возьму ее за голову; заняв Москву, я поражу ее сердце».

Французский император долгое время оставался удачливым военачальником в своих кампаниях, его уже опьянили легкие победы, европейские столицы, города, лишенные воли сопротивления, поспешно, подобострастно на бархатных подушках выносили ключи от городов победителю. Лавры Александра Македонского, а тот ведь считал себя сыном Юпитера на земле, не давали покоя Наполеону. Он тоже хотел едва ли не божественного почитания и потому-то вез в Россию свою статую, которую мечтал поставить навечно в Кремле. Более того, Наполеон приказал загодя выбить медаль «Французский Орел на Волге», ее уже чеканили в том же 1812 году. На лицевой стороне медали помещалось изображение портрета императора, а на оборотной — фигура речного божества Волги, в ужасе убегающая от французского гербового орла...

Какова же была воинская сила России?

У западных границ стояло три армии: первая Западная под началом военного министра Барклая-де-Толли. Вторая Западная генерала Багратиона. И третьей

армией командовал Тормасов. За этими армиями находились два корпуса — Меллера-Закомельского и Эртеля. Воинский контингент всех армий и корпусов составлял немногим более двухсот тысяч воинов на протяжении пятисот верст. Соединиться в один кулак они могли, только отойдя в глубокий тыл. Единого командного центра не существовало, все командующие армиями имели одинаковые полномочия.

На первых порах войска и народ не помышляли об отступлении, но тот же Барклай-де-Толли советовал царю отвести армии от границ для соединения. Александр I прислушался к совету, да и сам понимал сколь опасно подставлять разрозненные силы под мощный удар вражеских войск.

Отступление вызвало всеобщее недовольство патриотов и даже ропот против Барклая-де-Толли. Царь, «умыв руки», назначил главнокомандующим генерала Михаила Илларионовича Кутузова, который так блестяще закончил войну с Турцией.

М. И. Кутузов.

Но и Кутузов поддержал тактику отхода. 22 июля 1 и 2 армии соединились под Смоленском. 4 августа Наполеон начал наступление на город. Русские воины отчаянно защищались, но вынуждены были отступить, причинив и до Смоленска немалый урон наполеоновской армии.

17 августа Кутузов прибыл в воинские части. Настроение в войсках повысилось. Тут и родилась известная поговорка: «Пришел Кутузов бить французов».

Главнокомандующий уже обмыслил план ведения войны с чужеземцами. Фланговые маневры, готовые к бою резервы, крепкий тыл, патриотический порыв солдат и народа, действенная партизанская борьба — все это входило в стратегические задачи. Но вначале-то — отступление к Москве, нанесение чувствительных ударов по передовым частям армии врага и повседневное изматывание его сил...

И все же надо было дать генеральное сражение. Этого ждало общество и армия.

Стали готовиться к бою...

22 августа Кутузов объехал Бородинское поле, тщательно оглядел место будущего боя. Порадовали его резервы, приведенные графом М. А. Милорадовичем. Покидая поле, Михаил Илларионович вспомнил, как уезжая из Петербурга к армии, на вопрос одного из родственников: «Неужели вы, дядюшка, надеетесь разбить Наполеона?» он, не мешкая, ответил: «Разбить? Нет. А обмануть надеюсь». Кутузову было 67 лет. Наполеон, знавший русского полководца еще с 1805 года, называл его «старой лисицей». И — недаром!

Французская армия у Бородино насчитывала 130–135 тысяч солдат и 585 артиллерийских орудий. У Кутузова численный состав составлял 120 тысяч воинов. Из них 17 тысяч конницы. Кроме того, 7 тысяч казаков и 10 тысяч смоленских ратников почти необученных, вооруженных пиками. Орудий выкатили на позиции 640.

25 августа французы ликовали. Из Парижа доставили портрет сына Наполеона — «короля Рима» — и его показывали солдатам. Император бодрил армию, обещал удобные квартиры для солдат в Москве и победоносное возвращение в дорогое отечество.

А в стане русских воинов стояла тишина. Солдаты стирали рубахи, чтобы одеться в чистое перед смертью. Многие отказывались от обычной чарки водки, говоря, что теперь не до питья.

Вечером по приказу Кутузова по рядам войск, стоявших на коленях и усердно молившихся, пронесли чудотворную икону Божией Матери Смоленской, взятую в войско накануне взятия Наполеоном Смоленска. Михаил Илларионович, окруженный штабными, встретил и поклонился образу до земли.

Утром 26 августа, а два предыдущих дня прошли в перестрелке, когда всходило солнце, Наполеон воскликнул: «Это солнце Аустерлица», напомнил своим солдатам, как он 20 ноября 1805 года разбил русские и австрийские войска.

... Кутузов стоял на холме близ деревни Горки среди своих офицеров и спокойно наблюдал за началом боя.

А начали атаку французы на Шевардинский редут, расположенный впереди всех русских укреплений, затем густо неприятель пошел на батарею Раевского. В случае взятия орудийного заслона армия наша была бы рассечена надвое. Генерал Ермолов отбил все атаки французов, а раненого генерала Бонами взял в плен.

Взяты французами Семеновские флеши. Наполеон сильно угрожал левому флангу русских.

... Грохотало разом полторы тысячи орудий, треск двухсот тысяч ружей — казалось, что ад пал на Бородинское поле.

Вам не видать таких сражений... Носились знамена, как тени, В дыму огонь блестел, Звучал булат, картечь визжала, Рука бойцов колоть устала, И ядрам пролетать мешала Гора кровавых тел.

Французы бросались в новые и новые яростные атаки...

Кутузов вовремя маневрировал, русские то и дело наносили французам фланговые удары, и таким образом к вечеру удалось выровнять линию фронта, восстановить начальное стояние армий. Неприятель отошел на исходный рубеж.

До шести вечера шла артиллерийская дуэль. Но идти в наступление уже не было

сил ни у той, ни у другой стороны.

...Прежде после очередного сражения перед Наполеоном вели пленных, отбитые орудия, несли вражеские знамена... Впервые тут, под Москвой, этого яркого, волнующего спектакля не произошло. Только теперь император понял, что такое русский солдат. А еще он понял очевидное, что если завтра продолжит бой, то останется без армии в чужой стране.

Итак, «битва гигантов» не принесла явной победы ни французам, ни россиянам. Французы потеряли на поле боя более 50 тысяч солдат, остались почти без кавалерии. Великими оказались потери командного состава. Потеряно до 50 генералов, 37 полковников, более 3 тысяч офицеров более низшего звания. Русские потеряли 44 тысячи солдат. Только первая армия недосчиталась 18 генералов, 1482 штаб- и обер-офицеров, не меньшими были потери офицерского состава во второй армии.

После Наполеон говорил: «Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвою. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми». Далее: «Из пятидесяти сражений мною данных в битве под Москвою выказано наиболее доблести и одержан наименьший успех». И еще: «Русского воина мало убить, его еще нужно повалить».

Победила под Москвой тактика Кутузова. Свидетель сражения писатель Федор Глинка 29 августа 1812 года дал точное объяснение победы русского оружия: «Французы мешались с диким остервенением, русские стояли с неподвижностью твердейших стен. Одни стремились дорваться до вождя до конца всем трудам и дальним походам, загребсти сокровища им обещанные и насладиться всеми утехами жизни в знаменитой столице; другие помнили, что заслоняют собою сию древнюю столицу, сердце России и мать городов. Оскорбленная вера, разоренные области, поруганные алтари и прахи отцов, обиженные в могилах, громко вопияли о мщении и мужестве».

*Вот смерилось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали
раны. Товарищей считать.*

27 августа в 6 часов утра Кутузов отдал приказ: тотчас, соблюдая тишину, отходить от Бородинского поля. Прикрывать отступление оставили казаков Платова. Наполеон обрадовался, послал вдогон отступающим большой отряд, но Платов у Можайска отбил неприятельскую конницу. Наполеон понял, что одним ударом он войну не кончил, что война только началась. И мрачные думы о судьбе «великой армии» овладели императором...

Кутузов о сражении при Бородино сказал: «Сей день пребудет вечным памятником мужества и отличной храбрости русских воинов».

После Бородинской битвы за непроигранное сражение Михаил Илларионович Кутузов получил звание фельдмаршала.

Один из русских историков писал: «Бородинское сражение было очистительной жертвой за оставление Москвы, на необходимое удовлетворение общественному мнению и войскам».

Наполеон въехал в город во вторник 3 сентября через Дорогомиловскую заставу. Доехали до Боровицких ворот Кремля, а на глаза не появлялся ни один житель. Шло время, а депутация с ключами от города так и не появлялась. Город опустел, странно затих, а затем французы увидели багровый дым пожара — там, здесь...

Москва стала гореть уже при входе иноземцев в нее. К вечеру первого дня пребывания Наполеона в городе были взорваны пороховые погреба. и это усилило начавшиеся пожары. Французы повесили и расстреляли двести якобы

поджигателей, но пожар не прекращался. Солдаты разбрелись по городу, разбили винные погреба, перепились и стали поджигать дома.

У нас не было вдоволь свеч про вас, Вдоволь не было воску ярого; Мы зажгли за вас лишь одну свечу И поставили в храме Божием, Лишь одну свечу — Москву-матушку Вам, друзьям нашим, в упокой души, А врагам лихим к посрамлению.

Пожар, бушевавший Почти неделю, уничтожил 7832 дома из 9151. В центре, в пределах Садового кольца, столица сгорела почти целиком.

После пожара Наполеон, опять вернувшись в Кремль из загородного Петровского дворца, отдал Москву на разграбление солдатам. Очевидец из французов вспоминал: «Солдаты великой армии не уважали ни стыдливости женского пола, ни невинных детей в колыбели, ни седин старости».

Не избежали страшной участи монастыри и храмы. Солдаты уносили все, что оставалось там не вывезенным, допрашивали и истязали монахов и священнослужителей, чтобы добиться признания, где спрятаны церковные ценности. Они превращали церкви в конюшни, священническими облачениями покрывали лошадей, раскалывали и жгли иконы вместо дров, вбивали гвозди в святых, а престолы и жертвенники обращали в обеденные столы. В некоторых монастырях устроили бойни. Не избежали поругания и кремлевские храмы. Шибко цивилизованные европейцы в алтаре Архангельского собора устроили кухню для Наполеона, а в Успенском соборе на месте паникадила привесили весы, на которых взвешивали выплавленное из сокровищ серебро и золото. На иконостасе этого собора французы оставили надпись, что они выплавили 2 325 пудов серебра и 18 пудов золота. Тут же стояли плавильные печи и стойка для лошадей. В Чудовом монастыре в главном храме враги устроили спальню для маршала Даву. Остальные кремлевские монастыри и соборы превратились в казармы.

Так называемая Великая французская революция 1789–1794 годов объявила атеизм. Были закрыты церкви, введены гражданские обряды, в школах перестали преподавать основы христианства. Отсюда и быстрое разложение солдат наполеоновской армии. Аббат Сюрют, находившийся в Москве, когда там хозяйничали французы, вспоминал, что «в продолжении шестинедельного здесь пребывания он (Наполеон) не посетил нашего храма и, вероятно, не думал об этом... При переходе через Неман (в армии Наполеона) не было ни одного священника. Во время их пребывания здесь (в Москве) из них умерло до 12 тысяч, а я похоронил по обрядам церкви только одного офицера и слугу генерала Груши».

Позже русские уверились, что трагическая судьба французской армии, которая своими трупами усеяла дорогу от Москвы до границы, — была возмездием за безбожие и поругание православных святынь. Воистину: Бог поругаем не бывает!

Русские провиантские склады в Москве сгорели, а посланных фуражиров уничтожали в «малой войне» армейские отряды и партизаны из крестьян... Наполеон понял, что он оказался в ловушке и надо поскорей уносить из Москвы ноги. 23 сентября император пытается пойти на мир с Россией, присылает к Кутузову полномочного представителя. Наполеону обещано довести до сведения Александра I о желании французов, но Кутузов нарочито тянул с этим — пусть подоле поголодуют французы в чужой столице — наступает глубокая осень, а там и зима-зимушка... Тут-то и родилась в солдатской среде, конечно, песня, ставшая потом народной: «Как наш дедушка Кутузов заманил в Москву французов...»

И в басне «Волк на псарне» Иван Андреевич Крылов точно выразил мнение русского народа:

Ты сер, а я, приятель, сед, И волчью вашу я давно натуру знаю, А потому обычай мой: С волками иначе не делай мировой, Как снявши шкуру с них долой!

Эту басню Иван Андреевич передал в Петербурге жене Кутузова, а та прислала ее мужу. После сражения под Красным Михаил Илларионович прочел басню

собранным офицерам и при словах «А я, приятель, сед» снял с головы фуражку. Офицеры бурно рукоплескали фельдмаршалу.

О своем пребывании в Москве Наполеон решил оставить память. Он приказал генералу Мортье взорвать Кремль. В ночь с 8 на 9 октября генерал и начал злодейскую работу, но сожжен только дворец, взорвана только часть кремлевских стен, а древние храмы уцелели.

7 октября Наполеон, получивший известие о проигранном французами бое под Тарутино, так и не получивший ключей от Москвы, как и от других городов русских, отдал приказ об уходе из первопрестольной.

Вскоре объявила себя еще одна русская поговорка: «Был Наполеон не опален, а из Москвы вышел опален».

Отступало французов сто тысяч. За армией двигался обоз в 40 тысяч повозок с награбленным добром. Неприятель хотел пойти Калужской дорогой, по которой было бы легче доставать провиант в неразоренных районах, но Кутузов выставил мощный заслон, заставил отступить врага иным, убийственным для него, путем.

... Русские, что называется, по пятам преследовали противника, который отступал по Смоленской дороге, окрест которой французы разграбили все, что могли, прежде. Наши двигались параллельно, закрывали доступ захватчикам в южные неразоренные районы. В боях под Мало-Ярославцем, Вязьмой, Красным, у реки Вопь нанесли большой урон вражеским силам. Из 100 тысяч французов, что выступили из Москвы, до Смоленска дошли 60 тысяч, а до реки Березины только 40 тысяч вояк.

В боях на реке Березине неприятель потерял еще 30 тысяч солдат. 20 ноября Наполеон тайно покинул жалкие остатки своего войска и под чужим именем кинулся во Францию...

В декабре император появился в Париже, предстояло объяснить французам, что же произошло в России. Наполеон выступил в Законодательном Собрании. Он оправдывался, говорил ложное: «Войска действовали весьма успешно, но тут русские позвали на помощь татар, которые сожгли 50 городов и более 4000 деревень, войска окружили пустыней, война потеряла смысл, армия возвращается». Кабы так! Французские и иные женщины так и не дождались своих мужей, братьев и сыновей из далекой России...

25 ноября 1812 года Александр I объявил два манифеста. В одном извещал об изгнании иноземцев из страны и об окончании войны, а в другом высказал намерение воздвигнуть в Москве храм во имя «Христа Спасителя в ознаменование благодарности к Промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели... Да благословит Всевышний начинание наше! Да свершится оно! Да простоит храм сей многие века, и да курится в нем пред светлым престолом Божиим кадило благодарности до позднейших родов вместе с любовью и подражанием к делам их предков».

Легко одетые, голодные, окончательно деморализованные, тянулись иноземцы на запад. После Наполеон и его почитатели уверяли, что только страшный русский мороз погубил войска. Ложь! Французы вышли из Москвы 7 октября, а 10 ноября — через 35 дней, подошли к Березине. Из указанных дней — 21 стояла хорошая теплая погода и только с 25 — 28-го мороз поднялся до 12-17 градусов. От Орши до Березины стояла даже оттепель. И только на Березине мороз ударил до 20-25°.

Снова русский человек посмеялся соборне: отогрелся Наполеон в Москве, да замерз на Березине.

1 января 1813 года русская армия перешла границу, дошла до Эльбы, 16 апреля в городе Бунцлау Кутузов скончался. Перед смертью он завещал: «Прах мой пусть

отвезут на родину, а сердце здесь у Саксонской дороги, чтобы знали мои солдаты, что сердцем я остался с ними». Желание великого русского полководца выполнили.

Александр I командующим теперь уже союзной армией назначил Витгенштейна. В решающей «битве народов» под Лейпцигом войска Наполеона потерпели поражение, в марте союзники подошли к Парижу, разбили его гарнизон, хотя Александр I и предлагал бескровную капитуляцию.

Царь объявил, что не намерен вести какие-либо переговоры с Наполеоном. Союзные войска вошли в Париж, французский парламент объявил императора и его семейство лишенными трона. Наполеона спровадили на остров Эльбу.

...Перед вступлением в Париж Александр I издал манифест, в котором говорилось: «...Неприятели, вступив в сердцевицу царства нашего, нанесли нам много зла, но и претерпели страшную казнь... Не уподобимся им: человеколюбивому Богу не может быть угодно бесчеловеческое зверство... Забудем дела их; понесем не месть и злобу, но дружелюбие и простертую для примирения руку». Как ни пугали парижан «варварами», россияне в столице Франции показали себя много цивилизованнее, чем просвещеннейшие французы и иные европейцы, занявшие столицу «варваров» Москву. Никаких пожаров, грабежей, пьянства, насилия не было!

Жизнь жестоко посмеялась еще над одним властолюбцем, бредившем о мировом господстве, по прихоти которого обескровлена Франция. виновного в бесчисленных человеческих жертвах по всей Европе, особенно в России. Вот печальные данные за десятилетие наполеоновских войн. Узурпатор погубил 2 600 000 французов и 3 500 000 человек других народностей, всего 6 миллионов сто тысяч человек, и не заслужил ничего, кроме человеческих проклятий. Такова извечно судьба всех тех, кто помышляет о господстве над миром...

Отечественная война 1812 года еще раз показала всей Европе доблесть русского солдата-патриота, несокрушимую силу, величайшую решимость нашего народа к самоотверженной борьбе за свободу и независимость родного Отечества. К доблести русских в равной мере добавляли и другие народы России. Только Украина выставила для борьбы с врагом до 60 тысяч воинов. Охотно вступали в ратники земского ополчения татары, марийцы, чуваша, мордва. И не случайно участник войны 1812 года С. Глинка писал: «Не только стародавние сыны России, но и народы, отличные языком, нравами, верою и образом жизни, народы кочующие и те наравне с природными россиянами готовы были умереть за землю русскую».

Царский манифест от 6 июля призывал создавать в помощь армии и народное ополчение. Впоследствии оно насчитывало свыше 300 тысяч человек.

Ополчение создавалось в 16 губерниях, разделенных на три округа. В третий входили: Нижегородская, Казанская, Пензенская, Симбирская, Костромская и Вятская со штабом в Нижнем Новгороде. Основной состав народных дружин — крестьяне. От 100 душ брали 4-х мужчин по жеребьевке. Призывной возраст от 14 до 45 лет. Позже для пополнения армии потребовалось призвать еще по два человека от 100 крестьян.

С конца сентября Арзамас наряду с другими пунктами стал местом формирования 77 батальонов по 1000 человек в каждом. Одновременно в городе пополнялись девять егерских полков.

Нижегородцы вместе с резервным ополчением выставили 18700 человек. Арзамасский уезд направил 1435 пеших и конных ратников.

Велик оказался патриотический порыв и арзамасцев. Сыскались и такие, кто шел защищать Отечество добровольно. Вот что писал крестьянин села Слизнева

Михаил Афанасьев начальнику Нижегородского ополчения князю Георгию Грузинскому: «Прошу под свое начальство в военное ополчение принять и определить в конные казаки, для чего предоставляю и собственную мою лошадь».

Сохранился длинный список рекрутов-арзамасцев. Сразу видим фамилии коренных горожан: Дмитрия Петровича Перетрутова, Петра Алексеевича Фешина, Ивана Алексеевича Щеголькова, Алексея Ивановича Скорнякова, Ивана Алексеевича Иконникова, Павла Ивановича Токарева, Алексея Семеновича Селиванова, Павла и Якова Насоновых, Кирилла Корнилова и многих других.

Формирование полков Нижегородского ополчения закончилось, когда укомплектовали 5 пехотных и 1 конный полк.

В Арзамас шло оружие. Сестрорецкий завод направил сюда 30 тысяч ружей, прибывали и английские ружья. В обмундировании и вооружении ратников принял близкое участие Сергей Львович Пушкин, отец поэта. Он направлен в Арзамас в начале декабря 1812 года для отправки военных обозов.

Арзамасская дружина, начальником которой стал Федор Михеевич Стремоухов, вошла в 3-й пехотный полк и составила второй батальон.

Нижегородские ополченцы 1812 года.

Нижегородские пешие ополченцы обмундировались в русские кафтаны серого

цвета, шаровары, серые суконные шапки с четырехугольным верхом, отороченные бараньим мехом. На шапке, на лобовой части ее располагался крест и вензель императора.

Арзамасцы выступили под своим знаменем. На закрашенном масляными белилами холсте вверху был изображен красный олень — символ герба Нижегородской губернии. Ниже золотом исполнен царский вензель, еще ниже разместились слова: «За Веру и царя». Под словами, цифрами, указано: 3 п. 2 б. Позднее овеянное боевой славой знамя Ф. М. Стремоухов передал на вечное хранение в Арзамасский Воскресенский собор.

На смотр ополченцев прибыл в Арзамас князь Лобанов-Ростовский — начальник пехотных формирований. После смотра торжественно полки отправились к району театра военных действий. Их напутствовали слова царского манифеста: «Да встретит неприятель в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном — Палицина, в каждом гражданине — Минина. Соединитесь все с крестом в сердце и с оружием в руках и никакие человеческие силы вас не одолеют!»

Народ крестил уходящих воинов и радовался: «Ну, слава Богу, вся Россия в поход пошла!»

В суровую годину арзамасцы внесли на правое дело одоления врага свою посильную лепту. В августе в городе открыл свои действия уездный Комитет пожертвований на нужды войны. Жители города передали на вооружение и обмундирование большую сумму денег. Жертвовали монастыри, церкви. Так, Спасский мужской монастырь, несмотря на бедность, внес тысячу рублей.

Крупные по тем временам личные взносы по пять тысяч рублей передали на алтарь победы известный в городе благотворитель Иван Алексеевич Попов, купчиха Авдотья Яковлевна Феоктистова и гвардии прапорщик Николай Сергеевич Бутурлин, купцы Подсосовы...

Городская Дума пожертвовала 30 тысяч рублей — каждый арзамасец внес свою посильную долю на одоление врага.

Арзамасцы обязались и содержали своих ратников, пока они находились на территории своей губернии.

Яков Иванович Лысковцев — медник, изготовил для ополченцев южной части губернии нательные кресты и солдатские котелки.

Арзамасцы и выездновцы выполнили большой заказ армии на пошив обуви для воинов.

Во время войны Арзамас стал крупным эвакуационным и лечебным пунктом. В городе расположился военный госпиталь, в нем содержалось одновременно свыше полутора тысяч раненых и больных.

Учитель уездного училища И. А. Фаворский в свое время писал: «Набожные арзамасцы молились Господу Богу о защите своего народа и избавлении всего Отечества от врагов, помогали раненым к нам приезжавшим и когда, по изгнании неприятелей из Москвы и неоднократном поражении их, следовало Арзамасом большое количество пленных, то арзамасцы с великодушием помогали и этим несчастным, снабжая их обувью и теплой одеждой, необходимой тогдашней суровой зимы».

В городе долгое время обитала немалая группа военнопленных. Жилось им тут почти вольготно.

Писатель С. Н. Глинка, участник войны 1812 года, будучи в Арзамасе в июле месяце, писал, что «... в порыве усердия Арзамас не уступал ни одному из городов русских».

Верная, заслуженная похвала!

...Нижегородцы, входившие в состав армии генерала Л. Л. Бенигсена, приняли участие в боях в 1813 году в Германии. Они отличились в Силезии, Богемии и Пруссии, 4 — 25 октября брали город Дрезден.

За успешное командование боевыми операциями и личную храбрость орденом Св. Анны первого и второго классов награждены арзамасцы: майор Ф. М. Стремоухов, капитан Болтин, поручики Караулов и Дертев, корнет Панютин. Не остались без награды и многие нижние чины.

В войне против иноземных захватчиков участвовал и арзамасский драгунский полк, сформированный еще 16 августа 1806 года. Он отличился в боях при местечке Кайданово 3 ноября 1812 года, далее при Борисове, когда из него был выгнан польский корпус Домбровского. Затем арзамасский драгунский полк присоединили к отряду героя войны М. И. Платова.

События 1812 года долго держались в памяти арзамасцев. Взволнованные строки о том, что происходило в подгородной Выездной слободе, оставил крепостной крестьянин Николай Николаевич Шипов: «Наступил достопамятный 1812 год. Тут пошли разные толки о войне, а в июле распространилась молва, что французы идут в Москву. В последних числах августа тронулась наша матушка-белокаменная; день и ночь не умолкала большая дорога: ехали жители из Москвы. В сентябре месяце дошла до нашей слободы весть, что Москва занята французами. Народ упал духом; торговля прекратилась, а в том числе и моего отца. Наступили большие холода. Проходило много войска; солдаты размещались по избам жителей, человек по 20-ти и более в каждой, отчего происходила теснота ужасная. Гнали пленных французов, которые были в странных смешных костюмах: смесь русской одежды с французской, и при том в изорванном, очень неприглядном виде. Мы, дети, немало смеялись над таким потешным одеянием несчастных галлов. За пленными французами шли обозы раненых, везли полуживых, даже мертвых, которых хоронили человек по 50-ти вместе. Зима была ужасно холодная... Поневоле приходилось сидеть в избе, а здесь были солдаты с пленными французами».

Более обширные воспоминания о событиях 1812 года в Арзамасе написал М. Л. Назимов, отец которого служил в городе соляным приставом — распорядителем соляных запасов.

«Еще с 1811 года, по объяснению матушки, небывалая в нашей солнечной системе по величине комета возбуждала в народе суеверное предвещение большой войны... С наступлением весны 1812 года смутные слухи и газетные известия о неприязненном отношении к России французского императора стали более и более подтверждаться, и летом дошла и в Арзамас страшная весть о вступлении неприятеля в пределы империи. В низших сословиях немедленно возникла мысль о собственной защите. Так выездновцы выставили на мосту взятые от барского дома пушки и приготовили свои охотничьи ружья, говоря, что не дадутся живые в руки. Вскоре пришел высочайший манифест о всеобщем государственном ополчении. Этот небывалый набор потребовал громадных жертвований и людьми, и деньгами на обмундирование и содержание ратников, как тогда называли ополченцев. Представьте себе, что из 3000 ревизских душ села Выезднова с его деревнями следовало поставить 300 человек ратников. По словам родителей моих, управление, по воле ли помещика или по собственному желанию выставило молодцов, на которых любо было глядеть...

В Арзамас приехал князь Лобанов-Ростовский для осмотра ратников, и я видел их уже вполне обмундированными, стоявших на улице в стройных рядах, в серых шинелях, с ранцами на спине, с пиками в руках. Они вышли по назначению скоро, а вслед за ними проходили полки казаков. Тут были старики с большими бородами и юноши лет шестнадцати и семнадцати, ополчение их было поголовно, кто только мог носить оружие...

Известия, приносимые „Московскими ведомостями“, единственной газетой, получавшейся в Арзамасе, были грустные, русская армия все отступала... все судили и рядили, обвиняя, разумеется, вождей армии, и впоследствии слышалось слово „измена“. Назначение русского генерала Кутузова главнокомандующим армией было принято восторженно, и тогда ходило по рукам четверостишие, вероятно, арзамасского произведения:

Барклай-де-Толли, Не ретируйся боле. Прибыл Кутузов Бить французов.

...Излишне будет говорить, какое во всем нашем Отечестве произвела впечатление весть о вступлении неприятеля после Бородинской битвы в первопрестольную столицу, нашу матушку Москву, разрушенную потом пожарами и грабежами. Но затем быстро следовало известие об оставлении неприятелем Москвы... Вскоре начали появляться в Арзамасе партии пленных из разноплеменных народов, которые отсылались в отдаленные губернии. Пленные размещались по домам обывателей и получали на их счет харчи. В нашем доме было до 25 таких постояльцев. Жалко было глядеть на этих изнуренных, болезненных и оборванных людей...»

Сохранились устные рассказы горожан о достопамятном 1812 годе, которые после передал для потомков историк Н. М. Щегольков.

«Чрез Арзамас все лето шли к Москве войска. Сначала проходили обыкновенные полки солдат, но вот потянулись невиданные дотоле в Арзамасе отряды, состоящие почти из одних татар, черемис и башкирцев; поняли арзамасцы, что для борьбы с бесчисленным войском Наполеона недостаточно одних русских людей, а понадобились и эти сыны степей... В августе поехали через Арзамас из Москвы в свои поместья господа, а потом и простые граждане... В арзамасских монастырях остановились и нашли приют московские монахи и представители духовенства...

Все церкви арзамасские отверзты были во весь день; с раннего утра до позднего вечера. Духовенство арзамасское, почти непрерывно служило молебны и возносило молитвы о победе над врагами и о избавлении от нашествия иноплеменников. Отверзтые храмы не оставались пустыми...

Привезли в Арзамас пленных французов, затем еще и еще... Приятно было видеть, что мы берем их в плен, но вот вслед за пленными повезли раненых... Страшно было смотреть на этих страдальцев, которых везли 500 верст и более по грунтовыми летним дорогам, через болота и пески муромских лесов на простых телегах... Многих привозили еле-еле живыми, многие вскоре умерли и их похоронили на Всехсвятском кладбище в одну братскую могилу. Одни из раненых воинов выздоравливали, другие скончались. Добрые люди насыпали над общею могилою их довольно высокий курган, посадили на нем березки и водрузили крест.

Братская могила воинов 1812 г. в Арзамасе.

Пленным французам жилось в Арзамасе недурно: они занимались кто чем мог. Какие-то живописцы расписали потолки в доме богатого купца Корнилова, оставив по себе надолго память своей прекрасной живописью. Какой-то доктор-француз вылечил многих больных и тем заслужил признательность арзамасцев. Многие французы подделались к русским дворянам, издавна падким на все французское, и поступили к ним в гувернеры и камердинеры...»

К этому. Князь И. М. Долгорукий, побывавший в 1813 году в Арзамасе записал в своем путевом журнале: «В Арзамас прислано человек 80 пленных французов, большей частью штаб- и обер-офицеров. Находился между ними и один полковник... Пленным вздумалось подурочиться. Сошлись в трактир, перепились: слово за слово начались соблазнительные разговоры... Квартальный донес городничему. Тот вломился в герберг. Стал уговаривать. Не тут-то было! Французы вспетушились и кулаками зачали доказывать господину городничему... побили его порядочно, и разошлись просыпаться по квартирам. Об этом в губернии долго и много толковали...»

Менее повезло французам в подгородном селе Кожине. Туда занеслась с юга холера, унесла более пятидесяти крестьян. Много померло там и пленных от этого морового поветрия.

Россияне победили врага, они и посмеялись над ним. На арзамасском базаре, а то в трактире или уж в домах у горожан можно было услышать и такой сказ:

«Кому, матушка белокаменная, не хотелось хлеба-соли твоего покушать, звону красного послушать. Были у тебя и поляки, и татары, и французы сухопары: ласково ты их встречала, приветливо провожала... Покой им вечный от души сердечной. Спице, спице, дорогие гости, мы не шевелим ваши кости, когда же приснится, други, вам, что хотят на пир внучаты к нам — шепните им любя, чтоб не губили себя, что-де и деду было не до пляски, растерял свои подвязки... Ништо, залетные мои, хорош русак на ласки, да только не замай — загнет злодеям салазки!»

И сегодня народы России твердо говорят:

— Не замай!

Любовь к родине русских всегда была высокой, священной, она всегда являлась для нас важнейшим нравственным принципом.

Арзамасцы — наши предки, постарались достойно запечатлеть события

Отечественной войны 1812 года.

Более 500 тысяч рублей отдали они на постройку величественного Воскресенского собора — памятника торжества русского оружия над Наполеоном и памятника тем, кто не вернулся с полей жарких сражений. В храме бережно хранилось знамя арзамасской дружины, оно всегда торжественно выносилось из собора при совершении крестных ходов.

Вторым памятником войны 1812 года в Арзамасе стала братская могила русских воинов — тех, кто умирал здесь в военном госпитале. Она была обнесена деревянной, выкрашенной в зеленый цвет, оградой. В северо-западной стороне Всехсвятского кладбища могила простиралась на восемь метров длины и более двух метров в ширину с севера на юг. Посредине холма поначалу стоял большой деревянный крест, выкрашенный черной краской.

Краевед А. С. Потехин вспоминал: «Когда приблизилась столетняя годовщина войны 1812 года, то историк города Николай Михайлович Щегольков позаботился о могиле, заказал за свой счет памятник на Каслинский завод художественного литья на Урале. Памятник изготовили и доставили в Арзамас. Он изображал Распятие, укрепленное на четырехгранной тумбе, вероятно, из бетона».

И еще одна могила помнилась арзамасцам. В селе Красном возле самой церкви был похоронен участник Бородинского сражения офицер Дмитрий Васильевич Голицын, привезенный тяжело раненым к жене в усадьбу. Этот памятник войны в тридцатые годы утрачен.

В 1912 году Россия широко, повсеместно отмечала столетие победы над французами. Торжества состоялись и в Арзамасе, в них участвовали священство, городские и уездные учреждения, общественные организации, учебные заведения, офицеры и солдаты, потомки и родственники ратников ополчения первой Отечественной.

16 сентября после окончания литургии началось шествие духовенства и горожан на братскую могилу для служения панихиды. Героям 1812 года отдали воинские почести. Тогда же общественность города решила ежегодно поминать почивших воинов в первое воскресенье после Воздвиженья потому, что именно в сентябре эти воины привозимы в Арзамас, здесь они страдали и многие кончили свою жизнь.

В том же 1912 году Н. М. Щегольков писал: «Проста и скромна эта ограда (вокруг могилы) так же, как просты и скромны были лежащие здесь простые русские воины, но будем надеяться, что эта ограда простоит лет пятьдесят, а благодаря ей сохранится память о положивших жизнь за Веру и Отечество, а тогда Господь воздвигнет им новых усердных поминальщиков, которые исправят нашу обветшалую ограду».

Увы! Уничтожено в начале тридцатых Всехсвятское кладбище, давно сравняли с землей курган воинской славы, разметали и ограду возле него...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БЫТИЕ

«Бытье, житье, род жизни, обычай и обыкновения».

В. И. ДАЛЬ

«Чтобы понять быт и человека, прежде всего надо быть справедливым, а для того снисходительно и доброжелательно войти в их чувства и потребности, войти с мыслью, что и мы в этом положении, на той ступени развития жили бы не лучше».

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ.

Арзамас-городок— от Москвы уголок.

«Я заметил, что жители Арзамаса великие патриоты: они себя почитают людьми по преимуществу».

П. И. МЕЛЬНИКОВ (Андрей ПЕЧЕРСКИЙ).

«Лежит Арзамас под 55°15' широты и 61°36' долготы.

Город Нижегородской губернии с 1779 года. При реке Теше, впадающей в Оку, при устье речки Акши. Расстояние от С.-Петербурга в 1120, от Москвы в 580, от Нижнего Новгорода во 109 верстах».

Арзамас — первый драгоценный камень — так говорили прежде, и определение это имело все основания.

В течение XIV–XVI веков на территории Нижегородского княжества и прилегающих к нему земель складываются уезды Московского государства: Нижегородский, Балахнинский, Юрьевецкий, Муромский, Арзамасский, Курмышский, Алатырский, Ядринский. Уезды делились на станы.

В Арзамасском уезде образовалось семь станов: Запьянский, Залесский, Подлесный, Ичаловский, Иржинский, Тешский, Шатковский. Станы делились, в свою очередь, на волости.

Первым официальным актом об административном составе Российского

государства являлся указ Петра I об учреждении губерний 1708 года. Согласно этому указу в России к 1710 году создано 8 губерний. Арзамасский уезд тогда вошел в Казанскую губернию.

С 1719 года Арзамасский уезд выделен из Казанской губернии в новую Нижегородскую губернию. По новой реформе губернии разделили на провинции, а провинции на дистрикты. В Арзамасскую провинцию вошел Арзамасский уезд и часть Муромского уезда.

В декабре 1799 года после учреждения Нижегородского наместничества и упразднения провинций из Арзамасской провинции выделились уезды Ардатовский, Арзамасский, Лукояновский, Починковский и Сергачский.

В 1797 году Павел I повелел наместничества называть губерниями. Арзамасский уезд стал частью Нижегородской губернии и делился на волости: Абрамовскую, Анненковскую, Аратскую, Вадскую, Великовражскую, Выездновскую, Гарскую, Ивашкинскую, Коваксинскую, Костянскую, Красносельскую, Мотовиловскую, Новоусадскую, Пановскую, Семеновскую, Смирновскую, Слизневскую, Собакинскую, Спасскую, Хиринскую, Чернухинскую. Это административное деление почти не изменилось до 1917 года.

16 августа 1781 года наряду с другими двумястами вновь объявленными городами Арзамасу «конфирмован» — утвержден, герб следующим указом:

«Указ Ея Императорского Величества самодержицы Всероссийской из Правительствующего Сената.

Ея Императорское Величество данным Сенату минувшего Августа 16 дня, за подписанием собственные Ея Величества руки, указом Всемилостививше повелеть изволила дать уездному городу Арзамасу, Нижегородского наместничества герб состоящий из щита, на золотом его поле два стропила одно из-которых красное, другое, зеленое. Рисунок одного герба прилагается к данному указу. Об этом Всемилостивейшем Ея Императорского Величества повелении через сие и публикуется.

Подлинный за подписанием Правительствующего Сената.

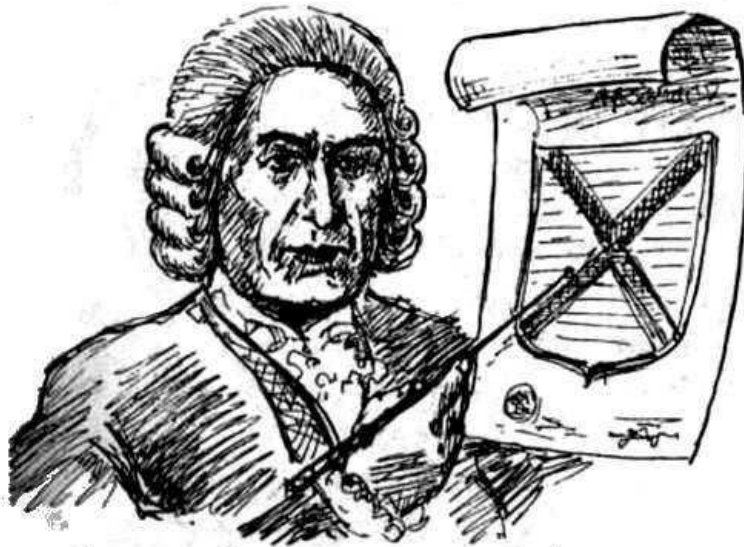
(М: П:)

Печатан в Санктпетербурге при Сенате Августа 26 дня 1781 года».

Подробного описания символики герба в Законах Российской империи нет, и теперь сложно объяснить смысл этой символики.

Но уже золотое поле герба, красное стропило, да и зеленое тож — говорят о высоком уважении государственных органов к провинциальному Арзамасу.

Автором герба являлся сотрудник Геральдмейстерской конторы итальянец Франциск Санти.

Франциск Санти — автор герба Арзамаса.

Арзамас начально входил в Московскую митрополию. Это в середине XVI века, при митрополите Московском и всея Руси Филиппе, которого умертвил в Тверском Отроче-монастыре сподвижник Ивана Грозного Малюта Скуратов 23 декабря 1569 года.

23 января 1589 года при царе Федоре Иоанновиче в России учреждено патриаршество. При всех десяти патриархах, а последний, Адриан, умер в 1700 году, Арзамас являлся частью патриаршей области.

В середине XVII века образована особая Арзамасская десятина. В городе стоял Десятильный двор, в ведении которого находились церкви города и уезда. Двором управлял протопоп Воскресенского собора.

29 мая 1719 года учреждена Нижегородская губерния в составе трех провинций: Нижегородской, Арзамасской и Алатырской. 15 февраля 1722 года по ходатайству нижегородского архиепископа Питирима Арзамас приписан к Нижегородской епархии.

В 1726 году Арзамас отошел в ведение Духовной декастерии, в 1730 году опять определен в управление архиепископа Питирима, а позже вновь подчинялся Св. Синоду.

С 1745 года принадлежал Владимирской епархии.

16 октября 1799 года повелением императора Павла I снова присоединен к Нижегородской епархии.

Епископам нижегородским указано было именоваться и арзамасскими. Титул этот носится нижегородскими епископами до сих пор.

Нет, не сразу назвались улицы Арзамаса, как и в любом-то старинном городе. Потому в прежние времена почтовые отправления, скажем, адресовывались так: Арзамас, Ильинский приход, г-ну Цыбышеву, собственный дом...

Русские города в прошлом разбивались на части (районы). Часть могла иметь номерное обозначение, отражать географический признак, род занятий жителей, исторические события, фамилии, имена.

Арзамас распадался на две части: первую (Нагорную) и вторую (Нижнюю).

Вид Арзамаса с Ивановских бугров.

В 1778 году вышел указ «О строении городов». Правительство Екатерины II наметило строительство и обустройство 216 российских городов, каждому из них давался индивидуальный план застройки. Арзамас, четвертый из уездных страны, в 1781 году получил свой «Геометрический план», основой которого взята радиально-лучевая планировка улиц. Центром, или так называемым шарниром верхней части города, стала Соборная площадь с Николаевским женским монастырем и Воскресенским собором. Отсюда тремя, а потом и четырьмя прямыми лучами раскинулись улицы Прогонная, Стрелецкая, Новая и Сальникова.

Первый «Геометрический план» Арзамаса. 1781 г.

В 1804 году Арзамас обрел второй переработанный и уточненный план, особенно для нижней части.

Отдельные места и улицы, их названия подсказаны начальной историей города: Пушкарская слобода, Бутырская слобода, улица Стрелецкая. С географией связаны названия улиц Песочной, Лобковской, Рамзайской...

В честь своих приходских церквей горожане наименовали площади: Соборная. Благовещенская, Троицкая. Спасская, улицы Алексеевская, Рождественская, Ильинская, Троицкая. Софийский переулок.

Отдельные улицы носили фамилии живших на них купцов, которые занимались благотворительностью и снискали уважение земляков, или являлись такими ремесленниками, которыми гордился Арзамас. Таковы улицы Сальниковая, Цыбышева, Скоблинская, Масленков переулок...

В других названиях улиц сразу угадывались постоянные связи Арзамаса с первопрестольной столицей. В нижней части города возле выездного моста, пролегли улицы Старо-Московская и Ново-Московская, они и выходили на Московский тракт.

Ново-Московская улица.

Социальное отражение нашло в названиях улиц Голодаевской и Гостиного ряда.

...3 ноября 1918 года новые власти Арзамаса переименовали улицы, «...имеющие империалистическое название или связанные с таковыми, или носящие название имени купцов».

В эйфории отречения, политизации народной жизни, необоснованно была перечеркнута историческая память горожан.

...Родная, незабывная! Тут жила гостеприимная родня, добрые соседи и знакомые. Ты, улица, исподволь, в играх учила дружить со сверстниками. уважать и почитать старших, ты сдерживала осудительные порывы, будила интерес к другим улицам, к иным людям. Ты славно воспитывала всеми сторонами своей трудовой и праздничной жизни, поистине созидала человека, поднимала в нем любовь к своей малой родине, к своему народу. Низкий поклон тебе, родная улица!

Улица не двор, всем простор.

Не только света, что в окне: на улицу выйдешь — больше узнаешь.

Первая нагорная часть.

Площади:

Соборная, Троицкая, Спасская, Хлебная.

Улицы:

Прогонная, затем Ступина — Советская.

Стрелецкая — 1 Мая.

Новая — Кирова.

Сальниковая — Карла Маркса.

Алексеевская — Свободы.

Верхняя набережная — Верхняя набережная.

Голодаевская — Пролетарская.

Троицкая — Ступина.
Попов переулочек — Владимирского.
Ново-плотинная — Горького.
Старо-казарменная — Куликова.
Гостиный ряд — Гостиный ряд.
Лобковская — Красной милиции.
Большая — Коммунистов.
Ильинская — Космонавтов.

Нижняя часть города.

Площади:

Благовещенская, Сенная.

Улицы:

Нижняя набережная — Нижняя набережная.
Старо-Московская — Урицкого.
Скоблинская — Угодникова.
Мостовая — Володарского.
Мартовская — Октябрьская.
Рождественская — Ленинская.
Песочная — Березина.
Евстифиевская — Красноармейская.
Цыбышева, затем Глухая, Пушкинская — Пушкинская.
Кирилловский порядок — Социальный порядок.
Бутырская слобода — Русская слобода.

В плане народонаселения Арзамас «поспешал медленно». Да и немудрено. Вспомним, что в 1480 году в европейской России проживало всего-то два миллиона человек со всеми малыми и старыми...

Начально крепость на краю Дикого Поля мало кого привлекала. Потому и рассылал Иоанн Грозный по окраинным городам вконец усмиренных в 1570 году новгородцев и псковитян.

Вольнолюбивые, опальные северяне не потерялись в том же Арзамасе. К началу XVII века они окончательно определили направление жизнедеятельности вновьявленного города: переработку сельхозсырья и торговлю, ремесленные занятия.

С середины XVIII века город быстро растет, становится заметным экономическим центром не только Среднего Поволжья, но и России.

Рядовые чиновники — хвала их вековечному застольному труду, скрипя перьями, бесстрастно создавали повседневную летопись города. Отвечая на запросы местного, губернского и столичного начальства, делопроизводители оставили немало разной казенной цифири, в том числе и о жительствующих в Арзамасе. Вот она в череде долгих лет.

XVII век.

На запрос Москвы арзамасцы ответили, что оружие у них могут носить 650 человек. Очевидно, это помимо стрельцов и пушкарей, что служили в гарнизоне крепости. Поданные в первопрестольную столицу данные наверняка диктовали доставку в город нужного количества ручных и затинных пищалей, пороху и свинца, потребных в том случае, если на Арзамас нападут степняки.

На посадах и в слободах города жили в основном ремесленные люди. В 1646 году их счетом 364 человека в 174 дворах.

Писатель П. И. Мельников (Андрей Печерский) нашел документ, из которого видно, что в Арзамасе в 1671 году стояло 555 домов. В документе оговорка, что в число этих домов входят дворы и некоторых селений. Скорей всего этими селениями являлись заречные слободки вне порога — Пушкарская, рядом с Выездной слободой, Ямская и село Ивановское.

1678 год. В обширнейшем Арзамасском уезде стояло 14210 дворов, а сельского населения насчитывалось 39251 человек.

В 1694 году арзамасцы били челом патриарху Адриану — просили, чтобы повелел он впредь быть в Спасском монастыре вместо игумена архимандриту. При этом горожане указывали на то, что-де «град Арзамас многочеловечен и Спасский Преображенский монастырь церквами каменными и утварью церковной, и строением монастырским, и оградю каменною украшен, и вотчинами и крестьянами изобилен».

XVIII век.

1737 год. В Арзамасе уже 1131 дом. А проживало в нем, кроме монашествующих, 6767 человек.

Купцов и цеховых в городе — 2211 душ. Из них первой гильдии — 425, второй гильдии — 901 и третьей — 3885 человек. Это в 1773 году.

В декабре 1779 года Арзамасская провинция причислена к Нижегородскому наместничеству. Образовались уезды. Из Арзамасского выделились: Сергачский, Ардатовский, Лукояновский, Починковский. Это, естественно, заметно снизило демографические показатели Арзамасского уезда.

1789 год. Купцов в городе — 613 душ. Мещан и ремесленников — 1912 душ.

XIX век.

Самое начало нового столетия... В Арзамасе — 207 купцов, 2007 мещан, 150 ямщиков, помещичьих дворовых людей — 180. Каменных домов — 2.

Подсчитано, что в 1801 году господских крестьян в уезде — 25 385, государственных — 4551.

1824 год. В городе побывал литератор граф Д. И. Хвостов. Здесь он получил самую разную цифирь и после опубликовал ее в путевых записках. Домов в Арзамасе — 1354. Каменных дворянских — 2. Каменных же купеческих и мещанских — 27. Жителей: мужчин — 4814. Временно работающих в городе мужчин — 560, женщин — 250.

1840 год. После большого пожара 1823 года, город много строил. Теперь в нем

показано домов 1611.

Жителей в Арзамасе — 8900 человек. Духовных и их семейных до 600 человек, дворян — 150, чиновных — 54, военных — 400, мещан — 4700, заводских до 800 человек.

1861 год. В городе проживает — 11 475 человек. Из них мужчин — 5791, а женщин — 5684.

Число жителей в уезде — 137 000 человек. Это в 1885 году.

1893 год. В Арзамасе жительствоует 9918 человек.

В сельской местности — 140 469 человек.

1898 год. «Большая энциклопедия» издательства «Просвещение» сообщала, что в городе числится 10 591 человек, из них 4862 женщины.

В селениях уезда число жителей составляет 142 155 человек.

XX век.

Арзамас связан железной дорогой с Нижним Новгородом и Москвой. Город стал первым из уездных по населению и торгово-промышленной деятельности.

Накануне первой мировой войны в Арзамасе насчитывалось цеховых — 1984 человека, крестьян — 9350 человек, мещан — 3821 человек, духовенства белого — 407, монашествующих — 1863, дворян — 524 человека, купцов — 195 человек. Всего более 18 000 человек.

Если казенная цифирь о населении города объявлялась почти регулярно через «сказки», «ревизии» и прочие документы, то экономическое состояние Арзамаса показывалось скупое, в основном фиксировалось только общее число тех или иных промышленных заведений, торговых лавок и трактиров — частный промышленник и торговец обычно неохотно раскрывает свои «гроссбухи»...

Арзамасу уготовано было стать городом деятельным и потому долго богатым. Опять-таки скажем: расположен на перекрестье важнейших русских трактов, новгородцы и псковитяне принесли на эрзянскую землю ремесла, деловую сметку, желание выгодно показать себя и на новом месте жительства. И рядом Нижний — Арзамасу брат ближний — заразительный пример трудолюбия и гордости уже потому, что город на Дятловых горах со своей знаменитой ярмаркой стал поистине «карманом» трудовой России.

Торговый центр Арзамаса. Гостиный ряд.

Есть время и есть безвременье — так говорили миру еще древние мудрецы. Вот и Арзамас пережил свой «Золотой век» (1775–1850 г.г.), затем «Век серебряный» (1851–1885 г. г.) и, наконец, «Арзамасское лихолетье» в последние пятнадцать лет XIX века.

Арзамас очень скоро, в том же XVII веке, вошел в экономику Руси. Кроме сельскохозяйственного сырья и продуктов переработки его, стал приносить Москве одну из главных статей государственного дохода — поташ, столь необходимый тогда при изготовлении стекла, мыла и окраски тканей. Родственник царя Алексея Михайловича Б. И. Морозов имел в Арзамасском уезде обширные лесные владения, он-то и устроил «будные станы» для производства поташа из древесной золы.

Видной статьёй доходов арзамасцев в первое время был бобровый промысел и бортничество — мед доставляла мордва вначале на Макарьевскую, а потом и на Нижегородскую ярмарку.

При начальном обилии лесов арзамасцы много делали деревянной посуды. Из таможенной книги Москвы видно, что только за февраль и март 1694 года они привезли много ложек, мис, ковшей, бочонков, а кроме того, кожу, меха, краску, хмель.

Но арзамасцы известны и другим. В обширной провинции, в западной ее части, в районе Выксунских мест, дымили чугунные заводы именитых купцов Цыбышевых, завод И. И. Белянинова, работал и железоделательный завод в селе Никольском унтер-офицера флота князя Петра Черкасского.

В крупные торговые обороты арзамасцев часто вовлекались и зарубежные золотые монеты, это вызвало появление в городе меняльных лавок. А свою монету купцы возили на ярмарки целыми возами — торговали обычно на наличные, а потом мало еще водилось ассигнаций в обращении.

Купец П. И. Подсосов.

В начале «Золотого века» в Арзамасе кожевенных заводов — 14, скорняжных мастерских — 10, мыльных заводов — 4, салотопных — 2, кирпичных — 7.

Расцветали в конце XVIII — первой половине XIX века и различные ремесла: иконостасное, чеканное, ювелирное, множилось число мастеров иконного письма, в женских монастырях готовилось много золотного шитья, кружев.

О промышленной и торговой деятельности арзамасцев историк Н. М. Щегольков писал, что в городе и подгородной Выездной слободе работало до ста кожевенных заводов, скорняки выделывали до двух миллионов шкурок различных пушных зверьков и овчины. Огромное число рогатого скота и баранов закупалось в Приуралье и все это перерабатывалось, приносило хорошие доходы. Скупка и продажа в огромных количествах домотканого холста, рыбы, икры, лесных орехов... Это в «Золотой век» родилась в Москве долго ходившая поговорка: «Один глаз на нас, а другой на Арзамас». В город свозилось столь много льняного масла, что от цен, что формировались здесь зависели цены и по всей России. Про арзамасского купца были сказаны и такие завидные слова: «Арзамасец ста товарам цену знает». Это от Москвы, Дона и до Ирбита...

Но вот открылось в 1843 году Волжское пароходство, а потом пролегли железные дороги до Саратова, Сызрани, до Оренбурга, и огромный поток товаров на Нижегородскую ярмарку пошел не через Арзамас, как прежде, а кружным путем.

Купец А. М. Заяшников.

Стали разоряться те местные миллионеры, кто забыл об умной оглядке... И все же в наступившем «Серебряном веке» арзамасцы находили для себя и прибыльные дела. Они увеличили куплю-продажу сырой кожи, на хорошем уровне — до 1 млн. шкурок в год, осталась выделка мехов. Не упустили арзамасцы торговлю скотом и мясом, а еще стали крупно торговать красной бумагой фабричного производства, часто скупая эту пряжу всей годичной выделки. В городе и Выездной слободе развивалось сапожное ремесло, городские вязей все увеличивали выпуск вязаной обуви.

«Серебряный век» сменило «Арзамасское лихолетье» — затихли, опустели вовсе прежде шумные тракты Среднего Поволжья, дороговизна привозного сырья сворачивала производство, падала торговля.

Купец И. С. Белоусов.

... Сорок лет арзамасцы ждали проведения в город железной дороги. И только в 1901 году началось долгожданное оживление местной промышленности, когда паровозный гудок обрел тихие мордовские места.

Но вернемся к казенной цифири.

1800 год. В городе 23 кожевенных завода, три из них каменных.

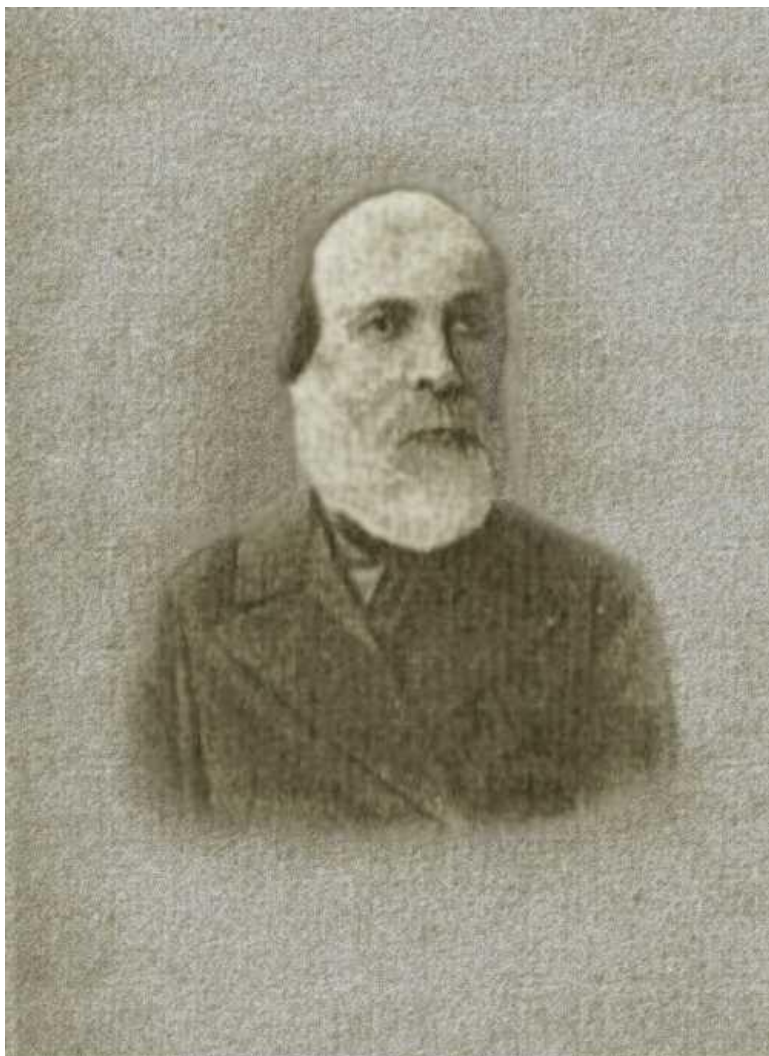
Салотопных заведений — 2, клееварных — 1, кирпичных — 4, всего 34 предприятия.

Поубавилось от ста заводов... Это говорит об укрупнении предприятий.

1814 год. «Казанские известия» сообщали, что в Арзамасе кожевенных заводов 46, мыловарных — 2, салотопных — 3, свечных — 3, крашенинных — 2, клеевых — 2, кирпичных — 8, скорняжных мастерских — 30, кузниц, а они бывали в несколько горнов, бывали и слесарные. — 20.

1836 год. «Журнал министерства внутренних дел» давал сведения: в Арзамасе 48 заводов, рабочих на них 729 человек, лавок — 167, трактиров — 4, харчевен — 1, винных погребов — 11, питейных дворов — 13.

1859 год. «Золотой век» кончился... Кожевенных заводов осталось 13, салотопен — 3. Появилась кошмовальная фабрика. Мастерских по выделке мехов — 200. Вязанием женской обуви занято 880 женщин, и число их все увеличивалось. Производство этой обуви составило 100 тысяч пар в год.

Купец П. И. Серебrennikov.

1862 год. Кожзаводов — 13, скорняжных — 79, сапожных и башмачных — 52, кузниц — 29, хлебных, калачных и булочных — 15, столярных — 12, каретных — 6, пряничных — 6, кожевенно-гладильных мастерских — 3.

Другие производства. Заводов салотопных — 3, воскобойных — 1, свечных — 2, кирпичных — 4, картузных и шапочных — 8, модного пошива — 3, золотых и серебряных дел — 4, позолотных — 8, слесарных — 3.

1880 год. В городе 9 кожевен, 400 скорняков. За год они выделали 1 млн. 128 тысяч шкурок, а вместе с сельскими скорняками более 3 млн. шкурок на сумму 912 500 рублей.

В этом же году в городе женскую обувь вязало 3507 женщин из 6263, живущих в городе. К концу семидесятых годов они вязали в год до 600 тыс. пар обуви. К началу XX века «бабий промысел» угас.

Купец А. М. Евстигнеев в своей лавке.

1885 год. По промышленности и торговле Арзамас занимает второе место в губернии. В городе до 15 кожевен, две кошмовальные фабрики, 20 маслобоек, 4 салотопных завода, 1 воскобойный, колокольный завод и 4 кирпичных. Меха готовили 70 мастерских.

В подгородной Выездной слободе сапожным промыслом занималось до 1200 мастеров. В год они шили до 20 тысяч пар обуви.

1895 год. Фабрик и заводов в Арзамасе 21 с числом рабочих 257. Сумма производства 211 300 рублей. В уезде 12 различных предприятий.

1914 год. В городе 36 предприятий, на них работало более 1000 человек. Объем производства до 2 млн. рублей. В связи с войной арзамасские и выездновские сапожники сшили 68 784 пары обуви для военного ведомства, а в 1915 году — 73 тыс. пар армейских сапог.

... К 1917 году в Арзамасе крупных кожзаводов — 4, кошмовальных фабрик — 8, фабрика фетровых изделий — 1, кирпичных заводов — 8. Пивзавод. Винзавод.

Еще в 1894 году в Арзамасском уезде насчитывалось 12 тысяч кустарей. К началу XX века их число увеличилось до 15 тыс. человек.

Арзамас видел у себя многих интересных людей России.

Заметное место среди ученых, государственных деятелей, представителей отечественной культуры занимают писатели. Одни из них проезжали и не оставили по себе памяти, другие в письмах, путевых заметках и воспоминаниях поведали об истории Арзамаса, его людях, показали бытовые приметы города, рассказали о своем личном состоянии «на стогнах града сего».

Наезды именитых россиян в Арзамас вносили определенное влияние на будни города, создавали атмосферу неразрывности экономических связей и культурных традиций столиц с русской провинцией.

... Почтовые тройки, собственные экипажи во все времена года везли в низовые города и веси Поволжья «по казенной и личной надобности» озабоченный чиновный люд и цивильных господ: первых к месту служебного назначения, а вторых — в теплые фамильные усадьбы или поместья друзей. Навстречу в столицы и прочие российские места спешили «обратные». Арзамас для тех и других всегда оставался местом перемены лошадей, желанным ночлегом, тихим отдыхом.

К Арзамасу причастен — землей в уезде владел — один из первых отечественных историков И. Ф. Болтин, написавший свои известные «Примечания» к истории России Леклерка и к истории М. М. Щербатова.

Надо полагать, что через Арзамас проезжал поручик Г. Р. Державин во время подавления пугачевского восстания Позднее в Арзамасском уезде поэт владел небольшим поместьем.

Побывал в городе А. Н. Радищев. Первый раз в 1775 году, когда ездил в село Верхнее Облязово Саратовской губернии просить у родителя благословения на брак, и второй раз, когда Александра Николаевича везли в Сибирь в ссылку. Последнее стало возможным благодаря благосклонному вниманию нижегородского начальства к обличителю крепостничества. По предположению, отец и сын встречались в Арзамасе, где жили родичи Радищевых — Аргамаковы. Известно, что будучи вкладчиком Саровского монастыря, Николай Афанасьевич через А. И. Аргамакову, тоже вкладчицу монастыря, передал черновики рукописи своего сына «Путешествия из Петербурга в Москву» на хранение в монастырь. Некоторое время они находились у иеромонаха Киприана.

Во второй половине XVIII века и далее арзамасцы не раз видели у себя в городе юного, а потом и зрелого мужа, российского историографа Н. М. Карамзина, проезжавшего из Симбирска в российские столицы и обратно в родные места.

1797 год. Осенью тайно скрылся в имении Зубриловке Саратовской губернии у опального тогда князя С. Ф. Голицина Иван Андреевич Крылов. Не на шутку он испугался, ждал монаршего наказания за свои крамольные строки в сочинении «Мои горячки». Беду пронесло, в столице «налицо» автора не оказалось, и стихотворец отделался только испугом.

В 1802 году проехал через Арзамас из пензенских краев юный еще М. Н. Загоскин, впоследствии автор на шумевшего романа «Юрий Милославский» и «Рославлев», популярный драматург своего времени. Позднее Михаил Николаевич проехал через Арзамас в 1810 году. Он автор «Письма из Арзамаса», в котором протестовал против увечий русского языка теми горе-умниками, которые засоряют его иностранщиной.

В двадцатые годы прошлого века Арзамас предстал перед глазами князя Владимира Федоровича Одоевского, автора «Сказок и рассказов дедушки Ириня», «Русских ночей» и других произведений.

Николай Платонович Огарев — поэт, публицист, друг А. И. Герцена. из села Старое Акшино Пензенской губернии проезжал Арзамас в 1810 году, затем в апреле 1835 года и позднее.

Бывал в Арзамасе также проездом и Иван Иванович Лажечников, подаривший русскому читателю «Походные записки русского офицера» и известные романы «Последний Новик», «Ледяной дом», «Басурман»... Писатель с 1821 по 1837 г.г. служил в Пензе директором гимназии и народных училищ.

Многое связывало с Арзамасом Пушкиных. В седую старину, в далеком 1377 году, на мордовской земле с оружием в руках защищал русские интересы боярин Федор Пушкин. В 1585 году Евстафию Михайловичу Пушкину жаловано в поместье деревня Болдина и 120 четвертей земли под «большим мордовским черным лесом». При Лжедмитрии II военная дорога привела под Арзамас Григория Пушкина, позднее в Арзамасской крепости на воеводстве сидел Никита Пушкин, а затем в 1676-1677 годах Борис Пушкин нес тут полковую службу.

Летом 1774 года в пределах Арзамасской провинции, в Выксе, у «литья артиллерии» находился дед по матери А. С. Пушкина Осип Ганнибал.

В декабре 1812 года по делам, связанным со снабжением армии, в Арзамасе пробыл некоторое время Сергей Львович Пушкин, отец поэта.

И, наконец, в 1830, 1833 и 1834 годах через Арзамас пролегла дорога Александра Сергеевича, когда поэт торопился в свое родовое Болдино.

Автор слов знаменитого романса «Средь шумного бала» — Алексей Константинович Толстой, написавший известный роман «Князь Серебряный», автор исторических баллад и лирических стихотворений... С 1851 по 1855 год он совершил пять романтических путешествий к Софье Андреевне Бахметевой в село Смольково Саранского уезда, ей он и посвятил названный романс. Дорога писателя к предмету своего сердца несомненно пролегла через Арзамас.

Заманчиво предположить, что в Арзамасе до революции мог появиться очень любящий путешествия Александр Иванович Куприн. В городе на Верхней Набережной жил его родич по матери князь Кулунчаков из недалекого Темниковского уезда.

Ниже дано слово тех деятелей русской культуры, которые не обошли своим вниманием Арзамас.

СЕМЁНОВ-ТЯНЬШАНСКИЙ П. П. (1827-1914 г.г.)

Сенатор, член Государственного совета, вице-председатель Императорского русского географического общества, путешественник, исследователь горной системы Тянь-Шаня, Средней Азии, автор монографий «Землеведение Азии» и знаменитого «Географическо-статистического словаря Российской Империи».

«Название Арзамас получил от жившего тут мордовского племени эрзя. В 1366 году Арзамас пострадал от набегов владетеля болгар, Булата Темира, но впоследствии возобновлен и заселен казанскими татарами. По покорении Казани Арзамас при Иоанне Грозном принадлежал Москве, и в нем была деревянная крепость с башнями. До Петра I Арзамас имел значение укрепленного города, а при Петре I в 1708 году в качестве провинциального города причислен к Казанской губернии. В 1719 году отписан к Нижегородской губернии».

ПАЛЛАС П. С. (1741-1811 г.г.)

Естествоиспытатель, член Петербургской академии наук, сорок три года проработавший в России. Его пригласила на службу Екатерина II для руководства экспедицией по европейской России и Сибири. Кроме обширной коллекции, собранной во время шестилетнего путешествия, Паллас написал книгу: «Путешествие по разным провинциям Российской империи» в трех томах.

В Арзамасе Петр-Симон Паллас побывал в августе 1763 года.

«Арзамас довольно населен зажиточными людьми и жители одного почти все ремесленники, почему и пришел он от малых прибытков в такое приращение, какое должны фабрики и мануфактуры доставлять государству...

Кроме малого числа купцов и канцелярских служителей, почти весь город населен мыльниками, кожевниками, красильщиками крашенины и сапожниками...

Все сии не чистые рукоделия производятся в самом городе, из чего можно заключить, что нередко случаются пожары и воздух наполнен нездоровыми парами в узких и грязных улицах. Всякий сор и грязь кожевных и мыльных заводов валят в мимо текущую реку Тешу, не помышляя о том, что за неимением хороших колодезей, черпают воду из оной».

ЕКАТЕРИНА II, императрица РОССИИ (1729–1796 г.г.)

Автор политических и поучительных трактатов, историк, издательница журналов, автор драматических произведений, сказок, опер.

В 1767 году предприняла ознакомительную и увеселительную поездку по Волге. На двенадцати великолепных галерах с блестящей свитой придворных путешествующие доплыли водой до Симбирска, оттуда возвращались в Москву на лошадях.

«Сон-город».

11 июня Екатерина II и ее окружение прибыли в Арзамас. Позднее, уже из Мурома, она написала письмо графу Панину: «От Алатыря до Арзамаса и от сего места до муромских лесов земли час от часу хуже, селения чаще и ни пяди земли нет, коя бы была не разработана, и нигде голоду нет».

Есть и прямые слова императрицы об Арзамасе. Обронены они вот по какому поводу. Арзамасцы ждали царский поезд к вечеру, он задержался, но люди не уходили с кирилловской дороги. Ночь выпала теплая, и многие встречающие, не желая пропустить прибытие императрицы, остались в поле — уснули на траве-мураве. Утром увидела это проезжающая Екатерина II и воскликнула:

«Сон-город, Сон-город!»

ЛЕПЕХИН И. И. (1740–1802 г.г.)

Сын солдата, учился в Страсбурге, получил степень доктора медицины. По возвращении на родину служил при Академии наук. Командирован в экспедицию по России. Итогом путешествия стал труд «Дневные записки путешествия доктора наук адъюнкта Ивана Ивановича Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году».

Ученый писал об Арзамасе: «Арзамас почитается провинциальным городом, принадлежащим к Нижегородской губернии. Он построен на берегу реки Теши, впадающей в Оку. Строение в нем все деревянное, кроме двух монастырей, — одного женского, а другого мужского — и 18 церквей каменных.

Жители, кроме обыкновенного городского торгу, промышляют хлебом, а наипаче кожевенными и мыльными заводами, которыми Арзамас перед другими хвалиться может. Хотя река Теша мимо самого города течет и соединяется с Окою, однако на ней никакого судового ходу... То место, которое занимает город особливо гористо, с приезде Арзамас изрядный представляет вид.

Арзамас в заведение каменного строения все удобные способы имеет. Городской берег Теши столь много содержит в себе известкового камня, что его не только для Арзамаса, но и для пяти таких городов было бы довольно... Под самым городом на полях покрытых тонким слоем чернозема лежит серая, вязкая и на кирпичное дело годная глина. В песке также нет недостатка.

Арзамасская кожевенная выделка и мыловарни, в чем большой свой промысел полагают арзамасские жители, служили нам в сей день упражнением. Мы тем любопытнее их осматривали, что надеялись найти какую-нибудь разность против муромского, но в сем надеянии обманулися: ибо ничего не нашли такого, что бы хотя мало от муромского отменно».

ГЛИНКА С. Н. (1775–1847 г.г.)

Писатель, участник войны 1812 года. Издатель журнала «Русский вестник». Автор известных патриотических произведений. Его «Записки о 1812 годе» долго вызывали непреходящий интерес у русского читателя.

Сергей Николаевич увидел Арзамас издали и удивился:

«Приближаясь к Арзамасу, глазам моим представился как будто бы новый Кремль. Зодчество башен, сияние красок, а еще более волшебство воображения выводили подорванный Кремль из могильных его развалин»

Лестный отзыв об Арзамасе!

ДОЛГОРУКИЙ И. М. (1764–1823 г.г.)

Поэт, театрал, автор пьес, оперы. Князь служил вице-губернатором в Пензе, а затем губернатором во Владимире.

В 1813 году Иван Михайлович предпринял поездку из Москвы в село Лопатищи, что находилось неподалеку от Нижнего Новгорода для принятия имения, доставшегося ему от матери. Поэт побывал на Макарьевской ярмарке, в губернском городе. Затем князь направился в Пензу к своим старым друзьям.

10 августа Иван Михайлович и его спутники остановились в Арзамасе.

«АРЗАМАС. Город прекрасный между российскими уездными городами; вид его от Нижнего обольстителен. Церквей и каменных строений не чрезвычайно много, но все они, в приближении к городу, кажутся как будто собранными в одну точку и

представляют картину величественную. Не доезжая еще 5 верст, уже любо на его смотреть. Он довольно обширен. Улицы правильны, дома деревянные, украшены пригожими фасадами и колонны с наружной стороны домов здесь в большой моде... В Нижегородской губернии один Арзамас может считаться порядочным городом...

Здесь особенное примечание заслуживают российский художник и женская община... Он, выучась своему художеству, поселился на родине, выстроил в Арзамасе себе большой и красивый дом, завел рисовальную школу и многих имеет учеников; я посещал его, видел его труды, беседовал с ним об его таланте, он влюблен в живопись, беспрестанно пишет и вся его комната заставлена картинами. Тут я нашел множество хорошего для глаз и самых строгих знатоков... он подлинно не мазилка, а истинный живописец. Историческая часть живописи кажется ему свойственнее и любезней других».

НАЗИМОВ М. Л. (1817–1878 г.г.)

Сын соляного пристава в Арзамасе в первой четверти XIX века.

Михаил Леонтьевич оставил довольно обширные и интересные в бытовом отношении воспоминания о городе.

«Арзамас — один из лучших уездных городов нашего Отечества по благолепию своих пятнадцати церквей. В то время он славился своими кожевенными и сальными заводами и, как мы учили в географии, — гусями. Дворянских фамилий, особенно достаточного состояния, жило в нем городе немного, но купеческое сословие было богатое».

СВИНЬИН П. П. (1787–1839 г.г.)

Писатель, историк, географ, художник. В 1806–1824 годах много путешествовал по Европе, побывал в Северной Америке, занимался изучением истории России. Писал биографические очерки об интересных людях и печатал их в своем журнале «Отечественные записки». Сам иллюстрировал свои печатные материалы. Автор романа о Ермаке издал первое жизнеописание нижегородского механика И. П. Кулибина.

Павел Петрович опубликовал также книгу дорожных записок. В 1821 году, проездом на Нижегородскую ярмарку, останавливался в Арзамасе. Здесь он навещал академика А. В. Ступина, побывал в Алексеевской женской общине, записал рассказы о кожзаводчике И. А. Попове, купце Ансиеве, любопытствовал об арзамасских гусях.

«Вообще вряд ли есть другой уездный город, в коем бы было столь много богатых и красивых церквей, и сверх того каждый приход имеет одну теплую, другую летнюю. Из них особенно замечательна своим благолепием и богатством ризницы церковь Спаса Нерукотворенного. Многие губернские соборы беднее и менее ее. И на счет всего города можно так сказать: в редком губернском городе можно найти столько домов строящихся, столько движения и жизни! а сие говорит о трудолюбии и промышленности жителей».

РАЕВ В. Е. (1807–1870 г.г.)

Крепостной псковского помещика Кушелева. В 1822 году привезен в Арзамас в школу рисования и живописи А. В. Ступина, в 1831 году отправлен совершенствоваться в академию художеств. Освобожден от крепостной неволи Обществом поощрения художеств — выкуплен в конце 1830-х годов. Талантливый

пейзажист и декоратор. Академик.

Василий Егорович оставил благодарную память о городе Арзамасе и школе академика А. В. Ступина в своих обширных воспоминаниях.

«Показавши все, что есть в школе Ступина, мне предложили погулять по городу. Нас пошло много, пошли на верхний базар к собору. Подле зимнего собора строился новый громадный летний, я и в Москве такого не видел... Церковь вся окружена колоннами. С горы от собора прекрасный вид на город и на село Вызново. Мне очень понравился город и я был рад, что буду в нем жить... Арзамас издали очень красивый, в нем очень много церквей».

ХВОСТОВ Д. И. (1757-1835 г.г.)

Граф, сенатор. Писатель, участвовал в издании журнала «Друг просвещения». работал над словарем русских писателей. Автор драм, лирических стихотворений, басен, путевых записок. Перевел «Андромаху» Ж. Расина.

Дмитрий Иванович побывал в Арзамасе в 1822 году.

«Теперь я вам скажу нечто и об Арзамасе. Сей прекраснейший город едва ли не первый из уездных в России».

ВЯЗЕМСКИЙ П. А. (1792-1878 г.г.)

Талантливый русский поэт, мемуарист, высоко оценен своими современниками. А. С. Пушкин. В. А. Жуковский. Н. М. Языков, Е. А. Баратынский, Ф. И. Тютчев посвятили ему свои стихи.

В декабре 1827 года князь Петр Андреевич по дороге в Саратовскую губернию появился в Арзамасе, тут он бывал и ранее. Посетил Алексеевскую женскую общину, школу рисования и живописи А. В. Ступина.

«В Арзамасе я видел общину. Церковь прекрасная. Позолота — работы затворниц, искусные золотошвейки. Около пятисот сестер. Настоятельница — женщина или девица пожилая, умная, хорошо говорит по-русски, из Костромы, купеческого звания... Монастырь не имеет никаких определенных доходов. Заведение благотворное... В Арзамасе есть школа живописи, заведенная академиком. Картины этой школы развешаны и продаются в трактире. Все это зародыши образованности. Просвещение выживает дичь».

ЖУКОВА М. С. (1805-1855 г.г.)

Родилась в деревне Липовка под Дивеевом, неподалеку от Арзамаса.

Юность прошла в Арзамасе, где ее отец С. С. Зевакин служил уездным стряпчим. Воспитание получила домашнее и в доме Голициных. Неудачный брак, трудная жизнь одинокой молодой женщины дали Марии Семеновне возможность в провинции, да и в Петербурге подсмотреть многие стороны жизни своих сверстниц — бедных дворянок, часто приживалок в домах богатых. Это и составило основу повестей писательницы. После выхода в свет книги «Вечера на Карповке» в 1837 году критик В. Г. Белинский писал: «Успех необыкновенный... Мы прочли „Вечера на Карповке“ с живейшим удовольствием, с живейшим наслаждением. И они — произведение женщины. Но дай Бог, чтобы у нас было побольше мужчин, которые бы так хорошо писали».

Мария Семеновна любила родные края, написала искренние слова о родном Арзамасе: «Белые зубчатые стены монастырей с их башнями и каменными

кельями, множество также каменных обывательских домов с их темными садами, куполы церквей и светлые шпицы колоколен придавали городу, особенно издали, действительно прекрасный вид; многочисленные же заводы, рассеянные по берегу реки, казались пестрою каймою, окружавшею подошву горы, которая служила ему как бы пьедесталом. Главное население города составляло купечество, деятельное, оборотливое, трудолюбивое, между которыми были люди, истинно понимавшие важность и достоинство своего сословия и, несмотря на просвещение, которого цену начинали уже узнавать, не пренебрегавшие патриархальными правами отцов своих... Если я прибавлю несколько слов о школе живописи, которой произведения принимаются с похвалою на нашей столичной выставке художеств, вы узнаете мой маленький городок...»

МЕЛЬНИКОВ П. И. (АНДРЕЙ ПЕЧЁРСКИЙ) (1818-1883 г.г.)

Бытописатель, родился в Нижнем Новгороде и свое творчество во многом связал с историей родного края. Павел Иванович написал серьезные этнографические работы, связанные с историей мордвы, Нижнего Новгорода, церковного раскола. Широко известны его высокохудожественные рассказы и романы «В лесах», «На горах» о жизни заволжских старообрядцев.

В 1839-1842 годах у писателя вышли из печати «Дорожные записки», в которых рассказано о поездке автора из Тамбовской губернии в Сибирь. В них Павел Иванович лестно отзывался об Арзамасе:

«Верст за восемь Арзамас весь открывается прекрасной панорамой. Довольно значительная возвышенность, полукругом огибающая Тешу, покрыта красивыми каменными домами, из-за которых смотрят колокольни. одна другой выше, одна другой великолепнее; в середине величественный собор с прекрасною колоннадою и огромным куполом, поражает всякого своею колоссальностью; левее видны церкви Алексеевской общины; еще далее роща и монастырь Святогорский. В России немного и губернских городов, которые бы при таком счастливом местоположении были так красивы, как Арзамас».

СОЛЛОГУБ В. А. (1813-1882 г.г.)

Граф, служил в Министерстве иностранных дел чиновником особых поручений при тверском губернаторе. В 1837 году в журнале «Современник» опубликовал первые рассказы. В сороковых годах печатал лирические повести. В 1845 году вышел знаменитый «Тарантас» — путевые очерки, рассказавшие о провинциальном быте. Драматург, писал водевили и статьи о театре.

Владимир Александрович видел Арзамас подростком в 1822 году, когда с родителями ехал в Симбирскую губернию в купленное имение. Со временем писатель вспоминал: «... Много видел я в Москве церквей, но в Арзамасе, кроме церквей ничего не видел... Арзамас по преимуществу город православия. Перед ним русскому человеку нельзя не прекреститься».

Арзамас помнился Соллогубу и другим. В «Тарантасе» находим добрые слова в адрес художественной школы А. В. Ступина. Некий князь, любитель изобразительного искусства говорит герою повести, что «... у меня целая галерея образцовых произведений славных арзамасских живописцев».

ТЕРЕЩЕНКО А. В. (1806-1865 г.г.)

Этнограф, археолог. В 1837 году опубликовал «Опыт обозрения жизни сановников управлявших иностранными делами в России». Главным трудом Александра Власевича является «Быт русского народа», изданный в 1848 году.

Этнограф побывал в Арзамасе, собрал материалы по истории города и опубликовал их в журнале «Москвитянин» в 1852 году. Вот его слова: «Изучая нравы русского народа, я встретил в Арзамасе смесь поверий и обрядов, занесенных сюда из Великороссии, или носящих на себе отпечаток чего-то мордовского.

В купеческое сословие проникла уже общественная образованность, так что не только молодые, но и пожилые купцы отличаются приятностью разговора, вежливостью и любовью к познаниям, поэтому следы старины исключительно остались в быту мещан и ремесленников, особенно между женщинами».

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Н. Г. (1828–1889 г.г.)

Саратовская дорога открыла Арзамас и Николаю Гавриловичу, который впоследствии стал признанным вождем революционной демократии в России. В 1853 году весной он торопится с женой Ольгой Сократовной в Петербург, чтобы начать там свою общественную деятельность.

Рано утром 9 мая Чернышевский написал отцу Гавриле Ивановичу письмо в Саратов. Среди прочего в нем сообщалось: «В Арзамасе нашли мы прекрасные свежие огурцы. В Нижнем уже получали свежие лимоны. Послали отыскивать и здесь. Ныне в Арзамасском (Никольском) монастыре большой праздник (Николин день, вешний), и народу сошлось и съехалось множество. Многие приехали, например, из Лукоянова (60 верст) и дальше».

ТОЛСТОЙ Л. Н. (1828–1910 г.г.)

В сентябре 1869 года граф ездил в Пензенскую губернию, где намеревался приобрести землю.

В Арзамасе писатель ночевал в гостинице. Здесь, возможно, в болезненном припадке, испытал чувство большого внутреннего страха и «арзамасской тоски». Вот как он писал об этом жене Софье Андреевне 4 сентября: «Я второй день мучаюсь беспокойством... Третьего дня в ночь я ночевал в Арзамасе, и со мной было что-то необыкновенное. Было 2 часа ночи, я устал страшно, хотелось спать и ничего не болело. Но вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас, такие, каких я никогда не испытывал. Подробности этого чувства я тебе расскажу впоследствии; но подобного мучительного чувства я никогда не испытывал, и никому не дай Бог испытать. Я вскочил, велел закладывать».

Сын писателя Сергей Львович в своих воспоминаниях о родителе делает предположение: «Может быть, причиной была болезнь печени, никогда не оставлявшая моего отца, может быть — переутомление от умственного труда».

Позднее Л. Н. Толстой использовал «арзамасскую тоску» и страх в рассказе «Записки сумасшедшего».

КОРОЛЕНКО В. Г. (1853–1921 г.г.)

Писатель-демократ, чья гражданская совесть «разбудила дремавшее правосознание огромного количества русских людей...» «Мне лично этот большой и красивый писатель сказал о русском народе многое, что до него никто не умел сказать», — отмечал А. М. Горький.

За отказ от присяги Александру III в 1881 году писателя сослали в Якутский край. В 1885 году Короленко возвращается из ссылки, живет в Нижнем Новгороде, занимается литературным трудом и краеведением. Чуткий к общественным явлениям, работает в 1891–1892 годах по ликвидации голода в Лукояновском

уезде.

Несколько раз Владимир Галактионович оказывался в Арзамасе. Впервые по дороге в Саров приехал в город в 1890 году. 12 июня писатель побывал на Ивановских буграх, где сделал зарисовки «Божьих домиков», а позднее написал очерк «Божий городок», в котором передал легенды о казненных на буграх разницах...

Арзамас дал писателю материал и для повести «Муза» — о судьбе А. В. Ступина и его художественной школе. К сожалению, повесть осталась неоконченной.

Бывал Короленко в Арзамасе и в 1892 году, когда проезжал в Лукояновский уезд для организации народных столовых для голодающих.

Город Арзамас переживал в конце прошлого века не лучшие свои дни. Казалось, прошлое ушло навсегда, люди жили воспоминаниями о «Золотом веке» города. Этот настрой передался и писателю: когда некий старик рассказывает Владимиру Галактионовичу о гибели разинцев, стрельцов времен Петра I, пугачевцев, о славных днях творческой жизни Ступина... «Среди впечатлений сонного настоящего Арзамаса, над этими млеющими от жару парами и сверкающими куполами (церквей) — встают и носятся в воображении такие же смутные, неясные воспоминания». «Арзамас позади. Еще полчаса — и, оглянувшись, я вижу его на горе с бесчисленными, спутанными в синеве воздуха, сверкающими на солнце колокольнями и куполами. Кажется, будто гора за Тешей, задернутая легким синеватым газом, обвита затейливым тонким и ослепительно-белым кружевом».

Вошла в «Записные книжки» Владимира Галактионовича и Ступинская школа одной деталью: «... в коридорах арзамасской гостиницы стены украшены старыми изодранными картинами: это работы Ступинской художественной школы, пользовавшейся широкой известностью в начале XIX столетия. В лучшие времена Арзамас был приютом муз... Все прошло, и изодранные картины в промозгом коридоре еще более усугубляют ощущение дремотной арзамасской тоски».

Как видим, «арзамасская тоска» Толстого начала тиражироваться.

ГОРЬКИЙ МАКСИМ (Пешков Алексей Максимович (1868–1936 г.г.))

Русский советский писатель, в свое время признан основоположником литературы социалистического реализма.

Впервые опубликовал рассказ «Макар Чудра» в тифлисской газете «Кавказ» в 1892 году. Возвратившись из странствий по югу России в родной Нижний Новгород, Алексей Максимович много пишет для поволжских газет. В 1895 году печатается и в столичных изданиях. В 1898 году вышли двухтомные «Очерки и рассказы», которые вызвали широкий отклик у читателей демократического направления.

Горький рано связал свою жизнь и творчество с революционным движением. В 1902 году писателя выслали в Арзамас, где он прожил под гласным надзором с 5 мая по 4 октября. Здесь Алексей Максимович интенсивно работал. Завершил пьесу «На дне», писал пьесы «Мещане» и «Дачники». Арзамасские впечатления легли в основу рассказов «Городок». «Как сложили песню».

В дальнейшем большое признание у читателей получили произведения «Фома Гордеев», «Трое», «Мать», «Жизнь Матвея Кожемякина», «Детство», «В людях», «Дело Артамоновых» и громадное эпическое полотно — роман «Жизнь Клима Самгина».

Драматургия М. Горького обогатилась такими значительными пьесами, как «Варвары», «Последние», «Васса Железнова».

В письмах к друзьям Горький писал об Арзамасе:

К. П. Пятницкому: «Тихо здесь, славно. Окрестности — мне нравятся, широко, гладко. Заведу себе на днях стол, начну работать и накоплю здоровья лет на пять. Квартира хорошая».

П. Чехову: «Тихо здесь, спокойно, воздух — хороший, множество садов, в садах поют соловьи... Здесь у нас в Арзамасе есть река Теша, в ней мальчишки с большим успехом ловят окуней, щурят и карасиков. Молоко здесь хорошо очень и много дичи. Мы все дупелей едим да рябчиков. Дешево!»

«Тишина здесь — великолепная! Воздух доброкачественный. Земляники и молока — сколько хотите!»

И. Немировичу-Данченко:

«Живу — очень недурно. Много работаю. Городишко красивый и очень смешной, дикий, что меня весьма занимает».

Высказывания А. М. Горького о жителях Арзамаса требуют отдельных замечаний.

Утвердившийся в литературе, будучи на волне общественного внимания, следуя радикальным социал-демократическим взглядам, Алексей Максимович чаще видел в тогдашней российской действительности только «мерзости жизни», о них он чаще и писал. Создав себе имя на этих самых «мерзостях» М. Горький и в Арзамасе не хотел видеть ничего светлого и потому в письмах к своим именитым корреспондентам попустил этакому ерничеству, язвительности и, к сожалению, даже открытому адресному злу.

Об арзамасских купцах он пишет: «крепкие башки»... «славно бы такими башками арзамасские улицы мостить». И далее: «Трусливые бараны, жадные, тупые волки». Попало от писателя и арзамасским мещанам. Они «тихо ходят», у них не лица, а «рожи», а город виноват уж в том, что в нем огромное количество влюбленных с их «мордашками» и «харями». И еще: «ходят медленно, имея вид существ, совершенно лишенных каких-либо активных намерений». «Давно не видел так много тупых и наивных людей». «Патриархальность здешняя граничит с удивительной тупостью».

Всего этого арзамасцы, право же, не заслужили.

Позже в очерке «Городок» и повести «Городок Окуров», которые очень близки тематически, Горький дал обобщенную картину «идиотизма мещанства», его «зоологического индивидуализма»... Ретивые горьковеды затем уже стали открыто налагать в печати этот негатив на прошлое Арзамаса, не утруждая себя заглянуть в подлинную историю города, в ней куда больше добрых страниц!

СКИТАЛЕЦ С. Г. (1869–1941 г.г.)

Русский советский писатель.

Летом 1902 года, когда М. Горький жил в ссылке, Степан Гаврилович приезжал к нему.

«В августе мне разрешили переехать в Арзамас к Горькому по просьбе, мотивированной нашими совместными литературно-издательскими делами.

Арзамас оказался живописнейшим древнерусским, страшно захолустным, тишайшим городком, полным художественно красивых старинных церквей. Горький занимал там за тридцать рублей на все лето бревенчатый дом комнат в шесть, с мезонином и садом».

ЩЕГОЛЬКОВ Н. М. (1856–1919 г.г.)

Родился в Арзамасе в купеческой семье среднего достатка. Рано проявил интерес к истории родного города и в дальнейшем долгие сорок лет своей жизни отдал на собирательство материалов о прошлом Арзамаса.

Общественный деятель, в последние годы царской власти городской голова. Специалист мехового дела, владелец скорняжной мастерской.

Первый краеведческий материал опубликовал в нижегородской газете «Волгарь» в 1895 году. В 1901 году избран членом Нижегородской ученой архивной комиссии.

Николай Михайлович по-сыновьи любил свою отчину. Вот его искренние слова, предпосланные к своему главному пожизненному труду «Исторические сведения о городе Арзамасе», вышедшему из печати в 1911 году. «Посвящаю этот мой труд памяти достоправных арзамасцев, споспешествовавших созиданию, прославлению и украшению моего родного города, и приношу его в дар современным и будущим потомкам арзамасцев с искренним желанием, чтобы добрые примеры предков воодушевляли и потомков к подражанию им и соревнованию».

ПАУСТОВСКИЙ К. Г. (1892–1968 г.г.)

Известный русский советский писатель. Первый его рассказ увидел свет в 1912 году.

В 1929 году опубликовал роман «Блистающие облака», в 1932 году «Кара-Бугаз», в 1934 году «Колхида». Автор повествований о людях искусства и литературы. В последние годы жизни написал книгу биографического характера «Повесть о жизни», в которой через личные впечатления правдиво подал предреволюционную жизнь России.

В 1916 году Константин Георгиевич побывал в Арзамасе:

«Вырос я на юге и до сих пор не видел еще таких уездных городков, как Арзамас, — типично русских, вплоть до причудливых резных наличников, неизменной герани на окнах и дверных звонков, дребезжащих на заржавленной проволоке.

Старый Арзамас остался в памяти как город яблок и церквей. Базар был заставлен корзинами с желтыми, крепкими яблоками и куда ни взглянешь — всюду было такое обилие золоченых, похожих на эти яблоки, куполов, что казалось, этот город был вышит в золотошвейной мастерской руками искусных женщин. Есть сотни маленьких городов в России. Никто даже толком не знает о их существовании. А вот Арзамасу повезло. Он вошел в народную поговорку: „Один глаз на нас, другой — на Арзамас“».

У памяти много слов

В 1654–1655 годах на Русь незванно-непрощенно явилась чума и, как писал летописец, «бьяша мор зол на люди, не успеваху живые мертвых погребати».

Бубонную болезнь назвали «черной смертью», моровым поветрием, «трясовицей с пятнами». Вольготно прошла беда и по нижегородской земле. В самом Новгороде болезнь унесла 1836 человек, а в Нижегородском уезде 3666. Вокруг городов и сел ставили «заставы крепости», «засекали» дороги, чтобы сторонние не могли въезжать в села и деревни. Трупы умерших приказывали хоронить на своих дворах. Надо думать, что чума не обошла и Арзамас.

1773 год. В России свирепствовала эпидемия язвы, которая распространилась по всей России. Только в Москве коварная выкосила 56 672 человека. Воровски язва,

конечно, добежала и до Арзамаса.

Холера начала посещать Нижегородское Поволжье, арзамасские земли давно. Она воровски проникала сюда Волгой или по Саратовскому тракту. В Арзамас привозили ее и с Макарьевской ярмарки. Впервые в XIX веке, в 1812–1813 годах, объявилась холера под Арзамасом, в селе Кожино. В самом Арзамасе памяти о холере этого времени не сохранилось, знать, страшная гостья миновала город.

Заболел человек холерой... Его начинала мучить рвота, понос, корчи в ногах. С ужасом вспоминали после тот черный год, боялись называть его холерным, памятуя, что не зови беду, она отзывчива... И соглашались в разговоре: время-то какое было, и лягушка, бывало, не квакнет, все живое пряталось и замирало.

1830 год помнился народами Поволжья — долго помнился, бедовым. Опять холера пробежалась по бесконечным просторам и унесла множество жизней.

Бедствие вызывало страх уже потому, что врачи еще не знали способов борьбы с заразой-поскакухой. Вначале холера объявилась в Нижнем Новгороде. Как раз открылась ярмарка и сразу умерло несколько человек.

Догадались повсеместно держать карантин. Не впускали в Арзамас и не выпускали из него ни конного, ни пешего. Власти распорядились обрыть город рвом. Предупредительной мерой оказалось курение навоза в том же рву и близ оного.

Источали навозные кучи едкий дым, и верилось, что он отгонял заразу. Нехитрыми оказались и другие предосторожности. Следовало пить настой ромашки, обтираться сухой тканью, употреблять чеснок, иметь под рукой вино настоянное на перце с редькой, пить деготь...

20 сентября холера-таки перепрыгнула через ров и прогулялась по Арзамасу, показала себя внизу на постоянных дворах.

21 сентября арзамасцы совершили крестный ход вокруг всего города... 24 числа умерла мещанка Бирюкова, городничий запретил отпевать ее в соборе, отпели на Тихвинском кладбище. 12 октября, в воскресенье, по просьбе граждан, архимандрит Спасского мужского монастыря совершил молебствие в соборе об избавлении людей от бедствия...

Все же Арзамас потерял в тот год несколько своих горожан.

В это тревожное время в своем болдинском имении холерой был задержан А. С. Пушкин. Местное начальство рекомендовало коллежскому секретарю, стихотворцу Пушкину служить «по холере». Поэт отнекивался: осень оказалась для него «детородной», он много писал. Тут в Лукоянов проездом нагрянул сам министр внутренних дел граф А. А. Закревский и уж поневоле пришлось принять на себя должность «попечителя квартала». В этой неожиданной своей службе поэт и произнес мужикам в болдинской церкви пространную речь о холере: объявил нехитрые меры предосторожности, а заодно и пожурил своих подданных за ленивый платеж оброку — лености этой крепостные Болдина, Кистеневой и Львовки были очень даже подвержены...

Пушкин не выдержал своего долгого сельского затвора и помчался в Москву к невесте Н. Н. Гончаровой, но его «протурили» от Севастлейки — в верстах двадцати от Муромы, обратно.

В 1846 году в конце октября — уже не в первый раз, случился мор на скот. Это бедствие посещало Арзамасский уезд частенько. Через город гнали гурты быков из юго-восточных поволжских губерний, среди которых шли и зараженные чумой, сибирской язвой... Впоследствии, когда скот стали перевозить по железной дороге, эпидемии скота не наблюдались.

Большое бедствие принесла холера городу Саратову, связанному с Арзамасом

почтовым трактом. Там еще в 1807 году чума продержала город в четырехлетнем карантине. В 1830–1848 годах холера убавила число саратовцев на двадцать тысяч человек. То и говорили саратовцы, да и вообще волжане: азиатские гости ходят по русские кости...

Холера 1848 года нанесла урон и арзамасцам.

1 июля умер от нее сторож Воскресенского собора.

5 июля совершено молебствие о прекращении холеры, горожане обошли крестным ходом Арзамас.

Но холера продолжала похищать жизни. Умер купец Василий Иванович Шкарин, умирали другие... Уездные доктора утешали горожан тем, что свойство местной жесткой воды останавливает холерный процесс и потому болезнь щадит арзамасцев. Действенных медицинских средств против южной гостьи все еще не знали...

Моровое поветрие распространилось в разных городах России в 1871–1872 годах.

Летом 1871 года Саратовский тракт донес холеру до подгороднего села Кожино.

Снова арзамасцы свершили крестный ход вокруг города. В нижней части Арзамаса носили по домам икону Божией Матери из кладбищенской Тихвинской церкви. Холера миновала арзамасцев. Но в следующем, 1872 году, в августе и позднее умерло до двадцати человек. Заметили, что большинство из погибших купалось в Теше и пило из нее воду.

Со второй половины XIX века подгородное село Ивановское и деревню Березовку стала посещать страшная сибирская язва. Она переходила на местных овчинников от привозных шкур зараженных прежде животных.

Вдруг вскидывался на теле человека смертельный чирей — черное пятно с красным гнойным обольем. Сибирская язва, как считали, бывала трехдневная и двенадцатидневная — по числу дней протяжения болезни.

На эту напасть сыскался в Березовке лекарь. Он прежде служил солдатом в Сибири и привез способ борьбы с ней, что применялся в народной практике. Язвенный нарыв Иван Яковлевич Андреев обкалывал булавкой, потом смертельный чирей вырезал, а в рану клал изюм, хлопчатую бумагу и какое-то снадобье, о котором он умалчивал. Покупные пособия стоили целителю по тем временам три рубля, так что все лечение обходилось больному в шесть рублей. По слухам, Андреев лечил и наговоренной водкой. Для излечения от трехдневной язвы следовало купить четверть водки и, если больной сможет, выпить ее в три дня. Верилось, что такая мера водки могла «сжечь» приставучую заразу.

Сибирская язва объявлялась на теле человека по-разному, иногда несколькими нарывами. Тот же Андреев лечил одну березовскую женщину, у которой этих нарывов появилось несколько десятков. По трудам и оплата. Андреев взял за свою лечбу жеребца ценой в полтора рубля. Но жизнь спас!

С 1870 по 1878 годы включительно сибирская язва унесла жизни восьми человек из Березовки, Кирилловки и Ивановского. Трое из умерших были дети.

Примета: Ведро в Благовещенье — к пожарам.

Огню да воде Бог волю дал. Пожаров в старину боялись и даже в казенных бумагах, когда писали о «злом Вулканусе», о рекомендуемых противопожарных мероприятиях чиновные обязательно оговаривались: «Не приведи Бог»...

Как и все русские деревянные города средневековья, Арзамас страдал от огня. Он еще не имел четкой планировки, улицы и переулки были узкими, дома, дворовые постройки, разные мастерские скученными. И все это приводило к частым возгораниям, наносило большой ущерб погорельцам.

Реестр пожаров в городе долог. Скажем о тех, какие помнятся и доселе.

1640 год. Заполыхало в самом центре города. Сгорел деревянный Воскресенский собор. Некоторое время спустя огонь, что называется, смахнул стоящий рядом Никольский женский монастырь.

В 1703 году в конце лета горела крепостная стена. В октябре арзамасцы просили Москву дать указ на ее восстановление.

Поистине страшный пожар случился в 1726 году. Тогда на Воскресенском соборе и в Введенском монастыре, что стоял тут же на Арзамасской площади, сгорели крыши храмов, внутри Введенского повреждены престолы. Никольский женский монастырь тогда сгорел дотла.

«Красный петух» вырвался из проезжей Кузнечной башни, захлопал жаркими крыльями в Кузнечной слободке, а там подобрался и к Владимирской церкви. От жары у нее отвалился свод в холодном храме, а на теплом повреждена крыша.

В этом пожаре уничтожилась большая часть обветшалой крепостной стены с ее главными башнями. Более она уже не возобновлялась.

Разбушевалась огненная стихия в ночь с 6 на 7 августа 1823 года. Свидетель беды ученик школы рисования и живописи академика А. В. Ступина Василий Раев вспоминал: «Страшный набатный звон разбудил всех жителей города, окрестных сел и деревень, все увидели ужаснейший пожар, разливавшийся по нижней части города. Более двухсот домов и кожзаводов горели почти в одно время и к восходу солнца увидели: где еще вчера был город, сделалось дымящееся поле».

И через семьдесят лет об этом пожаре многие арзамасцы рассказывали со слезой. Загорелось на улице Мостовой в каменном доме. Огонь дошел до Теши на западе. На юг выгорело все до луговины, а на севере пламя утихло только на Мартовской улице. Огонь уничтожил 120 домов.

Этот пожар нанес сильный удар по кожевенному делу горожан. Заводы находились при жилых домах. Резко сократилось их число — многие, вкладывая все деньги в закуп сырья, разорились, а потом губернские власти приказали вынести заведения за черту города и это окончательно подорвало кожевенное производство, которое развивалось в Арзамасе более двухсот лет. К 1830 году кожзаводов осталось не более двадцати пяти, а прежде насчитывалось их около сотни.

1853 год. Опять же в нижней части города разыграл огонь в доме почетного гражданина купца Ступина. Потому и пожар-то вошел в печальную память арзамасцев как «ступинский». Уничтожилось 22 дома.

Долго помнил купец Серебренников свой пожар, что случился в 1859 году. Жил он тогда в Софийском приходе. Сгорело товаров на четыре тысячи рублей. В огне погибли четыре лошади и две коровы.

Пробежался огонь в 1863 году по Скоблинской улице в нижней части города и «как языком слизнул» пять жилых домов.

1879 год, 14 сентября. С восьми часов вечера и до двенадцати ночи гулял-погуливал большой пожар в центре города. Сгорело пятьдесят домов на Соборной площади, в улицах Сальниковой, Новой и Стрелецкой. Уничтожено несколько примечательных памятников архитектуры — старинных деревянных домов в стиле провинциального ампира.

*Город Арзамас.
Соборная и Базарная площадь, место,
наиболее пострадавшее при последнем пожаре.
(Рис. с фотогр. Л. Белянкина, грав. Д. Рыжов.)*

Обгорела снаружи старинная Крестовоздвиженская церковь, выгорела колокольня, сгорел деревянный ее шпиг. Удалось спасти большой колокол храма. Только что отлитый, он стоял еще на козлах Кто-то подсказал обложить колокол кошмами.

Сгорела аптека Румеля.

1883 год памятен арзамасцам несколькими пожарами.

26 апреля в два часа дня занялось в нижней части города, через час-другой полыхало уже более пятидесяти домов. Выгорело все вокруг Спасского озера. Обгорела колокольня Богословской церкви и верх ее теплого храма. Выгорели два придела летней церкви, саму же церковь спас чугунный пол. Горела улица Лобковка. Огонь стих возле Ильинской церкви.

29 апреля злодеи подожгли дом на Соборной площади, но тут успели потушить поднимающийся огонь. На следующий день поджог повторился. Сгорело двенадцать домов.

5 июня, в Троицын день, уже вечером сгорело пять домов на Нижней набережной Теши.

Пожар у Владимирской церкви в нижней части города произошел 19 апреля 1888 года. В огне исчезло семь домов.

1891 год. Уже вечер настаивался последнего дня июля... Вдруг всполошно забухали колокола в Алексеевской женской общине. Вспыхнул деревянный сарай, огонь перекинулся на жилые корпуса... Всю ночь сестры, пожарные и горожане боролись с огнем и только к семи утра удалось усмирить пламя. Сгорело тринадцать жилых домов. После подсчитали, что убыток общины составил около двухсот тысяч рублей.

Сильный ветер дул 23 апреля 1892 года... В этот день и произошло возгорание в доме Балтийских и Белиной в верхней части города. На Прогонной улице восемь хозяев осталось без крова. Один дом, которому угрожал огонь, успели разобрать.

В ночь на 7 ноября 1897 года пожар почти уничтожил новый деревянный трехэтажный корпус в Алексеевской женской общине. Поджог сделала некая Анна Воловая, исключенная из общины.

1903 год, 4 ноября. Неожиданный пожар случился в Крестовоздвиженской церкви. В теплом храме уцелела чудотворная икона Казанской Божией Матери.

Оберег от огня, борьба с пожарами повсеместно возлагались особой повинностью на само население.

Грозные указы издревле советовали обращаться с огнем осторожно. Наряду с этим предлагались способы тушения огненной стихии. Создавались городские противопожарные службы. В Арзамасе близ собора издавна располагалась «Трубная» с нехитрым насосом для забора воды и «трубами» или «рукавами» для выброса воды в очаг пожара. Возле «Трубной» находились лагуны с водой. Так, в 1790 году городничий Ананьин приказал «иметь лагунов с лошадьми двадцать». В случае пожара купеческое общество обязывалось выставлять десять человек на его ликвидацию.

Вот перечень противопожарного инвентаря в «Трубной» в декабре 1814 года. Багров с древками — 19, без древков — 6. Ухватов с древками — 8. Лестниц — 6. Щитов — 12.

Куплено «две медных заливных трубы первого сорта и хорошей работы». Обошлись они городу в 1500 рублей. С дворян собрали денег на эти трубы — 284 рубля, а с купцов — 1109. Разночинцы тоже внесли свою посильную лепту на приобретение «гасительных снарядов». К этому закуплено еще 28 Лагунов для воды, расставили их возле караульных будок.

В пятилетие с 1873 по 1887 год заботами городского головы А. Ф. Колесова выстроена в Арзамасе на здании бывшего магистрата пожарная каланча с постоянным дежурством на ней. Разработаны меры оповещения о пожаре.

19 ноября 1886 года Арзамасская городская Дума предписала жителям города меры предосторожности против пожаров. Предписывалось иметь перечень противопожарного инвентаря, бочек с водой у каждого дома, содержать в порядке улицы и тротуары. Каждому владельцу лошади следовало немедленно являться на пожар с бочкой воды. Даже курение на некоторых улицах запрещалось под угрозой большого штрафа. Курили в дедовы времена много меньше, курение на показ не выставлялось, в общественных местах оно считалось неприличным, как не дымили вонючим табаком и на свидании с девушкой.

Благодаря неусыпному, строгому противопожарному надзору после 1726 года Арзамас почти сто лет не знал больших пожаров.

По примеру других городов в сентябре 1894 года арзамасцы открыли подписку на учреждение вольной пожарной дружины. Первый сбор, молебен и парад дружинников состоялся 13 мая 1896 года. Устав Общества утвержден 21 июля 1896 года. Зона действия пожарной дружины на протяжении десяти верст от города.

Из отчета Общества видно, что с 1898 по 1900 год пожарники тушили десять возгораний. Умело боролись с огнем в селах Выездном и Абрамове.

С 1899 года для увеличения денежных средств дружинники по инициативе председателя Общества В. С. Сафонова завели оркестр духовой музыки. Музыканты играли в Общественном клубе, на различных вечерах и концертах. За год таким образом заработали 1200 рублей.

Пожары выявляли людей смелых, сильных, решительных, всегда готовых кинуться «хоть в огонь, хоть в воду». Этих удалцов, спасающих людей, скот и пожитки всегда уважали и ценили в народе.

Участие в укрощении стихии считал за честь Иван Иванович Зайцевский, торговец

мехами. Долгие годы во второй половине прошлого века поражал он арзамасцев своей удалью и молодечеством, когда боролся с огнем. Первым прибежал к месту пожара и прибежал не с пустыми руками. Особенно изумил он своей ловкостью горожан, когда тушил пожар на колокольне Владимирской церкви. Впоследствии Иван Иванович купил противопожарную машину и всякий раз пускал ее в дело. За благородный поступок к пользе общей он награжден серебряной медалью. Когда Зайцевский умер в мае 1895 года, весь Арзамас скорбел, жалел о потере своего лучшего гражданина.

О храбрости выездновцев на пожарах писала губернская печать. Оно и не удивительно. Большая часть сельских пожарных состояла из мастеров кровельного дела — людей мужественных, не боящихся высоты. «Они выказывали повальное усердие и холодную рассудительность».

В конце 1604 года ярко загорелась на небе необычная комета. В нижегородских пределах ее видели даже днем. Люди всегда опасаются небесных знамений, связывают с ними неблагоприятные, а то и бедственные периоды. Такой период Россия и переживала с 1584 года — шатость, смуту, нашествие инославных. Великая беда для православных кончилась только в 1613 году.

В пятидесятых годах XVII века летописцы отметили невиданное нашествие грызунов в Среднем Поволжье: мыши поели все хлеба не только в полях, но и в закромах. Как ни боролись с ними люди, полчища грызунов только множилось.

Случившийся пожар во время грозы в старину оговаривался: по милости Божией занялось...

1732 год, 2 июня. Кончилась вечерня, читался в Спасском мужском монастыре акафист пред иконой Казанской Божией Матери... Вдруг раздался сильный удар и сотрясло свод соборного храма. Молния ударила еще раз, опалила столпы у местных икон, зажгла пол у южных дверей.

Но не довел Бог до пожара.

Монахи благолепо украсили чтимую икону Казанской Божией Матери, поставили заступницу близ амвона с левой стороны, после она особо почиталась братией и богомольцами.

Комета 1774 года, как писал в свое время Г. Р. Державин, «...принадлежала к числу наиболее замечательных в XVIII веке, она отличалась длинным хвостом с 6-ю загнутыми лучами и произвела сильное впечатление в народе». Добра этот год России не принес. В течение его немало пролилось народной крови при разгроме повстанческих отрядов Е. И. Пугачева, немало пало солдатских головушек и на войне с Турцией.

Это случилось 13 июня 1774 года. Вечером, в начале девятого часа, надвинулась с востока туча необычного желтого цвета. Монахи Саровского монастыря, окрестные крестьяне прильнули к окнам — на улице изливался желтый дождь!

Кой-кто из крестьян вздыхал, вспоминая события этого года: обильный дождь пролился из красной мужицкой кровушки. Теперь на желтое потянуло... Знать, конец бунташным Пугачева.

1783 год. В Нижегородском наместничестве во многих местах — в арзамасских тож, град сильно побил озимые и яровые. Начальство распорядилось открыть сельские «запасные магазины» и крестьянам, взаимобразно, выдавали зерно для прокормления.

Народное поверье: Илия-пророк выбивает градом хлеб у тех, кто обмеряет при продаже.

В августе 1811 года над небом Европы показалась хвостатая комета и привлекла всеобщее внимание. Люди издавна считают появление комет за недоброе предзнаменование. Но тогда Франция, опьяненная громом побед Наполеона на полях сражений, жила весело. Кто-то из виноделов начал выпускать вино с маркой кометы. Но искромётное вино вскоре обернулось для галлов горьким, поминальным.

В России говорили: пометет эта комета землю русскую.

И не ошиблись. Наступал 1812 год...

Вот уж чего не было ни раньше, ни позже... 19 июля 1830 года после обильных дождей переполнились в черте города пруды Сальниковский и Большой. Напор воды прорвал плотину Большого пруда и вода валом хлынула по оврагу вниз. Дикий поток смыл несколько домишек и потащил их в сторону Лесной площади у Теши... Натерпелись страху потерпевшие бедствие...

1845 год, 5 июля. Сильная гроза над городом.

Один за другим обрушивались на землю раскатистые громовые удары. Один такой пал на людскую избу помещицы майорши Алфимовой в три часа пополудни и оглушил крепостного Алексеева шестидесяти лет, а Глеба Васильева оглушило так сильно, что он упал без чувств. Пришел он в себя только во время пуска крови.

О громе говорили в народе: от грома и в воде не уйдешь.

После холодной зимы 1848 года, в конце марта, сильно потеплело и 30 числа грохотала гроза над притихшим городом.

Такой бури арзамасцы допрежь не помнили. 9 июля 1851 года неистовая стихия только в церквах выбила 860 стекол и 21 раму. С домов срывало железные крыши. Повреждено 11 городских мельниц. В домах горожан выбило около пяти тысяч стекол. Убытки составили значительную по тем временам сумму — до 1500 рублей серебром. В уезде градобой нанес немало урона хлебам, особенно в Мотовиловской округе.

1859 год, 3 апреля. Снова вешние воды затопили ближние к Теше улицы Скоблинскую, Зосимовскую и Мартовскую. Снесло мосты на Теше и Шамке. На Сенной площади своротило кабак «Тычек». За спасение целовальника и его матери городской цирюльник Александр Петрович Курочкин получил серебряную медаль.

Буревое лето выдалось в 1863 году. В день Святого Духа, на Троицкой неделе, а потом и в день Всех Святых ярилась разбушевавшаяся стихия. В последний день с запада принесло тучу огненно-желтого цвета, ветер срывал крыши, развалил кузницу из кирпича, а на Сенной площади опрокинул воз с яйцами и раскатал их по разным углам. Сломало шпич Спасской церкви.

1864 год. После долгой засухи в июне хлынули благодатные дожди, и велико же удивились горожане, когда увидели множество лягушек. Странно вели себя эти лягушки: лезли на стены и заборы. Одни из арзамасцев предполагали, что лягушкам стало душно в их земляных убежищах, а другие объявляли, что гости падали на землю вместе с дождем...

30 мая 1867 года около четырех часов дня на город обрушился невиданно крупный град. Иные градины имели вид зернистый, другие орешковый, но большая-то часть была величиной с куриное яйцо. Градовая туча навредила садам и огородам, повыбивало стекла окон с западной стороны.

В Европе, а также в России 12–13 октября 1870 года замечали по вечерам световое свечение. Оно напоминало северное сияние. Небо показывалось кровавым, огненного цвета. В народе связывали этот факт с войной между Францией и Германией. Красный лик войны на небе соединяли и с сильными морозами. В Арзамасском уезде вымерзли сады.

Дождь лил, как из ведра... Грохотал гром, сверкали ослепительные молнии. В городе и уезде убило семь человек. Это случилось 19 июля 1880 года.

1882 год. В октябре в Арзамасе, как и в других местах, по ночам на юго-востоке объявлялась красно-огненным столпом пугающая комета.

Март, 20 и 21 число 1888 года. Ранний разлив Тешы. Затоплены улицы Затешная, Скоблинская и другие, а также кожевенные заводы. Потревожен выездновский мост.

1889 год, 19 июля. Вдруг резко взвыл восточный ветер, он все усиливался, стал буревым. В уезде выбито много зерен уже спелой ржи. Бедствие коснулось нижегородских и казанских крестьян.

Поначалу-то метель-веелица, а потом при морозе в 30 градусов понесло снега в неистовом вихре. Замерзло в уезде немало замешкавшегося в пути народа. Произошло это 12-13 ноября 1890 года.

Три раза за весну 1893 года разливалась Теша.

Снег рухнул разом, и 7 марта реки вышли из берегов. В середине месяца воды сковало морозом. В конце марта Теша снова вышла из берегов. И снова разлив сковало морозам. 21 апреля река взвырала опять, и все луга залила голубая зеркальная гладь...

1896 год, 28 декабря. Нежданно-негаданно на дворе мещанки Иконниковой — близ Ново-Московской улицы, в месте, где сотню лет назад еще виделось русло реки Сороки, произошел обвал почвы. Образовалась яма семь сажен в глубину и семь аршин в ширину.

...Последние годы XIX века выпали вполне благоприятными, особенно урожайным явился 1892 год.

Давно известно, что маятник климата земли все время колеблется, частенько раскачивается так, что нарушаются, вроде бы, устойчивые календари народной мудрости о погоде. Климатические катаклизмы пагубно действуют, влияют на деятельность человека, его жизнь, окружающую среду. От долгих холодных зим или летних засух происходят «глады и моры», падежи скота, разные эпидемии и всякого рода другие несчастья...

Полистаем хроники погоды в нижегородских и арзамасских пределах. Долгие наблюдения за погодой в Арзамасе вели с середины XVIII века Дмитрий Иванович Скоблин, в XIX веке Сергей Васильевич Скоблин, протоиерей Воскресенского собора Стефан Пименов и историк города Николай Михайлович Щегольков.

Данные со времени основания Арзамаса.

1579 год принес дождливое лето.

А вот в 1587 году стояла такая летняя жара, что «даже дубы трескались и засыхали».

В Смутное время — 1601 год — все лето без остановки лили дожди. Уж действительно разверзлись хляби небесные...

Страшный «глад и мор» начался в России в засушливый 1603 год.

В Арзамасском уезде держалась продолжительная засуха летом 1643 года. По мирскому обычаю горожане устроили крестный ход с только что обретенной иконой Казанской Божией Матери, после которого наконец-то пошел долгожданный дождь.

Трудным выпал для арзамасцев 1657 год. В царской грамоте из Москвы воеводе Ивану Лопатину нашли место слова доношения протопопа Арзамасского Воскресенского собора: «Мельница (соборная) мало мелет, а венечных пошлин собирать не с ково: в моровое поветрие села и деревни запустили». Тут, кроме моровой болезни, ясно читается, что год, от засухи, скорее всего, выпал неурожайным. Потому и молот нечего.

Очень жарким выдалось лето 1683 года. В течение его дважды цвели и плодоносили яблони, малина, земляника. Ясно, что лето стояло продолжительным и достаточно влажным.

Восемнадцатый век вошел в историю климата, как период повсеместного похолодания.

Первое холодное десятилетие нового века сменилось довольно сухими годами. В 1715 году в жаркое лето горели города и села, горел также Нижний Новгород. Зато следующее лето 1716 года пришло таким дождливым, что погибли хлеба и пасеки. «Непожиточный год» — говорили тогда нижегородцы.

Лето 1719 года выпало благоприятным. В России повсеместно урожаи, в то время как Европа страдала от засухи, там свирепствовал голод, чума, отчего только в одном французском городе Марселе погибло 39 тысяч жителей из 90 тысяч.

Очень мокрым оказался 1721 год. Дожди шли по всей России с мая по ноябрь. То и говорили: дождливое лето хуже осени.

С 1722 года — четыре года подряд Россия страдала от засухи. Петр I изъезжал излишки хлеба и приказал его раздавать неимущим. Царь повелел постоянно доставлять ему сведения о ценах на хлеб из разных мест страны. В Арзамасском уезде в эти годы хлеба родились, и немало их продано на нужды голодающих.

Засушливым оказалось лето 1734 года. В Нижегородской губернии собрали только восьмую часть посеянной ржи.

Гремели грозы летом 1742 года. Повсеместно отмечалось градобитье, урожай хлебов средний.

Рано кончилось лето в 1744 году. Зерновые не успели вызреть. В этот год запретили вывозить хлеб за границу. В народе говорили: не моли лета долгого, моли теплого.

Великая сушь держалась в России летом 1745 года. Горели леса, горели города и селения, падал от бескормицы скот. Еще худшим, сухим оказался следующий год.

1770–1773 — трудные годы для России. В лете 1770 года шли дожди и дожди, выпадал снег. Хлеб и травы во многих местах погибли, падал скот. По улицам русских городов толпами ходили нищие, свирепствовали болезни. В Поволжье неурожай следовал в иных местах с 1772 по 1776 год. В 1775 году Саровский монастырь, любовно созданный арзамасцами, открыл свои запасы и в течение семи месяцев ежедневно питал бесплатно от пятисот до тысячи проходящих.

Грозная засуха наложила свою суровую печать на часть селений Арзамасского уезда в 1780 году.

Девяностые годы XVIII века были в основном засушливыми, особенно 1791, 1793 и 1794. Обильные урожаи в уезде поднялись с 1782 года по 1788 включительно. Потому-то нижегородский генерал-губернатор Ступишин и перевел 2-й Московский пехотный полк в Арзамас для дешевого прокормления.

Подсчитано, что в XVIII веке Россия пережила 68 довольно голодных лет. Более половины из них вызваны засухами. 20 лет оказались дождливыми.

В начале XIX века погода не радовала россиян. Слабые урожаи пали на 1805, 1808,

а затем на 1830–1836 годы.

1816 год значился как «год без лета». Холода объясняли тем, что вулкан Томборо в Индонезии сделал огромный выброс пепла и пыли, которые надолго заслонили землю от солнца.

Сильные дожди обрушились на Арзамас в первой половине 1830 года.

«Не было слышно ни песен, ни смеху,» — рассказывали старожилы города, когда вспоминали 1832 год. Неурожай заставил добавлять в хлеб желуди. Поистине: лето родит, а не поле.

Затем полоса благополучных погодных лет тянулась до 1839 года.

Засуха 1840 года вынудила министра внутренних дел Строгонова дать распоряжение нижегородскому губернатору, чтобы он снижал цены на хлеб, дабы облегчить участь бедняков. В борьбе с голодом в Арзамасе выступил благотворителем купец А. М. Заяшников. Богач, он скупал хлеб в больших количествах и продавал его по умеренной, доступной цене.

1864 год. Летом долго держалась засуха. Горожане свершили два крестных хода. Первый в одно из воскресений Петровского поста, а второй 24 июня. Дожди пошли в первых числах июля.

1872 год. Почти до конца июня бездождие. Только после крестного хода, проведенного 18 июня, впервые пролилось с неба 20 июня. Дождь лил десять дней кряду. Все посеянное и посаженное оправилось, люди дождались доброго урожая.

Рано пришло тепло весной 1888 года. В Великую субботу во время крестного хода арзамасцы шли уже по зеленой траве, а на березах свежо зеленела первая листва. И — подарком, на первый день Пасхи благоуханно расцвела в садах черемуха.

Тяжелым, неурожайным выпал 1890 год. Снег сошел рано, а дождей не дождались ни в апреле, ни в мае. На сельские-то нивы в уезде падали дожди, а в Арзамасе застоялась сушь. Жители Пушкарки, а они были прихожанами Духовской церкви, пошли крестным ходом к Липовому кусту, а до него надо шагать двенадцать верст. И не чудо ли! Во время крестного хода пошел долгожданный дождь! Яровые в этот год в уезде не уродились, местами и убирать не убирала. Не накосили селяне и сена. Начался падеж скота. Лишь в октябре посыпались дожди и подняли озимые.

...Горело Заволжье. Уровень воды в Волге сильно понизился — старики такого не помнили. Голодным оказался следующий 1891 год. В Нижнем Новгороде образован Благотворительный комитет, в который входил и писатель В. Г. Короленко. Уже в марте 1891 года Владимир Галактионович организовал работу 26 столовых для голодающих Лукояновского уезда.

Арзамасские хлебоборобы в 1891 году едва собрали зерновые на семена. Яровые уродились местами, а вот овес удался. Уродилась у многих картошка, ее добавляли в квашню. Цены на хлеб резко вздорожали. Пуд муки стоил 1 рубль 80 копеек, а овес 4 рубля 20 копеек четверть.

Сырое лето в 1896 году. Налив хлебов слабый, тощий. Но уродили ягоды. Жаловалась молодежь: не покупались! Лето прошло, а солнцем не обожгло.

1898 год. Уж июнь пошел, а ни ветринки, ни дождинки... 2 июня из Воскресенского собора вышел крестный ход. Через полтора часа хлынул сильный дождь.

Наступил двадцатый век... Протоиерей Федор Иванович Владимирский вспоминал, что сухое жаркое лето было в 1903 году и затем «тропические» продолжительные жары летом 1906 года. Созрели плоды в садах раньше обычного на целый месяц.

Начнем рассказывать о зимах также с 1579 года. Оказывается, зима была «лютая вельми». И очень снежная. Весной наблюдались высокие разливы рек.

Начало XVII века — Смутное время на Руси... Ранние морозы в конце лета сгубили весь урожай в центральных районах и нехватка хлебов начала вызывать голод. А в 1602 году сильные холода сгубили всходы зерновых весной, начинался уже настоящий голод.

В конце восьмидесятых годов XVII века глубокие зимние снега и морозы охладили горячие головы восточных завоевателей, они отложили свой поход на Запад.

Зима 1703 года холодная и бесснежная.

Очень холодной стояла зима 1708-1709 года. Она повторилась затем в 1739-1740 году. А вообще в XVIII веке насчитывается до 40 суровых зим.

В 1734 году морозы озоровали долго, а потом выпало сухое лето, хлеба не уродились, в Нижегородской губернии разбегались крепостные крестьяне. В ряде мест вспыхнули эпидемии.

Долго-долго не сходил снег в 1759 году. «Так что даже урожая не было в окрестных селах Арзамаса».

1779 год отмечен тем, что от Франции и до Волги зима была лютой, «птицы замерзали на лету». Большие снега, растопленные весной, обусловили повсеместные наводнения.

Норовистый характер у зимы 1787 года. Холода затянулись. Снег выпал в конце мая и лежал три дня. Держался такой мороз, что некоторые участники крестного хода к Высокогорскому Вознесенскому монастырю обморозились. В Арзамасе от обморожения умерло десять человек.

Благоприятной помнилась зима 1797 года. Хлеба и сады родили хорошо.

Первые девятнадцать лет нового века оказались суровыми, отличались студеными зимами. Люто морозило до 17 февраля 1803 года.

Вот что писал о зиме 1812 года крестьянин села Выездного Н. Н. Шипов: «Зима была ужасно холодная, морозы стояли жестокие. Я очень хорошо помню, что когда мы с товарищами делали снеговую гору, то трудно было поливать ее водой — тотчас замерзала. Бывало, бросишь из ковша вверх воду, она падает в виде града».

1824 год. Зима теплая, необычно короткая. На Волге самое продолжительное время навигации — 9 месяцев и 13 дней.

Долго помнили арзамасцы проказы зимы 1827 года. 12 марта вдруг сделалось поутру тепло, взмыла туча, пролился сильный дождь, без устали грохотал гром и молнии били такие, какие редко наблюдаются и летом. А на 9 Мая, на вешнего Николу, подвалило снегу, и он лежал три дня.

Теплой выдалась зима в Арзамасе в 1839 году, но весна затянулась, оказалась зябкой. Даже 25 апреля температура упала до 25 градусов, буйствовала настоящая пурга. Долго весной лежал снег в оврагах.

Затянулась зима 1847-1848 года, а в конце марта разразилась гроза.

Озорная, снежная зима держалась в 1849 году.

1852 год. Зима явилась рано. Ока закрылась 15 ноября, навигация в тот год продолжалась всего пять месяцев и 28 дней. В Арзамасе, как вспоминал в своих записках Н. Н. Шипов, эта зима оказалась такой же холодной, как и в 1812 году.

Удивила глубокими снегами зима 1859 года.

Холодная зима 1870 года погубила сады, зато урожай зерновых продолжался три года подряд.

Очень снежная зима выдалась в 1879 году.

Рано избылась зима в 1888 году.

Люто озоровала зима 1890 года. 12 и 13 ноября поднялись слепящие метели при морозе в 30 градусов. В Арзамасском уезде замерзло немало людей. Иных спас «метельный» колокольный звон в селах.

1893 год. Зима снежная, кончилась она рано, за весну случилось три разлива Теши и малой луговой речки Шамки.

Дороги да разбои одной славой повязаны

Русские дороги не отличались приятностью, отечественная литература довольно поругала их и посмеялась над ними. Но дороги и в Европе длительное время, несмотря на короткие концы в каждом государстве, по сравнению с русскими, отнюдь не отличались удобствами. Так, в 1716 году Петр I, будучи за границей, несколько раз отговаривал в письмах царицу от поездки к нему в Амстердам по той причине, что «дороги невыносимо дурны». Царица-таки поехала за кордон... В Везеле, измученная, на «самой дурной» дороге, она разродилась сыном Павлом, который на другой день умер. Так Россия, из-за ям и колдобин немецких лишилась наследника престола, и, как говорят некоторые историки, на Петре закончился русский род Романовых.

Как ни плохи были наши дороги, Даже в средние века «русские... опережали европейские страны в строительстве дорог и организации сообщений». Правительственная связь на Руси осуществлялась методом ямской гоньбы — вдоль трактов построили на расстоянии 30–40 верст «ямы», или почтовые станции, где сменяли лошадей и мчались дальше. Это обеспечивало непрерывное движение и скорость.

Много сделано по дорожному строительству при Петре I. Сооружена «перспективная» дорога хорошего качества от Москвы до Петербурга. Большое внимание уделяла улучшению дорог Екатерина II. После путешествия по Волге, она возвращалась летом 1767 года в Москву по Симбирскому тракту через Арзамас. И вполне осознала всю важность дорожной службы. При императрице тракты стали расширять до двухполосного пути, обочины их обсаживали двумя рядами деревьев. До сих пор в народе живет воспоминание о красивых екатерининских трактах. Последние «екатерининские» березы близ подгородного села Ивановского вырубил во время последней Отечественной войны.

Нижегородское наместническое правление в 1782 году довольно строго предписывало всем уездным властям необходимость обсаживать дороги березами не позднее сентября этого года.

Вдоль трактов устанавливались верстовые столбы. В 1798 году поступило в уезды Нижегородской губернии распоряжение изготовить верстовые столбы по новому образцу. Теперь столб должен «покрашиваться чередованием черных и белых полос». Отсюда и пушкинские строки: «...только версты полосаты попадают одна». Столбы устанавливались за счет владельцев земли, по которым проходила дорога.

Содержание дорог в России всегда возлагалось на местное население. Дорожное тягло падало на помещиков, купцов, мещан и большей частью на крестьян. Дорожная повинность всегда взыскивалась властями строго.

Какая же наблюдалась скорость проезда по русским дорогам. В XVII веке иностранцы сообщали, например, что от Новгорода до Москвы путь составлял 6-7 суток. По зимней дороге 500 верст проезжали за трое суток... Пушкин в летнюю пору ехал от Москвы до Болдино — 527 верст, трое суток.

Наиболее накатали арзамасцы сперва большую Макарьевскую дорогу, а потом и Нижегородский тракт.

Нужда заставляла купечество, мастеровых людей и просто обывателей ежегодно ездить на ярмарку под стены мужского Макарьевского монастыря, а затем, когда в 1817 году объявили, что торжище переносится в Нижний Новгород, «дела» погнали арзамасцев в «губернию», хотя по стародавней привычке горожане по-прежнему говорили: «едем к Макарью, приехали от Макарья». В этом сказывалась не просто словесная привычка, а то, что пр. Макарий оставался покровителем ярмарки по-прежнему и в Нижнем Новгороде. В ярмарочном городке наряду с великолепным собором поставили также часовню, посвященную преподобному Макарию Желтоводскому.

Нижегородский тракт проходит довольно гористой местностью, и в прошлом езда на лошадях по нему, особенно после дождя, во время зимних и весенних оттепелей становилась особенно трудной, даже опасной. Около двух суток требовалось, чтобы добраться от Арзамаса до губернского города, в пути приходилось дважды ночевать. В XVIII веке по Макарьевской пошаливали лихие люди, так что старались ездить «обозно и оружно».

Проезд 112 верст на нанятых лошадях — паре или тройке — обходился в последние годы XIX века 10-12 рублей.

После с грустной улыбкой вспоминали арзамасцы: надевали специальную одежду во время летних поездок, но и в этом случае въезжали в Нижний и потными, и грязными. На ярмарке некоторые появлялись с черным лицом. Стыдно становилось смотреть на земляков...

Арзамас стоял на стыке пяти важнейших трактов европейской части России: Московского, Нижегородского, Симбирского, Саратовского и Тамбовского. От Арзамаса шла Большая дорога на Макарьевскую ярмарку, у Княгинино она выходила на Казанскую.

Разные редкости с Востока, Кавказа, рыба с Волги и Каспия, оренбургские и донские товары — Арзамас еще в XVII веке стал крупным перевалочным пунктом для огромного объема самых разнообразных грузов. Через город также двигалась к Москве и обратно нескончаемая вереница столичных чиновников и чиновников юго-восточных губерний, а также помещиков и прочих партикулярных... Вот почему до середины XIX века в Арзамасе числилось более ста заезжих дворов и гостиниц.

Вместе с появлением Арзамасской крепости царские власти, придавая важное значение новоявленному пограничному городу, продумали не только систему его боевой готовности, но и дали ему постоянную охрану, наладили надежную связь с ним. Вне крепости, на западной стороне, за Тешей, Иван Грозный приказал поселить в Выездной слободе казаков, тут же возникла слободка пушкарей, а через две-три версты на юг на луговом раздолье приказано быть Ямской слободе. Жители ее и обязывались нести нелегкую дорожную службу.

Сохранились данные о Ямской слободе 1784 года. В ней на ту пору 165 душ мужского пола. Еще по указу Сената от 13 января 1752 года общее число душ делилось на «выти», по 28 душ в каждой «выти», а каждая «выть» должна иметь для гоньбы 3 лошади. Арзамасскую Ямскую слободу неплохо наделили землей и санными покосами. На каждую душу тут приходилось 8 десятин угодий. Отсюда и

постоянная, соединенная с промыслом, зажиточность. И недаром девушки соседнего села Ивановского гордились тем, что их брали замуж в Ямскую...

Арзамасские ямщики запомнились «грубыми». Это понятно: постоянный, бесконечный спрос на лошадей — знали себе цену ямщики и потому носили «шапку с заломом...» Ну, а потом сама по себе дорога и все, что связывалось с ней, не смягчали характера мужиков. «Задергали нас донельзя,» — признавались целых три столетия ямщики, вспоминая бесконечные прихоти тех, кто посылал или нанимал в извоз с поклажей.

Долго помнили ямщики своих лошадей и своего «первого дорожного друга». Им был «каретный» или «походный» самовар — металлический ящик на ножках. В нем зиму и лето в дороге или на станции можно было скипятить воду для чая, а то и сварить, что нашлось под рукой.

Ну и долго пела Ямская слобода ямщицкие песни, такие же длинные, как русские дороги...

Со второй половины прошлого века в городе появляются легковые извозчики. Биржа у них находилась на Соборной площади.

До революции лучшим выездом считались лошади Семена Лисина. Поездка по городу стоила 20 копеек. Чаше извозчики стояли у Купеческого клуба. Общественного собрания. Подгулявшие иногда от хмельных щедрот бросали и по три рубля.

«Куда изволите?»

Уже в советское время, в НЭП, стоянка легковых извозчиков располагалась у дома Бебешиных на площади Ленина. Известностью пользовались выезды извозчиков из подгородного села Ивановского братьев Григория и Василия Лисенковых, Петра Ильича Белова, горожанина Шершакова.

Исторические летописи Европы, а также и России за XVII–XVIII века полны, кроме всего прочего, и свидетельствами повсеместного разбоя. Разбой — одна из крайних форм грубого протеста, чаще народных низов против социального неравенства, а то и за право выживания. Но в разбой нередко пускались не только обездоленные, но и любители скорой наживы.

Грабежами и насилием всегда сопровождаются захватнические войны. Страшным двухсотлетним разбоем было монголо-татарское иго для русских, кончившееся разгулом ханских баскаков. Гибель тысяч и тысяч россиян, разор городов и селений принесли польско-шведские захватчики в начале XVII века, а потом и французы в 1812 году...

Легко склонялись иные к разбою в годы народных бедствий, особенно во времена бескормицы. Да, кто-то начинал просить милостыню, кто-то занимался веселым промыслом — скоморошеством, кормился гудком и сопелкой, а иные, отчаявшиеся, брались за кистень и выходили на трактовую дорогу...

В Нижегородском Поволжье в XVII веке «прославили» свои имена разбойник Матвей Барма и атаманша Степанида, грабившие купеческие суда на Волге. Шайки разбойников постоянно пополняли приречная гольтьба и беглые крепостные — рабочие сергачских и арзамасских поташных заводов, коими владел известный боярин Морозов. Постоянно пошаливали разбойники и окрест Нижегородского края в лесах муромских, темниковских, тамбовских, а в Арзамасском уезде в лесу близ деревни Кудеяровка Лукояновской округи.

Часто подвергались разграблению уединенные монастыри. В 1700 году ограблен Оранский Богородицкий в Нижегородском уезде, после нескольких разбойных наскоков закрылся Арзамасский Троицкий на Пьяне, злодеи не раз нападали на Высокогорскую Вознесенскую обитель под Арзамасом, потому и она закрывалась. Трижды врывались с оружием лихие люди в Саровскую пустынь, которую так любовно создавали арзамасцы.

Суровое средневековье, как в Европе, так и в России устанавливало крутые меры для охраны существующих порядков во всех сторонах народной жизни. Жестокое наказание ожидали ослушников, государственных «воров» в России. Но на Руси куда позже введена смертная казнь и другие тяжкие наказания. Только в 1379 году впервые в Москве всенародно отрубили голову сыну последнего московского тысяцкого, командовавшего прежде земской ратью. Битье кнутом — позорная торговая казнь, стала входить в обычай только при сыне Дмитрия Донского.

В Арзамасе с западной стороны Воскресенского собора стояла дубовая пыточная башня. В ней хранились орудия пыток и страшная «пытошная камора». В 1681 году тут пытали тетку царицы Натальи Кирилловны — Авдотью Петровну Нарышкину, которая оказалась замешанной в борьбе за власть между боярскими родами.

Вместе с Арзамасской крепостью соорудили в ней и острог, а в нем и избы для невольных сидельцев. Огороженное высоким дубовым тыном место находилось за воеводским домом, что стоял на самой лобовине Воскресенской горы. Тут ожидали своей незавидной участи разбойники, мятежные разинцы и пугачевцы, здесь дожидались своего смертного часа стрельцы, пригнанные для казни в 1698–1699 годах, что выступили на стороне царевны Софьи.

Не пустели острожные застенки, не кончались крики истязуемых в пыточной башне. Только с 1694 года и по 1703 год арзамасская приказная изба двадцать три раза рассматривала дела о разбоях в уезде. Среди этих дел грабеж в лесу около села Медынцева, «гулянье» грабителей под верховодством Тишки Иванова, распопа Савки. Долго шло судное дело о разбойнике Васье Федорове — крестьянине стольника князя Петра Вяземского.

Случалось, что и дворяне прибегали к разбою. Так, 4 июля 1793 года помещик Александр Соловцов «со многими своими дворовыми людьми» остановил крестьянина Выездной слободы Сатина близ деревни Саблуковки Арзамасского

уезда, напал на него, избил до потери сознания, отобрал у него пятьсот рублей своего помещика и тридцать пять собственных. Барские деньги предназначались для покупки лошадей... Вызванный в Арзамас городничим Юрловым Соловцов «городничему и прапорщику Шестову обиды и неповиновения закону оказал» — так жаловался затем в Нижегородское наместническое правление Юрлов. Дело передали в уездный суд.

В 1784 году беспокойно стало на Нижегородском тракте. Не раз грабили проезжих у моста через речку Водопръ неподалеку от Арзамаса.

Архив за 1793 год открывает служилого пыточной башни, арзамасского заплочных дел мастера Коптелова...

Долгое-долгое время на арзамасцев, на проезжающих по Московскому тракту наводила страх подгородная Выездная слобода.

Вот что написано об этом: «Неподалеку от роши Утешной, где летом весело гуляли арзамасцы и выездновцы, в темные осенние ночи, на большой московской дороге часто раздавались раздирающие душу стоны и крики ограбленных и убиваемых выездновцами проезжих людей. Чтобы спрятать концы, трупы убитых и вещественные доказательства обыкновенно бросали в окружающее Утешную Брехово болото. Само странное его название как будто бы напоминает плеск воды от брошенных в это болото трупов...»

Выездное и Арзамас разделяет мост через Тешу.

«Рассказывают, что, бывало, на мосту ночью окликали проезжих словами „кто едет?“ Неудачный ответ выдавал неопытных путников, и им, иногда, приходилось плохо даже на виду городских огней. Говорили, что остров, на котором ныне стоит паровая фабрика Жевакиных (начало XX века), весь принадлежал прежде городу, но Арзамасское общество отступилось от части его в пользу выездновского помещика (Салтыкова) лишь только для того, чтобы избавиться от ответственности за тех людей, трупы которых очень часто находили на этом острове.

Арзамасские городские власти не имели права являться в Выездную. Спрячется ли там молодой человек от солдатства или должник от уплаты долгов, убежит ли туда воришка или увезут туда краденое — все было шито-крыто: с обыском в Выездную не ходили, да выездновские власти и не пускали. Чиновники арзамасские не смели идти против Салтыкова и вот ввиду всего этого в Выездной многие стали заниматься грабежами и разбоями... Корнем всему этому было крепостное право, но в то же время сам барин очень многого не знал... Под покорной личиной бурмистров скрывались жестокие кровопийцы и лютые звери... а славным и достопочтенным именем камергера Салтыкова прикрывались и ограждались всякие неправды и преступные деяния его рабов».

В 1753 году 24 марта императрица Елизавета отменила в России смертную казнь, заменила ее 30 сентября 1754 года наказанием кнутом и ссылкой на каторгу. Позже Екатерина II отменила и пытки, а в очень просвещенной Европе ее все еще считали необходимой составной судопроизводства. Царь Александр II в 1863 году запретил жестокие телесные наказания.

Местом так называемых «торговых казней» — они происходили на торговых площадях — в Арзамасе являлась Сенная площадь близ Выездновского моста.

Страшный пожар города в 1726 году вместе с уничтоженной городской стеной уничтожил и острог. С тех пор городские власти долго были озабочены размещением арестантов — число их всегда оставалось невеликим. Некоторое время заключенных даже помещали в одной из комнат нижнего этажа магистрата. Наконец, в 1820 году выстроили за городом близ Тихвинского кладбища тюремный замок.

Всякому гостю — угождение.

Вот такие данные: к 1801 году в городе — 130 постоянных дворов, а к концу века, когда Арзамас переживал свое «лихолетье», их осталось около двадцати.

Лучшие постоянные содержали Колесов, Судьин, Прокудин — это близ моста через Тешу. В самом начале улицы Мостовой принимал приезжих Ананьев, через дом-два от него — Лихонин. В этих дворах привечали гостей изо всех волостей.

Весело встречали любезники прибылых:

— Не-ет, мы не обдерем: за свет, за тепло, за нары с тюфяком, за щи с гусаком, за воду, за квас — много не возьмем с вас. Ставьте в конюшню коня и еще послушайте меня: в дом заходите, хозяйски порядки блюдите. У нас люди всяки, коли винца пригубите — без драки!

Были в Арзамасе и такие Постоялые, которые содержали отдаленные от города сельские общества. Обыкновенно раз или два в год хозяин такого двора ездил к селянам и, кроме денежной платы по договоренности, собирал яйца, творог, сметану, мясо. Такого рода постоянные чаще объявлялись в домах поближе к базарным площадям.

Крестьяне ближних сел и деревень ездили на арзамасские базары обыденкой, без ночлега.

Постоялые, заезжие дворы кричали о себе зелеными елочками, что прибывались высоко на воротном столбе. Иногда, красноречивой приметой являлась также и рядом укрепленная пустая, конечно, бутылка.

Один из проезжающих через Арзамас в 1859 году писал в губернской газете: «Очень любит русский человек вечнозелененькую елку. Если нажил на базаре рубль, то полтину, верно, снесет под елочку, а загулял, так еще и рубль приложит».

За всех русских говорить такое досужему, стороннему бы не надо. Селянин продавал, разумеется, не ради выпивки — нужда, неуплаченные подати гнали на базар.

В конце века владельцы постоянных заманивали приезжих всякими поблажками. Снижали стоимость овса, сена противу базарной цены, держали у себя спиртное дешевле лавочного, трактирного. Иным знакомцам рюмочка подавалась и бесплатно.

Возвращался от таких хозяев мужичок домой и, довольнехонький, рассказывал:

— Полное нам уважение-ублажение вышло. Вот, сыт, пьян, и нос в табаке!

В 1821 году открывала приезжим свои двери гостиница братьев Петра и Алексея Ивановичей Подсосовых в их собственном доме, что на Соборной площади. Гостиница славилась хорошей «господской» кухней.

Долгое время гости города довольствовались гостиницей Чичканова с «чистым» трактиром при ней.

Напротив Гостиного ряда могла принять гостиница известных Лопашевых.

Во второй половине XIX века появляется большая гостиница в нижней части города Ивана Ивановича Стрегулина, у которого, как говорили, в сентябре 1869 года останавливался Лев Толстой, а позднее Владимир Короленко.

Главным-то не стены и покров, а то, что на стойку подавалось.

Говорить о кабаке — говорить о водке.

Она появилась на Руси не ранее 1398 года, когда генуэзцы пагубный напиток привезли в соседнюю Литву.

Начально обыкновенная водка называлась простым вином. Лучше простенького — вино доброе, а более качественное — вино боярское, высшего достоинства — вино двойное, очень крепкое.

Для женщин водка подслащалась патокой, настаивали ее и на пряностях. Потому в старых перечнях вин и встречаем: «водка сладкая».

Водка очень скоро оказала себя, стали называть ее и «пагубным напитком». Великий князь Руси Иоанн III даже запретил курить крепкие напитки. И только Иван Грозный для своей опричнины повелел построить на Балчуге первый кабак, разрешил своим подручным пить сколько угодно. Народу же царь для потребления водки отвел особые три дня в году, один из них — Дмитриевская суббота, когда поминаются воины, погибшие на поле брани. За пьянство в другие дни, кроме указанных, Иван Грозный велел сажать в тюрьму.

Иностранное вина стоили дорого, долго потреблялись только знатными людьми, да и то в торжественных случаях. В XVII веке винные погреба Москвы содержали вина: «Греческое», «Церковное», «Мальвазия», «Бастр», «Алкан», «Венгерское», «Белое», «Красное», «Французское», «Ренское», «Романея»...

Кабаки всегда были под присмотром государства. Так, указ Петра I от 1714 года обязывал кабатчика иметь к водке закуску: соленые огурцы, капусту, моченый горох, черный хлеб и воблу. Все это подавалось бесплатно. Опьяневших здоровенные служители садили в «холодную» на 4-8 мест, утром подвергали их лечеб: давали проспавшимся на похмелье 100 граммов водки бесплатно.

Скоро народ острое словцо о злачном месте молвил: кабак казне прибытком, а людям убытком. Да, питейный дом, кружало, или шинок, щедро собирал для царской казны уловную или напойную денежку, только чем это обернулось? Греховным пьянством, разором для семьи, а то и потерей прежнего кормильца, мужа, отца... Вот и народная мудрость о том же:

От вина да кабака — ни прибыли, ни чести.

Без вина одно горе, с вином — старое одно да новых три: и пьян, и бит, и голова болит.

Сколько мужья выпили водки, столько их жены и дети пролили слез. Вина напился — бесу предался. В пьяном бес волен.

От рюмки водки до могилы путь короткий.

Полно пить, пора ум копить. Душа дороже ковша.

... В 1863 году упразднены винные откупа, когда, скажем, один купец, платя в казну откупные, торговал прибыльно от себя спиртным в отдельном городе, а то и губернии, даже в двух... Водка стала продаваться вольно. Каждый желающий мог открыть питейное заведение. И открывались новые кабаки, хотя и старых было довольно.

Еще не избылись из памяти названия арзамасских кабаков. На Соборной площади зазывал к себе «Большой». «Рожок» открывал свои двери на улице Спасской, а «Разувай» на Верхней Набережной. Знаменитая «Ямка» прижилась на Благовещенской площади, «Тройня» находилась в Мучном ряду, а «Тычек» на Сенной площади близ Теши.

— Чадно, душно и бездушно, — отзывалось о кабаках большинство арзамасцев.

Это верно! Хватало в заведении всякого непотребства: звону-гаму, стуку-бряку, споров и свар. В кабаке Филю пили, да Филю и побили. Там мужик пел-орал, честь пропивал, жизнь свою умалял. Так-то!

Одно время подешевело вино. Многие в Арзамасе начально соблазнились, стали прорубать среднее окно в уличном фасаде дома и вешать над новоявленной дверью манящую вывеску: «Питейный дом...» такого-то. Но вскоре большинство из этих торгашей свернули «дело». Православная душа, наблюдая, что стало появляться пьянство, знать, стала маяться, что грешит, а грех-то наказуемый пугал... Как же, ведь в чем весь труд за стойкой: этому недолить, этого пьяненького обчитать, а наедине разбавить водичкой ту же водочку... У каждого богатства, как попристальной-то поглядеть-разобраться, подоплека страшная...

Государственная винная монополия в России введена в 1897 году. Прежний кабак в народе частенько стал называться «монополькой».

Что же пили во второй половине прошлого века, что продавалось в арзамасских кабаках: «Вино полугарное», «Водка горькая», «Сладкая водка», «Ром», «Кизлярская водка», «Бальзин». Ну и разные фруктово-ягодные вина. В почете оставались наливки и настойки «Рябиновая», «Вишневая», «Смородиновая», лечебная «Ерофеич».

В магазинах наблюдалось значительно большее разнообразие крепких напитков и иностранных легких виноградных вин. Славилось отечественное шипучее «Цимлянское».

С середины прошлого века в городе появилось пиво местного завода И. И. Стрегулина. Стали открываться пивные.

Где мог поестъ приезжий в Арзамасе?

Издrevле «перехватить», «заморить червячка» можно в базарные дни на торгу, а ежедневно широко открывал двери Обжорный ряд на Нижнем базаре. И, конечно, в трактирах.

В трактире.

Трактиры заводили чаще третьеразрядные для простого народа. Перворазрядные принимали «чистую публику». В так называемых «коммерческих залах» этих заведений обычно сходились купцы и, не торопясь, за чайком, свершали разные торговые сделки.

В начале XIX века в Арзамасе открыты трактиры Монахова и Чичканова. В то же время открылся и трактир Лопашевых. Это тех самых, которые потом прославились своими заведениями в Нижнем Новгороде и Москве.

Многолюдье приезжих в Арзамас вызвало появление еще двух трактиров. Один размещался в собственном доме купца Студенцова в ряду торговых лавок, а второй в доме купца Белянинова на Нижнем торгу.

В начале этого века в связи с оживлением промышленности и торговли в городе открываются трактиры Судьина, Прокудина, Колесова, Бебешина, Горикова, Суеткина.

В третьеразрядных трактирах кормили дешево. Так, большая чашка щей со свиной стоила пять копеек. Любили приезжие на базар крестьяне попить чайку в трактирах. Перед чаепитием закусывали воблой, таранью, дешевой икрой. Чай приносили парами. К нему подавались калачи, баранки... Подолгу засиживались мужички в разморном тепле трактира. Торопиться, особенно зимой, некуда, каждый сам себе хозяин, ни тебе гудка, ни звонка, ни хозяйского окрика...

Стали появляться в Арзамасе и рестораны. На Нижнем базаре желающие обедали в рестораны Волкова и Потехина.

Прежде они чаще назывались ресторациями.

Один-то Ивана Ивановича Стрегулина. Уже одна обстановка в нем импонировала и взыскательному посетителю: ковры, богатые портьеры, зеркала, картины в золоченых рамах... На столах белейшие скатерти, ужины при свечах — полный интим. Завидная карточка вин, кухня с хорошим поваром. Ну и кельнеры, половые по-нашему. Служил, помнится, такой Гаврилыч — ах, угодник, с таким почтением к посетителю...

Но и своего достоинства не терял. У дверей встретит:

— Ваш стол ждет вас. Вам меню анжелик? Есть арзамасская селяночка со свежей осетринкой-с...

Как по мановению волшебной палочки, все так быстро оказывалось на столе. Поневоле, бывало, отпустишь шутку:

— Тебя, Гаврилыч, мать, однако, бегом родила...

Тянуло, еще как тянуло и молодежь в ресторан Стрегулина.

Бильярд звал. Игра шла, конечно, на деньги. Иной в подпитии как пойдет в азарт... Почтенные отцы семейств после упрекали своих легкомысленных, неосмотрительных чад, когда оплачивали их проигрыши:

— Не за то ругаю, что играешь, а за то, что отыгрываешься.

Так, так! Стань отыгрываться, все остатнее из кармана спустишь, а там и в долг залезешь.

В 1901 году началось движение по железной дороге Нижний Новгород — Арзамас. На окраине города при вокзале открылся ресторан мадам Зверевой и скоро обрел славу в среде интеллигенции города. Да, повадились некоторые из «белых воротничков» с получки в «зало», расслаблялись, позволяли себе маленький праздничек. Персонал ресторана умел устраивать эти праздники.

— У нас все чинно и благородно! — гордилась своим заведением эффектная мадам Зверева и кое-кому на ушко мягко советовала: — Люби — не влюбляйся, пей — не напивайся!

Гость, чаще торговый, устроился с жильем, насытился в трактире или ресторане и, прежде чем нанести деловой визит и пройти по городу, подумает о парикмахерской...

В городском архиве увиделись и фамилии цирюльников старых времен.

1828 год. В Спасском приходе живет отставной цирюльник Иван сын Антонов Цыбышев. Отставной — вероятно, служил в солдатчине. Наверняка из набора 1812 года.

В 1850 году стриг и брил горожан Влас Бабурин.

Смелость и добросердие проявил цирюльник Александр Петрович Курочкин 3 апреля 1859 года. В этот день случился необыкновенный разлив Течи. Напор воды оказался столь — великим, что сдвинул с опор и понес кабак «Тычек» с Сенной площади к реке. В кабаке замешкались целовальник и его мать, они могли утонуть. Спас их Александр Петрович, за что и получил серебряную медаль.

У цирюльника.

Цирюльник во времена оны являлся и подручным лекарем для простых людей. Брадобрей, он пускал кровь, ставил пиявки, рвал зубы, вызывался подрезать мозоли, ставил дамам мушки, сводил бородавки и даже «растирал» застарелый ревматизм. Цирюльники обычно приторговывали нехитрыми снадобьями от разных болезней, а у себя на рабочем месте брались вымыть желающему голову настоем розмарина или березового веника. Они же приготавливали разные помады и белила для молодящихся дам...

В маленьких городках, где работы оказывалось немного, цирюльники нередко шли на заработки в окрестные села и деревни, там они находили верный кусок хлеба.

В конце прошлого века в городе две парикмахерских. «Холодным» парикмахером известный Гаврилов. Он не гнушался «обрабатывать» всякого, брал недорого. Его отличала простоватая резкость, а то и грубость. Иногда, будучи в подпитии, открыто унижал иного «клиента»:

— На твоей болванной голове только учиться стричь, никуда она не годна!

Случалось, что «поднимался» и тот «клиент»:

— Да какой ты мастер. Ножницами чок-чок на один бок! Тебе, Гавря, овец бы стричь! Ты чем бреешь, половым косырем, что ли?!

Немного любезностей слышали от Гаврилова дети. Он мог «вертучего» «треснуть по кумполу», дать подзатыльник, но именно к этому парикмахеру шли и шли ребяташки. В простеньком заведении Гаврилова помещалось несколько клеток с певчими птицами, и столько радости доставляли они детворе!

Охотно шли к Гаврилову все, кто «попроще». Старики, да и пожилые еще оставались верны моде своей молодости и стриглись «под горшок», «под кружало», просили расчесать их по старинке «бабочкой», то есть на прямой пробор. Валили к «Гавре» и приезжие крестьяне, стеснявшиеся идти в «господскую» парикмахерскую. Тем более, что Гаврилов охотно делился городскими и уездными

новостями, умел «греть» острым словом, заготовленной шуткой, а ко всему мастерски щелкал и ножницами, что являлось особым шиком у всех тогдашних парикмахеров.

«Господская» парикмахерская принадлежала Александру Степановичу Горностаеву.

Этот делал, как говорили в старину, честь своей профессии. Он не только старательно, «художественно» стриг и брил, артистично мог надушить мужчин, но и угождал дамам: изготавливал прекрасные парики, завивал, сооружал всякие накладки, шиньоны, локоны и локонцы — короче не всегда и муж узнавал свою жену, когда она возвращалась из салона восвояси. И гримом Горностаев владел. Брови там поднять, глаза подвести, обнести щеки легким румянцем... Потому Александр Степанович и приглашался гримировать самодеятельных актеров при постановке спектаклей.

В заведении Горностаева всегда безукоризненно чисто, хозяин умел красиво обставить свой салон, заводил всякие и технические новшества. Например, употреблял для освещения модные спирто-калильные лампы, а зимой керосино-калильные печи.

Александр Степанович имел несколько сыновей и все они освоили деликатную профессию родителя. Сыновья рассуждали в те времена мудро: всегда парикмахер в тепле и сухе, самолюбие утешено: и сильные мира сего к тебе со своей нуждой. Ты искренне уважаем прекрасным полом, целый город к тебе с благодарностью, ну и хлеб с маслом у тебя на столе каждый день — чего же боле!

Бурное строительство Арзамаса в двадцатые годы XIX века, особенно после большого пожара 1823 года, понудило власти обратить особое внимание и на благоустройство.

Улицы стали замащиваться еще в 1801 году. Ближние окрестности города изобиловали известковым камнем, и это ускоряло дело.

Начально засыпали крепостные рвы, концы оврагов, укреплялись городские съезды в Гостином ряду, на Троицкой, Ильинской и Киселевой горе. Эти работы проведены в 1831-1834 годах при городском голове Иване Герасимовиче Попове.

1838 год. «Журнал министерства внутренних дел» сообщал, что в Арзамасе 15 улиц из 40 вымощены камнем. Тротуары в городе деревянные.

В декабре 1873 года городским головой избран Афанасий Федорович Колесов. Четырнадцать лет, несмотря на упадок экономики, а значит и на малые городские бюджеты, Колесов ревностно занимался благоустройством города. И не случайно потом говорили, что это был самый благопопечительный градской голова. Афанасий Федорович ко всему еще радел и о просвещении — открывал училища, разрешил сыну учительствовать, чего прежде купцы не разрешали своим чадам.

А. Ф. Колесов — городской голова.

В 1874 году вымощены Ново-Московская, Рождественская и Кузнечная улицы. В следующем году Прогонная и Сальниковская, в 1876 году Большая и Старо-Московская. А потом и Стрелецкая, Новая, Алексеевская, Спасская, Изосимовская, Ильинская. За три года замощено около двух тысяч квадратных сажен. Подряд на работы брал крестьянин Игонин.

При Колесове устроилась и Благовещенская площадь. Сперва со стороны Соборной площади и Ореховской улицы срыли козырьки обеих сторон оврага, по дну которого прежде бежала речка Сорока, подняли днище оврага, замостили два новых съезда — стало легко попадать на площадь, что пешему, что конному.

Афанасий Федорович строго следил за уборкой базарных площадей, за чистотой улиц, при нем удлинялась протяженность тротуаров, которые начально назывались «плитуар», «панель», по вечерам стали зажигаться фонари.

Начально мощение улиц в городе производилось самими жителями... Каждый хозяин дома обязан был против своей усадьбы вымостить тротуар и уличную часть до ее середины, вторая половина падала, естественно, на соседа с другой стороны улицы.

О благоустройстве Арзамаса писатель П. И. Мельников (Андрей Печерский) сообщал: «Город вообще очень хорошо устроен, улицы вымощены камнем, фонари, стоящие на улицах, по ночам зажигаются, а не стоят только для вида, как в иных, даже губернских городах. Тротуары также не представляют из себя капканов для ног несчастных пешеходов».

В Арзамасе было что посмотреть тому приезжему, кто принимал русскую старину духоводъемным началом, кто видел в ней яркую героическую историю Российского государства, прекрасные свидетельства православных устремлений народа.

Как и в любом старинном русском городе, в Арзамасе насчитывалось много церковных достопримечательностей, отражающих, кроме духовной основы, и высокое искусство московских и местных мастеров. Город с самого начала своего существования являлся миссионерским центром на мордовской земле, и немудрено, что в нем развилась иконопись, резьба иконостасов, здесь работали целые артели медного и серебряного дела, позолотчики, мастерицы золотного шитья. С XVIII века в церквях города и уезда накопилось немало высокохудожественной деревянной скульптуры.

Арзамасская уездная земская управа. Середина XIX в.

Великолепным памятником древнерусской архитектуры стал в Арзамасе соборный храм Преображения Господня в Спасском мужском монастыре, освященный не позднее 1643 года.

Древней святыней Воскресенского собора являлась большая икона Воскресения и Страстей Христовых прекрасного старинного письма. По описи 1643 года она подана как «Государево данье». В Арзамасе всегда считали, что эта икона подарена первому храму города Иваном Грозным. Кроме этой иконы, к началу XX века сохранялся также в соборе и напрестольный крест, присланный царем Михаилом Федоровичем, украшенный серебром, вызолоченной сканной работой и жемчугом. Крест имел сопроводительный текст от дарителей — царя и его супруги Евдокии Лукьяновны. Крест сделан для Арзамаса в 1643 году.

В 1580 году в Арзамасе построена церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая, ставшая потом храмом девичьей Николаевской обители. Вскоре игумен Спасского монастыря Сергей принес в дар Никольскому храму резной образ Святителя Николая, именуемый Можайским, который впоследствии прославился чудотворениями и был очень почитаем арзамасцами. Образ являлся также высокохудожественным произведением московских мастеров XVI века.

Арзамасский магистрат. Середина XVIII в.

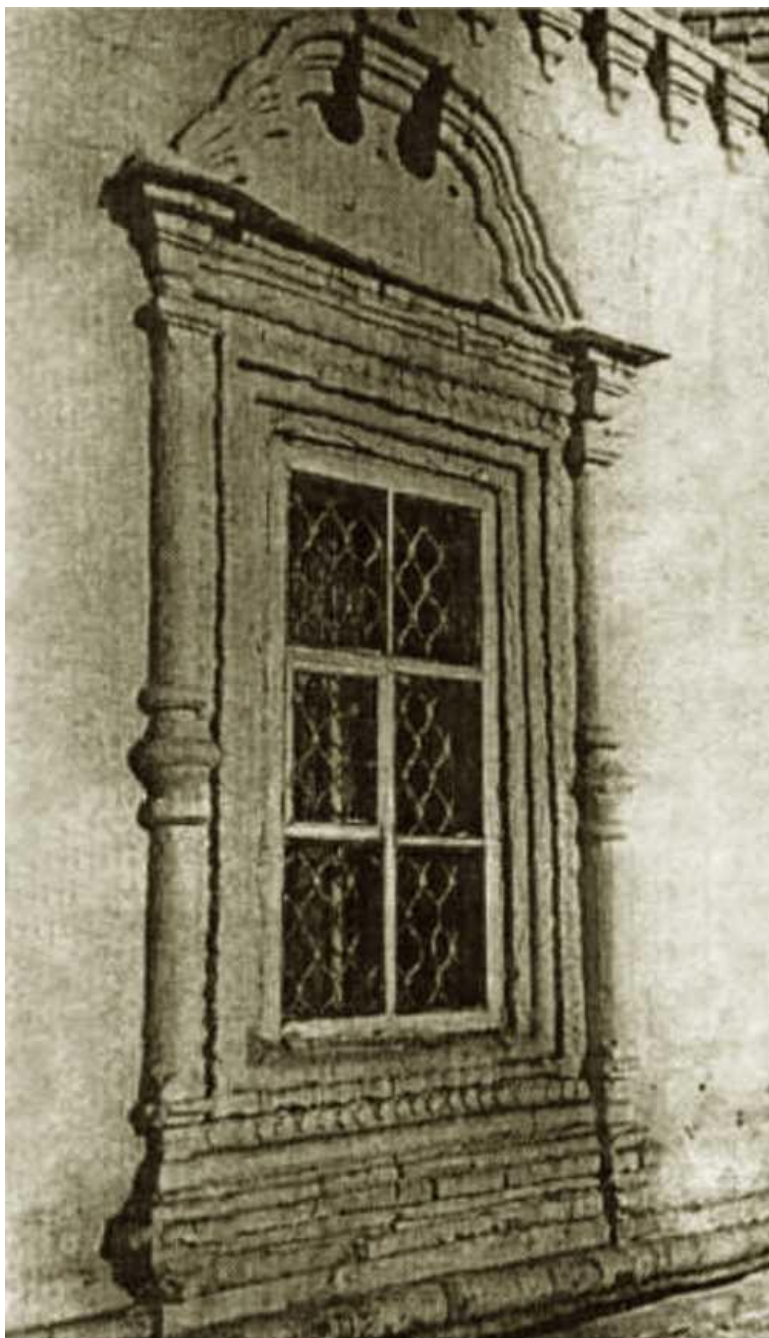

Вид Арзамаса, Алексеевской общины.

Крестовоздвиженская церковь в центре города — одна из самых старинных. В храме находилась прославленная чудотворная икона Казанской Божией Матери, которая принесена в храм в далеком 1643 году. Во внешнем декоре памятника архитектуры использованы цветные изразцы и представлена резьба по камню.

Благовещенская церковь в Арзамасе своим внешним обликом близка к храму Успения Пресвятыи Богородицы в Саровской пустыни, в городе ее еще называли «купеческой» за богатое внутреннее убранство.

О строительстве церкви очень радел дворянин Иван Михайлович Булгаков. Неизвестно, дождался ли он освящения храма в 1788 году, но успел подарить Дому молитвы, прихожанином которого являлся, большеформатное Евангелие, печатанное в 1628 году и украшенное серебром и золотом. Книга весила около двух пудов. На Евангелии имелась пространная дарственная надпись. Реликвия церкви была выставлена для обозрения.

*Русское барокко.
Декор окна церкви Ильи Пророка. 1746 г.*

Ильинская церковь города стала местом пребывания Честного Животворящего Креста Господня с Распятием, который чудесным образом обрел на Макарьевской ярмарке один из братьев Шаянских во второй половине XVII века и принес в родной город. Здесь его и поставили в приходской храм. Для арзамасцев Крест действительно явился животворящей святыней, с ним связаны многие чудеса и знамения. Ко Кресту приложилась Екатерина II, посетившая Арзамас в 1767 году. В этой же церкви находился изумительной красоты резной иконостас с резными же фигурными местными иконами.

Красоту Ивано-Богословской церкви, построенной в 1675 году, которая, как говорили, дышала стариной, составляли «узорчатый крест на луне с цепями, глава из черепицы золотистого цвета, наличники у окон зеленой черепицы, причудливый

чугунный пол и чудный резной иконостас». Прихожане гордились своим храмом, охотно делились с гостями города историей его создания.

Ивано-Богословская церковь Арзамаса. 1675 г.

Признавали деда за достопримечательность города и чугунные полы в Ильинской, Ивано-Богословской церквях и первом каменном Воскресенском соборе. Благодаря металлическому полу уцелела от пожара в 1883 году Ивано-Богословская церковь. Полы с красивым замысловатым рисунком, как говорили, были отлиты в свое время на чугунолитейном заводе купца Цыбышева.

Владимирская или Зосимовская церковь. 1802 г.

Сказать коротко, в каждом храме Арзамаса можно было видеть церковные древности, красивые предметы церковного обихода, выполненные местными мастерами. Очень богатыми облачениями золотного шитья наградили монахини Алексеевской общины и Николаевского монастыря священнослужителей Арзамаса, а кошмовалы изготовили для храмов красивейшие набойные ковры.

*Жилой дом купца И.А. Попова.
Слева его «Воспитательный дом».
Первая половина XIX в.*

*Жилой дом купца И. Г. Попова.
Затем купца И. А. Будылина.*

Гуляя по Арзамасу, приглядчивый гость города воочию мог увидеть многочисленные памятники архитектуры последних трех веков и особенно много домово́й резьбы, которая обрела право на «Арзамасский стиль».

Он особенно красиво открывается с западной и южной сторон. Издалека, еще на подъезде к городу, за несколько километров уже виден храм на горе, которая самой природой определена ему пьедесталом.

Арзамасский Воскресенский собор арзамасцы посвятили в честь Архистратига Михаила. Он сгорел, как сгорел и второй дубовый храм. Старый каменный собор горожане построили в 1742 году. По летописи его видно, что он «был благолепен, убранство его являло русскую старину и располагало к молитве».

После избавления России от французского нашествия в 1812 году «в благодарных сердцах граждан арзамасских возгорелось желание увековечить память грозного посещения Божия и великой Милости Божией, явленной в избавлении России и православной церкви от иноплеменного и безбожнического нашествия и порабощения».

Собор строился на пожертвования горожан. Закладка храма произведена 14 июля 1814 года. Проектировал собор арзамасский уроженец архитектор Михаил Петрович Коринфский, закончивший в 1812 году Петербургскую академию

художеств.

Строился собор долго, кирпичная кладка продолжалась до 1821 года, а освящение храма состоялось 15 сентября 1840 года.

*Арзамасский Воскресенский собор. 1814–1842 г.г.
Арх. М. П. Коринфский.*

Приведем первое описание собора, сделанное учителем арзамасского уездного училища Иваном Алексеевичем Фаворским и опубликованное в журнале «Москвитянин» в 1841 году:

«Наружный вид храма представляет четырехконечный равносторонний крест, с 48 колоннами, простирающийся в длину и ширину на 30, а в высоту с крестом на 25 сажень. Фасады с четырех сторон однообразные с портиками, которые возвышены на 15-ти ступенях, и каждый портик состоит из 12 ионических колонн, вышиною в 17-ть аршин, с фронтонами, украшенными по приличию сего ордена и соединенными между собою открытыми террасами. Сверх фронтонов на Уединенном аттике и возвышенных ступенях пять куполов, из которых средний украшен 12-ю колоннами и таким же количеством окон с арками; 16 кронштейнов (кронштейнов) поддерживают на нем шар, на котором находится крест в сиянии. Таковые же шары с крестами в сияниях находятся и на прочих куполах, имеющих каждый по 8-ми окон. Храм снаружи оштукатурен и украшен лепною работою. Куполы крыты железом и выкрашены под белое железо, а портики зеленою краскою. Кресты, шары и кронштейны вызолочены. Внутренность храма содержит 880 квадратных сажень, поддерживается четырьмя большими колоннами и освещается 17-ю окнами, считая и находящиеся в куполах. В нем устроены в ряд пять престолов: главный — во имя Воскресения, на правой стороне ближний к главному во имя Александра Невского, ангела победоносного Императора Александра, в ознаменование любви и признательности к Благословенному Монарху, дальний — во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, на левой стороне ближайший — Иоанна Воина, а дальний — Всех Святых. Иконостасы отлично убраны мелкою резьбою, и главный и три других вызолочены на полимент, и престолы освящены, а пятый — Иоанна Воина — не освящен, иконостас его скоро кончится позолотой, в скором времени освящен будет и он.

Внутренность украшена лепною работою и расписана. Иконы почти все живописные, из них особенное внимание заслуживают две иконы в главном иконостасе — Спасителя и Божией Матери, писанные академиком Алексеевым. Здесь находится знамя Арзамасского ополчения 1812 года, которое обыкновенно выносятся во время крестных ходов. Все здание стоит более 500 тысяч рублей и

вся сумма жертвована арзамасскими жителями, без всякого постороннего пособия. Такой храм редко можно встретить не только в уездных, но и в губернских городах. Многие проезжающие посещают его и удивляются красивой наружности и в особенности внутреннему его благолепию...»

Высказал свое восхищение Воскресенским собором писатель Павел Мельников (Андрей Печерский): «... когда вы стоите в самой середине здания под средним куполом, вы видите окна только над головою, между тем освещения очень много. Окон в стенах из центра не видно, потому что косяки сделаны не прямо, а вкось; такое освещение и придает много эффекта».

... На освящение собора верующие собрались со всего уезда. Историк города писал: «Другого подобного торжества в Арзамасе, вероятно, уже не будет! Стечение народа было необычайное. Думали подсчитать число богомольцев по числу свечных огарков, собранных после освящения, насчитали двенадцать тысяч! Собор был полон, многие стояли вне стен его»

Николай Михайлович Шегольков описывает внутреннее убранство собора: «Расписывать собор взялся один из учеников Ступина Осип Семенович Серебряков с сыном Александром за изумительно дешевую цену, около 2000 рублей серебром, но расписал так, что и строгие критики не могли его упрекнуть... собор расписан „альфреско“ по сырой штукатурке (коричневой) тушью. Красками писаны только „Триипостасное Божество“ в главном куполе и „Распятие“ на горнем месте. Поэтому отсутствие пестроты придает всей внутренности храма величественный вид громадного целого. Обширные размеры здания дали мастерам возможность развернуть всю силу своего таланта. Все картины на сводах и стенах храма изображают земную жизнь Господа Иисуса Христа...»

В архитектурно-художественном замысле собора, в его внутреннем убранстве велика была роль академика А. В. Ступина. Художник и сам принял участие в росписи храма. Александр Васильевич в августе 1840 года расписал четыре фронтона. На восточном он изобразил «Восстание Господа от гроба — Воскресение Христово», на южном — «Вехозаветное явление Троицы Аврааму», на западном — «Собор всех святых» и северном — «Покров Пресвятыне Богородицы». Художник преподнес также храму икону собственного письма «Моление о чаше».

Один из лучших учеников Ступина — академик Николай Михайлович Алексеев написал для собора местные иконы Спасителя и Божией Матери размером человеческого роста. Иконы — замечательные произведения изобразительного искусства.

Иконы для собора писали также бывший ученик Ступина И. А. Лебедев, И. А. Глазков.

Для храма творчески потрудились многие мастера Арзамаса. Иконостас сработали Василий Алексеевич Ломакин и его сын Клим, позолоту производил Алексей Александрович Студенцов. Медники города братья Лысковцевы выполнили три больших паникадила, кузнец Алексей Алексеевич Еремеев сковал красивые решетки для всех окон и железные двери. И, наконец, немалую лепту для храма внесли золотошвей Арзамаса, когда преподнесли «облачение малинового бархата, шитое золотом, ставшее с воздухами 3000 рублей серебром». В собор «вышита золотом по бархату больших размеров плащаница, украшенная сибирскими самоцветами и французскими сразами».

Воскресенский собор и поныне является святыней для православных, а также громким гимном труду арзамасских мастеров, талантливому русскому человеку-созидателю.

Православие высоко чтит человека, его бессмертную душу, и потому еще при Константине Великом установлен торжественный чин христианского погребения

как простого мирянина иерархов церкви и верховной власти.

Великим наказуемым грехом является насильственное умерщвление человека: самоубийство и умышленное посягательство на жизнь подобного себе.

Издавна определен порядок захоронения самоубийц и насильственно убиенных. Старый обычай повелевал хоронить необычно умерших в божедомках или убогих домах.

Третий русский патриарх Филарет (1619–1633 г.г.), в миру Федор Никитич Романов, — родитель первого царя Михаила из рода Романовых, установил хоронить без отпевания тех, «которые вина обопьются, или зарежуются, или с качелей убьются, или купаючись утонут, или сами себя отравят, или иное что дурна над собой учинят...»

Последний, десятый патриарх Адриан (1690–1700 г.г.) подписал указ, в коем говорилось: «самоубийц и убитых в разбое, и на воровстве (политическом) не класть на кладбищах и убогих домах, не зарывать в лесу или в поле, без поминовения в Семик. Если же вор и разбойник при смерти будет исповедан и причащен Св. Тайн, то их положить без отпевания в убогом доме, где такие воры и разбойники кладутся».

Туда же направляли трупы казненных, а со времен Петра I и анатомированных в госпитале.

В Москве убогие дома находились на территории, где позже возник Покровский монастырь. Там помещали вначале без отпевания всех несчастных. Но в седьмой четверг после Пасхи, в Семик, сюда сходились многие и многие москвичи, приносили все необходимое для погребения... Последние бедняки, кто не мог принести свеч, ладана, савана — обмывали, одевали и хоронили уже окончательно трупы. Богатые раздавали милостыню бедным.

Убогие дома, а еще их называли Божьи дома, божедомки, усыпальницы, скудельницы, существовали, конечно, и в других городах, они являли из себя памятники христианской любви русских людей, что весьма удивляло иностранцев, которые с невольным уважением относились к обычаю россиян.

В скудельницах погребали также тех, кто внезапно умер из странников, нищих, кто не принадлежал к определенному приходу (разные приезжие, проходящие) и кто не имел возможности заплатить за место на кладбище и за погребение.

Особенность церковной службы на убогих домах. Родственники погибших подавали священнику записки с именами «лежащими zde». Но если на отдельных погибших записок не подавали по незнанию имен, тех поминали так: «Помяни, Господи, убиенных рабов твоих и от неизвестной смерти умерших, их же имена Ты Сам Господи, веши, иже zde лежащих и повсюду православных христиан»...

... «Если Петр I уничтожил треть бывших до него монастырей, то Екатерина II постаралась уничтожить большую половину оставшихся после Петра». Запретила она и существование убогих домов в 1767 году вместе с распоряжением о выносе кладбищ за черту городов. Сыскались ослушники в Киеве, во Владимирской губернии и в других местах — погребали насильственно убиенных по-прежнему в убогих домах. Обычай сохранился и в Арзамасе.

История арзамасских убогих домов такова. Вначале они находились ближе к селу Ивановскому на городской земле, а последние, памятные еще и посейчас, объявились около 1748 года.

О них такое предание. Как-то в лунную ночь возвращался по Саратовскому тракту домой под хмельком арзамасский купец Матвей Степанович Масленков. Уже на виду у города он и усмотрел трех повешенных. И вот пало ему в голову упрекнуть висящих за преступления. Начал купчина со слов, а после и принялся хлестать мертвых плетью. Надругался Матвей Степанович над телами, начал поворачивать

лошадь к городу да вдруг услышал голоса тех повешенных: велят остановиться. Тут Масленков и вспомнил о Боге, креститься начал, молитву читать, но удержали-таки повешенные на месте и корить начали: мы осуждены Богом и государыней за наши проступки, а тебя-то ничем не обидели, за что же ты нас плетью?! Разом хмель у купчины из головы вылетел, стал он перед повешенными на колени, покаялся и дал обет, что если отпустят его, то после построит им, а равно и другим убогий дом, и будет просить священников, чтобы они в Семик служили тут панихиды.

Помиловали повешенные Матвея Степановича. На другой день Масленков объявил в городе о своем добром намерении. Власти Арзамаса благоволили к купцу и скоро он выстроил большой каменный убогий дом и еще три часовенки наподобие надгробных памятников. Вот с той поры арзамасское духовенство в Семик из собора, других церквей города и приходило к часовням, с семи утра до заката солнца совершало здесь панихиды по просьбе усердствующих жителей. Позже появился обычай устраивать в Семик близ убогих домиков маленькую ярмарку и детский праздник. Атмосфера праздника в Арзамас, наверное, была перенесена из Москвы. Там в Семик устраивалось большое праздничное гулянье в Марьиной роще.

В Семик на Ивановских буграх.

Сохранилось четыре описания убогих домов в Арзамасе. Первое из них относится к 1850 году: «При городе Арзамасе, в юго-восточной стороне, на полугоре близ Большой саратовской дороги находится каменное здание с кровлею на два ската, на которой посредине водружен небольшой осьмиконечный железный крест. Здание это весьма ветхо. Стены в некоторых местах треснули, а западная стена близка даже к скорому падению. Пол, настланный в 1809 году квартировавшим в городе Уфимским полком, истерся; многие доски подгнили и обрушились. Еще годная крыша спасает здание, однако ж и она со стороны города покрылась мохом. Здание слабо освещаемое чрез небольшое пустое отверстие окна, устроенного в южной стене, имеет в длину 8 аршин, в ширину около шести, в вышину в полтора аршина. Дугообразные своды здания соединены двумя железными перемычками, из коих на одной повешена пред алебастровым распятием стеклянная лампада. Образ этот поставлен в нише восточной стены, а по сторонам его вдоль всей стены, на широких лавках, расставлены образа старинные, из которых многие даже не имеют ликов. К этому зданию причисляются еще три гораздо меньшие, тоже каменные, они имеют совершенное сходство с памятниками на кладбищах. Все эти

здания вместе составляют скудный остаток дел христианской любви старинных арзамасцев и называются обыкновенно, убогими домами».

Второе свидетельство принадлежит писателю В. Г. Короленко.

К сожалению, писатель-народник появление в Арзамасе убогих домов связал не с древней православной традицией, а со своими народническими домыслами. Он сразу заявляет: подгородное село «Выездново никогда не пользовалось хорошей репутацией, но при Салтыкове оно обратилось прямо в разбойничий стан...» И тут же заключает: «Это и есть „Божьи домики“, где, по одному преданию, схоронены жертвы Салтыкова».

И далее: «Другое предание, более вероятное, связанное с этими беленькими постройками, еще более мрачно. Говорят, здесь похоронены бунтовщики-разницы после короткого, но кровавого разгула».

Писатель, побывавший в Арзамасе в 1890–1892 годах имел возможность побывать и внутри главного домика: «Простое деревянное Распятие с адамовой головой стоит на своеобразном иконостасе и, видимо, благочестием рук, которые ставили и возобновляли эти иконы, руководили мрачные впечатления, связанные с горю преданий: лучше других сохранилась икона на пьедестале креста. У подножия фантастического холма стоит столб с орудиями истязаний — пучок розог с плетью. На холме лежит отрубленная рука, несколько гвоздей, большой пыточный молоток и клещи мрачно рисуются в воздухе. Мрачные туманные облака пронизаны лучом света, и на столбе фантастическая птица, напоминающая петуха, вытянув шею, кричит навстречу этому брезжущему свету... Другие иконы подобраны таким же образом: страдания Христа в разных видах, и усекновенная глава из камня, ужасная, разрисованная поблекшими красками, — все это усиливает впечатление».

Третье воспоминание о внутренности главного убогого дома относится к 1900-му году. Безвестный автор губернской газеты сообщал: «Лет 15–25 тому назад на многих „каменных столбиках“ виднелись потемневшие иконы». В большом домике «изображение различных страшных орудий пытки... и иконы, к сожалению, исчезли неведомо куда».

Четвертое описание убогого дома сделал историк города Н. М. Щегольков. Он пересказал рассказ 1850 года, но внес и новое, относящееся к началу нынешнего века: в главном Божьем домике появились «... приставленные старые царские двери, принесенные, вероятно, из какой-нибудь старой сломанной церкви. Истертый пол, по рассказам, был выстлан в 1809 году квартировавшим в городе Уфимским полком. Можно полагать, что убогий дом заменял тогда этому полку походную церковь. Близкий к совершенному разрушению, этот убогий дом был перестроен около 1872 года по инициативе священника Тихвинской кладбищенской церкви Александра Орлова старостой этой церкви Александром Алексеевичем Барсуковым. Убогий дом разобрали и из того же кирпича выстроили часовню меньших размеров и самого простого типа. В этой часовне и до сего времени совершаются в Семик панихиды причтом Тихвинской церкви. Принты же приходских церквей перестали приходить к убогим домам тоже в 1870 годах. Около убогих домов в Семик по-прежнему бывает гулянье, преимущественно детское, на котором продается довольно много игрушек».

Разрушены эти трогательные памятники человеческой любви к ушедшим из жизни в советское время.

Рассказывают, их, Калининых, два брата: Мишка и Федька. Мишка здоровым вымахал, хватало в нем и дури. Это еще где-то в двадцатых годах... По спору разбежался хулиган и плечом свалил один памятник.

Но главный-то убогий дом разрушили позже, в начале тридцатых, когда рушили храмы. Кирпич, видите ли, понадобился... Кирпича, конечно, никакого не обрели, атеисты заведомо знали, что взять будет нечего, но важен был рапорт о борьбе с

известным опиумом...

В начале сентября 1812 года после окончания академии художеств возвратился Михаил Петрович Коринфский в родной Арзамас и возвратился аттестованным архитектором. Всего три года назад отвез его Ступин в Петербург и настойчиво рекомендовал академическому начальству.

Александр Васильевич загорелся мыслью перестроить свой поместительный дом, когда-то купленный у генеральши Юрловой. Открылся в этом приятелю. Здание чтобы во всем приличествовало прибежищу изящного искусства...

Коринфский будто ждал этих слов: школу Ступина в академии уже считают рассадником прекрасного, надо, надо расширять объявленный рассадник!

Недолго Михаил Петрович работал над проектом, который тут же отослали в академию на утверждение, недолго пришлось жданное разрешение. его прислал А. Н. Воронихин, автор проекта Казанского собора

Дом с учебными классами вышел на славу, он подлинно украсил Арзамас. На обширной усадьбе с садом — это на перекрестке улиц Прогонной и Троицкой, хватило места и для художественной галереи. Постигающим изобразительное искусство надо видеть образцы работ собратьев по ремеслу. Галерея состояла из двух залов, один зал предназначался для живописных полотен, а другой для гипсовых статуй и бюстов — художник обязан знать и пластическую анатомию человека...

Спокойная сероватая окраска стен хорошо выделяла теплые полотна старых мастеров, а жаркий фон стен в зале скульптуры четко выявлял все совершенства человеческого тела. Разместили бюсты и полные фигуры на красивые подиумы, на обрезки канелюрованных колонн... Искусно покрашенный пол под паркет, безупречная чистота в залах — все это создавало атмосферу того обиталища, где так славно обжилась рукотворная красота, которая возвышает и облагораживает человека, приобщает его к тайнам мастерства, к выразительному языку искусства, к высокому осмыслению гармонии мира. Как и в любом художественном музее, здесь вдумчивый посетитель отрешался от земной суеты сует, полнился добрыми помыслами, глубже постигал себя, выявлял в себе понимание высоты человеческих возможностей...

*Арзамасская школа живописи.
Арх. М. П. Коринфский. 1813 г.*

Что же открывалось зрителю в картинной галерее? Работы русских художников конца XVIII века и начала XIX века, преподавателей академии. Окончив учебу в Петербурге, Александр Васильевич признался, что он намерен открыть в родном Арзамасе художественную школу. Профессора — радетели за русское искусство, горячо одобрили мечту своего воспитанника и начали дарить ему свои рисунки, картины, гравюры, художественные принадлежности, книги...

Пять своих работ отдал своему другу и ученику лучший рисовальщик России, да и Европы, профессор Алексей Егорович Егоров. Вот какой это был мастер: в Италии, куда его направили для совершенствования, он получал при продаже за свой рисунок столько золотых монет, сколько их размещалось на использованной площади листа. Галерею арзамасца украсили работы Егорова: «Иоанн Предтеча», «Далила с Самсоном», портрет Александра Васильевича...

Большим художником и теоретиком искусства в академии по праву считался ректор Иван Акимович Акимов. Он в свое время принял Ступина под свое покровительство, терпеливо передавал ему педагогическую систему академии, учил работать кистью и вне учебных классов, наконец, подарил ученику свою копию с «Бахуса» Рубенса и «Крещение княгини Ольги».

Профессор В. К. Шебуев передал Арзамасской школе изображение отца и учителя церкви святого Василия Великого.

Поистине украшением галереи стал портрет графа Шувалова знаменитого Д. Г. Левицкого.

Александр Васильевич учился и дружил в 1800–1802 годах с талантливым и впоследствии очень известным портретистом А. Г. Варнеком. Два полотна этого художника также поступило в ступинскую галерею.

С Карлом Брюлловым вместе учился и дружил Рафаил Александрович Ступин, позже преподаватель в школе отца. Великий Брюллов отдал школе «Портрет графа В» и «Старика с книгой», также своей кисти.

Во время успешного окончания учебы в академии известный Михаил Тихонов преподнес арзамасцам свое полотно «Раскаяние Каина».

Едва ли не самый талантливый, рано ушедший из жизни, сын крепостного Иван Горбунов оставил родной арзамасской школе портрет своего учителя.

Галерею украсили полотна академика Николая Михайловича Алексеева — ученика и зятя Ступина, который затем трудился в Петербурге в Исаакиевском соборе. Портрет Александра Васильевича, семейный портрет и все другое было свидетельством явного таланта Алексеева-портретиста.

*Ступин А. В. 1776–1861 г.г.
Уроженец Арзамаса, организатор
первой провинциальной школы живописи в России.*

И, наконец, несомненным украшением галереи стали пейзажи Василия Егоровича Раева, известного в России пейзажиста и декоратора. Раев также ученик школы Ступина, бывший крепостной. Кисти Раева принадлежал «Вид Саровского монастыря».

Представлены были у Ступина и западно-европейские художники. Двадцать пять их работ размещалось в галерее.

Почти все эти полотна Александр Васильевич обрел у сыновей знаменитого архитектора В. И. Баженова в арзамасском селе Кардавиле. Будучи в Италии и Франции в творческой командировке, Баженов иногда на последние рубли покупал доступное. Сыновья архитектора не отличались хозяйственной сметкой, обросли долгами и начали распродавать отцовское...

В галерее собрались немецкие, французские и итальянские мастера. Вот мифологические и исторические сюжеты их работ: «Пилигрим», «Вирсавия в саду», «Цилидония с отцом», «Каин убивает Авеля», «Лот с дочерьми», «Диана на охоте», «Иродиада с головой Предтечи на блюде»... Среди авторов этих полотен известные французы — Сублер «Рождество Христово». Лазарини «Семирамида», и знаменитый итальянец Тициан «Несение Креста».

Стилевые особенности разных национальных художественных школ, индивидуальное осмысление сюжетной основы и композиционных приемов, разность колористических решений, техники живописи — все это давало не только большой простор для художественных размышлений ученикам Арзамасской школы, но и указывало пути для достижения прекрасного, определяло степень выучки будущих художников. Так, известнейший впоследствии жанрист Василий Григорьевич Перов осознал себя художником в школе Ступина после копирования «Головы старика» Карла Брюллова.

... В зале гипсов размещались подаренные в разное время академией скульптуры: «Аполлон», «Венера Медицейская», «Анатомия» Гудона, «Боец», «Германик», «Лаокоон с сыновьями». Бюсты: «Апостол Петр», «Александр Великий», «Антиной», «Аполлон», «Юпитер», «Ариадна», «Гений», «Гомер», «Каракалла», «Бахус», барельефы из камня и бронзы...

Кроме этого, академик А. В. Ступин мог бы создать и еще один зал для экспозиции гравюр и эстампов, представляющих подлинную художественную ценность. У него хранилось в качестве учебных пособий 561 портрет, 244 листа с историческими сюжетами, 321 эстамп на мифологические сюжеты, 244 гравированных пейзажа. К этому имелось большое число учебных пособий по пластической анатомии человека, карандашные эскизы и эскизы, выполненные красками. Художественные ценности, а их насчитывалось 6480 инвентарных единиц, оценивали в двадцать пять тысяч рублей серебром — большая сумма в середине прошлого века.

В учебном классе.

Нет, не случайно всю первую половину XIX столетия школу рисования и живописи академика А. В. Ступина называли все, побывавшие в ней, прекрасной достопримечательностью Арзамаса...

Каждый край, город своим славен.

Арзамасский уезд прослыл и своим гусем. Потому давно русской молвой и объявлены арзамасцы: гусятники!

Где-то в XVII веке подал о себе весть крупный мясной гусь с задорным характером.

Некий австрийский барон Августин, побывавший в городе, писал, что арзамасские гуси привлекли его внимание, изрядно подивили своим внешним видом и явно драчливым нравом.

Какими же признаками обладала сложившаяся порода арзамасского гуся? У него короткая округлая голова, сильно развиты мускулы щек, глаза голубые. Клюв у основания толстый, желто-оранжевого цвета, кончик его белый с розовым кольцом. Лапы желто-оранжевого цвета. Средний вес живой гусыни пять с половиной килограммов, на килограмм больше весил гусак.

И еще пристала добавка к словесному портрету. Красавец, увесист, очень вынослив, преисполнен силы и горд. И последнее: хорошо откармливается, мясо всех желаемых достоинств.

В прошлом веке близ Арзамаса выращивалось до двадцати тысяч гусей. На Всероссийский рынок местный гусь вышел в конце XVIII века.

Арзамасский гусь скоро стал и отличным бойцом. Один из жителей города начала прошлого века писал: «Любители гусяного боя вызывали друг друга на заклад. В назначенное время и место привозились с обеих сторон по два и по три избранных гуся в разноцветных лентах на шеях и даже на крыльях и хвостах, затем выпускали их с противоположных сторон и сраивали известными охотникам способами. Бой оканчивался не только поражением, но большей частью смертью птицы, заклеванной и избитой своим пернатым соперником. После, конечно, следовала попойка на счет заклада».

Большой арзамасский гусь стал громким действием на крестьянских свадьбах. Вот как об этом рассказывалось.

Вдруг объявляется стряпуха свадебная по-за столом, испуганно кричит:

— Гуся из печи вытащить не могу!

Находчивый дружка торопко подносит ей чарку вина, снимает со стены ружье и стреляет в печь.

«Слава стряпухе!»

Только теперь — торжественно, при веселых криках, гусь подается на стол — слава стряпухе!

В 1767 году в июне Екатерина II возвращалась из своего веселого путешествия по Волге. Вторая половина его от Симбирска до Москвы совершалась на лошадях.

Государыня со своей блистательной свитой приехала в Арзамас ранним-ранним утром.

11 июня после краткого молебствия в Воскресенском соборе императрица принимала в роскошном доме гвардии прапорщика Семена Бутурлина арзамасцев: духовных лиц, дворян и отдельных купцов. Пока царица за обеденным столом беседовала с приглашенными, на Соборной площади устроили бой гусей — слава о бойцовских качествах которых уже дошла и до царского дворца.

Зрелище боя изволили лицезреть графы Орлов и Чернышев из свиты императрицы. Сиятельные вельможи побились об заклад: пари выиграл Орлов, ему-то хозяин птицы и преподнес своего бойца, чем очень угодил знатному царедворцу.

Достойные бойцы.

После сего случая спрос на пернатого бойца очень возрос в среде любителей гусиных боев.

Первая четверть XIX века.

Литературная жизнь русских столиц переживает подъем.

На уровне полемического задора, а то и едкой сатиры идет борьба карамзинистов-западников со сторонниками глубинных русских начал жизни, радетелями за самобытное развитие основ родного языка и литературы.

Карамзинисты собрали вокруг себя романтически настроенных поэтов и прозаиков, объединились в кружок «Арзамас», названный по связи с сатирой Д. Н. Блудова «Видение в арзамасском трактире, изданное обществом ученых людей».

Сторонники президента Академии наук адмирала А. С. Шишкова входили в «Общество любителей русского слова». Под громким натиском карамзинистов «Беседа» прекратила свою деятельность в 1816 году, «Арзамас» собирал своих членов до 1818 года. Распался он отчасти потому, что ряд литераторов разъехались, а потом отдельные «арзамасцы» начали было включать в программу кружка и политические вопросы.

Поскольку кружок карамзинистов носил название «Арзамас», то немудрено, что и арзамасский гусь, хорошо знаемый тогда и в столицах, вошел в его историю: «Василия Львовича Пушкина — известного стихотворца, дядю Александра Сергеевича, избирали старостой „Арзамаса“. После того, как он поразил в комнате стрелой из лука некое безобразное чучело — символ дурного вкуса „Беседы“... ввели Пушкина за занавеску и дали ему в руки эмблему „Арзамаса“ — мерзлого арзамасского гуся, которого поэт должен был держать в руках все время, пока ему

говорили длинную приветственную речь. После того, как и всем „арзамасцам“, Василию Львовичу дано было прозвище Вот». Дополним сказанное: на печати «Арзамаса» было изображение арзамасского гуся.

Прием нового члена в общество «Арзамас».

В 1821 году Арзамас проездом посетил писатель, историк и издатель «Отечественных записок» Павел Петрович Свиньин. Он среди прочего из арзамасских впечатлений написал и о здешних гусях: «Зеленые берега Теши усеяны или, лучше сказать, покрыты, как белым полотном, — стадами гусей, коими Арзамас издревле славится. И — точно!

Гуси здешние необыкновенной величины и силы, и вообще славные бойцы. Арзамасские жители страстно любят сию забаву и платят по 100 и более рублей за отличного гуся-рыцаря. Я видел бой их, и хотя небольшой охотник до всякого рода звериных поединков, но смотрел на него с большим удовольствием и любопытством, чем в Англии на петуший, в Португалии на бычачий, в Москве на медвежью травлю.

Гуси сражаются крыльями, стараясь супротивника своего схватить за ногу. Победенный после нескольких стычек, почувствовав свою слабость ретируется и ни за что не заставишь его после сразиться с победителем! Потому поле сражения покрывается не кровью, а пухом и перьями».

Случилось, проезжал Арзамас и писатель граф Дмитрий Иванович Хвостов с желанием увидеть гусиный бой. Но графу не повезло, он написал:

«Там множество гусей я видел у реки; Но жаль, что не нашлось при них бойца прямого: Обыкновенные, как и везде гуськи».

«И в прозе я говорю, что стихи сии писаны по неудовольствию, что не случилось мне видеть настоящего бойца между арзамасских гусей, ибо их готовят не в то время, когда я приезжал в Арзамас, а что касается до шутки Баснописца: „Такие именно, как в басенке Крылова“, то скажу с ним, не обижая арзамасских гусей, что они годятся на жаркое, ибо те, коих я ел, показались мне очень вкусными».

В романе И. С. Тургенева «Дым», один из его персонажей, Ростислав Бамбаев восклицает: «Русь, экая эта Русь! Посмотри хоть на эту пару гусей: ведь в целой

Европе нет ничего подобного. Настоящие арзамасские!»

Наконец, В. Г. Короленко, не раз бывавший в Арзамасе в 1890—93-х годах, позднее, работая над повестью «Муза», также воздал хвалу арзамасскому гусю: «Прежде... гусь ходил на Нижний и далее на Москву. Нужно было посмотреть арзамасские дороги во время этого гусяного похода. Можно было бы подумать, что среди лета выпал снег и что снежная дорога ожила, волнуется, шевелится, течет... Целые отряды погонщиков отправлялись с хворостинами за этой армией. А что пыли, что гоготу, сколько оживления и суматохи, когда какая-нибудь почтовая тройка с разбегу врывается в середину отряда...»

Это еще до железных дорог...

Гуси — ходоки медлительные, шагают не более пяти верст в сутки. А гнать их надо, скажем, в тот же Нижний. Покупатель там хотел принести с базара на свою кухню, конечно же, живую птицу.

...В осеннее время погонщики сбивали большие стада гусей, случалось, по несколько сот. В дальней дороге птица скоро обдирает ноги. Арзамасцы использовали свою придумку: разогревали смолу и начально прогоняли гусей по этой смоляной лыве, а затем по песку. Так гусь получал черные лапки, укрепленные песочком. И в обретенной обувке отправлялся до губернского города.

Но, как писали, арзамасский гусь и до Москвы ходил, тамошний люд кормил. Его там жарили и парили, и неложно хвалили...

Конечно, за долгую дорогу птица ослабевала, падала в весе. Перед продажей ее усиленно подкармливали. Зимой в кормовой овес арзамасцы добавляли «ракушу» — кожицу гречишных семян, что оставались после обдира. Птица быстро набирала вес.

В восьмидесятых годах прошлого века на арзамасском базаре можно было купить гуся стоимостью от пятидесяти копеек до двух рублей, смотря по возрасту и упитанности. Так что рождественский гусь был доступен многим.

1773 год... На реке Яик в Приуралье донской казак Емельян Пугачев 17 сентября огласил «царский» манифест, в котором казакам и крестьянам давал вольность, а старообрядцев жаловал «крестом и бороною». Так Пугачев, объявивший себя Петром III — мужем Екатерины II, начал третью крестьянскую войну, разгар которой пришелся на лето 1774 года уже на правобережье Волги.

В это время Россия вела войну с Турцией на Дунае, и первое время не могла выставить против восставших крупных воинских сил, а действия нескольких генералов в Поволжье не всегда были эффективными. И только полковник Михельсон оказался подлинной угрозой для пугачевцев.

Военная коллегия в Петербурге, понимая всю серьезность положения в Поволжье, вызвала А. В. Суворова с театра военных действий, но граф Румянцев несколько попрिдержал полководца, «дабы не подать Европе слишком великого понятия о внутренних беспокойствах государства, — так после писал А. С. Пушкин и добавлял: — Такова была слава Суворова». В это время Екатерина заключила с Турцией мир, и Суворов спешно выехал в Поволжье, где ему дали самые высокие полномочия.

И вот по дороге к местам очагов восстания Суворов по Московскому тракту приехал в Арзамас.

Персона объявилась в городе важная. Где поместить прославленного? Помещичьих домов в городе более десятка, но все они, а также многие купеческие и Даже

обывательские дома, заезжие дворы — все заняли бежавшие из сельских поместий помещики со своей челядью, чиновники, купцы, священнослужители...

Пришлось городским властям кланяться именитому, богатейшему купцу Ивану Ивановичу Цыбышеву, что жил в Ильинском приходе, на улице Цыбышевой в собственных каменных палатах. Палаты, как помнили старожилы, напоминали боярские со сводчатыми потолками, узкими окнами, светелками и светлицами... Те же старожилы рассказывали, что владелец чугунного завода и разных кузниц деньги свои хранил в окованных бочонках, а те бочонки в подвале приковывались цепями к каменному своду...

Цыбышеву угодили, за честь счел он принять столь знаменитого и в Европе полководца, и принял его по-царски.

У Ивана Ивановича к тому времени поднималось двое ребяток: Андрей и Александр. С детским настойчивым любопытством мальчики рассматривали необычного гостя. Суворов любил детей. Он обласкал их словами, а младшего, Сашу, усадил к себе на колени и принялся разговаривать с ним. Мальчик любопытничал, ухватился за блестящую рукоять кортика в красивых ножнах. И тогда Александр Васильевич снял оружие, спросил: «Понравился, а, тезка?» Восхищенный, мальчик кивнул и получил драгоценный подарок...

«Понравился, а, тезка?»

Долго, около шестидесяти лет, кортик святыней хранился у Цыбышевых, он стал особой реликвией города. Его ходили смотреть арзамасцы и приезжие любители достопримечательностей — оружие Суворова, как-никак! Но вот не стало Ивана Ивановича Цыбышева, дела фамилии пошатнулись, и дошло до того, что сыновья купеческие стали бедствовать. Тогда они и продали кортик арзамасскому помещику Штевену за сто рублей ассигнациями — только-то! С той поры и затерялся след бесценного подарка Суворова Арзамасу...

В младенчестве — на четырех, в молодости — на двух, а в старости — на трех ногах... вот и в такой простенькой загадке раскрывается временная суть человека. Во младости он на четвереньках ползает, потом долгонько, как есть здоровьце, на двух ногах ходит, а в старости невольно добавляет третью — палку-пособницу, трость.

Догадались монахини Арзамасской Алексеевской общины о нужности этой самой третьей ноги и стали готовить ее и поставлять на продажу.

Простую-то палку во всякое время сам себе человек вырежет. А вот обрести

долговечную, красивую, благородного облика — за такую надо не копейки платить, а поболе.

Монахини стали выращивать палки в самом прямом смысле этого слова. Подсаживали к дичку привой культурной яблони — пошло деревце в рост. Вот тут-то ловкие женские руки и вгоняли в ствол колотые деревянные шпильки этаким ровным пояском. Перетерпит живая яблонька боль, а потом там, где вошли шпильки, образуется этакий кругообразный нарост. Поясочков таких на палке объявлялось несколько...

Немало лет уходило на то, чтобы поднялась, окрепла, стала красивой должная высота будущей палки, чтобы окреп заворот ее рукояти.

Очень ценились готовые трости на распродаже, что в Арзамасе, что на Нижегородской ярмарке. То и говорили: арзамасская трость, что кость. Бывало, из других городов заказывали, а то, ежели по пути, нарочито останавливались в городе, спешили в общину с надеждой купить хваленую пособницу при ходьбе...

Мирские нужды родят добрые службы

Это из рассказов о старине.

Для начала пословица: у царя колокол на всю Русь.

Как ударит царский колокол, как загудит, так многих тоска едучая и заберет: рекрутчина объявлена!

Служили в прежние времена долго — двадцать пять лет. Это ж редко кто домой живым-здоровым приходил, разве калеченный какой или уж с головушкой седой.

Теперь о наборах рекрутских. Брали не всех, а определенное, небольшое число молодых от города, уезда. Не служило в солдатах купечество, жило еще Отечество по закону: дворянство служит, купечество платит, простой народ рекрутов поставляет...

Долгая служба, она опричь души. Кто побогаче из мещан, откупался от солдатства, выставлял за себя подставного, которому, по сговору, платил немалые деньги. Поэтому власти сдавали в армию всяких непотребных: неукротимых драчунов, тех, кто тяготел к спиртному, кто в мирском общежителстве нечестен, а также беззащитных сирот... Ну, а если потребное, нужное число рекрутов не набиралось, то хватали первого попавшегося на улице, абы возрастом подходил.

Прятались от «красной шапки», где могли: у знакомых, у дальних родичей, в соседнем селе... Вот как вспоминал об этом академик А. В. Ступин: «...Пришел рекрутский набор (в 1792 году), и хотя мне было только 16 лет, но я, достигнувши рекрутской меры, опасался по сиротству и беззащитности сей участи, ибо тогда очереди не было и лет не разбирали, а потому ушел в село Выездново, где тогда все арзамасские скрывались от рекрутства».

Александру Ступину удалось избежать рекрутчины, а ежели бы те же ловцы захватили его дома — не бывать бы, наверное, в Арзамасе первой провинциальной художественной школы в России. И пришлось бы приемному сынку Анисьи Ступиной терпеть горе-горькое, то самое, о котором поется в этой вот песне:

Не кукушечка во сыром бору куковала, Не соловушка во зеленом саду громко свищет, Добрый молодец, во неволушке сидя, плачет, Обливается добрый молодец горячими слезами. Как берут меня, добра молодца, во неволю, Уж как вяжут мне, добру молодцу, белы руки, Что куют, куют добру молодцу скоры ноги, Что везут, везут добра молодца, везут в город, Отдают меня, добра

молодца, в царску службу, Что во ту ль, а во ту службу царскую — во солдаты. Уж никто по мне, добром молодце, не потужит, Только тужит лишь одна матушка, мать родная. Молода жена добра молодца проклинает, Красны девушки про молодчика вспоминают, Род и племя все меня, молодца, провожают.

Выездная слобода надежно укрывала беглецов. Будучи крепостными царских родственников Салтыковых, чувствуя себя надежно защищенными, селяне не признавали арзамасские власти и беглых горожан не выдавали, будучи сами повязанными с беззаконием, не выдавали и своих преступников.

Было и еще два надежных укрытия окрест города: Высокая гора с ее густым лесом и заросшими болотами в пойме Тешы, а также большое заросшее болото близ Ямской слободы — дикое, во многих местах непроходимое место.

Арзамасские власти на время рекрутских наборов собирали отряд ловцов, которые хватили и приводили в казенное присутствие тех, кто пополнял потребное число новобранцев. Пойманных сажали «в черную» — арестантскую камеру при городском магистрате, а уж оттуда одна выпадала дороженька — в солдатский строй.

Бывало, убежавшие в скрытню оборонялись от ловцов, при этом дело доходило до «красных знамен», даже до смертоубийства.

Но вот город отправлял назначенное сверху число рекрутов и спрятавшиеся могли спокойно возвращаться домой, к ответу их не привлекали. разве что при случае укоряли в гражданском нерадении. Город затихал до следующего набора.

...Круглый сирота Александр Ступин, уже иконописец, дабы впредь не искушать городские власти, вступил в купеческое сословие. В конце восемнадцатого века за третью гильдию в купечестве надо было платить в год пять рублей, всего-то!

Мало ли что на белом свете названо «русским». «Русская земля», «Русский народ», «Русская вера», «русская икона», «Русский солдат», «Русский талант», «Русская красавица», «Русская песня», «Русская береза», «Русская тройка», «Русская печь» — да разве все-то перечислить!

Вот и «Русская баня» в нашем национальном обиходе.

Давно она себя на показ, на добрую славу выставила. И эта слава ее не кончается, да и не кончится.

Еще Нестор-летописец сказал о ней в «Повести временных лет»: «Видех бани древены. И облеются квасом уснианным, и возьмут на се прutowье млодое бьют ся сами, и того ся добьют едва слезут еле живи, и облеются водою студеною».

Это за тысячу лет назад так банничали!

Недаром сказана мудрая похвала бане в народе: «Баня лечит, баня правит, баня все поправит. Банный веник и царя старше. В какой день паришься, в тот день не старишься. Идущему в баню всегда доброе пожелание: легкого вам пару без угару. Париться надо без надсада».

В банный день.

Русская баня — это чистота нации.

Укоры недругов России, что русские-де всегда жили грязно — наглая ложь! Иван Солоневич — историк, философ, патриот, исследуя историческое прошлое страны, писал: «В отношении быта Москве тоже нечему было особенно учиться. На Западе большое внимание уделяли постройке мостовых. Московская Русь уделяла внимание строительству бань. На Западе больше внимания уделяли красивым камзолам и туфлям с затейливыми пряжками, русские стремились к тому, чтобы под простыми кафтанами у них было чистое тело...»

И далее другой русский историк пишет: «В царских палатах, в Боярской думе, в боярских хоромах-домах, не ставили блюдо на стол, чтобы на них желающие могли давить вшей. В Версальских дворцах такие блюда ставили. Пышно разодетые кавалеры и дамы отправляли свои естественные надобности в коридорах роскошного Версальского дворца. В палатах московских царей такого не водилось».

Не в пример давно безлесной Европе, Россия долго жила, да еще и теперь в сельской местности живет в здоровом деревянном доме — хватало у россиян леса на баньки и берез на венички. Баня была обязательной принадлежностью средневекового двора в городе и селении. Потому и свят наш обычай: нет своей бани — пустит мыться родня, соседи, знакомые. Русская баня в самом хорошем смысле сближала, роднила людей.

Кроме частных, в городах издавна строили и торговые бани для всякого проезжего и переходящего люда.

...Пар костей не ломит, а простуду гонит.

Первые сведения о бане для иногородних в Арзамасе дает документ 1643 года: «Да на реке Теше место торговой бани». Баня эта принадлежала бедному тогда, без постоянного прихода, Воскресенскому собору, ее сдавали в аренду. Чаще торговые бани находились в ведении городских властей, доходы с них шли на общественные нужды. Арзамас стоял на перекрестье нескольких трактов и потому наезжего народа всегда хватало, так что в будние дни желающим всегда можно было

попариться и помыться.

В 1840 году в городе две торговые бани. Арендовала их мещанка Кормилицына, за год она вносила в казну 25 рублей 52 копейки. В документах 1877 года по-прежнему в Арзамасе две бани, стояли они повыше выездного моста, где вода была много чище, чем ниже за мостом.

Эти бани служили людям вплоть до революции.

...Банный день, что праздник.

С первых лет существования города в крепости размещался острог за Воскресенским собором и домом воеводы. Со временем он обветшал, да и острой нужды в нем, уже не было. Из казенных строений острога, надо полагать, долее прочих служила властям острожная тюрьма. Позднее, в 1796 году, срубили новую.

В начале XIX века «черная тюрьма» размещалась в каменном флигеле при городском магистрате.

В 1820 году за городом, близ Саратовского тракта, неподалеку от Тихвинского кладбища, выстроили тюремный замок. Строить его подрядился купец Иван Львович Скорняков.

Тюремный замок.

Слева храм во имя св. Александра Невского.

Начально предполагалось, что внутри замка будет построена и домовая церковь, но набожный Иван Львович вынес храм за пределы тюремной ограды. Его освятили во имя святого Александра Невского.

Молва донесла, что первым сидельцем в замке оказался арзамасский мещанин Василий Васильевич Скоблин, впоследствии известный московский купец. Он жил в Москве комиссионером почти всех арзамасских купцов, и неплохо вел дела. Однажды двоюродные братья доверили москвичу без денег и документов кожаный товар. Некто, купивший юфть у Скоблина, не успел отдать ему деньги, сделался несостоятельным, и братья подали на Василия Васильевича в суд. Заплатить сразу Скоблин также не мог, и пришлось ему сесть в пустующий замок...

Первый арестант — времени у него оказалось достаточно — вздыхал у толстенных стен: «В тюрьму сажают не в гусельки играть. Крепка тюрьма, да кто ей рад!»

В 1826 году в замке содержалось 27 заключенных.

Теперь уж мало кто, кроме книжечеев, и знает о их существовании в городах Российской империи.

Появились полицейские будки для охраны общественного порядка в 1793 году. 20 октября этого года арзамасцы извещают губернские власти, что «построено в здешнем городе 11 будок и следуемые при этом рогатки».

Поставлены они на центральных и трактовых улицах, где находились заставы с шлагбаумом — будочник участвовал в таможенном досмотре.

Вооружение городского стража составляла алебарда, давно-давно списанная из армейского вооружения.

Строили будки на поборы с горожан. С купцов брали один процент с платежного рубля, а с мещанской души разом по двадцать шесть копеек с половиною.

Платили будочнику кормовых от 6 до 8 рублей. В 1815 году содержание будок составило городу 3465 рублей. Будочникам вменялось в обязанность и тушить пожары, у «будок» всегда стояли большие лагуны с водой.

Где же стояли будки? На Соборной площади, на Троицкой, на улицах Софийской, Новой, Сальниковой, Затешной, Ильинской, Прогонной, Рождественской, Большеульской, Саровской и у моста через Тешу.

Время не оставило фамилий будочников, только известен Федор Михайлов, что долго нес свою охранную службу противу художественной школы академика А. В. Ступина близ Троицкой церкви.

Будки и будочники вошли в русскую художественную литературу неизменно с веселой улыбкой и незлобным смешком. Сохранилась и поговорка, связанная с авторитетом будочника: «Мне все нипочем, коли будочник знаком».

Будка у выездного моста.

Грозное оружие служивых изъяли сразу после 1856 года, после коронации Александра II вследствие, как говорилось, юмористического отзыва о средневековой алебарде со стороны кого-то из бывших при коронации иностранных представителей.

В последний раз упоминание о «бутках» в городском архиве встречено в 1895 году...

Вспомнилось: письма, всякого рода письменные извещения пересылались в старину с оказией, «с немалой трудностью и великой медлительностью через конных солдат и драгун». Речь идет о корреспонденции частных лиц.

Так продолжалось до середины 1782 года.

В августе этого года из Московского почтамта в Нижнем Новгороде получили указ и инструкцию об учреждении почтовой конторы. Тогда же назначили и почтмейстера.

На следующий год падают заботы о почтовом тракте. Правящий должность генерал-губернатора Ребиндер отдал распоряжение вести этот тракт через Арзамас на Пензу. Раньше-то он шел на Пензу через Муром. Определены новые почтовые станции в селах Мокром Майдане, Румстихе, Богоявлении и Вязовке. Тогда же предписывалось губернскому и уездным землемерам «снять и доставить к 10 сентября планы на дороги, которыми будет следовать почта».

Правила пересылок почтовых отправок, дни и часы отправки корреспонденций в уезды Нижегородской губернии определили в 1784 году.

Арзамасская почтовая контора открыта в 1783 году.

Первым почтмейстером здесь служил подпоручик Савин. Оставался он в этой должности недолго. В июне 1786 года стало известно, что подпоручик превышал власть — давал увольнительные свидетельства ямщикам, за что брал взятки.

В 1788 году в Арзамасе имелось для почтовой гоньбы по уезду восемь лошадей, а также в деревне Нечаевке арзамасской округи четыре лошади пензенского наместничества.

1789–1792 годы Арзамасской почтовой конторой ведал секунд-майор Бриль. Помещения своего почта все еще не имела. Бриль просил городские власти определить благопристойный дом для его конторы и указывал, что подошел бы дом секунд-майора Дмитрия Николаевича Ханькова, который уезжает из города.

Следующими служителями почты оказались Александр Алексеевич Тихомиров и титулярный советник Василий Васильевич Васильев. А почтальоном по городу стал Василий Пономарев.

В народе долго жила правдивая поговорка, появившаяся, кажется, в трудный для России 1812 год. Тогда, как вспоминали после старожилы, многие купцы Арзамаса выписывали газеты, пугающие сводки о продвижении наполеоновских полчищ вглубь России, оставление, а затем сожжение Москвы и рождали вот эти слова: беды да печали на почтовых примчали...

Почту в старину выделяли перед другими конными. Только почтовые тройки могли мчаться по городу с отвязанными колокольчиками, оповещая жителей о прибытии «вестей из всех волостей».

В 1813 году почтовая станция размещалась в доме купца Белянинова, затем в городском доме водоватовского помещика Чемоданова и далее в домах В. С. Софонова и мещанина А. И. Иконникова.

*Арзамасская почтовая контора
в бывшем доме купца И. И. Белянинова.*

Долго служил в Арзамасе почтмейстером подполковник Залесский. В 1823 году он получил очередной высокий чин надворного советника. Проходит Залесский по почтовому ведомству и в 1831 году. Почтальоном по городу — Павел Тимофеев.

1854 год. Почтмейстером в городе надворный советник Иван Иванович Дрейер. Помощником у него титулярный советник Аркадий. Андреевич Любовников. Сортирующим корреспонденцию Александр Николаевич Чижов, который затем в 1860 году служил уже помощником почтмейстера в чине коллежского секретаря.

Во второй половине XIX века почтовая связь все более совершенствуется. В 1874 году от Нижнего Новгорода до Арзамаса почтовые тройки летали уже четыре раза в неделю.

В 1895 году начальником почтовой конторы, а она размещалась в том же двухэтажном каменном доме Беляниновых, что на стыке Ильинской и Рождественской улиц, Федор Павлович Благодатский, который оставался в той же должности и в 1903 году.

Как и теперь, двести лет назад, почтовое ведомство России предлагало населению выписывать разные периодические русские и иностранные издания.

Подписчиками были, конечно, дворяне города и уезда, реже купцы.

Нижегородский губернский почтамт объявлял на 1784 год следующие «газеты, ведомости и журналы по данному реестру»:

«1. Московские ведомости, за год — 12 р.

Один Экономический Магазин — 7 р.

За ведомости ж вместе с объявлениями и Магазином — 17 р.

Ведомости ж без объявлений — 8р.

А с Магазином — 13 р.

Санкт-Петербургский с прибавлениями и объявлениями, на белой бумаге — 15 р.

на ординар, бумаге — 12 р.

На немецком языке:

С.-Петербургские Ведомости, без прибавлений — 7 р. Алтоновские, Гамбургские, Эрлангские, Берлинские — 16 р. Кенигсбергские — 14 р.

На французском:

Утрехские, Лейденские, Келенские, Курье-Дебарские, Журнал Дяовин — 22 р. Журнал Энциклопедия — 24 р».

«О сем в г. Арзамасе опубликовано».

В кругу старых связистов долго жила вот такая быль:

— Семен Дормидонтович Юрлов двадцать пять лет исправно служил в городе почтальоном, вплоть до революции. А тогда весь Арзамас обслуживали только два почтальона: один всю нижнюю часть, а верх-то Юрлов. Работа почтальона в старые времена не из легких. Почты поступало для того времени предостаточно, особенно много шло торговой переписки с иногородними купцами, а потому разносили отправления по несколько раз в день. Выходных не полагалось иногда по праздникам работать приходилось еще больше.

Летом 1902 года, когда в Арзамасе жил в ссылке А. М. Горький Семен Дормидонтович носил почту и ему. Писатель получал много корреспонденции из разных городов России и даже из-за границы. Частенько Алексей Максимович разговаривал с Юрловым, относился к почтальону с доверием. Если Пешковы всей семьей уходили из дома Малании Подсосовой, что на улице Сальниковой, почтальону разрешалось брать в условленном месте ключ, заходить в квартиру и выкладывать конверты прямо на стол Алексея Максимовича.

Перед отъездом в сентябре из Арзамаса Горький задержал несколько у себя Юрлова, тепло поблагодарил за службу и подарил Семену Дормидонтовичу золотой пятирублевик.

Не столько деньги значили для почтальона — внимание известного писателя осчастливило простого человека. И славная память осталась на всю остатнюю жизнь.

Долго, около десяти лет, хлопотали арзамасцы о проведении в город телеграфа. Нужда в нем диктовалась самой жизнью — в торговом деле связь играет большую роль. Купцы постоянно связаны и с Нижегородской ярмаркой, и друг с другом.

Телеграммы шли через Нижний. Далее в Арзамас депеша доставлялась обычной почтой, за что адресат приплачивал 13 копеек. Но не дополнительный расход вызывал досаду: отправленная в понедельник-вторник из Ирбита телеграмма приходила в Арзамас через три-четыре дня. Что-то срочное отправлялось эстафетой — имелась и такая форма связи. В этом случае обмен телеграммами стоил до двенадцати рублей, очень дорого!

...Много появилось всяких предположений, домыслов и вообще всяких разговоров в Арзамасе о техническом новшестве. Получил распространение и такой анекдот, опубликованный в нижегородской печати:

«— Телеграф, слышь, какой-то до Казани проводить станут.

— Зачем же это проволоку-то на столбы натянули? Машина, что ли, какая будет?

— Проволока-то эта, вишь ты, бают, пустая. Ну, мастер-то, значит, на станции напишет, что ему приказано, да и всунет в проволоку-то, там уж оно, значит, и полетит куда следует. Эко диво! Нечистая сила, что ли, ту писульку толкать в проволоке станет?!»

Наконец сбылось! Телеграф в городе заработал 1 октября 1874 года. Через два года телеграфная линия протянулась через соседний Ардатов до Пензы.

О телефоне заговорили в Арзамасе в 1910 году. Но только 5 января 1913-го город получил разрешение на его обретение.

15 декабря того же года связисты закончили монтаж коммутатора на 100 номеров и включили первую очередь абонентов. Позже добавилось еще 14 номеров. Естественно, телефонная связь соединила уездные и городские учреждения, квартиры отдельных чиновников, купцов и дворян.

Станция разместилась в одноэтажном деревянном доме рядом с почтово-телеграфной конторой на углу Ильинской и Рождественской улиц.

Владение телефонным аппаратом до революции стоило немалых денег. Только за установку его брали шестьдесят рублей, да еще пятнадцать рублей за каждую версту расстояния от центральной станции.

Новинка в доме.

На телефонной станции до революции работало двенадцать человек технического состава и телефонисток. Много лет трудились техник И. А. Ананьев, В. И. Власов, телефонистки А. М. Силаева, Е. М. Силаева.

Вот и это было своеобразной приметой прежнего Арзамаса — фонари и фонарщики города.

Фонарщики состояли при пожарной команде. Появлялись степенные дяди с октября, когда рано опускаются на землю сырые промозглые сумерки и когда долгие ночи темны и дышат стывлым предзимьем.

Весной освещение прекращалось с апреля.

Поначалу-то освещали центр Арзамаса слабыми масляными лампами. Иногда на освещение употребляли растительное масло, а чтобы у фонарщиков не появилось недоброго соблазна, в него добавляли нечто такое, что делало масло несъедобным.

...Вечер, все густеет темень, в городке устанавливается вязкая осенняя тишина. И вот идет он, фонарщик, с легкой лесенкой и с сумкой через плечо. Ставит к столбу лесенку, поднимается, открывает фонарь, чистит стекло ершом, добавляет в лампу из бидончика керосина, вначале-то он назывался фотогеном, потом газом...

Воздействие вечернего фонаря на человека тонко описал Н. В. Гоголь: «Но как только сумерки упадут на дома и улицы и будочник, накрывшись рогожею, вскарабкается на лестницу зажигать фонарь... тогда настает то таинственное время, когда лампы дают всему какой-то заманчивый, чудесный свет...»

И вот идет он, фонарщик...

В 1907 году в Арзамасе числилось 125 керосиновых фонарей и 5 керосинокалильных, последние появились где-то в 1901-1902 году, давали заметно больше света, обслуживало их три фонарщика, один-то Самыкин. Город расходовал на освещение в год 1347 рублей.

В 1912 году осветителей прибавилось — знать, росло число фонарей. Выходили на работу: Дмитрий Сторожев, Яков Калинин, Степан Гусев, Иван Сазанов. Первый являлся старшим, ему платили двадцать рублей в месяц, а остальным по пятнадцать.

...Фонарщиков в городе любили. Уже сам по себе тот плохонький свет на вечерней улице поначалу считался едва ли не чудом. Досужие обыватели даже ходили смотреть на работу фонарщиков, влюбленные назначали свидания около фонарей. Веселил огонь на улицах в поздние тоскливые вечера, бодрил проезжего и редкого ночного путника. С пещерных времен с огнем-то явно спокойнее, увереннее...

Какой же старый город без трубочистов!

И эти полезные, живописные в своей рабочей одежке люди с заветным мешком, в котором «груза» на веревке нужным подпорьем, с легкой лесенкой в руках, — весь год желанные в каждом доме.

Вот уж кому не по фамильному роду, не по чину встречные на улице осмотрительно уступали дорогу... Не оттого ли и важничали мужички. А еще может и потому, что профессия трубочиста требует ловкости, опасна — не всяк-то привыкает к высоте и такой приставучей саже. Знали цену трубочистам хозяйюшки, которым мужики давали советы какими дровами топить печи, как избежать угару, что делать ежели «загорит сажа», как понимать, если «ни с того ни с сего, вдруг зашумит, застучит в трубе».

В 1912 году обязанности трубочистов в городе исполняли: А. Иконников, С. Кондратьев, А. Егоров, Г. Коноплев, В. Шадеев, А. Сапожников. Г. Янчуров и М. Свешников. Только старшему В. Шадееву городская управа платила жалованья восемнадцать рублей в месяц, остальные довольствовались пятнадцатью.

...Иногда, сойдясь в трактире за стаканчиком дешевого вина — надо же «промочить глотку», в неизменном разговоре о своей в общем-то незадачливой судьбе, утешали себя трубочисты известной им поговоркой:

— Иным печи топить, а иным и трубы чистить!

Так называли в народе идущее в мир электричество...

Серьезно заговорили в Арзамасе об устройстве электростанции в 1913 году. Составился проект договора с частным товариществом Ефимова и Чивенкова на установку электролиний. Товарищество запросило по сорок копеек за каждый киловатт и 10 тысяч за проводку.

Члены Думы сочли, что условия Ефимова и Чивенкова обойдутся городу слишком дорого и решили тремя локомотивами дать электросвет пяти тысячам электролампочек.

К сожалению, мировая война не позволила осуществить добрый замысел. Но, тем не менее, электричество появилось в Арзамасе. Электростанция задыхалась в 1916 году на войлочной фабрике Жевакина за Тешей. Там установили генератор мощностью в сто лошадиных сил, которой приводился в движение локомотивом.

...Один за другим стали появляться «движки» в городе. Еще до революции их владельцами стали хозяева синематографов, станция Арзамас I. ремесленное училище.

Первые лечебные пункты в Арзамасе долгое время находились в монастырях.

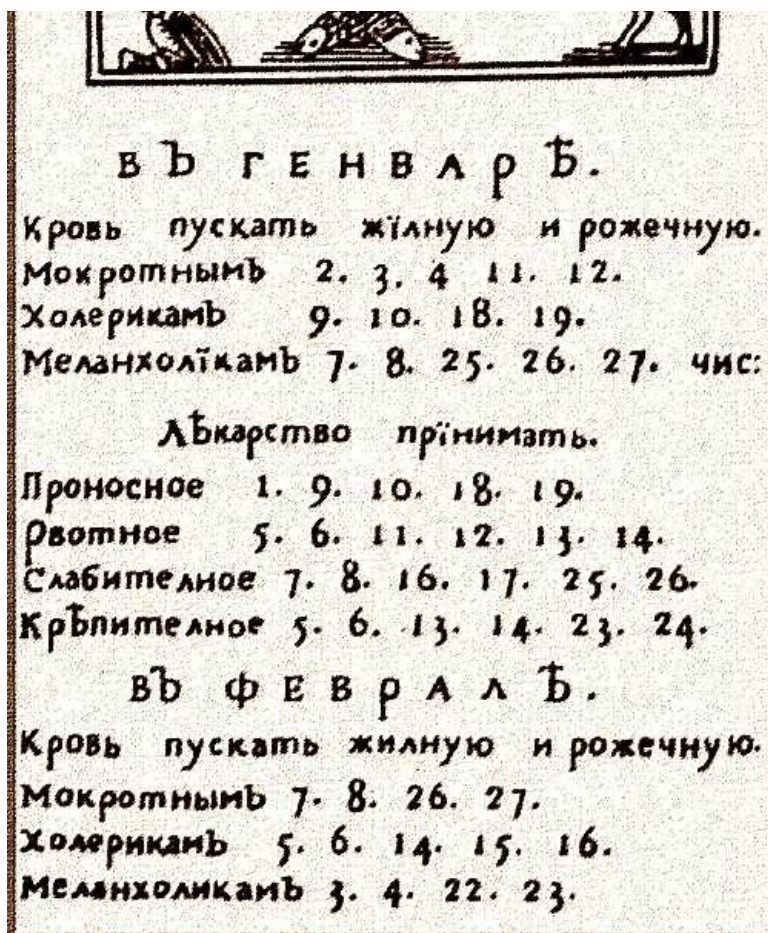
Монахи издревле освоили основы народной лечьбы, усовершенствовали ее, первыми стали переписывать переводные европейские лечьбники, дополнили их русскими текстами, постоянно перерабатывали — раскрывали терминологию, приближали «Прохладные Вертограды» и «Травники» к практике отечественной народной медицины. Нередко использовались и так называемые «Зелейники» — книги, включавшие в себя способы лечения не только данными растительного мира, но и разными снадобьями и заговорами. Эти «Зелейники» запрещались церковью, их хранители могли прослыть колдунами или ведьмами и понести суровое наказание.

Первую «каменную больничную церковь Успения и над ней колокольню» возвели в 1717 году стараниями стольника Афанасия Михайловича Тоузакова в Спасском мужском монастыре, а затем больничные кельи появились в Николаевском женском монастыре. В 1852 году здесь существовала уже больница на пять кроватей. С начала XIX века больничные кельи выстроены и в Алексеевской женской общине. Пять лет с 1826 года настоятелем Арзамаской Высокогорской Вознесенской пустыни состоял иеромонах Антоний, врач по профессии. Он лечил монахов и всех приходящих в обитель.

Один из первых врачей в городе — 1754 год — Христофор Шульц, о котором известно только то, что он за шестнадцать лет пребывания в России так и не смог научиться говорить на языке приютившей его страны. Трудно представить, как этот чужестранец объяснялся с больными...

В 1768 году Арзамас посетил врач академик Иван Лепехин. Он с горечью писал: «Хотя Арзамас снабжен ученым врачом, однако люди в болезнях своих более полагают на незаконно ко врачеванию рожденных, как то: на старух. ворожей и прочая...»

*Страница из народного
лечебника XVIII в.*

После Шульца в городе практиковал лекарь Коринкий. В 1783 году к нему направлен помощником некий Смирнов, копиист Макарьевской нижней расправы.

Архивы сохранили имя следующего врача — Ремера. Этот штаб-лекарь врачевал в 1790 году.

Литератор граф Хвостов, побывавший в городе в начале двадцатых годов прошлого века, отметил, что в Арзамасе «выстроен деревянный лазарет в 1808 году».

Большой приток врачей в город состоялся в первую Отечественную войну. После Бородинского сражения в Арзамасе открыт госпиталь для раненых. Лазарет сохранялся еще и в 1815 году в ведении «Квартирной комиссии».

Городскими врачами в 1814–1819 годах были: Петр Яковлевич Либход, Моисей Самойлович Брагер и штаб-лекарь Кандауров.

Точная дата открытия первой городской больницы неизвестна, но установлено, что она располагалась в доме И. И. Цыбышева и существовала в 1826 году. В ней стояло пятнадцать коек. Инспектирующий в этом году Нижегородскую губернию флигель-адъютант Мансуров сообщал о ней: «...городовая больница учреждена для пятнадцати человек. Она принимает людей всякого состояния и получает на больного по пятьдесят копеек в сутки. Городовой штаб-лекарь нередко делает неправильные затруднения в приеме больных, слабо надзирает над ними в остроге и противится замечаниям, которые делает ему по сему предмету местное начальство. Сверх того, он требует неумеренную плату с помещиков за

пользование крестьян в больнице. Больных было пять или шесть человек. Они порядочно содержаны. Пища хороша».

Долгое время в первой половине XIX века лечили арзамасцев русские врачи Венский, Остроумов, Иван Алексеевич Костомаров, Владимир Петрович Степанов, Порфирий Михайлович Скуба, а затем Николай Гаврилович Рачинский, Николай Гаврилович Соловьев, подлекари горбольницы Рафаил Петрович Любимов и Иван Афанасьевич Платонов.

В 1862 году арзамасская больница насчитывала уже двадцать четыре кровати для больных.

Городская земская больница открыта в память 25-летия царствования Александра II в 1880 году. Капитал на открытие ее составил из пожертвований купцов И. А. Бебешина, П. И. Серебренникова и других.

В восьмидесятых годах минувшего столетий в городе врачуют Н. М. Фешин, Н. Д. Грацианов, В. Д. Покровский и С. И. Потехин. В Арзамасе два врачебных участка.

В 1900 году открыта вторая городская больница на тридцать коек. В ней практикуют Н. П. Федоров, А. И. Мокрушин, Д. Н. Дорошевский, Г. Д. Бордей, Н. И. Калиновский, А. Н. Доброхотова.

Медленно развивалось в городе аптечное дело.

Долго аптеки являлись частными. Первое известие об аптеке Федора Ивановича Франзинета относится к 1809 году. Заведение размещалось в доме соборного священника Егора Федорова.

До 1832 года лекарствами снабжал горожан Петр Клаудиус.

В 1862 году в Арзамасе две частных аптеки, одна из них К. О. Румеля, вторая Б. А. Мемборского, что находилась на углу Соборной площади и Сальниковой улицы.

Частные аптеки... Кто-кто, а бедняки-то частенько затруднялись при покупке лечебных пособий. И вот члены Городской управы И. А. Бебешин, П. И. Серебренников, И. А. Вавин, И. И. Потехин, И. С. Белов в 1871 году добровольно отказались два года не получать жалованья с тем, чтобы из него составить капитал на открытие городской бесплатной аптеки для бедных. Сбылись надежды малоимущих горожан — открылась бесплатная аптека! Ее купили у врача Лебедева.

В 1897 году открыта земская аптека. Провизором в ней служил Аркадий Филиппович Иванов.

В начале XX века, кроме ведомственных, обслуживали горожан частные аптеки В. А. Прибыткина и А. А. Москвина.

После отмены крепостного права народное здравоохранение получает свое развитие и в сельской местности. Не сразу, но отменена плата за амбулаторное лечение, а затем и за лечение в больницах.

В 1901 году в Арзамасском уезде три врачебных пункта, в селах Измайлово, Костянке и Чернухе. В каждой больнице по двадцать кроватей.

В городе больничных кроватей насчитывалось уже 96.

Врачи города и уезда сделали в этом году 7292 оспенных прививки.

Медицинский персонал уезда много занимался и профилактической работой, врачи постоянно проводили популярные в то время чтения на медицинские темы, распространяли в народе доступную литературу о сохранении здоровья.

Народная медицина веками, и не без пользы, бытовала в народе, всегда она, пусть и с переменным успехом, отстаивает свои права на практику. И долгие столетия православные люди врачевали свои недуги именем Бога, обращались и обращаются с горячей молитвой к угодникам Божиим за укреплением своего здоровья.

Среди целого сонма православных святых и имя митрополита Димитрия Ростовского, жившего в 1651–1709 годах. Он похоронен в Ростовском Яковлевском монастыре, причислен к лику святых 22 апреля 1757 года. Еще в земной жизни Димитрий прославился среди россиян беспримерным участием к людским нуждам, сила его святости творила чудеса. После смерти святителя со всей России потянулись недужные и страждущие к нетленным мощам святого и на множество людей всех сословий благодатно пали чудотворения Димитрия Ростовского.

Известны восемь свидетельств арзамасцев об исцелении их болезней по молитве святого. Свидетельства эти, среди прочих, зафиксированы в 1753–1764 годах в специальной книге, которая названа «Чудеса иже святых отца нашего Димитрия митрополита Ростовского новоявленного чудотворца».

Вот три из этих свидетельств.

Чудо счетом 120.

Пять месяцев находилась «не в уме» — кричала, билась и ломалась едва не по все дни жена посадского Федора Васильева сына Шесвурина из прихода церкви Рождества Христова — Марья.

По усердному обещанию мужа привезена была Марья к мощам угодника Божия великого чудотворца Димитрия и при гробе его отслужили молебен с водосвятием.

При собрании народа в храме Марью било и ломало, и она кричала. 1 марта болезнь стала ее оставлять, а 4 марта болящая объявила, что «молитвами угодника Божия великого святителя Димитрия совершенно получила исцеление... и поехала в дом свой здрава».

Чудо под номером 125.

Об исцелении арзамасца Дмитрия Алексеевича Цыбышева.

Свидетельство о чуде объявил купец 18 июня 1759 года. К тому подписное свидетельство дал и арзамасский купец Иван Петров сын Малафеев.

Цыбышев лет двадцать, едва ли не с малства, страдал от «болезни зовомой грыжа». Долгие годы как-то перемогался. Но вот в 1757 году «оная животная болезнь кинулась у него в левый пах...» Сколько раз ни обращался к разным местным лекарям и средствам купец — пользовало мало, а то и совсем не помогало.

Еще в 1755 году Цыбышев известился о новом чудотворце святителе Димитрии митрополите Ростовском. В молитвах арзамасец просил угодника Божия помочь избавиться от недуга, дал обет поехать в Ростов. Но сразу отбыть из родного города было нельзя, и только 29 мая 1757 года после сильных приступов болезни, в отчаянии принес он покаяние в грехах своих перед священником, а на следующий день Дмитрий Алексеевич готовился приобщиться к Святым Тайнам, так как «был уже на конце живота своего». Купец вновь обращается к святителю, и пришло оно, облегчение.

В первых числах августа Цыбышев отправился в Ростов, заехал в Москву за товарами и другими нуждами, там задержался и вернулся в Арзамас. Тут он опять заболел «трясовичной лихорадкою и был одержим ею недель с двадцать, признавая то свое прегрешенье, что обета не исполнил».

25 мая 1758 года съехал он со двора родного, домчал до Суздаля, а потом с

сопутниками свернул в Москву. Тут и начались беды: купцов Избили некие лихие люди, случился урон товару. Но ко всему вернулась и мучила прежняя болезнь, стала она его «грысти и резать».

И опять купец обещался поехать к ростовскому чудотворцу. И вновь святой освободил Цыбышева от тяжкого недуга. В последних числах октября приехал Дмитрий Алексеевич в Арзамас. 8 марта было ему видение: «...якобы он был в монастыре в церкви каменной и там на аналое стоял образ святителя Димитрия и к нему же множество народа прикладывалось. Подошел ближе и Цыбышев к тому образу. Только хотел приложиться, но образ вдруг кверху поднят был, а потом его аки бы некоей бурей восхитило мало кверху сажени на две... и так образ стал ему невидим. Отчего вдруг он в страхе проснулся и почувствовал себя в совершенном здравии, почему для исполнения обета своего и угоднику Божию великому святителю и чудотворцу Димитрию вышепомянутого 1759 года июня 18 дня в Яковлевский монастырь здоров приехал и о всем случившемся... оставил записку».

И последнее в рукописной книге чудо под номером 207, связанное с арзамасцем.

21 января 1762 года Арзамасского уезда Высокогорской Вознесенской пустыни иеромонах Мелхисдек собственноручной запиской объявил, что был он в прошедшем 1760 году «болен горячкою». Шесть недель отлежал монах «и сна ему не было... близ смерти находился и маслом был освящен».

Часто просил Мелхисдек святого Димитрия Ростовского о ниспослании ему помощи, и как соборовали его маслом, то он «немного уснул и во сне видел себя в Ростове в Яковлевском монастыре в церкви. На заутреннем пении, когда по кафизме пришло время читать канон, то он, Мелхисдек, якобы подошел к игумену, который оказался стоящим на правом крылосе, вначале испросил у него благословения прочесть канон, игумен ему позволил. И он стал читать канон посреди церкви. По прочтении шестой песни от гроба святого Димитрия бысть глас дважды: пошлите ко мне сего странного монаха, почему ему игумен и велел подойти ко гробу. И когда он, Мелхисдек, подошел ко гробу и пал на коленях с плачем, то видел, что святой Димитрий аки бы благословил его рукою из гроба и, благословляя, говорил ему: ежели ты из своего монастыря в моем ныне живешь — изыдешь, то спасения не получишь, а он, Мелхисдек, ободрясь почувствовал полегчение. А после того в скором времени и совершенно оздоровел. Для чего в 1762 году генваря 21 дня и приехал в Ростов в Яковлевский монастырь, благодарил Бога и его угодника святителя Димитрия и о случившемся заручную записку своею рукою дал».

По вере, по силе веры давались арзамасцам, как и другим православным, благодатные исцеления. И это для нас, нынешних, назидательным уроком...

Культура невежество борет.

Русский историк М. Н. Погодин, изучая становление отечественной культуры, справедливо писал: «Всякая новая епархия делалась новым учебным округом, новый монастырь гимназией, и новая церковь народным училищем».

Именно эти просветительские обязанности долгое время выполнял в городе Спасский мужской монастырь, основанный еще при Иване Грозном в 1556 году. Монастырь, наряду с миссионерскими задачами на мордовской земле — утверждением православия, распространял и грамотность в народе. Внесли свой добрый вклад в обучение грамоте также Николаевская и Алексеевская женские обители, мужской Введенский.

Азы грамотности.

И долго — до первых школ, да и много позже юные арзамасцы получали основы грамоты от «мастеров» и «мастериц». Чтению, письму и четырем действиям арифметики частным порядком учили священнослужители, монахи и монахини. Читать учили по духовным книгам. Так, академик художник Ступин вспоминал, что в начале восьмидесятых годов XVIII века за усвоение одной страницы Часослова «мастерица» брала с его матери 3 копейки. Обучение письму, началам арифметики стоило, конечно, дороже.

Первая школа в Арзамасе связана с именем Петра I. Царь повелел открыть разом пятьдесят училищ. Указ о них обошел Арзамас, но школа здесь все же открылась. В городе проживал богатый торговец Купчинов, лично известный царю. Знать, не только по тщеславию одному, но и в заботе о своих согражданах, купец послал своего сына Василия в Муромское училище, после окончания которого юноша, согласно именному указу Петра I от 3 июня 1719 года, начал занятия с детьми разных сословий. Сколько просуществовала эта школа неизвестно.

В 1720 году по распоряжению нижегородского епископа Питирима в Арзамасе при Спасском монастыре открывается школа для детей духовенства. В 1837 году она преобразована в Духовное училище, которое закрыто уже при Советской власти.

Говоря о первых школах Арзамаса, нельзя не упомянуть о кратком существовании в городе математической школы, в которой преподавал комендант Василий Мерлин в 1700 году. Надо полагать, это был один из выучеников Петровской « навигацкой» или «цифирной» школы. Появление математической школы говорит о том, что в Арзамасе уже имелась определенная прослойка грамотной молодежи.

Четвертая городская школа — частная, связана с именем воеводы князя Дябринского. Он сам с 1726 года по 1732 год учил арзамасских ребяток. Видимо, учил неплохо, и потому горожане с разрешения царицы Анны Иоанновны наградили из городской казны уезжающего воеводу пятьюдесятью рублями.

Только при Екатерине II в России начинает окончательно складываться система народного образования.

В 70-х годах XVIII века правительство начинает учреждать общеобразовательные школы. Императрица при этом полагала, что вместе с открытием школ

«разнообразные в России обычаи приведутся в согласие, исправятся нравы, улучшится лиц состояние».

Первое малое городское училище открыли в Арзамасе в 1787 году.

В 1808 году 15 марта вследствие учебной реформы оно преобразовано в уездное.

Кажется, одним из первых учителей народного училища в Арзамасе был присланный из нижегородской гарнизонной школы Михаил Герасимов. Как вспоминал тот же А. В. Ступин, Герасимов разрешил мальчику, а его уже отдали на выучку к иконописцу, посещать училище: «Я отдан учиться живописи, но по страсти своей к наукам, ходил в свободное время слушать учебное преподавание».

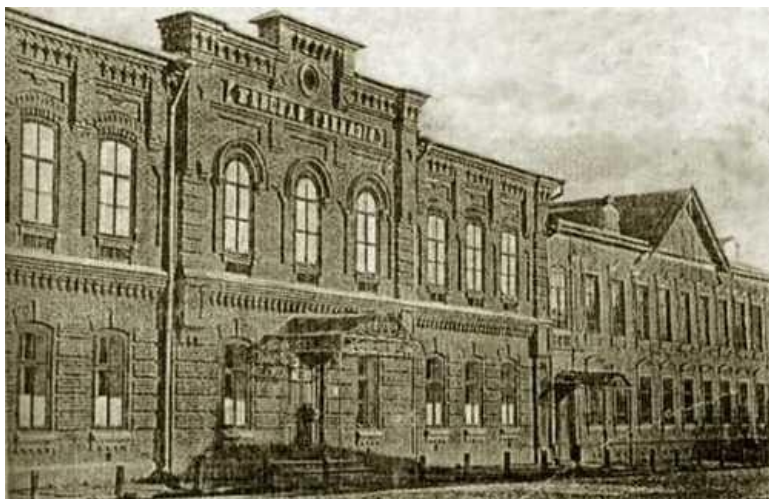

Уездное училище. 1809 г.

История церковно-приходских училищ начинается в Арзамасе с XIX века. В 1809 году стали обучать детей в училище при Крестовоздвиженской церкви, а в следующем году при Софийской. После оба училища долго квартировали в здании Магистрата на Соборной площади. В 1822 году пошли учиться дети в приходское училище при Спасском мужском монастыре. В 1861 году начинает работу первое женское приходское училище, ставшее в 1872 году прогимназией, а в 1902 году гимназией. Три училища добавились к семье имеющих в 1870 году: Рождественское. Кирилло-Мефодиевское мужские и одно Рождественское женское. Тут же объявилось и Ильинское мужские училище. В 1910 году начали обучать ребят еще два училища: Троицкое мужское и женское.

В семидесятых годах прошлого века Арзамас в деле развития школьного дела шел впереди других городов Нижегородской губернии. Это с учетом двух городских училищ ведомства народного просвещения. «Отчет о деятельности Общества по распространению грамотности в Нижегородской губернии за 1873–1874 годы» отмечал: «Теперь относительное число начальных городских школ в Арзамасе значительно превышает число школ в Нижнем, население которого в 4,5 раза более Арзамаса, а число школ только в 2,5 раза. Нижний сравнивается с Арзамасом по открытию еще 8 новых школ».

С 1897 года Арзамас становится центром приготовления учителей для сельских церковно-приходских школ и школ грамоты. Учительские кадры стала готовить женская церковно-приходская второклассная школа, открытая в доме Ермоловых близ Алексеевского женского монастыря. В 1903 году педагогические курсы открыла Арзамасская женская гимназия.

Женская гимназия.

В 1903 году в Арзамасе приняла первых учащихся школа ремесленных учеников. После долгих хлопот в 1904 году в городе открыто Реальное училище, а в 1908 — Учительская семинария.

Существовали в разные годы в Арзамасе и частные школы.

В 1802 году выпускник академии художеств, арзамасец родом, Александр Васильевич Ступин приступил к обучению способных мальчиков в своей школе рисования и живописи. Первая провинциальная в России школа, а она просуществовала почти до 1862 года, выпустила более 150 художников, воспитала немало интересных, самобытных мастеров, чьи имена прочно вошли в историю русского изобразительного искусства. Полотна Николая Алексеева, Ивана Горбунова, Кузьмы Макарова, Василия Раева, Евграфа Крендовского, Николая Рачкова, Рафаила Ступина и других сейчас украшают лучшие музеи страны. А. В. Ступин вошел в историю академии художеств как «заводитель дела необыкновенного». Действительно, в условиях крепостнической России Арзамасская школа являлась первой в провинции, которая готовила художественную интеллигенцию из народных низов, даже из детей крепостных крестьян.

Реальное училище. 1909 г.

К числу других частных учебных заведений Арзамаса первой половины XIX века надо отнести архитектурную школу Михаила Петровича Коринфского, открытую в 1814 году, в ней обучалось 15 человек. Автор проекта Арзамасского Воскресенского собора Коринфский подготовил кадры мастеров для строительства величественного храма.

1814–1843 годы — время существования в Арзамасе пансиона благородных девиц. Эвакуированный из Москвы во время наполеоновского нашествия на Россию, пансион вполне обжился в провинции и принес несомненную пользу.

В 1811 году в городе открыл частный воспитательный дом для малолетних детей купец Иван Алексеевич Попов. Владелец большого кожевенного завода, известный благотворитель, обрел глубокое уважение у горожан.

Сельские земские школы начали появляться в уезде после отмены крепостного права. Но первое-то училище в селе Постниково «завел своим иждивением» помещик Бетлинг в 1815 году. Просуществовало оно два года.

В 1867 году в уезде 24 земские школы. В 1887 году их уже 42, а в 1897 году — 63. К началу первой мировой войны этих школ насчитывалось 165. Правда, в этом числе и церковно-приходские школы.

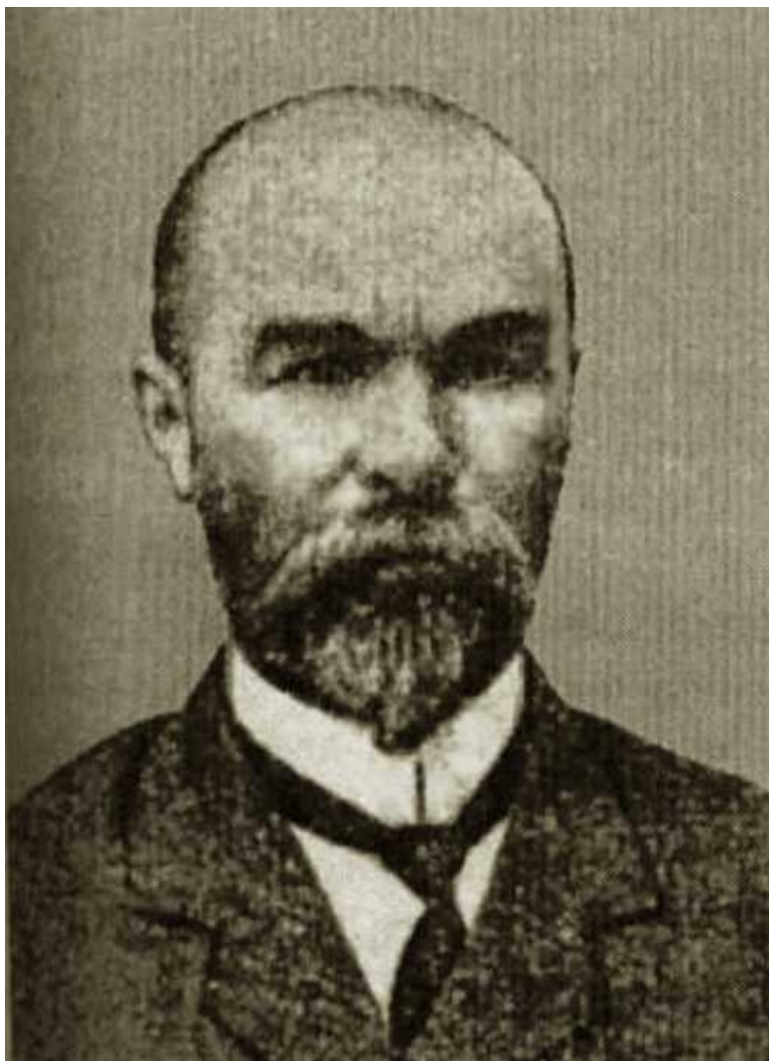
Школьных библиотек в 1897 году работало двенадцать.

Голое поле в полуверсте от Арзамаса. Двенадцать домишек, а в них ютятся мастеровой и всякий иной люд. Летом тут, на южной стороне города, на вземе Ивановских бугров жгло солнце, а зимой ветер приносил столько снега, что старенькие домишки иногда совсем засыпало снегом и по утрам в слежалой холодной голубизне надо было рыть глубокие проходы к трактовой дороге.

Тут, на Бутырках, 13 января 1853 года и родился у бывшего сторожа Арзамасского духовного правления Порфирия Вахтерова еще один ребенок — сын. Как водится, его окрестили, а нарекли Василием.

Дед Василия уже в 13 лет стал дьячком в храме. Позже, в этом же возрасте, он устроил своего сына на место сторожа, и родитель получил прозвище Вахтеров. А подлинной фамилией церковного служителя была Пестровский. Она обернулась в семье не очень-то веселой шуткой. Отец Васи частенько говаривал: «У нас в роду уж так. Мы все пестрим. Хлеб есть, квасу нет, квас есть, хлеба нет». Жили Вахтеровы бедно, отчасти, кажется, и потому, что родитель не очень-то любил утруждать себя.

Для простого человека в старое время выйти из бедности — значило получить образование. За образованием и сытой жизнью следовали «за непорочную службу» чины, обязательные ордена, личное, а то и потомственное дворянство.

*Вахтеров Василий Порфирьевич
(1853–1924)*

Восьми лет Вася поступил в Арзамасское духовное училище, пристрастился к чтению, а потом в тринадцать лет отшагал более ста верст, чтобы поступить в Нижегородскую духовную семинарию. Курса ее Василий не кончил, сдал экзамены на звание домашнего учителя. И далее — преподавание в Васильсурском начальном училище, а затем в уездном Ардатовском Нижегородской губернии.

В 70-е годы прошлого века в России широко обсуждался вопрос о предоставлении женщине равных прав с мужчиной в плане образования и общественной деятельности. В Ардатове поборник всеобщего обучения вместе с молодыми учителями организует женское начальное училище, при этом преподаватели не требуют заработной платы.

Начинание ардатовцев получило большую поддержку в учительской среде.

В 1874 году Василий Порфирьевич командировается на дополнительные курсы при Московском учительском институте, и с этих пор начинается его напряженная работа, направленная на организацию внешкольного обучения, написание работ по педагогике и методике обучения. После публикации ряда статей Вахтерова направляют инспектором народных училищ вначале в Смоленскую, а затем в Московскую губернию.

Василий Порфирьевич был страстным пропагандистом педагогических знаний. Он выступал с лекциями во многих городах России, в том числе и на Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 года в Нижнем Новгороде.

«Его полувековая общественная и литературно-педагогическая деятельность являлась действительно знаменем целой эпохи. Ведь он во многом определил систему и направление работы народных школ и всеобщего образования пореформенной России. Новаторски разработал научную теорию и практику, содержание и методику начального обучения и воспитания. Вахтеров был, если можно так сказать, „Чеховым в педагогике“. Писатель и педагог были лично знакомы. Их встреча в начале 1890 года произошла на почве культурного просветительства в самой прогрессивной книгоиздательской и книготорговой компании „Товарищество И. Д. Сытина“», — так раскрывает деятельность нашего земляка профессор Арзамасского педагогического института Г. А. Пучкова.

Вахтеров — автор 350 научных работ, учебных пособий, в том числе и учебников. Таков его вклад в отечественную педагогическую науку. Внимание учителей страны особенно привлекли работы «Нравственное воспитание», «Предметный метод обучения», «Основы новой педагогики» и др. С 1898 года Россия училась читать по «Русскому букварю» нашего земляка. И любимой настольной книгой детей стало издание «Мир в рассказах для детей», которая издавалась 59 раз. «Букварь» издавался до революции 118 раз!

Василий Порфирьевич активно участвовал в работе педагогических съездов, редактировал журналы «Просвещение» и «Учитель». В 1906 году при участии Вахтерова создана Лига образования, ставшая общенациональным центром педагогической мысли в России.

Оставил по себе добрую память Василий Порфирьевич и в родных краях. 21 декабря 1898 года в селе Новый Усад, что под Арзамасом, открылась народная библиотека имени Вахтерова.

Василий Порфирьевич не забывал свою родину. Он писал в своих воспоминаниях: «... часто вспоминаю Арзамас, Нижний и Василь, и Ардатов... выбрав несколько свободных дней, я съездил в Арзамас, побывал на Бутырках, осмотрел поля, овраги, лесочки, где проводил свое детство. Посмотрел играющих детишек... И такими они показались мне симпатичными — я давно уже не испытывал такого сильного чувства. Должно быть, все-таки здесь было пережито много хорошего».

После революции Вахтеров работал по ликвидации неграмотности в Красной Армии, читал лекции на педагогическом факультете 2-го Московского университета.

В. Л. Вахтеров.

РУССКИЙ БУКВАРЬ

ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ

ПИСЬМУ И ЧТЕНИЮ

ПО НОВОЙ ОРФОГРАФИИ.

Цена 8 коп.

125 в издании Т-ва И. Д. Сытина

Не стало Василия Порфирьевича 3 апреля 1924 года.

... В нашем городе одна из улиц, что возникла на месте прежних Бутырок, по праву названа улицей Вахтерова. Как бы хорошо назвать ближнюю среднюю школу II-ого микрорайона именем великого русского педагога.

Вместе с первыми арзамасцами в городе появилась и церковнославянская книга. Начально это служебные издания, они хранились в стенах приходских церквей и монастырей. Со временем здесь накапливаются книги нравственного, исторического, географического содержания, разного рода лечебники, работы законодательного характера.

Богатейшая библиотека скопилась в Спасском мужском монастыре. Около двухсот книг собралось в Воскресенском соборе, а в Высокогорском монастыре к 1862 году библиотека насчитывала более четырехсот томов. В 1885 году в городе открылась Благочинническая библиотека с хорошим подбором религиозно-нравственного и

исторического содержания. С каждым годом увеличивала свой книжный фонд и число читателей библиотека Духовного училища, созданная по инициативе Нижегородского епископа Иеремии в 1869 году. Она была общедоступной и содержала в себе книги самого различного содержания. Бесплатная библиотека для арзамасцев при Кирилло-Мефодиевском приходском училище начала выдавать книги в 1897 году, ее образование связано с коронацией царя Николая II.

Еще в 1862 году заявила о себе публичная библиотека при Крестовоздвиженской церкви. Фонд ее сперва комплектовался из книг нравственного содержания, но вскоре стал пополняться самыми различными изданиями, а также и периодикой. Библиотека эта приобщила многих горожан к систематическому чтению, вызвала у них интерес к явлениям общественной жизни, к основам науки и техники. Не случайно о библиотеке этой очень тепло отзывался известнейший русский педагог, автор знаменитого «Букваря», арзамасец Василий Порфирьевич Вахтеров:

«Один из моих товарищей, Звездин, сказал, что при церкви есть библиотека, куда можно записаться, чтобы за небольшую плату получать книги. Сначала я брал только духовные книги. Но однажды барышня, заведующая библиотекой, дала мне Гоголя... Большое впечатление произвел Никитин. Очень заинтересовали меня две-три книги научно-популярного характера и особенно по физиологии человека. Эта церковная библиотека составляет самое светлое, дорогое воспоминание всей моей арзамасской жизни».

Светская книга стала регулярно попадать в Арзамас с середины XVIII века. Она присылалась сюда из типографии Московского университета.

Хорошая библиотека с большим числом дарственных книг составила в Уездном училище, впоследствии городском.

Если говорить далее о библиотеках учебных заведений города, то следует отметить, что самая большая из них была в художественной школе академика А. В. Ступина. Пять тысяч томов насчитывала она. Здесь в полной мере книга служила для самообразования разночинной молодежи и крепостным талантам.

Центральная педагогическая библиотека в городе появилась в 1902 году. Она стала прекрасным помощником для учителей уезда.

С 1904 года начала комплектоваться библиотека Реального училища с хорошим подбором книг по науке и технике.

Теперь об общедоступных частных библиотеках.

В 1845 году с 1 ноября в Арзамасе стала функционировать библиотека Сахарова, известного организатора Нижегородской библиотеки. Вот что сообщала газета «Нижегородские губернские ведомости» об этом: «Вопреки несправедливым толкам и ожиданиям библиотека арзамасская составила из всех чем-либо замечательных произведений наук и беллетристики, вышедших в России за последние двадцать лет».

И в самом деле, в проспекте периодических изданий на 1846 год, которые организатор пообещал доставлять арзамасцам, назывались такие известные в России: «Отечественные записки», «Учено-литературный журнал» А. Краевского, «Библиотека для чтения», «Литературная газета» Полевого и другие. В корреспонденции отмечалось, что хотя библиотека и платная, многие горожане немедленно стали ее подписчиками.

Другая частная библиотека появилась в Арзамасе в 1894 году неким Суздальцевым. Сколько просуществовали эти две библиотеки неизвестно

1904 год. При участии инспектора народных училищ Арзамасского уезда А. М. Храброва в городе приступила пропагандировать книгу библиотека имени Н. А. Некрасова. Известную помощь этой библиотеке долгое время оказывал А. М. Горький.

Нельзя не сказать о библиотеках учреждений Арзамаса. Общедоступными являлись библиотеки Уездной земской управы и Общества трезвости.

Периодическими изданиями выделялась библиотека Общественного собрания в доме Амосова, позднее клуб «Красная звездочка».

К 1917 году в Арзамасе открывали двери читателям девять библиотек.

В городе проживало несколько дворянских семейств, некоторые из них скопили уникальные собрания из русских и иностранных изданий. Не чуждалось книг и арзамасское купечество, рядовые мещане.

В первой половине XIX века московский купец Бебин постоянно поставлял городу книги для продажи в лавках города. Он же комплектовал некоторые частные библиотеки.

Широкая продажа книг в Арзамасе началась с начала XX века. Их постоянно выставляли в нескольких лавках и магазинах со смешанным товаром. Едва ли не первыми торговцами столичных изданий помнились купцы Скоблины, как сказывали, большие книгочеи. Всегда находилось что-то интересное из книг в лавках Марии Ивановны Токаревой. Александра Михайловича Евстигнеева, в магазинах Льва Александровича Венского и особенно купца Рукавишника.

В 1905 году в городе зазывал любителей чтения уже специализированный магазин «Книжное дело», в котором работал И. С. Кобызов.

Тридцатое счетом Уездное земское собрание решило в 1896 году начать открытие сельских библиотек. В следующем году первые библиотеки заявили о себе в селах Костянке, Мотовилове, Панове, Абрамове. Плата за чтение книг здесь не взималась.

В селе Новый Усад приохотила грамотных к чтению библиотека, открытая при содействии уже известного педагога России арзамасца Василия Порфирьевича Вахтерова.

Вторая половина XVIII века — время «просвещенного абсолютизма» Екатерины II.

Наряду с прочим высоко поднята культура дворянских усадеб. Расцветает в них садово-парковое искусство. Богатые помещики заводят у себя театры, где играют и танцуют крепостные таланты, содержат оркестры, посылают своих дворовых учиться архитектуре, живописи, различным ремеслам...

Все чаще рабочие кабинеты бар наполняются как отечественными, так и иностранными книгами, молодежь зачитывается сентиментальными романами с романтическим героем, пожилых привлекают деяния героев древней и новой истории, философские трактаты о природе мира и человека, работы по ведению хозяйства, справочные издания.

Вот опись книг библиотеки капитана Михаила Волкова — землевладельца Арзамасского уезда из села Дубского (Дубенского?).

Состав книг Волкова дает определенное представление о духовных и культурных запросах не только его, но и других помещиков того времени, живших в Арзамасе. Барин имел привлекательный дом. В нем 7 комнат, стены парадных из них расписаны красками — обычно это аллегорические сцены, роскошный натюрморт, изысканные парковые пейзажи с романтическими руинами... В доме висело 56 картин, писанных масляными красками, что говорит о приязни хозяина к изобразительному искусству. На усадьбе имелась оранжерея. Крестьян у Волкова числилось 174 мужских душ, из них дворовых 17, один дворовый числился в бегах...

Итак, станем открывать книжные застекленные шкафы, начнем читать заглавия и толстых фолиантов в кожаных тисненых переплетах, и изящные небольшого формата книги, изданные в России и европейских столицах.

«Книг печатных:

Римской истории — 16 томов. Древней истории — 10 томов. Россияда. История о покорении Мексики — 2 тома. Описание земли Камчатки. Беседующий гражданин — 3 тома. Зароастр, Конфуций, Магомет в 4 томах. История разорения Иерусалима. Алексис в 4-х томах. „Утренний свет“. Турецкий шпион при дворе. Книга Сибилла о переменах земли. Христианин, воин Христов. Приключение маркиза в 6 томах. Квинта Курция. Амелия (повесть). Жильблазово похождение — 4 тома. Маримонда. Ежемесячное сочинение, июль 1756 г. Тож, на месяц генварь. О принце Солии и о принцессе Фелее. Безбожник (комедия). Путешествие Гуливера — 3 тома. Утренний свет, 1779 года. Спутник и собеседник. Немецкая грамматика. Похождение Карла Орлианского и Анибеллы. Размышление о греческой истории. История императора Петра Великого. Велитария. Антония (анекдот). Оды духовныя. Смесь, 1769 года. Густав Ваза. Нравоучительные басни. Житие Епиктетово. Любовь сильнее дружбы. Разговор животных. Заида. Несчастливая Флорентина. Вадины сказки. Новая французская азбука. История о Епаминонде. „Утренний свет“, 1778 и 1779 годов — 2 тома. Олимпияда (трагедия). Учреждение о управлении губерний. Устав благочиния. Камеди из Аира господина Милиера.

Рукописных:

Житие государя Петра Великого. Принцесса Вавилонская. Добродетельная сицилианка. История королевы Илдегерты. История о кавалере фон 5. Похождение Телемаково. Ево ж похождение — 2 тома. Праведушная. Повесть истинная. Аракул, разные комеди. Камедиа Езда к целительному колодезю. Нелюдим (комедия). Новоприезжая (комедия). Разговор двух кавалеров Хрипадоса и Армитида. Сатиры, оды и комеди. Трагедия Меропы. Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ. Прибытие короля швецкаго 12-го в царство мертвых. О мудрости и экономии молодого человека. Под заглавием — Остроль Зунте. Драма Сердечный магнит. Помир Иселим (трагедия). Итого — 106 томов».

Арзамас — город давно театральный.

Театральное искусство обживалось начально окрест города. В обширном до 1779 года Арзамасском уезде возникают труппы крепостных актеров и музыкантов в богатых дворянских поместьях Салтыковых, Шаховских и Баженовых. Так, в подгородной Выездной слободе, в роще Утешной, Салтыковы выстроили настоящий летний театр. Писатель П. И. Мельников (Андрей Печерский) в конце тридцатых годов прошлого века видел в рукотворном парке «остатки огромного театра». Документы сохранили нам имя одного, надо полагать, из лучших актеров этого театра — Василия Воеводина, который был продан Салтыковым Дирекции Императорских театров.

Другим актерам подгородного театра повезло менее. Известная в первой половине XIX века актриса Никулина-Косицкая Л. П. рассказывала в своих воспоминаниях о поездке в Саров: «Показали нам театр, девушек помещика было двенадцать, все в ситцевых платьях и черных фартучках. Это, говорят, все актрисы. Они были такие изнуренные». Актриса написала эти сочувственные слова потому, что сама была долго в «крепости» у барина.

В самом Арзамасе первый любительский театр сформировался из учеников художественной школы А. В. Ступина. Сын основателя школы. Рафаил, получивший хорошие уроки актерского мастерства в «домашнем» театре академии художеств под руководством известного трагика Императорского театра Яковлева, вернулся домой в 1817 году и создал самодеятельный коллектив. Театр при школе просуществовал до конца сороковых годов минувшего века. Ступинец Иван Зайцев

впоследствии писал: «Каждый год, на святках, у нас устраивался театр — и какой театр! Заезжие труппы перед нами пасовали, арзамасская публика была от него в восторге. Роли девиц, вообще женские роли, исполнялись нами же и до того искусно, что однажды приехавшие в отпуск два офицера, один Бутурлин, другого не упомяну, забрались было за кулисы с целью-де поблагодарить Лизу за искусную игру, ну и, конечно, познакомиться с хорошенькой девушкой, но когда эта Лиза, снявши платье, представилась им в мужском дезабилье, то они растерялись и с удивлением спросили: как, разве это вы были Лизою? И — вышла закулисная комедия, сколько было смеху!» Сценический успех ступинцев станет понятен: одно время молодых актеров наставлял также известный тогда в обеих столицах трагик Ширяев — актер Дирекции Императорских театров.

Иван Зайцев проливает некоторый свет на серьезный репертуар театра молодых художников. Он пишет, что Григорий Мясников — талантливый живописец, «превосходно играл роль слуги в комедии Гольдони „Слуга двух господ“». Из арзамасской школы живописи уехал актером в Симбирский театр в 1847 году Александр Лысковец.

Арзамас всегда считался заметным культурным центром Нижегородского Поволжья. С середины прошлого столетия не прекращала свою просветительскую деятельность в городе и самодеятельная сцена. Ежегодно, особенно на святках, давались спектакли на дворянских съездах, в Уездной земской управе, в Общественном собрании. В восьмидесятых годах славился театральный кружок под руководством Константина Францевича Оборского, акцизного чиновника, мужа Ольги Львовны — племянницы А. С. Пушкина. О кружке К. Ф. Оборского с похвалой отзывалась нижегородская печать.

В почете у селян, да и в городе был драматический коллектив Выездной слободы. Он выступая в «Царском павильоне», что выстроили для приема членов императорской фамилии в 1903 году, когда она приняла участие в торжестве открытия мощей Серафима Саровского. Ядром кружка являлись учителя В. И.

Шапошников, Кузнецов, А. В. Кистанов. Представления давались платными, собранные деньги шли на содержание библиотек и другие добрые цели.

Сильный состав самодеятельных актеров собрался при Арзамасском Обществе трезвости. Пьесы Н. В. Гоголя, А. Н. Островского и А. П. Чехова стали постоянными в репертуаре кружка. Перед самой революцией заявили о себе настоящие таланты: Екатерина Алексеевна Касторская со своим мужем Василием Захаровым. Позднее Е. А. Касторская играла на сцене театра Вахтангова в Москве. Пользовался неизменным успехом у публики Михаил Александрович Быстров, что оканчивал городское реальное училище и так успешно подвизался на сцене. Долго помнилась театралам Анна Николаевна Аратская, служащая земской управы. Великолепным мастером водевильных старух была смотрительница земской больницы Олимпиада Ивановна Платонова. Всегда находила путь к сердцу зрителя В. Невская.

Этот коллектив и стал после революции ядром Арзамасского театра, который просуществовал до середины тридцатых годов. Успех у зрителей определяли прекрасные актеры, земляки Елена Николаевна Судьина и ее муж Борис Леонидович Симанский.

В Арзамасе всегда было высоко развито певческое искусство.

Оно совершенствовалось в церквях монастырей и приходских храмах. В середине XVII века поднял церковное пение Василий Репский, получивший музыкальное образование за границей в составе посольства боярина Ордын-Нащокина. Прекрасному вокалисту и композитору, его привезли на царский двор с Украины еще в детстве, не повезло. После ссоры с боярином Матвеевым, за отказ петь в его театре, Репского сослали в Арзамас. Здесь самородок из народных низов ввел многоголосие при отправлении церковных служб.

Надолго остался в памяти арзамасцев дьякон Воскресенского собора Ефим Яковлев. В 1782 году он пел басовые партии в архиерейском соборе города Владимира, после переведен в Арзамас. Ефим Яковлев являлся и прекрасным живописцем, работал для церквей города и уезда, для Саровского монастыря. Это у него мечтал учиться иконописи юный Александр Ступин. И немудрено: Яковлева называли «пресловущим» — более высокой похвалы у художников не было в те времена.

Долгое время существовал отличный хор мальчиков при Спасском мужском монастыре. В 1824 году архимандрит Александр признавался: «Есть кому петь в монастырском храме: в моей академии (Духовном училище) с лишком 200 мальчиков — учеников училища».

Прекрасно зарекомендовал себя в первой половине прошлого века мужской хор учащихся школы живописи А. В. Ступина. Хор пел не только в церкви Святого Духа, где академик 25 лет служил церковным старостой, но давал также и публичные выступления.

Явным соперником хора ступинцев в эти годы явился хор крепостных помещика Чемоданова, проживающего большую часть года в Арзамасе. Свидетели вспоминали, что хор молодых художников более нравился горожанам и многие приходили в Духовскую послушать ступинцев.

С 1853 по 1893 год служил священником в Ильинской церкви Андрей Ефремович Ястребский. Он слыл прекрасным знатоком и любителем церковного пения. Обучил многих певцов, что сделались потом известными в церковных кругах. Этот высококультурный священник заканчивал свое служение Богу архимандритом Макарием в нижегородском монастыре. Скончался в 1899 году.

И всегда высокой техникой пения, певческой культурой отличался хор Воскресенского собора. В восьмидесятые годы прошлого века регентом хора — регентов содержали на свои личные денежки старосты храма — был известный в

Поволжье и далее Михаил Степанович Городецкий.

Заслуженной популярностью в городе пользовался в это же время хор Дмитрия Алексеевича Иконникова. Основным репертуаром его была русская народная песня. Рассказывают, что на концерты хористы одевали богатые русские костюмы. Иконников имел хорошую нотную библиотеку, хористам выплачивалось жалованье. Истинная, щедрая любовь к русскому истощила карман Иконникова, не достучался он до сердец арзамасских толстосумов. Известна извечная правда: чем богаче, тем жаднее.

В документах Воскресенского собора находится и фамилия регента хора Ивана Ивановича Зайцевского, этого разносторонне одаренного человека, которым по праву гордился весь Арзамас.

Русская народная.

1 октября 1895 года в городе возникло «Общество любителей церковного пения», которое просуществовало около двух лет. Жаль, что оно не получило должной поддержки. Но сам по себе факт создания Общества говорит о том, что нужда в нем была, и только экономический упадок Арзамаса не позволил развиваться доброму начинанию.

Память арзамасцев донесла имена любителей пения в селах уезда. Очень известен был в последние годы до революции тонкий любитель музыки и церковного пения хормейстер Анисимов, что руководил хористами в Выездной слободе, а затем и самостоятельным хором в Арзамасе.

Среди сельских певчих отличался в конце прошлого века учитель пения Ново-Усадского училища Федор Васильевич Устимов, местный уроженец. Он состоял регентом при храме села. Сельское общество за старания приплачивало певцу, установило ему годовой оклад.

Вечерняя песня.

... Сто лет назад и далее песня вольно жила и развивалась в крестьянской среде уезда. Жили и исполнялись старинные исторические песни, песни трудовые и бытовые, свадебно-обрядовые, празднично-обрядовые, песни солдатские, хороводные и беседные, шуточные и сатирические, вплоть до кадрильных песен... Часто трудно жил народ, но пел! И не случайно этнограф Андрей Васильевич Карпов, а он родился в Кирилловке, записал в селах Арзамасского уезда пятьсот песен, да каких!

Ну, и последнее. В начале XX века в городе уже осуществлялись любителями сцены из оперных постановок.

В 1847 году скончался в Арзамасе «громогласный» благовещенский дьякон Алексей Асафович. Поистине ему дан дар Божий. Его специально приходили и приезжали послушать. Недаром богатые купцы-прихожане этого храма «залучили» его хорошей мздой. Редкостный бас, иногда ведь и не верилось, что это человеческий голос так гудит под сводами храма...

Радовал арзамасцев и другой бас. Николай Николаевич Симагин родился в Выездной слободе, пел в Нижнем в архиерейском хоре с 1887 года, а затем в Воскресенском соборе Арзамаса.

В девяностых годах прошлого века был дьяконом Ильинской церкви Покровский. Он удивлял очень красивым баритоном.

Любимцем арзамасской публики перед революцией по праву считался адвокат Василий Васильевич Генебарт, обладавший ярким тенором. Его приглашали петь в Большой театр, но Василий Васильевич не рискнул отдаться бурной стихии театральной жизни. Оперные арии, русский романс и песня — кого не трогал чудный голос Генебарта!

В. В. Генебарт.

Часто на концертах солировал и бас нотариуса Терновского, также любимца арзамасцев.

Нет, не переводились в старые времена мощные басы, бархатные баритоны и нежнейшие теноры в Арзамасе, что скрашивали жизнь горожан.

... Еще и сейчас слышны музыкальные голоса старого Арзамаса. Это ведь тут отыскалась уникальная нотная рукопись «Песни гусельные», переданная в начале нашего века нижегородским архивистам. Значит, жили тут и гусляры, и те, кто владел нотной грамотой, в ком рождалась музыка.

Оркестром из крепостных музыкантов владел в уезде помещик Баженов. Учил крепостных мальчиков некто «немец Егор Мистиславович», применявший нехитрую систему обучения музыке европейской — затрецины и зуботычины за «нескорое понятие». Жесточь «немца» попала в документы, и так сохранилась память об оркестре Баженовых.

В 1899 году арзамасцы познакомились и с духовой музыкой. Оркестр составил из членов Вольной пожарной дружины города. Капельмейстером оркестра стал Шевченко, отличный специалист своего дела. В летнее время по воскресеньям

музыканты играли в павильоне Верхней набережной. Оркестр выступал в Общественном собрании, на различных городских мероприятиях.

Несомненным признаком роста музыкальной культуры Арзамаса, приобщения к ней все большего числа горожан, является открытие в начале XX века музыкального магазина Воскресенского. В магазине продавались различные музыкальные инструменты, граммофоны, пластинки и, конечно, ноты. Владелец магазина давал инструменты на прокат.

Когда же появился первый рояль в Арзамасе? В 1840 году в доме миллионера купца Алексея Ивановича Подсосова.

Человек рожден творцом

На Сальниковой улице в собственном доме проживал священник Василий Ильин. Из документа 1795 года узнаем, что ему 60 лет, что он уже уволен из клира Спасской церкви: «... за старостию и находится ныне на пропитании у сына своего — здешнего же Николаевского девичья монастыря священника Григория Васильева».

А вот в 1775 году, с которого начинается наш рассказ, Ильину 40 лет, он крепок, здоров, в свободное от служб в храме время частенько занимался делами, приличными его сану: переписывал книги, поновлял образа или брался за точеный нож да вырезал очередную деревянную ложку, у которой черенок завершался то игривым рыбьим хвостом, а чаще человеческой ладонью с трехперстным сложением пальцев.

Хотелось Василию большого дела — дела трудного. Однажды не вытерпел и, облачась пристойно, пошел к ближайшему соседу. Четыре купеческих дома стояли тогда на Спасской площади, и все Сальниковых. Богатые грешат частенько корыстолюбием, но названных купцов в этом мало упрекали. Глава фамилии Иван Сальников еще в 1683 году своим иждивением выстроил церковь, посадские утвердили ее как Спасская на Проломе. А и правда: церковь стояла у самой стены городской крепости. Звено стены обветшало и рухнуло, его никто уже не поправлял, да и к чему, дома давно уже стали ставить за крепостной чертой — о лютых степняках уж забывать стали арзамасцы.

Сальников принял Ильина как и подобает принять священника, но и настороженно: к какой очередной растрате подведет всегда напористый пастырь? Наружно храм исправен, недавно белен, внутри выглядит благолепно, церковной утварью полон...

Отец Василий долго помалкивал о главном, открылся не сразу:

— Безделие часом так душу сушит! В мыслях вознамерился я резное изображение погребения Иисуса Христа явить. Вокруг гроба чтобы святые подвижники...

Сальников не удивился, видел прежние работы батюшки, того же Спасителя в темнице — выразительно сотворено, зело выразительно. Купец улыбнулся, обмяк широким лицом: за недорогим пришел сосед-иерей. Догадливо спросил, сколько же лип понадобится.

Василий Ильин объявил:

— Замыслил я все фигуры в рост...

Сальников согласно кивал головой:

— Ладно, вскорости припожалуют дерева.

Толстенные кряжи привезли в ноябре. Купецкие работники раскряжевали, ошкурили их, втащили в дворовую рабочую избу священника: полежите, дохните теплом, войдите в полную крепость, а там и послужите батюшке — он в городе знаемый искусник!

Василий Ильин крепко владел мастерством резчика, и неизменная одержимость забирала его всякий раз, когда он поднимал себя для работы. Батюшка похудел. Острый огонек посверкивал в его глазах под густыми бровями и, кабы не окладистая борода, заметно бы выступили его впалые щеки. Зато дух его, как и у всякого настоящего творца, парил высоко. Иногда к вечеру очень уставал, тряслись обессиленные руки, а надо было идти в церковь и служить долгую службу.

Сальников-старший зачастил к Ильину.

Отец Василий тотчас вел соседа в рабочую избу, сел на лавку и молчал. Купец обходил новую фигуру и мягкий бас его не утихал:

— Во многих храмах я, грешный, бывал, видывал резных святых немало, но такого лицезреть не доводилось. Эким даром тебя Бог наградил!

Купец уходил, а Ильин кидался к столу, к листу бумаги и рисовал, рисовал — искал движение очередной фигуры святого. В нагретой избе пахло распаренной липой, от нее исходил тонкий сладковатый дух... Отец Василий подходил к начатой фигуре, вглядывался на проступающие, медового цвета лицо и шептал одно, чем жил все эти рабочие дни: «лишнее, лишнее изымай!»

Весь 1776 год без особой огласки работал священник над скульптурой. Его руки налились силой, пальцы сбились и изрезались, но победно горели умные глаза. Те же работники Сальникова с бережью перенесли фигуры в Спасскую церковь. А когда группа была собрана и поставлена в одном из боковых приделов храма и вечером освещена теплом восковых свечей — тогда только, наедине с нею, Василий Ильин понял, какой великий труд он взвалил на себя и благополучно исполнил.

После о работе Ильина архимандрит Макарий в своей книге «Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния» напишет: «... резная группа изображает погребение Спасителя... Около стены стоит в натуральную меру гроб на ножках. Во гробе во образе умершего Спасителя в полный рост лежит резная фигура, покрытая шелковой пеленою, а на лике воздухом. В некотором отдалении от гроба поставлены четыре евангелиста, по два от главы и по два от ног. Близ самого гроба у главы ангел с натуральной свечой и Иосиф Аримафейский, у ног ангел, также со свечой, и Никодим. Близ гроба... на стороне плачущая Богоматерь, поддерживаемая юным Иоанном Богословом (таким образом св. Евангелист Иоанн в этой группе представлен в двух видах) и утешаемая Мариею Магдалиною. В переднем углу, где ставятся иконы, поставлено изображение воскресшего Господа в сиянии. Все фигуры вырезаны в натуральный рост, одежды раскрашены красками».

Пришел Сальников, долго молча стоял перед группой, заговорил с тихим восхищением:

— Прихожанам труд сей будет в удивление — как смог пастырь такое? Василий Ильин хитровато улыбался. Не свои, а от сторонних резчиков из Нижнего слышанные слова торопливо объявил:

— Только и делов, что убрал древяны лишки... А что самой работы касаемо, так глаза боятся, а руки делают!

Убрал лишнее.

Священник стоял в простом холщовом подряснике — еще не облачался для вечерней службы, и купец, как своего, близко обнял батюшку за плечи.

— Имя, имя свое обозначь — мирян предбудущих оповестить надо о мастере. Такое свершить...

— Гордыню свою на показ выставлю?!

Сальников, будто давно обдуманное, сказал:

— Имя твое для других назиданием. Чтобы и внуки, правнуки... Боялись бы глаза у них, а руки делали!

Не сразу, но решился-таки Василий Ильин и написал на правой стороне гроба краской: «Зачеся строится сей гроб 1776 года в начале и окончен в том же году иждивением от боголюбивых подателей, тщанием тоя церкви священника Василия Ильина».

Слух о работе батюшки Василия тут же облетел Арзамас, и пошли горожане в Спасскую на Проломе... Посадские мещане, купцы и их домашние, дворяне и, как говорили в старину, разных чинов служилые люди — все побывали «у гроба», все дивились доселе невиданному, такому выразительному...

Вскоре Ильина пригласила игуменья Николаевского женского монастыря и заказала резную работу для своей обители.

... Православие традиционно не принимает божественное в трех измерениях — скульптуру. Постановления Стоглавого собора 1551 года, указы 1722, 1767 и далее — 1832 и 1835 годов запрещали иметь в храмах объемные изображения божества, но все же духовенство допускало скульптуру в церкви — тут отдавалась дань разнообразию древнего народного искусства, а потом священство понимало, что

скульптурные изображения Бога Саваофа, Христа и святых воспринимались молящимися глубже, вызывали у них более глубокие молитвенные чувства, приближали верующих к Богу. «Попущение» скульптуре оказывалось чаще в местах с инородческим населением. Вот почему в Арзамасском уезде и вообще в южной части Нижегородской губернии в церквах находилось много деревянной объемной резьбы. Только в Арзамасе и уезде скульптуры в храмах насчитывалось до сотни.

... Снова группа, но с некоторым отличием: в скульптуре для Николаевского монастыря не было евангелистов, гроб мастер осенил балдахином, что держался на столпах. На балдахине Ильин вырезал трех херувимов и два клейма: на каждом из них после написали красками образа, на одном — «Снятие Иисуса Христа со креста», на другом — «Божия Матерь, рыдающая над плотью своего сына».

И еще одну группу Василий Ильин вырезал для Крестовоздвиженской церкви — все они долго считались достопримечательностями города.

Так его называли в Арзамасе, Егора Михайлова.

... Долго-долго мучились монахини Алексеевской женской общины — вода далековато. Возили ее на лошадях из-под крутой горы — из Теши брали, да разве навозишься, особенно в летнюю пору, в жару, когда такой огородище с овощами...

Ольга Васильевна Стригалева — настоятельница общины — скорбела, глядя на сестер: мучаются бедные с этой водой. А нельзя ли облегчить изнурительную работу? Стала спрашивать сведущих людей в миру, нет ли где человека такого, который бы привел воду на двор общины?

Со временем объявился такой, назвался крестьянином Арзамасского же уезда Егором Михайловым.

... Походил Егор по берегу Теши, промерил высоту речного откоса, меру длины от бровки береговой кручи до хозяйственного двора монастыря и предложил матушке: отрыть колодец девятнадцати саженой глубиной, установить, понятно, дубовый сруб, заказать мастерам Лысковцевым широкие медные трубы для водного протока... А еще нужно высокий сарай ставить, а в сарае том поднять на козлах большой дубовый чан для сбора воды...

И то, и другое, и третье исполнили монахини — из женских рук никакой расхожий инструмент не выпадал, и пришел наконец тот день, когда водопровод был готов.

Впервые Михайлов делал такую работу. В час опробования системы ходил сильно взволнованным. Начали качать воду — нейдет! Механик из мужиков не сдержал слез. Ольга Васильевна едва успокоила Егора. Полез он в колодец, а там, на дне тотчас понял, отчего вода застоялась — воздушная пробка помешала потоку... Вылез наверх с сияющим лицом. Пошла лошадь по кругу в том сарае, завертелось колесо, и побежала по трубам долгожданная вода в келарню, хлебную, квасную, прачечную келью, в коровник и на конный двор. Весь Арзамас перебивал в монастыре в том 1820 году и подивился рукотворному чуду. Когда Михайлова спрашивали, где на стороне подсмотрел он водопровод, крестьянин неизменно отвечал правду: до всего дошел своим умом.

В 1826–1831 годах водопровод устроили себе и монахи Высокогорского Вознесенского мужского монастыря близ Арзамаса. Наверняка и тут не обошлось без помощи и участия Егора Михайлова.

Устроив водопровод, в той же Алексеевской общине Михайлов стал заниматься строительством. В 1821–1822 годах, не ломая прежде выстроенной церкви Казанской Божией Матери, он значительно расширил ее, что в те времена было достаточно сложным инженерным решением.

Однажды Егора Михайлова пригласил к себе протоиерей Воскресенского собора Стефан Пименов. Строилось новое здание храма, и вот один из четырех столпов — юго-западный — дал трещину в кладке и привел строителей в большую тревогу. Это случилось уже после того, как свели своды, опирающиеся на столпы, когда предстояло выкладывать главный купол. Создавалась угроза: не придется ли перестраивать и столп, и купол...

Егор Михайлов придирчиво осмотрел фундамент столпа и успокоил Пименова. Посоветовал треснувший столп оковать железными поясами. Так и сделали. Эти самые пояса заложили кирпичом, крепко заштукатурили. Тут с добрым советом выступил и городничий Егор Бабушкин: надо оклеить столп бумагой. Если эта бумага вскорости лопнет — значит, на столп надеяться нельзя, а нет — можно строить дальше. Долго, не один день вели строители наблюдение за столпом — не лопалась контрольная бумага, держали те железные опоясочки... Все же далее проявили осторожность: главный купол собора облегчили, сделали его деревянным.

Егору Михайлову пришлось еще вернуться к водопроводным делам. Предполагаем, что водопровод в Саровском монастыре — дело его светлой головушки. Мастер скончал свою жизнь саровским монахом, пригодился братии.

О делах Егора Михайлова можно узнать только из местных хроник. Но жили в Арзамасе и такие умельцы, что вошли в историю русской техники.

Князь И. И. Барятинский, владелец известного имения Марьино в Курской губернии, впоследствии прекрасного памятника дворцово-паркового искусства начала XIX века, привлек для работы в своей усадьбе многих талантливых рукодельников, в том числе и Василия Лебедева.

Мастером на все руки Василий стал в Арзамасе, любовь к металлу перенял от отца Якова, с изобретениями которого уже ознакомилась просвещенная Россия.

Вот что писали о Василии «Московские ведомости» в 1815 году: «Известный публике машинист Лебедев на сих днях выпустил 6 машин прядильных нового проекта, коими прядут лен... Желающие Особы иметь сию машину могут прислать сумму вперед через почту Василию Лебедеву в городе Арзамасе, в дом Горихвостова, равно же и машину получают через почту в 2 недели по присылке денег, которая содержит в себе 2,5 пуда... У него ж продается машина для измерения земли, тележка, показывающая десятины и версты, 2 человека днем 130 десятин нарежут с верностью: цена 50 рублей».

Далее в газете указывались фамилии арзамасских дворян, кто удостоверял надежность предлагаемых машин. Это Дмитрий Петрович Горихвостов, Всеволод Васильевич Баженов, Екатерина Николаевна Левшина и Анна Николаевна Смирнова. Они «... удостоверяют Публику, кто получит оные машины, останутся в полном удовольствии».

Василий Лебедев еще жил в Арзамасе, а его отца уже переманили в Москву. В той же газете за тот же 1815 год сообщается, что у кремлевского механика «... коллежского регистратора Якова Лебедева фабрики его продаются готовые и кому угодно по пропорции на заказ делаются добротные английского манера часы на колокольни и башни, суточные и недельные, с четвертьями и без оных, с машиною, на работу и с работы сами в колокол ударят; он же делает машины для глубокого колодца, машины и в кухни для жаркова, новые машины изобретения своего к зимним дверям; также берет в ученье мальчиков не менее 14 лет. Живет в Кремле, близ Спасской башни, где главная гауптвахта и часовая вывеска. Он же Спасскими башенными часами управляет».

Князь Барятинский поспешил познакомиться в Лебедевыми и пригласил Василия в свое имение, пообещав ему хорошую плату. Огромным, сложным оказался заказ

арзамасскому умельцу, однако он с честью, «своим умом и руками» выполнил его. В аттестате, который был выдан Лебедеву, говорилось, что с 10 мая 1820 года по 1 июня 1823 года он «... выполнял в курском имении Барятинского следующие работы: 1. Кабинет для машин разного рода и для 105 моделей разным машинам и орудиям. 2. Английский чугунный каток для белья. 3. При гумне для молочения хлеба особой конструкции 2 молотильные машины с приводами. 4. Шесть веяльных для хлеба машин с особенными к ним приводами. 5. Для каменной церкви недельные с музыкаю часы. 6. Сделал он своими руками замочки величиною около полдюйма, из коих один секретный, составлен из 32 штук о четырех секретных ключиках. 7. Точил разные вещи с тончайшей резьбою, достойною внимания».

И в данном случае мастерство Василия Яковлевича Лебедева удостоверяли разные гражданские и военные лица. Они «... одобрили в оных машинах конструкцию хорошую, прочную, чистоту отделки, легкое и успешное оных действие».

В объявлении о работах Василия Лебедева упоминается о машине для измерения земли, которая показывала десятины и версты. Оговоримся, что эта машина арзамасца, возможно, была творческой разновидностью путемера (прообраз нынешнего спидометра) крепостного умельца из Нижнего Тагила Егора Кузнецова. Шестнадцать лет этот мастер делал необыкновенные дрожки и наконец в 1801 году привез их в Москву для всеобщего обозрения. Они удивили всех образованных людей того времени. После каждой версты путемер подавал звонок. Имея часы, можно было легко определить и скорость движения экипажа. Русский мастеровой намного обогнал время. Только на Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 года в Нижнем Новгороде как новинку демонстрировали указатель скорости хода паровоза. Автомобильные спидометры появились значительно позднее.

Удачливо начали работать в Арзамасе с металлом в первой половине XIX века братья Лысковцевы.

В конце предыдущего века мещане занимались, кто чем мог: кожевенным делом, торговали даже свечами. Но один из Лысковцевых — Яков Иванович — обратился к податливой меди. В 1812 году он подрядился сделать для ратников народного ополчения южной части Нижегородской губернии медные нательные крестики и манерки — солдатские котелки. Хорошо оплаченный заказ дал возможность Лысковцевым развернуться. Но слава — слава российская — пришла к следующему поколению этой фамилии — Ивану, Василию, Петру и их дяде Семену Ивановичу. Жилой дом Лысковцевых из кирпича о двух этажах находился на Спасской площади.

После ухода французов из Москвы в 1812 году, погорельцы столицы обратились и в Арзамас за разными товарами. Большой заказ на медную посуду выполнили Лысковцевы, а вырученные деньги обратили на развитие производства. К двадцатым годам у братьев насчитывалось до пятнадцати наемных рабочих, а позднее до тридцати и более. Лысковцевы имели столярную, слесарную, экипажную, малярную, медную, паяльную, медеплавильную мастерские, сушильную, кузницу с шестью наковальнями. Отдельные работы сами механизировали. В мастерских находились три токарных станка, продольный и вертикальный сверлильные станки, девять горнов. Часть инструментов братья усовершенствовали или «своим умом» придумали.

Что же производили в мастерских? Самовары, люстры, паникадила для церквей, подсвечники, шандалы, посуду, краны, кубы для нагревания воды, катки для белья, летние и зимние экипажи, колодезные машины по усовершенствованному проекту Егора Михайлова, а также противопожарный инструмент: багры, щиты, ведра и так называемые пожарные заливные трубы высокого достоинства. Или еще, как их называли, трубы огнегасительные.

Об изделиях Лысковцевых газета «Нижегородские губернские ведомости» писала:

«Бесспорно, изделия имеют высокое достоинство и не только могут выдерживать соперничество с подобными изделиями других известнейших заведений, но и оспаривать первенство у них.

Пожарные трубы, приготовленные в заведении Лысковцевых давно приобрели громкую, отдаленную известность. Их знают в Петербурге, Новгороде, Твери, Орле, Курске, Владимире, Нижнем Новгороде. Симбирске, Костроме, Саратове, Сибири — словом, почти во всех краях Империи».

К 1850 году Лысковцевы приготовили более 600 комплектов противопожарного инвентаря — «труб», в том числе 13 комплектов для ремесленных училищ как образцы.

В 1858 году Министерство внутренних дел заказало Лысковцевым 5 противопожарных комплектов. После осмотра и испытания признано, что прежде предпочтительные голландские «трубы» хуже арзамасских. Комиссия отметила и то, что противопожарный комплект Лысковцевых удобнее в работе иностранного, а ценой он втрое дешевле голландского.

Еще прежде, в 1849 году, на Нижегородской выставке «трубы» арзамасцев объявлены лучшими по сравнению с такими же Невьянского и других уральских заводов и выше по качеству «труб» производства московских мастерских Бутеноп. В том же году братья получили серебряную медаль от выставочного комитета.

Цены на «трубы» в зависимости от объема воды в медных емкостях от 12 ведер и до 40 колебались от сорока до четырехсот рублей.

«Завод медных и железных изделий братьев Лысковцевых» не только производил, но еще и обучал крестьянских мальчиков обращаться с противопожарным инвентарем, учил их делать простейшие деревянные «трубы». С 1812 до 1850 год из мастерских Лысковцевых вышло около ста мастеров по металлу. Одна треть учеников состояла из удельных и государственных крестьян — эти ребята разнесли медное и железное мастерство по многим селам и деревням Нижегородской губернии.

Впоследствии братья научились золотить металл через огонь и стали работать для церквей.

Долго помнилось о Лысковцевых в губернии. Про братьев тепло говорили: «Не нажили барыша, зато слава хороша». И еще: «Погасло дело Лысковцевых оттого, что не зарились шибко на деньги, по затратам цены назначали».

Рост числа заводов и фабрик по обработке металлов, машиностроения в России, отсутствие дешевого железнодорожного транспорта, затруднительность привоза металла в Арзамас и отправки готовых изделий потребителям — вот что «закрыло» громкое дело братьев Лысковцевых.

Поистине мастером на все руки считался в городе со второй трети XIX века Семен Семенович Щегольков. Поначалу строил он деревянные и каменные дома. Однажды приехали к нему бутурлинские мужики с поклоном, с просьбой построить мост через Пьяну. «Аль у вас своих топорников нет?» — подивился Семен Семенович. «Таких, батюшка, башковитых как ты, нет. Много мы о тебе слышаны: бери подряд!»

Река Пьяна между селом Бутурлиным и деревней Катаршей в то время становилась по весне столь бурной, что, сколько ни ставили мостов, все их сносило крутыми паводками. Приехал Щегольков на место. Походил, посмотрел реку, поспрошал старожилы об уровне вешних вод в разные годы. Взятая, подрядился и сконструировал такой мост, который после много лет стоял и исправно служил людям к вящей славе его строителя.

Потом Семен Семенович в той же бутурлинской округе выстроил одному помещику сахарный завод. К сожалению, работал он недолго, потому что его владельцу не удалось убедить окрестных помещиков сеять достаточное количество трудоемкой по выращиванию свеклы.

Позже, в конце 1830-х годов, Щегольков принял участие в строительстве дворца военного губернатора в Нижегородском Кремле.

Но памятен-то главным образом Семен Семенович в родном Арзамасе, тут он вот как прославился. Прихожане Благовещенской церкви вознамерились отлить самый большой колокол в городе. Отлил в 1827 году мастер колокол, а как узнать его точный вес? Вот тут-то и вспомнил о сметливом, «башковитом» Щеголькове. Земляк не подвел. Из бревен устроил такое коромысло, которое взвесило 654 пуда — вот какой был вес самого большого колокола Арзамаса для самой «богатой купеческой» церкви! Колокол после отличали за его красивое звучание, он по праву оставался лучшим в многочисленной семье местных колоколов.

К самобытным мастерам механических дел отнесем и часовщиков города.

Первый страж времени — часы, появились в городе, по-видимому, в 1795 году, когда закончили строительство теплого здания Воскресенского собора и колокольни. Но уже через два года часы переделывали. Документ об этом гласит: часовому мастеру «Казанского наместничества города Чебоксар мещанину Ивану Матвееву сыну Кусакину за переделку на соборной колокольне русских часов немецкими остальными денег отдано 15 рублей». Чем не понравились мастеру русские часы, неизвестно.

В 1801 году «часовщиком города» значился умелец Парфенов, живший в приходе Владимирской церкви в нижней части города. Затем часы подпадают под присмотр Якова Лебедева. Башенные часы на колокольне собора имели четыре колокола, выбивали четверти и целые часы. Особенно хорошо, как рассказывали, часы выбивали четверти в четыре колокола, причем в звуке их как бы явственно выговаривались слова: «Кто избежит смертный час?». Бой часов отчетливо слышался и на окраинах города.

Вспомним, что в 1815 году уже в Москве арзамасец Яков Лебедев предлагает желающим добротные часы «на колокольни и башни, суточные и недельные, с четвертьми и без оных»... В Арзамасе часы также отбивали четверти... Полагаем, что автором этих часов был механик Лебедев.

В 1820 году в апреле городские часы ремонтировал Василий Яковлевич Лысковцев, вероятно, бывший ученик Якова Лебедева. Часовое мастерство становится семейным делом Лысковцевых. В 1854 году очередной ремонт курантов городские власти поручают Владимиру Лысковцеву.

В XX веке за городскими часами долго надзирал сторож собора, которого все знали как Елизарыча. Всегда старомодно, чисто одетый в свой длиннополый сюртук, при галстукке, с медалью на орденской ленте — на шее ее носил, Елизарыч очень ревностно относился к своим обязанностям.

Кроме братьев Лысковцевых, к концу XIX века знающим часовщиком в городе слыл Геннадий Васильевич Красносельцев.

Перед революцией часы, как вспоминают старожилы, уже не имели циферблата, но время по-прежнему отбивали точно.

А в советские годы последним смотрителем за часами был Георгий Сергеевич Рабинович, перешедший в православие.

...В 1935 году роняли соборные колокола, тогда и замолкли городские часы. Новым властям, знать, не по душе пришелся тот извечный вопрос о смертном часе...

Общественность города, любитель старины Николай Николаевич Бебешин не раз поднимали вопрос о восстановлении часов. Куда там! Так и свезли творение арзамасских мастеров в металлолом.

Из поколения в поколение арзамасские Скоблины — кожевники. Родовой их завод составлял гордость ремесленников города.

В благодарной памяти мастеров и торговцев кожевным товаром навсегда остался Василий Иванович Скоблин, умерший в 1841 году.

Это он первый придумал солить сырую кожу, до него никто в России до такого не додумался. Соленая кожа выходит лучшей из процесса ее обработки, чем сухая. Соль кожу не портит, а сушеная, заготавливаемая для выделки большими партиями, часто портилась от подмочки, сырости и моли.

Историк города Н. М. Щегольков писал с горечью: «Итак, все русские кожевники и кожевенные торговцы должны бы в складчину поставить памятник В. И. Скоблину. Но где ему этого дожидаться!..».

Колокола появились на русской земле из Византии. В 1045–1052 годах в Новгородском Софийском соборе уже звонили колокола. А литье их впервые начали в Киеве и в городе Холме в XIII веке.

Начально русские мастера лили лишь малые колокола, а закончили в 1735 году «Царь-колоколом», который весил 12 300 пудов или свыше 200 тонн. Находится он в Московском Кремле.

Как рассказывают хроники, приглашенный для этого иностранный мастер счел, что над ним смеются. «Отлить колокол в двенадцать тысяч пудов немыслимо», — заявил он. А русские мастера — отец и сын Моторины — отлили.

«Царь-колокол» не успели поднять на колокольню Ивана Великого. Во время страшного пожара в Кремле он находился еще в литейной яме. Загорелись леса вокруг него, их стали заливать водой, и от раскаленного колокола откололся большой кусок.

С давних пор без колокольного звона не мыслил свою жизнь русский человек. Колокол звал к церковной службе — благовестил, призывал к общей молитве, объявлял сбор общины, набатный всполох поднимал народ на борьбу с врагом, торопил людей на пожар, скорбный звон оповещал о кончине прихожанина. Звонили о моровом поветрии, что нередко залетало на Русь. Великой честью в прошлом считалось встречать колокольным звоном знатных лиц, победителей с войны или, как в России, коронуемого царя при въезде его в Московский Кремль. Так, после коронации Александра II звонили во всех московских церквях весь день.

Да, живет в колоколах особая зовущая, торжествующая и скорбящая сила.

«Почитание колокола, благоговейная любовь к нему, особая его роль в жизнь общества, равно как и непревзойденная мощь, красота, благозвучие — все это шло от глубокой религиозности, благочестия народа.» — говорит современный историк.

...Кажется, впервые по указу патриарха Иоакима в 1689 году дали «колокольные фамилии». Колокола стали называть: «Новый», «Большой», «Полиелейный» и «Вседневной». Позднее утвердились имена колоколов окончательно: «Праздничный», «Воскресный», «Полиелейный», «Будничный» и «Малый».

Каждый отлитый колокол благословляется. В «Чине благословения колокола» говорится: «Яко да вси слышащие звенение его, или во дни или в нощи, возбудятся

к славословию имени Святого Твоего».

При православном храме колокола размещаются на колокольне или более низкой звоннице. На колокольной площадке четыре открытых пролета и на каждом свои колокола, держат их на весу мощные серьги. Посредине площадки подвешивается главный, самый большой колокол. Тут нужен помощник звонарю, который раскачивает язык и бьет по указанию звонаря «редко» или «чаще».

Русские звоны исходят от пения, национального многоголосия. Потому-то колокола различают: басовый, альт, дискант, тенор... И вместе с тем русский звон имеет свой особый признак: в нем отсутствует мелодия, он состоит из ритмических фигур. Разность звонов соответствует гражданскому настроению. Есть звон будничный, торжественный, красный и даже плясовой или, как еще говорят, с «малиновым перезвоном», с «полевками», когда мерно-ритмические удары большого колокола перебиваются малыми «завончиками».

Звучность и певучесть — вот что отличает русский колокол и потому-то народ не случайно назвал ударную часть колокола языком, уподобил его живому голосу. Издревле установлен порядок, устав звонам. Так, благовест — это когда звонят в один колокол с переходом затем к звону других, меньших колоколов, но не враз, а поочередно. Звуки колокола несут при этом возвышенное настроение человеку, в благозвучии колокола пробуждается душа от духовного усыпления, вызывается светлое, мирное состояние. Звон — когда звонят сразу несколько колоколов. Этот звон в три приема называется трезвоном.

Русские любили звонить. Заведено, что в пасхальную неделю на колокольню может взойти любой человек и поднять веселый праздничный звон. Как свидетельствуют исторические хроники, охотно поднимались на колокольню и русские цари. Так, благовестил, едва переваливало за полночь, Иван Грозный. Часто звонили цари Федор Иоаннович и Алексей Михайлович...

Колокола использовали и для отсчета времени. Часы с колокольным звоном называли боевыми, или курантами. Главные часы страны на Спасской башне Московского Кремля вошли в русскую жизнь, они впервые зазвонили в 1404 году.

В России литье имеет большую и славную историю. Верх мастерства каждый литейщик измерял своим самым большим колоколом. Вообще русские и от щедрости души, и в расчете на широкий простор отчей земли увеличивали объемы колоколов и гордились их мощным державным звучанием.

Богатство и выразительность звона составляют главную заботу русского литейщика. А это богатство зависит от состава меди, олова и серебра. Четыре части меди и одна часть олова — вот давние и лучшие составные для колокольного сплава.

Многочисленной была «семья» арзамасских колоколов. Рассказывали: — Как во всех-то церквах колокола зазвонят, затрезвонят, так не то в уши — в грудь праздником бьет! Далеко радость разносит...

Начинал всегда звонить большой соборный колокол. В нем содержалось много серебра и потому голос его был чистый, красивый. Такой серебристый мягкий баритон.

Русские любят звонить.

К соборному присоединялись и другие колокола. Прихожане всегда узнавали «свой» колокол, знали и кто звонит из звонарей.

Самый большой колокол из городских — Благовещенского храма: густой, трубчатый бас.

Сразу узнавался звон колокола Выездновской церкви — глухой, много «толще», чем благовещенский, он разносился, накатывался, будто из какого-то укрытия. А потому, что пролеты выездновской колокольни узки были для такого громадного колокола.

Очень легко отличался от других звон Ильинской церкви. Здесь колокола-то висели небольшие, зато колокольня самая высокая в городе, пролеты у нее большие. Звук не задерживался и был слышен во всех углях Арзамаса.

...Первые колокольные звоны услышала эрзянская земля, конечно, еще во время похода Ивана Грозного на Казань в 1552 году, когда в условиях неспешного походного продвижения войска наскоро, одним разом рубились обыденные церкви.

Позже в только что отстроенной арзамасской крепости появился осадный колокол, а затем в Спасский мужской монастырь, городской собор, в Крестовоздвиженскую — «стрелецкую» тож, церковь и церковь Спаса Нерукотворного колокола

привозили из Москвы и Макарьевской ярмарки.

В 1785 году в Москве на заводе мастера Калинина отлит для Рождественской церкви колокол в 212 пудов. В 1789 году в Арзамас прибыл колокол весом 250 пудов. Его отлил московский мастер Осон Струговщиков по заказу графа Салтыкова в храм Смоленской Божией Матери в Выездной слободе. К началу XIX века самым большим колоколом в городе считался колокол Благовещенской церкви в 500 пудов. С ним связано у арзамасцев и до сих пор живущее воспоминание.

В этой церкви «купеческой» большой колокол весил 300 пудов. Прихожанин купец Петр Иванович Скоблин пригласил со стороны мастера и объявил, что он добавит меди... Несколько возов ее свезли к месту отливки глубокой ночью, да так, чтобы никто не видел. Медью этой оказались тяжелые, «веские» гроши, чеканенные при Павле I. Купец с умыслом накапливал их. На ту пору по весу они были дешевле продаваемой для промышленных целей так называемой штыковой меди, это объясняет, почему негласно купец отправил их в переплавку. Скобин и литейщик опасались не напрасно. За намеренное уничтожение «ходячих» монет могла ведь последовать и суровая кара.

Новый пятисотпудовый колокол отличался сильным звучанием. Для лучшего подбора звона брат Петра Ивановича — Василий Иванович Скоблин — отлил за свой счет полиелейный именной колокол весом в 250 пудов.

Большой колокол Петра Ивановича звонил недолго, разбился еще при жизни жертвователя. Прихожане Благовещенской церкви добавили еще 150 пудов меди и задумались, какого мастера, откуда звать для отлива такого большого колокола. Наконец пригласили из Воронежа всем известного Владимира Степановича Самохвалова. Это произошло в 1827 году.

Самохвалов обошел все церкви города, внимательно послушал каждый колокол. Особенно ему понравился «праздничный» в 110 пудов на колокольне Ивано-Богословской церкви. Этот колокол считался особой достопримечательностью Арзамаса, он обладал удивительно ярким, чистым звоном.

Накануне отливки по городу побежали разные слухи. Нарочито торопливо, бойко разносили их мещанки и купчихи. Старики мяли в ладонях свои сивые бороды, посмеивались:

— Стояли наши бабы под колоколами, слушали, а теперь трезвонят, полощут юбками...

— Как колокола отливать, так и небыль распускать — водилось это и до наших дедов...

А и правда. Наряду с верой жило в арзамасцах еще и разное суеверие. Впрочем, бытовало это давно и повсеместно: накануне отливки колокола всякого рода рассказы выдумывать, оповещать о них. Для того чтобы колокол счастливо отлился, чтобы родилось оно, громогласье, разлился бы новый благовест в православном краю...

Колокол Самохвалов отлил 25 февраля. Он, к радости горожан, вышел очень хорошим, вес его составил 654 пуда! Мастер ликовал. Рассказывают, что, когда колокол везли к храму, литейщик победно восседал на нем — до освящения колокола это дозволялось. Самохвалов сидел на колоколе и тогда, когда литую громаду миром — наиболее «чистыми», уважаемыми прихожанами — поднимали на колокольню. А когда «большой» утвердился да ожил — подал свой мощный благозвучный звон, Владимир Степанович собрал к себе многих арзамасцев и щедро угощал их шампанским...

Колокол поднимали вместе с Самохваловым...

Самохвалова арзамасцы полюбили, и он остался в городе. К сожалению, литейщик прожил недолго.

Хорош колокол, но еще нужен и умелый звонарь. Благовещенским прихожанам повезло. В штате храма, конечно, был постоянный звонарь, но часто, а в праздники обязательно, поднимался на колокольню любитель церковного звона купеческий сын Михаил Васильевич Бебешин. Про него так и говорили: «виртуоз», а про его звон — «виртуозный».

Кстати, вспомнился еще один мастер церковного звона. Это сапожник Шапошников из прихода Ильинской церкви.

Следующий большой колокол появился в городе в 1849 году. Прихожанам Воскресенского собора стало как-то неловко: в приходской церкви бас-от погуще... Отцы города сочли, что и впрямь собору не в достоинство колокол в 170 пудов — такой был в храме самый большой. И вот 31 июля арзамасцы стали свидетелями того, как ярославский мастер Мартынов отливал колокол весом в 510 пудов. Обошелся он купцам и мещанам в 5865 рублей. Надпись на нем гласила, что отлит сей колокол в память купца Петра Ивановича Подсосова усердием его сыновей и прочих православных христиан.

Рассказ о больших колоколах Арзамаса надо закончить тем, что крестьяне подгородной Выездной слободы, всегда ревниво относящиеся к церковным и общественным начинаниям соседей-горожан, в 1863 году подняли на свою древнюю шатровую колокольню колокол весом 837 пудов и 13 фунтов! Селяне отлили эту громаду в благодарную память о своем освобождении от крепостной зависимости и после с гордостью говорили:

— Наш колокол гудит — земля о свободе говорит.

Об этом колоколе свободы доктор медицины арзамасец К. В. Бебешин вспоминал в 1951 году: «Особенно хорош тут звон, когда он тихими летними вечерами мягко плыл далеко-далеко по речному понизовью...»

Нельзя умолчать о сельских, в том числе и о выездных колоколах. Старожил и краевед А. С. Потехин вспоминал: «В селах обязательно звонили в зимние снежные метели. Не одну человеческую душу спас так называемый „метельный“ звон: блуждая в поле, заплутавшие выходили к жилью на прерывистый звук большого церковного колокола». К этому добавим, что в середине XIX века какой-то умный человек придумал и сделал специальное приспособление «самозвон», когда в сильный ветер колокол стал звонить сам, без приставленного звонаря. Это приспособление применялось широко в селах степных районов.

Первым и последним мастером по отливке колоколов из числа арзамасцев стал Василий Дмитриевич Язычков. Издавна Язычковы «прикипели» к металлу. Еще в XVIII веке они — кузнецы, медники, а потом и позолотчики, вообще мастера по металлу. Василий Дмитриевич — небольшого роста, чернявый, с подстриженной бородкой, взгляд острый, наблюдательный. Смолоду он насмотрелся, как лили колокола приезжие мастера, до многого додумался сам. Его завод начал работать в Арзамасе рядом с северной стеной местного тюремного замка по шатковской дороге в 1858 году. В первое время заказы следовали один за другим. Крестьяне, освобожденные от крепостной неволи, усердно лили колокола для своих сельских храмов. Колоколами «свободы» Язычков заполнил едва ли не половину колоколен Арзамасского уезда, много потрудился литейщик и для храмов соседних уездов. Обычно мастер отливал колокола до 300 пудов. Но довелось Василию Дмитриевичу отливать колокола и до тысячи пудов для города Павлова и Починок. Эти заказы он выполнял на местах. А первое творение Язычкова предназначалось для Владимирской церкви Арзамаса. В октябре 1858 года он отлил для нее колокол в 345 пудов. Еще из работ мастера для городских церквей известны следующие: колокола для Троицкой церкви, церкви Александра Невского при тюремном замке. В 1880 году купец Петр Алексеевич Рукавишников заказал для Спасского мужского монастыря колокол в 206 пудов в память 25-летия царствования Александра II — эта надпись была размещена на колоколе. На кладбище обители купец и обрел свой вечный покой...

Из большой голосистой семьи арзамасских колоколов к нашему времени осталось только пять малых зазвончиков с колокольни Алексеевского женского монастыря. Их нашли в 1960 году на территории монастыря при земляных работах.

В 1935 году роняли большой колокол Воскресенского собора. Бывало, за двадцать пять верст слышался его благовест...

Если ты мастер, по-настоящему освоил свое ремесло — почет тебе от малого и старого. А не достиг высот в деле избранном — чти одаренного талантом, знай о своем месте в ряду рукодельников.

Живописцев, а в старину их изографами называли, в Арзамасе всегда хватало. Славились еще в XVIII веке дьякон Воскресенского собора Ефим Яковлев, Андрей Горяйнов, Василий Тюфилин, Александр Блахин, Семен Иванов... Не случайно их называли «пресловущими».

Прекрасные иконы, уже со всеми признаками светского портрета, писали в школе академика А. В. Ступина, а после 1861 года в художественной мастерской А. В. Шмидта, И. М. Свешникова, бывших воспитанников Арзамасской школы рисования и живописи.

В самом конце XIX века и в начале XX образцом для местных живописцев служили работы арзамасского уроженца, академика, профессора исторической живописи, автора ряда фресок в Московском храме Христа Спасителя Николая Андреевича Кошелева.

Кошелев помогал в становлении живописной мастерской Понетаевского женского монастыря и потому часто жила у родичей в Арзамасе. Здесь он написал образ св. Великомученика Федора Стратилата, портрет боярина Ф. М. Ртишева, некогда

подарившего городу большой клин своей земли и образ Христа с юношей к открытию водопровода в январе 1912 года. Детскому приюту имени И. С. Белоусова и П. И. Серебренникова мастер подарил прекрасную картину «Христос благословляет детей».

...Однажды идет Николай Андреевич Соборной площадью и видит, что некий дядя пишет на треуголье кокошника привратной калитки Николаевского монастыря херувима и пишет-то не очень искусно — маловато в рисунке профессиональной выучки.

Остановился Кошелев, не промолчал:

— Дай-ка, братец, я поправлю...

Дядя, что стоял на стремянке, обернулся — лицо злое. Кажется, сам уж увидел, что не задался у него рисунок, да и краски кричат — когда-то еще их солнце пригасит... Едва тот живописец не кинул сверху: а поди-ка ты, господин хороший...

На мостовой красивый человек с темными пышными волосами, а худощавое, женственного абриса смугловатое лицо в ободье густой бороды. Одет по-городскому.

— А сможешь?

Кошелев мягко улыбнулся, коротко отозвался:

— Да уж постараюсь...

Поднялся Николай Андреевич на стремянку, взял палитру, кисть — скоро выправил херувима рисунком и так краски положил — живой херувим, так и кажется, что крылышки за плечиками трепещут.

В удивлении дядя внизу и рот раскрыл. Спрашивает:

— Да кто ж будете, такой искусник?!

— Кошелев я...

Живописец и руки опустил.

— Николай Андреич... Наслышан много о вас, в собор специально ходил, смотрел труды ваши... Нижайше прошу прощения, я же чуть на вас не накричал.

— Ничего, брат! Гордыню-то, иногда, поприжать не худо. Делом, искусством величайся — так мой первый учитель Давыдов советовал.

Пошел вниз Кошелев к Гостиному ряду. А сконфуженный живописец все кланялся и кланялся вслед профессору...

Было-живало до нас докричало

Только в XVIII веке несколько утвердились, а затем и документально закрепились фамилии жителей Арзамаса. Но вплоть до середины XIX века многие горожане все еще имели по две фамилии, откликались на уличные прозвища.

Начально, при казенной нужде, фамилией становилось отчество. Уличной же — прилипчивое прозвище, его образная сила, что подчеркивала индивидуальность отдельного человека. Бесконечное разнообразие прозвищ в стихии языка диктовалось часто по внешности, по роду занятий... Прозвища тянулись еще из языческой старины. Вот открываем платежные ведомости трудников арзамасских

будных станов (майданов) 1680 года и сразу встречаем яркие прозвища: Якушка Жулуп, Андрюшка Дудка, Панка Галуза, Ганка Ретка, Данилка Даспея, Якушка Мигель, Ивашка Шаклей... В фамилиях видим мы истоки рождения человека, читаем историю Арзамаса, в обретенных фамилиях усматриваем и социальный знак.

Начальное ядро арзамасских фамилий, несомненно, составили фамилии новгородцев и псковитян, которых повелел разослать Иван Грозный по разным городам после «победы» над вольностью этих вечевых городов. К началу XIX–XX веков фамилии северных насельников в большинстве перевелись, зато в русле бытовой словесной практики возникло в Арзамасе много новых фамилий, чаще связанных с трудовой деятельностью жителей.

Полистаем годовые страницы истории Арзамаса.

1643 год. В городе живет добрый посадский человек, жертвователю на Воскресенский собор Ондрюшка Шапочник.

Далекий 1695 год... Петр I через Нижний Новгород идет в поход на Азов. Отправили на войну дружину и арзамасцы, а с ней и «сухарника», ведающего хлебным довольствием. В следующем году «сухарник» вернулся из похода с прозвищем Солдатов, позже оно и стало фамилией целого, живущего и доселе рода.

Вот фамилия Токаревых. Возникла она в городе в XVIII веке, когда, с легкой руки Петра I, стали ввозиться, а затем и изготавливаться в России столь нужные токарные станки для обработки металла. Некто из посадских занялся токарным делом и с тем обрел фамилию.

1791 год. Читаем список жильцов города. Встречаем Красильниковых. Все ясно: Иван Александрович вел торг «холщовый». Он же, разумеется, и красил холсты. Арзамасские Красильниковы дали нижегородскому писателю П. И. Мельникову (Андрею Печерскому) заглавие для одноименного рассказа.

Заглянем в дела Арзамасской ремесленной управы. 1793 год. Тут встречаем фамилию сапожника Д. П. Молоткова, резчика иконостасов Аллилуева. Ясно, что фамилия и этих мастеров — они производные от ремесленных занятий. Также и фамилия многочисленных прежде Иконниковых, предок которых, конечно же, занимался иконным письмом, назывался в миру иконником.

Старая в городе фамилия заводчиков Скоблиных. Известно, что кожевенным делом эти мастера занимались с петровских времен. При обработке кожсырья скоблят, счищают мездру, жировые остатки... Не трудно догадаться, как объявилась эта уважаемая фамилия, в честь которой была названа в нижней части города целая улица.

В Арзамасе, где издавна выделывали кожу, обрела гражданство и фамилия Сапожниковых.

Вот тоже... Как это близко: кожа, обувь, конские хомуты, а отсюда уж совсем недалеко до образования фамилии Хомутильниковых. Издавна безубыточно работали Хомутильниковы и только в середине прошлого века «запустело» их заведение...

В подгородной Ямской слободе, естественно, появились Ямщиковы и Ремонтировы. И те, и другие связаны с гоньбой лошадей и ремонтом конского поголовья. Ямщиков-Попов, позже оставивший дедово занятие, стал богатейшим купцом Арзамаса.

Фамилия купцов Подсосовых известна в городе с XVII века. Долго она ничем не выделялась из числа других, жила на Московской улице, торговала «убойной» и потому носила вторую фамилию Мясниковых.

Вандышевы — известная фамилия арзамасских купцов. Откуда она? Оказывается, у нее «рыбный» исток. В старые годы она была понятной всем.

В 1845 году скончался владелец лучшего в городе кожевенного предприятия Иван Алексеевич Попов. Он откликнулся и на фамилию Щетинин. Предки его занимались нехитрым щетинным промыслом.

По признаку трудовых занятий даны в разные годы фамилии купцам и мещанам Мерлушкиным, Сальниковым, Масленковым, Гладильщиковым — от разглаживания кожи, Скорняковым, Рукавишниковым.

Проживали в XVIII веке в городе и Переплетчиковы. Один из них, Яков Васильевич, значится в городских книгах 1784 года. Переплетчиковы гордились своей трудовой фамилией и писали о себе: «позолотного и переплетного мастерства люди». Один из них признался опять же не без гордости, что у него «самоучный труд».

Среди арзамасцев проживали и такие, кто очень долго носил две, а то и три фамилии. Двойные имели Беляевы-Жадаевы, Верхоглядовы-Шугуровы, Демиховские-Кисляковы, Милютины-Пановы. А Фадеевы откликнулись и на Прорубщиковых и Телегиных.

А вот фамилии горожан, связанные с географическими названиями, с национальностью.

В 1826 году записались в арзамасские купцы еще недавно крепостные господ Пушкиных — Виляновы. Мало кто в Арзамасе знал их фамилию, называли и писали новоявленных купцов — Болдинские.

От названий поволжских городов произошли арзамасские фамилии Нижегородцевых, Казанцевых, Казанкиных.

В 1790 году в городе жил Николай Васильевич Немчинов.

«Художник сапожного ремесла» Борисов, вернувшийся в 1828 году из турецкого плена окольным путем на родину через Францию и Австрию был прозван «турком», Турецковым.

Бытовала в Арзамасе и такая редкая, с претензией, фамилия, как Всемирное. Ее носил купец Иван Львович Скорняков, строитель храма Александра Невского при тюремном замке, который он построил в 1820 году. Знать, далеко заносили назойливые мечты этого купчину, знать, вырвались однажды наружу некие усладительные мечтания и вот навсегда кто-то припечатал: Всемирное!

Часть дома, его крыльцо стало для одного из арзамасцев фамилией. Однажды на крыльцо купца Попова, содержавшего «своим иждивением» воспитательный дом, положили младенца. Мальчик выжил, вырос и получил фамилию Крыльцов.

Сообщаем и еще об одной привлекательной фамилии: Любовников. В середине прошлого века Аркадий Андреевич служил помощником арзамасского почтмейстера.

Интересно раскрываются фамилии и многих других арзамасцев, живших «во времена оны». Большинство горожан помнило о коренном истоке своей фамилии, трудолюбием, чистотой жизни делало не только ей честь, но и честь родному городу.

Век долог, всем полон...

Время сохранило лишь немногие имена арзамасских долгожителей, специального учета таковых, кажется, не велось.

3 февраля 1654 года скончался иеросхимонах Иов 110-ти лет от рождения.

Погребен на правом берегу реки Пьяны, на том месте, где прежде основан арзамасцами Троицкий монастырь. Знаящие его люди считали старца святым. В ночь на Духов день окрестные жители сходились на могилу Иова, утром из села Ветошкина устраивали крестный ход.

Родители наградили красотой, а красоту духовную он обрел сам. Бог наградил его долголетием. Архимандрит Александр 35 лет управлял Арзамасским Спасским монастырем, много содействовал духовному просвещению горожан. Постник, он раздавал бедным все, что ему дарили или подносили. Свою иноческую жизнь начинал в Московском Новоспасском монастыре. Умер архимандрит Александр 29 апреля 1845 года, прожил 84 года. Вот его последняя просьба: «Если послышите, что уже на свете меня нет, помолитесь обо мне: да не лишен буду тех обителей, идеже упоковаются праведные, по единой милости и заслугам Сладчайшего Иисуса».

10 октября 1834 года в Нижний Новгород впервые прибыл Николай I и пробыл там три дня. Увидеть царя желали многие нижегородцы, в том числе и жители ближних уездов. Те, кто жил справно, ездил в губернский город на лошадях, а бедняки ходили пешком. Среди таковых отшагал 112 верст и арзамасский скорняк Петр Андреевич Зобнин, которому в то время исполнилось шестьдесят лет. Умер Зобнин в 1869 году в возрасте 95 лет.

В 1845 году 7 февраля скончал дни свои земные Иван Алексеевич Попов. Потомственный почетный гражданин, владелец большого кожевенного завода, получивший за свою продукцию «Золотого орла» на первой Всероссийской выставке. Этот орел украшал заведение купца. Прожил Иван, Алексеевич 84 года.

120 лет — такова долгота земных дней крестьянки села Сырбоярского Арзамасского уезда Ирины Степановой. Умерла она в 1866 году. Отец ее, Степан Степанов, принадлежал помещику Бетлингу. Шестнадцати лет Ирину выдали замуж. За пятнадцать лет замужества родила двенадцать детей. Работала на скотном дворе. Говорили о ней: роста невысокого, кости широкой, питалась обычной крестьянской пищей. без работы женщину видели мало. Не трудилась она только последние десять лет. Пятнадцать ostatnich годов не ела скоромного.

В возрасте 102-х лет ушла из жизни в подгородном селе Кожине крестьянка Евдокия Ильинична Лоськова в 1875 году.

126 лет прожил на белом свете крестьянин села Верхних Печерок Арзамасского уезда Тихон Иванович Щербаков. Скончался он в 1867 году. Родитель его прожил 115 лет, мать тоже 115 лет, жена 90 лет, а брат 105 лет. Всю жизнь Тихон Иванович оставался неизменно здоровым, вел торговлю хлебом, пятнадцать лет ходил лоцманом на Волге. Питались Щербаковы простой крестьянской пищей, набожные, соблюдали все посты. Спиртное Тихон Иванович потреблял умеренно, пиво очень даже «долюбливал», говоря: «пиво пить не диво, только бы с ног не сбило». Характер крестьянина неизменно оставался ровным, веселым.

Когда умерла бывшая крестьянка Матрена Ивановна Мельникова, ей исполнилось в 1870 году 120 лет. С 1861 года, уже свободная, проживала в Арзамасе. Жизнь Матрена Ивановна вела воздержанную, не употребляла вина, большую часть своих долгих лет провела без мужа, кроме обычной сельской работы еще и шила. Никто никогда не видел ее на гуляньях, единственным ее утешением было сходить в церковь.

В 1878 году 18 марта отошел в мир иной арзамасец Николай Иванович Пинин. Прожил он 121 год. Погребен в Спасском монастыре.

Анна Гавриловна Лопашева из села Собакина Арзамасского уезда прожила 102 года.

1886 год. Умер арзамасец Афанасий Васильевич Васильев, проживший 106 лет.

В возрасте 110 лет в 1877 году рассталась с земной жизнью крестьянка из

подгородного села Новоселок Прасковья Никитина.

102 года своей жизни отметила мещанская вдова Арзамаса Анна Михайловна Клементьева. Скончалась она в 1894 году.

Долгих сорок восемь лет прослужил Богу священник Владимирской церкви Арзамаса Иов Григорьевич Авситидийский, сын дьякона этого храма. Заштатному уже священнику минуло 86 лет, когда он покинул сей бренный мир в 1896 году.

Награда долголетия выпала крестьянину села Пасьянова Арзамасского уезда Василию Карповичу Фролову, прожившему 101 год.

На год больше Фролова прожил крестьянин села Собакина Арзамасского уезда Алексей Иванович Махонин, умерший в 1897 году.

24 декабря 1899 года опочила Феврония Ивановна Вилянова, к которой якобы до женитьбы был равнодушен А. С. Пушкин. Крестьянской дочери исполнилось 94 года. В метрической книге Ильинской церкви она записана как Болдинская.

Девяносто четыре года прожил протоиерей Арзамасского Воскресенского собора Иоанн Дмитриевич Страгородский, родитель патриарха Сергия. Скончался он 31 мая 1901 года. Священствовал 72 года. Поначалу служил в приходской церкви села Собакина Арзамасского уезда — 23 года, 16 лет в Арзамасской Алексеевской общине и 32 года в городском соборе. Тридцать лет был благочинным, кроме городских, в ведении отца Иоанна насчитывалось еще и семнадцать сельских церквей. Имел все награды духовного лица от палицы до золотого кабинетного креста. Погребен в Алексеевском монастыре. В 1885 году выполнил почетное поручение епархиального начальства: следствие о прославлении и чудесах Понетаевской иконы Знамени Пресвятыя Богородицы.

Часто среди русских людей прошлого, из духовного звания, можно было встретить долгожителей. В этом сказывалась, как говорили, «порода», которая крепилась трезвой жизнью, незлобивым сердцем, ясным миропониманием, постоянно добрым душевным настроением, строгими правилами в быту.

Вот и священнику Федору Ивановичу Владимирскому — верному слуге Божьему, была дарована долгая-долгая жизнь. Он родился 8 февраля 1843 года по старому стилю и умер 9 июля 1932 года в возрасте 89 лет.

Служил в Воскресенском соборе, Троицкой церкви Арзамаса, учил детей Закону Божьему, выполнял немало других служб по Духовному ведомству. Федора Ивановича непременно избирали гласным в городскую Думу, он был депутатом II Государственной Думы. Четверть века протоиерей Владимирский доброхотом затратил на строительство водосбора на Мокром овраге и стал для арзамасцев поистине «подателем живой воды».

Горожане присвоили ему звание Почетного гражданина Арзамаса.

...Много жить — много терять.

В начале двадцатых годов нынешнего века скончался в тиши Никольских лесов бывший архимандрит Арзамасского Высокогорского монастыря Софроний. Он был уроженцем Москвы, в миру носил фамилию Смирнов.

Духовный подвиг Софрония продолжался 28 лет, начально в православном монастыре на святой горе Афон. Пятнадцать лет из них провел в затворе. В 1887 году после возвращения в Россию подвижник назначен настоятелем Высокогорской обители.

В 1908 году старец удалился в глухие Никольские леса Арзамасского уезда для отшельнического жития.

Еще при жизни Софроний стал известен своей прозорливостью и даром исцеления

людских недугов.

Прожил арзамасский молитвенник 107 лет.

Эта песня рассказывает о суровых нравах времен воевод, о нелегком положении женщины в домостроевские времена.

В истории города живо предание о том, что близ Соборной площади закопали живьем по шею женщину. Она мучилась несколько дней, кричала, потом стала затихать и, уже в изнеможении, с потухшими глазами, только шептала: «Пить, пить, пить». Такое наказание в те времена давали обыкновенно за убийство.

...Пели молодайки на угреве, на лобном месте, возле дома воеводы:

*В Арзамасе, в Арзамасе — на у красе
Сходилися молодушки в един круг,
Оне думали крепко думу за едино:
«Уж мы сложимтесь, молодки, по алтыну,
Мы пойдете к арзамасскому воеводе».
«Ох, ты, батюшка наш, арзамасский воевода!
Ты прими, сударь, пожалуйста, не ломайся.
Дай нам волю, дай нам волю над мужьями!»
Как возговорит арзамасский воевода:
«Вот вам воля, вот вам воля над мужьями,
Вот вам воля, вот вам воля на неделю»...
— «Что за воля, что за воля на неделю?
Все едино, все едино, что неволя»...*

Что и говорить, XIX век дал немало воли-волюшки и женщине, однако живучи были еще патриархальные порядки в купеческом Арзамасе. То и писал историк города, относя свои слова к первой половине столетия: «Девушки из купеческих и даже небогатых, но хорошего рода семей, жили затворницами: они не только на гуляньях, а даже в крестных ходах не участвовали, даже в церковь брали их очень редко. А чтобы высмотреть жениху какую-либо невесту, нужно было идти или в Алексеевскую общину в Сборное воскресенье, или к Благовещенью в день Параскевы-Пятницы к обедне, куда ежегодно выводили девушек невест, как на выставку».

В семье не без урода, а в большой тем более...

Объявлялись и такие, кто бездумно чернил честь фамилии, города, кому правила мирского общежития звук пустой... В старину с такими много не разговаривали. Упреждали раз и другой, затем ослушника на Сенной площади ждал кнут, солдатчина, а то отправляли в Сибирь на поселение. На распоясавшихся женщин накладывалось строгое церковное наказание, за тяжкие грехи спроваживали в ту же Сибирь.

Городской голова Петр Иванович Подсосов в начале прошлого века слыл суровым стражем нравственных начал, радел, чтобы горожане честно трудились и неукоснительно соблюдали указы благочиния.

Но не все внимали доброму совету, наущению, предостережению. Коли так — паршивую овцу из стада вон! Добился Петр Иванович от губернских властей разрешения против четырнадцати неуправных молодцов, отправил-таки порочных в холодную Сибирь.

Остыньте-ка в чужом диком краю, вкусите трудного хлеба, а как натрет холку несладкая жизнь — поневоле умными станете!

Юродивых в России всегда называли Божьими людьми. В их словах, часто в разговоре бессвязном, в неосознанных поступках миряне видели глубокий смысл, предвиденье определенных событий в мире и в судьбе отдельного человека. Народ почитал юродивых Христа ради, что принимали на себя смиренную личину

юродства.

Весь XIX век старый Арзамас помнил двух своих юродивых, которые не без основания вошли в духовную летопись истории города.

В 1820 году 28 марта скончалась в Алексеевской общине Елена Афанасьевна Дертьева из дворян. Она получила в семье хорошее домашнее воспитание, с детства решила уйти в монастырь, но родители против воли девушки выдали ее замуж. Из-за брачного стола Елена бросилась в открытое окно первого этажа дома — намеренно упала в грязь, начала рвать брачные одежды... Оскорбленный жених тотчас уехал в свою деревню, разошлись гости, молва тотчас разнесла, что Елену испортили...

Четыре года скиталась по улицам Елена Афанасьевна, отвезли ее в дом умалишенных, потом спровадили в Николаевский монастырь, но и тут она бунтовала. Тогда женщину взяли «на поруки» в Арзамасскую Алексеевскую общину. Здесь юродивая смирилась, внешне стихла и сестры увидели, что Дертьева имела дар прозорливости и незаурядный ум.

Начали сбываться ее предвидения, советы приносили добро, а после смерти юродивой сбылись ее пророчества: в указанном Еленой Афанасьевной месте действительно выстроилась церковь великомученицы Варвары. Сбылось и такое, что ее похоронили на месте деревца, которое она трясла частенько и приговаривала: «Ты не на том месте сидишь». Предсказала Дертьева светскому человеку, который был предубежден против монашества, что он пострижется. После врач Медведев точно постригся в Арзамасском Высокогорском монастыре, стал его строителем, а со временем его назначили наместником Свято-Троицкой Сергиевой лавры...

В 1809 году родилась, а в 1884 году скончалась в Серафимо-Дивеевском монастыре блаженная юродивая Пелагея Ивановна Серебренникова, в девичестве Сурина.

Несчастное замужество привело женщину, ее мужа и мать к преподобному Серафиму Саровскому, который и возложил на Пелагею подвиг юродства, как необходимый для ее душевного спасения, и предсказал ей, что она будет жить в Дивеевском монастыре.

Жизнь с мужем не удалась, Серебренников отказался от жены, Пелагея Ивановна стала юродствовать и много претерпела насмешек, унижения, даже рукоприкладства. Сильно, до крови ее высекли по приказу городничего, после чего тот увидел себя во сне в адских муках — совестливый, однако же, оказался городничий!

Несколько лет «маялась» с дочерью мать и наконец поместила ее в Дивеевский монастырь, внося за прием пятьсот рублей.

Прожила в обители Серебренникова долгие сорок шесть лет. Вначале она юродствовала буйно, потом оказала кротость, хотя никогда сама не просила есть, спала в коридоре на полу... В последние годы Пелагея Ивановна стала прозорливо предвещать события и судьбы, многие сторонние искали ее вносказательных предсказаний и мудрых житейских советов...

Блаженный.

Кажется, последними юродивыми в Арзамасе в конце прошлого и начале

нынешнего века были молодой еще мужик из Выездного и Аленка. Как звали того юродивого никто не знал. Ходил он по арзамасским базарам с высоким увесистым посохом, который старательно украшал разноцветными ленточками. Косноязычный, с неразборчивой речью, он не утраивал. Напротив — лицо всегда приветливое, доброе. Подойдет к любому и скажет мягко:

— И тебе — Бог!

Люди охотно подавали на пропитание этому человеку не от мира сего.

Аленка помнится арзамасцам по началу этого века.

Тоже вроде бы обделена умом и говорила с запинкой.

Невысокая ростом, крепко сбитая телом, Аленка часто и беспричинно хохотала. Безошибочно определяла, кто какой человек: добрый, злой... Бывало, возле иного испуганно, громко закричит:

— Чур, мимо, мимо тебя!

И шарахнется в сторону.

Ходила она частенько по купеческим домам. Ее хорошо знали и привечали у Бебешиных, Чичеровых, Вандышевых, Николаевых...

Аленка слыла очень разборчивой, при даче доброхотной милостыни брала пироги попышней, не чуралась яиц, колбасы, белого хлеба. Этим постоянно кормила своих бедных родичей.

...Настали иные времена. Сгубила в первые годы после революции 1917-го Аленка от голода.

Миллионер Петр Иванович Подсосов крутенец...

Потомственный почетный гражданин города хаживал одно время городским головой.

Родитель с продажи мяса нажился, а Петр Иванович и вовсе развернулся. Мясо — мясом, скупал и сбывал еще овчину. Бывали годы, когда купец продавал их до трехсот тысяч. Завел кожевенный завод, на котором поставил первую не только в Арзамасе, но, кажется, и в губернии, паровую машину. Красная «булгара» Подсосова шла за границу.

Среди приказчиков Петра Ивановича и Павел Мерлушкин, из мещан. Молод, красив, в делах честен. Как и всякий из служащих купца, мечтал о своем деле.

И понравилась Павлу хозяйская дочь, Александра Петровна, и вздумалось ему посватать ее. Одно — любовь, но и прикидывал, что женившись, быть-стать ему самому в купеческом ряду.

Долго не осмеливался молодой человек признаться хозяину, наконец, после очередной удачной операции в пользу Подсосова открылся.

Петр Иванович взорвался: «Ка-ак, ты к кому в родню лезешь?! Со свиным-то рылом в калашный ряд... Во-о-он с глаз моих, чтоб и духу не было!»

Затворница.

... Александра Петровна, дочь-то купецкая, затворница-то, успела отличить приказчика родителя, взыграло ответно и ее ретивое, согласилась она отдать руку и сердце Павлуше.

Свиделись тайно, объявил Мерлушкин Александре Петровне о родительском гневе, решительном отказе.

Наплакались влюбленные и дали друг другу слово, зарок, что сохранят они верность... Это и объявила Александра Петровна родителю.

Петр Иванович взбеленился: это как так, да это сговор за его спиной... На поводе у девьей глупости отцу идти? И думать о Пашке не могли!

Так вот родительская воля и оказалась для молодых недолей.

Решились они отказаться от всего и не искать счастья в миру друг без друга. Мерлушкин ушел в Саров, постригся там под именем Пахомия, там его посвятили в иеромонахи, а так как монах обладал большой деловой сметкой, то скоро стал казначеем обители. Умер он 18 ноября 1847 года. После говорили монахи: «А у нас в Сарове не было да, кажется, и не будет такого отца-казначея».

Что же Александра Петровна?

Вспомнила, что всякую судьбу Бог посылает... Отринула, как прах, родительское богатство, отринула фамильную славу, а она далеко по России разнеслась, и ушла в Арзамасскую Алексеевскую общину.

Петр Иванович, лишивший дочь супружеского счастья, старался после загладить свой грех щедрыми пожертвованиями в пользу монахинь. В общине появилась икона Казанской Божией Матери, украшенная жемчугом и разноцветными камнями, которыми могла бы украшаться в миру Александра Петровна. Жемчугу крупного на этой иконе насчитывалось 1310 зерен, среднего — 2615 и мелкого — 425. Камней 470, в числе их 63 бриллианта. С годами Александра Петровна приняла схиму, получила имя Анастасии. Погребена возле самого храма на Всехсвятском кладбище. Родные братья монахини поставили на могиле ее

достойный памятник...

Известный этнограф Александр Власьевич Терещенко в свое время побывал в Арзамасе и написал о нем интересный очерк. Попутно этнограф собрал в городе и уезде много ярких пословиц и поговорок.

Арзамасцы прошлого ценили мудрое слово, старались жить по заповедным истинам дедов и прадедов. Добрым, непреходящим заветом они являются и для нынешнего человека.

Передаем несколько пословиц и поговорок, которые повседневно употреблялись в быту ремесленников, в купеческой среде и во многих-многих семьях иных сословий города.

Не забывал трудовой человек вот эти поучения, присловья:

Ремесло за плечами не носить, а хлеб дает.

Всякое ремесло честно.

Дело мастера боится.

Каков мастер, такова и работа.

Без топора — не плотник, без иглы — не портной.

Начинаючи дело, о конце размышляй.

Как ручки сделают, так спинка изнасит.

Наша кожа и на выставку гожа.

Наш мех не на посмех. Любому на ворот, на шубу — всему российскому люду.

Лучшие кошмы — арзамасские.

Не до барыша, была бы слава хороша.

Прочно обжились эти пословицы и поговорки в арзамасских купеческих домах:

Барыш с убытком в одних санях ездят.

Без ума торговать, деньги терять.

На хороший товар много купцов.

Речка урочит, дорожка купца учит.

Денежка рубль бережет.

Арзамасский купец ста товарам цену знает.

Худо нажитое впрок не пойдет.

Не вдруг богатей, дольше проживешь.

Торгуй правдою, больше барыша будет.

Хороший купец и себя, и мир кормит.

Крепила арзамасскую семью и такая мудрость — памятка мужу, назидание жене и

детям:

Муж — не сапог, с ноги не скинешь.

Жена — не рукавица, с руки не сбросишь.

Где любовь, там и Бог.

Красна пава перьями, а мужняя жена умной головой.

Обходливой хозяйкой все в доме стоит.

Где грозно, там и розно.

На красивого глядеть хорошо, а с умным жить легко.

Малы детушки, что часты звездочки: и светят, и радуют.

Ласковое дитя две матки сосет.

Покорному дитяти все кстати.

Так и называли последние пятнадцать лет XIX века горожане — время горькое, неприбыточное. Волгой, невиданными доселе железными дорогами — все мимо, мимо поплыли и покатали купеческие товары с юга, с восточных окраин... И разом прекратился прежде такой доходный извозный промысел, перестал Арзамас служить подторжьем Нижегородской ярмарки, убрали хозяева заезжих дворов зазывные елочки, исчез с базаров и оскудевших ярмарок приезжий торговый люд. Короче, арзамасцы только кормились, а денежку не наживали. В конце века, как рассказывали старожилы, запустение виделось во всем, лишь в базарные дни и оживал малость городок. Для приглядчивого приезжего только богатое убранство церквей и говорило о том, что Арзамас знавал куда лучшие дни.

С последней четверти века, в годы упадка, при общем оскудении, стал заметно меняться быт арзамасцев. Вот как об этом писал историк города Н. М. Щегольков:

«... В Гостином ряду более 20 лавок стояли пустые, в Мучном ряду также около 10 лавок никем не были заарендованы. Лавочная торговля шла самым плачевным образом. Местные торговцы беднели, разорялись. Многие природные арзамасцы в поисках куска хлеба разъехались по другим городам и остались там навсегда.

Особенно грустна была судьба мальчиков из небогатых мещанских семей... Не успеет мальчик окончить городское училище, лет 12-ти, пока не перерос, везут его на Нижегородскую ярмарку, мать или тетка ходит с ним там по номерам и предлагает каждому встречному: „Не надо ли вам мальчика?“ И отдавали мальчиков куда попало: некогда было разбирать, к хорошему человеку или нет, к солидной фирме или к эксплуататору... Увозили из Арзамаса ежегодно не менее полусотни таких мальчиков. И куда только их не заносила судьба...

При скудной наживе арзамасцам было уже не до построек: за эти лихие годы в Арзамасе не выстроено ни одного хорошего дома.

Внешнему разрушению соответствовала и бедная внутренняя обстановка. Только в одежде арзамасцы обоего пола продолжали тянуться за модой, все свои заработанные деньжонки употребляли на щегольство и внешний блеск, стараясь этим как-нибудь обмануть друг друга... При недостатках средств все, что оставалось ценного после предков, пошло на продажу: старинные жемчуги, золотые вещи, национальные костюмы, столовое серебро... все это сошло с рук. Один богатый житель Выездной слободы вздумал купить старинный женский национальный костюм, но такового уже не нашлось во всей Выездной ни за какую цену, все уже было продано... Офени-вязниковцы, покупатели старинных вещей, то

и дело ездили в Арзамас, точно на ярмарку, скупали за бесценок старинные вещи и наживались...»

Первой жертвой лихоletья стала нравственность горожан. Падали «нравы» в среде наемных рабочих кожевенных и кошмоvalьных заводов, обедневших мастеровых, иных мещан. Объявилось пьянство, социальное озлобление.

Воспрял Арзамас, опять впрягся в работу с 1901–1902 годов, когда ветка железной дороги наконец-то соединила его с губернским центром, когда доставка сырья и отправка готовых изделий стала дешевле. Вот с этой поры арзамасцы особо осознали старую поговорку: Нижний — Арзамасу брат ближний...

Как и повсеместно в стародавние времена, арзамасцы рано ложились спать. В начале XIX века зимой городок часов в восемь вечера уже затихал.

Зато памятуя, что ранняя пташка носок прочищает, а поздняя только глаза продирает, еще затемно поднимался ремесленный человек. Так, кожевники трудились уже с полуночи.

Завтракать садились на свету и тут же ложились «досыпать» часа на полтора-два.

Торговые люди вставали попозже — часа в четыре и торопились в свои лавки, растворы — продажу начинали при огне. В такую рань спешили на базар иные арзамасские кружевницы, кто не отваживались выносить на люди днем свои не всегда доброкачественные рукоделия. Знать, не случайно их кружева так и назывались «путанка».

Обедали горожане обыкновенно в двенадцать.

Ужинали рано. Для тех, кто домовничал, был позволителен легкий паужин.

... В будние дни без нужды особой к соседям, даже и к родным старались не ходить, не беспокоить, не скрадывать у людей дорогое рабочее время. Все такое оставлялось на воскресенье и праздничные дни, которые всегда так ждали.

Неторопливость существования уездных городков, своя ритмика жизни, согласованная со сменой годовых циклов: зимы, весны, лета и осени. извечная разумность суточного круга — все это, освященное православной духовностью, выверенными во времени отчими традициями, создавало благотворную устойчивость народного бытия.

Арзамас во все времена оставался благочинным, ревнивым к православной вере, к храму Божьему.

Качнул застоявшуюся за ночь тишину блавест с соборной колокольни, и тотчас семнадцать других колоколен откликнулись со всех сторон. Этот мягкий утренний звон сливался в единый настойчивый зов, и каждый в нем слышал свое сокровенное, тащенное к душе.

... Чисто одетые горожане, медленно поспешая, идут в свои приходские храмы.

В конце обедни, когда поется «Тебе поем» или в просторечьи «Достойно есть» — звонят в колокол. Услышит звон та из женщин, что оставалась дома исполнять кухонный черед, поспешно поднимала себя с лавки, заботилась: «Отслужили обедню, пора вынимать пироги из печи, сейчас придут наши». Тихо посмеивалась: «Теперь, поди-ка, всяк догадался, что проголодался».

Пора вынимать пироги...

Хозяйка отнимает заслонку в печи и лицо ее опухнул дразнящий запах разварных щей, жирный дух подрумяненных пирогов и упревшей каши...

И на целый день воскресный семья в добром сытом настрое. Готова и гостей принять, и самим дойти до родни или соседей.

Воскресенье — душе возвышеньё!

А вот день канцелярского служилого.

Распорядок дня чиновного рано не беспокоил. Все начиналось с утреннего чая в 8 часов, его подавала чаще кухарка. Разумеется, к чаю полагалась холодная закуска.

Занятия в учреждениях начинались с 9 часов и продолжались до 13 часов. После обильного обеда обычно час-другой отводился для отдыха или сна. Затем следовал чай, и канцелярский чин с 6 до 8 вечера сидел в присутствии.

... Ценились чиновники с красивым почерком. Во второй половине прошлого века появились пишущие машинки, но их было еще мало.

Чиновный всегда в народе виновный...

Солнышко на обед пошло... Отложены топоры и пилы — натянула работа рученьки, погнула спинушки. Плотники медленно, победно идут умываться. Весело гремит пробой рукомойника...

Поставила на стол расторопная стряпуха огромную деревянную чашку дымящихся щей, а в ней густо и капусты, и мяса.

Оправили усы и бороды мужики, перекрестились, и хорошо засветились над столом их загорелые лица.

Вначале похлебали щи без мяса яркими деревянными ложками. Старший артельщик, наконец-то, отделил мясо от костей, возвратил разварную говядину в чашу и постучал о ее боковину своей здоровенной ложкой. Стали мужики вылавливать и мясо...

На второе стряпуха выставила лапшу с мясом. Тесто натирала для лапши она сама. Управились работнички с лапшой, подана на стол гречневая каша, густо политая растительным маслом. Назавтра такую кашу стряпуха польет растопленным свиным салом.

Говорливая, улыбчивая стряпуха подает еще «перемену» — молоко с крошеным белым хлебом, опять же в большой хлебальной чашке.

Расписные ложки плотников плавают над деревянной столешницей все реже, ленивей...

Во время работы артельщиков всегда под рукой жбан с пенным ядреным квасом...

... До обеда тощо, а после обеда тяжелей еще.

На Куринке, что в Ильинском приходе...

Идешь ранним летним вечером по улице — вся она заросла травой... И почти перед каждым домом на той траве-мураве видишь вольно сидящих женщин в ярких ситцевых платьях. Скатерть раскинута, рядом самовар весело посапывает, тут же пучок сухоньких лучин, чтобы по мере надобности взбодрить остывшего дружечку. На скатерти — вобла «для разгону аппетита», калачи рогатые, стряпанье пироги, сахар, варенье... Мужики еще работают с мехами, а ихние женушки убаживают себя на здоровье...

Так много густого предвечернего света на загорелых срубках домов, на лицах женщин, на медных боках самоваров...

Затих плавающий вечерний звон колоколов в густых садах. Поужинали. На город опускаются прохладные вечерние сумерки — день прошел, людские заботы увел... Скрипят калитки и глядишь — через дом-два сидят на лавочке те же женщины, девицы и так задушевно поют. У нас, на Куринке, были свои любимые песни: «Уцеркви стояла карета», «Зачем же, безумная, губишь», «Погасло солнце за горою», «Голова ты моя удалая». А еще пели и вот эту:

*В жизни трудной, безотрадной
Долго ль плакать буду я!
Во слезах она томилась,
Точно смерть была бледна.
Трое суток не смыкала
Свои очи сладким сном,
— Все о друге тосковала,
Друга милого ждала.
— Ах, ты, милый, — нет тебя милее!
Поверь — правду говорю.
Ты прерви, прерви мученья,
Ты утешь любовью скорбь!
Когда будешь в разлученье —
Вспомни, милый, обо мне!*

Грустная песня! А какая же молодость без томления, без грусти любящего сердца...

После восьми вечера город уже трещал — это выходили на свою службу ночные сторожа с постукалками.

Сторожа — люди все пожилые, не очень-то здоровые.

Иной, выйдя их своей калитки, вздохнет, сам себе напомним: день с костей, а сырая ночь на кости — мозжат, труженые...

Слово «постукалка», и сам предмет — арзамасские. Досочка сухонькая лопаточкой, с выступом черенка для руки. В широкой части досочки просверливалась дырочка, через нее закреплялась цепочка с небольшой гаечкой на конце. Вышагивал тихой спящей улицей сторож, помахивал постукалкой, та гаечка на цепочке билась о досочку и издавала сухой звонкий звук. Стучать надо было часто, дабы обыватели, проснувшись, уверялись, что охранитель их покоя не спит — «ходит», неусыпно бдит...

С постукалкой.

Забрезжил рассвет, заря занялась, мещанки погнали коров в стадо, в сыром воздухе лениво перекликаются их сонные голоса. Ночной сторож устало идет домой. У родной калитки обернется, зевнет в прохладу зябнувшего кулака.

— Ну вот... День да ночь, и сутки прочь...

Куплею да продажею базар живет

Давно арзамасцы положили быть у них базарам по понедельникам и пятницам. Прадедам и в голову бы не пришло торговать по воскресеньям. Едва ли не половина этого дня отдавалась Богу, церкви, а с обеда полагался отдых. В субботу тоже не до торгов. Это день стирки, уборки по дому и двору, а также желанный банный день. Накладно было устраивать каждодневные базары — отнималось бы рабочее время у горожанина и селянина, а потом и нужды такой не испытывали.

Долгое время многие арзамасцы ездили на базар на своих лошадках. До открытия судоходства по Волге, до железных дорог коней содержали охотно, мещане хорошо прирабатывали тем же извозом. Некоторые направляли оглобли даже на Макарьевскую, а потом и на Нижегородскую ярмарку для закупа сыпучих продуктов: соленой рыбы, вина, специй, — делать годовой запас выгодно, значительно дешевле, чем повседневно брать в лавочках часто залежалые продукты. Почти при каждом доме имелся погреб с ледником, где и хранилось все скоропортящееся, кладовые, сараи с ларями и сусеками.

Должно отметить ту особенность арзамасского базара, что главным покупателем-то на нем было все-таки сельское население.

Отмечали: сытен арзамасский стол. Город долгое-долгое время — до 1880 года — являлся скотопригонным пунктом, здесь топили сало, лили свечи, готовили солонину для государственных нужд. Забои огромного количества скота наполняли местный базар дешевым мясом, требухой, его дешевизна снижала цены и на остальные продукты.

Как и во всех городах, в Арзамасе базары издревле осели на площадях.

Базар да торг на ум наведет

До 1927 года площадь была много больше. Ее ведь не разделял еще насаженный Алексеем Ивановичем Согоновым садик.

Торговля в старину начиналась рано, в Соборном проезде, едва ли не от Крестовоздвиженской церкви, от начала Прогонной.

Пройдемся памятью по базару, скажем, семидесятих годов прошлого века, его арзамасцы называли Мытным.

Площадь вбирала в себя шестьдесят торговых мест, каждое в длину три, а в ширину два аршина.

Два ряда по направлению от здания бывшего магистрата к улице Новой занимали мясники. По зимам у них в палатках, кроме обычного мясного разнообразия, в продаже постоянно поросята, битые гуси и зайцы. Десять столов икорных. Располагались они в одну линию между Николаевским монастырем и Введенской церковью. Пятнадцать столов определялось калачникам и крендельщикам. Хлебники имели тут и пять ларей для хранения выпечки. Ближе к Воскресенскому собору осенью шла бойкая торговля арбузами. Неподалеку предназначалось семь столов огородникам. На восьми столах предлагали фрукты. Ряд назывался лимонным. Двенадцать столов заполнялись самыми разными пряниками.

Удивило бы нынешнего человека то, что с нескольких столов продавали спички. В те времена спички часто делали ручным способом в селах, особенно серные, с неприятным запахом. Это был промысел, наживались на нем те, кто давал «урочную работу».

Пройдемся окрайкой Мытного.

На углу площади и улицы Новой по осеням селяне продавали зерно. Сюда свозили особенно много конопляного семени, иногда до ста возов. Птицеловы из ребят, когда шли в городское училище, запасались тут лакомством для своих пернатых друзей. Конопляное семя обыкновенно продавалось оптом.

Близ угла дома Бебешиных и Сальниковой улицы надолго облюбовал себе место меховой ряд. С осени и всю зиму шла торговля мягкой рухлядью, что выделялась арзамасскими скорняками.

У ограды церкви Введения и до магистрата шумел Балчуг. Здесь предлагали всякое плательное старье. Тут же объявлялись старинные антикварные вещи. Историк города Н. М. Щегольков сетовал на то, что Арзамас постоянно прочесывали московские и прочие офени — скупали за бесценок старинную одежду, книги, картины ступинской школы, посуду, золотное шитье...

От магистрата — в конце прошлого века «Каланчи» — сидели торговки с пареной брюквой, вареным жерехом. Горячее держалось в больших закрытых корчагах. Здесь же каждый мог выпить «Кислых щей» — кваса, приготавливаемого из ржаного и ячменного солода и пшеничной муки.

Ближе к улице Новой, к зерновому ряду, примыкал рыбный ряд. В палатках из холста продавали «простую» рыбу, привозимую от тумановских, пустыньских и вадских рыбаков. Рыба не переводилась в Арзамасе круглый год: судак, лещ, жерех, тарань, вобла... В икорном ряду манила привозная дорогая рыба: севрюга, осетрина, стерлядь, навага и северная рыбка — снеток.

У церкви Введения торговали еще и разным растительным маслом. В старину слово «растительное» не употреблялось, в домашнем обиходе слышалось неизменное «постное».

Кроме всего, на Верхнем базаре всегда можно было приобрести разные железные изделия, а также иконы, картины арзамасских живописцев.

Без ума торговать — деньги терять.

Площадь эта лежит между старых улиц Большой, Ореховской и Гостиного ряда.

Тут городская управа сдавала тридцать деревянных лавочек, что тянулись к Ореховской улице. Размеры лавочек: в длину пять, а шириной в три аршина.

Шесть полок откупали калачники. Двадцать семь растворов снимали под хлеб, к ним придавались хлебные и квасные лари.

По правой стороне, как спустишься с Соборной площади, торговали мукой, пшеном, крупами, как говорили некогда, зерновыми хлебами, но в размолотом, готовом виде.

Сюда свозили картофель из сел и деревень.

На площади предлагали щепные изделия, шерстяные и льняные товары, пеньку, разную обувь, рукавицы, варежки, перчатки вязаные, а возле часовни хозяйки выбирали «звонкий товар» — глиняную посуду.

На Благовещенской арзамасские торговцы скупали у крестьян пряжу.

Ближе к Бирже хозяйничал знаменитый Обжорный ряд. Он размещался у южного края площади, рядом со старым трактиром Ситникова... Ряд состоял из большой глинобитной палатки с навесом. Тут ждали людей с тощим кошельком: сбывали им вареную печень, легкое и прочее нутряное, наконец, просто мясо, что похуже. В палатке всегда дымились горячие пироги с мясом, капустой, морковью, с яблоками... Рядом предлагали калачи. Их пекли тогда с «рожками», а то и похожими на пироги. Эти спрашивали почаще. Вытянутый, но не круглый, с перехватом посередине — восьмеркой. Такая в нем особенная: верхняя корочка поднималась, а там хлеб пропитывался свежим постным маслом — вкуснота-а...

1 августа — первый медовый Спас, а яблочный Спас — 6 августа по-старому.

Съезжались в город продавцы меда, часто из мордовских сел. Какой славный народ — здоровый, чистый и добродушный. Бывало, в медоносный год наедет до сотни пасечников, станут они от горки до горки в два ряда за временными прилавками. Меду покупали арзамасцы помногу, в году же постных дней хватало. Немало бегало тут босоногой ребятни — перепало им... То и дело слышишь, бывало, ребячий рев: опять кто-то наступил на пчелу, разозлил ее, а она так тепло провожала нечаянного, впрочем, обидчика...

В Яблочный Спас десятки возов стояли с дарами природы под стеной Спасского монастыря со стороны Спасского озера.

После медового и яблочного Спаса наступает капустная пора. Мало того, что в юго-восточной части города располагались большие частные огороды — земля сдавалась в аренду, привозили горы этой капусты из подгородных сел, особенно из

Нового Усада. Вozy с овощем выстраивались по всей Ореховской улице, а в отдельные годы капустный ряд протягивался и по Ильинской улице. Подходи, выбирай! С капустой зимой на столе не пусто!

Продал — прожил, купил — нажил

Эта обширная в свое время площадь находилась на выезде из города близ выездного моста в конце улиц Затешной, Мостовой, Кузнечной и Ново-Московской.

Уже само название площади говорит о продаже тут сена, соломы, скота, домовых и банных срубов, дров... Площадь издревле окружали кузницы, каретные сараи, сенные завальни. Здешние умельцы ковали лошадей, выполняли слесарные работы, ремонтировали легковые экипажи, телеги, сани, здесь можно было купить дуги, шорные изделия, вожжи и веревки...

Эта площадь долго в памяти народной слыла страшной, ею пугали детей. Тут, до отмены смертной казни в 1753 году, производили палачи так называемые «торговые казни». Торговыми они назывались по месту исполнения смертного наказания. Позднее, до отмены тяжких телесных наказаний в 1863 году, здесь секли кнутом.

Нужда цены не ждет. Базар цену скажет

Она на стыке бывших улиц Прогонной и Стрелецкой.

В старые годы: в XVIII — первой половине XX века на этом месте торговали дровами. Позже в плане благоустройства города торговлю топливом перенесли на Сенную.

Телега хлеб в дом возит, И сани — на базар

Она на пересечении улиц Новой и Алексеевской.

Торговых гостей тут бывало из разных волостей...

Мука, зерно, разные крупы. Торги, как сказывали, производились серьезными, а заканчивались они обычно добрым согласием в трактирах, в тепле...

Торг знает меру, вес и счет

Какой же базар без весов и без всяких там мер!

Они стояли на Соборной и Благовещенской площадях. На Соборной надолго встали близ северной стороны Введенской церкви, занимали место две с половиной сажени в длину и полторы в ширину. Весовая площадка имела двускатную крышу, стояла на четырех столбах. К коромыслу весов придавались большие деревянные чаши, обитые полосным железом по краям и посередине. Тут же лежали клейменные гири. Двухпудовые, пудовые, «батман» — на десять фунтов, четыре килограмма.

Доход в городскую казну от этих весов получали в год до четырехсот рублей.

На Благовещенской площади весы стояли такие же, с таким же железным коромыслом, что и на Соборной. В небазарные дни любила тут вездесущая ребятня взвешивать себя. Гири лежали открыто и никто на них не «зарился».

Без веса, без меры, нет и веры.

Счет не солжет, а мера не обманет

«Зерновые хлеба»: мука, крупы прежде не всегда взвешивались, продавали их и мерами. Мерами отпускали лук, картофель, морковь, яблоки... Поначалу мера была произвольной — местной, но позже ее узаконили в объеме и весе, заклеямили. Она составляла пуд и двенадцать фунтов. Но бытовала на базаре и пудовая, а точнее — 17 килограммов и 87 граммов.

Долгое время мера — обычная деревянная кадушка, а в последнее время она выполнялась и из толстой жести, цинкового железа. Бывало, деревянная-то иными торгашами делалась с двойным дном. Но скоро это обнаружилось покупателями, и дорого обошелся обман мошеннику: более на базаре он не появлялся...

Торг, базар породил множество метких пословиц и поговорок, всяк в Арзамасе знал вот эти:

Тому не дурно живется, у кого денежка ведется.

То дешево, что нам не нужно, а что нужно, то дорого.

Товар не хвалить, так и не свалить.

Без наклада барыш не наживешь.

На базаре два дурня: один дешево дает, а другой дорого просит.

В Обжорном ряду чего не услышишь!

Вот и такое зазывное:

*Пышки горячие! В горле не стоячие. Пирог с начинкой! С печенкой, свининкой...
Свежий калач — Денежку не прячь! Подходи, торопись, Покупай, не скупись!*

Базары два раза в неделю, но в том же Обжорном ряду ребятишки в любой день могли себе «посластить язычок».

Чем же? А вот — «избойной», скажем. Это спресованные маковые семена — ей-ей вкусно! «Избойну» продавали за деньги, но также и за всякий утиль: тряпье, кости... В общем разный хлам не залеживался в старое время в сараях...

Долго любимой у детворы оставалась и кос-халва. Продавалась эта халва палочками, обернутыми в цветную красно-синюю бумагу. Все бы хорошо, только эта халва вязла в зубах, бывало, не сразу ее и откусишь.

А еще продавались «рожки» — плод какого-то южного растения. На погляд — стручок сантиметров двенадцать длиной, темно-коричневого цвета. Очень уж тверды семечки в рожках.

Все эти сласти продавались недорого, вполне были доступны детям.

В давние времена базарные цены отличались большей устойчивостью, их повышали лишь народные бедствия, в основном война, неурожай... Цены создает спрос и предложение, но главное — экономическое положение государства.

Вот цены в Арзамасе в 1911 году.

Пуд ржаной муки стоил 80–90 копеек. За пуд пшеничной муки спрашивали 1 рубль 50 копеек. Пуд гречневой муки можно было купить за 1 рубль сорок копеек. За пуд пшена ставили ту же цену, что и за гречу. За пудовую меру картофеля платили от 20 до 40 копеек. Фунт мяса стоил от 11 до 18 копеек, а пуд лучшего тянул на 80 копеек. Десяток яиц отдавали за 8–10 копеек. За фунт постного масла просили 15 копеек, за фунт сахара 17–20 копеек.

В конце прошлого века фунт простой икры можно было взять за 20 копеек, щучьей — за 40 копеек, кетовой поднимался до 60 копеек, а фунт паюсной — до 2 рублей.

Цена 750 граммовой бутылки водки — 40 копеек, ведро водки стоило восемь рублей. Пиво арзамасское «Баварское» в 750-граммовой бутылке не дороже пяти копеек, а квас «Кислые щи», повсеместно распространенный в России — 2 копейки за бутылку.

На Сенной площади продавался домашний скот. Вот какие держались на него цены в том же 1911 году: лошадь хорошая стоила до 50 рублей, корова до 60 рублей, свинья от 15 до 25 рублей, овца от 4 до 6 рублей. Пуд соломы брали за 12 копеек, а пуд сена за 40 копеек.

Арзамасец Дунаевский, впоследствии архитектор, вспоминал: «Материальная сторона жизни необычайно облегчалась исключительной дешевизной на все продукты питания... Служба одного человека (нерабочего), не говоря уже о холостяжниках, обеспечивала семью всем необходимым».

Бытовало Дворянское собрание, Купеческий клуб, известное Общественное собрание...

А тут на улице Прогонной при доме № 2 долгое время существовал самодеятельный уличный клуб.

В доме до винной монополии, до «казенок» шумел кабак, и наезжие крестьяне в базарные дни охотно подворачивали к злачному месту. После кабака в доме объявилось две лавки. Одна-то булочная, а другую, бакалейную, содержал Шишкин.

В лавке у Шишкина.

Считали Ивана Павловича интеллигентным человеком, может быть и потому, что он чисто одевался, умел поговорить с простолюдином и господином. Да, знал подход к любому. Злые языки утверждали, что многоречие, а то и «речевой понос» владельца лавки — напускное, для завлечения покупателей. Только нет. В заведении Ивана Павловича собирался самый разный народ, ищущий правды, желающей понять, что происходит в мире и родном Отечестве, каковы политические ветры и куда они дуют.

В небольшом зале играли в шашечные игры: в «поддавки», «треугольники», «волки и овцы», в «крепкие», но тут же и читали газеты, обсуждали печатные материалы, формировали мнение, ближние и дальние события процеживались через народное сознание. Короче, не досужие сплетники собирались у Шишкина, ежели постоянным комментатором уличного клуба являлся преподаватель Троицкого училища Николай Григорьевич Коридарин, отдавший сорок лет народному просвещению.

... Многое из прошлого забылось, а вот жаркие подчас беседы любомудров, тот же Коридарин в своей форменной фуражке с кокардой, его мудрые слова помнятся как нечто отрадное, светлое.

Он помещался в ампирном доме Амозова на улице Новой. Позднее в нем обитал клуб «Красная звезда», а доживал дом со скучной вывеской мебельного магазина.

До революции в летнее время привлекал клуб небольшим, но романтическим липовым садом, своей интимностью.

Вечерами на легкой эстраде в саду томно играл оркестр струнных инструментов.

Клуб располагал небольшой библиотекой, выписывались в основном столичные и нижегородские журналы и газеты.

Сцена зрительного зала давала приют любителям самодеятельности и заезжим гастролерам.

Гостиная с роялем, хороший буфет, комната с карточными столиками, давно полюбившийся арзамасцам бильярд...

Публика приезжала и приходила сюда почтенная: дворяне, чиновники, интеллигенция, купцы. Здесь проводили кто часок, кто вечер. Клуб являлся также местом деловых встреч, общественных собраний горожан.

На сцене клуба в спектаклях впервые увидели арзамасцы свою любимую талантливую актрису и красавицу Елену Николаевну Судьину.

Это уж в наше время стало просто, при всеобщей-то грамотности... А прежде, а в старину — затруднительно. Как составить то же прошение, коли не ошастливлен грамотой. А потом надо же знать к кому обращаться, по какому ведомству бумага пойдет.

Сыскался в Арзамасе для простых селян хороший человек. За глаза звали его: площадной дьяк. Служил он псаломщиком в Троицкой церкви, а жил-то на улице Малой. Бывало, отслужит в храме и идет в базарный день на Благовещенскую площадь. Его уже выглядывают, ждут. После сидит псаломщик в трактире за столом, рядом с ним пристроился просьбеиный мужичок. Выложит он, Медведев, из кожаной сумы бумагу. отвинтит у старинной медной чернильницы медную же закрывашку, достанет стило и начинает писать со слов того сосредоточенного мужичка.

Брал Петр Медведев за свой письменный труд двадцать копеек. Ну. само-собой, от

предложенной рюмочки не отказывался, однако не злоупотреблял.

Ловок был писать деловые бумаги площадной писарь! Иной раз так убедительно изложит, так словом-то проймет, что тот мужичок, прослушав «себя», чистую слезу обронит, а то и грудь колесом выпатит — знай наших!. Помогал, прямо скажем, много помогал людям народный заступник. Частенько в своем городе у уездного начальства, а то и в столице дело решалось к той радости мужицкой.

Любили Петра Медведева городские ребяташки. Идет он домой, подчас, не совсем твердой походкой. Обступят малые, гвалт веселый поднимут, а он их и жалует дешевыми лампасейками в сахаре. Иногда расчувствуется, расцелует иного малого в темечко и еще конфетку даст. Махнет рукой.

— Кыш, ребятаки, голые пятки!

У него восторженная детская душа — это уж точно!

Многие ли всю жизнь ребяташкам отдают... А вот Николай Александрович Зайков отдавал. Жил он на Ильинской прежде улице. Частенько видели его за городом: все ходил, что-то высматривал.

— Ты чево, Николай Александрович?

— Глинку, хорошую глинку ищу! Я же глиномял...

Намнет глины мастер и начинает лепить самые разные детские игрушки, свистульки.

Еще до революции, когда на Ивановских буграх детская ярмарка в Семик устраивалась, стоял Зайков со своими изделиями.

И — дешево, и — мило!

Что же предлагал ребятам Николай Александрович. Работал он и с гипсом. И на торговом его столе красовались яркие разного рода свистульки, зайчики, куклы, копилки...

И по зимам помнил мастер о городской ребятне. Вместе с женой Еленой Ивановной пекли из муки «сладкие» игрушки: петушков, солдатиков, коровок, рыбок — мало ли на кого руки разохотятся в работе.

Помнится Николай Александрович по двадцатым годам, работал он и в Отечественную войну для мальчишек и девчонок. В последнее время на Мытном к радости детворы сиживала со своими изделиями уже одна Елена Ивановна...

Долго в Арзамасе жило старое слово «деульшик», что, согласно словарю, означает: есть со вкусом, вкушать, наслаждаясь.

Наслаждал, что и говорить, Николай Александрович арзамасскую детвору — вечная ему память!

Прежних травников уважали.

Во второй половине прошлого века Иван Александрович Володин лавочку с травами держал — это против каланчи, против прежнего магистрата. Травником слыл умным, хорошо знал что полезное для человека растет на лугу, в лесу. Подсказывал, как варить наставы из лечебных трав.

Его чаще видели летом за городом. Все-то он с кошелкой, а в той кошелке разные травы.

Встретишься невзначай, поднимет он лицо — глаза ласковые, чистые.

— Все ищешь, Иван Алексеевич?

— Каждая травка в своем местечке растет, вот и хожу на встречу...

В Выездном он жил, Моторов, и всяк знал его. Да и у арзамасцев лекарь на слуху. Многих на ноги ставил. Ведь к нему даже из Москвы приезжали. Он даже из-за границы травы выписывал.

Поприжали Моторова в революцию, как сказывали. Пришли с обыском, отобрали у Ивана Алексеевича старинный лечебник и травник. Книги унесли, а лекаря припугнули: не по науке лечишь, смотри-и...

Пользовал Моторов и домашний скот. Хорошая лошадь у Бебешиных захромала, и ветеринар не помог, а выездновский травник поднял ее на ноги — дивились люди...

В мире, что в море — много всякого. Много и людей всяких. В «полгоре», в Гостином ряду, торговал бакалейщик Никитин Павел Пафнутьич.

Небазарные дни скучные — в лавках покупателей негусто, и их степенства от безделья занимались кто чем: играли в шашки, перекидывались в картишки, листали иллюстрированные журналы, а кто «в окно смотрел да мух давил»...

Проживал в городе набеглый босяк, грузчик, который и подрабатывал у торговцев Гостиного ряда. Крепыш, волосом черен, лицом дик. Имя его мало кто знал.

Как-то засиделись у Никитина купцы и пало хозяину лавки в голову позабавить торгашей. Повелел Павел Пафнутьич кликнуть босяка. Сыскался, пришел мужик, стал у притолоки. Никитин к нему с ласковой приманкой в голосе:

Видел тебя в Обжорном ряду — здоров ты за столом... Мы вот тут поспорили... Я и говорю, что ты полпуда пряников «лапши» съешь и не пикнешь... Пари я держал, братец, не обмани моих ожиданий...

Босяк кивнул.

— Съем хоть што!

— А воды только ковш дам...

— А боле и не надоть!

Нелишне сказать о «лапше», теперь-то о ней уж никто и не помнит. Выпекались сии пряники из очень крутого теста, правда, сдабривались изюмом. В желудке эта самая лапшичка очень разбухала, то и ценилась за «сытность». Ну, взвесили пряники, воды ковш набрали, посадили босяка в сторонку, стали наблюдать. И ведь умял, съел ставленное мужик!

Выиграл пари Никитин. Позабавил босяк купчиков-голубчиков. Что с ним случилось? А вышел из лавки, пал на тротуар и проспал сутки без просыпа. После проснулся, зашел к Никитину, да и лыбится:

— Сытен чужой обед, да жаль, только на одни сутки...

И Павел Пафнутьич заулыбался.

— Нако-сь на бутылку, на закуску, не посрамил ты меня! С той поры и стали звать того босяка прожорой...

Ходил у нас по городу один одяжка.

Иной раз, как мало подадут, растрепанный, явно с укором к базарному люду, тряхнет холщовой сумкой на лямке и закричит зло:

— Сумка-котомка, что в тебе тонко?!

Зашел как-то на Мытный пьяненький, ноги колесом — веселый. И заблажил ором:

Хожу по базару — Не боюсь пожару. Хлеб во мне, Что есть — на мне!

— Что так, Степушка?

— Кы-ык што! Раньше жил в своей деревне и много ли мало имел все-то боялся пожару. А т-теперь-ша! Ни кражи, ни пропажи, ни пожара мне, ни печного жара...

И — горько заплакал.

На русской улице много праздников

Главные христианские праздники предваряются постами.

Посты в христианской традиции — это первенство духовно-нравственных стремлений над чувственными. Уже в первые века православия считалось несовместным с постом употреблять в пищу все раздражающее и возбуждающее, что способствует осудительным похотям плоти.

Посты делятся на многодневные и однодневные.

В православном календаре четыре больших поста. В старое время посты в России соблюдались со всей строгостью церковного устава, неукоснительно соблюдались и однодневные посты.

В соответствии с постами русский стол делится на скоромный и постный.

Православный человек не угнетался постами, хотя постных дней в году насчитывалось до двухсот.

Жила в народе такая поговорка: год хлебобобный, пост не голодный.

ВЕЛИКИЙ ПОСТ. Он напоминает о сорокодневном посте Иисуса Христа в пустыне, для православных — это время молитвы и покаяния, когда человек испрашивает прощения своим грехам, чтобы затем с чистой душой причаститься Святых Христовых Тайн, приготовиться к празднику.

Жизнь провинциального Арзамаса, как и по всей России, в посты не менялась. Не поощрялись всякого рода развлечения в общественных местах, на улицах, а в последнюю, Страстную Неделю, они вообще запрещались.

Резко менялся стол. Исключалась даже рыба. Хозяйки подавали постные щи, грибные, иные супы и похлебки. На второе выставляли разные каши с растительными маслами: подсолнечным, конопляным, маковым, ореховым... Домашняя лапша, картофельные и рисовые котлеты, пироги с горохом и разными кашами... к этому всевозможные овощные приправы, а для аппетита редька с хреном. В чести соленая капуста и, конечно, соленые грибы. На третье предлагались фрукты, моченые яблоки, мед, засахаренные ягоды. Не забывали

арзамасцы полакомить себя фруктовыми и ягодными киселями. Кто не употреблял чай, тот всегда мог испить пенного домашнего кваса — медового, клюквенного, яблочного...

Никто на Руси с поста не умирал.

ПЕТРОВСКИЙ ПОСТ. Или апостольский. В зависимости от Пасхи, мог быть то короче — неделю со днем, то продолжительнее — шесть недель.

... Праздник Петра и Павла, 29 июня. Самый разгар лета, начало сенокоса, кончается петь кукушка, начинается страда.

Петровский пост начально довольно беден, но скоро наступает пора овощей. Готовили ботвинью (от слова ботва овощная) с разной рыбой, щавелем, со свежими огурцами. На столе дразнила аппетит молодая редечка с постным маслом.

Извечная мудрость: с поста не мрут, а с обжорства дохнут.

Петровский пост особо чтити сельские женщины: для скопа масла хорош.

УСПЕНСКИЙ ПОСТ. Он в честь Пресвятой Богородицы, длится с 1 до 15 августа. Пост строгий, но ослабляется по субботам и воскресеньям, а также в праздник Преображения Господня.

В этот осенний пост, кроме обычной постной пищи, угощались разными пирогами с овощами и фруктами. Любимые в народе, они хорошо украшали стол.

1 августа — первый медовый Спас. Спасовка — лакомка, — говорят в народе.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОСТ. Он предваряет праздник Рождества Христова за сорок дней и потому называется также четырьдесятницей. Иначе он называется филипповским, так как начинается 14 ноября, когда празднуется память апостола Филиппа. Строгость поста усиливается с 20 декабря, а в последний день — сочельник не едят до первой звезды.

В Рождественский пост у арзамасцев была в почете рыба. Готовилась она по-разному, смотря по достоинству рыбы. Обязательно уха, пироги с севрюгой, а то и с вязигой — рыбными хрящами и рисом. Арзамасские пироги были известны россиянам. Не случайно такой большой бытописатель как С. В. Максимов писал: «В России некогда славились пироги арзамасские с рыбой астраханской». Более ста лет ценную рыбу в город привозили из Астрахани купцы Николаевы.

ОДНОДНЕВНЫЕ ПОСТЫ. В течение года к ним относятся: пост в среду — в воспоминание предания Спасителя на страдания и смерть и в пятницу — на воспоминание страданий и смерти Его.

В среды и пятницы некоторых недель нет поста.

В Пасхальную неделю, которая является как бы одним светлым днем. В неделю пятидесятницы — в святки, то есть в 12 дней от Рождества до Богоявления, кроме последнего дня (Крещенского сочельника). В неделю мытаря и фарисея. В сырную неделю. В праздник Воздвижения Креста Господня. В день Усекновения главы Предчети и Крестителя Господня Иоанна, 29 августа. И в навечерне Богоявления Господня, 5 января.

Церковные праздники разделяются на Господни или Владычни, Богородичные, Великих Святых и народные. По времени празднования праздники делятся на неподвижные, что приходятся всегда на одно и то же число месяца, и подвижные, или переходящие, зависящие от времени празднования Пасхи.

По православному календарю в году насчитывается до 140 праздничных дней. Не все они сопровождаются особыми обрядами, но все отличаются от дней поста.

Перед праздником.

Религиозные праздники во многом определяли годовой круг бытовой жизни русского человека. Течение дней текло размеренно от поста до поста с соответствующей сменой стола, рабочей одежды на праздничную, наконец, самого времяпрепровождения.

Умел русский человек работать — много работал, умел он и отдыхать, праздничать, умел привнести в каждый праздник и высоту православной духовности, нравственности и своеобразное поэтическое очарование.

... По зимам в праздники всенощных не служили в Арзамасе. Все ходили к заутрене, которая в воскресенье начиналась рано, в четыре часа, а в праздники и того раньше — в два часа.

Светлое Воскресение Христово — Праздник праздников, оттого и Богослужение Праздника очень торжественно.

Перед самой полночью звучит торжественный благовест. В храме священнослужители в светлых одеждах с крестом, светильниками и фимиамом выходят из алтаря и вместе с мирянами обходят вокруг церкви.

Сама природа замирает в какой-то необыкновенно таинственной, мистической тишине.

Слышится пение: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить...»

Сверху, с колокольни, разливается ликующий пасхальный трезвон. Молящиеся, с горящими свечами в руках идут с радостными лицами... Горящие свечи, иллюминация храма разноцветными фонариками, цветные огни фейерверка — какое трогательное зрелище!

У западных врат священник возглашает: «Христос воскрес из мертвых, смертью смертью поправ и сущим во гробех живот даровав»...

Священнослужители, миряне подходят к запертым дверям церкви, они отворяются, все входит в ярко освещенный храм, и он оглашается торжественным пением: «Христос воскрес из мертвых...» Слышатся возгласы «Христос воскрес!». Народ радостно отвечает: «Воистину воскрес!»

После утрени совершаются Часы и Литургия, а после нее идет освящение куличей, пасох, яиц и мяса, для пасхальной трапезы верующих.

В пасхальное утро чаще «играет» солнце...

Освящение куличей.

Горожане разошлись по домам, начиналось разговенье. На столах, покрытых белыми скатертями, красуются освященные пасха, куличи... Крашенные яйца лежат в зеленом овсе. За несколько дней до праздника его сеяли и он быстро вырастал в тепле. Даже у бедняков Арзамаса в этот день великого праздника на столе красовались творожные пасхи, пышные куличи — этот «хлеб пасочен», с глазурированным верхом, посыпанные цветным сахарным горошком, цветными фигурками овец и разных цветов из подкрашенного сахара — эти украшения продавались в бакалейных магазинах и стоили недорого. В куличи обыкновенно запекали миндаль и изюм.

Разговенье было коротким — ложились спать, ночь-то провели в храме...

С девяти-десяти часов начинались визиты. Они наносились прежде только на Рождество, Новый год и на Пасху. А накануне праздника обычно рассылались визитные карточки по почте, поздравительные открытки.

...Шли пешком, ехали на своих лошадаках, на легковых извозчичьих. К родне,

близким знакомым, не забывалось, разумеется, и начальство. Старшие по чину не любили, когда подчиненные приходили с визитом поздно или совсем не приходили. Если почему-то не удавалось поздравить своего столоначальника в Рождество, скажем, то уж обязательно следовало прибыть на поклон в Новый год.

В каждом доме визитеры задерживались не более десяти-пятнадцати минут. Ведь надо иной раз побывать в десятке домов — шутка ли!

Двери в этот день отверзты у всех... Поясной поклон хозяевам, веселый возглас: «Христос воскрес!» Ответное: «Воистину воскрес!» Сдержанное лобызание и ласка голоса хозяев:

— Да присядьте, присядьте на минуточку. Ну, как там в вашей Ильинской-то церкви?

— Прекрасно хор Иконникова пел.

— Да и у нас в соборе — великолепная служба!

— Ну-с, дорогие гостенечки, вам какого налить?

— Какова... Лучше дорогова... Пожалуй, мадерцы. Водочки ни-ни. Нам с супругой еще в шесть домов, должно себя блюсти...

На столе у хозяина вин довольно. Простую водку не очень-то жаловали в большие праздники — она для буден... Водка обычно продавалась в четвертях, ее выставляли на стол обязательно в графинчиках. Бутылка ее стоила от сорока до шестидесяти копеек, а ведро — восемь рублей. Стоимость простых виноградных вин, исключая марочные, в бутылке в среднем не превышала рубля.

В каждом доме хватало на столе и закусок. Именно закусок, горячего визитерам не ставили. Что же на блюдах, тарелках и тарелочках: холодец, окорок, разные колбасы, обязательно селедка, украшенная цветком, запеченная ножка телятины, осетровый балык, икра щучья, кетовая, паюсная, заливное и, конечно, овощи..

Визитеры выпьют по рюмочке, по две, не боле. Иные ведь после визитов возвращались домой «еле можаху»...

...В этот первый день Пасхи интересно было пройтись по улицам старого Арзамаса.

Горожане любили и умели хорошо одеваться. Где-то с обеда, ближе к вечеру, начинались уличные гулянья, и уж тут можно вдоволь наглядеться на своих и наших, на чужих и всяких иных... Обращали на себя внимание молодые люди с внимательными глазами, а вдруг увидится та, единственная...

Жили горожане еще открыто. В праздники не прятались по домам, по углам... У каждого дома на лавочках всю праздничную неделю сиживали пожилые и радовались видимой жизни в эти теплые весенние дни.

И в каждом доме по вечерам — праздничные застолья для родных и друзей. Звучала доступная музыка, устраивались танцы, в которых все открывалось: красивая одежда, умение танцевать «с фигурами», умение держать себя с девушкой, чистое, открытое желание понравиться друг другу.

Родители «позволяли» себе — вина хватало, играли в карты, много пели. Дети гордились, что старшие умели петь, охотно перенимали бесхитростные, но душевные песни. Песня сближала, навсегда роднила, накрепко соединяла старину с настоящим...

Праздновали целую неделю — пасхальная неделя считается ведь за один день... Особенно весело было ребятам. Катанье яиц, качели, игра в бабки, а если земля на пригорках просохла, играли в лапту, в городки.

Всю пасхальную неделю — иди и звони. Гурьбой взбегали ребята на колокольню

любой церкви и торопились ухватиться за веревки колокольных языков. Громко и весело вызванивали русские колокола по всей матушке России:

— Христос воскрес!

— Воистину воскрес!

Долго в Арзамасе не забывались имена тех, кто изобретательно украшал пасхальный праздник.

Про купца Ивана Ивановича Зайцевского, про смелость его писали: «...в молодости отличался удалью: никто, как он, с таким бесстрашием, не щадя своей жизни, не решался залезть в пасхальную ночь на верхушки колоколен, чтобы разукрасить кресты площадками и фонарями».

Позднее, уже в этом веке, таким же смельчаком был Николай Аменицкий. С удивительной ловкостью парень взбирался на верхи колоколен и зажигал там разноцветные фонари. Украшал разноцветными фонариками притворы храмов, готовил снаряды для фейерверков.

Ко всему этому в праздничную ночь литургия начиналась «по благовесте с пушками», которые находились у Воскресенского собора. Это были небольшие сигнальные прежде орудия.

...Погромыхивали пушки, сказочным дождем рассыпались разноцветные огни фейерверка — яркую, феерическую картину представляла из себя пасхальная ночь.

Арзамас радостно праздновал торжество жизни!

День поминовения умерших, отмечавшийся в четверг на седьмой русальской неделе после Пасхи.

В Семик православная церковь — раз в году издавна свершала панихиды над теми, кто умер «не своей смертью», кого не хоронили на освященной земле кладбищ.

Семик распадался на две части. На церковную и на праздник в «память старой веры и дедовых обычаев» — языческую часть.

В народе Семик и следующую за ним Троицу называли и «зелеными святками». «Основу семицко-троицкой обрядности составляет культ растительности — березки у русских».

Веселый это, коренной праздник молодежи, как и Троица, — встреча лета.

В этот день после церковной службы девушки ходили в березовую рощу, заламывали, завивали там ветки деревьев с загадом о замужестве, о женской доле. Завивали венки из ранних летних цветов. Через венок девушки целовались — кумились. После этого они должны были жить в тесной дружбе и согласии.

*Покумимся, кума, покумимся.Ой Дид-Ладо! честному Семику,Ой Дид-Ладо!
березке моей.Еще кумушке, да голубушке —Покумимся!Покумимся!Не сварася, не
бранясяОй Дид-Ладо! Березка моя!*

В Арзамасе на Ивановских буграх близ «Божьих домиков» устраивался в Семик детский праздник, смысл которого напоминал о вечности жизни на земле, о продолжении человека в детях его.

...Солнышко уже оказало свою летнюю ярь, не обмануло долгих ребячьих ожиданий — денек выдался на славу.

На буграх — приглядеться, настоящая ярмарка, только все тут для детей. И торговцы игрушками — привозными, а больше самодельными, и продавцы разных печений и сладостей. Там и сям палатки с прохладительными напитками, коробейники с яркими книжками, красками и цветными карандашами...

Улицу Мостовую не узнать. Одиночно и шумными ватажками торопятся ребята за мосток через ближнюю Шамку на зеленую покать бугров. Сюда идут и родители для присмотра за своими чадами, а также и те тихие пожилые, которым так хочется побыть в шумном действе ребячьего праздника.

Даст мать или родитель пять-десять копеек. Гордо идет парнишечка со своим богатством. Он чистенько одет, подпоясан кушачком или ремешком, на нем начищенные сапожки, картуз чуток набекрень...

Хлеб — всему голова! С хлебного и начинался торговый ряд. Булочник зазывал, смешил:

Для ребяток — пышки, Сладкие коврижки! Пряник есть из Городца Для любого молодца!

А возле конфетника, всеми знакомого Котова, ребятня плотным кружком. Он задолго готовился к празднику, и вот они — разноцветные петушки, лошадки, рыбки, медведи... Такие запашистые карамельки!

Неподалеку с веселым лицом мороженщик. Зовут его странно — Мина Алексеевич Колокольцев. Тоже угодник арзамасской детворе. Картинно красуется дядя Мина в белом фартуке возле своей красивой тележки с кадушкой вкуснейшего разноцветного мороженого с разными сиропами...

"Ай да праздник!"

Шум, плеск детских веселых голосов над Ивановскими буграми... Сегодня всем хочется улыбаться, говорить друг другу приятности — праздник! Бойко подходит наш парнишечка к столу.

— Дядинька, на одну копейку подсолнушков!

Добродушный бородатый мужик готовно сыпает в карман стакашек каленых семечек — хорошо отяжелел карман...

А вот и конфеты богатым выкладом в вазочках цветного стекла. Три крученые конфеты с начинкой из черной смородины уже в руке.

— Да, да мальчуган, — Котов бодрит глазами юного покупателя. — Копеечку с вашей милости! И за эту конфету такая плата, что для тебя не утрата — копейка же. Всего-то!

Длинная, как карандаш, в красивой розовой обертке с легкой бахромкой подана мальчику особо торжественно.

Солнышко все выше, все жарче под голубым небом, а в людской толчее и вовсе духота.

Навстречу — уж подлинно спаситель, квасник! Глядит молодецкато, кричит басисто:

— Ква-ас для ва-с... Есть «Баварский», а есть «кислые щи» — в животе полощи, жажду утоляет, бодрости добавляет, а к тому квасок шибает в носок!

В тележке широкая деревянная лохань с голубоватым льдом, призывно позванивают потные бутылки.

— Дядь, во рту вяжет, сухота... Бутылочку кислых!

— Две копейки. Пей, да на землю не лей!

*Бутылочные
этикетки заво-
да фруктовых
вод П. А. Сит-
никова, водоч-
ного завода*

*Будылина и Кащеева, обертки конфет
кондитерской В. Генебарта.*

Где-то на окрайке Торжка лихо свистят мальчишки.

Ну как не купить свистульку «соловей». Она по форме любимой птички. А рядом свистульки, что выглядят кувшинчиком. Глиняные, они даже с носиком. Наливай в носик водичку и насвистывай в свое удовольствие.

— За «соловья» копеечку? На-ка, дедушка.

Велик соблазн купить мяч. Всю зиму о нем мечталось. Мячи сто лет тому назад выпускались в основном двух видов: черные и белые, разной величины. Черные стоили дороже. Они более твердые и большего размера, годились для игры в лапту.

Стоили четыре копейки. За белый платили две.

Купил черный, одну-то копейку одолжил приятель с Куринки. С грустью прошел возле свистящей игрушки «виц-виц». Это шарик сверленный на резинке так свистит, только помашки. Повздыхал, глядя на гармошки — десять копеек стоят. Накопятся ли эти заветные десять копеек до следующего Семика?..

Ну, а что же нарядным девочкам на празднике? Куклы! Сколько же разных тряпичных продавалось, одна краше другой, и все они готовились к Семику тут, в Арзамасе. У многих девочек в руках яркие детские книжки — вот умнички!

Глядя на детей, на их нехитрые радости, взрослые светлеют лицами. Хорошо, укромно в березовой Ивановской роще, вкусен обед на зеленой траве-мураве. Отсюда, с бугров, такой прелестный вид на родной город. Вон справа от спуска Саратовского тракта высится небольшой храм Александра Невского и белые, строгие линии тюремного замка. Надо зайти и подать милостыню заключенным на помин усопшей родни...

До тихой летней сумеречи не утихал на Ивановских буграх счастливый детский говор и смех.

Ай да Семик, ай да праздник!

Век жить — век пить

Ну какой праздник без веселящего питья!

Долгое время простой народ мало знал о виноградных и фруктовых винах, они являлись привозными и потреблялись людьми знатными, богатыми.

Русские вполне довольствовались своими исконными напитками на медвяной основе. Ставленные меда по крепости доходили до водки. Славился Монастырский мед, который был уже хорош через полгода, через год хвален еще более. И чем дольше, тем, стоялый, становился лучше. Меда приготавливались: княжий, боярский, вишневый, смородиновый, белый, красный, малиновый, старый, вешний... Отходить от меда стали уже в XVII веке.

Долго в народе живет и потребляется брага. Долго она имела медовую основу, да и теперь еще там, где занимаются пчеловодством приготавливается сладкая, но и крепенькая «медовуха». В брагу обычно добавляют фруктовые и ягодные концентраты.

По осени и у воробья пиво — дружно соглашались селяне и после уборки хлебов везли в город ячмень — пора было арзамасцам готовить пиво. Обычно его варили к Рождеству.

Готовили чаще свежее пиво на основе третьего слива сусла. Добавляли хмеля, заквашивали дрожжами. Ходит-бродит пиво обычно пять дней. Варили и легкое травное пиво без хмеля, но с хорошими запашистыми травами. Корчажное домашнее пиво и было основным праздничным питьем крестьянской России.

Коли не выйдет пиво — будет квас.

Ни мед, ни брагу, ни пиво, ни квас в понедельник не заваривали, как и вообще в этот день не начинали серьезных дел.

Ну, а для повседневного питья лет триста кряду арзамасцы заваривали сбитень — кто его первый на Руси придумал!

Основой сбитня — мед, а остальное на усмотрение. Вот, скажем, рецепт для лета: килограмм меда, двадцать граммов хмеля, а пряности по вкусу: гвоздика, корица, имбирь, лавровый лист — выбирай. Четыре литра воды. Распустить мед в кипятке,

добавить хмель, пряность, прокипятить два-три часа, процедить, охладить — готов, пейте на здоровье.

С охотой пили сбитень по утрам дома. Многие добавляли лечебные травы: зверобой, шалфей, а то и стручковый перец...

...Стоит зимой сбитенщик в базарный день где-нибудь возле Введенской церкви на Соборной площади — тут всегда горячую вареную рыбу продавали... Чисто одет, на нем широкий пристяжной пояс, на который цепляются пузатенькие стаканы с вывернутыми краями, чтобы не обжигать губы... Сбитень у мужика налит в саклу — большой медный чайник, посередине которого широкая труба, как у самовара, а в трубе горячие угли для подогрева. Почти самовар! Сказывали прежде, что самовары-то туляки и начали делать, глядя на эти саклы... Чтобы не остывал сбитень, его укутывали зимой в шаль, в сукно, а то и специально сшитую фуфаячку...

Кой-кто долго помнил зазывные слова сбитенщика:

Карман твой трет полушка...Вот тебе сбитню кружка!С него голова не болит.Он усталого бодрит.Честнейши господа,Пожалуйте сюда!

Исчезать сбитень в Арзамасе стал где-то с середины XIX века. А жаль!

С давних-давних времен любим квас в народе нашем.

Еще и Киевской Руси не было, а уж пили сей напиток славяне. Известно, что после победы над печенегами на открытии церкви Святого Преображения князь Владимир повелел развозить по городу для услаждения своих подданных мед в бочках и квас.

Слава о квасе — этом исконном русском напитке утверждалась многими. В последние времена его хвалили Наполеон, А. Дюма, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, хирург Н. И. Пирогов и его ученик Н. В. Склифосовский, Д. И. Менделеев и многие другие. А. С. Пушкин в своем «Евгении Онегине», говоря о быте Лариных, писал: «Им квас, как воздух, был попутен».

Авантюрист Казанова, побывавший в России и выгнанный из нее, вспоминал: «У них (русских) есть восхитительный напиток... Он намного превосходит константинопольский шербет. Этот легкий, приятный на вкус и питательный напиток весьма дешев, так за один рубль его дают большую бочку». Да, было время, когда прихотливые иностранцы закупали русский квас целыми бочками.

Квас употребляли в России все. Одно время даже в дворянском сословии квас предпочитали иностранным винам, которые, особенно красные французские, называли «кислятиной».

Квас варится на основе солода, пророщенного зерна. Большим искусством варить самые различные квасы владели в отечественных монастырях.

Полезность кваса давно известна россиянам. Он и жажду утолит, и аппетит вызовет, северян, бывало, спасал от цинги в зимнее время. Считалось доказанным, что напиток предохраняет от лихорадки, борется с простудой, избавляет от кишечных заболеваний, а к тому же промывает и очищает печень и даже омолаживает почки. Потому-то в старину в народе чаще пили квас, нежели воду. Квас постоянно находился в солдатских казармах, лазаретах, в общественных банях... В одном Петербурге, некогда, за сутки продавалось только бутылочного кваса до двух миллионов бутылок.

Квас у русских издавна объявлялся самый разнообразный: хлебный, фруктовый, ягодный и медовый. Чаще предлагался, конечно, хлебный, что имеет кисло-сладкий «сытный вкус», от него несет ароматом свежесдобитого ржаного хлеба.

Какой же квас пили в старину арзамасцы?

Если говорить о хлебном — это был квас сладкий, кислый — опрошенный, мятный, изюмный, густой квас — кислые щи — игристый, шипучий, он готовился только из хлебной муки и закупоривался в крепкие бутылки «шампанки». С ним связана поговорка: кислые щи в нос шибает — хмель вышибает. К числу любимых относился и квас душистый, суточный... Вкусовые достоинства кваса поднимали разные полезные добавки: ягоды, мед, пряности, корни... К бесчисленным хлебным квасам добавлялись фруктовые, ягодные и медовые. В Арзамасе постоянно можно было купить в лавках и на базарах квасы, сдобренные дикими яблоками и грушами, клюквой, брусникой и прочими ягодами.

Знатоки специально ходили на базар пробовать разные квасы. Среди них и родилась поговорка на похвалу русскому квасу:

— И худой квас лучше хорошей воды!

Спрашивали квасника о полюбившемся напитке:

— Когда вынесешь красный квас?

Мужичок в белом фартуке охотно отвечал:

— Есть, есть квасок, да засечен в ледок. Приходите в следующий базар, вынесу квас и для вас!

До пятнадцати разных хлебных и более десяти фруктовых квасов могли варить арзамасские квасники. Напиток этот всегда «без перевода» предлагался в лавках и на базаре.

Много лет варили для горожан разные квасы Чаркины.

Он, право же, заслуживает отдельного слова.

Чаепитие у русских стало почти праздничным ритуалом, когда на столе появляется разная сдоба, мед, бесчисленные варенья, сахар и прочие сласти. Чай — это непременно добрая атмосфера в семье, благодушие, согласие в доме, добрые, веселые глаза таких близких и разговорчивых родителей...

Долго, медленно входил чай в жизнь простых русских людей, арзамасцев. Некогда питье чая вообще считалось на Руси недобрым делом, а старообрядцы так и не приняли его.

Привозной лист стоил дорого. То и говорили в народе:

— Дорога китайская стрела. Вот придумали эти китайцы, как от православных денежки отымать. Прежде этого чая знать не знали, а жили же!

Не сразу научились россияне заваривать чай, пить его, а китайские «чайные церемонии», кажется, так и не приняли. Уплотненный во всем быт русского простого человека не оставляет времени на эти церемонии, в глазах суетливого европейца они давно изжили себя. И все-таки любим, любим и мы посидеть у веселого дружечки — самовара.

Невольно вспоминается песенка времен крепостничества, как давался опыт заварки чая. Песенка эта в компании, в веселый час пелась еще недавно. Прежде прижилась она в купеческих домах и на шумных вечеринках рядовых обывателей.

Раз прислал мне барин чаюИ велел его сварить,А я отроду не знаю,Как проклятый чай варить.Взял тогда — налил водички,Всыпал чай я весь в горшокИ приправил перцу, лукуДа петрушки корешок.

Подал барский служка свое варево на стол. И гадать не надо, что сталося с поваром. Их благородие тотчас отправил свою «крещеную собственность» на конюшню...

Отлежался бедняга после «березовой каши» и недоумевал:

Долго думал, удивлялся, Чем же мог не угодить, А потом-то догадался, Что забыл я посолить!

Не трудно увидеть из текста песенки, что барский повар все еще находился в плену рецепта русского сбитня, медвяная основа которого приправлялась разными подручными специями.

Особенно долго, едва ли не до нашего времени, не знали чая в деревне. Знать-то знали, были наслышаны, да ведь денег-то на дорогие «цибики» не хватало у большинства. А главное пользовали себя крестьяне родненьким вкусным кваском, молоком, простоквашей, а любители и свежей молочной сывороткой. А то и приготовляли, особенно по летам, разные лечебные взвары, пили травные чаи.

Первый чайный куст ввезен в Россию в Крымский Никитский ботанический сад в 1817 году. Но только в 1937 году начали продавать азербайджанский чай. Если в царское время в год выпускалось 130-140 килограммов чая в год, то к концу шестидесятых годов нашего времени поступало в продажу почти шестьдесят тысяч тонн чая в год.

... Известный всем самовар тоже осваивался не с первого погляда. И об этом русском чуде ходило, в свое время, немало веселых баек.

За самоваром.

Вот одна из них.

Купил купчик-голубчик на Макарьевской новомодный самовар. Вернулся домой, внес водогрейный снаряд на кухню и с коротким наказом к жене:

— Сваргань-ка чайку!

А сам в дверь — возы с товарами работники на дворе разбирали — там заботный хозяйский глаз во как нужен.

Наконец приходит «сам» в дом, а навстречу жена с плачем.

— Ты чево-о? Э, да у тебя на полу море разлитое...

Жена едва слезы уняла.

— Сказал ты: «Воды налей». Налила, а она вон в энти дырочки вся и вытекла...

Купец ругаться не умел, а потом и жаловал жену молодую. Только открыто посмеялся.

— Так ты в жаровню налила! Снимай эту конфорку, сюда, сюда вот заливай воду. А в трубу-то лучинки сухие и поджигай. Да не забудь вытяжную трубу надеть. Вьюшку-то в русской печи открой, чтобы дым-от выносило. Ах ты, простота, ах ты, кутафьямоя!

— Дак, одна вода-то...

А заварочку я сам в кипятке напарю!

Напились чаю с сахаром молодые, языки развязались:

— Инда я взопрела...

— Полное убаженье вышло! — хорошел лицом купец.

Исподволь начали в народе поговорки о чае складываться:

Раньше просили на водку, а теперь на чай.

Чай не водка — пей вволюшку.

По чаям ходить, добру не быть.

По-купецки чай пьет, да не по-купецки платит.

Чай не пил — какая сила, чай попил — совсем ослаб.

Пьем чай внакладку, вприкуску, вприлизку и вприглядку.

Такой чай, что сквозь него Москву видно.

Или еще в народе «зеленые святки», как и в Семик.

Всегда на седьмой неделе после Пасхи, в воскресенье. Почитается за большой праздник. Называется еще Пятидесятницей, потому что сошествие Святого Духа на апостолов произошло в пятидесятый день по воскресении Христовом. Первый день Пятидесятницы посвящается Пресвятой Троице, а второй — понедельник — Духу Пресвятому и потому называется Духовым днем.

Миряне украшают свой храм ветвями берез, цветами, а пол устилают скошенными травами. И приходят на службу с цветами, что является исповеданием зиждительной силы Животворящего Духа, торжеством цветущей в это время родной земли. Но это также и радостное осмысление жизни, оно тем более сильно, что накануне праздника, в Троицкую субботу, особо поминают усопших.

В старом Арзамасе не забывали исконного. Трогательно выглядели в праздник и улицы города. Там и тут на калитке, воротах в резном наличнике окна увидишь веточки березы. А то накануне иной хозяин выроет ямку близ ворот или под окнами, посадит маленькую березку, хорошо польет ее, и вот она, зелененькая, так задорно красуется потом всю неделю, веселит людские сердца.

В селах в Троицын день девушки и парни после церковной службы ходили в ту рощу, в которой в Семик заламывали ветви берез или завивали их с загадом о своем будущем. Если та ветвь «развилась» — девушке предстояло скоро выйти замуж... С венками из цветов, в сопровождении парней девушки возвращались в село, бросали венки в воду —

По венкам девки гадали, В быстру реченьку бросали, Чей венок всплывет Милый отойдет...

Всплыл венок — хорошо: милый замуж возьмет. А если потонул венок из «цветов лазоревых» — это к худу, возможно, и к последнему исходу...

Весело в хороводном кругу заканчивался этот «девий» праздник. В Троицын день у парней за ремешком фуражек, в петлицах рубашек, в нагрудных карманах непременно красовался тот или иной полевой цветок, ей-ей умягчал он девичьи сердца...

В Троицын день стол у православного богат, но особенно в чести обязательная в каждом доме яичница.

...Пожилые, уже степенные во всем, любясь на молодежь, вспоминали и о приметах. Ежели падет в Троицу дождик — можно ждать много грибов. А если те березки, а садили срубленные, что противу окон у калитки не завянут листом три дня — в сенокос падут дожди...

Великий христианский праздник в воспоминание рождения Иисуса Христа в Вифлееме. Празднуется в определенном «числе» — всегда 25 декабря по-старому, 7 января по-новому.

Празднику предшествует сорокадневный пост с 15 ноября по 24 декабря. Канун праздника проводится в строгом посте, день этот называется сочельником. Пост кончается с появлением первой звезды на небе, которая знаменует рождение Иисуса Христа. Но скоромное принято есть только с полуночи.

В православной церкви в праздник Рождества Христова богослужение очень торжественно, так как после литургии поется воспоминание избавления от нашествия французов в 1812 году.

Раннее-раннее утро, а город не спит. Калитки не на запоре, свободно заходи в дом. Хозяева не спят, в столовой свет. Вот послышались легкие шаги в сенях, и вместе с холодными клубами морозного воздуха входят славильщики. В тепле смягчаются детские голоса: поется тропарь праздника: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума: в нем бо звездам служащий звездою учахуся Тебе кланяться Солнцу правды и Тебе ведети с высоты востока: Господи слава Тебе!» А потом поется кондак праздника: «Дева днесь Пресущественного раждает, и земля вертеп Непрístupному приносит, Ангели с пастырьми славословят, волхвы же со звездою путешествуют: нас бо ради родися Отроча младо, превечный Бог».

Хозяева одаряют детей, умиленные, ждут других славильщиков...

Тихая торжественная ночь озаряется ярким светом востока, всходит, «играет» солнце. Начинается светлый день, сердца православных полны радости: Христос родился и они не одиноки в подлунном мире...

Рождественский стол арзамасцев обилен. В первый день праздника щи из кислой капусты, обязательно с солониной. Соленое мясо постоянно продавалось в городе, особенно летом, тогда его брали для разных крошек с домашним квасом. По традиции подавался к столу гусь. Вовсе не редкостью и у мещан в доме заливной поросенок со сметаной и хреном. Все остальное приготавливалось по желанию семьи, семейной традиции.

Рождественский стол украшался красиво представленным пучком скошенных трав или чистой соломы в воспоминание, что Спаситель родился в хлеву.

Святки — двенадцать праздничных «святых дней» с 25 декабря по 6 января —

время от Рождества до Крещения.

Как почти и все посты, этот, Рождественский, тянулся томительно долго. Томленье исходило, конечно, из глухой зимней поры. Такое уж время! То еле-еле тащились промозглые дни внезапной оттепели, потом ударил ядреный морозец, а недавно взъярился такой крутой студень, что по ночам крикали углы большого ступинского дома, и так сиротливо стыли старые черные липы в заснеженном саду. В ноябре по утрам лениво занимался жиденький рассвет, скоро кончался серенький денек, и долго-долго волочились тоскливые вечера...

И только в последнюю неделю до Рождества в школе рисования и живописи академика Ступина наступало веселое оживление. Из деревень, сел и ближних уездных городков приезжали родичи ребят и увозили их домой на всю святочную неделю. Оставались в школе лишь те, кому до родных мест не ближний свет.

В эту ночь в синем небе ярко, алмазно горит для христиан Вифлеемская звезда, говорит о рождении Спасителя рода человеческого. Все в подлунном мире в эту ночь славит Бога.

Благоговейно стояли на службе Ступин, его семейные, ученики, прихожане Духовской церкви — стояли и радовались: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение».

Весело хрустел под ногами жесткий снежок, когда возвращались из храма. Шли молча — еще не спала святая торжественность в ребячьих душах.

Наверху, в жилых комнатах мезонина, где обитали ученики, скоренько снимали с себя верхнее, уличное и заторопились вниз, в кабинет своего дорогого учителя.

Академик встречал их с ласковой улыбкой. В том 1828 году он еще не стар. В свете свечей — утро еще робко заявляло о себе за окнами, ярко горело золотое шитье на высоком воротнике его академического мундира, молодо посверкивали темно-карие глаза, искрились первые седины длинных волос.

Александр Васильевич со всеми пропел тропарь и кондак праздника, и красивое лицо художника сменилось мягким домашним выражением. Принимая поздравления с праздником, слегка кланялся каждому:

— Благодарствую, светы мои!

На рабочем столе академика лежала горка монет, каждый одаривался. Младшим ученикам доставалось по пятьдесят копеек, а старшим по рублю. Что эти деньги? А их хватало на то, чтобы все святки в карманах ребят не убывали вкусные орехи.

..Уже в сумерках к дому академика стали подъезжать гости. В гостиной за праздничным столом весело захлопали пробки, красно зазвенел столовый хрусталь.

Отвели гостеприимные хозяева гостевой стол, почтенные господа из чиновных присели к игорному столу с зеленым сукном, пожилых дам увлекла на свою женскую половину Екатерина Михайловна, а молодежи предоставили желанную свободу.

Уж так заведено было, что девицы, молодожены, неженатые юноши со стороны собирались отдельно в большой мастерской школы — она заранее готовилась к святочным вечерам. Из нее выносились мольберты, полотна, краски, устраивалась сцена для театральных постановок... Но сегодня только вдоль стен сиденья... Зажжено много свечей и празднично, весело от ярких женских нарядов, цветных жилетов и сюртуков мужчин, их пышных галстуков. Всплески молодых голосов, улыбки, смех — и вот уже составляется первая хороводная игра — «Зайнышка».

Святочное гаданье.

Как величаво плывет яркий живой круг-хоровод...

Заюшка по сенюшкам дыбы по дыбы,Беленький по новым дыбы по дыбы.Некуда заиньке выскочить,Некуда белому выпрыгнуть.

В кругу хоровода парень. Это верно, что он, зайчик, туда, беленький сюда, а тесна живая цепь хоровода, не проскочить, да и сцепленными руками не пускают.

Хоровод сочувственно поет:

Семеро ворот, все на заперти стоят.Семеро ворот, все на заперти стоят.Мать ушла, золоты ключи взяла.Мать ушла, золоты ключи взяла.

Кинулся зайчика еще раз между шумных платьев девичьих — ан нет!

Заинька, попытайся у ворот,Беленький, попытайся у новых.Некуда заиньке выскочить,Некуда белому выпрыгнуть.

И снова кидается зайчика, пытается разорвать цепь из горячих женских рук. Наконец, кой-как выпрыгнул наш зайчика из хоровода, весь пунцовый от смущения, от счастья близкого общения с девушками.

Настает черед молодых мужчин, ребят. Они поют задорно, вызывающе:

Подушечка, подушечка пуховая,Девчоночка, девчоночка молодая.Кого люблю, кого люблю поцелую,Подушечкой, подушечкой подарю!

...Тот освобожденный «зайчика» по незыблемому правилу игры поцелуйной песни целует девушек — неплохая беленькому награда!

Начинается новое действие. И тоже игровое, веселое, однако с серьезной подоплекой.

Становятся, взявшись за руки, девушки и молодые женщины «стенкой». Напротив также плотненько встают парни и мужчины. Женщины начинают петь, игриво притопывая каблучками и кокетливо покачиваясь.

Вы скажите, бояре, вы зачем пришли?Молодые, вы зачем пришли?

Мужская «стенка» отвечает:

Ох-хо-хо, вот у нас жених,Эх-хо-хо — удалой молодец!

Дальше девицы и женщины требуют:

Боярин, покажи нам кафтанчик. Хороший, покажи нам сапожок...

Долго длится дотошный песенный допрос того боярина... и мужчины готовно показывают кафтан жениха, сапоги, шапку...

Игра-то игра... Но тут же и настоящие смотрины невест, начальное знакомство со своим будущим суженым-ряженым...

Все святочные вечера молодые гости дома Ступина вместе с учениками играли и в потешную «Кострому».

Ее начинали двое. Тянули нараспев поодиночке:

Я — пошел. А куда-а? На базар. А зачем? Кафтанишко купить. А кому? «Костроме». А за что?

И далее все хором:

Я за то «Костроме» кафтанишко куплю — Перевез «Кострому» на свою сторону. «Кострома», «Кострома», «Костромка» моя — б-у-ух!!!

Песня эта могла быть бесконечной. Ее исполнители могли «покупать» для уважаемой «Костромы» все, чем богат тот же арзамасский базар.

...С Рождества и до Крещения занятий в школе академика Ступина не производилось.

Затихала в Арзамасе в святочную неделю и деловая жизнь. Со второй половины каждого дня праздничное веселье шумно выплескивалось на улицы. Гулянья по Сальниковой улице, разные уличные игрища, маскарады, театральные представления... И обязательное катание на санках и санях с Духовской, Воскресенской, Киселевой горы, с Ильинского раската...

Вполне отдавали дань общему веселью и юные воспитанники Ступина.

Праздник Крещения Господня называют еще Богоявлением. В этот день было явление Пресвятой Троицы «...и в особенности явление Божества Спасителя, торжественно вступившего в Свое спасительное служение». Особенность этого праздника составляют два великих водоосвящения... Первое бывает накануне праздника в храме, а другое в самый праздник в память крещения Спасителя в реке Иордань. Вот почему Богоявленский крестный ход и имеет наименование крестного хода на Иордань.

Накануне праздника огораживали под Воскресенской горой на Теше близ дома Николая Судына елками место, вырубали широкую прорубь.

В день праздника где-то часов в одиннадцать сходил с горы из собора крестный ход.

...Горят свечи, озаряют своим теплым светом зеленое полукружье елей, таинственным волшебством светится у подножия деревьев колотый лед. Свершается над темной парящей водой короткая служба.

Рядом, в загородке, раздевается тот, кто готов принять омовение. В восьмидесятые годы прошлого века вызывался на купель некий Дмитрий. Был он немного не от мира сего, раздетый не вызывал плотских чувствований. Таких русский народ любит, проявляет к ним особое милостивое сострадание, видит на них печать Божию.

Обвязывали Дмитрия чистыми полотенцами под мышками и два раза окунали в

воду. А потом быстро набрасывали на него тулуп, надевал он теплые валенки, и его вели пить горячий чай. После освящения воды народ возвращался в храм с пением: «Прославим, верующие, величие Божьих благодеяний...»

Любима она у нас в народе. Величают ее щедро: веселая, широкая, честная барыня, широкая барыня... Еще бы! Государыня масленица неделю гуляет!

Витиевато величали масленицу записные говоруны Арзамаса, а они были, не без того.

Чуть не взახлеб говорил-частил веселый такой мужичок в трактире: «Душенька ты моя, дорогуша масленица, соломенны твои косточки, бумажно твое тельце, уста твои сахарные, речь твоя упоительна! Приезжай к нам в гости на горах покататься, в блинах масляных поваляться, щедрым сердцем потешиться. Уж ты наша масленица, краса красная, коса русая, тридцати братьев сестра, сорока бабушкам внучка, пяти — материна, дочечка — наливная бочечка, ясочка ты наша, пава сдобная... Приезжай к нам в городок, посадим в красный уголок — винца поднесем, приветным словом обнесем... Пускайся в пляс, весели Арзамас!»

Масленица — неделя сырная, неделя до Великого поста.

Каждый день недели называется особо: понедельник — встреча, вторник — заигрыши, среда — лакомка, четверг — широкий четверг, пятница — тещины вечерки, суббота — золовкины посиделки. Воскресенье — проводы, прощенный день, когда просят люди друг у друга прощения за всякие там вольные и невольные обиды и огорчения.

В масленую неделю хозяйке дома весело кричит застолье: что есть в печи на стол мечи!

Что же выставляли арзамасские хозяйки на стол?

Всякие немясные щи и супы, разные каши, пироги с разной рыбой, отдельно жарилась навага и традиционный сазан. И каждый день — блины. Завертывали в них вареные яйца, разную икру, кильку, снетки — мелкую северную рыбку... Нечего говорить о разном погребном — все пробовали, все потребляли, всем наедались до отвала.

Веселье и чревоугодие затихало в воскресенье к обеду. И кой-кто вздыхал, откровенно признавался: масленица не навек дается. А протянулась бы ты, государыня масленица, до Петрова дня... Кой-кто вздыхал по другому поводу: масленица — объедуха, деньгам приберуха...

Утех и увеселений в масленицу в городе и селе не счесть. Любительские спектакли, концерты, маскарады в Общественном собрании, вечера и балы в учебных заведениях, в домах богатых фамилий...

Дни масленицы всех короче для детей. Забыты школьные занятия с обеда — все на горах и на горках с санками.

Вот понесся мальчишка вниз и захватывающее чувство полета, скорости, когда ветер свистит в ушах, — кого ж это ощущение не восхитит! То и пели ребята:

Широкая масленица, Мы с тобою хвалимся. На горах катаемся, Блинами наедаемся!

Вечерами преображалась иллюминированная главная улица Сальникова. До положенного часа тут прогуливались манящие к себе гимназистки, реалисты, учащиеся учительской семинарии...

Все улицы Арзамаса отдавались в масленицу лошадям.

Степенные старики катали детвору на дровнях... Каталась на своих и извозчицких молодежь, катались шумно с песнями, важничали на выезде богатые. Как раскрывались люди в праздник! Вот летят ковровые санки — какой важный кучер у купчины! А их степенность в богатой шапке и дорогой шубе с бобровым воротником. А сама-то, купчиха — полная, щеки огнем пылают, вся в искрометных соболях...

Многие специально ходили полюбоваться на выезд Николая Лукьяновича Судьина. Любил и умел пожить человек! Держал породистых лошадей и, бывало, сам в праздники управлял ими.

Любо было глядеть на гривастых красавцев, на молодеющего купца, на его вальяжную супругу и дочь-красавицу — Елена Николаевна потом посвятила всю свою жизнь театру, служению арзамасцам.

Устраивались в масленицу конские бега. Призы всегда брали кони Судьина. Наездником у него в заездах был опытный Николаев.

Масленая неделя — время кулачных боев в городе. Эта боевая потеха собирала много участников и еще более азартных зрителей.

В субботу, а то и в прощенное воскресенье можно было услышать от подгулявшего мужичка в затишке, в заулке:

Масленка, масленка, Погуляла масленка. Ой, ладушки, ладу! Гостья нагостилась, С зимушкой простилась Ой, ладушки, ладу!

Где-то за городом частенько на Теше молодые мужики, парни жгли солому или сжигали соломенное же чучело Масленицы.

Неслись в ночную темень веселые выкрики:

— Масленицу провожаем, жарка солнца ожидаем!

...И, послушная велению времени, приходила весна-красна!

С весны начинались променады пожилых, игрища молодых, девьи гульбы, прохладушки

Город быстро обрастал садами в XVIII веке, когда помещики стали больше заниматься благоустройством своих сельских имений и городских усадеб, когда утверждалось русское садово-парковое искусство.

В Арзамасе постоянно в зимнюю пору проживало несколько дворянских фамилий. Некоторые из них имели обширные усадьбы в городе и, как вспоминал М. Л. Назимов «при каждом доме находился сад, в котором, кроме берез, лип, черемухи, находились разные плодовые деревья и кустарники».

В 1831 году в Арзамасе 28 садов и 1150 огородов — эти данные представлены в министерство внутренних дел.

Привлекали «потешные» — прогулочные и фруктовые сады при домах Бутурлиных, Бессоновых, Чемодановых, Полочаниновых, Ханыковых, Анненковых, Карауловых, Панютиных, Ермоловых.

Многое перенимали из дворянского быта купцы. И они стали сажать фруктовые деревья, ту «родительскую» вишню, которую, как говорили, первым завез в уезд богатый Котлубицкий в село Костянку.

Большой сад и липовый парк имел богатый кожзаводчик Иван Алексеевич Попов,

чья усадьба отчасти сохранилась до сих пор на улице Ступина. Наследники Попова во второй половине прошлого века продали дом и усадьбу городу, одно время в доме жил воинский начальник, а сад открыли для публичных гуляний.

Большой фруктовый сад насадили при своем доме купцы Цыбышевы. Он занимал протяженность более десятины на вершине горы, неподалеку от Ильинской церкви. Со временем владельцы расширили сад за оврагом, на лобовине Цыбышевой горы. Через овраг, как рассказывали старожилы, был перекинут красивейший чугунный мост, отлитый на заводе Цыбышевых. Говорили также, что мост этот не уступал иным петербургским.

Долго держался в памяти арзамасцев большой — на двух десятинах— сад и липовый парк врача Рачинского в конце улицы Сальниковой. Еще вспоминали старожилы сад и парк, кажется, Ермоловых, впоследствии Эшмана, что находился в районе нынешней больницы Владимирского. Тут стоял интересный барский дом. Центральная часть его была сложена круглой из кирпича, а два крыла рублены из дерева. В парк усадьбы любили ходить влюбленные и художники.

Приди, любая девица, В зеленый садочек. Разгорелось мое сердце — Подарю цветочек.

Так написал некогда арзамасский учитель, приглашая любимую в сад.

Славился в городе до революции также обширный сад полицейского исправника Сафонова на улице Троицкой.

Полюбился арзамасцам общественный сад на улице Новой, теперь вошедший в территорию школы им. Чкалова. В саду играл вечерами оркестр, устраивались танцы. После революции этот профсоюзный сад имел даже летний кинотеатр.

Манила молодежь интимность небольшого сада при доме начально Амозова, а затем Общественного собрания на той же улице Новой.

Ухоженные сады принадлежали женским монастырям Арзамаса. Сад Николаевской обители занимал три десятины по улице Новой. А на улице Стрелецкой, и углу Софийского переулка располагался сад Алексеевской общины.

На западной стороне Всехсвятского кладбища в конце первой и начале второй половины прошлого века работало около десятка маленьких кирпичных заводов. Прежде тут был «животинный выпуск Прогоновской улицы». Глину, годную для поделки кирпичей, землекопы выбрали скоро, оставили после себя широкие рвы и ямы. Вот они и стали со временем быстро зарастать веселым березняком.

Скоро поднялся березовый подрост и под его зеленой сенью пролегли утоптаные тропинки — по воскресеньям тут стали появляться нарядные гуляющие.

Старожил города Иван Дмитриевич Иконников рассказывал:

— Помню рощу с конца прошлого века. Сколько же в ней по весне поднималось трав и цветов, сколько певчих птиц тут обитало! Прижилось большое соловьиное поселье. Мочажин-то хватало, а соловушки любят водицу. Петь они начинают, когда напыются росы с березового листа. Автомашин еще не водилось в городе, паровозные гудки и грохот составов еще не хлестали по ночам спящие окрестности — такая первозданная тишина настаивалась... И вот в этой мягкой, чуткой июньской тишине распахивались вечерами окна верхней части города, и люди допоздна заслушивались нежными руладами родных певунов. Подумать только: птичка-невеличка, а запоем — лес дрожит! Находились в городе знатоки, понимали соловушку, он ведь в своих коленцах-то содержит: бульканье, клыканье, дробь, раскат, пленканье, лешеву дудку, кукушкин перелет, гусачок, юлиную стукотню, почин, оттолчки, свисты, трели... А кстати, и в нижней-то части города в кустах возле Шамки также ночами распевали родимые соловушки...

Заповедного не тронь — завещали прадеды. Слово-то помним, а что за ним?

Заповедать, скажем, лес — запретить в нем рубку. В старину это делалось торжественно. Священнослужители с иконами или с хоругвями обходили рощу, лес при скоплении народа, пели Слава в вышних, тут же определялось число заповедных лет, когда в лес с пилой не ездили, не ходили.

Арзамасу принадлежали три заповедные рощи. Это липовая и дубовая на Высокой горе, где с 1718 года жительствоваала братия Высокогорского Вознесенского мужского монастыря. Вторая роща тоже поднималась за городом по Нижегородскому тракту, издавна ее называли Дубки. И третья рукотворная — Пушкинская сосновая роща.

Пушкинскую насадили в полутора верстах от города учащиеся школ в честь столетия рождения поэта Александра Сергеевича Пушкина в местности Рамзайских источников. Первую посадку ребята после молебствия и освящения места произвели 27 мая 1899 года. Высадили они тогда две тысячи сосен и елей, взятых из местного лесничества. Руководил работами законоучитель городского училища протоиерей Федор Иванович Владимирский.

Площадь рощи ежегодно расширялась. Так, осенью того же 1899 года школьники высадили сосновые саженцы, в мае и сентябре 1900 года присаживали снова деревья взамен погибших. Вплоть до 1917 года молодая роща охранялась, ее окопали рвом, нанимались сторожа.

Известен он с 1861 года, но значительное благоустройство его провели горожане только в последнее десятилетие прошлого века.

На украсе — лобовое место, юго-западный откос на береговой кромке. Под горой — лента реки в зеленом ободье трав, вниз по течению — старые седатые ветлы у смирной водяной мельницы, трепетная синь Высокой горы. За Тешей — широкие луговые чистовины, за ними — мозаика цветных пятен домовых крыш Выездной слободы, величественный храм Смоленской Божией Матери и белый взмет древней шатровой колокольни. На юго-востоке опять же луговые дали заречья, уходящие к горизонту теплые хлебные поля, и зеленый мыс Ивановских бугров с серыми стояками ветряных мельниц. Мила ты сердцу и глазу, родная сторонка!

Бульвар — это славное городское гульбище, делится как бы на две части. К югу от Воскресенского собора до самого Никольского съезда, где некогда стояли дома обывателей, разбили садик, а по его краям оставили аллеи, аллея также разделяла зеленые кущи и посредине. Деревьев тут росло немного, насадили сирень двух сортов и желтую акацию.

Из садика можно было спуститься по деревянной лестнице к улице Нижней Набережной, к красному кирпичному дому Шкариных.

От садика на север положили широкую «перспективу» до здания Уездного земского собрания и обсадили ее кустами желтой акации. Скоро кусты поднялись и образовали свод — славно, укромно тут в колдовские вечерние сумерки.

Это здесь так мягко, с особой грустью, но и надеждой поверяли миру свое душевное, свое потаенное робкие девушки:

Ярко светит звездочка в небе голубом,Робко ходит молодец под моим окном.Он заводит песенку о любви своейИ меня красавицей называет в ней.Что-то мне не верится — лъстивые слова,Посмотрю-ка в зеркальце — я ли такова.Ты боишься батюшки, он ушел в покой,Погоуляем, милая, провожу домой.Ярко светит звездочка в небе голубом,Робко ходит молодец под моим окном.

Три части этой «перспективы» разделялись двумя съездами. Один спускался к дому Шкариных на Нижнюю набережную, а другой, северный, назывался Троицким по ближней церкви наверху съезда.

В 1896 году в конце длинной аллеи против уездного земства построили крытый павильон. По воскресеньям и вечерам праздничных дней тут стал играть духовой оркестр Вольного пожарного общества в составе двадцати пяти человек. Руководил оркестром Шевченко — тонкий музыкант и отличный капельмейстер... Концерты любителей музыки привлекали множество горожан.

Встреча

Торжественно открывался бульвар в начале каждого лета. Устраивали красивую иллюминацию из цветных фонариков, гремела музыка, работал буфет, продавали прохладительные напитки, «Лимонад-газес» и искусственные минеральные воды Суздальцевых, разносили мороженое и разные сласти... Устраивались веселые лотереи, нехитрые игры спортивного характера.

Бульвар, также как и сады, и рощи, поистине стал отрадным местом для арзамасцев. Местом спокойного променада для пожилых, днями тут играли шумные дети, а теплыми вечерами, когда медленно угасало жаркое золото поздней зари, на уединенных скамейках вздыхали влюбленные и проводили скоротечные часы те, кого так счастливо соединила настоящая чистая любовь.

Давным-давно в Арзамасе установились дни гуляний горожан, да и места этих гуляний.

На пасхальной неделе в субботу в Выездной слободе у церкви. В Вознесенье ходили в рощу Высокогорского монастыря. В Семик начально гуляли в Рамзайской роще, а потом около убогих домов на Ивановских буграх. Особо ждали арзамасцы Троицын день, когда они приглашались селянами гулять в рощу Утешную. А как наступал Духов день, ездили в село Кирилловку. В День Всех Святых собирались на отдых к Всехсвятскому кладбищу. 24 июля или на Предтечу шли к Рамзаю. Это уже после крестного хода из Всехсвятской церкви. И еще один день — 1 августа — собирал гуляющих на берегу Теши. Сюда особенно торопились те, кому купили в этом году новые наряды на Нижегородской ярмарке.

Не требовалось особого оповещения — гулянья начинались всегда после обеда, часа в четыре и продолжались не позднее восьми часов вечера.

«На мир посмотреть и себя показать» — таков, пожалуй, был смысл этих гуляний. По традиции, женщины прохаживались одни в своих ярких нарядах. Мужчины среди них могли быть только молодые, женившиеся в этот год. Все прочие фланировали отдельно. Ходили чинно, выступали степенно — подражали «господам». Тут не бывало громких разговоров, дурашливого смеха. И уж верхом неприличия считалось что-либо жевать, щелкать орехи... Молодые парни и мальчишки держались в сторонке, чаще играли в лапту...

... И себя показать

Заботливые родители, провожая своих подросших чад, говаривали: «Гуляй, да дела не забывай! Нынче гуляшки, завтра гуляшки, находишься без рубашки... Эх, гулены...»

Роща в Выездной слободе рукотворная, по-видимому, насажена велением Василия Петровича Салтыкова, камергера.

В Утешной на каждом шагу виделась изощренная прихоть сановного хозяина. Еще в первой половине прошлого века барский садовник признавался, что роща представляет местность известного в Европе сражения, а группы деревьев — они суть показатель стояния полков противников перед тем сражением. Вот в память той битвы и велено хозяином сделать древонасаждения.

Нижегородец П. И. Мельников (Андрей Печерский) писал в свое время: «Версты за четыре от Арзамаса большая дорога превращается в прекрасную аллею из густых акаций, которые, переплетаясь между собою, тянутся по сторонам зелеными стенами. По обе стороны от этих акаций находится сад гг. Салтыковых, прежде хорошо обработанный, а теперь совершенно заброшенный и заросший травой. Множество разбитых статуй и остатки огромного театра свидетельствуют о былом его великолепии. Этот арзамасский Карфаген принадлежит селу Выездному».

Но были иные времена... Арзамасец М. Л. Назимов вспоминал: «... самое замечательное и веселое гулянье было на Троицын день в роще Утешине за Выездном. Туда стремился весь Арзамас... Влекло любопытство увидеть выездновцев на их годовом празднике. И действительно, стоило посмотреть. Женщины в парчовых и шелковых русских сарафанах, с жемчужными нитками на шее, с блестящими шелковыми повязками на голове, с заплетенными в ленты длинейшими косами, в вышитых узорчатых башмачках были, как говорили арзамасские джентльмены, обворожительны. Мужчины в бархатных или плисовых полукафтанных или поддевах с серебряными пуговицами, в шелковых рубашках и шароварах, в длинных лаковых сапогах и шляпах, украшенных со всех сторон павлиньими перьями... Долго длилось гулянье, и едва не утренняя заря заставляла посетителей возвратиться домой».

И еще один арзамасец вспоминал: «Роща эта... наполнена была всякого рода беседками и павильонами, в ней и вокзали горка, под которой еще в 1860 годах была цела каменная арка в виде ворот, а на самой горке, в присутствии боярина гремела музыка. Среди тенистых аллей шли широкие, всегда расчищенные дорожки... Выездновские крестьяне имели право гулять в этой роще, а Салтыков, как и многие другие богатые помещики, любовался и гордился тем, что его крепостные крестьянки гуляли по праздникам в этой роще все в златотканых сарафанах, самоцветных камнях и жемчугах, не уступая своими нарядами арзамасским купчихам».

Выездновцам хотелось показать «вольным» горожанам свои наряды, оказать уважение соседям, с которыми роднила близость оседлости и базар, куда сбывались, главным образом, сапожные изделия. Но в радушии селян таилось и другое. Выездновцы всегда считали себя несколько виновными перед арзамасцами. Кой-кто из селян душегубствовал и тайно, по ночам, отвозил трупы убиенных к «Божьим домикам» в Арзамас. Горожане ведь в Семик обмывали тела тех несчастных, служили над ними панихиды и хоронили... Так что жалуйте к нам, дорогие гости, соседи милые, разочек в годочек...

После отмены крепостного права чудная Утешная стала приходиться в запустение. Мало-помалу исчезли садовые украшения, после революции рощу стали крадучись вырубать. Но гулянья в ней продолжались до второй мировой войны. В 1937 году рощу назвали Пушкинской, а в войну вырубали на дрова.

Анна Николаевна Пыхонина из Выездного вспоминает: «Это трудно нынешнему человеку и представить, как до войны весело бывало в Троицу в нашей Утешной. На зеленых полянах несколько хороводов со своими песнями. Парни в сторонке игры затеют... Что пели? Еще старинные песни. Вот эту хороводную, ее мой дедушка Алексей Малаховский певал с бабушкой Катериной:

Я вечер в лужках гуляла, Грусть хотела разогнать. И цветочки я искала, Чтобы милому послать. Долго-долго я ходила, Уж погас и солнца свет, Все цветочки

*находила —Одного лишь только нет.Нет, цветочка дороговаИ в долине не
нашла,Без цветочка голубоваЯ домой уныло шла.Шла домой с тоской
унылой,Недалеко от ручья,Вдруг смотрю — цветок любимый,Ево тут же
сорвала,Незабудочку сорвала,Слезы капали на грудь,Я вздохнула и сказала:Не
забудь меня, мой друг.Не дари меня ты златом,Подари лишь мне себя.И при даре
том богатомТы скажи: „Люблю тебя“.*

Говорили у нас девки между собой:

— В роще утешно и потешно, то и свиданье с милым коротко!»

Воспоминания ученика школы академика А. В. Ступина В. Е. Раева относятся к концу двадцатых годов XIX века: «Хороводы составлялись больше из девиц. Каждый праздник после обеда далеко слышалась звонкая хороводная песня. Запомнил одну любимую, ее пели для меня девушки:

*Вокруг города царева, цареваХодил-гулял царев сын, царев сын.Искал своей
царевны, царевны.Не там моя царица, царица.Средь города стояла,
стояла.Златым венцом сияла, сияла.Огнем любви пылала, пылала.Секи-руби
ворота, ворота,Ты ударь челом царице, царицеЕще того пониже, пониже...*

Все эти невинные увеселения — хороводы, продолжались почти все лето до сбора орехов. За орехами ходили из города целыми партиями, семьями. В это время повсюду в лесу слышались песни, смех, ауканье...

Напев и этой песни прекрасный, в нем слышен отголосок старины:

*Ах, на горе-то мак.Ой, на высокой мак.А мы красны девушкиСтанем в тесный
ряд.Спросите-то про мак.Ах, не поспел ли мак?Ой, не пора ли жать?Маки-маки,
маковочки,Золотые головочки,Поспел тут мак,Пора ево жать!»*

С песней в хоровод.

... Хороводы водились в разных местах с пасхальной недели. В нижней части города — под Васильевской горой, а на горе — в конце улицы Глухой возле дома мастерового Пестрикова. Тут среди прочих можно было услышать и такую песню:

*Взглянем-ка по девушкам: Все девки беленьки, Одна расчумаза — Матрена,
Матрена! Свет наша Матрена, Умойся, умойся! Будешь побелее, А нам
помилее. Засветим-ка свечку, Пойдем-ка во светличку. Во светличке сидит
любчик, Матренькин голубчик. Через речку Шамочку Тут лежала лавочка. Тут
никто не хаживал, Никто не важивал. Тут и шел-пришел Свет Алексей-то
господин, Душу Матреньку провел, Он до лавки не довел — Целованьице завел.*

Хоровод водили умелые певуны. Девушке часто требовался парень-хороводник или затейщик. В хороводных играх частенько себя показывали и яньки, самотники-себялюбы, щеголи, одетые пестро, крикливо...

И вот еще одна, тоже записанная в семидесятых годах прошлого века этнографом, уроженцем села Кирилловки А. В. Карповым. Эту песню могли петь под Васильевской горой у дома богатого огородника Куликова.

... Парень входил в круг, выбирал себе милую, а милой была та, которую он тут же целовал.

И начиналась песня:

За неделюшку сердце слышало,

За един денек поведало...

Провожала друга милова
До города до Дунилова,
До заставушки Московской.
У заставушки мы расставались,
На нас люди дивовались.
«Что за чудная за парочка!
Не знай, муж с женой
Или брат с сестрой?»
Расстаются парень с девушкой,
Расстается, ей наказывает,
Честью-лестью уговаривает:
«Ты живи, моя лебедушка,
Живи не печалься.
Если будешь ты печалиться,
Пиши ко мне письмо».
«Я писать-то, девушка, не умею
Писарям не велю:
Писаря — воры-злодеи,
Пишут они ложно,
Разбрат не можно».

Гулянье это падало на день праздника Всех святых, который отмечается православными на следующее воскресенье после Троицы.

Начально гулянье проходило в северо-восточной части от города в черте ореховых перелесков, но позднее стало перемещаться поближе к Всехсвятскому кладбищу.

Начало дня — Богу.

Шла торжественная служба в кладбищенском храме. Затем по желанию жителей верхней части города священники служили панихиды на могилах... Молодая листва берез и лип, голубое небо, цветы, пахучий дым ладана, золото одежд священнослужителей — людьми владело сознание неразрывности с теми родными и близкими, кто ушел из земной жизни, но продолжает жить в благодарной памяти живых.

К полудню неподалеку от кладбищенской ограды выстраивался торговый городок. Продавались тут, кроме сладостей, и игрушки. Внимание к детям у ворот кладбища таило в себе и мистический смысл. Вот, ребятки, мы, родители ваши, тож когда-то ляжем под сень вековых лип. Не забывайте же нас потом, приходите на кладбище, помните и об этом празднике, о нашем внимании к вам.

Единство настроения роднило людей в этот день. Всеми владело радостное душевное состояние от сознания того, что у нас много святых, которые молятся за

живых и усопших православных перед престолом Всевышнего.

День шел на спад, уставших детей уводили домой. У торговцев объявлялось «ренское» и пиво — мужчины заметно веселели. Женщины в этот день являлись в других нарядах и украшениях, нежели в Троицын день в Утешной...

В кругу молодежи слышались удары лапты по мячу и удары городошных палок.

Смеркалось, украшения на женщинах начинали тускнеть — можно было расходиться по домам...

Ярила — время летнего солнцестояния.

Древний, языческий еще праздник. Он приурочен к ночи с 23 на 24 июня. В старину девушки и женщины украшали себя венками, зажигались ночью костры, люди прыгали через огонь и таким образом как бы очищались от всякой скверны. В эту ночь начинали купаться, верили, что вода стала чистой, исцеляющей.

В народе сохранились поговорки: в Ярило сердца яры. В Яриле все живое ярится.

Любопытно, что в Арзамасе насчитывалось несколько ярил: Вознесенская, всехсвятская, тихвинская и даже... девятая.

Как ни странно, приурочены они были к тем дням, когда в городе свершались праздничные крестные ходы.

Обыкновенно на праздники к горожанам съезжались из сел и деревни знакомые, родные и после крестного хода, естественно, устраивались столы с угощением. Где-то к вечеру мещанские девицы начинали водить хороводы.

Можно было услышать и такую вот купальную песню с веселой, даже озорной концовкой:

*Иван да Марья
В реке купались: Где Иван купался, Берег колыхался,
Где Марья купалась, Травка расстилалась,
Купала на Ивана! Купался Иван, Да в воду упал.
Купала на Ивана!*

На другое утро вновь садились за столы опохмелиться, головушки поправить, и вот тут-то и начиналось шумное, веселое обливание водой своих и случайных прохожих по улице. Вечер опять заканчивался хороводными песнями — хороводы водили в основном дети гладильщиков кожи, скорняков, сапожников.

Вот это веселое шумное действо и называлось Ярилой.

Где же яро вскипали безудержным весельем эти самые ярилы?

Вознесенская — в Прогонной улице и Казарменной слободе. Всехсвятская — в конце Ильинской улицы.

Девятая — близ Ильинского храма.

А Тихвинская — в Мартовской улице и на Бутырках.

Люди рады лету, а пчелы цвету

Жаркое лето...

Под Соборной горой жил известный картузник Медведев. Держал он на Теше несколько купалей и сдавал желающим на прокат лодки. За час платили 20 копеек.

Воскресенье... Печет едва ли не с утра. Молодежь из числа интеллигенции сговорилась еще накануне, и вот где-то после полудня сходилась у лодочника. Юноши в русских, часто вышитых косоворотках — русская одежда и обувь была в моде в конце прошлого и начале нашего века, девушки в ярких ситцевых сарафанах или платьях с кокетливыми рюшками, в соломенных шляпках...

Погомонили у лодок и отплыли... Прощальные взгляды на город, что белеет над приречной горой. Над темным кружевом замлевших садов прямые шпиль колоколен и золото церковных глав, а направо мягкая бахромка луговых трав над глинистым берегом, затихшее стадо коров у сырого водооя, широкий разбег лугов за Тешей, а впереди, на кромке Ивановских бугров, застывшие лопасти поседелых от времени ветряков...

Дружные взмахи весел в сильных молодых руках, носы лодок режут теплое серебро ласковой воды, белые лилии и желтые кувшинки на девичьих ладонях и столь волнительны эти «Дунайские волны», что так слаженно исполняют ребята на щипковых — гармонь в те годы считалась грубоватой в кругу образованных людей.

Белое ожерелье лодок вытягивается к Ивановским островам. Часто высаживались на выездновском берегу, и тут сами собой начинались шумные игры. Частенько играли в «жмурки», при случае мягко падать в густую духмяную траву. Уставшие, раскладывали скатерть-самобранку, много пели, читали и декламировали строки Пушкина, Некрасова, Никитина, Кольцова. Тут радовал своих друзей начинающий поэт, молодой учитель Иван Иконников:

*Тебя я встретил в полдень жаркий
Среди колосьев спелой ржи,
Из васильков, как небо, ярких
Плела венок ты у межи.
И только встретила ты взором
Со взором трепетным моим,
— Немым и кратким разговором
Повержен я к ногам твоим.
И в те минуты, как признанье
Твердил тебе я, — день алел,
Неслося птичек щебетанье,
И василек во ржи синел.
Вот почему так золотиста
Моя любовь к тебе, мой друг!
Вот почему так сердце чистой
И не терзается от мук!*

... Чистота отношений, теплая дружественность, романтическое отношение к девушкам — все это освящалось добрыми надеждами на будущее. Здесь намечались скорые семьи, крепилась верность друг другу, наконец, просто скрашивалась жизнь.

К Ивановским буграм плавала и мещанская молодежь, более шумная, с гармошкой. Но и тут не знали каких-либо пьяных выходок, внимание девушки надо поистине заслужить ласковой сердечностью. Ах, в какое вихревое действо превращалась здесь полька или задорная кадрили.

На «острова» плавали и семейные. Ивановские женщины приносили к отдыхающим самовары, молоко, сливки, душистые ягоды — всем было весело, особенно детям.

Летом 1902 года не однажды к Ивановским буграм направлялась «горьковская эскадра». Писатель с женой и гостями из столиц, Нижнего, что постоянно наполняли дом на Сальниковой, вполне «расслаблялись» на воде, на островах, на часок-другой забывали о политике, «классовой борьбе», муках творчества и безоглядно окунались в житейский реализм.

С островов молодежь возвращалась обыкновенно поздно, на закате уставшего за день солнца, а то и в тот час, когда волшебная сумеречь уже густела над теплой притихшей землей.

... Невнятное журчанье затяжелевшей к ночи воды за кормой, приглушенные усталые голоса, мягкие крики дергача в сырой прибрежной осоке и над всем кротким миром — волшебное очарование серебристого света высоких перистых облаков. Еле слышно с прощальной грустью звучит послушная мандолина.

Еще стрелки часов истории не дотянулись до 1905 года, еще далеко до первой мировой и грозного семнадцатого. Пожатые теплых рук, неспешное провожание девушек, может быть, робкий поцелуй — кончился этот жаркий июльский день. И дай Бог других!

«Особенно чудно-хорошо и восхитительно это место в весеннее утро, при первых лучах восходящего солнца, когда вершины деревьев озарены благотворным светом, а с зеленых веток падают блестящие капли росы на траву, густо покрывающую землю, когда красные гвоздики, лиловые колокольчики, белые ландыши, розовые лепестки шиповника, лазоревые орхисы и другие благоуханные и привлекательные для взора цветы сильно разливают в воздухе свой аромат, а в роще царствует тишина, нарушаемая лишь разнообразным щебетанием и неподражаемым пением пернатых птиц».

Эту милую картинку весеннего утра на Высокой горе оставил нам в 1914 году священник Михаил Коневский. Но и солнечным деньком и тихим вечером во все времена года Высокая гора, что на четвертой версте от города, в прошлом была первозданно хороша. К ней у арзамасцев изначально особое, благоговейное

отношение. И потому она бережно сохранялась горожанами как заповедный уголок, ценилась как место возвышающее, врачующее всякие всполохи души и сердца.

Место это отмечено Творцом, ибо не случайно же появляются на земле монашеские обители в самых духоподъемных местах. Арзамасцы поняли это и в 1716 году устроили тут начальную часовню, а вскоре и мужскую общежительную обитель. С того далекого времени сюда совершались многолюдные крестные ходы — участвовать в них было семейной традицией, они воспринимались нашими дедами и прадедами как хождение на очистительное богомолье.

Высокая гора звала и на отдых.

Густо поросшая вековыми липами и дубами, полная таинства, всего того, что является лесной жизнью, роща издавна стала местом паломничества для тех, кто не равнодушен к одухотворенным красотам родных мест. Тем более, что многие приходили сюда с желанием побывать в святой обители, осмотреть старинные храмы, поставить свечу-молитву в память ушедших на покой родичей, оглянуться на свою суетную жизнь. Думается, не случайно известная арзамасская писательница середины прошлого века Мария Семеновна Жукова и написала, пожалуй, невыдуманную повесть «Инок», сюжет которой явно навеян посещением Высокогорского Вознесенского монастыря.

Сюда на своих и наемных лошадях чаще приезжали семьями «интеллигенты» и люди «старого закала», чтобы размять ноженки и показать ребятишкам лес, его доступные тайны. Натоптанные тропинки выводили гуляющих из-под зеленого шатра то к хлебным полям Хватовки, то к тихоструйной Теше, к монастырской мельнице, к таинственному пчельнику. На этих тропах или у малого костерка хватало для детворы волнующих рассказов о разбойниках, которыми был так полон недавний восемнадцатый век. Из-за «лихих работничков» в 1734 году монахи покинули свой монастырь и вернулись в порушенную обитель только через девять лет... Здесь, на Высокой, вспоминалось и про атамана Алену, родом из подгородного Выездного. Собрала она отряд удалых и первое время скрывалась тут на горе, а затем увела своих смельчаков в город Темников к разницам. Было что вспомнить старшим и о нижегородском тракте, что проходил в версте от Высокой горы. Овраг Воровской-то близ Дубков... В ночь из Арзамаса не выезжали — нередко пошаливали тати с кистенем и топором...

Монахи Высокогорского слыли гостеприимными.

Раскинута на траве-мураве белая скатерть, за небольшую плату чернецы приготовят монастырскую уху из свежей рыбы, вздуют самовар, поставят к чаю молока, сливок и уж обязательно сотового меду. Ну а на дорожку побалуют деток сладкой ягодой, как она подспела, а папам и мамам поднесут по кружке ядреного монастырского кваса...

Солнце опускается к окоему, опадает в затешные луга разморная полуденная жара, дышится легче, острее становятся запахи леса, ярче выступают старые деревья и это, наверное, из-за них тянутся к малышам молчаливые страхи. И уже хочется домой, в знакомую комнату, в мягкую постельку.

Голоса старших все ленивее, все реже... Вот закладывают лошадей. Уже в руках расторопного кучера крепкие вожжи, наконец, рессорная коляска, потряхивая и убаюкивая, катит по серой холстине проселочной дороги.

— До свиданья. Высокая гора!

Разумеется... Детская непорочная душа навсегда сохранит о тебе память, как о чудесной сказке, которая войдет в растущего человечка на всю остатную жизнь и где-то потом, в предбудущих годах много добавит к тому, что мы называем святым словом Родина.

Мокрый овраг тоже давным-давно стал для арзамасцев не только дорогим местом как источник хорошей питьевой воды, но и желанным местом для отдыха.

Сюда, как и на Высокую гору, приезжали на своих и на извозчичьих лошадаках семьями родственно близкие люди. Та же интеллигенция, чиновники и купцы, зажиточные мещане. Как-то на Мокром было свободней, что ли... Тут вроде ничего не довлело над человеком, и потому шумнее веселились застолья, куда как скорее сходились даже и незнакомые прежде горожане.

Иногда съезжалось семей по десять и более. Торопилась сюда и молодежь: студенты, вернувшиеся на каникулы, учителя и учительницы, модно одетые приказчики... Извозчики при этом хорошо зарабатывали: в один конец брали 30 копеек, а подгулявшие кидали от своих щедрот и побольше...

И на Мокром тоже отдых начинался по способу «пешего хождения». Уходили обыкновенно гулять к живописному пруду и в ближний лес. В старые годы слово «гулять» означало вовсе не сиденье за обильной едой и выпивкой, а именно гулянье, скажем, по лесу, по бульвару, проспекту, а в Арзамасе чаще по улице Сальниковой.

Ах, какое единение обреталось в кругу молодых чиновников, учителей, студентов, сколько тут слышалось затаенных вздохов купеческих дочек о желанных женихах — во многом раскрывается человек за гранью города в зеленых кущах, которые так хорошо хранят и самые сокровенные тайны...

Не скучали на Мокром и дети. Немало отсюда увозили разных трав и отдельных листочков для личных гербариев мальчишки, а сколько цветочков лазоревых закладывали девчонки между страниц своих книжек, чтобы зимой, в тихий предвечерний час вспоминать о незабывном лете.

Уставшими возвращались к домику лесника. Тот слыл сообразительным, да и трудно ли понять приезжающих на природу. Поставил несколько — до двадцати — столов и столиков под сенью берез, накупил самоваров и — чайку, да извольте, какой прикажете? «Самоварчик» с распаренным чаем стоил от 20 до 50 копеек. Провизию, выпивку отдыхающие привозили свою, а не хватало — лесник мог добавить от своих запасов, даже винцо сыскать.

После застолья старшие потягивали легкое виноградное, «перекидывались в картишки», читали газеты, коротали часок-другой за бесконечными разговорами о времени и о себе, во всем согласная молодежь затягивала песни, играла в лапту или городки.

В застольях на Мокром царило благодушие, развязность осуждалась, старались не терять своей чести, держали себя «на людях» неизменно в «границах».

Здесь в кругу молодых слышались стихи, спорили о прочтенном, новоиспеченные учителя — мещанские дети, заводили неизменные разговоры о просвещении народа, бюрократизме властей предрежащих, охотно вспоминали слова Некрасова: придет ли время-времечко...

Тут мастерски читал, чаще юмористическую прозу, адвокат Лезин, обладавший отличной дикцией и мимикой лица, так артистично входил он в «образ» литературного персонажа! Завораживал проникновенным чтением лирических произведений инспектор народных училищ П. А. Пирогов. Неизменно украшал застолья юрист Генебарт, владевший превосходным тенором. Василий Васильевич был настоящим оперным певцом.

... Иногда допоздна в кругу молодых звучала семиструнная гитара, томная скрипка и меланхолическая мандолина — отсюда, с Мокрого, неизменно увозили все то, чем всегда дорог желанный и потому такой короткий праздник человеческого общения.

Сначала лета арзамасцы присматривались к афишным тумбам, спрашивали друг у друга: когда же приедет цирк?

И вот, чаще в конце лета цирк-шапито ярко объявлял о себе. И тотчас городок как бы встряхивался, оживал, все только и говорили о «циркачах».

В 1886 году в Арзамасе гастролировала труппа известного антрепренера Архипова.

Раскидывал свой шатер цирк всегда в поле, позади сада Рачинского. Шатер тотчас обрастал торговыми палатками с фруктами, квасом, пивом, мороженым...

Каждый вечер искромётное феерическое действо. Представления начинались с 9 часов вечера.

В цирке горели большие газовые лампы и уже одно это удивляло многих.

Арзамасцы любили цирк. Искренне восхищались борьбой тяжеловесов, ловкостью воздушных гимнастов, аплодировали прекрасным амазонкам. Ну и неизменно смеялись над проделками клоунов, их веселым репризам.

В первое время народ валом валил на представления, но мало-помалу почтеннейшая публика редела и тогда — это уж к концу гастролей. Владелец цирка прибегал к испытанному способу привлечения зрителя. Объявлялась лотерея. В конце выступления артистов на арену выносили большую пирамиду, на ступах ее выставляли различные призы. Чего тут только не было! Яркие детские игрушки, очень много разнообразной посуды, предметы туалета, парфюмерия... Объявлялись и главные призы: часто самовар, корова или еще что-то ценное.

... Разбитной конферансье вызывал двух охотников из публики, и они по контрольным маркам объявляли выигрышные номера. Корова — большой выигрыш, стоила она десять рублей золотом — деньги в то время дорогие...

Долго после похвалялся счастливчик: задешево билет приобрел и корову из цирка привел!

Уезжал цирк, и разом затихал Арзамас. И вздыхали ребята: опять целый год ждать веселых «циркачей».

По летам частенько в городе объявлялся пожилой, опрятно одетый шарманщик.

Работал он с дрессированной птичкой или морской свинкой, которые ловко вытаскивали из ящичка билетик на счастье. Большого счастья из горожан редко кто ожидал, но кому же претят добрые пожелания и предсказания!

Бывало, у бродячего дяди оказывался турецкий барабан. Шарманка надсадно издавала «Разлуку»... К свободной руке артиста привязывалась колотушка, он ударял по тугой коже барабана, что висел за спиной, над барабаном горела медь тарелок — их дергала веревка, что прикреплялась к ступне ноги. Наконец, в такт звенел на голове колпак с мелкими колокольчиками.

Человек-оркестр! Не всегда люди могли уловить какую-либо мелодию в этом уханье барабана, в лязге тарелок, в рассыпном звоне бубенчиков, изредка только прорывался унылый голос шарманки: «Разлука, ты-ы разлу-ука, чужа-ая сторо-на-а-а»...

Иногда шумовой сеанс прерывался. Распахивалось окно, летела монетка и раздавался приказной крик: «Уходи-и!».».

И человек с грустными глазами покорно исчезал.

В иной год тот же шарманщик появлялся в городе в сопровождении мальчика-акробата и девочки-певуны. Тут уж давалось настоящее представление, и

зрителей заметно прибавлялось.

... Шарманщик казался оптимистом и, думается, оставался доволен арзамасцами. Они ведь в большинстве были сердобольными, понимали, что перед ними старается едва прикрытое нищенство и не оставляли артистов без воздаяния.

Помнилась еще вековая мудрость: рука дающего не оскудеет!

Иногда в летнее время в город приезжал бегун.

В поле у Всехсвятского кладбища мягким канатом окружалась беговая дорожка, скоро ее обступала плотная толпа.

Появлялся в трико стройный мужчина и, играя мускулами, вызывал охочих арзамасцев на состязание.

Да, собирался-таки народ и на это зрелище, шумно заключались пари, объявлялись горячие спорщики.

Необыкновенный человек приезжал в Арзамас! Никто ни разу из местных не обогнал чужака, а были, были у нас ребята со здоровыми легкими и сильным сердцем.

После забегов ассистентка бегуна молча обходила зрителей с легкой тарелкой в руке и, красивая, ласково улыбалась...

Кажется, со стороны появлялась летом и карусель — неизменное ребячье удовольствие.

Как на Благовещенскую площадь с Мытного сойдешь — тут, бывало, и увидишь цветной шатер балаганчика.

Приводилась в движение крутилка наемными подростками, парнями. Ногами они шестерни крутили.

За пять коротких минуток сиденья на лошадке, на собачке, на креслице, а то и на мишке косолапом брали пяточок.

И вот что помнится: так разбитно, крикливо играл в балагане гармонист из села Красного.

Отбоя не было от ребятни возле карусельки.

Впервые увидели демонстрацию кинолент в Арзамасе на улице Новой в 1910 году. Кинематограф под названием «Мираж» принадлежал В. К. Воскресенскому.

Это было настоящее, невиданное прежде чудо. Увеличенная картинка ожила! Люди стали двигаться!.. С замиранием сердца смотрели арзамасцы первую ленту и не сразу поняли явленное волшебство. Повалили горожане к Воскресенскому, старики верили и не верили тому волшебному зеркальцу из сказок.

Иные доверялись друг другу: побыла я кума, в кино, как нагляделась в окно!

Летом 1912 года получил разрешение на устройство кинематографа на улице Сальниковой в доме 13 швейцарский гражданин Э. Я. Рейст. Открылся его кинотеатр в 1913 году.

Желающих открыть кинотеатр сыскалось немало. Но городская дума под тем или

иним предлогом остужала алчные, конечно, желания. Опасное в пожарном отношении дело! Ну не приспособлены же жилые дома под зрелища... А вот цеховому Н. Е. Белоногову отказали потому, что кино будет «возмущать религиозное чувство городского населения», так как дом Белоногова находился против алтаря храма Спаса Нерукотворенного. А потом не все ленты и тогда снимались нравственного содержания — пустая развлекаловка, бесстыдство западных кабаре действительно не принималось православным человеком.

После Февральской революции городская управа позволила Аркадию Терентьеву выстроить кинотеатр на углу улицы Сальниковой и Ново-Плотинной. Терентьев обещал развернуться широко. Он заказал проект культурного центра двухэтажным, проект этот составил арзамасский учитель рисования Н. В. Роговицкий. Революции, гражданская не позволили осуществить проект полностью, выстроили только первый этаж (позже кинотеатр «Искра»). Демонстрация фильмов началась в новом кинотеатре ГЕТЕ (Геннадий Терентьев) весной 1918 года. У хозяина имелся свой электродвигатель.

Весной 1918 года кинотеатр Терентьева национализирован.

Два человека в дореволюционном Арзамасе открыли для молодых людей города увлекательный, захватывающий мир спорта.

Константин Васильевич Бебешин, впоследствии доктор медицины, стал, приезжая летом на студенческие каникулы, сбивать вокруг себя крепкую молодежь. Часто в поле около Всехсвятского кладбища стали собираться ребята для игры в лапту, городки и другие русские игры.

Спорт стал бытовым явлением тогда, когда в городе в 1911 году начала создаваться футбольная команда. Ее собрал Геннадий Терентьев, преданный спорту человек. Команда составила из учащихся реального училища и прочих горожан. Терентьев за свой счет купил сетки на ворота, форму ребятам, мячи.

Кто же те первые? Иван Крюков — позднее железнодорожник, братья Полянские — учащиеся реального, Василий Зефилов. Аркадий Калиновский, Александр Завалишин, Афанасий Вязовов и, конечно, сам Геннадий Терентьев.

Игры футболистов проходили близ водонапорной башни. Иногда игроки, чтобы подработать на спортивный инвентарь, выезжали на станцию Сережа, близ нее до революции быстро поднимались дачи состоятельных горожан.

В прошлом любителей оружейной охоты в городе жило достаточно. Водилось еще довольно дичи, как водоплавающей, так и боровой. В сезоны охоты постоянно носили по домам глухарей, тетеревов, рябчиков, вальдшнепов, уток. А по зимам в базарные дни зайцев привозили в Арзамас возами.

Рядом-то с городом уже давненько пустовато, потому стрелки и ездили в места охоты на извозчиках, скажем, по морозовской дороге.

Ареалы обитания водоплавающих птиц близ Высокой горы в пойме реки Теши. Тут в старые времена на долгие версты тянулись глухие, заросшие болота и птиц разных обитало видимо-невидимо.

На севере от города до революции, да и позже часто охотничал Николай Лукьянович Судьин. Ездил он обычно в тарантасе с кучером. Осенью стрелял тетеревов в городской даче, а то уток набьет, навешает их на себя и так вот победно идет по городу: смотрите, кому любо и завидно. Бывали, конечно, и неудачные выходы. Тогда Николай Лукьянович возвращался домой не людной, а обходной улицей, переулком. Известно: борьба да охота похвальбу любят...

Охота пуще неволи, своя страсть неволит...

Старые охотники помнили любителя ружейной охоты учителя Кирилло-Мефодиевского училища Корнилова. Был он обличьем похож на писателя А. П. Чехова. Средний рост, интеллигентной наружности, с темно-русой бородкой, в очках. Охотник страстный, кроме того, умел набивать чучела, вся квартира его на Большой улице при училище полна чучелами разных птиц. Жена принесла ему в приданое маленький хутор, который летом и превращался для Корнилова в охотничью базу.

Страстным охотником являлся и Лев Иванович Неверов, владелец отличного ружья фирмы «Леба».

В районе Пушкинской рощи, а ее окружали болота, долго в двадцатых и тридцатых годах уже нашего времени стреляли уток Николай Михайлович Лисин и Сергей Иванов. Манило охотников к Кожино, Чуварлейке. Там больше водились лисы и зайцы, встречались куницы, рыси, набегал волк.

Многое обещали охотнику места окрест Ямищ. Тут жировало много уток, чирков, куликов. Далеко приходилось шагать до Охлопкова, а вот любили же бывать и там охотники, и без дичи редко оттуда возвращались. Еще ездили заядлые охотники, часто Н. М. Лисин в паре с Миной Алексеевичем Колокольцевым, в окрестности Вторусского. Колокольцев держал отличную гончую Ойру, охотиться с ней — одно удовольствие.

Обычай старше закона.

Что город, то норы, то обычай

Эти слова означают счастье, это пожелание счастья при встрече в дому. Предложить одну соль по вкоренившемся у русских обычаю — значит обидеть человека.

Поэтому, если арзамасец приходил к соседу за солью, а это нередко в давние времена случалось, когда она ценилась дорого, то обязательно подавали солонку на ломтике хлеба.

В каком народе живешь, того и обычая держись.

Обычай не переставляй. Убери стары, так и новы не устоят.

Худому обычаю потачки не давай.

Считалось, что обычай этот живет только в Арзамасе.

6 декабря по-старому, накануне празднования дня очень почитаемого всеми христианами святого чудотворца Николая в ночь служители церковью города с иконой святителя обходили каждый дом своего прихода и совершали молебен с водосвятием.

... Весь Арзамас не спал, ожидая как бы прихода прославленного чудотворца, который в своей земной жизни разносил бедным «узлеца злата и сый, в сонях являлся человеком».

Со временем, с увеличением домов в приходе, обычай этот изменился. Уже служили во многих домах всенощные и, таким образом, «хождение с Николой» продолжалось до трех недель: до праздника и после него.

В Рождество, Пасху, в престольные праздники службы в церквах совершались намеренно рано, еще затемно.

Существовала в Арзамасе давняя обычка ходить в большие праздники церковному причту с крестом по домам своих прихожан.

Естественно, к уважаемым фамилиям — купцам, священнослужителя приходили пораньше...

Краткая церковная служба освящала дом, благословляла его обитателей, и это вселяло добрые надежды на предбудущие времена.

Еще в начале XX века в Арзамасе держался и такой обычай: к Рождеству и Новому году устраивались столы вроде пасхальных.

Связана она с Великим постом.

Пройдет дней двадцать после его начала и горожанки начинают печь «кресты».

В чем же особинка? А в один из крестиков запекалась маленькая денежка. И тот, кому попадался тот крестик с монетой, по поверью, одарялся на год счастьем. На счастье запекалась на Благовещенье денежка и в «жаворонка» из теста. Этих пташек пекли обыкновенно с прилетом южных гостей.

Так вот матери скрашивали долгий пост в сознании детей, молодежи, напоминали еще раз о святости поста, призывали к терпению, наконец к доброму настрою, радостному ожиданию великого праздника Пасхи...

Середина Великого поста...

Уже ярко заголубело небо, уже стали раскисать снега и первые лужицы заблестели на потемневших дорогах...

Вот в это время, когда зиме скоро конец, и появлялись в городе на виду «гречушники».

Дети, да и не только ребята малые ждали их как предвестников скорой весны.

Несли дяди, а чаще дедушки на голове большой деревянный поднос с низкими бортиками, что-то на нем наложено и прикрыто чистой холстинкой. В руке тащил дедушка деревянную раздвижную подставку — верх ее стягивался крепкой тканью. Еще нес тот дедушка медный кувшин с конопляным маслом.

Дети караулили приход гречушников, тотчас обступали жданного человека. Вот устанавливалась подставка, опускался на нее широкий поднос, дедушка откидывал холстинку и в нос шибал теплый, сытный гречишный запах.

Только раз в году, ранней весной, пеклись долгожданные гречушники... Готовились они в раздвижных формах. На вид это резко усеченная пирамидка высотой сантиметров десять. В доньшке она толщиной где-то до пяти сантиметров, а в закругленном верху вдвое уже.

Дедушка — он непременно в белом фартуке, ловко разрезал свое мучное изделие, поливал разрез маслом из кувшина, чуток посыпал мелкой солью, складывал половинки и церемонно, даже с видимым торжеством подавал печево мальчишке. Впрочем, охотно пробовали гречушник и взрослые.

Дедушка весело, с довольством объявлял:

— За пару — копейка. Бери-ка, успе-ка!

С продажей гречушников связана игра, не игра — действие. На поднос ставился гречушник и надо одним взмахом ножа вертикально разрубить его. Удалось это вам — забирай весеннее лакомство даром. А нет — плати уговорные копейки сверх цены...

Радостной детворы возле дедушки-гречушника всегда хватало. Старый, что малый, быстро завяжется разговор о весне. Лицо дедушки добрее.

— Дак, март зиму кончает, а весну начинает. Вот, ребяташки, сорок сороков птиц прилетят, весну на крылышках принесут — ждите, мать просите, чтоб жаворонков напекла да вам поднесла...

Исчезали с базарной площади заботные о ребятишках дедушки, а тут вскоре и в самом деле солнышко на тепло поворачивало, подтаивало на завалинках и на угревых местах, и так-то звонко хрустел утрами под сапогом молодой голосистый ледок...

Четверг на седьмой неделе Великого поста...

Когда в храме прочитывается двенадцать Евангелий — в Арзамасе после прочтения каждого Евангелия ударяли в колокол.

Долго в этот вечер разносился по городу колокольный звон.

Кажется, этот звон оставался обычаем только у арзамасцев.

После службы горожане шли из храма с горящими свечами. От огня церковной свечи следовало зажечь дома лампаду.

Начиная с первого дня Пасхи и до Троицы, после каждой обедни в воскресные дни в городе и уезде производился так называемый красный звон.

Молящиеся выходят из храма — теплынь, солнышко, благорастворение воздуш... И веселый звон:

— Куды хочешь, куды хочешь!..

Порядок русской свадьбы установился давно. Вот как он складывается: смотрины, сватовство или рукобитье, девичьи посиделки, обручение, девичник, а на утро продажа девичьей косы, родительское благословение и венчание, свадебный стол для родных и близких молодого, большой стол для родни молодой и последний стол, когда молодка стряпает и своим угощает...

Но в каждом краю еще и свои свичаи-обычаи, своя обрядность. Вот и в старом Арзамасе укрепились свадебные особенности.

Свадьба, а ее игровое действие длилось долго, начиналась, как и везде, с посылки свахи к родителям невесты. Бойкая, языкастая сваха-свашенька и творила главное: сговор о согласии родителей выдать дочь замуж за такого-то добра молодца.

Назначался день сватовства. Благословясь, родители жениха едут в дом невесты. Мать или близкая сродница выводят разряженную девицу — плывет она лебедушкой, выступает степенно, горделиво, павой кланяется и молча удаляется. Придирчиво осмотрена невеста, сторона жениха выходила в сени и там, шепотом,

вместе с женихом определяла подходящая ли невеста? Нередко случалось, что девушку снова просили пройти по горнице — не хрома ли, не кособока... Ничего оскорбительного в этом не усматривалось, часто жених и невеста впервые встречались на этих смотринах. И опять держался тайный совет в сенях: братъ — не братъ. Ударили-таки по рукам! Ставили молодых рядом и все молились, частенько тут не был неожиданным и священник. Сватовство кончалось тем, что нареченная дарит жениху платок. Начинались бурные поздравления, родственные поцелуи... Невесту садили рядышком с суженым и сидели они чинно и невозмутимо...

А любовь? Все вбирала в себя мудрая пословица: сживется — слюбится. Поважет молодых одна забота — работа, а там — дети, годы притрут друг к другу, да и мирские установления: жена — не сапог, с ноги не скинешь...

Особинкой арзамасской свадьбы было и то, что на девичник молодых людей не приглашали. С невестой прощались близкие подруги, сродницы, что шили приданое. До свадьбы невеста могла повеселиться с девицами, но без танцев. Ходили степенно по горнице или по «зале», музыки тут не полагалось, гармошки тож, считалось, что она бесчестит дом...

Еще из местного обычая. Невесту и жениха к венцу в церковь сопровождает священник своего прихода. Если невеста одного прихода с женихом, то батюшка оставляет жениха в храме и едет сперва за невестой.

Трогательно прощание невесты с родителями, родней, подругами... Вот на пороге появляется посыльная жениха — сваха. Священник читает молитву, осеняет невесту крестом и благословляет в путь — едет затем в церковь во главе свадебного поезда вместе с шафером, по-старинному светчим, который держит в руках икону. За проводы в храм священники никакой мзды не брали. После торжественного обряда венчания, если дом жениха недалеко, батюшка в облачении, с крестом в левой руке, правою ведет новобрачных в дом в венцах, со свечами, при пении молитв в честь Божией Матери. В доме молодого проводили молебен. Новобрачные стояли в венцах с горящими свечами.

После этого, наверное, пастырь, на минутку уединившись с молодым, говорил ему о благочестивых ночах женатых. Они всегда должны воздерживаться от близости перед Господними праздниками, воскресеньями, средами и пятницами, а также в посты.

В первое воскресенье после бракосочетания молодых выводили в храм к обедне. После они слушали благодарственный молебен.

Внецерковное участие священника в день венчания молодых — сопровождение их в храм, свершение молебна в доме молодого — все это наполняло свадьбу особым торжеством, подавало крепкую надежду на счастливое супружество, на семейное благополучие, на твердое стояние фамилии в море житейском.

Отходил в мир иной человек... В Арзамасе об этом извещал церковный колокол того прихода, к которому принадлежал усопший.

Колокол опоясывали домашним прядевом — холстом, обычно в пять локтей. Но приглушать, смягчать голос колокола вовсе не обязательно. Звонили по умершему в большой колокол от трех до двенадцати раз. Обычно число ударов назначал священник. Если уходил из жизни значимый в общественном плане человек, или тот, кого знали как усердного прихожанина — по таким звонили поболее. Богатые жертвователи на храм тоже удостоивались продолжительного звона.

Размеренно разносился голос скорби... Миряне, слушая звон, крестились и искренне желали усопшему царствия небесного.

В Арзамасе принято крышку гроба выносить к воротам дома умершего. При выносе

тела из церкви, во время проводов на кладбище также ударяли в большой колокол.

Кулачные бои на Руси...

Вспомним-ка песенный сказ М. Ю. Лермонтова про удалого купца Калашникова, что пред Иваном Грозным защитил в открытом бою честь жены своей, красавицы Алены Дмитриевны... Эвона куда уходит традиция бытования народного. А и раньше того, еще при Великом государе Василии III (1505–1533 г.г.), как сообщали иностранцы, «устраивались кулачки, толпа на толпу, на площади».

Боевые приемы кулачного боя складывались в незапамятные времена, запретили их уже в наше время. Знать, не нужны стали эти яркие зрелища русской силы перевели их в разряд хулиганства, всячески опошлили. А вместе с тем не хулиганство вовсе веками формировало кулачные бои, а воинские качества человека, искусство рукопашного боя несло в себе и благородные рыцарские основы. Сила, ловкость, выносливость — да, но и уважение к противнику, не слепая жестокость, а осмотрительность, высокая степень прощения...

Кулачные бои в России — уж так обычай повелся, происходили чаще зимой, в масленицу. Это был повсеместный смотр мастеров ближнего боя и подготовка новых бойцов.

В Арзамасе «сходбища» происходили с начала зимы и до Великого поста. Обычно они, по сговору, начинались где-то после обеда и кончались сумерками.

Сразу и невольная похвала: сколько же надо было иметь сил, чтобы биться два или три часа! При этом уставшие уходили с поля боя передохнуть, а на ристалище появлялись свежие кулачники. Тактика сражения менялась, главное было не отступать далее намеченной грани, не струсить, не удариться в паническое бегство.

Вот первое сохранившееся воспоминание о кулачных боях в городе между арзамасцами и выездновцами после 1812 года.

«Для кулачного боя под вечерок в праздники по составленным заранее условиям собирались около широкого моста, разделявшего город от села, с одной стороны арзамасцы, а с другой выездновцы. Общий уговор: не бить по голове, особенно в лицо, и лежащего, руки иметь в рукавицах и ни под каким видом не класть в них какой-либо тяжелой вещи. Нарушители этого правила больно платились своими боками и даже лицами. Сначала пускали вперед, как бы застрельщиков, мальчишек... В то время, когда победа кажется несомненною для одной стороны, выходит какой-нибудь атлет Кузька или Ванька и под его медленным рассчитанным ударом падают бойцы, как снопы. Толпа быстро отступает, бежит и встречает своего атлета Степку или Гераську, который останавливает бегущих, собирает около себя более храбрых, ведет их опять вперед в атаку и встречается со своим страшным соперником. Тут общее внимание сосредотачивается на их схватке, поражение одного производит панический страх в его союзниках, несмотря на кратковременные выходы еще нескольких крепких бойцов, старающихся оспаривать победу, но им бывает плохо, потому что толпа, восторженная победой своего предводителя, с большей энергией бьет сопротивляющихся, из которых некоторые перелетали даже за перила моста в снег. Проигравшие битву для будущего боя делают новые совещания и выбор более сильных и надежных бойцов, чтоб и на их улице был праздник.

Местные власти и сами исподтишка были зрителями подобных побоищ, тем более, что многие значительные в городе лица, поборники старины, считали эти забавы весьма полезными для развития и поддержки физической силы и воинственных наклонностей народа. Да и мудро было арзамасскому градоначальнику — городничему, справиться при помощи каких-нибудь десяти или пятнадцати будочников и даже полной инвалидной команды в тридцать или сорок человек со

сборищем бойцов и зрителей, число которых простиралось и до пятисот человек».

Со временем окончательно обозначились места кулачных боев. В конце прошлого века главное ристалище между горожанами и выездновцами определилось не у моста, а в конце Троицкого съезда, под горой. Бои между «верхними» и «нижними» горожанами происходили под Васильевской горой и на спаде Ильинского съезда.

Учитель Иван Дмитриевич Иконников рассказывал:

Мы, мальчишки, приходили кататься на санках с Васильевской горы. Замечаем: ребятня Рождественской, Мостовой улиц подглядывает за нами. Видим, что чешутся у них кулачишки, хотят схлестнуться с нами. Подходят наши, видим в свете затихающего зимнего денька, что все больше кучиться и «нижних» подростков.

Все начинает слово. «Верхняя» Куринка приступает задорить «низоту» и наконец доходит до громкого, озорного:

— Бей их! Лупи, ребята-а...

Оглядываемся — нас меньше, и бежим с салазками вверх по горе. Кто-то из наших отставал и приседал — присевших с той и другой стороны не трогали. Только на ногах боец!

А уж сбежали за подмогой — прибыло нашего полку. Явились ребятки посильнее и вот слышится боевой клич:

— Крой низоту!

Началась шумная сшибка. Снопами валяются противники, вот они дрогнули и побежали в свои пределы. Но рано, рано радоваться — это лишь зачин большой схватки — внизу выросла толпа «кошомников» и «кошкодеров», сошлось много зевак, все кричат и задорят свежих бойцов. И начинается уже настоящий бой.

Среди моих сверстников помнится паренек с историческим прозвищем: Гришка Отрепьев. Против нас жил. Отчаянный до невозможности. Молотил кулаками без усталости, что ему ровня! Захотелось померяться со старшим, ввязался в бой, но получил такой боковой удар от «низового», что ребрышко хрупнуло. Пришлось лечь в больницу.

Силачи всегда почитались горожанами, они пользовались любовью, слыли кумирами у детворы и подростков. На Киселеву гору от нашего «верха» выходили «размяться» братья Иван, Петр и Василий Алексеевичи Федоровы. Они — садчики кожи, жили на Ильинской. Это бойцы с десятых годов нашего века. Братья поднялись могучими, а Василий имел натуру горячую... Ну и незабывны кузнецы Морозовы. Об этих тоже хоть песню складывай.

Силач.

...Один по одному подходят главные силы — молодые мужики, вот уже и у них зачесались кулаки, пора и им ввязываться в действие. И — пошло! Раззудись плечо, разойдись рука...

Честь «верхних» защищали и огородники. На Битках в те времена большие огороды частники держали с наемными рабочими. Мужики за весну и лето накачивали на земляной работе силушку. А помощниками им — столяры, портные с Куринки.

У «низовых» находились тоже славные бойцы из числа рабочих фабрики Жевакина. А в славе упрочились знаменитые кулачники учителя Маничины: Петр и Иван. Петр задался поистине атлетом, да и Иван не уступал, пожалуй, брату, тож корпусным детиной выдался.

...Мы, зачинщики, забияки малые, давно отошли в сторону, быстро растрясли свои опояски. А внизу идет настоящее побоище, несутся оттуда победные крики, стоны и утробный рев.

Но в этой жесткой борьбе не виделось темной, звериной жесточи. Кулачным боем руководило давнее, строгое правило: не держать в рукавице зажатой гирьки, не надевать на пальцы кастета или другой какой закладки, не приходиться с замороженной голицей. Не били в лицо, не трогали лежащего или присевшего на корточки, запретным местом считалось — ниже пояса, соблюдалось и такое неписанное правило: сильный или старший по возрасту сражался со своей ровней. Жестокосердия не знали, зла друг на друга не помнили, кончился бой, улеглись страсти и — все, ша!

Э-э... Оказывается, уже и звезды зажглись в низком зимнем небе, пора и по домам, кому-то и примочки требуются, не без того...

У Троицкой горы, внизу Троицкого съезда, сходились стенка на стенку арзамасцы с молодцами Выездной слободы.

Едва ли не с середины прошлого века честь горожан тут поддерживал Иван Иванович Зайцевский. Замечательный человек в своем роде! Воронежский родом, он объявился в Арзамасе по торговым делам, женился тут на дочери купца Корнилова, служил у разных меховщиков, сам стал дельным купцом. В молодые лета славился безоглядной удалью. Лазал на колокольные шпицы, чтобы повесить там горящий фонарь в пасхальную ночь, бесстрашно вел себя при тушении пожаров. Вот и на кулачных боях, бывало, охулки на руку не положит — не подводила она купца.

Иные кулачные мастера очень дорожили своими природными данными, отдавали дань даже суеверию, бодрили себя перед боем заговором:

«Стану я, раб Божий, благословясь, пойду перекрестясь, из двери в двери, из ворот в ворота, в чистое поле, на восток, в восточную сторону, к Окиан-море, и на том святом Окиан-море стоит стар мастер муж и у того святого Окиан-моря сырой дуб крековастый, и рубит тот мастер муж своим булатным топором сырой дуб, и как с того сырого дуба щепка летит, тако же бы и от меня (имя рек) валился на сыру землю борец, добрый молодец, по всякий день и по всякий час. Аминь. (Трижды). И тем моим словам, ключ в море, замок на небе, от ныне и до века».

Кулачный бой у Троицкой горы бывал особенно упорным, зрелищным, он всегда привлекал много болельщиков. За своими силачами плотным валом катилась толпа, то и дело слышались выкрики:

— На ся!

— На мя-я!

И действительно: то выездновцы наседали на арзамасцев, то горожане заметно теснили слобожан.

В самой гуще боя и в самый нужный момент появлялся Зайцевский и, разминая плечи, звал к себе самого сильного селянина:

— Иди, иди-ка на свиданье, сверьк-ка свое дыханье!

А после революции... Нет-нет, а еще выходили на бранное поле ребятушки «разогнать кровь». В двадцатых годах арзамасцы выставляли Алешу Корина. Рослый, широкоплечий, вошел он в самую силу. Жил на улице Горького, слыл также непобедимым. Говорил после:

— Когда выходишь один на один — пристально смотри противнику в глаза. И если он не выдержал твоего взгляда, мигает — ты победишь!

Помнятся и выездновские славные бойцы. Были такие и в селе. В тех же двадцатых — Михаил Левашкин, или он Леванов. Косая сажень в плечах, сердце имел выносливое. А еще и теперь говорят о Насте. Эта деваха на загляденье молотила кулаками противника. Помнится она уже в послевоенное время.

...Было, было, да прошло, минуло.

И старые курьезы назидают

Теперь для нас-то это выглядит, пожалуй, и забавным курьезом, а во времена оны...

В острожные «каморы» попадались всякие. Судьбу государственных «воров» Москва решала, арзамасский палач только приговор вершил.

Попадались в руки проворных ловчих всякие другие, не ладившие с законом, скажем, сотоварищи тех же разбойников. Известно: вор на вора не доказчик. Да, такие не торопились с признанием и раскаянием, играли на допросах в «молчанку».

Молчит злодей, а вызнаться-то о замыслениях лихих его братьев-подельников, что на воле, надо. И вот «немотного сидельца» томили жаждой. Сперва смиряли голодом, а потом давали вдоволь черной икры, но водой после, разумеется, не баловали.

Черная икра в Арзамасе? Да, хватало ее тут. В зимнюю пору тянулись с уральской и астраханской рыбой многие и многие обозы в Москву и далее. Везли паюсную икру не только в бочках, но и в так называемых «пологах» — на плотных, особо сшитых тканях... В городе ее продавали на базаре по пяти алтын за фунт.

Долгую жажду, знать, выдерживал не каждый, таки развязывала она язык и крепким людям. Иначе бы зачем на паюсную чиновным тратиться!

Да, уж как прилепится к кому прозвище — никоими силами его не отлепишь, с тем и проживешь до скончания своих дней.

Прозвище, оно ведь не признает ни чинов, ни родовых основ. Вот поди ж ты, графу Василию Петровичу Салтыкову прозвище дали: гусиный граф!

Граф — дипломат времен Екатерины II. Был он свидетелем казни французского короля Людовика XVI в январе 1793 года. После разрыва сношений с революционной Францией Василий Петрович вернулся на родину и занялся устройством своих имений. Выездную слободу под Арзамасом превратил он в доходную фабрику. Мужики, посаженные на оброк, дубили кожу, валяли шерсть, варили клей, топили баранье сало, шили обувь. А сверх всего еще устроили барину громадный пчельник, ловили зайцев, женщины вязали сети на продажу... Окрестные помещики, толкуя о высоких доходах Салтыкова, говорили, что он лучший помещик среди дипломатов.

Ко всему Салтыков начал разводить гусей, которые скоро обрели славу и своими бойцовскими качествами. По летам огромные луговины у Теши белели от тысяч и тысяч пасущихся птиц.

Гусиный граф.

Ну как тут было злым языкам не дать вельможе столь точного прозвища!

Арзамас — свое, а граф Салтыков — свое.

Сыр-бор разгорелся из-за того, что не поделили луговую полянку возле Теши. И полянка-то — малая, проку от нее богатейшему в России барину с гулькин нос, а вот разыгралась графская спесь.

Дошло до суда. Арзамас утверждал, что она полянка всегда являлась городским владением, а вельможный господин: не попустишь и все тут!

В 1789 году поверенный камергера Салтыкова крестьянин Захаров потребовал взыскать с Арзамаса 7 166 рублей и 16 копеек «проестей и волокит».

В 1797 году «приказной волоките» минуло более ста лет! Салтыков — родственник царской фамилии, вхож во все высокие канцелярии... В 1798 году с купеческого и мещанского общества Арзамаса, по решению суда, постановлено взыскать за «проести и волокиты» по 20 копеек за день, почти за двести-то лет 3 799 рублей.

Арзамасцы подали на «высочайшее имя», упирая и на то, что означенная полянка не стоит этих денег.

Царь признал взыскание законным, но повелел приостановить исполнение решения, так как резонно счел, что арзамасцы, будь они неправы, не стали бы судиться с соседом столь долгие годы. И тут же, высочайше, повелел соответствующим инстанциям выработать порядок скорейшего разбора подобных споров, дабы не платить кому-то из сторон больших взысканий.

«Приказная строка» государя запоздала, с Арзамаса уже взыскали денежки — граф торжествовал!

Вот так и вышло по старинной пословице: за малое судиться, большего лишиться.

Как-то летним утром 1805 года некий старче, проснувшийся спозаранку, встал утолить жажду. Подошел к кадучке с водой и глазам не верит: ковш на крышке этак легонько к краю сдвигается. Глядь на стол, а там солонка вот-вот сверзнется на пол. Перепугался старый, не знает, что и подумать.

И дошел до него звон: в шкафу чайная посуда тряслась и тонко позванивала, в дверцы колотилась. Перепугался старый, поднял на ноги чад и домочадцев.

Все это в других домах Арзамаса видели, а после узналось, что и в Нижнем посуда беспокоилась, даже пол под ногами заметно колебался.

...Только учителя уездного училища объяснили смятенным арзамасцам, что явление сие — землетрясение, беспокойство подземной природы!

Раньше, при дедах-прадедах наших, во многом были строгости.

Вот и пример. Вздумают молодые приказчики, скажем, повольничать, посидеть вечерок за столом снаряженным... Так, втай работнички купецкие откупят где-нибудь на окраине города домишко у бабы одинокой. Обтянут «для прилику» да чтоб звук глушило стены плотной материей, окна ставнями призакроют и, крадучись, в поздний час сойдутся. А запоют после вина, так хозяйку на улицу пошлют: не слышны ли соседям голоса? Так-то вот! Одно, что боялись родителей, а потом опасались и строгой управы благочиния.

Перекрестье прежних улиц Прогонной и Стрелецкой... Там до поры до времени свободный клин земли назывался Дровяной площадью. К весне дрова распродавались, и открытое место оказывалось весьма неприглядным. Как падет дождь — лужа местами по ступицу колес, а то и глубже...

Городничий Данила Афанасьевич Юрлов — это в четырнадцатом году прошлого века, слыл ревностным служакой, заботником Арзамаса. В воскресный день, бывало, после службы в соборе обходил вверенный ему город, все непотребное непременно замечал и тут же, кому следовало, выговаривал. И после, чтобы приказ не выполнить — это ни-ни!

...Накануне изрядный дождь пал, и та лужа на Дровяной вздулась так, что обходили ее с опаской. Знал городничий о луже, уже намекал городскому голове о нетерпимости оной, а тот явно ценное указание призабыл.

Данила Афанасьевич даже крякнул с досады: а подать сюда городского голову! Полицейский чин, а служебный обход часто с ним свершался, едва ли не рысдой к Соборной площади.

Подходит вскоре городской голова, платочком лицо обмахивает. Юрлов остановил его у противоположного края той злополучной лужи. Кричит: «Ко мне, любезнейший Петр Иванович! Нет, прямо, прямо извольте, вот та-ак... Нет, еще поближе — я, братец, глуховат становлюсь!»

Скоблин в луже, вода едва в сапоги не заливается, а после, как ни сторожился, и проникла...

— Любезнейший, Петр Иванович... Мы же с вами полюбовно договорились о безотлагательной ликвидации сей лывочки в прошлое воскресенье, не дале...

Строгое увещание.

Красноречив был городничий, недаром же имел чин надворного советника, любил не то, чтобы там распекать, а назидать... Городской голова жметя, с ноги на ногу переминается — ноги в холодной воде стынут, а Данила Афанасьевич без умолку о всяких служебных обязанностях, о надлежащем рачении.

Народ собрался, хиханьки да хаханьки слышались. Наконец Юрлов церемонно, нарочито уничижительно, извинившись за задержку, отпустил Скоблина — тот едва сапоги из грязи выдрал.

На другой день раным-рано свезли куда-то остатки дров с площади, лужу плотно завалили известковым камнем, засыпали песком и даже покрыли дерном. Травку водицей чистенькой окропили, и она с полдня так задорно зеленела на теплом летнем солнышке...

Купец первой гильдии и потомственный почетный гражданин Арзамаса Петр Иванович Подсосов составил состояние торговлей русской и калмыцкой овчиной.

Везли овчину на купецкий двор со всех сторон. Русскую овчину он сбывал арзамасским овчинникам, а калмыцкую — в контору графа Шереметьева в Богородске.

В иные годы на складах удачливого купца скапливалось до трехсот тысяч овчин. Потому в шутку, конечно, и называли в деловом мире России Подсосова «овчинным богом».

Разверзлись в середине июня 1830 года хляби небесные, да так, что 19 июня дожди переполнили пруды в прежнем русле овражной речки Сороки. Того же дня, неожиданно, плотину Большого пруда прорвало, и вода с диким ревом ринулась вниз...

А в то время по береговым склонам оврага, в нижней его части, еще стояло несколько домишек бедняков. В одном из них обитал бесфамильный Фока.

Деревянное его строение вместе с сениями сорвало лавиной воды с опор и понесло, закружило в крутом водовороте. Испуганный Фока, перепуганная жена его лихоматом взывали к людям о помощи, вторила своим хозяевам коза-лапушка.

На первых порах спасти терпящих небывалое доселе бедствие оказалось невозможно, да было и некому. Избенку стремительно пронесло Мучным рядом, сильно ударило в чьи-то ворота, вышибло их, пронесло двором и остановило ажно на Ново-Московской улице. И тут, у дома Ярышевых, где стихия теряла силу, пожарными баграми наконец-то перехватили домишко, спасли бедного Фоку, его совместницу и любимую козу-лапушку...

С тех пор необычные путешественники и вошли в летописные анналы города. Кто-то из учеников уездного училища, как сказывали, сочинил:

Бедный Фока *На* *терпелся* *скока.* *Вода* *домишко* *несет,* *Фока* *с* *бабкой* *орет.* *И* *кричит* *коза* — *Одичалы* *глаза.* *Мы* *не* *знали* *таких* *потех.* *Чтобы* *курам* *на* *смех!*

Кой-кому запал в голову, в память стишок и вот дошел до наших дней.

В 1830 году Россию впервые посетила страшная азиатская гостья — холера. Обычно все моровые поветрия: язва, чума — воровски пробирались в отечество наше по Волге через Астрахань и Оренбург, их заносили восточные купцы.

Начально в июле-августе холера объявилась на нижегородской ярмарке, где и унесла несколько жизней. Власти учредили карантин: запрет въездов и выездов из городов и сел — никаких иных средств борьбы с бедствием еще не знали.

Арзамасское начальство повелело обрыть город канавой, проезд через нее строго-настрога запретили. Холеру же отгоняли от города едким дымом горящего сухого навоза.

Настала осень — жданная капустная пора, и арзамасцы рассудили мудро: оно, конечно..., зараза есть зараза, но кто жив-то останется, как же им без капусты, без желанных шей! Чуть ли не бунт подняли голосистые горожанки. Городничий думал-думал, махнул рукой и дал миру послабление.

И — началось. Сельские огородники подъезжали с зеленым продуктом, показывали каждый кочан, горожане придирчиво оценивали, шла недолгая торговля и, прервав сизую дымовую завесу, зеленый дар осени весело летел через канаву к покупателям, а от них бросали завернутые в тряпицу деньги.

Впору качать головой. Но простодушные селяне и горожане верили, что через капусту, через тряпочки и денежки азиатская злодейка не окажет себя.

...Около 20 сентября коварная холера все же улучила момент, перескочила через оборонительную канаву, через тот легкий дымовой заслон и оказалась на постоялом дворе.

Русская зима для чужаков издревле грозна... Зимой холера прекратилась.

Это летом 1849 года.

Слух, как в воду, бухнул: в город приходит слон!

«Слона-то мы и не видали...», — вспомнили арзамасцы и стали томиться трепетным ожиданием.

И вот он объявился, гостенек из Персии, с диковинными, дочерна загорелыми провожатыми. Завели слона на постоялый двор при доме купца Скоблина, где невиданное доселе животное и дневало возле сарая.

Весь город, побросав дела, шел поглядеть на чужестранное чудо. Ребятишки тащили и жаловали пришельца сладкими русскими пряниками.

На другой день, 16 июня, громадного гостя провожали в столичный Петербург. Надо же... Пришла некая старая барыня с Моськой. И как эта Моська с шелковым шнурком вырвалась из ручек барыни... Кинулась собачонка в загон и ну лаять, ну кидаться на слоновью ногу. Великан выказывал раздражение: устал за долгий путь, а везде такое назойливое, шумное любопытство. Вот и здесь кричащая толчея. Поднял слон-гора свою толстенную ногу, наступил сперва на тот шнурок, а Потом... смолкла визгливая Моська... Все ахнули и разом замолчали.

Тут же нашелся ученый острослов, напомнил о словах Крылова Ивана Андреевича: «А, знать, она была сильна...» Кто-то из рядовых грамотеев выдохнул: «Теперь не лает на слона!»

Первая половина XIX века.

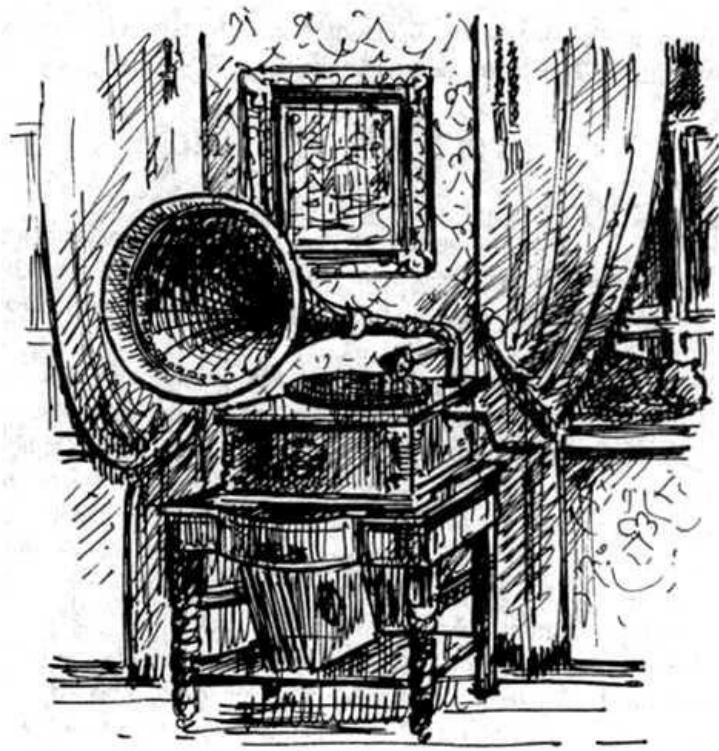
У миллионщика Петра Ивановича Подсосова среди других приказчиков служил и крестьянин из Выездной слободы Иван Александрович Ефремов, или как его обыкновенно звали — Офремов.

Этот Офремов всю свою служебную цифирь носил в шапке под подкладкой. Иногда отчитывался дня три кряду, разбирая с хозяином всякого рода расписки и иные платежные документы, случалось, на многие и многие тысячи рублей. И всегда все копеечка в копеечку — честность у крестьянина почиталась за святость. Умственный человек, памяти отменной. Пускался иногда в такие коммерческие начинания от имени хозяина и с таким успехом их заканчивал к вящей пользе Подсосова, что немало дивились в Арзамасе торговые люди.

Такому бы на покое, на людском почете скончать дни своя... Не вышло так-то. Офремов расстроился здоровьем, коротко сказать, в неумном своем любопытстве. Помешался на том «вечном двигателе», о котором наслышался в кругу купеческих сыновей. Вот ведь как, в науку беднягу кинуло, только та наука твердым орешком для мужика оказалась. Он ведь, этот «вечный», никому вроде и доселе не дался.

Наследники Петра Ивановича выделили Ивану Александровичу небольшую пенсию.

Уж как так, что у светлой головушки ум за разум зашел — непостижимо. А впрочем, на кого оплох не живет!

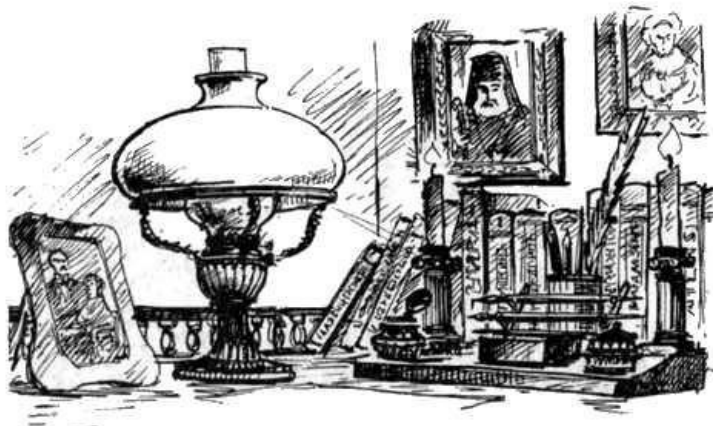

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РОДНЫЕ ИМЕНА

«Всякий истинный талант, платя дань веку, творит и для вечности».

Н. М. Карамзин.

Михаил Петрович Коринфский был подлинным сыном русского народа. Его имя связано с представлением о крупном и опытном зодчем. Деятельность М. П. Коринфского отличалась широким диапазоном и многообразием.

В. В. Егерев.

Арзамасские власти ревностно собирали «Книгу заявлений». Была такая спешная надобность. Ведь в оную вносились все нужнейшие данные о любой фамилии. В каком церковном приходе и на какой улице имеет жительство, в каких занятиях упражняется хозяин, какова наличность семьи, в каких градских или уездных службах обретается заявитель. О последних власти особенно дотошничали. Арзамас со второй половины XVIII столетия, переживая свой «золотой век», быстро рос, с каждым годом усложнялось управление различными сторонами его жизни и потому обыватели, согласно городовому положению, безвозмездно привлекались к несению бесконечных общественных обязанностей. В Думе частенько вспыхивали невольные препирательства, внеочередную повинность нести никому не хотелось — праздные люди в те времена были редки. Так что, справочная «Книга заявлений», а на ее основе готовилась уже обывательская книга для определения податей, составлялась с наибольшим тщанием...

21 августа 1791 года «Арзамасского посадского Петра Иванова сына Коринского от жены его Матрены Федоровой дочери» подано «Объявление»:

«... За отлучкой мужа моего объявляю, что он, а равно и предки его в прежние переписи состоим в Арзамасском купечестве. А в минувшую четвертую ревизию в поданных сказках написан в Арзамасском мещанстве в коем и ныне находится... старожил, от роду ему тридцать четыре года, а мне тридцать пять лет, а в замужество я за него взята из арзамасского купечества. Дети у нас имеются: Федор десяти лет, Михайла десяти и дочь Наталья шести лет. Недвижимого имения в здешнем городе за собою муж мой имеет домовое строение с огородом наследственно во второй части в приходе Ильинской церкви в улице Ореховой под № 83. Живем в городе, ремесло имеет мой муж столярное, в градских службах был мой муж реченный...»

Этот найденный нами документ говорит о Коринских вполне достаточно. Уличное прозвище Веренцовы выдавалось за подлинную фамилию, архитектору

приписывали крестьянское происхождение из мордвы, год рождения Михаила Петровича указывался 1788-й...

Сынок плотника и столяра... И повториться бы отцовской стезе в судьбе сына, но Мише было уготовано другое, более славное поприще.

А все началось со случайной вроде бы встречи. Весной 1797 года Александр Ступин — молодой арзамасский живописец, подрядился писать иконостас для кладбищенской Всехсвятской церкви. Петр Иванович Коринский согласился резать иконостас для нового храма, что выстроил собственным иждивением купец Сергей Иванович Куракин. На кладбище — уж травы в рост пошли и деревья выбросили первый лист — и сошлись мастера обговорить размеры икон.

В зеленоватом сумраке церкви и увидел художник хрупкого, на первый взгляд, парнишку. Он не обратил бы на него особого внимания, да Петр Иванович, потрепав широкой пятерней мальчишеские вихры, заговорил:

— Наследник мой. Ловко работает ножом всякие фигуры из липки, изрядно марает бумагу карандашом. Мечтателен в словах, а к чему пристанет, душой чистой прикипит...

— Похвально усердие! Пусть дерзает. Особо-то не невольте. По себе знаю...

В конце XVIII века главной приметой Арзамаса — строительные леса. Не потому ли и герб-то городу был дан в 1781 году с начертанием строительных «стропил». После дачи Арзамасу в том же году первого «Геометрического плана» застройки, быстро начинают выравниваться его улицы и переулки, тут и там поднимаются новые дома. Лучшие смотровые места отводятся под каменную казенную и частную застройку, площади украшаются церквями. До конца нового XIX столетия в городе поднялось более двадцати белоснежных каменных храмов, один другого краше.

Мишеньку будоражило это согласное рвение горожан в строительстве. Поражали воображение высокие колокольни, украшенные пилястрами — выступающими из стен полуколоннами с капителью и базой, — декоративные волюты, сандрики над окнами. Радовали глаз и порталы Ильинской церкви...

Прошли годы, подросший мальчик уже и топором овладел, и столярным инструментом — хлеб насущный стал зарабатывать наряду с отцом.

Эта вторая встреча со Ступиным, кажется, и определила творческую стезю молодого Коринского.

К земляку он пришел после того, как Александр Васильевич вернулся из Петербурга. Там, в столице, иконописец за два года, будучи «приходящим учеником», окончил курс академии художеств, получил звание «свободного художника», шитый академический мундир со шпагой и гражданский чин 14 класса. В этом же 1802 году Ступин осуществил свою давнюю мечту: открыл в родном Арзамасе первую в России провинциальную школу живописи, которая вскоре стала широко известна среди творческой интеллигенции.

Александр Васильевич еще малость тщеславился, еще частенько щеголял в мундирном сюртуке академии художеств. Зеленого цвета сюртук, по высокому стоящему вороту золото шитья — дубовые листья и желуди, блеск этого шитья так хорошо подчеркивал природную смуглость лица художника. На голове шапка черных кудрей, черные сильные брови и темно-карие глаза с золотыми искорками...

Михаил явно проигрывал рядом с красавцем художником. Пожалуй, неуклюж, но телом крепок. Серые глаза поставлены широко, всегда настороженные, внимательные. Лицо скорее широкое, малость веснучатое, русые волосы жидковаты... Вот руки у резчика Коринского хороши: большие и очень подвижные. Михаил держал голову неожиданно молодцевато, уже знал себе цену в городе.

Сразу по-деловому открылся:

— Нет ли у господина Ступина каких пособий для рисования и строительного дела?

Александр Васильевич порадовался и приходу молодого человека, и его прямому вопросу. Художник был еще полон всем тем, что дала ему академия, и сейчас мог и хотел поделиться обретенным.

— Как нет пособий — пособий теперь довольно. Привез картины, бюсты, статуи... Есть эстампы с городскими ландшафтами, даже листы с живописными руинами. — Ступин принял большую папку, неспешно открыл ее. — Ну-с, поглядим твои рисунки, землячок. Что мы тут усматриваем. И начал внимательно перебирать плотные листы. Все еще робко и до приятностей совершенства далеко. Ба-ба-ба! Да ты, друже, явно архитектурными ордерами заболел... Садись-ка ты, Михаил, с моими учениками и упражняйся, достигай. Сейчас у меня в школе Лебедев и Горбунов отличаются — присматривайся к их работе. Ага, остри глаз, набивай руку. Протянуть красивую линию — это не так просто, как кажется!

В стенах школы Ступина арзамасский строитель получил многое. Потому-то позже и отличали исследователи его творчества:

«Коринфский обладал несомненными графическими способностями и среди казанских зодчих считался искусным рисовальщиком. Его проекты выделяются тщательной отделкой, тонкостью чертежа и особой изысканностью рисунка».

Как-то, уж таял снег и на дворе радостно звенела капель, Ступин приступил к Михаилу с давно обдуманном разговором. Сидели в столовой дома художника за вечерним чаем.

— Ну, собинный друг, ставишь ты с отцом частные и казенные строения — хорошо, это ладно. Отчего бы не взмахнуть крылами да не взлететь повыше к настоящему познанию архитектуры, а? Михайла... Пороками ты не мятый, семьей не обременен. Смотри, кабы погасать не начал в этой своей повседневности. — И Ступин четко, нажимисто произнес любимые слова: — Помни: воля — к свету знаний первая ступень!

Больное место задел художник в Коринском. Втуне Михаил и сам давно мечтал о чем-то большем, чем обыкновенное строительство. Ладно, пусть нет у него настоящей грамоты, да он, как и Александр Васильевич прежде, станет «приходящим» учеником академии. Хорошо бы попасть к какому-то известному архитектору, чтобы тот сразу и повел...

Ступин пытливо заглядывал в глаза, почти просил:

— Едем! И никакой попятной, никакой увертки. Я ректору архитектуры Михайлову за тебя поклонюсь, надейся!

Все, все направляло художника к своим прежним учителям. Надобно показать свои личные работы маслом, а главное — рисунки учеников. Короче, настало времечко отчитаться перед профессорами за дела своей школы, они так радели за нее, так щедро одарили художественными принадлежностями. Пора держать экзамен в столице!

Из Арзамаса выехали вчетвером. Ступин вез в академию своего одиннадцатилетнего сына Рафаила и лучшего ученика Ивана Горбунова. Четвертым сел в дорожный экипаж Михаил Коринский. Было начало июня 1809 года.

Много позже, вспоминая весну этого достопамятного года, архитектор напишет:

«Чувствуя в себе врожденную склонность к архитектуре, я первоначально занимался в правилах оной сам собою и, бывая случайно в первопрестольной

столице, не упускал без внимания изящных произведений оной... Мало-помалу усовершенствуясь по сей части, я производил уже практические строения по месту рождения моего в городе Арзамасе и уезде оного. Но чувствуя в полной мере, что принятым мною способом нельзя надлежащим образом достигнуть совершенства во всех частях любимой мною науки, я отправился в С.-Петербург».

Вот и Петербург, Васильевский остров, а вот над Невой и огромное строго-торжественное здание на высоком рустованном цоколе.

Работы арзамасцев высоко оценил профессор академии Иван Акимович Акимов. Это у него в доме прожил два года Александр Васильевич, совершенствуясь в рисунке и живописи. Полный лысоватый Акимов медленно обошел выставленные на мольбертах листы, а потом, резко повернувшись, порадовал громким восхищением:

— Очень хорошо. Дай Бог, хоть бы и у нас в академии так рисовали!

Члены Совета академии, всегда болевшие душой о русском искусстве, решили принять школу Ступина под свое высокое покровительство, сделать ее как бы филиалом академии... Трех воспитанников арзамасского художника наградили серебряными медалями второго достоинства, а Александру Васильевичу, «яко заводителю дела необыкновенного», но также и как искусному педагогу, присвоили звание академика. Хорошо устроилось для арзамасцев и все остальное. Сына художника, Рафаила, приняли в казеннокоштные воспитанники академии. Иван Горбунов стал ее «приходящим» учеником и, как впоследствии вспоминал Ступин, «в скором времени в рисовании и живописи портретной показал неимоверные успехи».

В эти счастливые дни Александра Васильевича принял президент академии граф Александр Сергеевич Строганов.

Уже обо всем осведомленный, с барственной ленцой в голосе президент спросил:

— Как мыслит господин академик устроить судьбу этого мещанина, как его... Ах да, Коринского!

— Профессоров буду просить, ваше сиятельство. Михайла Петрович готов представить на их просвещенный суд свои недавние работы: планы и фасады разных казенных, а также хозяйских строений.

Тут в кабинет Строганова вошел невысокий, еще не старый человек в зеленом мундире академии. Продолговатое худощавое лицо Воронихина с довольно длинным и тонким носом завидно украшали вьющиеся русые волосы и прекрасные глаза с тихой лаской... Граф открыто улыбнулся вошедшему, не забыв улыбнуться и Ступину.

— Проси вот Андрея Никифоровича. Авось, он и составит счастье для твоего соотича.

Александр Васильевич добрые дела на потом не откладывал. Кинулся в приемную, вернулся в кабинет с рулоном толстой бумаги.

Воронихин внимательно рассмотрел работы Коринского и не сдержал себя:

— Весьма похвально для начала! — И, помедлив, добавил: — Ну-с, присылайте ко мне на квартиру вашего земляка. Г-м, фамилия-то у него какая-то архитектурная вроде...

Вот так и вошел в дом знаменитого зодчего безвестный строитель из Арзамаса. Впрочем, на деле-то, все было несколько посложней. В те времена практиковалось и такое, что за определенную плату профессора академии художеств принимали к

себе в дом «приходящих» или «сторонних» учеников. Последние наряду с посещением классов академии одновременно имели возможность наблюдать, а затем и разделять труды своих учителей. Такой способ двойного обучения позволял «приходящим» выполнить академическую программу намного скорее, и они раньше других получали желанный художественный аттестат. Михаил Петрович выложил наперед годовую плату. Столоваться — это у Воронихина, а на все остальное ловчись и добывай сам, дорогой арзамасец!

В квартире Андрея Никифоровича, а она располагалась в деревянном флигеле академии по третьей линии Васильевского острова, безраздельно господствовал диктат жены зодчего англичанки мисс Лонд в девичестве. Однако диктат этот в дальнейшем сказался благотворно и на становлении Михаила Петровича как архитектора, да и на всю последующую его деятельность. Жесткий распорядок дня, пунктуальность, серьезное отношение к любым мелочам бытия — все это затем и обусловило большую работоспособность архитектора и его неизменно творческое отношение к своему пожизненному делу.

Легче было Коринскому наедине с Воронихиным. В Андрее Никифоровиче нет-нет, а звучал-таки голос бывшего крепостного, и голос этот хорошо сближал ученика с учителем.

Воронихин родился на Урале в семье крепостного служащего графа А. С. Строганова. Способного к рисованию мальчика барин определил в 1777 году на учебу в Москву, где молодой художник обратил на себя внимание прославленных архитекторов Баженова и Казакова. Далее Андрей Никифорович учился в Петербурге. Затем почти десять лет Воронихин в качестве слуги и компаньона сына Строганова — Павла, провел в Европе, где много работал кистью, изучал архитектуру, математику, механику, естествознание и даже астрономию. Путешествовал также и по России. В 1786 году всесторонне образованный художник обрел наконец вольную. В 1794 году за полотно с изображением картинной галереи графа А. С. Строганова он получил звание академика, а в 1800 году стал преподавать в академии архитектуру. В 1802 году Андрей Никифорович получил профессорское звание.

...Андрей Воронихин, откинув со лба пышную прядку волос, прохаживался по гостиной и как бы примеривался к Коринскому. Говорил он мягко, слегка по-уральски окаял, и это особо роднило окающего нижегородца с архитектором.

— Ты много строил, тебя никакой подрядчик не проведет... — тут Андрей Никифорович остановился и своими кроткими глазами обласкал арзамасца. — Отличаю тебя доверием, Михаил Петрович. Будешь мне, как говорили в старину у строителей, гезелем, или помощником. В Казанском соборе дел еще не перечешь и беготни тебе хватит... Ну а дома — моя библиотека в кабинете, вся она в твоём распоряжении. Ну и сам Петербург, надеюсь, многое подскажет. Имеющий глаза да видит. Я, бывало, в Париже без карандаша и бумаги из дому не выходил...

Еще Павел I в короткое свое царствование задумал возвести в Петербурге новый Казанский собор. Старый, построенный при Елизавете, стоявший над Черной речкой, не отличался архитектурными достоинствами...

Главным строителем назначили президента академии художеств А. С. Строганова. Поначалу составление проекта поручили итальянцу Бренну, о котором не без основания говорили, что он на своей родине обретался в малярах...

Просвещенный заботник о приращении древа русского искусства граф А. С. Строганов устранил Бренну от проектирования и предложил привлечь к составлению плана храма своего доморожденного архитектора А. Н. Воронихина. И не ошибся в своем приятном выборе!

Строительство собора, заложенного 27 марта 1801 года и ставшего после Отечественной войны пантеоном русской военной славы, теперь завершилось.

Каждое утро в эти погожие летние дни Михаил Петрович любовался величественным сооружением, наполнился гордостью, что вот довелось и ему участвовать в его постройке. Воронихин спроектировал храм в плане вытянутого креста, с трех сторон он украшался портиками коринфского ордера. Широкую площадь со стороны Невского проспекта уже охватывало полукольцо четырехрядовой колоннады, что замыкалась сквозными проездами в виде триумфальных арок. Строгий и легкий купол возвышался на высоком барабане, украшенном легкими колоннами. Уж одно это — широко раскинутое полукружье колоннад-крыльев говорило о творческом гении русского архитектора.

А не слишком ли смелое решение принял Андрей Никифорович, когда доверил арзамасцу пусть какую-то часть строительства? Нет, Коринский уже вполне был подготовлен к руководству работами, а потом храм-то воздвигали и украшали талантливые отечественные мастеровые. Это о них писал в свое время один иностранец:

«Им, этим простым мужикам в рваных полушубках, не нужно было прибегать к различным измерительным инструментам; пытливо взглянув на указанный им план или модель, они точно и изящно их копировали. Глазомер этих людей чрезвычайно точен. С окончанием стройки собора торопились, несмотря на зимнее время и 13-15-градусные морозы, работы продолжались даже ночью. Крепко зажав кольцо фонаря зубами, эти изумительные работники, забравшись наверх лесов, старательно исполняли свое дело. Способность даже простых русских в технике изящных искусств поразительна».

Это особое счастье выпало Коринфскому, что всю свою творческую жизнь он был связан с самородными отечественными талантами. Искусных рабочих, сметливых помощников он встретил в столичном Петербурге, в родном уездном Арзамасе, в Нижнем Новгороде, Симбирске, Костроме, Казани — везде, где довелось архитектору строить, являть миру рукотворную красоту.

Казанский собор оказался для Коринского той прекрасной строительной школой, которая затем и позволила осуществить ему все свои собственные большие проекты.

Он много читал. Перед ним открылась суть смены исторических эпох, а вместе с ними и смена архитектурных стилей. Стал понимать назначение архитектуры не только в гражданских, но и в художественных целях. Михаила Петровича пленила классика древней Греции и Рима, а «Десять книг об архитектуре» Витрувия — это своеобразное «Римское Евангелие классицизма» — навсегда стали его настольными книгами. Витрувий был уж тем дорог, что не только подвигал к восприятию античности, но и четко разъяснял «как» и «почему».

Многому учил Петербург. Что ни улица, то добрая школа для начинающего архитектора. Действительно, прав учитель: только умеи смотреть и думать... Уж один Невский проспект давал столько, что голова кружилась. Арзамасец, забывая иногда о времени, долгими часами бродил по городу, его окрестностям, узнавая следы архитектурных влияний разных национальных школ. Да, все побывали тут... И как ни хотел во время оно царь Петр I видеть свою северную столицу выстроенной на «голландский манер» — Петербург в облике своем являл такую многообразие... Особенно полюбил Коринский смотреть город в прозрачной прохладе белых ночей, когда декоративные детали дворцов и особняков богачей выступают особенно выразительно. Живописная игра светотеней в извилистых линиях барочных зданий будто непрерывно двигалась, куда-то стремилась... Именно в этих частых блужданиях по городу и заполнялись Михаилом Петровичем его альбомы бесчисленными рисунками — сгодится, потом все сгодится!

Кроме творческих исканий и практических работ, Коринский, часто бывая с Воронихиным в доме графа А. С. Строганова, складывался и как тот человек, которому предстояло всю жизнь бывать в прихотливых дворянских гостиных, в

скучных кабинетах чиновников, в душных купеческих палатах... В эту пору с доброй надеждой на свое будущее он и облагородил свою простецкую фамилию вставной «фитой» — стал Коринфским...

Президент академии художеств граф А. С. Строганов слыл великим хлебосолом. Гостеприимство его вошло в бытовую историю России. За известными лукулловыми обедами у графа постоянно бывал не только лучший цвет столичной аристократии, но и многие деятели русской культуры, начиная от Фонвизина и Державина и кончая композитором Бортнянским.

Уместно сказать, что ценитель искусства и меценат А. С. Строганов превыше всего чтит талант в человеке, и потому не случайно его бывший крепостной Воронихин становится знаменитым архитектором, арзамасец Александр Ступин — безвестный прежде мещанин — художником и основателем провинциальной школы живописи, а мещанин Михаил Коринфский — зодчим Поволжья...

Строители спешили. Освящение Казанского собора хотели приурочить к десятилетию царствования Александра I. Потому-то частенько и можно было видеть на строительных лесах среди камнетесов художников старого президента академии.

Собор торжественно освящали 15 сентября 1811 года.

«Все носящие мундир, без изъятия, были допущены во внутренность его». Состоялся настоящий праздник русского строительного искусства.

А ровно через двенадцать дней подтвердилось ходившее тогда среди петербуржцев поверье, что граф Строганов как главный строитель храма не долго переживет его освящения... Рассказывали, что после первой службы в соборе Александр Сергеевич подошел к митрополиту под благословение и сказал: «Ныне отпускаеши раба твоего, владыко, с миром...».

В России великий Баженов стал первым певцом классицизма, возрожденного в архитектуре. Польза, прочность, красота — эти три основных элемента Витрувия пришлось по душе окрепшей европейской буржуазии, она уже срослась с дворянством... Забыты и в России недавние барокко и рококо. Изобразительное искусство, архитектура и скульптура должны были выражать теперь ясную силу новой общественной формации — все, все бредило в конце XVIII столетия рационализмом, уравновешенным, логичным, наконец, дисциплинированным образцом — классицизмом... Воронихин и его ученик хорошо понимали, что в классицизме заложены огромные возможности для самовыражения думающего архитектора. И они, каждый в меру своего таланта и размаха, вполне реализовали эти возможности.

Первые и очень важные успехи арзамасца отражены в постановлении членов Совета Академии художеств от 27 августа 1810 года:

«Профессор Воронихин, представя совету планы, фасады и профиль церкви для города Арзамаса, деланные арзамасским мещанином Михайлом Петровичем сыном Коринфским, который... по склонности своей к архитектуре, приехал сюда усовершенствовать себя в сем художестве, просил совет о позволении ему, яко отличающемуся и способностями, и отменным благонравием, вход в художественные классы вместе с воспитанниками академии. Совет, рассмотрев представленные планы и найдя оные весьма изрядно уже сделанными, согласно представлению господина профессора Воронихина охотно дозволяет ему, Коринфскому, пользоваться художественными классами для его усовершенствования».

Окрыленный этими первыми и далеко не случайными успехами, Коринфский начал усердно посещать классы академии. Но он также работал творчески: составил проект дачи некоему Зиновьеву и производил работы в усадьбе Строгановых.

22 декабря того же года среди учеников Академии, награжденных серебряными

медалями за архитектурные композиции, значится и «посторонний» Михайло Коринфский.

29 августа 1811 года имя арзамасца вновь в списке отличившихся. За работы с натуры он награжден второй серебряной медалью. Наконец 28 октября этого года Михаил Петрович отмечен в постановлении Совета академии как особо отличившийся в представлении надгробного памятника, изображающего «достоинства покойного г. Президента Академии Художеств Строганова».

Коринфский дерзает дальше, просит у Совета программу для участия в конкурсе на золотую медаль. Работа идет успешно, уже слышатся восхищенные отзывы, но тут капризная фортуна заставляет арзамасца оторваться от стола.

Он не закончил курса «по затруднению содержать себя собственным коштом». Семья, что находилась в большой нужде, настоятельно просила вернуться в Арзамас. Умер отец...

Андрей Никифорович выслушал невеселое признание своего ученика и покачал головой. В этот сырой петербургский вечер после ужина сидели в креслах у камина и отдыхали.

— Не ожидал я твоей ретирады... Мари, послушай, чем нас пугает Мишель! — И Воронихин быстро заговорил с женой по-французски.

Прежде в семье графа Строганова мисс Лонд — гувернантку, звали по-свойски Марией Федоровной. Обычно англичанка редко на людях объявляла о своих чувствах, но тут приподняла тонкие брови. И голос ее, кажется, дрогнул.

— Господин Коринфский, я буду очень сожалеть... Вас так любят наши мальчики...

Ну еще бы! Случалось, не раз вырезал игрушки сыновьям учителя недавний резчик из Арзамаса.

Глаза Воронихина подернулись дымкой открытой грусти.

— Только мы свыклись, приятели свои высказали друг другу, работой срослись. Какая будущность ожидает тебя там, в провинции — вот чем терзаюсь!

Как и всегда в присутствии миссис Михаил Петрович не знал куда девать свои большие руки.

— Буду просить Совет академии об экзамене...

Воронихин встал, о чем-то думая, походил по гостиной. Подошел и дружески дотронулся до плеча.

— Ну, что же... Я тебя принимал под свое крыло, самоочевидно, что мне и выпускать тебя в большой мир. Я подготовлю аттестацию. Завтра же!

Отзыв Андрея Никифоровича гласил:

«Обучаясь доселе архитектурному художеству с весьма хорошим успехом и прилежанием, за что и награжден был по Академии 1 и 2 достоинства серебряными медалями, и находясь здесь в удалении от семейства своего единственно по страстной охоте к художеству, уже третий год на собственном иждивении, Коринфский, ныне не в состоянии будучи держать себя долее, желает возвратиться в дом свой в г. Арзамас. Я свидетельствую о нем, что он во все время пребывания своего в Петербурге оказал себя отличным примером по упражнению своему в архитектурном художестве».

Михаил Петрович уверенно сдал положенные экзамены и получил желанный аттестат первой степени со шпагой и чин 14 класса. Ранее он был исключен из податного мещанского сословия. Позже архитектор с законной гордостью вспомнит о своей учебе:

«...После годичных занятий моих под руководством его (Воронихина) по заданной от него и мною сделанной программе, я был Академией художеств экзаменован и признан оною в познаниях близким с воспитанниками Академии, девять лет уже в оной образовавшимися».

...Аттестат на руках, вещи сданы в багажную контору — пора было прощаться с друзьями, академией, Петербургом.

В конце сентября 1812 года «художник 14 класса» Михаил Петрович Коринфский вернулся в свой родной Арзамас.

Прошел грозный 1812 год, русские войска победоносным маршем шли к Парижу... Последние месяцы окончательно внесли спокойствие в умонастроения российского общества, арзамасцы теперь работали уже не на нужды армии, а для встающей из пепла Москвы.

Это трудовое рвение земляков захватило и Ступина. Однажды Александр Васильевич решил, что ему надо строиться. Да, дом его, некогда купленный у генеральши Юрловой, еще прочен, но выстроен по старинке, а главное для школы неспособен.

М. П. Коринфский. 1781-1851 гг.

... Увидел Коринфского близ Соборного проезда на углу Прогонной и Попова переулка, где вздымался поместительный дом госпожи Анненковой. Махнул ему рукой: Михаил все такой же, вроде бы и неказистый, да зато крепенький чертушка, легко сбежал с лесов на землю — наверху он как раз с кровельщиками совет держал.

Не заметили, как очутились на Верхней набережной Теши. Медленно пошли бровкой Духовской горы. Михаил Петрович в простой рубахе жмурился на ярком солнце, чуть веснушчатое лицо его поблескивало от пота. Покосился и спросил:

— Это зачем такое уединение?

Александр Васильевич окинул взглядом широкий луговой простор речного понизовья и хитровато улыбнулся.

— Тут высоко... Тут я всегда духу набираюсь, чтобы решиться на новое дело. Михаил, мыслю новую школу выстроить. Здание, чтобы во всем приличествовало прибежищу изящного искусства...

Коринфский будто ждал этих слов.

— Давно хочу поработать для друга. Твою школу академия называет теперь рассадником художеств. Надо, пора расширять оный рассадник!

Сказать правду, Ступин замыслил перестроить школу еще в 1810 году. Тогда он и признался в письме к приятелю о своей мечте. В Петербурге Михаил Петрович сделал первые наброски фасада школы. Теперь архитектор быстро доработал проект, который тут же отослали в столицу. Воронихин отозвался не сразу, но за ожидание наградил радостным: работа одобрена, план экспонировали на годичной выставке академии!

Деревянное здание школы с мезонином и антресолями, в котором насчитывалось шестнадцать комнат, поднялось скоро. Обшитое тесом, стилизованное под руст, оно сразу стало украшением города. По главному фасаду, а он выходил на север, на Троицкую улицу, было девять окон. Этот фасад Коринфский украсил четырехколонным портиком на высоком цоколе, с фронтоном. Три окна в портике имели полуциркульное завершение...

Художник знал несомненное: издревле любочестивое русское — арзамасское тож, купечество охотно прославляло свои капиталы... Ну, а потом и простые горожане решили: воздвигнем же в Богоспасаемом граде Арзамасе новый благолепный храм и посвятим его спасению России — славной победе русского оружия над Наполеоном! Скажем с намеком и потомкам: ваши дедичи не только пили-ели, а и землю родную украшали!

Недолго думали арзамасцы кому доверить святое дело — Коринфскому, потому как он Казанский собор в Петербурге строил!

Поклонился Михаил Петрович на собрании граждан народному доверию и весь 1813 год просидел за рабочим столом. Заветный труд — проект храма академия художеств утвердила, а Воронихину было поручено надзирать за строением. Нижегородский преосвященный Моисей рассмотрел представленные чертежи и фасад, всплеснул от восхищения руками и тотчас вынес на прошении резолюцию: «Храм великолепный и прекрасный по приложенному при сем плану и фасаду начать строением благословляем, на что и выдать храмозданную грамоту».

14 июля 1814 года, сразу после Петрова дня, в городе состоялась торжественная закладка нового Воскресенского собора. Первый камень в основание храма положил протоиерей Стефан Пименов. Строился собор долго, поднимался на средства, собранные только арзамасцами, стоил на тогдашние деньги пятьсот тысяч рублей.

...Нет, не работалось в этот день Коринфскому. И хоть на дворе по-февральски

вьюжило, пошел он на Прогонную к Ступину. Закрываясь воротником шубы от секущей снежной крупы, опять и опять с грустью вспоминал о Воронихине: год тому назад, 21 февраля 1814 года, скончал дни свои любимый профессор. Молод был, всего-то пятьдесят три исполнилось. Это труды непрестанные во славу России надорвали силы Андрея Никифоровича.

Ступин умел врачевать душевные раны, он всегда отличался завидной крепостью духа. В своем кабинете художник тихо, раздумчиво делился своим:

— Каждого жаль, у кого обрывается земной путь. Но вдвойне тяжело сознавать, что из мира уходит художник, кто служил людям святостью искусства, кто звал к красоте, которая и спасает мир. Но будем утешаться тем, что смерть великих людей говорит нам и о бесконечном величии человеческого духа, о безграничности творческих возможностей людей. Не избудутся на русской земле искусные мужи, нет! Крепись, Мишенька! Лучшей памятью Андрею Никифоровичу будут твои труды, равняйся в них на учителя!

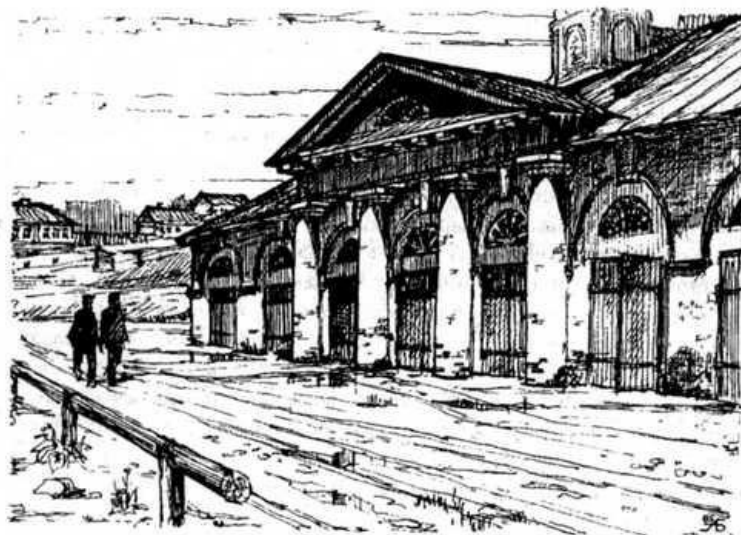
Коринфский осторожно улыбался.

— Работаю... В Нижний зовут, дворянское собрание пожелало иметь оседлость в новом доме.

Академик все поднимал и поднимал настроение приятеля.

— Пошел, ты хорошо пошагал! По достоверной наслышке, по твоему плану возводится прекрасный храм в Павлове...

И, радуясь за Михаила, Александр Васильевич радовался еще и тому, что благодетельная судьба пеклась о них — свела художника и архитектора вместе. Так хорошо они поддерживают себя давно устоявшейся личной и деловой дружбой! Михаил Петрович повеселел, даже начал поддакивать.

*Мучной ряд на Нижнем базаре. Арх. М. П. Коринфский.
Первая половина XIX в.*

— Прикладывай: Коринфский в своей школе пятнадцать ребяток архитектуре учит!

— Ой, боюсь я за твою строительную школу. Все-то ты в разъездах...

— Теперь опять засяду дома, — архитектор потянул губы в довольной улыбке. — Все нынче в Арзамасе, кто с полной мошной, заывают: сочини, начертай домовую

фасаду. Да чтоб не хуже соседской...

— Землякам не отказывай, добавляй к красоте Арзамаса! Мы-то с тобой в этом мире гостями, а город вечен. С нас, художников, после спросится...

К середине тридцатых годов XIX века Арзамас обрел свое окончательное архитектурное лицо, удивлял своей цельной и стильной застройкой в радиально-лучевом выражении улиц и площадей. Несомненно, что этим он во многом был обязан и своему сыну — Михаилу Петровичу Коринфскому.

Двенадцать лет отдал архитектор родному городу и краю. После строительства дома Анненковой и школы Ступина, составления проекта Воскресенского собора, Коринфский построил каменный дом купцу И. А. Попову для нужд сиротского приюта, а деревянный перестроил, украсил его колоннами. На Нижнем Хлебном базаре возвели по проекту Михаила Петровича Мучной ряд и шестнадцать лавок с калачной. Вполне можно предположить, что по чертежам архитектора построено здание биржи, а также многие частные дома для богатых арзамасцев. К сожалению, с утратой частных архивов мы теперь затрудняемся определить авторство тех купеческих особняков, в облике которых виден «почерк» и художественный вкус настоящего мастера.

Коринфский попробовал свои силы даже в создании памятника известному в русской истории Федору Ртищеву, подарившему в XVII веке арзамасцам огромный участок своей земли, что вплотную подступала к северной части города, к его крепостной стене. Проект памятника в виде пирамиды с изображением «мифологического идеала божества границ» был заказан в 1822 году купцом Иваном Петровичем Ансиевым, чей дом стоял как раз на рубеже бывших владений боярина — это напротив Спасской церкви. К сожалению архитектора, задуманное не осуществилось. И. П. Ансиев нехотая разорился, а его начинание никто в городе не поддержал.

О зримой красоте Арзамаса в свое время говорили многие русские, в том числе писатели: С. Н. Глинка, И. М. Долгорукий, В. А. Соллогуб и другие. Удивленный видом города граф Д. И. Хвостов в 1824 году невольно воскликнул: «... прекраснейший город, едва ли не первый из уездных России». А в 1839 году писатель-нижегородец П. И. Мельников (Андрей Печерский) подтвердил: «В России немного и губернских городов, которые бы при таком счастливом местоположении были так красивы, как Арзамас».

Проектировал Коринфский и для Арзамасского уезда. По его проекту сооружена большая церковь в селе Петропавловском (Костянка тож). Народная молва приписывает Михаилу Петровичу авторство проекта церкви и в селе Семенове.

В соседнем Сергачском уезде он удачно перестроил и расширил храм в селе Покрове, внес свою лепту архитектор и в украшение известного Саровского монастыря.

Для Нижнего Новгорода М. П. Коринфский проектировал дом дворянского собрания, к сожалению, строительство по проекту арзамасца не было осуществлено.

*Церковь Петра и Павла в
с. Костянка Шатковского района.*

В декабре нежданно-негаданно дорогим гостем к Ступину — он, Коринфский. Сколько лет, сколько зим! Еще на крыльце припали друг к другу, да и замерли от братской нежности. В первые-то минуты встречи, в приливе-то чувств и слов у них не нашлось.

... Михаил Петрович все чаще и надолго уезжал из Арзамаса, и далеко простирались его дороги. Труды в родном городе, в других уездах Нижегородской губернии — все это было связано со всякого рода случайностями, с зависимостью, а то и прихотью частных заказчиков. Коринфский искал более обеспеченного положения и принял предложение заступить с 3 ноября 1823 года на должность архитектора Симбирского дворянского собрания.

Главной работой в губернском городе было проектирование и сооружение Троицкого собора, в котором автор дал замечательный образец благородного монумента величию и торжеству победы русского народа над врагом в войне 1812 года. И не случайно за проект этого храма-памятника в 1825 году Советом Академии художеств архитектор был избран в назначенные академики.

Хорошо работалось в Симбирске! В губернском городе Коринфский спроектировал здания Удельной конторы, главный корпус Дома трудолюбия, Гостиный двор. В провинции он строит больницу в селе Сыресях, образцовые хлебные (запасные) магазины в селе Ключищах, частный дом для Е. Путиловой в селе Богдановка Самарского уезда, церковь в селе Новоселье и церковь в селе Салма Саранского уезда. Наиболее интересным из осуществленных его проектов были торговые ряды в городе Корсуне, заложенные в 1829 году.

За безвозмездное проектирование и надзор за строением Дома трудолюбия, шести хлебных магазинов и больницы архитектор в знак благодарности получил от царя бриллиантовый перстень.

Уже слава сопутствовала имени Коринфского в Поволжье...

То и писал симбирский губернатор в академию художеств: «Коринфский совершенно оправдывает свое искусство и приносит честь собою месту своего образования по тому усердию, с каковым старается всегда быть полезным обществу по неутомимым своим занятиям... Он приобрел в крае полную к себе доверенность, благодарность и похвалу».

Строительство собора в Симбирске приостановилось, а в это время в Казани планировались работы по завершению строительства университетского комплекса.

Требовался умудренный опытом специалист, и выбор остановили на Коринфском. 8 ноября 1832 года он был утвержден в должности архитектора, и вот теперь спешил в Петербург, чтобы поработать там над проектами учебных корпусов.

... Раскланялся Михаил Петрович с художником и его женой Екатериной Михайловной, передал поклоны Ступиным от своей жены Анастасии Александровны, и в ожидании обеда друзья укрылись в кабинете хозяина, да и принялись потихоньку вздыхать.

— Укатали сивок крутые горки... — покачал тяжелой седеющей головой Александр Васильевич и погрузился взглядом. — Ты, Мишенька, уж очки воздел на нос. Гляжу, и волосы начали покидать умную голову. Да-а, истинно, истинно: не гребень чешет голову, а время!

— Да и ты, брат, чреват годами. И тебя обмяло времечко, — ответно поворчал Коринфский. — Височки-то, бакенбарды-то снежком припорошило... Но это ничего, седина бобра не портит, — архитектор тут же перевел разговор на другое. — Господин ректор Казанского университета к тебе с совершеннейшим почтением. Так и просил передать.

— Лобачевский?! — Ступин не усидел в кресле, заходил по кабинету. — Значит, доволен он работой ученика моей школы...

— Приятность-то в чем... Подан наш знаменитый математик в модном ныне романтическом вкусе. И схожесть отменная!

— Щегольков у меня художник переимчивый!

Помолчали. Михаил Петрович вдруг вспомнил:

— Брат Федор мне писал, да извещал и протоиерей Воскресенского собора. Уже освятили первый придел?

— Да, в мае! Сам владыка Амвросий из Нижнего приезжал. Что народу было... Хорошо подвинулось у нас с собором. А все потому, что горожане избрали строителями купцов Василия Скоблина да соседа моего Ивана Алексеевича Попова. Ну, а этим, коренным, хорошо помогли пристяжные: староста собора Сергей Васильевич Быстров да городской голова Петр Иванович Подсосов. Порастрясли их строители. А дворяне — эти прохладнее к мирским делам. Но не погрешу: были и от них добротные даятели, не без того!

— Стены еще не расписывали, не рядились с тобой?

Ступин помешкал с ответом, задумчиво помолчал.

— В самых добрых отношениях я с отцом Стефаном, и предлагал он мне... Отдаю работу своему бывшему ученику Осипу Серебрякову с сыном. Нет, Осип не корыстник, собор-то наш строится при малых средствах. Пусть и Серебряков оставит по себе память арзамасцам. Но я, Мишенька, совсем-то от собора не отстраняюсь, без меня там не обходится. Фронтоны распишу...

Прощались поздно. Сговорились сходить в собор посмотреть иконостас работы брата Михаила — Федора.

Назавтра день выдался тихим, буран утишился и под чистой синевой неба хорошо открывался весь город.

Первозданной белизной светились снега. Не торопясь, прошлись Сальниковой улицей, Михаил Петрович угадывал «свои дома», которые некогда проектировал.

Хорошо обстраивалась Соборная площадь. С западной стороны ее украшали каменное здание архива с итальянским окном, присутственные места, уездное училище и высокого профиля строения Николаевского монастыря. С южной

подпирал площадь боковой фасад дома Подсосова и два дома-близнеца, выстроенные по проекту губернского архитектора.

Торжественной белой громадой, устремленной ввысь, возвышался перед ними Воскресенский собор. Он был уже отштукатурен. Остановились у магистрата, Ступин не выдержал:

— Сколько ни смотрю на него, все-то не устаю любоваться — великолепно!

И опять, как вчера, полный братской нежности к архитектору, художник крепко обнял его за плечи и не сдержал своей хорошей возбужденности:

— Окреп ты, Мишенька, в крыльях. Высоко, широко над Поволжьем залетал. Уже и теперь ты славою не обойден. Ну, как говорится, дай тебе Бог еще долго-долго украшать наши грады и веси!

Слава об архитекторе Коринфском скоро утвердилась и в печати. На всю Россию арзамасский учитель уездного училища И. Фаворский писал в журнале «Москвитянин»:

«Наружный вид храма представляет четырехконечный равносторонний крест с 48-ю колоннами... Фасады с четырех сторон однообразные с портиками, которые возвышены на 15 ступенях и каждый состоит из 12 ионических колонн, вышиною в 17 аршин, с фронтонами, украшенными по приличию сего ордера и соединенными между собою открытыми террасами. Сверх фронтонов на соединенном аттике и возвышенных ступенях — пять куполов, из которых средний украшен 12 колоннами и таким же количеством окон с арками. Такой храм редко можно встретить не только в уездных, но и в губернских городах».

Друзья тепло простились в тот же день. Ступин волновался.

— Так ты, Мишенька, в Петербург... Лучшие мои ученики сейчас там, в академии... Настоящими мастерами становятся: Ваня Зайцев, Васенька Раев, Афоня Надежин, Коленька Алексеев... Кланяйся от меня столице, ребяткам!

Этот последний, казанский, период жизни и деятельности Коринфского вместил в себя все: высшую радость творения, российскую славу, мучительную встречу новых веяний в архитектуре, трагедию их неприятий, уход от реалий жизни в романтизм, в иллюзорный мир абстракции и даже средневековой мистики.

Однако в первое десятилетие жизни в Казани Михаил Петрович работал без душевного разлада, его творческие замыслы воплощались на практике, радовали автора, служили людям.

Пять месяцев пробыл архитектор в Петербурге и, вернувшись в Казань, представил Н. И. Лобачевскому проекты следующих зданий: анатомического театра, библиотеки, химической лаборатории, физического кабинета, астрономической обсерватории, двух служебных корпусов. И в министерстве народного просвещения, и в Строительном комитете министерства внутренних дел проекты одобрили. Лишь Николай I, считая себя куратором русского искусства, объявил: «Согласен, кроме проекта обсерватории, который переделать правильнее, устроив кровлю наподобие Дерптской».

Коринфский съездил в Дерпт (Тарту), ознакомился там с устройством крыши обсерватории и, разумеется, улучшил проект.

Предстояло еще крепко подумать над планом застройки университетского городка. Этот план в свое время составил казанский архитектор П. Г. Пятницкий, но Михаил Петрович решил, что его можно значительно улучшить. Позже центральная часть университетского квартала превратилась по воле архитектора в довольно обширный парадный двор, что обступали различные корпуса. Первое

место в ансамбле зодчий отдал анатомическому театру — противовесу главного университетского корпуса. Позднее авторитетные специалисты относили анатомический театр к числу лучших образцов русского зодчества.

Кроме названных выше основных построек, Коринфский произвел немало иных архитектурно-строительных, а также и ремонтных работ. Михаил Петрович спроектировал ветеринарную клинику, манеж. Последнее, над чем он тщательно потрудился — это уже перед смертью, — было проектирование антресольного этажа над главным учебным корпусом университета.

Как в Арзамасе судьба счастливо свела молодого строителя и резчика с художником Ступиним; так и в Казани Коринфскому выпало счастье дружеского единения с великим Лобачевским. Европейский знаменитый математик и его друг архитектор до конца горячо любили родной университет и отдали ему все свои творческие дарования.

Деловая репутация Михаила Петровича настолько возросла, что 1 августа 1837 года он был утвержден преподавателем архитектуры университета с окладом экстраординарного профессора. Коринфский сразу осознал, какую трудную должность он принял, и постарался читать студентам курс архитектуры не отвлеченно, с использованием и отечественного опыта в градостроительстве. Раньше в университете архитектуру трактовали по устаревшим пособиям Бюша, а также Виньолы, Михаил Петрович стал излагать дисциплину по любимому Витрувию, русскому Свиязеву, а также используя и собственное сочинение. К этому добавим, что Коринфский завершил свое самообразование знанием иностранных языков — многие книги по архитектуре он читал на языке подлинника. Свободно владел Михаил Петрович французским.

Коринфский никогда не замыкал свою творческую деятельность университетской оградой. Он стал истинным сыном Казани и работал везде, куда его звал гражданский долг.

В Казани Михаил Петрович стал архитектором Удельной конторы, постоянно привлекался к разработкам проектов различных зданий гражданского и культового назначения. Он разрабатывал проекты перестройки губернской гимназии, дворянского собрания, кафедрального собора, церкви для Раифского монастыря и многих частных домов, особенно после пожара 1842 года. Тут к месту сказать, что арзамасцы, как и другие нижегородцы, посильно помогли бедовавшим казанцам, собрали для погорельцев хорошую сумму денег.

В Казани Коринфский показал свои высокие инженерные знания. Все его постройки отличались прочностью, конструктивной целесообразностью. Так, в мире отечественных строителей нашумело дело устройства нового свода в зале университетской библиотеки. Стояла задача облегчить этот свод, чтобы не увеличивать толщину колонн. Михаил Петрович предложил новинку: использовать для выкладки свода не кирпич, как обыкновенно, а пустые гончарные коробки. Новое в строительстве дало толчок к тому, что в Казани мещанин Булычев начал изготавливать для строительства домов керамические пустотелые коробки, равные по объему десяти сложенных кирпичей. Первые опытные дома, в том числе и тот, который выстроил Булычев для себя, выдержали все испытания на прочность, теплоизоляцию. Много пользы принесли людям и усовершенствования в конструировании и кладке различных по назначению печей, что предложил архитектор. Коринфский своими трудами постоянно вносил передовые коррективы в разработку различных конструкций. Он также был и тонким мастером интерьера и конструктором необходимого оборудования и мебели. Особенно ему удавалась мебель с мотивами русской романтики.

Творческий путь Коринфского завершался в сложное переходное время, когда крепостное право уже со всей очевидностью изживало себя. Новые веяния несли обновление в литературу, в изобразительное искусство, где после романтических увлечений реализм все более и более пробивал себе дорогу.

Труднее развивалась отечественная архитектура. Первые шаги в творчестве Михаила Петровича совпали с годами яркого расцвета русского искусства, которое базировалось на классической основе. Эта классика венчала рост русского национального сознания, который так ярко был выражен в конце XVIII и в первой четверти XIX века после победоносной войны 1812 года.

В тридцатые годы в искусстве заявляет о себе романтизм, он оказывает влияние и на зодчество. Коринфский трудно принимал новь. Однако и тут, используя в сущности чуждые художественные образы псевдоготики, архитектор сумел при разработке фасадов отдельных зданий, а также и во внутреннем оформлении помещений проявить определенный вкус и высокую культуру художника. Михаил Петрович не только умел блестяще разрешать конструктивные и художественные задачи при проектировании зданий самого различного назначения, но был и мастером «частных» архитектурных форм. Его наружные и внутренние декоры всегда достигали значительного художественного эффекта и эмоционального звучания, что несомненно открывало в нем и незаурядного художника.

Совершенно не принял строгий классик, верный ученик Воронихина, тот «русско-византийский» стиль, который уже утверждался в поисках своей, русской самобытности в архитектуре. Не поступаясь своими художественными принципами, Коринфский разошелся с молодыми архитекторами, что приехали в Казань после пожара 1842. А потом и разлад с самим собой — все это обессиливало зодчего, подрывало его творческие силы, здоровье.

Однако работы не этих последних лет жизни архитектора характеризуют в целом его деяния. В своих лучших осуществленных проектах и тех, которые не суждено было реализовать, особенно в проектах института благородных девиц (Родионовском институте). Дома дворянского собрания, университетской клиники, Михаил Петрович Коринфский поднял себя до ведущих отечественных зодчих, которыми всегда гордилось и гордится русское искусство.

...Когда в старости Ступину не спалось, он неизменно уходил в кабинет, чтобы написать еще одну страницу своих воспоминаний.

Горели свечи, на столе пугающая белизной стопа чистой бумаги, очиненное гусяное перо, песочница, жирно поблескивают густобурые чернила в изящной фарфоровой чернильнице.

Академик погладил ладонью седые, сильно поредевшие волосы на голове, медленно прошелся по кабинету и опять бодрил себя. Да, отживающий человек имеет право говорить о себе, о виденном-пережитом, и о людях, с кем так или иначе сводила судьба. Что сегодня... Сегодня весь день вспоминался Коринфский, и кстати бы сказать о нем потомству. Надворный советник... Орден Станислава. Жена дворянка, каменный дом в Казани, счастлив в детях. А главное — было у друга много работы высокого назначения. В июне прислал письмо, жаловался на свою застарелую болезнь, опять она привязала его к постели. Но и это недужество уже в прошедшем... Десятого июля нынешнего 1851 года ушел собинный друг Мишенька на вечный покой... Говорят, на Арском кладбище в Казани поставлен арзамасцу хороший памятник, что выполнен по рисунку самого архитектора.

Ступин вздохнул, запахнул тяжелый теплый халат, прислушался к тишине спящего дома, услышал, как на дворе в темени осенней ночи глухо шумели старые деревья в сыром саду. И опять художник говорил с собой, выговаривал то, что хотелось оставить на бумаге.

Убыло нашего полку... Редет вокруг, редет. Отошли в вечность учителя — арзамасские дьяконы, что славно учили писать иконы, профессора академии, друзья, с кем начинал трудное и прекрасное вхождение в искусство... Нет, нет и нет! Никаких обид и сомнений! Спасибо жизни уже за то, что она сводила знакомством, вязала дружеством, работой с такими интересными, целеустремленными людьми! Михаил Петрович тоже судьбой не был обойден. Время, а потом и умная оглядка русских людей на свое прошлое — они хорошо

вознесут арзамасца. Новые поколения не перестанут любоваться, ценить рукотворную красоту архитектора из Арзамаса. Долгой быть славе Коринфского в родном Поволжье...

«Мы прочли „Вечера на Карповке“ с живейшим удовольствием, с живейшим наслаждением. И они — произведение женщины, но дай Бог, чтоб у нас было побольше мужчин, которые бы так хорошо писали».

В. Г. Белинский

Венчание назначили на 16 апреля.

Всю последнюю неделю — днями, Машенька жила почти не помня себя. В маленькой гостиной дома титулярного советника и кавалера Семена Зевакина безраздельно властвовала модная портниха со своими пособницами: шили подвенечное платье, девушки из дворовых готовили столовое и постельное белье в приданое. В гостиной же примеривались модные шляпки и перчатки, привезенные из Нижнего, несколько раз приходил дамский обувщик... Сбилась с ног мать невесты Александра Андреевна. За всем нужен хозяйский догляд, надо обо всем помнить, вовремя распорядиться то на поварне, то на дворе, а тут еще мучила горничная, у которой все невпопад — никогда еще в доме арзамасского стряпчего не видели столь суеты и разного крика.

Машенька прощалась с девичеством. Ей семнадцать лет. Она как-то затаилась и почти не выходила из своей комнаты, разве что по настоятельному требованию портнихи примерить то рукав, то воротник пышного белого платья. Настороженная, опять и опять с затаенным страхом подходила к зеркалу. Она не любила его, точнее не любила собственное отражение в потемневшем, давно желтеющем стекле, схваченном темной рамой мореного дуба.

... Эта постоянная, едва ли не болезненная бледность некрасивого лица, веки с красинкой. Только в серых глазах видится некоторая приятность. Небольшой рост, нежные формы плеч, означающие слабость сложения.

Она и в эти дни в какой-то задумчивой рассеянности и смятении, почти печальна, с виноватым чувством перед красавцем женихом. Радоваться ли ей! Почему в ней нет ничего, кроме давнего затаенного испуга, и этот смутный, неосознанный испуг с каждым днем все сильней. Потому она не спит ночами в своей узкой и жесткой девичьей постели за синими ширмами с серебристо-серыми цаплями и какими-то диковинными болотными цветами.

Как сладко вспоминается теперь недавнее вроде бы детство, ее короткое девичество, ее свобода, на которую никто не посягал.

Детство прошло в Липовке, в двадцати верстах от Арзамаса. Деревенька отца насельницей на высоком холме. Теплый деревянный дом, заросший сад, сонный пруд внизу, яркие цветы под окошком детской. А окрест — тенистые липовые и дубовые рощи, извилистая речка среди поемных лугов. С высоты холма виднелась белая монашеская пустынь, в ясные солнечные дни в легкой голубой дымке можно было разглядеть высокие колокольни и церковные главы Арзамаса...

Так вольно жилось лето и зиму в усадьбе! Старшая в семье, Мария, к сожалению, не имела подруг, сестер близкого возраста — росла тихая, мечтательная, вся ушедшая в созерцание родных мест, которые после никогда не забывались и помнились со всеми нехитрыми радостями усадебной жизни. Даже постижение начальной грамоты у сельского дьячка и то запало в память как нечто забавное потому, что ее старательный учитель с его дремучей бородой и длинными волосами оказался самой добротой.

Потом переезд в Арзамас. Дом уездного стряпчего Зевакина в приходе Спасской церкви открылся для многих, Семен Семенович смолodu не чурался людей. Как говорили, без участия Зевакина в городе ничего не начиналось и не оканчивалось, в нем он считался непререкаемым авторитетом. Недаром же известный в свое время поэт и драматург князь Иван Михайлович Долгорукий писал: «Муж — человек молодой, умный и, что всего мудрее, с хорошими правилами... Он хорошо учился, имеет приятные познания. Жена у него хозяйка хорошая, русская женщина без всяких фигур».

Содержать дорогих учителей стряпчий не мог и определил дочь в семейство богатых Корсаковых. С их дочерью и воспитывалась девочка. Позже у Марии навсегда сохранятся к Софье Алексеевне, в замужестве княгине Голицыной, самые приятные отношения.

... Легкая, она недурно танцевала, и учитель музыки искренне хвалил ее. Девушка с увлечением рисовала и смело брала в руки кисть. Французские романы не только кружили юную голову сладким дурманом сентиментальности, но и будоражили свободой мысли авторов, яркими остротами о человеческой природе и социальных основах общества. Странно, книги — и отечественные тоже, вызвали куда более вопросов к себе самой, к людям и плохо отвечали на запросы души и ума.

И вот при всем этом, при явных своих достоинствах Мария постоянно чувствовала себя несчастной. Еще и потому, что однажды мать в своей родительской простоте, забывшись в минуту грустной нежности, обронила нечаянно: «Дурнушка ты моя, тебе будет нечего делать в свете, ты некрасива!» С того времени Мария и стала полниться уничижительными мыслями, она затихла, отходила, затворница, от веселящейся молодежи и недавнее сватовство Разумника Васильевича восприняла с радостью: кончится для нее это бесконечное девичье мучительство. Теперь думалось: да, я вот такая, но смотрите, как хорош мой жених, мой муж! Этот дерзкий вызов, неосмысленный эгоизм успокаивал, и она рисовала своим богатым воображением будущие визиты в дома своих знакомых сверстниц.

С Разумником Васильевичем свел разговор за столом и далее в гостиной у общих знакомых, где они случайно присутствовали с родителями. Разумник, не предполагая вовсе, обнаружил в ней столько наивной душевной чистоты, грез о будущем, столь много разных познаний — книжных, конечно, что изумился. Ему, во многом уже искушенному к своим двадцати семи годам, уже приуставшему, вдруг захотелось припасть к этой открывшейся пред ним чистоте, к этой явно незаурядной девушке. Он зачастил в дом стряпчего...

Как-то вдвоем, сидя у клавикордов, они, преодолев молчаливую неловкость, заговорили о любви. Мария, краснея, поверяла явно книжное:

— Где нет поэзии, там нет и любви. Любовь — это дар небес...

Разумник Васильевич поднялся с кресла — статный, фрак на нем сидел преотлично, с черными напoмаженными волосами, в темных глазах его держался открытый смех. Оттого и отошел он к картине в золоченой раме, чтобы скрыть свою веселую иронию — какие откровения, однако! Какая же она еще наивная — ребенок, и так искренне выдает чужое за свое...

Он повернулся к девушке внимательный, теперь с лаской в глазах.

— А хотите, Мари, я дам вам сочинение моей маман. Представьте, опубликовала свой опус в столичном альманахе. Труд ее так и назван «Любовь».

— Хочу, хочу! — захлопала своими худенькими ладошками Мария. Разумник Васильевич и вообще все Жуковы тотчас выросли в ее сознании. Взволнованная, она коротко призналась:

— Мечтаю писать. Что-то так и подталкивает. Научиться выражать себя — это же счастье!

Жуков не заметил, как и сам увлекся разговором:

— У нас в Быковке, в родовом гнезде, прекрасная библиотека из французских книг, почти весь восемнадцатый век маман собрала. Она же из рода Бутурлиных... Стихи писала, есть и опубликованные...

— Библиотека — сокровище, та женщина, что жила словесностью, любовью, высокой поэзией, сама сокровище.

Разумник Васильевич, чином губернский секретарь, поглядывая на восторженное личико мадемуазель Зевакиной, понял, что настал тот самый момент, когда должно приступить к решающему разговору.

— Я предлагаю вам руку и сердце, Мари...

Она, не глядя на Разумника, полная мыслями о библиотеке, неловко кивнула, и пухлые губы ее болезненно задрожали.

Он подхватил ее и осторожно поцеловал.

— Я нанесу визит завтра... объясните родителям...

Жуков коротко поклонился и вышел.

А Мария, почти себя не помня, побежала к матери.

Александра Андреевна озаботилась. Прижала к себе старшую дочь и тревожно скорее себя спросила:

— Будешь ли ты счастлива, моя дурнушка?

И тихо заплакала.

... Наконец-то кончились эти мучительные ожидательные дни. Они шли к венцу со счастливыми лицами.

Венчали их в зимнем Воскресенском соборе. Новый летний, заложенный в 1814 году, только еще поднялся стенами. Церковь была полна уездным дворянством и чиновным людом. Жуковы едва ли не двести лет служили в Арзамасе и потому пользовались давним почетом.

Мария плохо видела и слышала, что творилось вокруг нее и жениха. Но, когда начали читать брачный обыск, она напряглась, вслушивалась в легкий тающий голос:

— «Брачный обыск:

Сего 1822 года апреля 16 дня города Арзамаса в Воскресенском соборе по учиненному от всех священнослужителей и ниже следующих лиц вступающих в брак, обыску оказалось: 1. Жених — служащий в департаменте Государственных имуществ губернский секретарь Разумник Васильевич Жуков, холост, вступает в 1-й брак по собственному его произволению и без всякого принуждения, поемля за себя в жены титулярного советника и кавалера Семена Семенова сына Зевакина дочь девицу Марию Семеновну Спасского прихода, которая по собственному своему соизволению и без всякого понуждения со стороны родителей вступает за того Жукова. 2. Как жених, так и невеста на исповеди Святого причастия бывали и в минувшую Четвердесятницу сию христианскую обязанность исполнили, ко вступлению им в брак никаких законных препятствий не оказалось... Жених 28, а невеста 17 лет, между ними никакого родства, возбраняющего брачность: во утверждение всех сих показаний со стороны жениха свидетели подписуются: коллежский советник и кавалер Федор Михеевич г-н Стремоухов, штаб-ротмистр и кавалер Алексей Егорович Чемоданов, а со стороны невесты: прапорщица Авдотья Васильевна г-жа Аннинкова и гвардии прапорщица Надежда Федоровна г-жа Панютина...»

Они вышли на высокую паперть собора — яркое весеннее солнце заливало широкую Соборную площадь, радостные лица знакомых. Надо было принимать поздравления и улыбаться, улыбаться на все четыре стороны. Она выглядела прекрасной, Машенька Жукова, в своем белоснежном платье, густо испятнанном сухими набрызгами золотистого овса. На паперти их осыпал такой густой шумный дождь блестящего золота...

Сели в экипаж. В запотевшем окошке кареты мелькнуло озабоченное лицо отца в зеленом форменном мундире и заплаканное, почти жалкое лицо матери со сбитой на бок прической. Мария, зятая в шумящую белизну платья, сидела недвижно и улыбалась так отрешенно от всего, что Разумник Васильевич встревожился и мягко спросил:

— Ты не поделишься своим чувством, Мари?

Она очнулась, взглянула на мужа, вспомнила, что он рядом. Легкая улыбка тронула ее накусанные яркие губы.

— Я подумала, что когда-нибудь опишу венчание, свадьбу и все, чем полна невеста... Я о целительности искусства подумала...

— В такой-то час о спасительном мире искусства... — с раздражением подумал про себя Разумник Васильевич. — Какая она далекая от меня в своей юности, далекая и хрупкая, не сломалась бы. Будет так жаль...

Разными слухами полнился уездный Арзамас. Но что там доподлинно произошло в Петербурге 14 декабря этого двадцать пятого года?

Ступин не выдержал и отправился к городничему Бабушкину. Как-то покумились они, и вот теперь к Егору Степановичу можно было зайти в служебный кабинет без особых церемоний.

Городничий еще ничего достоверно не знал, мерил кабинет широкими шагами бывшего военного. Остановился у окна, побарабанил жирным пальцем в раму — заиндевелое, с синим отливом стекло глухо отозвалось. Плотный, в широком мундире обернулся и побагровел широким лицом. Брань начинал он всегда с любимого словечка покойного императора Павла I:

— Ракалии! И кто это зловредные слухи разносит по городу?! Шептуны подколотные... Квартальный Белкин наведни донес, весь базар шепчется — о чем таком? Ну, а тебе, Александр, что я скажу. Время обо всем явном и тайном скажет, да-с...

Александр Васильевич пожалел Бабушкина:

— На нет и суда нет. А я от Рафаила своего наслышан. Сказывал сын, что прибыл в уезд какой-то офицер и в трактире Монахова распинался.

— Вот как! — городничий чуть не рывкнул в закрытую дверь.

— Проща, опять спишь на часах, ракалия! Доставь сюда Монахова, жи-иво!

От Бабушкина академик пошел к стряпчему. С Зевакиным художник давнего знакомства не порывал — напротив, прияженно виделись часто. Семен Семенович заметно выделялся из среды уездных чиновников — умный, рассудительный, он являлся тем оселком, на котором пробовалась всякая новая мысль в Арзамасе.

Приятная неожиданность: к Зевакиным приехала из деревни дочь. Та самая Машенька, которой Александр Васильевич некогда пообещал явить на бумаге зайчика-попрыгайчика. А случилось, рисовал Ступин девочке и зайцев, и косолапых медведей, позже, как подрастала она, радовал Бовой королевичем, Синей

Бородой... Застольные забавы — вот ведь как вышло — не прошли даром, полюбила карандаш и бумагу Машенька, так что уже и в нежные лета свои была часто замечаема среди учеников художественной школы академика.

Не ожидал, однако, в приемной художник увидел Марию Семеновну, она поливала герань в белом глиняном вазоне.

Со времени свадьбы Александр Васильевич редко и случайно встречал дочь стряпчего. У нее рос сын, передавали сторонние, что замужество дочери Зевакина не задалось, однако велика ли вера досужим болтунам!

Наблюдательный глаз художника сразу увидел, что Жукова, несмотря на годы и возможные нелады в семье, похорошела. Лицо ее стало каким-то одухотворенным, открытым, а во влажных больших глазах — в полутемной прихожей они казались черными, виднелся ум насмешливый, острый. По-прежнему хрупкая фигурка женщины делала ее легкой, по-девичьи грациозной.

Мария Семеновна обрадовалась академику, она тотчас заговорила его, пока он снимал шапку и бекешу.

— Да, несколько поживу у папа и вот что: снова стану ходить в вашу школу — рисунок у меня слабоват.

— Милости просим, мадам! — улыбался и хорошел своим смугловатым лицом Ступин. — У меня теперь первым в рисунке Гриша Мясников — талант самородный, несомненный. Садитесь рядом с ним. А почему с Гришей... Это у меня из академии. Там у нас слабенькие в рисунке уж обязательно присаживались к талантам, смотрели, как работает этот талант.

— Воспользуюсь добрым советом. Вы к папа? Пойдем-те же!

Из гостиной доносились пробные звуки клавесина, Ступин вспомнил, что дочери дома нет, и не сдержал себя:

— Не моя ли это дочушка крадет ваш досуг?

Жукова развела руками.

— На сей раз это не Клавдинька.

... В кабинете Семен Семенович раскуривал свою трубку: пахло ароматным турецким табаком.

Академик медленно опустился в широкое кресло у камина и начал напрямик:

— Семен Семенович, ты у нас главный самовидец... Как же так, какой выворот всему делу? Сказывают, дворяне, высокие военные чины противу царя в Петербурге. Ужели заговор был?

Зевакин старел. Стал поосанистей за последние годы, темные волосы его изрядно поредели, глаза чаще бывали задумчивыми. Посасывая трубку, остро взглянул на приятеля.

— Тебе надобно мое суждение — изволь. Я тут раскладывал как пасьянс... Заговоры у нас ведь всегда господа начинают, народ же бесплодно бунтует... Смешение мыслей пошло после того, как военные чины вернулись из Парижа с новыми ветрами в голове.

— Что же это за ветры?

— А ты что, забыл французскую революцию? Вначале Вольтеры и прочие умники-просветители, а потом баррикады, дорогая республика, кровавый Робеспьер... Но зато — свобода, на которую клюнула глупая чернь. Свободу она не получила: крестьянин как потел на полосе, так и потеет, а рабочий все в том же дымном

цеху... Нувориши — эти да, дорвались до власти-сласти. Так что именно республиканские ветры надули головушки тем военным и иным статским.

— Выходит, дело-то было серьезное. Заговор, значит?!

— Не без того, раз уж ружья и пушки заговорили. Милорадович, герой двенадцатого года, убит! Да мы скоро узнаем, объявит государь...

Зевакин встал, встал и Александр Васильевич. Стряпчий легонько приобнял гостя за плечи, дружески улыбнулся.

— Может, старого ренскова или домашней наливочки — давно мы с тобой не сидели у камелька...

— Нет, благодарствую! — рассеянно отозвался Ступин.

Но хозяин дома уговорил-таки гостя остаться и велел принести бутылку. Виноградное вино расслабило Зевакина, и он с нескрываемой грустью заговорил о своем фамильном:

— Добрый мой друг... Хотя тебе я поплачусь: выдал я, грешник, дочь за богатого, думал убереж дитя от вседневной нужды. У меня их, деток-то пятеро... С надеждой принесла к алтарю Мария чистоту свою, а муж скоро пренебрег ее чувствами...

Стряпчий прикрыл глаза ладонью, академик почувствовал, что надо уходить. А в узком коридорчике его перехватила Мария Семеновна.

— Ну, просветил вас папа? — дочь Зевакина заглядывала в глаза. — Он сегодня за обедом предвещал ваш приход. Да, вы не первый с этим!

— Не скрою мадам, любопытничал о подоплеке событий в столице. Слухи и те, и другие, но родитель ваш все изъяснил.

— Не хотите ли моего изъяснения, а, Александр Васильевич?

— А, что такое? — насторожился художник.

— Я уведу вас в гостиную, подруга моя ушла...

В гостиной Зевакиных всегда пахло мятой — запах этот уловил Александр Васильевич и как-то разом успокоился.

— Александр Васильевич, я знакома с вашим сыном, а познакомились мы на Выксе у генерала Шепелева, что надзирает за бывшими заводами купца Баташева, вы знаете... Я с мужем на Выксу приезжала. Рафаил Александрович был весел после вина, начал говорить комплименты... Теперь он меня озаботил.

— В чем же забота?

Жукова торопливо, нервно теребила конец гарусной индийской шали, что была накинута на ее плечи.

— Рафаил Александрович молод, горяч, а ему бы сейчас надо держать себя сдержанно. Как поняла, сошелся он с князем Шаховским. Вы слышали, конечно, о князе. Вернулся из Парижа майором, открывалась для Федора Петровича блестящая карьера, а он вышел в отставку, женился и приехал в свой Ореховец нашего уезда. Начал хозяйствовать с того, что сильно уменьшил оброк мужикам. Оно бы и хорошо, но каково это воздействует на соседних крестьян, в каком положении окрестные землевладельцы, кои такого же послабления своим крепостным дать не могут. Возможны осложнения, до губернии дойти может... Из самых добрых побуждений к вам, вашему сыну... Не набрался бы от Шаховского тех мыслей, кои, мягко сказать, к последствиям привести могут, а у вас школа... Первая провинциальная в России! Понимает ли вполне Рафаил Александрович ваше и свое высокое назначение...

Ступин с трудом не выдал наружно своей растерянности, своего внутреннего испуга. А как и правда помещики с письмом к губернатору, а то и в Петербург... А как сыск начнется — притянут князюшку, а там и ближних по духу, сейчас, после 14 декабря, всего жди. Ах, Рафаил, Рафаил... Как-то случайно, не намеренно вовсе, подслушал, как в классе сынок «крепакам» навевал о той же французской революции. Вот он чем горячит свою голову, ай-яй! Академик торопливо попрощался с Жуковой, скоренько оделся и вышел на улицу. К вечеру морозило, под ногами жестко хрустел пристывший снежок. День кончался, над засинелыми снегами на крышах домов поднималась жиденькая холодная заря.

... Доподлинно все открылось в самом конце месяца, когда в Арзамасе был получен, наконец, манифест нового царя Николая Павловича, которому дворяне и чиновники уезда присягали 27 декабря 1825 года.

Как только художник заполучил экземпляр манифеста от городничего Бабушкина, тотчас заторопился к себе домой, уединился в кабинете и начал чтение.

Читать мешали назойливые мысли: «Да, бунт, бунт произошел в Петербурге!»

Особо обращали внимание такие слова манифеста:

«... сей суд и сие наказание, по принятым мерам обнимая зло, давно уже гнездившееся, как во всем его пространстве, во всех его видах, истребить, как Я уповаю, самый его корень, очистить Русь святую от сей заразы, извне к нам занесенной».

Александр Васильевич отодвинулся от стола, сидел в кресле, стиснув на коленях руки. В воспаленной голове держалась одна мысль: «Подлинно, что у Зевакина ума палата — сказал, как в воду глядел. Масоны, масоны... Точно извне заразились. До чего дело дошло!»

Только за чаем, после обеда, Ступин и отводил душу в разговорах с женой. Все-то некогда. До двадцати ребяток у него в школе: ученики на полном пансионе, три раза в день их накормить — это сколько же хлопот для Екатерины Михайловны! Есть она, стряпуха, но ведь за всем досмотреть надобно, а главное закуп продовольствий, базар... Про самого что же говорить: уроки в классах, разъезды по всем ближним, а то и дальним трактам, то взять заказ на роспись сельской церкви и написание икон, то отвезти работы и получить расчет. Приглашают писать портреты... А сколькой разной переписки с академией, с теми же помещиками. Постоянно приходится напоминать, чтобы платили за учение и содержание своего «крепака».

... В тихих словах жены очередные новости — городок мал, все друг у друга на виду и на слуху.

— Еще чашечку, Александр Васильевич?

— Пожалуй, мой друг. А Клавдинька где, что не чаевничает.

— Видела я давеча, что мадам Жукова мимо наших окон с папкой прошла, не в галерее ли над штудиями маются.

Ступин всегда испытывал приятное волнение, когда видел жену за чаем. Отрешенная в этот час от забот и хлопот, она открывалась ему близкой, желанной. В своем розовом капоте и таком же чепчике с накрахмаленной оборочкой, с легким румянцем на полном чистом лице, выглядела такой домашней. И хотелось, как в дни давней молодости, говорить ей что-то игривое, обоих волнующее.

Екатерина Михайловна отодвинула от себя чашку, вытерла платком припотелое лицо, легко обронила пробные слова:

— Что-то зажила Мария Семеновна у родителей, каково-то муженьку в Ардатове. Он там ведь выборным судьей?

— Да, судит-рядит других, — Александр Васильевич вздохнул. — Надо бы и о себе произвести пристрастное следствие... Гуляка! Вон, братец его у нас в казначействе — очень даже исправный человек!

Только разговор налачился — обеспокоил дежурный по школе: приехал московский купец Бебин, привез краски, ждет в прихожей.

— Ступай, проси купца в кабинет.

... В галерее, в зале гипсов, на теплом фоне окрашенных стен белели литые мускулы «Гладиатора», хорошо освещенное лицо «Лаокоона», в тени дальнего угла молодой «Бахус» жаждал вина и веселья, а в другом, ближнем углу, на обрезной канелюрованной колонне толстенький «Амур» безвестного автора лукаво готовился выпустить верную стрелу любви...

Мария Семеновна Жукова и Клавдинька уже давненько за работой, приустили от напряженного внимания — учебные рисунки всегда даются трудно, не скоро. Громко шуршат итальянские карандаши по толстой зернистой бумаге. В теплой тишине слышно, как медленно ходит наверху, на антресолях, в своей комнате Рафаил Александрович Ступин.

Жукова вздохнула.

— Однако, как мажется этот итальянский!

— Не говорите, Мария! — Клавдинька обрадовалась, что наконец-то Жукова заговорила. Она бросила «конопатить» свой рисунок.

— Отец как-то рассказывал: в академии, бывало, сидят они вот также в классе гипсов — лица, как у трубочистов от этого карандаша, а руки только в бане отпаривались. У вас-то очень выразительно получается, а у меня та-ак...

— Я, кажется, увереннее работаю кистью. Когда-то Александр Васильевич настоятельно советовал не торопиться к краскам, они, дескать, потом желанной наградой. Начально рисунком овладеть должно — все начинается с карандаша... Ну-с, а как ты тут, Клавдинька, в этом отцовском рассаднике талантов. Расцвела, право, расцвела. Женихи не приступают? Слыхала, вокруг тебя такое обожание...

— Какие женихи! Что принесу благородному-то в приданое? Дочь художника, считайте бесприданница! Да и купеческий сын не польстится. А за приказного идти не хочется, сами знаете, какой это народец нестойкий...

— Небось, в тебя все ученики отца влюблены! Да и мудрено ли!

Клавдинька вытирала холстинкой пальцы, в простодушии своем, призналась:

— Ой, мадам Мария... Я уж как на духу. Все, кто постарше, заглядываются. А особенно Николинька Алексеев да Гриша Мясников. Но какая разница! Николинька — этот пять раз на дню дорогу заступит и улыбнется, а Гриша... Я понимаю: крепостной, знает свое положение, но все же очень уж робок.

— Да, ему открыться нелегко. Ну вот, немного еще поработаю строчкой, уберу лишнее и на том кончу.

— Простите за любопытство, мадам. Вы-то как? Хотя о чем я, у благородных людей...

Жукова затенила свое лицо грустью.

— Беды и печали и нас не минуют, Клавдинька. Коротко скажу: не задалось мне замужество.

— Разумник — имя мужа вашего — значительное...

— Не случилось соответствия. Теперь совсем от меня отошел. То ночами сидит в Ардатове за картами, то уедет на Выксу, а там круглый год колесо праздника вертится. Театр, актрисы, бесконечная вереница гостей и очень много вина... Чем занимаюсь — читаю да мараю бумагу. Одним утешением сынок Васенька. Скоро повезу в Петербург, в гимназию готовить.

Мария Семеновна замолчала и пожалела, что наговорила, пожалуй, этой счастливой хорошенькой девушке лишнего.

В тишине опять слышались размеренные шаги Рафаила Александровича на антресолях.

— Видела, как сюда шла, твоего брата, показался он мне взволнованным...

Клавдинька торопилась, тоже заканчивала рисунок. Не задержалась с ответом:

— Это он вам рад, знаю. Он так почтительно говорил о вас однажды, Мария Семеновна...

— Вот как. Братец ваш в возрасте, отчего не обзаводится семейством?

— Да тоже вот... Богатая за бедного художника не пойдет... Впрочем не знаю, не знаю!

В зал вошел Григорий Мясников. Русоволосый, среднего роста, он хорошо держался, ученик старшего возраста. На нем хорошо сидел сюртук темно-зеленого цвета, полосатые нанковые панталоны были заправлены в сапоги со светлыми отворотами. Жукова тотчас увидела на юноше красивый жилет, черный тафтяной платок на шее.

Григорий слегка поклонился.

— Простите, мадам, Клавдия Александровна, что задержался, ребята в классе задержали.

— Давно ждем твоего учительского слова, господин мэтр! — Клавдинька повеселела. — Взгляните...

Мясников постоял между мольбертами, внимательно оглядел рисунки.

— У вас, мадам Жукова, нарисовано весьма изрядно. Вот только не вышел следок статуи, пяточку срезали ей-ей многовато, взгляните-ка. Кабы живая фигура, башмачку не на чем держаться... И еще: сегодня — солнце, световые пятна выступают на фигурах резко, а вы их зачем-то гасите. Свет выделяет объемы...

— А у меня?

Мясников припал глазами к рисунку Клавдиньки.

— Отчего, Клавдия Александровна, такая робость в карандаше? Тут вот совсем слабенько, а здесь — смотрите, рука-то у статуи деревянной вышла, плоской...

— Скажешь мне тоже... — надула свои яркие губки Клавдинька и решительно тряхнула черными висячими локонами — огорчилась.

Тут и сошел, наконец, с антресолей Рафаил Александрович в охотничьем костюме. Мягко ступая в высоких сапогах, подошел, поклонился. Карие отцовские глаза его сияли.

— Мадам! Я счастлив видеть вас снова. Я скажу вам комплимент: вы хорошеете, право. Как жаль, что не часто навещаете нас.

Жукова слабо защищалась:

— Вы преувеличиваете, Рафаил Александрович, сознайтесь же! Я всегда была скорее дурнушкой...

— Я художник, Мария Семеновна. У вас особенная красота! Вы хорошо образовали себя, как довольно слышан, а ваши душевные качества...

Клавдинька — да простится ей ее простодушие, успела шепнуть гостье:

— Да он объясняется вам, Мария!

— Благодарю, Рафаил Александрович. Я — женщина и мне ваши слова приятны. Я, кстати, не избалована комплиментами. Прошу посмотреть наши опусы.

Рафаил Александрович подошел поближе, прищурился.

— Значит, прекрасный пол в трудах праведных — ладно! Та-ак, не дурно, но вот эта мягкость, даже вялость карандаша, даже кокетство некое усматриваю. Больше силы! Помню, с самим Карлом Брюлло сидел я в натурном классе академии. Вот уж кто являл подлинно божественную линию на бумаге...

— Ты опять на охоту, Рафаил? — прервала воспоминания брата Клавдинька, она знала, как долго тот любит говорить о том же рисунке, об академии.

Рафаил Александрович и сам догадался, что перевел разговор на воспоминания. Художнику не хотелось строго разбирать работы, возможно огорчать гостью, да и сестру.

— Представьте, Мария Семеновна, господин Чемоданов пригласил в свои уголья. Собаки у него славнецкие! Гриша, кстати... Да брось ты карандаш, хватит за сестренку стараться, пусть достигает сама. Не в службу, а в дружбу. Суеверным становлюсь, что ли... Поднимись наверх в мою комнату — забыл пистолеты на диване. Городничий наш боится выстрелов в городе, так я на лоне природы пристреляю, купил недавно.

Мясников спустился вниз скоро, подал Ступину лакированный ящик. Рафаил Александрович открыл его, поднес к Жуковой, в голосе его послышалась явная бравада:

— Мария Семеновна, взгляните. Есть особая притягательная красота и сила в оружии. Посмотрите, самой смертью дышат эти дула...

Жукова поднялась, заглянула в ящик.

— Зачем они вам, художнику, Рафаил Александрович. Вы, знаю, не дамский угодник, не дуэлянт.

Ступин стоял в полосе яркого солнечного света, что падал из ближнего окна. Молодой, красивый — весь в отца, он вдруг сделался серьезным.

— Мадам, эти пистолеты могут заговорить и в дни великих потрясений. Вспомните: оковы тяжкие падут...

Мария Семеновна подняла голову, ее большие глаза потемнели от внутреннего напряжения. Но заговорила она мягко, сдержанно:

— Рафаил Александрович, что-то я не верю, что темницы рухнут, пока есть на земле любые власти. Эти святые места пусты не бывают. А потом, уверены вы, что они нужны, большие-то потрясения? Скажи бы вон Гриша об этом — туда-сюда... У вас с родителем художественная школа, не она ли и есть поле долгого и трудного боя. После отца вам, Рафаил Александрович, брать на рамена воспитание художников. Это куда важнее, чем убивать. Поймите, не пулями движется любое общество к совершенству.

— Во-от вы какая, госпожа Жукова... — как-то глухо отозвался молодой Ступин и торопливо закрыл ящик с пистолетами.

— Я — женщина, мать и не приемлю насилия, какими бы красивыми словами оно не прикрывалось, — легко отозвалась Мария Семеновна давно обдуманном, искренним.

Рафаил Александрович не знал, что и ответить.

Тут, кстати, закричали со двора.

— Это тебя, Рафаил, — догадалась выручить брата из затруднительного положения Клавдинька.

Ступин поклонился Жуковой и вышел.

Кончался август. В саду Ступина пышно цвели любимые белые флоксы, ветви яблонь отяжелели от красных плодов.

... Многие из учеников академика писали его портрет. С давних пор это стало благодарной данью ребятам своему учителю, а потом Александр Васильевич и смолоду был той выразительной натурой, которую хотелось писать сочно и ярко.

Поясное изображение сейчас, в этом 1828 году, заканчивал Григорий Мясников.

В дверь кабинета легко постучали. Вошел Николай Алексеев, будущий академик и зять Ступина. Сдержанно поздоровался.

— Извините, что прерываю сеанс. Приехали мадам Жукова.

— Ба, ба, ба! Поди, проси, Николинька. Ты уж извини, Гриша, что прерываю работу.

Художник быстро встал и сменил халат на серо-голубой сюртук, поправил густую еще прядь волос, что падала на темное от загара лицо.

Мужчины раскланялись с дамой.

Мария Семеновна отбывала в Петербург и наносила в городе прощальные визиты. Она уже свиделась с Екатериной Михайловной и Клавдинькой, а теперь вот надлежало проститься и с академиком.

У мольберта женщина остановилась, явно полюбовалась работой.

— А не даром Алексеев, провожая меня сюда, нахваливал. Ну-у, Александр Васильевич... Знаю, многие вас писали, но это такое проникновение, а потом и такая удивительно легкая кисть. Очень выразительно, воздушно. Молодец, Гриша!

Мясников поклонился.

— Спасибо на добром слове, мадам!

К мольберту подошел Ступин, пригляделся. Довольный, даже хмыкнул.

— Тешим себя надеждой, что эту работу достойно оценят члены Совета Академии художеств. Гришенька далеко пойдет в художестве. Будем не сегодня-завтра кланяться барину — обещал быть здесь проездом в Москву. Крутенок саратовский хозяин Григория, но еще раз попробуем его покачать, авось сторгуемся. А нет — Общество поощрения художеств в Петербурге обещалось дать пять тысяч... Ну, что же, давайте по обычаю русскому присядем на дорожку. Сюда, Мария Семеновна, пожалте, на диван...

В кабинете академика мягкая мебель, на стенах картины в тяжелых золоченых рамах, на большом столе два красивых бронзовых шандала, фарфоровый чернильный прибор и тяжелый бронзовый стакан для гусиных перьев.

Жукова торопилась высказаться:

— Пока не забыла... Александр Васильевич, у вас учится мой крепостной Федя Тержин. Он, знаю, не блестящих способностей, но кончит вашу школу, да ежели станет в том же Ардатовском училище учителем рисования — плохо ли!

— Если воля ему будет дадена...

— Я подписала вольную Феде и только что передала ему. Он, бедняга, заплакал, руки целовать кинулся... Вот вам конверт, тут деньги за остатний год учебы — где же вольному-то Феденьке взять...

Ступин молодо вскочил с кресла.

— Мария Семеновна, такой благородный шаг! Да у нас нынче в школе праздник! Ну, это после, после...

Жукова подала конверт и опять, оправляя свое синее дорожное платье — она еще не привыкла к нему, опустилась на диван.

Известие о свободе Тержина так взволновало Мясникова, что он попросился выйти. Александр Васильевич согласно кивнул: конечно, конечно...

Мария Семеновна тяжело переживала свой отъезд. Как оказалось, только матери да вот своему давнему учителю и могла она довериться сердцем.

— Александр Васильевич, приобщали вы меня к благородному искусству — это немало. И книги из вашей библиотеки меня питали... Не знаю, доведет ли Бог свидеться. Нет-нет, я Арзамасу не изменю, всегда буду благодарно вспоминать вас, родные стогны. Низкий поклон вам!

Смугловатое лицо академика не стало веселым от искренних похвал.

— Жаль, все мы лишаемся счастья и далее видеть вас, Мария Семеновна. В Петербурге дела?

— Какие дела! — Жукова невольно усмехнулась. — Нас, женщин, в департаменты служить не пускают. Буду писать да готовить своего Васеньку в гимназию. Я, Александр Васильевич, сама настрадалась, вы об этом догадываетесь. И довольно наглядялась на страдания других. Наконец-то, кажется, прозрела! Я теперь знаю о ком и чем писать. Задумала книжку повестей и кое-что уж передала бумаге. Не премину сказать и об Арзамасе. Вас интересует мое положение... Вчера в Ардатове раскланялись с господином Жуковым как чужие, только Васенька всплакнул — ребенок, а понял, что неладно между родителями...

— Может, все еще образуется... — художник встал, в волнении заходил по кабинету. — Может, время затянет обиды... Ладно, молчу, молчу! Так, дай вам Бог перо в руки, Мария Семеновна. Это хорошо, что Арзамас у вас в душе. У нашего города много и доброй славы. Простите уж старого кулика, что он свое болото хвалит. Михайла Коринфский наш город славными строениями украсил, во-он какой собор поднимаем... Второго такова в провинциальной России-магущке нет!

Жукова легко подхватила ход мыслей академика:

— Александр Ступин свою школу отчину прославил — о делах ваших в газетах и журналах...

Академик погрозил пальцем догадливой визитерше. Однако весело завершил:

— А вы, мадам Жукова, вы, Машенька, осчастливьте земляков своей книгой, своей

правдой. Добавляйте к славной молве о нашем городе изящной словесностью. Ну, в добрый час! Я провожу.

... Мясников сидел на скамейке под старой липой в саду. Тревожно стучало сердце, душила жалость к самому себе. И думалось горькое: «Как у них, свободных, господ все так просто. Вот сядет госпожа Жукова в удобенький экипаж и покатит торной дорожкой по своим делам... Счастливец Федька Тержин! Вот опять же и это просто: на тебе, Фединька, свободу, как пару мордовских онуч! Но мы же все, все рождаемся свободными!»

... Еще не знал Мясников, что так скоро — 1 сентября этого года, здесь, в школе Ступина, он встретится со своим барином Гладковым, и тот решительно, грубо откажет в обещанной прежде свободе, несмотря на просьбы и унижения Ступина.

Еще не знал Григорий, что в тот же день — это уж под вечер, он не пересилит свою скорбь и застрелится в галерее, где так недавно давал уроки рисунка Жуковой и любимой Клавдиньке.

В своей прощальной записке к друзьям по школе, а большинство из них являлись крепостными, он напишет:

«Простите, любезные друзья мои, не порицайте меня за мой поступок. Я показываю вам пример, как должно поступать против надменности честолюбцев. Милый друг, Василий Егорович (Раев), напиши на моей гробнице, что я умер за свободу. Простите».

Случится все это так.

В конце разговора с Гладковым, после унижений академика, Александр Васильевич не сдержался, наговорил крепостнику и дерзости... Гладков уехал...

В мезонине дома Ступина, где жили ученики, Григорий положил записку на столик у постели Раева, а затем медленно спустился вниз, переходя ограду, коротко полюбовался на притихший к вечеру сад и поднялся на антресоли галереи в жилые комнаты Рафаила Александровича. Тот был в отъезде, ключ от своей комнаты он всегда оставлял под ковриком перед дверью.

Пистолеты молодого Ступина были, как всегда «на всякий случай» заряжены. Мясников успел подумать, успел досказать то, что он не договорил в присутствии академика и Гладкова, что хотелось ему выложить там, в кабинете художника.

— Александр Васильевич, перед кем вы распинаетесь. Перед надменным честолюбцем! Терпения у вас не хватило, порицать Гладкова вы стали. Нет, не дошли ваши слова до бездушного рабовладельца. Нетерпение... У всех нынче нетерпение. Рафаил Александрович сжигает себя нетерпением... Жукова в гордом своем нетерпении бежит с родной сторонки... От нетерпения рабства моего, знаю, Клавдинька уливается слезами... Обозначился мой предел. Теперь я закричу о своем нетерпении. Вот так, полным голосом...

Громкий выстрел хлестнул застойную тишину низких комнат, рванулся за окно. Взметнулись с верхних кромок оконных наличников встревоженные голуби, сухо затрещали своими крыльями.

Солнце село, и густая, какая-то тревожная наволочь вечера затянула притихший город.

Ступин не находил себе места. Заперлись в спальне Екатерина Михайловна, Клавдинька после слез как-то странно замерла, и успокоительные слова родителей не доходили до нее. Не выкупили для нее Гришеньку... А он, бедняжка, как знал, когда недавно стихи свои ей отдал, что не отпустит его барин. Она помнит, она на всю жизнь запомнит вот эти слова:

Лишь уныние, житель хладный, В сердце у меня живет. И отрадный, тайный

голосВ гроб зовет.И луна тот холм осветит,Где сокрыт мой будет прах,Тень блуждающую приметитРобкий путник в тех местах...

Портрет Гришенька ей, Клавдиньке, недавно показывал. Сидит он, опершись на правую руку, в левой держит книгу, вдали на левой стороне листа изображен ручеек, на берегу возвышается погребальная урна намеком. В поле без отпевания, без креста зарыли Гришу...

Александр Васильевич вышел во двор. Учеников не было видно — затаились в своих комнатах, назавтра назначены допросы. А что так долго нет ребят с похорон Мясникова?

На дворе сделалось совсем темно. Порывистый ветер раскачивал деревья и швырял наземь сломанные сучья. Слышно было, как постанывала, скрипела в саду старая липа. Тяжело стучали о землю сорванные яблоки. Одиноким, растерянным бродил академик по дорожкам своего сада и многим, многим терзал себя. Ах, Гриша, Гриша... Теперь до самой смерти носить Ступину тебя в сердце своем. Неужто мало предлагал денег за тебя этому каналье Гладкову. Сказал ведь, что и в Петербурге собирается сумма...

Сухая осенняя листва била по лицу Александра Васильевича, но он почти не ощущал этого, едва ли не кричал в мятущуюся темноту:

— Теперь ты, Гришенька, свободен. Навсегда свободен! Художника не стало. Убить художника — это же красоту убить! Прости, Гриша, твоего старого учителя, друзей своих. Красота, добро так легко уязвимы... Немало я вызволил крепачков из неволи, а вот тебя не смо-ог!..

Целую неделю в доме Ступина празднично, весело, и ученики шумны: 24 сентября этого 1839 года Николаю Алексееву, теперь уже зятю Александра Васильевича, присвоено звание академика. Написал он групповой портрет своего учителя с воспитанниками — большое и такое выразительное полотно, его и оценили в Петербурге.

Едва ли не вместе с радостным известием, пришла из Петербурга и плотная бандероль. Развернули и ахнули: книга Марии Семеновны Жуковой!

«Вечера на Карповке»... Александр Васильевич вспомнил: это же предместье, дачное место под столицей — Карповка... Зело любопытно!

Нетерпеливая Клавдинька первая овладела книгой и тотчас ушла в садовую беседку — день стоял тихий, погожий.

В обед дочь не вытерпела, после второго блюда стала картинно загибать пальцы.

— У Марии Семеновны — «Вечера». У Гоголя Николая Васильевича «Вечера» на этой, на Диканьке. Загоскин свои «Вечера на Хопре» издал, а наш романист Марлинский тож разразился «Вечерами на бивуаке»... Вот так подчуют нас отечественные сочинители романтической прозой... И все они прячутся под сторонних рассказчиков. У Пушкина не наш ли квартальный Белкин занимается историями...

Глава семейства, откладывая салфетку, вспомнил — дочь к прошлому навела.

— Давно ли в тридцатом году Александр Сергеевич в нашем Арзамасе проездом в Болдино и обратно. А бывал он в городе и особо, с заботой: пропуск ему был нужен до Москвы через холерные карантинны. Я как раз комиссаром и надзирателем за оцеплением города, виделась, как же... Уж как художник скажу: выразителен внешне...

Клавдинька объявляла главное:

— Мария Семеновна и о твоей школе читателей оповестила!

Из-за стола не выходили долго. Клавдинька принесла книгу, отыскала нужную страницу и принялась читать торопливо, сбивчиво.

Екатерина Михайловна попридержала дочь:

— Ровней, ровней...

«Белые зубчатые стены монастырей с их башнями и каменными кельями, множество также каменных обывательских домов с их тенистыми садами, куполы церквей и светлые шпицы колоколен придавали городу, особенно издали, действительно прекрасный вид...»

— Все та-ак, — первой одобрила Екатерина Михайловна.

— А вот теперь, папенька, и о вашем заведении:

— «Если я прибавлю несколько слов о школе живописи, которой произведения принимаются с похвалою на нашей столичной выставке художников, вы узнаете мой маленький городок».

Екатерина Михайловна заслушалась, забылась в приятности, даже свой пухленький роток приоткрыла. Ступин поднял свою седеющую голову, потирал свои руки с явным самодовольством. Алексеев с копной пышных каштановых волос на голове чему-то рассеянно улыбался, ожидая продолжения начатого чтения.

— Какой слог, однако... — наконец очнулся Ступин. — Вот сбылось-сталося — это самое я и предрекал, книгу-то. Bravo, Машенька! Уж кто-кто, а мы, арзамасцы, узнаем наш маленький городок!

— Разуважила и печатно Арзамас, — подхватила Екатерина Михайловна. — А что дале-то?

— А тут о купцах наших, вот и о Попове...

— Чти-ка!

«Убогая старость находила пристанище в доме призрения, выстроенном одним из наших благородных членов купеческого сословия; виновная несчастная мать в осеннюю бурную ночь не блуждала с отчаянием по берегу реки с дитятею на руках, с слезою благодарности и благословением в устах приносила она обреченное несчастью с самого рождения дитя в воспитательный дом, основанный тем же почтенным гражданином».

Александр Васильевич сидел довольнехоньким. Мягко оглаживая плотные седеющие бакенбарды, поднял дочь на ноги.

— Дойди до Ивана Алексеевича Попова, передай соседу, что прошу, по возможности, немедля пожаловать. Вот порадуя старика, он лестное слово о себе любит. А после, как прочтешь книгу — передай ее ученикам, пусть, светы мои, прочтут — хорошо Мария Семеновна повестила о нашем Арзамасе, дай Бог ей доброго здоровья!

После ухода Попова, академик по обыкновению пошел прогуляться в сад. Стояло теплое начало октября, еще серебряные тенета увивали поднявшуюся отаву под яблонями. Со старой липы медленно опадало последнее золото подсохшей листвы.

Прохаживаясь по утоптаным дорожкам и после сидя в прохладе садовой беседки, окруженной пояском еще цветущих розовых астр, художник опять, как и прежде много раз, пожалел, что с отбытием Семена Семеновича Зевакина в Саратов, лишен он приятности встреч, лишился дружбы с родителями Марии Семеновны. Грустно, к старости, оказывается, остается так мало друзей...

Тогда, в тот страшный день 1 сентября 1828 года, после самоубийства-то Гриши Мясникова, когда полиция и понятые явились в школу, Семен Семенович, как в воду глядел, когда шепнул потихоньку: зачем, Александр Васильевич, ты записку крепостного городничему отдал? Забыл разве, что слово не счет, но много за собой влечет... Подлинно, вскоре такое началось, что руками разводи. Арзамасские-то власти не нашли в самоубийстве Гриши никаких особенностей, отправили «дело» на ревизию в губернскую уголовную палату, а в той палате взглянули на уход из жизни крепостного иначе. Умер художник — это бы ладно, но какое вольнодумство, и других призывал поступать також... А давно ли был двадцать пятый год, события в столице. Короче, дошло до подозрений, что Ступин за нравственностью «крепаков» не надзирает в своей школе. А тут еще из арзамасского же «дела» всплыло, что Мясников читал книгу аббата Канота «Вальтерово заблуждение», что книга эта из библиотеки академика... Ну, коли Вольтер — раскусили и в России, кто такой Вольтер-безбожник и всякие там вольтерьянцы... Плохой оборот принимало доследование уголовной палаты и пришлось раскошелиться: семьсот рубликов положить на «лапу» зверя алчного, ненасытного. Кой-как утихомирил нижегородских мздоимцев...

Александр Васильевич, противу обыкновения, задержался в своем саду, все-то говорил и говорил сам с собой. Пожалел Гришу: второго такого таланта в школе более не появилось — редки истинные таланты! Зятюшка Алексеев несомненно большой мастер, но очень уж академичен, а у Мясникова намечалось что-то свое, самородное... Перебирая в памяти прошедший день, Ступин вспомнил и о книге Жуковой. Вот тебе, голубушка Марья Семеновна, все бы это прискорбие — всю эту грустную историю Гришину, да в повесть. А на страницах ее сказать бы и о том, что квартальный надзиратель Белкин со службы уволен за несмотрение, что страшный нагоняй достался городничему, а титулярному советнику — пусть это будет, конечно, не Зевакин, а некто иной, вынесен, как стряпчему, штраф и выговор за нерачение к делу. То-то и отъехал собинный друг на волжские низа, в саратовские пределы...

Вечером уже при свечах Ступин писал ответ на письмо Жуковой. Благодарил за книгу, высказывал искренние пожелания: исполать тебе, Машенька, исполать! А в школе все ладно, все своим чередом. Похвалимся: за сотенку уж художников аттестованных из заведения выпущено, так то!

Спрашивала Жукова о Воскресенском соборе, о Коринфском. Коринфский теперь при Казанском университете архитектором, а Воскресенский собор мирским доброхотством создается. Уже и росписи внутри начал Осип Серебряков с сыном. Как же, из учеников Ступина! Академик Алексеев — да, тот самый Николинька, пишет для храма образы Спасителя и Божией Матери, а вашему покорному слуге выпало писать на четырех фронтонах. Всем мастерам арзамасским нашлось дело: резчикам, позолотчикам, медникам, кузнецам и столярам... Достойный памятник победе русского оружия над Наполеоном воздвигли арзамасцы...

Вскоре доставил книгу Жуковой в Арзамас московский книгопродавец Бебин, что постоянно снабжал уездный городок новинками отечественной литературы. Пополнял он библиотеку и Ступина.

«Вечера на Карповке» читались и перечитывались с особым интересом, с особым любопытством. В гостиных дворянских особняков, в купеческих палатах, в зале прохладительных вод купца Ситникова и даже в присутственных местах — все разом заговорили о сочинительнице, которую, конечно же, хорошо прежде знали и теперь еще помнили. Мария Семеновна, кто бы мог подумать! Всегда задумчива, особняком, правда, серьезна не по летам...

Ко всему этому, к разным толкам и обывательским пересудам громко добавили столичные журналы, которые доходили-таки до уездного городка. Шутка ли, критики «Русского инвалида», «Северной пчелы» и «Библиотеки для чтения» единодушно признали за писательницей ум, тонкую наблюдательность, и верность многих положений...

Когда в Петербурге в типографии Александра Смирдина вышла в полном объеме книга, вобравшая в себя лучшие повести «Инок» и «Медальон», в июльском номере «Московского наблюдателя» за 1838 год с отзывом о «Вечерах на Карповке» выступил сам Виссарион Белинский. Вот что он писал:

«Первая часть „Вечеров“ вышла в прошлом году, а в нынешнем издана вторым изданием, вторая вышла только в нынешнем году, и теперь едва ли в какой книжной лавке можно найти ее. Успех необыкновенный... Мы прочитали „Вечера на Карповке“ с живейшим удовольствием, с живейшим наслаждением. И они — произведение женщины, но дай Бог, чтоб у нас было побольше мужчин, которые бы так хорошо писали».

В 1840 году опять двумя частями вышли «Повести Марьи Жуковой». Теперь дополненные новыми произведениями: «Суд сердца», «Самопожертвование», «Падающая звезда» и «Мои курские знакомые»

И опять Виссарион Белинский находит слова высокой оценки творчества писательницы:

«Одним из лучших литературных явлений нового года по справедливости должно назвать повести г-жи Жуковой». Критик отметил, что хотя «...повести не относятся к тем высшим произведениям искусства... (однако) полнота горячего чувства, верность многих положений, истина в изображении многих черт и оттенков женских характеров, искусный, увлекательный рассказ и, прибавим к этому, прекрасный слог, которым и мужчины редко владеют у нас, — вот достоинства повестей г-жи Жуковой».

Холодный сырой Петербург...

Скромная квартирка, и непреходящая унижающая бедность. У родителей еще четверо, всех надо ставить на ноги, и просить у отца помощи мучительно трудно.

А тут еще судебное дело издалека потянулось.

В повести «Медальон» — повести во многом автобиографической, исповедальной, Мария Семеновна Жукова признавалась, наверное, о себе: «Жених, кажется, более всего желал моего маленького именица, которое было у него под рукою, может быть, чтобы избежать черезполосного владения, строгое исполнение обязанности супруги и дружеское расположение было все, что нужно для его счастья».

Супружеского, семейного счастья хватило Жуковым ненадолго.

Да, муженек в свое время, пользуясь доверием Марии, наделал долгов, пришлось спасать то небольшое из имения, что осталось. Мария Семеновна после с горечью признается: в столице узнала «печальную существенность», испытала «всю трудность слияния поэзии с судебной палатой» в то время, «когда негодование превышало силы, когда сердце изнемогало под необходимостью не любить».

Единственно, что скрашивало жизнь писательницы в Северной Пальмире — старая дружба с Софьей Алексеевной Корсаковой-Голицыной, с которой она некогда разделила свои юные годы перед замужеством. И поддерживало главное: работа над «Вечерами».

Литературные заработки во времена Жуковой были скромными, Мария Семеновна частенько отходила от письменного стола и подрабатывала кистью. Ей позволили бывать в Эрмитаже царского дворца, она приходила туда с красками, как на праздник. Полотна старых западных мастеров завораживали, открывали мир незнакомый и волнующий. Но главное, как эти французы, англичане, голландцы, а уж что говорить об итальянцах — как они глубоко чувствовали натуру, писали легко, изящно, изливаясь восторгом таких сочных, солнечных красок?! Мария Семеновна скоро вошла во вкус работы, делала недурные копии и их охотно брали

на комиссию художественные магазины. Иногда она нарочито проходила по Невскому мимо знакомых витрин и поглядывала «чужими глазами» на свои холсты. А что, весьма и весьма недурственно! — горделиво думалось ей и она благодарно вспоминала далекий Арзамас, классы Ступинской школы, где была так усидчива, где так не хотелось уступить воспитанникам академика.

Однажды в Эрмитаже Жукова сидела за мольбертом и как всегда увлеченно работала. Она не слышала, как сбоку подошла красивая женщина с высокой прической и в элегантном платье. Мягкий шорох шелка выдал незнакомку. Мария Семеновна повернулась и тотчас узнала: то была Александра Федоровна, супруга царя. Художница тотчас встала и опустила в глубоком реверансе.

— Простите, ваше величество, я не сразу заметила...

Французский, на котором заговорила Мария Семеновна, видимо, понравился императрице. Она подошла поближе, внимательно посмотрела копию.

— Вы меня приятно удивили. У вас не холодная душа, откуда такие навыки?

— Я брала уроки у Ступина, в Арзамасе, и в доме княгини Софьи Голицыной...

— Наслышана про заведение господина Ступина. Как вас, простите...

— Жукова Мария Семеновна.

— Вы, мадам, не сочтите за вторжение... Я замечая, вы здесь не впервые.

Жукова призналась, что она подрабатывает, у нее сын на руках, с мужем разъехались...

— Мне рекомендовали вашу книгу... Мадам, я к вам с просьбой, не напишите ли миниатюру императора...

Мария Семеновна обрадовалась: не часто царствующие особы делают заказы копистам в Эрмитаже...

— Сочту за великую честь, ваше величество!

И Жукова выполнила заказ, и он понравился царице. Императорская фамилия в таких случаях часто делала подарок автору, и подарок тот, разумеется, превышал принятую стоимость исполненной работы...

В Эрмитаже Жукова обратила внимание на Филиппа Берже. Пожилой француз все еще с похвальным упорством постигал таинство колорита старых мастеров. Слыл француз миниатюристом, художник отличался французской жизнерадостностью, бывал даже излишне шумен и чрезвычайно галантен. Мария Семеновна с давних-давних лет благоговела перед людьми искусства — Берже стал приятной неожиданностью в чреде ее однообразных рабочих дней. Поначалу она сочла любезности Филиппа, его внимание даже за чудачество, но потом-то женским чутьем поняла, что французом овладело чувство искренней симпатии к ней. Сложившийся уже художник, Берже вызвался передать ей все, чего достиг он сам на бесконечной и трудной дороге изобразительного искусства. Жукова тяжело переживала свое затянувшееся одиночество в столичном муравейнике. Они стали встречаться вне стен Эрмитажа, и писательница ожила в теплой атмосфере мужского внимания и заботы...

В северной столице Жукова осознала себя, поверила в свое назначение, стала писательницей. Здесь увидели свет ее повести, тут появились доброжелательные рецензенты, авторитетные читательские признания, отсюда пошла ее известность по России... Но столицы и требуют от творческих людей многого, иногда слишком большой дани. Хрупкий с детства организм молодой женщины не выдержал творческого напряжения, промозглых зим, холодных дождей осени и затяжных весенних туманов — она часто простывала, и наконец у нее развилась «модная»

тогда чахотка, кажется, навсегда прижившаяся в Петербурге.

В летние месяцы Мария Семеновна уезжала к родителям в Саратов, пила кумыс, оживала, тешила себя надеждами, но коварная болезнь назойливо и неизменно напоминала о себе в сырые месяцы года.

В 1838 году писательница уехала на юг Франции, но вскоре вернулась: в Петербурге выходила ее книга и вдруг издателю потребовался автор. В 1840 году Жукова опять уезжает за границу, теперь ее сопровождает в ту же Францию Филипп Берже.

Два художника, да в придачу еще и писатель...

Мария Семеновна поприжала в себе художника, она еще в России решила, что напишет книгу о том, что увидит и по-своему переживет. Вот почему в путешествии по югу Франции она не расставалась с записными книжками и заставила своего «чичероне» работать, «снимать виды», как говорили тогда.

Да зачем тебе это, Мари? — Филипп искренне удивлялся. Надобно, мон шер! — уклончиво отвечала она, поначалу зачем-то скрывая мечту о книге. Но потом призналась и добавила: — Твои рисунки украсят текст — так ты навеки останешься со мной, мон ами...

Явно польщенный Берже в своей широкополой художнической шляпе с пером лихо взбодрил свои густые усы и короткую бородку а-ля Ришелье, картинно раскланялся и заторопился сказать по-русски:

— Спасибо, Маша!

Книга рождалась легко, оказалось, что она уже жила в авторе. Мария Семеновна догадалась: она давно подготовлена к работе французскими книгами из библиотеки Бутурлиной-Жуковой, своей свекрови...

«Очерки Южной Франции и Ниццы» вышли в 1844 году в издательстве книгопродавца Иванова.

Издание получилось изящным, даже роскошным. Его украшали двенадцать рисунков Филиппа Берже: «Церковь Сен-Лоренская в Дофинэ», «Часовня Св. Бруно», «Сифурский монастырь», «Церковь Св. Михаила в Пью», «Вид Ниццы», «Гарский мост», «Замок Бейкер», «Сассекажский источник»... Последнюю милую картинку с молодым крестьянином нарисовала с натуры сама Мария Семеновна. Филипп Берже так и сказал:

— Мне будет скучно одному в твоей книге...

Рисунки были отпечатаны в Париже новым в ту пору выпукло-литографическим способом...

Издание еще не вышло в свет, а Николай Алексеевич Некрасов уже поддразнил читающую публику своим добрым отзывом о рукописи в «Литературной газете»:

«Всем известно прекрасное дарование этой писательницы (Жуковой), пишушей так тепло и увлекательно, с изяществом и грацией, какую можно встретить не у многих из наших писателей. Ее повести согреты всегда чувством истинным и глубоким и составляют одно из любимейших чтений русской публики. Г-жа Жукова изготовила теперь в подарок русской публике свои путевые записки, которые, без сомнения, будут замечательным явлением в русской литературе и займут не последнее место в ряду русских путешествий».

Виссарион Белинский продолжал следить за творчеством Марии Семеновны. Год назад в «Отечественных записках» в статье «Сочинения Зенеиды Р-вой» критик категорично заявил, что повести «М. Жуковой принадлежат к замечательным явлениям последнего времени»...

Теперь, когда увидели свет «Очерки...», Мария Семеновна сочла необходимым встретиться с Белинским, с благодарностью поднести ему свою новую книгу.

Они встретились в редакции журнала. Белинский, какой-то внутренне напряженный, излишне суетливый, увлек ее в свою рабочую комнату, скорее похожую на кабинет заурядного чиновника.

Критик — сутуловатый, нескладный, долго гремел простым стулом и все вглядывался в нее своими зоркими глазами. Они были у него сероголубые, большие, красивые и даже, как показалось ей, искристые. Виссарион Григорьевич наконец утвердился за своим рабочим столом и тотчас обрел спокойную уверенность. Извинился за свою молчаливую неловкость и запросто сказал:

— Так вот вы какая...

Они посмотрели друг на друга и молча поняли, что оба больны чахоткой: их выдавали лица с тем землистым цветом, той худобой, с той затаенной болью в глазах, которую могут уловить друг у друга только давно больные, обреченные люди.

Белинский, жалея женщину, начал ободрять:

— Мы с вами поденщики литературы... Берегите себя! Вас хвалит Некрасов. Он назвал ваши путевые очерки подарком русской публике, и это верно. Очерки, Мария Семеновна, действительно долго будут стоять на книжной полке русских путешествий.

Критик сухо покашлял, было, схватился за грудь, но уже заученно сглотнул кашель и отвел от груди ладонь, мягко опустил ее на бумаги.

Жукова не заметила, как Виссарион Григорьевич увлекся, заговорил горячо, на его впалых щеках проступили робкие пятна розового румянца.

— Ваши очерки, Мария Семеновна, живо напоминают мне «Письма русского путешественника» нашего незабвенного Карамзина.

— Да где же мне! — застеснялась Жукова.

— Нет-нет, уж я-то знаю, вы не скажите! — Белинский вскинул тонкие свои персты, водворил на место челку густых темных волос, как-то картинно смахнул со лба легкую испарину и повысил голос. — Та же легкость, та же занимательность, тот же приятный слог, да и взгляд на предметы верный. Восприятия ваши так же остры, как у Николая Михайловича. Но главное: вы покоряете читателя теплотой своего женского чувства. Вы так славно провели меня по красотам Южной Франции — чувствительно благодарен!

Ей надо было отвечать любезностью. Она ответила правдой:

— Я, Виссарион Григорьевич, рада — счастлива!, что вы ввели меня в русскую литературу...

Критик с досадой махнул рукой.

— Не-ет, это припишите себе, сударыня. Легко пересказать содержание книги, даже пуститься в критику, когда имеешь свой взгляд на отечественную словесность, а попробуй-ка, хоша бы и Белинский написать книгу вместо Марьи Жуковой... Каждому свое! Ну-с, а что вы теперь?

— У меня теперь роман на столе...

— Опять о женщине... Хорошо бы из жизни простых людей да слогом покрепче. И вот что: обязательно из русской жизни! Мне те ваши повести более нравятся, где действие разворачивается у нас, в России. У нас и язык поярче... И еще: вам известно таинство женского страдания, оно так воздействует на читателя, помните

и об этом...

— Какую женщину обойдут страдания... — призналась Жукова.

— Это я давно понял, Мария Семеновна... — Белинский с пониманием взглянул на писательницу и перевел разговор на другое:

— Вы родом-то откуда?

— Из-под Арзамаса. Родитель уездным стряпчим, большая семья...

— Вот как! А я ведь пензенский, из Чембар. Проезжал ваш городок — от Москвы уголок... Собор там у вас подняли великолепнейший! Ну, не давайте же себе спуску, да не закиснет ваше перо в чернильнице!

В дверь кабинета критика легко постучали. Белинский извинился и встал.

— Рога трубят, Мария Семеновна. Сегодня у нас редакционный сбор, еще раз простите.

Он проводил ее до дверей.

— Надеюсь на встречу! И пусть в вас не угасает святой непокой мысли и духа!

Оставшись один, застегивая верхнюю пуговицу сюртука, критик подумал: жизнь у Жуковой будет коротка, зато ее погудка долга. Но поработаем, поработаем еще — успокоил он и себя.

Второй встрече писательницы и критика не суждено было сбыться...

В кабинете Ступина Свешников объявился радостно взволнованным.

Иван теперь первым помощником академика в классах, да и доверенным по хозяйственной части. Недавно ездил в Оренбург, отвозил иконы для иконостаса казачьего собора, получил там расчет и благополучно вернулся. Ученье Свешников закончил. 9 января этого сорок шестого года ему и нижегородцу Николаю Рачкову присланы из академии художественные аттестаты. Кстати, прибыла из столицы и приятность дня самого Ступина. Академия представила его к награде орденом Святого Владимира четвертой степени за многолетние труды по обучению юношества благородному искусству.

Накануне над Арзамасом гремела гроза, пал на землю шумный ливень, и сегодня в открытое окно кабинета входила бодрящая свежесть.

— Александр Васильевич, вы не поверите... К нам гостя необыкновенная!

— Так уж и необыкновенная...

— Мария Семеновна Жукова просила доложить!

Академик, разом взволнованный, встал с кресла.

— Проси, Ваня, проси! И в самом деле, в кои-то веки. Сюртук подай! Художнику семьдесят. Но выглядит он еще бодро, тщательно следит за собой. Да и давно стало привычкой: негоже опрощаться до халата перед учениками, небрежен мастер в одежде, неряшлив он и в работе. Священнодействовать за мольбертом надо в галстук. Вон Карл Брюло...

Мария Семеновна обдала старшего учителя теплом своих больших глаз и парижскими духами. Александр Васильевич припал к руке гостя, выпрямился и, по-стариковски торопливо зачистил:

— Голубушка, чем заслужил я ваше расположение, такая мне честь! Проходите, садитесь на кресла, а то на диван, я на вас полюбуюсь...

Писательница, несколько смущенная неложной взволнованностью Ступина, присела на диван, обитый красной арзамасской юфтью, и оглядела едва ли не с детства знакомый кабинет. Женский глаз тотчас отметил порыжелые обои, тусклую от времени позолоту рам, обрамляющих потемневшие полотна, и портрет матери — музы художника. Полотно представляло аллегория, и Жукова удивилась, как легко и красиво писал в молодости ее учитель.

Академик присел к столу, заваленному бумагами, кивнул на них своей красиво посаженной головой.

— Вот разбираю свои анналы, готовлюсь писать памятное. За сорок четыре года — столь уж моя школа здравствует, академия звона сколь бумаг мне спровадила...

— Похвально! Вы же себя не в последний ряд работников русской культуры поставили.

Александр Васильевич, лишившись жены, дочери и сына — зять Алексеев с внуками навсегда в Петербурге застрял, теперь, в старости, был рад редким уже встречам со свидетелями его прежней счастливой жизни. Вот и сейчас он был готов говорить и говорить.

— Отживающий человек, Машенька, — простите, что я вас уж по-старому, имеет право говорить о себе и своем времени. Тут, недавно пришло в голову: в мире искусства давно такое замечено: сколь ученик громок, столь наставник безвестен — надобно же сказать и о наставнике. Впрочем, о себе-то я менее всего, больше о тех, с кем судьба сводила, об учениках...

— А моя жизнь — она в моих повестях... — Жукова слабо улыбнулась, ее сухое темное лицо оживляли одни глаза. Что же моей подруженьке, Клавдиньке-то не пожилось? Простите, Александр Васильевич, я причиняю вам боль.

Ступин ужался в кресле, вздохнул затажно, с болью.

— С тридцать восьмого начали посещать меня скорби. Екатерина Михайловна, голубушка моя, внезапно заболела и отдала Богу душу... А тут, в сорок втором, завистники снова подожгли школу. На пожаре Клавдинька с учениками картины спасала, случайно облили ее водой, а уж осень, остудилась сильно. Я свалился, да поднялся, а у дочушки открылась горловая сухотка... и опять похороны. Как я все это пережил — не знаю. Николинка забрал внучат, тоскливо мне...

За окном по садовой дорожке прошел незнакомый Жуковой юноша, своим загорелым лицом вдруг напомнил сына академика. Он, помнится, так по-особому взволновал ее в далеком двадцать восьмом году, когда спустился с антресолей в гипсовый зал галереи, где они с Клавдинькой «конопатили» свои штудии... Мария Семеновна вспомнила и еще одну встречу с сыном художника в Саратове, на набережной Волги. Ей объяснялись в любви всего-то два-три человека... В последний-то раз так и не поняла: вправду это Рафаил Александрович, или из него выплеснулся измученный скитальческой жизнью человек. Он был чуть под хмельком, говорил горячо. Ему так нужна опорой женщина! Однако, не просто женщина, а натура художественная, которая поняла бы его и стала для него всем: женой, другом, сотоварищем в искусстве... Ей стало жалко одинокого, страждущего Рафаила, еще не потерявшего надежды... Но она уже ничего не могла обещать мужчине, она чувствовала, знала, что чахотка не отпустит ее, она сама скоро станет обузой для других. У нее нет права на чужую жизнь... Они так славно поговорили в тот восхитительный вечер, когда высокое небо и вечерняя Волга плавилась в золоте позднего заката. Теплые блики зари смягчали уже немолодое лицо Рафаила, оно выглядело красивым, в темно-карих отцовских глазах его не таила радость встречи. И, прощаясь, он деликатно не напомнил ей о своем прямом вопросе, впрочем, она, кажется, намекнула ему о своей обреченности...

Мария Семеновна очнулась, едва поймала нить тихой жалобы Ступина: кабы не ученики, светы мои, не знаю, чем бы и жил...

— Не пишет Рафаил Александрович? Не завил он свое гнездо?

Академик не ответил на вопрос, начал вспоминать:

— Ты, когда-то, Машенька, не бабкой, а угадкой... Помнишь, упредила относительно Рафаила. Обыска у сына мы дождались. Дознали власти про связи сына с князем Шаховским. Князь-то после, как сказывали мне сведущие люди, в Суздале, в Спасо-Евфимиевском монастыре скончал дни своя. Такая там Бастиль...

— Я знаю, об этом говорили немало.

— Увезли Шаховского, мое чадо и ослабело, и распоясалось. В трактиры зачастил, дерзко повел себя — я и не выдержал. Дети же у меня в школе, несовместно... нельзя учителю быть нетрезву. Решил он на чужой стороне счастья искать — снабдил я его всем. Извольте, Рафаил Александрович! А натрет жизнь холку, явишься, блудный сын, распахну ворота, школу передам, станешь отцу надежной опорой...

— Так и не навещал?!

— Как-то денег просил из Липецка. Отправил, это еще при Екатерине моей... Посылал я его к Михайле Коринфскому в Казань, тот ведь профессором стал! Я на то надеялся, что прилепится к архитектору, делом займется. Нет, и там оскорбил добрых людей, шаматон! Не-ет, не пишет...

— Он как-то был у меня в Саратове.

— И что, говорите же!

Жукова пожалела отца:

— Чисто одет. Несколько порывист, напряжен нутром... Пили чай, рассказывал, что написал в Казани акварелью купеческую чету Крупенниковых, чету Батуриных. Жене профессора Симонова не польстил внешностью... А у нас в городе Вольского купца Злобина изящно подал — талант!

— Нигде он не осел, не сказывал? — осторожно, с надеждой спросил Ступин.

— Собирался куда-то в наши саратовские степи, к какому-то скотоводу в домашние учителя. Вот еще что... Он написал пособие для познающих изобразительное искусство. Академическая метода, написано изрядно, хотел вдругорядь зайти, обещала ему слог поправить, да что-то так и не зашел.

— Об отце не спрашивал?

— Отзывался о вас почтительно, не утаю. Переживал за мать, сестру. Академик опять вздохнул.

— Был маменькин сынок, да стал папенькин горбок... — художник вспомнил, что не догадался спросить гостью о причине ее наезда в Арзамас. — Какая нужда привела вас на родные стогны? А где остановились? Комната для гостей у меня давно-давно пуста...

— Дела по имению все еще тянутся, вы же знаете судейских. А определилась я в гостинице.

— Машенька, прошу отужинать со стариком. — Кухарка у меня готовит славно... Не откажите! Как жаль, что вы торопитесь, а то бы я вас на недельку задержал, просил бы вас позировать. Писательница, ваш портрет потомки спросят!

Жукова встала.

— Александр Васильевич, мне сейчас в уездный суд пора, там выпись мне сделали. Спасибо на предложение о портрете, в другой раз с удовольствием, хотя мой портрет написан Филиппом Берже, славный мастер! Во сколько у вас вечернее застолье? Ладно, обязательно буду. А завтра — пообещайте, будьте мне гидом по Воскресенскому собору, росписи хочется увидеть. И я посмотрю Тициана в вашей галерее...

— Все исполню, мадам! — Ступин встал и с легким стариковским смешком шаркнул ногой, тряхнул седой головой и пошел провожать гостью.

Полуденная тишина устоялась в ограде дома академика. Ученики шли с обеда, сворачивали от поварни в сад. Александр Васильевич перехватил Ивана Свешникова.

— Упреди, братец, стряпку, что у нас к ужину мадам. Если нет стерлядей и икры — сходи в рыбную лавку. И купи бутылку французского вина. Тебе тоже прибор за столом, боюсь скоро надоесть за ужином даме, а ты ведь у нас любезник записной...

Саратов, куда Жукова переехала к родителям после 1830 года, породнел скоро. Он был еще тем провинциальным губернским городом, в котором жить было сытно и уютно. Широкая рабочая Волга сближала со всей Россией, а яркий недалекий Восток, дышавший по летам томительным зноем бескрайних степей и песчаных пустынь, приносил особый пряный привкус азиатских базаров. Жаль, что к этому волнующему привкусу примешивалась еще витающая над городом скорбная память о двадцати тысячах жителей, которых унесла страшная холера в 1830–1842 годах.

Саратов покорял вновь прибывшего скоро и навсегда. Вешними разливами Волги, обрывом Соколовой горы, где некогда грозный Пугачев стоял своим станом и ожидал сдачи города... Прямые улицы опускались к реке террасами, над ними величаво возвышался древний собор, воздвигнутый еще в 1697 году в память избавления от моровой чумы, и новый собор Александра Невского, выстроенный в честь победы над Наполеоном...

Марию Семеновну неизменно врачевала цветущая весенняя степь, теплые дни долгой осени, пропахшей яблоками, арбузами и горьковатой степной полынью. Саратову писательница посвятила искренние, восторженные строки. Даже будучи за границей, она тоскующе вспоминала саратовские места, а залив Ниццы напоминал ей широкое раздолье родной Волги.

Но главное — город оказался близким для Жуковой интересными людьми. Саратов быстро приобщался к отечественной культуре, и совсем не случайно здесь поднялся, со временем, вождь русской революционной демократии — мыслитель, писатель, критик, историк и пламенный публицист Николай Гаврилович Чернышевский.

Мария Семеновна скоро вошла в дом губернатора А. М. Фадеева, который завидно интересовался историей края. Его дочь Елена Андреевна Ган в замужестве снискала известность в изящной словесности. Это о ней тот же Виссарион Белинский сказал, что она «принадлежит к примечательным талантам современной литературы». Е. А. Ган, кроме застольной работы, усердно занималась ботаникой, ее редкой коллекцией интересовалась Российская академия наук. В городе сформировался тесный кружок талантливых литераторов, историков и краеведов.

Открыто жила в Саратове Мария Семеновна.

Вот что вспоминал о ней в 1895 году Иван Палимпсестов — редактор «Записок Императорского общества сельского хозяйства южной России». Рассказывая о своей многолетней дружбе с историком Николаем Ивановичем Костомаровым, он

писал:

«...нас друг с другом познакомила и на первый раз сдружила жившая в Саратове во время оно известная писательница М. С. Жукова, женщина необыкновенной теплоты сердца, светлого ума, с удивительным даром слова. Около этого прекрасного самородка — женщины... группировались молодые люди с университетским образованием, и их она считала своими лучшими друзьями, хотя не чуждалась и светского большого общества».

Все современники, лично знавшие Жукову, отмечали незаурядность ее натуры, ее внутреннее обаяние, беседа с писательницей всегда оживлялась умом, «она имела обширные сведения в науках, которыми всю жизнь занималась с удивительной скромностью».

В доме Марии Семеновны бывал «писатель по части исторической» Г. В. Есипов, учитель саратовской гимназии Е. А. Белов — переводчик многотомной «Всемирной истории» Ф. Шлоссера, а также поэт Э. И. Губер (из саратовских немцев), что сдержал слово, данное им А. С. Пушкину, и перевел на русский язык «Фауста» Гете. Частенько засиживался у писательницы профессор Киевского университета Н. И. Костомаров, «по независящим от него обстоятельствам» оказавшийся на волжских берегах. Сюда он был выслан в 1847 году за организацию Кирилле-Мефодиевского общества, проповедующего идею христианского социализма без царей и господ, а также идею узкого украинского национализма. Опальному профессору в Саратове жилось недурно. Он работал тут над своим трудом «Бунт Стеньки Разина» и монографией о Богдане Хмельницком.

Однажды сын — Василий Разумникович, что теперь редактировал «Саратовские губернские ведомости», привел в дом благообразного белокурого юношу — сына местного священника Сергиевского прихода и приватно преподавателя древних языков в местном духовном училище. Сын и представил:

— Николай Гаврилович Чернышевский! Прошу любить и жаловать... Жукова довольно была наслышана уже о молодом учителе русской словесности саратовской гимназии. Передавали, что у него независимые взгляды и острый язык. Город обошел слух, что новый учитель говорит ученикам о вреде крепостного права, а директор гимназии, службист Мейер испуганно жалуется: вольнодумец, вольтерьянец! Да за это в Камчатку упекут бедного Мейера!

Горничная принесла чай. Тут подошел Николай Иванович Костомаров и мужчины присели к столу.

Разговор быстро перешел на общественные темы, горячился Костомаров, горячился молодой Чернышевский, да и Мария Семеновна не отмалчивалась. И только после гостей она почувствовала, как устала. Позже, почти перед сном, вспомнила радующие слова Чернышевского:

— Я, говорят, довольно начитан... Но, поверьте, Мария Семеновна, понять женщину, ее трепетное сердце, ее ум, ее устремления — всему этому я учился и по страницам ваших повестей. И, если сведет меня судьба с женщиной — я вспомню ваши учительные слова, постараюсь, чтобы жена стала мне другом и сотоварищем. Спасибо вам!

Вдохновение.

...С середины сороковых годов Жукова пишет меньше. В альманахах и столичных журналах, как бы прощальным приветом своему давнему читателю, появляются повести: «Миссионер», «Две сестры», «Ошибка», «Дача на Петергофской дороге», «Сердце женщины», «Ландыши»... В 1847 году вышел роман «Вера»...

Творчество писательницы не было ровным, бывали и неудачи, нарекания того же Виссариона Белинского. Но большинство повестей ее все же несли четкое социальное звучание. Истоки социальных мотивов творчества Жуковой, конечно же, не случайны. Они во многом обусловлены ее личным жизненным опытом, ее мироощущением, ее высокими нравственными, этическими воззрениями и развитым чувством гражданского долга. Мария Семеновна, несомненно, могла бы сказать о себе словами И. А. Гончарова: «Я написал(а) свою жизнь и то, что к ней прирастало».

Через все повести писательницы, варьируясь в именах, во внешних обликах и сюжетных поворотах, проходит умная, мыслящая и любящая героиня. И будь это дочь бедных дворян или дочь уездного чиновника — эта незаурядная женщина всегда несчастна. Вопросам равенства полов, вопросам высокой облагораживающей любви Жукова посвятила многие и многие страницы своих произведений. Вспомним, что писательница — ровесница пушкинской Татьяны Лариной и жен декабристов. Этим женщинам, как и героиням Марии Семеновны, свойственны высокие, чистые порывы в любви, преданность семейному и общественному долгу. Отсюда — высокая требовательность к мужчине, отсюда

ратование за свободу личности женщины, страстное желание наряду с мужчинами работать во имя общественных идеалов. Вот он, душевный крик русской женщины, сорвавшийся с уст героини повести «Мои курские знакомые»: «Дайте женщинам одинаковые права с вами, господа мужчины! Если женщина каждый день украсит новым цветком путь жизни отца, матери, друга, если примером, беседою, убеждением посеет хоть в одном ином сердце полезную истину, любовь к добру или научит находить счастье в собственном уме, если утешит печального, оправдает оклеветанного, возвратит к добродетели заблудшего, научит несчастного любить жизнь, то она способствовала общей пользе и имеет право, если не на Владимирский крест, то по крайней мере на ваше снисхождение». И все же героини Жуковой не только живут мечтаниями, не только пребывают в высоком таинстве страдания. Нередко они находят для себя спасительный выход в общественной деятельности: ухаживают за престарелыми родителями и близкими, открывают школы, работают в пансионах, воспитывают новое поколение.

Долгие годы Жукова лишь наезжала по летам в город на Волге — в Петербурге ее держала работа по подготовке рукописей в печать, а в 1854 году она вернулась в Саратов навсегда. Мария Семеновна сознавала, что приехала умирать. Зима радовала тем, что длилась долго. Неизменно рядом сын Василий, часто приходили друзья, и по-прежнему велись в ее кабинете бесконечные разговоры обо всем, чем наполнилось столь богатое событиями для России XIX столетие. Четвертая война за полвека, теперь вот в Крыму. Французские, английские и турецкие войска осадили Севастополь. Что этот Запад веками идет в Россию с оружием?!

...Так хотелось упорядочить собранный гербарий, прочитать новые книги по естествознанию, заняться бы личным архивом, написать воспоминания. Ступин-то в Арзамасе — молодцом, «настрочил», как уведомил недавно в своем пространном стариковском письме.

Но у писательницы только и хватило сил на то, чтобы подготовить к изданию роман «Две свадьбы»...

Когда ей становилось лучше, она вставала с постели, в теплом халате усаживалась за рабочий стол и, не торопясь, оглядывала свой кабинет с тихой благодарностью к нему. Святая святых для писателя — шкафы с любимыми книгами. Вот истинные и неизменные друзья! Мария Семеновна неторопливо листала шесть томов своих сочинений — сколько обступало героев и героинь... Картины, бронзовые часы на мраморной каминной доске, расписанные фарфоровые вазы, любимые безделушки на туалетном столике... И над всем этим — близким и дорогим, она сама с портрета Филиппа Берже. Он написал ее, кажется, в тридцать пятом...

*М. С. Жукова. 1804 — 1855 гг.
Худ. Филипп Берже.*

После скажут: «Гладко причесанные на пробор волосы, чистый гладкий лоб и широко расставленные нежные глаза. Большие, умные и грустные, несмотря на готовые улыбнуться губы, эти глаза одни влекут к себе и будят желание заглянуть пристальней в душу, так тепло светящуюся в них...»

На письменном столе, слева от чернильного прибора, в серебряной рамке стояла миниатюра — автопортрет Филиппа. Спасибо тебе, веселый и галантный француз! Ты был настоящим другом тогда, когда сердце так требовало стороннего, дружеского участия. Ему было так одиноко в вертепе большого города...

Мария Семеновна давно осознала трагизм конца человеческого существования. Она прожила свою короткую жизнь творчески, с любовью к людям, к русской женщине... Она смолоду мечтала выразить себя в слове, ее душа — она на страницах изданных повестей, и душа давно услышана читателем... Она выполнила свое назначение на земле и не забудется в родном краю. Слава Богу за все!

...Пришла весна. Стояли мягкие апрельские деньки. Солнце так пригревало подоконники, так ласково обливало набухшие почки яблонь в саду — вот-вот вспыхнут они тихим розовым пламенем очередного цветения.

Мария Семеновна лежала у низкого окна, внутренним зрением художника видела это великое таинство пробуждения жизни и на ее иссохших, почерневших губах

трепетала полная святой мудрости женская улыбка.

Легкие догорали. В последние полтора месяца мучила и водянка.

В ночь с 13 на 14 апреля 1855 года Марии Семеновны Жуковой не стало.

«Перов первый из художников познакомил нас с передовым направлением в живописи; кроме того, Перов — живописец — поэт. Поэзия его — это задушевность, он поэт чувства, поэт душевных движений».

В маленькой горенке было душно, из передней избы остро несло квашеной капустой, оттуда слышались ворчливые голоса домочадцев, кто-то часто постукивал пестом в чугунной ступе. Старый, заштатный уже, дьячок в темном стеганом подряснике размеренно ходил по горенке, изредка заглядывал в низкое окно на солнечную весеннюю улицу и, намеренно растягивая слова, спрашивал:

— Нут-ка, Иване, ответствуй. Вспомни тверждение пройденного: что есть орфография или правописание?

За простеньким столом с почерневшей столешницей сидели два мальчика. Один — стриженный под горшок в рубашке из холщовой крашенины кубового цвета, другой в рубашке из светлого ситца.

Перед мальчиками белели листы бумаги, сияла жаркой желтизной начищенная медная чернильница, в высоком глиняном стакане смешались белые паруса гусиных перьев.

Дьячок откинул со лба седую прядь поредельх волос, пытливо взглянул на своего ученика.

— Что надлежит наблюдать в правописании?

Ваня встал со скамьи и с тоской отвел глаза в сторону.

— Надлежит наблюдать, чтоб оно служило к чтению удобному... Ученик тут же смешался, виновато взглянул на враз опечаленного учителя.

— Экой ты, право. В тебя, как в провалище мои научения. Садись! Василий, встань! Доскажи остатнее.

Мальчик в ситцевой рубашке встал, сверкнул темно-карими глазами.

— В правописании должно наблюдать первое: чтобы оно служило к удобному чтению и к чистому выговору для каждого знающего русский язык, к рассудительному его употреблению...

— Тако, тако!

Дьячок плавно прошелся по горенке и резко повернулся к столу.

— Что еще добавишь?

Вася передохнул, засмотрелся на спасительный потолок горенки.

— Второе: чтобы в русском языке соблюдалось свойственное происхождение и сложение слов, речений...

— Та-ак...

Вася осмелел. Ответ будто кто невидимый подсказывал:

— Ради наблюдения сих правил должно знать и употреблять различие букв, слогов и слов. Строчных и надстрочных знаков...

— Добро! Довольно... А теперь берем стило в руки, буду диктовать, а вы пишете, хотя бы сию поговорочку: Иван был в татарской орде, а Марья вести сказывает...

Старательно скрипели гусиные перья. Дьячок заглядывал в тетради, следил за письмом.

— А вот и еще: Не дери глаз на чужой квас, ране вста-вай, да свой за-тирай! Написали? — Учитель молодо ринулся к столу, в досаде вскинул руки. — Иванушка-миленушко... Маловато в тебе прилежания. Куда так торопишься, экую кляксу посадил! И буквы, что палый плетень. Займись прописями дома. А чево ты все ногами болтаешь, а? Вот и будешь ты у меня Болтов! А вот Вася наш... Его отныне называем Перов! Зело в каллиграфии искусен, экой молодец! Только перестань собачек рисовать, что родитель-то, Григорий Карлыч, скажет, как тетрадь проверять станет...

— Папенька собак жалует!

Доброму, рачительному в обучении ребят деревенскому дьячку едва ли в эти минуты подумалось, что прозвище, данное им Васе Васильеву, станет со временем фамилией знаменитого русского художника Василия Григорьевича Перова.

Дьячок прошелся по горенке, чему-то поулыбался и вдруг объявил:

— Скажу вам притчу о нерадивом ученике. Внимайте, а ты, Иване, особо разумей. — Учитель подошел к настенной полке с книгами, взял с нес толстую, небольшого формата «Русскую грамматику», пошелестел страницами и начал выразительно читать:

«Сия вам притча то, друзья, напоминает: Глупец учения печется убежать, И то пренебрегать, Чего он сам не знает: И те дела дерзает поносить, Которых он не может раскусить, И все-то кажется ему безделка, Орех беззубая находит белка, И взявши в рот, Помучилась, не раскусила, И, выплюнув, орехи поносила: Какой негодный плод!»

Учитель неспешно поставил учебное пособие на полку, любовно погладил тонкими перстами сухой корешок книги и резко повернулся к мальчикам.

— Понял ли ты притчу, Иванушка. Что из оной следует, смышляй!

— Не уподобиться бы той белке...

— Уж я постараюсь, постараюсь, отроче, чтобы ты, милой, не уподобился... — мелко хихикнул дьячок и, враз подобрев, отпустил ребят домой.

Ваня уже выскользнул из горенки, а Вася задержался, переминался с ноги на ногу.

— Тебе чево?

Вася побаивался спросить учителя.

— Изограф — это как по-русски?

— От ково слышал?

— От папеньки.

— Так чево же не спросил пояснения?

— Тут маменька подошла...

— Изограф, Васенька, тот, кто недавно в нашу церковь иконы написал, кто изо-бра-

жает! А граф — от слова графический, нарисованный...

— Графический изобразитель?!

— Можно и так понять... А коли в интерес, то скажу, что во времена оны были у нас пресловутые изографы, скажем, Андрей Рублев, что прекрасную «Троицу» явил миру. Потом громко известил о себе и Симон Ушаков. Этот уже живство иконописного лика представлял, к парсуне приближался. Ну, беги, беги, у вас обед-то по часам...

В славном губернском городе Тобольске от одного казенного присутствия к другому и далее от дома к дому настойчиво пополз слух о том, что губернский прокурор Григорий Карлович Криденер стал отцом ребенка мужеска пола от мещанки Акулины Ивановой — ах, какой мезальянс! И это при живой жене, урожденной баронессе Розен, при двух взрослых дочерях...

Стояла студеная сибирская зима, канун Рождества: держался крепкий морозец, искрились, сверкали пышные снега у глухих заборов, громко хрустели дорожные крепи под полозьями извозчичьих санок и простых розвальней.

...Где только грех не ходит, кого только в полон не берет!

Случись бы это где-то в деревенской уездной глуши, да не с губернским прокурором... Там, в поместьях, мало ли рождается «бастардов» — незаконнорожденных сынов и дочерей от дворовых баб и девок — будущих садовников, конторщиков, музыкантов, домашних живописцев — там почитаются за обычное дело барские шалости... Но в губернском городе, но у такого высокого чина, да при живой-то супруге, а главное, Григорий Карлыч-то в летах уж почтенных, на пороге шестидесятый ему... Это надо же какого мужа соблазнила молоденькая в семнадцать годков мещаночка, но и то истина: седина в голову, а бес в ребро...

Мальчик получил при крещении имя Василий, а фамилию ему определили воспитанника — Васильев. Малыша записали в податное мещанское сословие. В церковную книгу внесли: рожден 23 декабря 1833 года. Тут же и скажем, что рожденный до брака Вася не имел права носить фамилии родителя, пользоваться его дворянским титулом, а та-кож наследовать движимое и недвижимое...

Судьбу сыночка Акулина Ивановна наперед знала, сама мещанская стезя подсказывала: в купцы или в чиновные выбьется — худо ли! Кормля достаточная, и чего боле надо... Не предполагала она в те первые дни своего материнства, что с ней-то самой вскорости станется. Сталось! Внезапно умерла законная супруга барона и он опять же, вопреки ожиданиям местного общества, покрыл свой грех — женился законным порядком на мещанке Ивановой, и стала та баронессой. Сравняла церковь земные условности! Заранее скажем, что смазливая баронесса хорошо отблагодарила Криденера: принесла ему до 1857 года еще пятерых детей! И все они по праву законного рождения приняли баронство, только вот Вася — любимый родителями первенец, до конца дней своих остался в мещанстве...

Барон Криденер получил в свое время хорошее образование, знал европейские языки, любил музыку, стены его дома всегда являлись прибежищем картин западно-европейских художников. Одно плохо: он, младший сын фамилии Криденеров, по старым законам Прибалтийского края, не имел права ранее других старших братьев наследовать родовое имение и вынужден был, как говорили, сам составить себе счастье.

Россия никому из инославных и иноплеменных не была мачехой. И кто только не устремлялся в русские столицы «на ловлю счастья и чинов»... И — наживы! И все находили применение своим силам, своим честолюбивым устремлениям...

Криденер носил военный мундир, выйдя в отставку, работал чиновником на

тагильских заводах, затем перешел в хлебное судебное ведомство. В положенные сроки приходили чины и повышения за беспорочную службу... И вот уж надворный советник и тобольский губернский прокурор... сразила его не старость, не болезнь, а «лапочка» Акулина Ивановна. Пришлось просить предержавшие власти в Петербурге о переводе в Архангельск, где открывалось вакантное место. Официальная причина просьбы о переводе: суровость сибирского климата. Но было и другое. Барон Криденер слыл честным служакой, а это всегда опасно, когда вокруг тебя ненасытные лихоимцы и взаимоотношцы. И еще. Григорий Карлович исповедовал независимые взгляды. В своем сибирском захолустье знался с сосланными в Тобольск декабристами, бывал у них в домах, сам запросто принимал опальных. Барон, конечно, не разделял опасных политических устремлений воинственных радикалов, и все же губернские власти чурались и сторонились прокурора, чтобы не прослыть вольнодумцами.

Более мягкий климат Архангельска, однако, не пошел впрок Криденеру. Он и тут увидел в кругу чиновников всякого рода пороки, несовместные с государственной службой. Как-то Григорий Карлович сел, да и написал едкую сатиру, в которой выстегал нечистоплотность чиновных. Вскоре узналось об авторе оной сатиры и, «задетые за живое», начали строчить доносы в Петербург. Столичные департаменты всегда ведь с местными одной веревочкой повязаны — пришлось Григорию Карловичу подать в отставку, благо для верхов нашелся зримый повод: возраст господина прокурора почтенный, даже преклонный...

Некоторое время семья Криденера пожила в Петербурге, погостила в деревне Суслеп в окрестностях Дерпта. Но даровой хлеб родичей долго сладким не бывает... Начались поиски «места» через родных и знакомых.

Можно предположить, что участие в дальнейшей судьбе Криденера приняли Розены — родичи умершей первой жены. Видимо, Григорий Карлович сохранил с ними добрые отношения.

Ветвь немецкого древа Розенов прижилась и разрослась на благодатной русской земле со времен Бориса Годунова. Многие из них носили оружие, некоторые вошли в историю отечественной культуры. Так, известен востоковед В. Р. Розен, а также Егор Федорович Розен — поэт первой половины XIX века, ставший, по рекомендации В. А. Жуковского, с 1835 года воспитателем наследника престола, автор либретто оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя». Е. Ф. Розен, несомненно, знал поэта Николая Михайловича Языкова, которого дарил дружбой А. С. Пушкин. И вот хочется думать, что Егор Федорович Розен и заговорил однажды с собратом по ремеслу о бароне Криденере, который ведь тоже, как и поэт, учился в Дерптском университете... Барон — честнейший законник, в немалых чинах, а вот без службы и без средств к существованию, обременен большим семейством... В селе Саблукове Арзамасского уезда у вас родич Языков. Вот если бы устроить прибалтийца...

Так вот, опять же предположительно, барон Криденер и стал управляющим имением. Шел 1842 год. Васе исполнилось девять лет.

...Ехали широким Симбирским трактом, которым в 1767 году Екатерина II через Арзамас возвращалась со своей блестящей свитой из путешествия по Волге.

Переезд был долог, и Васе вполне хватило времени вдоволь погрузиться по селу Кольцову, что покинули навсегда. Там весело проходило беззаботное детство, там он недурно учился у веселого умного дьячка, который и нарек его Перовым...

Однажды — это после 1845 года, Александр Васильевич Ступин, академик, содержащий с 1802 года первую в России провинциальную художественную школу в родном Арзамасе, известный в Отечестве как «заводитель дела необыкновенного», принял у себя барона Криденера.

Управляющему имением помещика Языкова перешло, кажется, за семьдесят, но он выглядел завидно бодрым и этим вполне подкупил седовласого владельца школы.

Высокий худой прибалтиец с легким немецким акцентом объявил просьбу странную для кого-нибудь, только не для художника и человека хорошо знакомого с людьми тонких и благородных чувств.

Оказалось, что господин барон — любитель живописи.

— В моем небольшом собрании имеется портрет собственной персон в охотничьем костюме, на полотне и собака. Теперь другая собака, той нет. Большой желание видеть на полотне любимого сейчас сеттера. Нельзя ли присовокупить... Пожалуйста, жительство Саблуковка... Я и баронесса будем очень рады принимать господина Ступина у себя.

Александр Васильевич поднялся с кресла.

— Я вполне разделяю ваши чувства к животным, господин барон. Благодарю, что снизошли до внимания к моему заведению. И вы соблазнили меня приятностью осмотреть вашу галерею. Да-да, как только выберется денек... До свиданья, господин барон. Всяческих благ!

Выбрался такой приятный осенний денек — сухо, солнечно, леса в ярком одеянии, а в пустынных полях по стерне длинное серебро легких тенет...

Прием академику был оказан самый радушный, долго сидели за обильным столом. Пригожая супруга Криденера, а она оказалась вдвое моложе барона, больше помалкивала, зато угощала с той знакомой, с той теплой мещанской простотой, что Александр Васильевич по-стариковски расчувствовался.

Живописных шедевров в квартире управляющего имением не оказалось — Ступин немало нагляделся на картины в помещичьих усадьбах, желанный сеттер с умными глазами утвердился на полотне скоро, и художник, получив за труды, откланялся, вовсе не предполагая, что это случайное знакомство с баронской четой будет иметь какое-либо дальнейшее продолжение.

Однако случилось так, что Григорий Карлович вновь пожаловал в школу. Его направил к Александру Васильевичу купец Безобразов, жил такой в Арзамасе. Подивитесь-ка: купец умен, образован, знал иностранные языки, тяготел к книгам, к изящному — такой должен был любопытствовать о Ступине, искать его дружеского расположения. И Безобразов обрел это ответное расположение. Время безжалостно отнимало у художника одного старого приятеля за другим, а здоровая старость без друзей не может.

Их встречи часто начинались с шутливых речений. Михаил Федорович, как всегда с иголки одетый, был шумен в своей молодости. По ревизской сказке 1850 года ему было тридцать три года.

— Ну, как вы тут?

Александр Васильевич давно заждался молодого приятеля, раскинул руки.

— Вашими молитвами! Живу, Мишенька, анахоретом, мешаю дело с бездельем...

— Уж будто бы! Александр Васильевич, я к вам нынче от изящной словесности с сюрпризом-с! Слушайте, к вашему удовольствию!

Академик не выдержал.

— Брось ты, Михайла, эти басоны пустословия. Говори просто, что такое?

Безобразов не унимался.

— По всей России мчат ныне в тарантасе славу о вашей школе!

— Михайла...

И тут купец ухватился за сверток, что принес. С шумом развернул синюю бумагу, коей в те времена обертывали знаменитые головы сахара, раскрыл небольшую книжку и, надуваясь от важности, начал читать, вначале предварив, что на страницах книжки разговаривают некий князь с неким Иваном Васильевичем.

— Вот что, господин академик, вещает князь: «У меня в особенности замечательно собрание картин». «Итальянской школы?» — спросил Иван Васильевич. «Арзамасской школы... Вообразите, у меня целая галерея образцовых произведений арзамасских живописцев». «Вот те на!» — подумал Иван Васильевич.

— Ну, как, господин академик?! — потрясая книжкой, Безобразов вскочил с дивана, пощелкивая пальцами свободной руки, едва не бегал по кабинету. — Лестно, небось?..

Ступин сидел в кресле с ярким старческим румянцем на щеках. Самодовольно поглаживал редеющие бакенбарды.

— А что-о, Мишенька... В какие только края не разошлись портреты и картины моих питомцев. По всему Поволжью и до Астрахани. В Сибирь даже, вон пишет мне из Иркутска питомец... Продаем здесь в чистом трактире, на Нижегородской ярмарке — по всей России красота расходуется, а красота-то, Мишенька, у многих нравы умягчает — помни!

Безобразов приостыл, сел на диван и поворчал:

— Сколько раз вам советовал: что ваши работы, что ученические — подписывать их надо! После същутся люди, головы ломать станут, кто творцом-то?!

— Это ты с верным упреком: время стирает и деяния, и имена. Ну, спасибо, виновник моего удовольствия. А чье сочинение?

Михаил Федорович ждал этого вопроса.

— Некий граф Соллогуб. Доложу вам, что сей предмет изящной словесности хвалят и записные критики, я читал. Короче, ура, господин художник! Мадерцы не прикажете ли на радостях?..

— Эк ты в мой адрес разнежничался... Прикажу, прикажу, дерни за звонок. А книгу оставь прочитать. Я закажу ее купцу Бебину, пришлет из Москвы...

Принесли вино, Безобразов картинно смаковал его, опять оживился.

— Александр Васильевич, возрадуйтесь и возблагодарите меня еще раз: сыскал я вам нового ученика.

— Кто таков?

— Надворного советника сын...

— Чего ты мелешь, Михайла. Мыслимо ли птенца Такова!

— Достоверно! Сын барона Криденера спит и видит оказаться в вашем храме искусств.

— Постой, это какой же сын? У барона столько детей...

— Ведомо ли вам... Криденер женат дважды. Первый раз у него супругой баронесса Розен, от нее две дочери... Последний барончик объявился, когда Григорию Карловичу стукнуло шестьдесят — какой молодец!

— Ты что, вхож в семью управляющего?

— Кой-что в моей лавке господин барон обретает, а потом стакнулись на охоте, оно веселей вдвоем-то блукать по болотам. Так вот, старший Криденера, Василий, просится. Скажу на ушко: побочный он сын, родился от Акулины Ивановны до брака. Барон и хлопотал после, да синод отверг все прошения. Короче, не носит Васенька отцовской фамилии. Теперь закончил наше уездное училище, начинал было учиться в губернской гимназии, но не поладил там с учителем французского. А здесь жил у Фаворского...

Академик приложил персты ко лбу. начал припоминать.

— Как же, как же! Сказывал мне как-то Фаворский, есть-де ученик у него, все рисует и рисует. Что же, милости просим! Только отчего для юноши не избрано иное поприще?

— Да так я понимаю, что Григорий Карлыч смотрит на занятия сына серьезно, уважает его увлечение. Вот только Акулина Ивановна встает, как кошка, на дыбошки. Живописное ремесло — дело-то, дескать, мещанское. И боится дурного, якобы, влияния ваших воспитанников. Уж я толковал ей: за полвека Ступин образовал не менее ста художников, и многими из них гордится не только он сам, но и Академия художеств! Отечественная печать не раз и возвышенно писала о нашей Арзамасской школе, а ее основателю за труды, что направлены к благу общему, наградою российские ордена. А что касаясь поведения питомцев Александра Васильевича — тут более рассказней, и рассказней анекдотических... Пустые наветы!

Ступин не выдержал, пристукнул сухими стариковскими ладонями по вышорканным подлокотникам кресла.

— Вот оно, из грязи да в князи! Ужотка, при случае, вразумлю ту Акулину. Да в искусстве ныне граф Федор Толстой, барон Клодт, князь Гагарин, а дворянин Федотов простолюдинов пишет. Экая дуреха Акулька, право! Только без переносу, Михайла.

— Я не переносчик!

Вскоре Криденер привез сына к академику. Васе шел четырнадцатый год. Старый барон, похоже, был на поводе у своей Акулины и тотчас оговорил, что Василий на пансион к господину Ступину не перейдет, будет занятия посещать три раза в неделю. Его будут возить из Саблукова...

— Можно и так, — согласился Александр Васильевич после того, как осмотрел рисунки подростка. — Смелости у Васиньки в карандаше хоть отбавляй, но рисовальной грамотности маловато. Но будет усидчивым — придет грамота, придет все!

По-февральски вьюжило за окном, и улица, двор, сад — все было в мятущейся снежной круговерти, и художник упросил барона разделить с ним одинокую трапезу. После обеда Васю увлек недельный дежурный осмотреть школу и галерею, а старики укрылись в кабинете.

Криденер после вина впал совершенно в меланхолическое состояние и по-стариковски жаловался на судьбу свою — он был так одинок на белом свете...

Ступин терпеливо выслушал пространный рассказ о родовой барона, о бывших служебных тяготах в Тобольске и Архангельске, а напоследок в Самарской губернии... Когда замолчал необычный собеседник, академик вспомнил и о своем:

— Простите великодушно, господин барон. Ваш сын попадает в число моих учеников, я каждый год обязан представлять академии списки ребятки. Я слышал...

Криденер грустно усмехнулся тонкими бледными губами.

— Я вас понял, господин академик. У Василия крестный отец — фамилия Васильев. Но мальчик настаивает писать его Перов.

— Что так?

— О, это простой история. Имели мы проживание село Кольцовка Самарской губерния. Сын учился у служителя церкви, тот отличался каллиграфией, назвал Перовым. Пусть будет Перов! А на рисовании мой кнабе помешался после вашего визита, помните? Все стены в доме портил, моя Акулина Ивановна в ужас приходила. С гравюр копии делал, потом я водяные краски покупал...

Не часто школу Ступина посещали бароны, а потом Александр Васильевич немного тщеславился, не без того...

Охотно показывал он свое детище разным любопытствующим из господ и в той надежде, что увидят они полезность его заведения, разнесут добрую молву о нем по градам и весям, а там, глядишь, кто-то и решится направить в школу способного парнишку. Академик не забывал напомнить заезжему гостю, что у него пансион — только одежду воспитанникам не дает, что годовая плата за учебу и содержание ученика вполне умеренная...

Прошлись учебными классами и по мастерской, где писали старшие ученики, по сухощавому лицу Криденера, по тому, как напрягалось оно в открытом внимании, уловил Александр Васильевич: нравится гостю его школа.

А в галерее картин и гипсов — здание галереи стояло особняком на усадьбе и торцом выходило на Прогонную улицу — барон пустился в откровенные похвалы. Остановился у «Пилигрима» старого немецкого мастера, у «Вирсавии в саду» — работы итальянца, долго любовался на полотна Тициана, Сублера и Лазарини...

— Очень прекрасно у вас собрание. И — русские: Левицкий, этот Егоров, Акимов — высокие образцы...

— Светы мои, ученики-то, бишь, недурно копируют, да и свое пишут изрядно. Работы моих воспитанников академия награждает медалями, она же и аттестует лучших...

Прощались почти дружески. Ступин проводил барона до передней.

...Вася Перов оказался нелегким мальчиком в школе. Он вошел в тот опасный возраст, когда определяются многие наклонности... Он считал себя бароном, хотя знал, что не носить ему этого титула. Родители, считая себя виновными в том, что ребенок родился до брака, кажется, чрезмерно оказывали ему всевозможные знаки внимания, и это вот сказалось теперь, развило в мальчике и самолюбие, и мнительность. Вася чурался своих сверстников, и они платили ему тем же, часом, за спиной открыто посмеивались над ним.

Школа академика в эти конечные сороковые годы начинала уже переживать заметный упадок. Нет, Александр Васильевич был еще бодр, до конца дней своих он сохранил ясность ума и не знал, что такое душевная лень. Но без талантливых помощников, каковыми были сын Рафаил и зять Николай Михайлович Алексеев, уже ходивший в академике, постоянно обремененный хозяйственными хлопотами, он уже не мог доглядеть за всем, на все-то его уже не хватало. Но не это, пожалуй, было главным. Изменился состав учащихся в школе. Признаем, что помещики-то были не дураки, в заботе о собственных прихотях они посылали к Ступину подлинно одаренных. А потом крепостные скоро осознали, что только серебряные медали академии высветят им путь к свободе или уж к сноскому существованию у барина. С середины сороковых годов в школу приходят все больше разночинцы. Не все из них готовы были к трудной стезе творящего художника.

Они торопились, не отдавались полностью учебе, чаще думали о ремесле иконописца, а иные ожидали приятностей жизни... Так падала дисциплина, так не всегда достигали целей усилия академика в классах. Вот почему в эти годы Александр Васильевич особенно радовался, если к нему попадал способный парнишка. Ему-то он отдавал все, что знал, что мог отдать. И в часы занятий, говоря всем, он все таки больше-то смотрел в глаза Перову:

— Ну, светы мои... Довольно трактовал вам о перспективе линейной, а також о перспективе воздушной... Мы познакомились и с основами анатомии, разбирали каноны древних, особливо канон великого Леонардо. Я рисовал вам окружность, вписывал в нее человека, и мы считали, находили соотношения отдельных частей человеческого тела. Скажу последнее: в классическую фигуру высота головы укладывается примерно восемь раз...

— Не многонько ли?

— Древние считали не многонько. Их статуи, что полны благородной красоты, как раз и доказуют нам принципы прекрасного. Позволю себе замечание: ты, Васинька Перов, в своих вольных сочинениях сильно укорачиваешь человеческую фигуру. У тебя даже какое-то пристрастие к коротышам...

Перов, было, надул свои пухлые губы, его карие глаза обидчиво сверкнули, но он вовремя опомнился.

— Я, Александр Васильевич, изображаю не только героев давних, но и простых обывателей...

Ступин намеренно скоро оборвал ученика:

— Ну-ну, любезный! Погляди-ка на ребятку, что сидят рядом. Все они из простых, а уродов я что-то не вижу.

Класс одобрительно зашумел.

Академик поднятием руки водворил тишину. Неторопливо вытер холстинкой мел с рук, вытащил из жилета часы-луковицу — ба-ба-ба, пора кончать урок, дежурный скоро зазвонит на обед.

— Слушайте, светы мои. Скажу вам о заветном, и помните вы завет старика Ступина. Знаю, не каждому нравится, как вы говорите, конопатить рисунок того же Аполлона... Не торопитесь! Аполлон, как и все антики, — это соразмерная, выверенная во всем красота, и она непременно должна быть выражена карандашом на бумаге. Рука ваша должна помнить красоту и являть ее в случае надобности...

— Но прекрасным может быть и просто полезное...

— Так. так! — Александр Васильевич прошелся вдоль оконной стены класса — на улице вовсю пищали воробьи, радуясь яркому вешнему солнцу. — Так-так... — академик с прищуром посмотрел на Перова. — Согласен, в бытовании нашем сие зримо даже чаще, чем мы об этом думаем — Божья красота всюду, всем и каждому открыта, только остренький глазок иметь надо да головку умную... Вы готовитесь стать художниками. И вам должно усвоить вот что: одно прекрасное может довести и до пустоты, как и одно полезное — до грубости. Только мера, разумная мера того и другого — вот чем будет силен настоящий художник. А пока, Васинька, набирайся красоты, научай руку ее творить, а грубость, она придет сама, только не попусти ей. Ага, не то потеряешься как художник. Все, светы мои! Звонок, прошу к столу, искусство подкармливать надо!

В тот первый свой приезд в школу Криднер ненароком обмолвился, что нелады у него с помещиком — барину доходная часть имения кажется недостаточной.

Управляющему, дескать, надо изыскивать более выразительные способы приращения... И то, что предвидел барон, оно случилось. Григорий Карлович потерял место управляющего у Языкова — недостаточно выжимал из мужиков. Как-то, будучи в Арзамасе, Криденер заехал к Ступину просить совета по поводу найма квартиры для своей многочисленной семьи.

Александр Васильевич думал недолго: дом купца Попова, что напротив его школы... Да вон, с колоннами. Иван Алексеевич на вечном покое, жена уехала, а родичи ищут кому бы сдать. Хоромина деревянная, теплая, сад при доме большой — деткам будет раздолье.

— И рядом ваша школа для Василия. Пожалуй! — барон пожевал сухими стариковскими губами. — Это... взимайте за учебу Василия, как и с прочих. Одно мою половину беспокоит — атмосфера в школе. Как это в простой народе: земля слухом полная...

Академик махнул рукой.

— Полноте, господин барон! Где, в каких это краях сыщите вы тихих, квелых школяров. Мы с вами тож когда-то были куда порезвей. А светы мои — нет в них скверны развращения. Больше нелепицу, пустое городские обыватели разносят. А касательно дома — неча раздумывать, снимайте! И дайте слово бывать у меня запросто. Ей-ей очастливите.

Так между стариками завязалась нехитрая дружба. Художник, нередко страдаемый одиночеством, зачастил в городской дом Криденеров. Григорий Карлович охотно музицировал на скрипке в присутствии гостя, а Акулина Ивановна ублажала соседа рыбными пирогами, до которых арзамасец был с детства большой охотник.

Василий успевал в учении. Кроме того болезненного подчас самолюбия, жило в мальчике с дворянской кровью и другое хорошее: устремленность, осознанное уже желание вполне овладеть тем, что он избрал себе главным для всей будущей жизни. Это гордое, честолюбивое устремление своего ученика Ступин поощрял, полагая, что всякая налетная шелуха, липнувшая к юности, после отлетит, останется же волевой человек и настоящий художник. В случае с Перовым так и вышло. В 1849 году Криденер нанят управляющим имением помещика Михайлова, что в деревне Пиявочное Озеро, или попросту Пияшное, как говорили тогда. Это тоже в Арзамасском же уезде, в лесной и озерной его части. Барон доволен: окрест деревни простирались прекрасные охотничьи угодья. Перед отъездом из города Криденеры пригласили на обед. Длился он, как и водилось в провинции, долго, переговорили за столом обо всем. Барон все больше горячился по поводу революции во Франции, Германии и Австрии, а Акулина Ивановна опять озаботилась положением любимого Васиньки — как-то он теперь без ее догляда?..

Александр Васильевич, наконец, решительно отодвинул от себя чайную чашку, вытер фуляром лысеющий лоб и принялся успокаивать хозяйку:

— Полноте! Не извольте беспокоиться, матушка! У вашего сына отличные нравственные задатки. Вот у вас намерение взять Васю в деревню. Ну что станет там делать? Читать Марлинского да гонять зайцев. Поймите, еще раз свидетельствую: у юноши несомненный талант. Это я верно говорю. Грех, грех губить дар Божий...

Криденеры уехали, и большой дом с белыми колоннами опустел, опять сиротливо затих. Василий перешел к академику на пансион, стал жить вместе с учениками. В эти годы в мезонине школы было просторно...

Он был нетерпелив, тянулся к краскам, но Ступин неизменно умерял юные порывы.

— Краски, Васинька, никуда от тебя не денутся. Как овладеешь вполне рисунком, они сами явятся доброй наградой. Не торопи себя к празднику! Посиди-ка еще возле гипсов. Ба-ба-ба... Глянь ты на свой лист, щека-та Александра Великого тово-

с, не от зубной ли боли отвисла... Возьми стирочку, удали, удали лишнее...

Василий взглянул на бюст, на свой рисунок — а и верно... И принялся наминать кусочек хлеба. Как всегда, прав он, учитель!

— Вот так! — академик полюбовался законченным рисунком и вдруг подобрел. — С той недели, пожалуй, приступай к живой натуре. Помни, до сих пор ты уяснял, как я сказывал, красоту линии, а на живой натуре тем же карандашом, сангиной, краской ли подавай мне и анатомию, и световое пятно!

Шли дни, месяцы. Однажды Василий не вытерпел. Выбрал грунтованный картон и, крадучись от всех, начал копировать в галерее «Старика» Брюллова, работа подходила к концу, когда академик застал Василия у мольберта, юноша успел незаметно положить кисть, сделал вид, что рассматривает чужую работу.

— Это кто у меня тут копирует? — спросил Александр Васильевич и, довольный, хмыкнул. Медленно отошел от картона, упер руки в бока и опять хмыкнул. — А недурственно, весьма похвально. Глаз у автора зрячий, право!

Польщенный похвалой, Василий сознался в самочинном начинании.

— Я пробовал...

Ступин не поверил:

— Ужели...

Он ухватился за отвороты своего коричневого сюртука и едва не забегал по галерее. Всегда ласковым словом охотивший своих воспитанников к работе, не сдержался и сейчас. Нагнул седую голову к картону.

— Хорошо, миленький, цвет чувствуешь. Только вот тут добавь-ка светлой мумьицы, положи тени... Ну, что же пришла весна, соки вон в саду тронулись в яблонях — не удержать! Теперь пиши красками, пора! Стой — постой! Все ж не умолчу: возвращаю твой ум к верности рисовки. Рисунок, повторяю, у тебя еще не на академической высоте. Теперь вот попробовал красок, явится охота писать. А если доведется работать многофигурье картины, там ведь поначалу рисунком умствовать надо. Так что, точи, точи еще карандашом, не забывайся.

Закончив копию, Василий впервые пережил счастье трудной творческой работы.

Работа в галерее, а копировал юный художник не раз и не два, давала немало. По крайней мере Василий учился видеть картину, а картины у Ступина были отличнейших западных и отечественных мастеров. Действительно, разнообразие композиционных приемов, живописной техники, колорита, постепенное вхождение в художническое мышление предшественников — все это хорошо обогащало Перова, сладкий дурман подстегивал его рвение, по-особенному мучил, но и льстиво обещал... Конечно же, были и неудачи, трудно, очень трудно поначалу давался натурный портрет — негодовал в такие часы сидения за мольбертом Василий на свою ужасную беспомощность, на свою «деревянную» руку. Он худел, искал уединения, обегал товарищей по школе. Их было немного, шесть человек, жили они, к сожалению, одним мнением... Перов очень жалел, что отошел от академика — кончил учебу и уехал в Нижний Николай Рачков. С тем чем хочешь делиться, а потом молодой человек был и заступником. Теперь вот на него, Василия, Гусев с наскаками. Встал не так, не так взглянул, «барона» из себя не корчи... А на днях этот Гусев, как грязью облил, намекнул на обстоятельства рождения. И чего они лезут со всем этим!

Мало-помалу назревал конфликт, и он скоро разразился.

Как-то за обедом Василий плохо ел — работа не ладилась. Опять, по слову Александра Васильевича, «сгрубил» натуру. Нет, не в прямом смысле, в этом словечке учителя таилось много побочных определений...

— Господину барону не по нутру мужицкая каша... Тогда, может быть, в город, в ресторацию Монахова. Там осетринка, расстегаи, пироги с вязигую... Ах, да у барона в кармане вошь на аркане да блоха на цепи...

В глазах у Перова потемнело от ярости: сколько же можно этому Гусеву... Далее, не помня себя, Василий схватил чашку с кашей и запустил ею в давнего обидчика. Тот взвыл, все повскакали с мест, кто-то кинулся в дверь, побежал к Ступину.

Он был так сильно взволнован случившимся, так внезапно ослаб, что еле-еле дошел до кабинета учителя. Василий встал у порога — далее ноги не несли.

И академик что-то ходил с утра раздраженным: старость частенько ворчлива по поводу и без повода... Александр Васильевич грузно осел в кресло, лицо его в ободье седых волос занялось краснотой.

— Ну-с, что будет вашим оправданием? Дерзок не по летам!

Внезапно Василий успокоился. Он вдруг решил, что уйдет из школы и уйдет навсегда.

— Господин Ступин...

Академик тяжело поднялся из-за стола.

— Такая запальчивость! Как это возможно, Василий? Экая у тебя поноровка: чуть что и гордыня наружу. Нет уж, изволь выслушать. Родители мне доверяют детей под отеческий надзор. А случись что у Гусева с глазами — кому кормить калеку?!

— Господин Ступин... Я уже не раз подвергался тут всяким открытым оскорблениям. Я испробовал достойные меры самозащиты: молчал, отвечал примирительно... Долго я себя сдерживал, но ведь есть и границы. Они — завистники, они сговорчиво мучают меня мелкими насмешками, походя бросают грязные намеки на мое рождение, на родителей. Присмотритесь, они не оправдывают ваших добрых ожиданий, их поведение... А Гусев несносен! Я виноват, конечно, поступил дурно, я себя уж не помнил...

Александр Васильевич едва ли не впервые слышал открытый укор в слабом надзоре за своими учениками и потому не снес этого укора.

— Господин Перов! Хоша вы и благородной крови... У меня перед искусством все одинаковы. Сейчас же извинитесь перед Гусевым за свою выходку. И стыдитесь хулить сотоварищей за их спиной — это искони осуждается строго. Это недостойно вас!

Василий ухватился за ручку двери, его душила обида.

— Господин Ступин, вы не хотите понять. Знаю, не мне тут с упреками... Я благодарен вам, вам приношу мои извинения, но Гусеву кланяться не стану. Никогда! Я ухожу из вашей школы...

Художник подошел к Василию.

— Постой, как же так... Прискорбно же, Васинька. Я возлагал на тебя столько надежд, родители не менее того... Куда ж ты... У меня же школа, академические начала... При твоих-то способностях. Да посиди ты усидчиво еще год-два и не минут тебя медали академии, а там и прямая дорога в ту же академию на дальнейшее совершенствование таланта. Не отринь судьбу художника, решай! Я ж не своей корысти ради...

Перов медленно кивнул, медленно, уже в какой-то тихой своей задумчивости, вышел. Он никого не встретил ни в передней, ни в жилой комнате мезонина школы. Быстро собрал свои немногие вещи в чемодан, уложил в папки рисунки, картоны, спустился вниз и сошел со двора, чтобы уже никогда более не

возвращаться в школу. И он никогда не узнал, как жалел старый академик о потере своего последнего лучшего ученика.

От Балахоники до Пиявочного Озера дошел пешком.

Тянулось начало осени, стояла еще теплынь, и так славно шагалось мимо притихших полей и пожелтевших перелесков.

В деревянном флигеле помещичьего дома в крохотном кабинете управляющего Григорий Карлович в энергичных выражениях высказал недовольство поступком сына. Захлопнул толстый гроссбух и больно укорил сына:

— В нижегородской гимназии у тебя афронт с учителем вышел, в Арзамасе в уездном училище себя возвышал над другими. И вот у господина Ступина... Зер шлехт! Надо это... уметь ладить с людьми, это тоже есть искусство и очень нужное искусство.

— Так несправедливость была, фатер!

— Эх, мейн херц, мейн либе мадер... — вздохнул старый барон, перебирая на письменном столе свои бумаги. — Тебе — семнадцатый... Жизнь столько еще и таких несправедливостей окажет, что сей случай после при воспоминаний только, как это..., потешит!

Вернуться в Арзамас Перов наотрез отказался.

Акулина Ивановна радовалась перед мужем:

— Все, кончилась у Васиньки рисовальная блажь. Ишь, в мазуны захотел. Ученики Ступина на примете у города. Да они бы и Васю совратили!

Случалось, Криденер решительно противился супруге, укрощал ее молодой задор. Он и на этот раз защитил своего приятеля:

— Сударыня, не ваша ли позиций: не суди, да не судимый будешь... Ну, бывает какой случай. Не без того, люди молодые. Да мы, студенты, прежде в Дерпском целому городу спать ночами не давали, тож вольничали, случаем...

Не сбылось по желанию, по слову Акулины Ивановны. Поохотился осенью Василий на дичь, по снегу погонял зайцев, не без того, почитал романы Марлинского, да и принялся за свое, уже любимое. Появилась у него бумага, краски, грунтованный холст, и все чаще Перов припадал к ним.

Он после не мог припомнить, когда, работая над каким полотном, впервые пришла к нему эта обманчивая уверенность молодости, что ему вполне покорились краски. Обрадованный, он все чаще стал пробовать свои силы в портрете. Написал отца, да и всех домашних.

Не сразу, не вдруг понял Василий, что у него не хватает профессиональной выучки, что работать портрет особенно трудно, сложно добиться, чтобы портретируемый сам заговорил с полотна о себе полным голосом.

Он написал и себя. Этот поколенный портрет сохранился, ныне экспонируется в Киеве, датирован 1851 годом. Портрет очень личностный, достоверность всего видимого там видна во всем. Он выдержан в строгой цветовой гамме. Глядя на полотно, что написал Восемнадцатилетний юноша, удивляешься, как много успел взять Перов от уроков своего первого учителя, как внимательно пригляделся он к тому живописному богатству, что было сосредоточено в школе Ступина.

В этот год Василий написал и еще творческие работы: «Нищий, просящий милостыню», «Деревенская тройка», «Народное гулянье в Семик». Эти полотна в свое время находились в собрании князя П. П. Кутаева в Арзамасе.

..Летом в Пияшном было славно. С холма, где стоял помещичий дом, открывались красивые дали. На одной стороне густо зеленели леса Чернухинской округи, а внизу, за крутым берегом, блестело голубое озеро в пояске светлой высокой осоки. За озером, за серыми крышами мужицких изб с прикорнувшими к ним кудлатыми ветлами растекались разливы хлебных полей. И столь много было над головой бесконечно изменчивого в красках неба...

Он часто ходил на охоту и рыбалку. Рядом всегда сверстник Иван из крепостных. Дворовый отличался красотой, сметливостью, Василий почти не отпускал его от себя.

Случалось бывать с отцом в Арзамасе, и Василий всякий раз ловил себя на том, что его тянет на Троицкую площадь, оказывается, он с завистью смотрит на красивый дом с итальянскими окнами. Встречал в городе учеников Ступина. Они сговорчиво призабыли случившееся и откровенно звали в школу, жалели, что он ушел от них — хуже бы не было...

..Однажды под впечатлением великопостной службы в церкви Перов задумал написать «Снятие с Креста Иисуса». Иван охотно натянул холст на подрамник, загрунтовал его, натер красок. Василий был уверен, что с рисунком справится, но писать обнаженное тело...

Пришло скорое решение:

— Будешь ты, Иван, мне натурщиком. С тебя писать стану.

Вдвоем парни сколотили большой крест, ввинтили в местах, где должны были находиться руки и ноги, железные кольца. Крест поставили в темном углу гостиной. Раздетый Иван поднялся на полочку для ног, продел руки в кольца и обвис. А Василий ухватился за карандаш.

Долго в железных завертях Иван не провисел, сменили их на веревки, и все-таки пока объявился на холсте рисунок парень намучился довольно... Полтора месяца писал Перов «Распятие». Полотно явилось как бы отчетом перед отцом и матерью, а главное — проверкой своих сил. Очень хотелось думать, что картина получилась, отец, вроде, искренно похвалил, а он ведь знаток...

Василий решил отдать «Распятие» в Коваксинскую церковь. Стояла весенняя распутица, теплый ветер рушил последние снега, в оврагах снежные заносы набухали мокрой синевой.

Священник одобрил полотно, но прихожане не согласились с пастырем. В крестьянах все еще крепко держался дух старообрядства, и они тотчас усмотрели в картине несогласия и в положении рук, да и тело Спасителя было слишком плотским — духовности мало!

Мужики попросили переписать образ, но Василий отказался. Возвращался домой он удрученным, как-то не заметил в овраге поджидавшую его опасность. Шагнул вроде бы на дорогу, но она стала проваливаться, крошиться под ногами — он едва выбрался из оврага, едва не утонул в ледяной воде.

Спасла русская баня, да «свои пособия» Акулины Ивановны. А ведь послушался Василий советов мужицких, поправил руки, приглушил «живство» и светлые места в фигуре Христа — правильно, по Евангелию-то темнота на землю пала после смерти Спасителя... На этот раз юный художник понес свое полотно в село Никольское. Здесь священник и прихожане тотчас согласились принять дар, картина стала запрестольным образом.

Случилось опять Криденеру быть по делам в Арзамасе, и не преминул он заглянуть в дом к Ступину. Старому художнику исполнилось уже 76 лет. Лучшие времена Арзамасской школы рисования и живописи прошли, но сам академик еще держался бодро, он сознавал, что прожил долгие годы не даром. Более ста сорока

художников вышло из его школы. Двенадцать питомцев удостоились от академии серебряных медалей. Около шестидесяти стали преподавателями в различных учебных заведениях, трое завели свои школы в Пензе, Нижнем Ломове и Козлове...

— Э-э-э... Почесть года два уж не виделись, герр барон! — искренне радовался Ступин.

В гостиную за кофе Григорий Карлович не без гордости рассказал о домашних занятиях старшего сына. Старики не стали вспоминать о причине ухода юного Перова из школы — деликатно пощадили один другого, да и вправду — зачем уж было ворошить, прошлое. Александр Васильевич искренне порадовался:

— Значит, приохотил я Васиньку к живописи. Я же сказывал: талант! Да-а, у него задумчивая душа, душа художника. Григорий Карлович, учить далее сына надобно. Везите вы его в Петербург, в Москву ли. Ему теперь академическая выучка очень и очень нужна!

В том же 1852 году Василий Перов, записанный в Арзамасское мещанство как воспитанник барона Криденера, был отвезен в Москву для поступления в училище живописи и ваяния. Там после просмотра его рисунков юноше объявили, что он непременно займет место в училище. Но заниматься в нем Василий стал только с осени 1853 года.

В училище Василий учился долго — семь лет, до 1861 года. И все это время он числился арзамасцем. В архиве Воскресенского собора в исповедальной книге представлен состав семьи барона Криденера:

«1854 год. Григорий Карлов Криденер — 80 лет. Жена его Акулина Ивановна — 37 лет. Дети: Василий — 19 лет, Мария — 17 лет, Григорий — 16 лет, Николай — 10 лет, Леонид — 5 лет, Анатолий — 1 год».

Тот же состав семейства в 1856 и 1857 годах с тем только добавлением, что «за нерадивостью и отлучками у святого причастия не были дети же по три года, Василий за отсутствием — четыре года».

Быть приписанным к мещанскому обществу — значит платить определенную подать, быть готовым нести и рекрутскую повинность.

В апреле 1861 года на имя арзамасского городского головы пришла казенная бумага из Нижнего Новгорода от губернатора А. И. Муравьева, которая содержала и текст делового письма из Москвы. В нем говорилось, что Василий Перов, подлинная фамилия коего Васильев, «обративший на себя внимание своими способностями и за отличные успехи в живописи удостоенный Императорской академией художеств двумя серебряными и одной золотой медалью, по бедности своей не может исходатайствовать от Арзамасского мещанского общества увольнительного свидетельства, без которого затруднится дальнейшее его художественное образование.»

И далее шла просьба о выдаче увольнительной.

Из уважения к художнику арзамасский городской голова выслал временную увольнительную и присовокупил: «Для того, чтобы ему, Васильеву, быть совершенно свободным, необходимо получить от Академии художеств удостоверение звания некласного художника с совершенным исключением из податного сословия, подобно тому, как один из арзамасских мещан Иван Матвеевич Свешников исключен Казенною Палатою по Указу правительствующего Сената по 1 департаменту от 10 декабря 1857 года за № 55, 377 и такого рода переходом он и себя и общество (мещанское) мог избавить от платежа податей и не быть привлеченным к отправлению рекрутской повинности.»

Содержание ответа арзамасского городского головы, только теперь уже за

подписью нижегородского гражданского губернатора А. Н. Муравьева пошло в Москву вместе с временным увольнительным свидетельством 26 апреля.

Доходили до Арзамаса и другие известия о Перове, извещался о трудах своего бывшего ученика Ступин.

Получал престарелый академик из Петербурга письма от внучек Екатерины и Елизаветы, писал зять Алексеев, все еще работавший над мозаиками для Исаакиевского собора. Нет-нет, да и объявлял он новости из мира искусства. В 1856 году Василий награжден Малой серебряной медалью за портрет своего младшего брата Николая. Порадовала Ступина и весть о вручении Перову Большой серебряной медали за картину "Приезд станового на следствие". И только с третьей радостью запоздал Алексеев. Сразу-то не собрался написать тестю в Арзамас, а потом пришло печальное известие: не стало Александра Васильевича... А как бы гордился Ступин: Большая золотая медаль его Васиньке за картину "Проповедь в селе"! Почти два года паренек у него в школе пробыл, порисовал в меру, уже и маслицем старался — обрел немалую выучку. Предрекал, предрекал Ступин своему питомцу завидное будущее!

...Один из документов Департамента полиции в 1869 году извещает Нижегородского губернатора, что художник Перов выехал в Нижний. Губернатор в свою очередь сообщал 8 августа арзамасского уездного исправника, что в уезд прибудет академик Перов, которому надо оказать содействие.

Этот год оказался тяжелым для Василия Григорьевича. Внезапно умерла жена Елена, а вскоре, внезапно же, двое старших детей: сын и дочь, в живых остался младенец Владимир.

Искусствовед О. А. Лясковская — биограф В. Г. Перова, утверждает, что Василий Григорьевич побывал в Нижнем Новгороде и Арзамасе в 1870 году: «Поездка в Арзамас, — пишет она, — по-видимому, была продиктована желанием повидать места, где прошла его юность. Возможно, там проживали его родственники».

В Нижний мог позвать младший брат Анатолий Григорьевич, кончивший в 1870 году Нижегородский дворянский институт.

Надо думать не очень-то веселой выпала эта встреча с Анатолием. В 1865 году умер отец на 92 году жизни. Он оставшийся старшим в роду, еще успел пожить в

желанном фамильном замке в деревне Суслеп под Юрьевом.

Кажется, Акулина Ивановна в последние годы уже не жила со своим живучим супругом, предметом ее забот оставались младшие сыновья Леонид и Анатолий. Попутно скажем, что баронесса из мещан надолго пережила и мужа, и своего любимого Васиньку. Она скончалась в 1909 году от холеры в возрасте 95 лет.

...Дорога в Арзамас скучная, возница лошадок лишний раз не бодрил бичом, ругаться с мужичком бесполезно, оставалось одно: взирать на бесконечную череду лесов и крестьянских полей да предаваться назойливым невеселым мыслям о своем вдовстве и о той, еще не встреченной, которая станет мачехой малому сыну.

Давно ведомо, что творческие люди — это вечные одиночки, и всю жизнь они говорят сами с собой — созидают себя, чтобы затем, хоть отчасти, поделиться своим со сторонними людьми: картиной, поэтической или прозаической строкой, изъятая из небытия музыкальной фразой...

Уклончивая дорога привела к сосновому бору, колеса тележки запрыгали, застучали по оголенным корневищам старых деревьев — художника затрясло, заболтало и потому, верно, пришло на ум, что в последнее время его стала вот также бесцеремонно трясти судьба. В работе-то он от успеха к успеху... А вот не роковое ли это: внезапная гибель жены и двух старших детей! Что это?! Не наказание ли свыше... Он невольно уже приходил к этому прежде и всякий раз не принимал скорой догадки — разум не мирился с таким предположением. Он приказал себе не думать о назойливом, но перед самым отъездом из Москвы случайно в Третьяковке от двух безвестных — они стояли около его нового полотна и говорили о нем то, что потом и вызвало пугающее предположение. Не знали вовсе любители живописи, что рядом мучается судимый. Тот, что повыше и поплотней, с напояженными пегими волосами, вкрадчиво убеждал своего спутника:

— Пойми, Перов не только священство на посмешище выставил своим “Крестным ходом”. Он же открыто поглумился и над православием! Синод запретил показ картины в галерее, так наш бытописатель в своей гордыне изобразил еще и пьящих монахов в “Монастырской трапезе” — весьма натурально представил, этова у Перова не отнять...

Второй безвестный согласно кивал головой, также вполголоса прикладывал словом:

— Он, Перов, по отцу-то, сказывают, из прибалтийских немцев, поди-ка, протестант нутром, вольно ему стегать нашенское. А чево ради, какая уж такая надобность? Да ради вящего успеха у разного рода либералов и безбожных нигилистов. Сказывали, что синод его, внебрачного, усыновить родителю не дал. Баронства лишился, но злбиться-то зачем — таково ж древнее установление, законность такова-с!

Наконец с пригорка увидел художник над ровной щетиной чернораменья белые верхи колоколен — узнал первую приметку Арзамаса, и тотчас потянулся к нему памятью, теплым душевным всполохом: предстояла скорая встреча с городом своей скоротечной юности и незабывного ученичества.

Неожиданно для себя вдруг с жаром принялся уверять: подлинно главным-то в жизни оказывается школа Ступина. Теперь вот сам преподает он в Московском училище живописи и ваяния, его прочат в профессора... Все верно: в Арзамасе само собой утверждались наивные стремления к природе, к естеству бытия, к бесхитростному самовыражению ступинских учеников. И все это запало, запало и в тебя, Васинька! Потому теперь и собираются у твоих полотен толпы, потому и стали называть Перова отцом русского жанра.

Опять сильно потрянуло тележку, Перов почувствовал боль в боку и осекся в мыслях: гляди, куда тебя понесло — не заносись! Если ты отец жанра, тогда кто же

такой Венецианов, Федотов, что так выразительно показали народные низы. Слушай, а не иллюстратор ли ты Некрасова? Вот-вот, раздаются и такие голоса...

Только вечером, после деловых часов в Мещанской управе, художник пошел посидеть на козырек Верхней набережной — там, близ Духовской церкви ученики Ступина, бывало, любили сживать летними вечерами, глядеть на приглушенные краски речного понизовья, на тонущую в синеве белизну Выездновской церкви, на светлый еще рукав Теши и темнеющий взъём Высокой горы за северной чертой города. Так возвышенно говорили здесь об искусстве! А иной раз, вечером же, возвращались с Иваном Свешниковым с охоты. За Высокой горой в низкой заболоченной пойме, в густой травяной тиши водилось великое множество уток. На другой день у ступинцев появлялось приятное разнообразие за обедом...

Вот и тут, на краю узенького переулка, продолжал Василий Григорьевич все тот же разговор с самим собой, столь охотно тянул он его из Нижнего. Странно, столько прожил, но редко думал, да и не осмеливался, пожалуй... Конечно, главным — училище в Москве. Но исток-то ремесла твоего, Васинька, в этих вот краях: Саблуково, Арзамас, незабывное Пиявочное Озеро...

Какая досада, так хотелось увидиться с Иваном Матвеевичем, но Свешников, оказывается, уехал брать подряд на роспись церкви в соседний уезд. Посидеть бы вот на этом месте вдвоем, как встарь, и забыться, почувствовать себя тем давним мальчишкой...

Перова подняла с низенькой лавочки остро пахнувшая свежесть близкой реки — Теша под горой еще чуть поблескивала на открытых местах тусклым, гаснущим уже серебром. Следовало возвращаться в гостиницу, попросить в номер горячего чая да выпастся: завтра предстоит долгая тряская дорога в Нижний, дела он свои в городе управил.

Арзамас засыпал рано, но еще кой-где слабо светился бледными пятнышками окон.

Василий Григорьевич не спешил. Чуть подсиненная легкость небес припадала к земле, теплый свет дрожащего воздуха, таинство теплой сумеречи завораживали и как-то желанно расслабляли. Художник давно в маленьких городках пленялся той особой их вечерней и ночной таинственностью, которую и объяснить-то трудно, но которую чувствуешь как нечто особо наполненное, волнуемое для отзывчивой трепетной души.

...Так мягко растворялся узорчатый верх старинной Крестовоздвиженской церкви в бархатной синеве высокого неба, рядом еще освященная закатом блеснула северная боковина городского училища, в котором он когда-то так легко учился. Налево кротко, тепло помигивала горящая лампадка на угловой часовенке площади, а справа пугающе нависла темная громада Воскресенского собора — днем он кажется таким легким, юным, как и все, что являет из себя прекрасный облик греческих храмов... Перов вскинул голову и понял, что разом остановило его — легкий розоватый свет высоких-высоких облаков все еще искристо трепетал на золотом кресте главного купола.

Соборная площадь, окруженная церквями, показалась бесконечной, почти чувствовалось, как была налита она загустевшей тишиной с дразнящими запахами дневного базара. И, наискось пересекая ее, художник все еще продолжал в себе недавний разговор, начатый там, в Духовском переулке. Наконец-то сейчас он сказал себе, что именно Арзамас давно-давно стал для него родным и навсегда близким городом. Он, оказывается, в плену у этого тихого провинциального городка, в плену у всей русской провинции! Его полотна с показом жизни простых людей как раз это и доказуют! Тут — первая школа, тут началось робкое, святое вхождение в таинство волшебного мира рисунка и живописи. И земной поклон старику Ступину, которому немало обязан он своими успехами на трудной художнической стезе!

Из-за близкой Теши по рукаву пустой темной улицы несло таким сладковатым

дурманом спеющих яблок.

Мягко светился тусклый фонарь под яркой вывеской гостиницы...

Летом 1872 года Перов путешествовал по Волге и Уралу с тем, чтобы написать эскизы для задуманного триптиха о Пугачеве — Россия вспоминала события столетней давности — события третьей крестьянской войны еще помнились простым народом. Возможно, почти наверняка, пугачевскую тему подсказал художнику Владимир Иванович Даль, с которого Василий Григорьевич писал в этом году столь выразительный портрет. Возможно, во время сеансов автор “Толкового словаря” русского языка вспоминал, как в далеком 1833 году он сопровождал Пушкина в то же Приуралье для сбора материалов о Пугачеве и посоветовал художнику “взять” интересную тему.

Из Нижнего Новгорода Перов и приехал в Арзамас. На этот раз он съездил в памятное Саблуково и Пиявочное озеро.

На Троицкой площади, близ прежнего дома Ступина, Василий Григорьевич спросил у первого встречного местожительство Ивана Свешникова.

Чистенький старичок в потертом сюртучке старого покроя расцвел голубенькими глазками. Вначале отозвался на вопрос:

— Да-с, господин Ступин не порадовался бы вывеске полицейского управления на своем доме... Зять Александра Васильевича, академик Алексеев, дом-от наследовал. Крепко он засел в Петербурге, вот и продал дом городу. Я, конечно, касательства не имею, но и так сказать: полиция наша много лет без своего пристанища обитала.

— Как же, однако, сыскать мне Свешникова?

— А он, Иван Матвеевич-то, недавно, стал быть, мимо прошли. Предположение имею, что к столяру торопились. Рамы, знаете, для картин... Перехватить его можно вон там, на углу Попова переулка...

— Спасибо!

Свешникова нельзя было не узнать и теперь, через двадцать лет — очень уж размашисто ходил, а потом и буйны волосы на голове не поредели. Одет он был в белую русскую рубашку с широким ремнем.

После Иван Матвеевич рассказывал об этой встрече с “великим” Перовым:

— Где же сразу-то узнать, да и не чаял. Вижу, человек с худошавым темным лицом. Волосом черен, нос с горбинкой, густые усы, борода с проседью. Я его, Василия Григорича, только по темно-карим глазам и признал, по прищуре смешливому. Все мы у Ступина, рисуя гипсы, шурились, когда карандашом визировали... У него, у Василия, все как-то озорная смешинка — запомнилась!

*В. Г. Перов. 1833 — 1882 гг. Ученик школы
А. В. Ступина в 1847— 1849 гг.*

Этот уличный разговор — сошлись они на перекрестье Прогонной и Попова переулка — начал Свешников:

— Столичного гостя сразу видно... Грянул с облаков друже Васинька Перов...

Художники пригляделись и радостно протянули друг другу руки.

— Василий Григорьевич, сколько лет, сколько зим... Вот уж истинно, что гора с горой не сходится, а человек с человеком рано или поздно обязательно встретятся. Вы как в наш славный град?

— По Волге плавал, да вот сюда и завернул по старой памяти.

— Так и славно! Спасибо, разуважили. А я тут к столяру, с рамами у него заминка. Что же... Прошу ко мне пожаловать...

Перов попридержал за руку старого приятеля — того самого, кто не раз в школе Ступина без всякого там сговора при случае защищал от наскоков того же Гусева.

Василий Григорьевич смешливо прищурился.

— Ты, Ваня, у нас ведь в школе за старшего был, Ступина иным разом заменял. Да ты и годами меня постарше... Нет, дорогой, я как приезжаю в губернский город,

так музей ищут или уже иду на открытую домовую старину наглядеться. Служба отошла, но тут ты всем ведом, своди-ка меня в Воскресенский собор. Помню росписи Серебряковых... Работают они?

— В Саровский монастырь отец и сын ушли.

— Это они подвигом...

Свешников напомнил:

— Ты тогда, Вася, в Пияшное к отцу ушел... Свожу я тебя еще и в Рождественскую — наша знаменитость. Тон проектировал в готическом вкусе... Там настоящим чудом иконостас высотой в десять аршин — лебединая песня арзамасских резчиков. Десятью мастерами с позолотчиками потрудились в мастерской Федора Коринского. Скоро освящение храма...

— Добрую программу ты мне наметил, — порадовался Перов. Добро! А то ведь за стол потащишь... Знаю я вас, уездных хлебосолов!

— Да уж не без того же! — тряхнул кудлатой головой арзамасец.

Церковный сторож охотно впустил «знаменитого» гостя в загустевшую прохладу собора. Художники смиренно сняли летние шляпы и начали осмотр.

Иван Михайлович искоса следил за лицом старого приятеля и удивлялся тому, как Перов с каким-то открытым, детски чистым восхищением переходил от фрески к фреске, как внимательно припадал глазами к прекрасно написанным академиком Алексеевым образам Спасителя и Божией Матери.

— Какой храм, и как величественно представлена земная жизнь Христа... — с легким придыханием, опять по-детски простоудушно, откровенно сказал Перов, когда они спускались по каменным ступеням высокой паперти.

На залитой солнцем площади стояли легковые извозчики, Свешников и предложил гостю проехать вниз, на Рождественскую, но тот решительно сказал:

— К храму пойдём, Ваня, ножками, ножками...

И в церкви Василий Григорьевич больше молчал и только после, уже в притворе, обернувшись, еще раз углядев мерцающий золотом высоченный иконостас, сказал скорей для себя:

— Это же песня песней!.. Стиль рокайль — волшебное празднество! И это дело рук неграмотных, считай, мужиков. Ваня, сколько же в простом народе живет красоты...

Они медленно шли к центру города, и теперь-то Перов не умолкал:

— Я, Ваня, немало походил, поездил и одному радуюсь: богата российская провинция талантами. Несть им числа!

— Не обделил Бог! — нашелся с ответом Свешников. — Да нашим собором, таким вот иконостасом в Рождественской всегда будут удивляться люди.

— В этом и задача художника, чтобы удивлять мастерством потомков! — Василий Григорьевич намеренно польстил Ивану. — Согласен, арзамасские мастера втуне не останутся. Ну, а теперь веди в свой дом, друже, раскидывай скатерть-самобранку, вкусим от хлеба насущного!

За столом, за вином началось извечное: что да как, кто да где.

— По нужде в Арзамас или как?

— Душевные побуждения, Ваня. Все мы живем памятью. Завтра съезжу в

Саблуково, а потом в Пияшное...

Иван Матвеевич согласно кивал, тряс патлами густых волос.

— Это ты в самую точку, Василий, о памяти-то. Читаю о твоих работах на выставках. Стань перебирать названия картин — все они, почитай, из твоего прошлого. Помнишь, Ступин сказывал, что у тебя зрячие глаза. Вот смотрю на твоего “Рыболова” в журнале... Так и встает перед глазами наша тихая Теша у Ивановского острова. И не учителя ли уездного училища ты над водой поставил. Тоже ходил в очочках и уж на пенсионе носил красный фуляр на шее. Да ты помнишь! А твоя “Тройка”! Мы тут как-то заспорили в моей мастерской — до хрипоты спорили. Поземка, на втором плане каменная стена и круглая башня. Да ведь это же ребятки салазки с водой тянут вдоль стены Спасского монастыря! Да и твои “Охотники на привале”... Ты же тут, в наших местах ружье-то в руки взял. Помнишь, как славно охотились мы с тобой за Высокой горой? Комар только заедал...

Перов, не торопясь, смаковал вино, поглядывал на разгоряченного Свешникова и тихо улыбался.

— Я, Ваня, и в других местах такое же слышал, вот, мол, это у нас, у нас... А и хорошо, пожалуй, пусть люди своим признают, мне это лестно. Ну, а ты каково?

Свешников притих, мягко оглаживал свой край стола под крахмальной скатертью.

— Что я... Такова талану, как тебе, Бог не дал. Однако, и мне академия аттестат неклассного художника определила. Какой-то я земной, что ли... Долго Ступин меня у себя держал, потом провинциальное довольство, родня... Так и не дерзнул в столицы к собратьям по ремеслу. Но не обижаюсь: мастерская у меня, работаем кистью честно, заветы Александра Васильевича чтим.

— И прекрасно, Ваня! Все мы, что в столицах, что в провинции, народу служим. Сим нам и утешаться!

Напротив стола в гостиной, где сидели художники, висел поясной портрет Ступина. Из темно-коричневой гаммы проступало такое знакомое, чуть улыбочное лицо учителя.

— Твоя работа?

Иван Матвеевич кивнул.

— Александр Васильевич был натурой выразительной, все мы его писали...

Василий Григорьевич вольно откинулся на резную спинку стула и чужим учительным голосом спросил:

— Не много ли мумицы на портрете, на щечке-то?..

Свешников не выдержал, сочно хохотнул.

— Не забыл ты, Васинька, о мумице, а ведь когда-то красочка сия была в чести в академии, да и учитель наш рекомендовал. Помню, упреждал меня Ступин: не отравись, Ваня, ты этой мумицей, она прилипчива...

— Теперь мало ее употребляют.

Иван Матвеевич опять наполнял бокалы вином, а Перов, глядя на портрет Ступина, отметил про себя и близкую похожесть старого художника и легкость кисти Свешникова — мо-о-жет работать...

— Как доживал Александр Васильевич?

— Держи-ка, помянем..

Художники выпили и долго молчали.

— Старость — это ж одиночество, — готов был пуститься в долгие рассуждения Свешников, да вовремя опомнился. — Ступин сознавал, что прожил свою жизнь недаром, этим и держался так долго на плаву. Восемьдесят пять годков было, как отошел, я при нем постоянно... Ну, а ты, Василий Григорьевич, сказывай?

Вино и разносолы за столом охотили к разговору, к признаниям:

— Я, Ваня, всякого лиха хватил за годы учебы. И проголоди, и унижений. Первую жену потерял, двух детей — две непоправимые беды одна за другой. Что пережил! Только работа и спасла. Усадил себя к мольберту, да и написал «Птицелова».

— Читал во «Всемирной иллюстрации». Академика тебе присвоили — радовался за тебя!

— Передвижники показали на своей первой выставке. А теперь, Ваня, думаю поработать над портретами. Смерть всех уносит, а кругом столько светлых личностей: Тургенев, Достоевский... И Саврасова надо успеть оставить на память России. Я, Ваня, кажется, научился писать руки — так все твердят. Руки в портрете, сам знаешь, о многом говорят... Кой-кто льстит напрапалу: Перов поет гимн русским рукам!

... На другой день после осмотра мастерской Свешникова — у него работало несколько живописцев и сын Николай — художники пошли на кладбище.

Недалеко от красивой Всехсвятской церкви, на восток от алтаря, саженях в семи увидели невысокую пирамиду из светлого тесаного камня с железным крестом наверху. Могила окружала простенькая железная ограда.

Перов нагнулся, прочел надпись на почерневшей медной пластине в нижней части памятника.

Тридцатого июля отошел. Шестьдесят первый год — я только училище окончил, — задумчиво вспомнил Василий Григорьевич. Еще при жизни Александр Васильевич о надписи позаботился... Жена Екатерина Михайловна, дочь Клавдинька — жена-то Алексеева, все тут, в склепе...

Тихое осеннее увядание уже коснулось кладбища, кой-где березы спустили вниз свои легкие желтые ожерелья. Тонко, весело попискивала поблизости невидимая пичуга, словно обрадовалась приходу художников к месту упокоения своего учителя.

Василий Григорьевич был непритворно грустен, только сейчас Свешников заметил, что у Перова темнота лица вовсе не от загара, а от какой-то землистой серости. Иван Матвеевич не знал, что старого приятеля уже начала сушить привязчивая чахотка. Пока об этом не знал и сам Перов.

Перов не дожил до своего пятидесятилетия два года.

Врачи советовали ему съездить на кумыс в Самару, но запоздали со своими советами. Павел Михайлович Третьяков перевез Василия Григорьевича на свою дачу в Подмоскowie, оттуда перевезли Перова в имение князя Голицина в Кузьминки, где 29 мая 1882 года художник и умер.

Хоронили его в Москве на кладбище Данилова монастыря. Там нашли свой вечный покой многие деятели русской культуры: Гоголь, Хомяков, Языков, Николай Рубинштейн и другие.

Ученики несли гроб на руках. — На похороны пришло очень много народа.

Надгробное слово говорил Архип Иванович Куинджи от имени своих друзей-передвижников.

Толпа у могилы расступилась — явился прямо с поезда запоздавший Дмитрий Васильевич Григорович — писатель, секретарь Общества поощрения художеств. Высокий красивый старик, смущенный тем, что запоздал, на ходу сбросил плащ, одной полой тот упал в могилу...

В прощальной речи Григорович выразил мысли тех, кто пришел проститься с великим мастером:

— Перов первый из художников познакомил нас с передовым направлением в живописи, кроме того, Перов — живописец-поэт. Поэзия его — это задушевность, он поэт чувства, поэт душевных движений...

Через год, в 1883 году, в «Вестнике изящных искусств» о Василии Григорьевиче Перове сказаны были самые верные слова: «Перов — это Гоголь и Островский, Достоевский и Тургенев русской живописи, соединенные вместе... Он всегда останется не только родоначальником настоящей бытовой живописи у нас, но и великим художником-поэтом задушевных движений вообще. В этом его главное значение в истории русского искусства, и едва ли кто сможет оспаривать у него пальму первенства в том...»

«Добро, если оно сделано, так добром и останется».

Н. М. Щегольков.

10 апреля старого стиля 1852 года Глафира Сергеевна Скоблина, опустив глаза долу, подарила своему жениху — купеческому сыну Михаилу Федоровичу Щеголькову, довольно большую записную книжку, обложенную плотной серебряной бумагой и вшитую в сафьяновые корки. Верх оных оказался расшитым цветным бисером «с изображением родных эмблем».

Михаил Федорович с любовью хранил этот подарок и вписывал в него важнейшие события из жизни своей семьи. Позднее, в свой черед, это делал его сын, внук и правнук.

Листаем пожелтевшие, но еще и сейчас крепкие страницы... 11 мая 1852 года Михаил и Глафира сочетались законным браком. Вскоре начались радостные записи о прибавлении семейства. Но тут же и скорбные. И, если уж итожить, то по 1865 год родители потеряли пять сыновей, из них трое нарекались именем Сергей... Знать, в греховное искушение впадали самонадеянные супруги Щегольковы и, как видим, жестоко наказывались... Росли, остались жить только Николинька да еще Варюша, что порадовала своим появлением на свет в 1873 году.

Николинька, а он родился 18 апреля 1856, года, рос слабеньким. Мать души в нем не чаяла, убивалась, глядячи на чадо милое: два с половиной годика, а все-то еще не ходит... Однажды, уповая на Бога, Глафира Сергеевна повезла сыночка в Ильинскую церковь и приложила его к знаменитости Арзамаса — чудотворному, животворящему Кресту... Вернулись из храма, сели пить чай, а Николинька запросился на пол. Опустили на ковер, как-то забылись за разговором старшие — глядь, а малыш-то — не чудо ли чудное, цепляясь за те же стулья — пошел!

Случай этот, после не раз рассказанный матерью, не только запомнился, но особо запал в ребячье сознание, со временем наполнился особым содержанием и многое определил в становлении личности Николая Щеголькова.

Известная русская писательница, исповедница демократических устремлений своего времени Мария Семеновна Жукова, а выросла она в Арзамасе, в своей повести «Инок» писала:

«Главное население Арзамаса составляло купечество деятельное, оборотливое, трудолюбивое... Главною чертою, отличавшею его, была набожность, которой церкви были обязаны своим богатством, а город многими благотворительными учреждениями».

Эти слова, относящиеся к концу 30-х годов прошлого века, вполне объясняют обстановку, в которой рос Николинъ Щегольков, в свое время окончивший городское училище.

Он был очень одинок: поиграть в большом двухэтажном доме не с кем. Родитель в постоянных разъездах по своим торговым делам, старшие братья так рано уходили из жизни, что в памяти о них оставался лишь скорбный материнский плач.

Как-то прислушался к разговору — тихий ручеек этого разговора перемешивался с домовитым посапыванием самовара на столе в гостиной: мать говорила с приезжей дамой о старине, о близких и дальних родичах.

— А кто у меня дедушка? — поднимая на родительницу пытливые глаза, спросил мальчик.

— По старым памятям — хороший человек! — успокоила сынишку Глафира Сергеевна.

Однажды летом, томимый желанием — желание это уже покоя не давало, увязался за чьей-то груженной телегой, перешел деревянный мост через Тешу. За большим белым храмом и высокой шатровой колокольней старых времен, свернул направо, на Попов остров, а там — рукой подать до Пушкарской слободы.

«Так вот откуда мой дедушка Федор Иванович,» — тихо порадовался Николинъ и, поглядывая на зеленые луговые дали, на синюю горбушку Высокой горы, теплой летней дорогой заторопился к домам.

Слобода встретила темными настороженными окнами, ленивой зевотой сморенных жарой подзаборных собак и тишиной. Первыми заметили чужака любопытные ребята, что сидели и лежали на травке в тени старой раскидистой ветлы. Николинъ назвал себя, объявил, что пришел он на Щегольковские стогны. Его поняли, приняли — свой, кто-то напоил квасом, кто-то вдруг похвастал: слобожане когда-то «пушкаршили», кому-то вспомнилось, что у тятки и сейчас есть пушка.

Мальчишкам тут же захотелось показать ее чистенькому городскому мальчику. Гостя привели на недалний двор — маленькая сигнальная пушечка на неуклюжем деревянном лафете хранила приятный холодок металла и завораживала зримой красотой своих четких линий и объемов.

Сынишка хозяина торжествовал.

— Вот! Тятка палит из нее перед Пасхой!

Она, эта пушечка, очень уж взволновала мальчика. Вспомнилось Николинъ стихотворение «Бородино», что читала родительница, вспомнился рассказ отца про царя Иоанна Грозного, что в далеком 1552 году повелел выстроить деревянную арзамасскую крепость, про бородатых пушкарей и стрельцов, что несли тут строгую сторожевую службу. А среди них и Щегольковы...

— Некогда в Пушкарке нашей и пушки лили, а ныне пали до гипсов на потолки и колонны, — грустно усмехнулся отец.

И третье запомнилось Николинъ — от Скоблиных прежде наслышан, и попросил он своих новых дружков:

— Сведите-ка вы меня «к стрельцам».

Кто-то из ребяток присвистнул.

— Так, это туда, к Утешной роще!

Шумная ватажка привела мальчика к Московской дороге. Близ нее на широкой поляне стоял каменный столб с иконами в нише.

Ребятишки знали зачем поставлен памятный столб, перебивая друг друга, стали рассказывать давно живущее в Выездной слободе достоверное предание. Тут царь Петр I повелел казнить непокорных стрельцов, что против него восстали, как он на царство всходил...

Стоял Николинька у братской могилы и уж невольно думалось: там, на Ивановских буграх, что напротив Тихвинского кладбища, лежат казненные разинцы, тут вот стрельцы...

Такими лютыми страхами Арзамас обложен со всех сторон. Немало, оказывается, страшного и в отчей истории. Ужели нельзя людям, царствам иначе?!

...Медленно, но соединилось воедино оно, прошлое дразнилось, звало к себе еще непознанным, неведомым. В мальчика входила история, но он еще не знал этого.

Рано пристрастился к чтению. Это пристрастие Николинька вынес из дома Скоблиных-родичей. Еще в прошлом, в XVIII веке, Василий Федорович Скоблин скопил большой сундук разных книг, потом к тому сундуку добавлялось и добавлялось... Мало того, Скоблины долгие-долгие годы вели записи погоды, а также все памятное о своей фамилии. Первой книгой, взятой у родни, кажется, был печатный труд строителя Арзамасской Высокогорской мужской пустыни Мелетия о его путешествии в Святую землю. Сколько неожиданного, захватывающего предложили страницы старого монаха впечатлительной душе мальчика, сколь много добавила эта книга к его созерцательности, становлению его будущей религиозности...

В двенадцать лет Николинька попросил у родителя большую тетрадь.

— Для чего искательство дорогой бумаги? — поднял от конторской книги усталые глаза отец...

— Для записи достопамятных событий, папенька.

Михаил Федорович, неторопливо снимая свечной нагар, покосился.

— Каков штиль речи, однако... Читаешь ты много, гляди. Нет, конечно... Надлежит выстраивать душу древлеотеческой мудростью, знать старые словесные украсы — похвально сие... Однако, не наше это дело в книжечках-то состоять. У нас своих, купецких забот-хлопот за глаза хватит... Ладно, ладно, не криви губ коромыслом, будет тебе бумага — марай!

Обретенной тетради скоро нашлось применение. Мальчик, помня о Скоблиных, стал записывать на большие линованные листы не только «стояние души», разное семейное, но и новости «из жизни града сего».

...Купеческие дети рано познавали тот разноликий и разноценный мир товаров, который круглый год ввозился во двор и размещался затем то в вечной прохладе сводчатых подвалов, то в крепких рубленых амбарах, то в лавках или в малых базарных растворах. А сколько прикладывали волнующего к этим привозным товарам рассказы ямщиков, что являлись на отцовский двор из самых разных российских далей.

Как хотелось куда-то поехать, полежать на возу рядом с возчиком и замороженно смотреть, открывать волнующую новь за каждым прихотливым поворотом бесконечной дороги...

Упросил, и согласился папенька взять в Москву. Незабывна была эта поездка в первопрестольную столицу. Впечатлений после скопилось столько, что поистине

ни в сказке сказать, ни пером описать.

В Москве, у Мясницких ворот, они сфотографировались в заведении известного Настюкова. Глафира Сергеевна после, глядя на снимок, радовалась. Стоит он, Николинька, рядом с родителем в легком сюртучке, в модных широких панталончиках поверх козловых сапожек... Белая манишечка, уголки воротничка — опять же по моде загнуты, белый галстух подпирает остренький детский подбородок... Правый локоток сыночка покоится на декоративной тумбе, а левой ручкой Николинька барственно держит тонкую тросточку. Красив? В жизни он куда лучше. Носик-то прямой, с легкой горбинкой, лицо мальчишечки оживлено большими, очень большими красивыми глазами. Это ее глаза... Вот только смотрят они на мир как-то не по-детски серьезно...

М Ф. Щегольков с сыном Николаем.

Глафира Сергеевна поставила небольшую фотографию близких возле круглого зеркала в тяжелой резной раме и частенько горделиво поглядывала на своих мужичков, как она их заглазно называла. Михаил-то Федорович, муженек-то любезный, сидит как крепко, каким сильным глядится. Черный сюртук с бархатным воротником, тоже белая манишка и галстух. Густая подстриженная борода, скобка черных усов — пожалуй, чрезмерно серьезен, чем-то озабочен. Да уж, подлинно, что мал, что стар — ваши степенства...

И Глафира Сергеевна улыбалась своей неожиданной шутке.

Одним разом родитель объявил его взрослым.

Зашел в комнату сына запросто, в распахнутой поддевке, загорелый, пропахший полынью и пылью дальних степей, заговорил, как всегда, напорно, громко. Обвел глазами заваленный книгами стол, тускло блестевшую медную чернильницу, очиненные гусиные перья возле стопы бумаги.

— Вижу, письменный искус тебя одолел. А пора, сынок, понять свое истинное положение и назначение. Говаривал и еще раз скажу: стезя у нас с тобой другая. Видишь, один я игрец на всех сопелях, на части рвусь. Давай-ка, наследничек, потихоньку впрягайся в фамильное кружало... Да не робь!

Не сразу, но скоро свои и наемные дрожки понесли молодого Щеголькова то в Нижний на ярмарку, то в Казань, а то и еще далее, на Южный Урал, на знаменитую Ирбитскую ярмарку — много туда свозилось из Сибири разного мехового сырья.

Часто и не с праздным любопытством стал бывать Николай в бревенчатой «задней», что стояла в глубине ограды возле сада. Хозяйский догляд за работой наемных скорняков — это само-собой, это так, походя. Все чаще снимал «косой» мездру с сырых шкурок, закладывал их в овсяные квасила, «доводил» мех — мял, чистил «чищалкою»... Со временем научился делать и раскрой: вырезанный мех из спинки зверька назывался «хребтом» — отсюда «хребтовые меха», а мех брюшка — это «чрево» — «мех черевий». В азарте познания, в работе дошел Николай и до секретов шивания раскроенных шкурок в «меха» и во «фраки», или в «воротники». И, наконец, овладел парень разборкой мехов. Тут требовалась тонкость зрения, надо различать все переливы и оттенки волосяного покрова, умело подобрать по цвету шкурки для сшива.

Случилось — родитель хорошо расторгнулся на Нижегородской ярмарке, приехал веселым, с подарками. Погуляли по саду — сад польхал красными яблоками и поздними флоксами, — зашли в мастерскую, и старший из рабочих помаслил душу старого хозяина:

— Ну, Федорыч, пиши своего парня в коренные мастера — все до тонкости в ремесле ухватил, работает не хуже других.

— Хвалю за ухватку, сын! — широкое лицо Михаила Федоровича сияло от довольства. — Теперь я за тебя спокоен. Ага, что там ни случись со мной, — не пропадешь, своими рученьками добудешь хлебушко!

Вышли из мастерской, залюбовались, было, золотеющей к осени липой в углу ограды, да тут начавшийся деловой разговор оборвала хозяйка дома. Тенькнули створки оконной рамы, стояла родительница в светлом шелковом платье в глубине столовой, на белизне обеденной скатерти ярко сиял начищенный самовар. После помнилось, каким ласковым, пожалуй, шутливым голосом выпевала мать:

— Кормильцы наши, ваши степенства, пожальте чаю выкушать!

Николаю было 19 лет, когда 5 декабря 1875 года отошла в иной мир родительница Глафира Сергеевна. Он тяжело пережил невозвратную потерю и остался почти один в большом двухэтажном доме — отец все чаще пропадал по разным градам и весям: по четыре месяца в году жил в Малороссии, скупал там большие партии табака для своей лавки и арзамасских купцов.

Пятнадцать долгих лет, до 1894 года, отняло барышистое зелье, а потом родитель сделался комиссионером Московской меховой фирмы «П. Сорокумовский с С-ми» и опять часто и надолго исчезал из дома, а когда возвращался уставший, какой-то тихий, неловко извинялся:

— Купца, как и волка, ноги кормят. Под лежащий камень вода не бежит, сам знаешь!

В одиночестве все больше забирали книги. Не переводные пустыньские французские романы, что по дешевке продавались и в арзамасских лавках, а исторические сочинения. Начально «Историю государства Российского» Карамзина прочитал и восхитился, а недавно прочел два тома Нижегородской истории, что составил Храмцовский. Какой славный труд, сколь много знаний автор обнаружил! Хорошо бы сподобиться да изложить и про родной Арзамас. Ведь соберутся иной раз старики у родителя в кабинете да как начнут за наливочкой, за пуншиком ворошить старое — заслушаешься. Как матушка Екатерина II Арзамас изволила посетить, как в двенадцатом году горожане для победы над галлами поусердствовали. Записывать скорей все надо, каждый же уходящий человек — это неповторимый мир, отчая история!

Шел Щегольков первопроходцем — трудно первому!

Просмотрел за многие годы подшивки «Нижегородских губернских ведомостей» — вот, вот и вот об Арзамасе. А какой большой сказ о Ступинской школе! Оказывается, писал о родном городе и столичный этнограф Александр Терещенко. Приехал он как-то к помещику Стобеусу в село Красное — дружили смолоду, а помещик-то арзамасской историей занят... Передал собранные материалы гостю, кой-что наговорил от себя, со старожилами свел в городе — и вот в журнале «Москвитянин» очень любопытное изложение. Не только даты, лица, но и разное бытейское, вплоть до местных речений. А правильно, на твердые ребрышки дат Терещенко и мяска напластовал, и славно!

Не сразу сыскал — только у купчихи Подсосовой нашлись «Заметки об Арзамасе» Терещенко. Пришлось поклоняться, обещал скоро вернуть, и вернул. Но прежде, конечно, выписки сделал.

Давненько, еще в доме родичей Скоблиных, узнал, что во времена оны купец Шлейников начал, а потом купец Мерлушкин дополнил самую начальную летопись города. Давно сметливые патриоты покоятся на кладбище и едва разузнал, что рукопись та обретается у внучки Мерлушкина, госпожи Яковлевой. Пошел, чуть в ноги не пал: сударыня, не ради простой корысти, любопытства праздного — книгу собираю! Как же, обязательно дедушка ваш будет почтительно назван на первых же страницах сочинения. И Мерлушкин — заботник о славе Арзамаса, не останется для потомков втуне, в мраке безвестности. Рассолодела от горячих слов молодого человека старушка — отдала бережно хранимую рукопись. Глянул — толстая бумага с водяными знаками на просвет, писано полууставом — это значит составлена летопись где-то после екатерининских времен. Ага, вот и о Пугачеве, как его через Арзамас везли, что случилось на дворе купца Сулимова, где остановили на ночь телегу с клеткой, в коей пойманный Емеля сидел...

Не по летам купеческий сын задумчив — в себя обращен, не по летам тих. Где бы и на гульбище праздничное сходить в тесный девичий круг-хоровод, либо на масляной неделе нанести в знакомые дома с невестами ожидаемые визиты — нет, все-то Колянька Щегольков с папкой под мышкой, все-то бегунком. То со стариками в долгих беседах, то в монастырях, церквах от солнышка прячется — там, в ризницах, в печурах перебирает залежалые пыльные бумаги.

Порадовал однажды наставлением протоиерей Федор Иванович Владимирский. С фамилией священника Щегольковы давние-давние знакомцы. Прежде были жильцами одного прихода, а это в те времена много значило. На низу, во Владимирской церкви, родитель о. Федора служил псаломщиком, а отец Николая долго исполнял в храме обязанности церковного старосты. В общем, не раз рядом стояли на молитве Федор и Николай в родном храме.

Владимирский, прошедший строгую семинарскую науку, теперь и законоучитель городского училища, был старше Николая на 13 лет. И все же в этом памятном и после разговоре они сошлись на равных потому, что одинаково преданно любили

свой город.

После обедни шли широкой Соборной площадью. Щурясь от яркого внешнего света. Федор Иванович в хорошей запальчивости говорил громко:

— Летописание — похвально! Но тут, провижу, обнимать умом надо многая. Что мне советовать... коли награжден талантом, коли силушка по жилушкам забродила — берись! Но поспедай медленно, медленно, дабы после не насмешить... Вот тебе мое повешение: в соборе хранится рукопись покойного протоиерея Стефана Дубровского — приглядишься ты к ней. А о соборе нашем заказываю особь главу. На полезное благочестие читателей!

Владимирский попридержал полу широкой шубы — резкий ветер ее задирает, и вспомнил:

— А ты выездновца Николая Шипова книжку читал ли?

— Мы с Шиповыми родством повязаны — купил я его сочинение, очень любопытные страницы. Так благословляете на труд, отец Федор?

Широколицый, бородатый, длинноволосый протоиерей молодо улыбнулся.

— Ты уже заражен, заболел историей... — И закончил разговор твердо, почти сурово: — Дерзай, и исполать тебе!

К концу дня потеплело, капало с крыш. Николай света в своей комнате не зажигал, сумерничал. Он любил эти вечерние часы, полные мягкой умиротворенной тишины и покоя. Стоял у припотелых стекол окна, вдруг ясно вспомнилось прочитанное:

«Вещи и дела, аще ненаписанные бывают, тьмою покрываются и гробу беспамятства предаются, написанные же яко одушевленные».

Учительно сказано!

Отсюда, сверху, была хорошо видна неровная клетка ограды, снег в ней уже осел и почернел, в круглой синеватой лужице близ оголенной яблони одиноко посверкивала тепловатая звездочка. Где-то рядом на лавочке, знать, негромко запели две женщины, Николай заторопился открыть форточку.

Пели молодые сдержанно, как бы пробовали голоса в сырой теплыни вечера, но была в словах своя раздумчивая грусть.

«Это ж кирилловских песня!» — вспомнил Николай, схватил со стола карандаш и лист бумаги — он давно хотел записать ее.

*За неделю сердце слышало, За единый день поведало, Провожала дружка
милова До города до Дунилова, До заставушки московской...*

Да, лугами, Арзамасом идут ежегодно с котомками за плечами кирилловские скорняки, провожают их в отход жены и дочери, поют вот эту невеселую песню. И только там, возле моста через Тешу, у трактира Николая Судьина, у Московской заставы прощаются...

Хороша песня! Как в ней трепетное женское нутро-то раскрывается... Николай записал, закрыл форточку, подошел к письменному столу и, не садясь на стул, громко, клятвенно, твердо произнес:

— Ну, как в старину говорили: изволися и мне сказать свое слово. Скажи его, Щегольков!

Долгонько он проходил в женихах, женился только в октябре 1884 года. Невеста Вера Мищенко была дальней, уроженкой Киева. В восемь лет осталась без отца, на

воспитание ее взял дядя Бочарников, что жил в городе Зарайске под Москвой. Случилось там быть Николаю по делам, случайно увидел он свою суженую и горячо объяснился.

Повеселел дом Щегольковых, обьютили его заботливые женские руки. Позже арзамасцы вспомнят:

Вера Михайловна — красивая стройная женщина с тонкими чертами лица. Жизнерадостная, постоянно веселая, какая-то милая, она всегда была душой любой женской компании.

Ласковая, умная, прямая в разговоре. Любила одеваться, и все очень шло к ней. Щегольковы жили хорошо. Николай Веру баловал. Глянешь в окно — едут в экипаже — Вера Михайловна, как царица!

*Николай Михайлович Щегольков
с женой Верой Михайловной. 1890 год.*

Занималась рукоделием: вязала, вышивала и шила сама. Но и зачитывалась книгами. На ее столике часто можно было видеть и романы Толстого.

Через два года родился первенец — сын Сергей, жизнь вошла в колею, и Николаю Михайловичу хорошо работалось.

Но вот и сбои в этой бесконечной собирательской работе. Как говорил после историк, дом стали посещать скорби и лишения.

Долго обходили родителя беды, однако явились — не спросились... Это ведь при крупных запасных капиталах легко вести производство или торговать — защищен на худой случай. А ежели ты взял кредиты раз и другой, да не «обернулся», не вернул в договорной срок заемные деньги... В тех 70–90 годах в отечественную промышленность, в торговлю России все больше врвался пронырливый иностранный капитал, все чаще стали рисковать в купле-продаже свои доморощенные «миллионщики», и счастье купцов «средней руки» то и дело оказывалось зыбким, переменчивым. Неуправляемая стихия «свободного» рынка, непредсказуемость конъюнктуры лихорадили, разоряли мелких заводчиков и торгашей. Именно об этом после убедительно и расскажет Николай Михайлович на страницах своей книги в главе «Арзамас во дни упадка».

Вдруг резко упала цена на готовый мех на Нижегородской ярмарке. Кой-как отец сбыл товар, вывернулся, рассчитался с долгом, но купить-то сырье оказалось не на что. Залез в долг, а на другой год еще ниже упали цены на мех, и уже не мог Михаил Федорович отдать заемные деньги, стал несостоятельным.

Вспомнил сын поговорку кого-то из стариков, пытался утешить родителя давней мудростью: слава не стоит, богатство мимо течет... И робко подавал надежду на предбудущее: умная голова и десять стад пасти может, сыщешь себе новое занятие...

Что слова... Разом осунувшийся, постаревший Михаил Федорович досадливо махнул рукой, коротко одернул:

— Не трави душу!

В книге этнографа А. П. Мельникова «Столетие Нижегородской ярмарки» приведен рассказ о падении меховщика Щеголькова. Рассказ этот кончается таким рассуждением:

«Разорился, а все из-за честности своей да самолюбия. Другое дело, если бы покривить душой... да униженно поплакаться тому, другому (кредиторам), может статься, и помилосердствовали бы, гривен по семь бы (с заемного рубля — П. Е.) и скостили, да зато после того на ярмарку и не являйся, доверия не будет, да и сам сгоришь со стыда... Разорился совсем, все имущество пошло с молотка: и завод, и большой каменный дом...»

Давно ведомо, что одна беда другую за собой ведет.

В январе 1894 года умерла дочь Михаила Федоровича Варвара, ей едва исполнился тридцать один год. 9 сентября того же года судебские чиновники описали имущество. На деньги, что дали двоюродные братья Андрей и Дмитрий Сурины, купил задешево Михаил Федорович запущенный деревянный дом Фирфаровых на Глухой, прежде, а затем Цыбышевской улице.

Тихо переехали, и начать бы жизнь заново, да не выдержал двух павших на него бед Щегольков и 18 июня 1895 года покинул сей многогрешный мир.

Работа — она лучшим лекарем от всяких душевных потрясений и неурядиц.

Опять же народная мудрость гласит: ты взялся за дело, а дело возьмется за тебя. И снова Николай Михайлович за книгами, опять в церквях и монастырях, опять засиживается с разными старожилками. Досужие кумушки, а им до всех есть дело, глядя на торопящегося всегда Щеголькова, качали вслед головами, посмеивались:

— Чудачит купеческий сын! Отец-то маялся, бился за каждый целковый, а этот все

стариковскими рассказами себя тешит да бумагу переводит — много ли сим промыслит! Ну, времена пошли, ну люди...

В том скорбном 1895 году Николай Михайлович опубликовал свою первую корреспонденцию в Нижегородской газете «Волгарь». Называлась она просто «Чествование боярина Ф. М. Ртищева».

Ртищев — близкий сподвижник царя Алексея Михайловича, остался в русской истории как «один из насадителей научного образования в Москве в XVII в.», как милосердный, «милостивый муж», раздавший в годы народных бедствий все свое огромное состояние сирым и голодным, страждущим и обремененным. Боярин оказался землевладельцем и Арзамасского уезда, его уголья подпирала город с севера, подходили к Спасской церкви, не давали Арзамасу расти. Горожане били челом Ртищеву, и он, узнавши о скудости местной казны, отдал свою землю даром — это едва ли не до Протопоповки!

21 июня 1895 года арзамасцы первый раз почтили память боярина заупокойной литургией в своем Воскресенском соборе и торжественной панихидой на площади. Вот это событие и стало содержанием той корреспонденции.

У краеведов всегда так: долго, терпеливо там и тут собирают материал по теме, а потом разом захватит творческая застольная работа по реставрации прошлого...

На следующий год в том же «Волгаре» Николай Михайлович напечатал сообщение: «Посещение Поволжья императрицей Екатериной в 1767 году».

В 1899 году написан трудно доставшийся очерк «Золотой век Арзамаса», на столе лежало жизнеописание известного духовного деятеля, основателя Саровской пустыни иеросхимонаха Иоанна, уроженца села Красного. Жизнеописание появилось в «Нижегородских епархиальных ведомостях». Через год в этом же издании опубликован очерк «Достопамятный арзамасец Иван Сальников». Это о том самом, чью фамилию носила лучшая улица родного города.

Щегольков еще не раз обратится к биографиям духовных праведников Арзамасской земли. И это не случайно, и объясняется не только религиозностью самого автора. Николай Михайлович хорошо понимал, что жизнь подвижников веры — это тот благотворный источник духовных высот, из которого всегда щедро черпает простой народ, обретая свою целительную нравственную основу, и теплую надежду на предбудущее.

Нижегородская интеллигенция — все, кто постоянно следил за местной печатью, создавал ее, сразу заметили исторические работы арзамасца. 6 апреля 1901 года Николай Михайлович заслуженно избран членом Нижегородской ученой архивной комиссии. Ее состав представляли не только лучшие научные силы края, но и столичные ученые, общественные деятели, краеведы, художники, писатели, среди них В. Г. Короленко. В этом же 1901 году членом комиссии стал и А. М. Пешков (М. Горький).

Вскоре Щегольков на страницах того же «Волгаря» поместил пять новых очерков, которые потом составили 13–18 главы его будущей книги по истории Арзамаса. В 1903 году эти главы вышли в Нижнем Новгороде отдельной книжкой и тут же разошлись.

В 1903 году Николай Михайлович, в связи с открытием мощей преподобного Серафима Саровского, издал подробный путеводитель по Сарову с жизнеописанием знаменитого пустынноика.

1909 год... Появляется статья в «Нижегородском церковно-общественном вестнике» об Арзамасе в 1812 году. А в родном городе после долгой собирательской и застольной работы выходит большой труд «Арзамасский Воскресенский собор» — книга, которая вобрала в себя большой фактологический материал об Арзамасе и его людях.

Радоваться бы общественному признанию, тешить самолюбие тем, что долгие годы изморного труда наконец-то воплощаются уже и в отдельные издания, но смято тяжелой плитой горя, придавлено то горделивое удовлетворение — еще 30 апреля 1908 года не стало жены, и он все-то не может опомниться от потери любимой.

Вспыхнул — откуда он взялся, трижды клятый туберкулез... Щегольков не раз возил Веру Михайловну «на кумыс», не поскупился на разных докторов — ничего не помогло...

Уж подлинно, что жестокий рок довлел над фамилией. Вот вспомним-ка: трех своих Сергеев схоронил родитель, ушел малолетним четвертый Сергей — у сына. Еще в июне 1888 года родилась у Николая Михайловича дочь, названная в честь бабушки — Глафирой. Недолго и она гостила на земле. После, в младенчестве, умерли у историка сыновья Зосима, Иона. Выжили двое: Михаил и Федор.

...Телеграфист IV разряда, а с конца 1881 года надсмотрщик Арзамасской телеграфной станции, он же частным, приватным образом типограф, Николай Никанорович Доброхотов большой корысти себе не искал, когда обговаривали, как издать книгу. Пятидесятилетний, бородатый. в форменном тесном мундире будто читал мысли автора, горячился:

— Первый труд по истории города... Дадим в печатное движение большим форматом! Да мы все типографские украсы, все орнаменты вход пустим...

Доброхотов привычно барабанил сухим пальцем по столу, будто телеграфным ключом работал.

— Собирай иллюстрации. И вот что, предвари начало напутным словом, предисловием!

Подперев тонкими пальцами сильно лысеющую голову, Щегольков говорил тихо, осторожно:

— Пожалуй, не приму твоего совета, Николай Никанорович. Назвать «историей» — это нет! Это прежде Храмцовский в Нижнем с такой легкостью... Я — первый собиратель материалов по Арзамасу, летописец скромный... А история, в полном-то значении этого слова — эт-то, брат, после, после нас... Пусть потрудятся новые поколения. А я уж тем доволен, что оставлю им путеводную нить... Льщу себя надеждой, что без моего слова, похоже, тем историкам не обойтись. Но будет, будет, в свой огород кидая цветочки...

В другой приход к Доброхотовым Николай Михайлович принес толстую папку фотографий для клише на свинцовых пластинках. Едва не с порога наборной комнаты объявил:

— Название книги, пожалуй, длинное, но точное: «Исторические сведения о городе Арзамасе, собранные Николаем Щегольковым». Ниже набирайте тако: «С видами и портретами».

Доброхотов плавно развел руками, широко улыбнулся.

— Воля твоя-с. Ваши деньги — ваши прихоти!

В комнату вошла Мария Федоровна, жена телеграфиста и фактическая владелица типографии. Была она дочерью Федора Ивановича Владимирского, отличалась ясным умом и деловитостью. Мария Федоровна слыла хорошей наборщицей, вела корректуру, всех своих детей, а их было двенадцать, в свое время научила нехитрому наборному ремеслу, и потому типография обходилась почти без наемной силы.

Щегольков увидел жену Доброхотова, вспомнил, что заготовил к ней просьбу.

— Мария Федоровна, с нижайшим поклоном... Где-то в слоге я, наверное, не ровен,

и ежели нескладности какие выпирать будут... Потом, иногда, в знаках препинания не тверд — приложите руку!

— Ну о чем речь, за удовольствие почту.

Николай Михайлович вынул из папки два большеформатных листа.

— А это вот обещанное предварение к книге.

В нем среди прочего летописец писал:

«На собрание этих „сведений“ посвящены досуги целой жизни автора, более 40 лет... Несмотря на всю ограниченность собранных „сведений“ автор решил поделиться ими... со своими согражданами. Посвящаю этот труд мой памяти достоправных арзамасцев, споспешествовавших созиданию, прославлению и украшению моего родного города и приношу его в дар современным и будущим поколениям арзамасцев с искренним желанием, чтобы добрые примеры предков воодушевляли потомков к подражанию им и соревнованию».

Прекрасные слова!

Экземпляры книги привезли на телеге. Полки в двух комнатах дома были давно заставлены «историей», привезенное сложили на пол в углу. Вечером на рабочем столе Николай Михайлович долго листал плотные страницы своей новой книги и был истинно счастлив. Срываясь на невольные воспоминания, шептал в подступившей горести: «Ах, Верочка... Смолоду обещал я тебе эту книгу. Вот она, долгожданная, а ты-то, голубушка, где...»

Шел 1911 год.

Арзамасцам — своим современникам, Щегольков, конечно же, своей книгой угодил. Очень многие фамилии и имена назвал, многое из бывалого, интересного вспомнул, любимые горожанам храмы, а без них старый человек себе жизни не мыслил, проникновенным словом поднял — чего же еще!

Николай Михайлович не был историком по образованию, но он был таковым по способу мышления, хотя счастливо избежал строгостей рафинированного ума. Его работа зиждется на принятой хронологии, отдельные, особенно начальные главы ее выстроены на крепком фундаменте историзма.

В бытность Щеголькова историю писали, выстраивали ее не как «борьбу классов» и общественных движений — фиксировали событийный поток, катаклизмы в движении этого потока, выделяя роль великих мира сего. С пониманием этого и должно подходить к труду арзамасца и не делать неправомерных сравнений, выводов и оценок.

Написана книга простым и выразительным языком, без ученой зауми и чужеродной терминологии, что вязнет на зубах. Автор внимательно прочел Карамзина, Соловьева и Ключевского, и потому многие страницы «Сведений», а они содержат эмоциональные авторские размышления, воспоминания, характеристики, яркую мозаику быта старых времен, воспринимаются почти как художественные.

В книге прослеживается нравственная чистота автора, его здоровый патриотизм, любовь к родному городу, сыновнее поклонение предкам. Он все время выступает перед нами умным, вдумчивым поводырем по четырем векам истории арзамасской земли.

Не чужда Николаю Михайловичу и «сермяжная» правда жизни.

Еще не печаталась книга, типографы еще только составляли ее макет... За

большим столом Николая Никаноровича засиделись долго. Мария Федоровна в темном рабочем халате стояла у наборной кассы с верстаткой в руке, постукивала литерами, что-то набирала.

Наконец, Доброхотов признался, выразил свои опасения:

— Постегал ты, господин историк, и ваших, и наших. Ага, всем сестрам по серьгам... Кабы кое-кто из городских в обиды не ударился, скажем, Цыбышевы. Нет, конечно, паточить не надо, но ведь, что написано пером, того после не вырубишь топором. А народ теперь шибко обидчивый пошел...

— Мещанское то самолюбие!

Щегольков в распахнутой поддевке длинными тонкими пальцами возбужденно мял свою окладистую бороду.

— Мария Федоровна, приструните же муженька! К чему он меня склоняет, ай-яй... Нет, дорогой Николай Никанорович. Как говаривали наши деды — не гоже летописцу глаголить только лишь то, что елика праведна, елика честна, елика прелюбезна, елика доброхвальна... Не мне судить и рядить земляков — сам грешен, но для полноты исторической картины обязан я указать и на темные стороны жизни старого Арзамаса. Дай-ка бумагу, я вот это самое запишу и текст вставлю. Постой, где ж этому приличнее быть... Во-от, как раз под рукой, на странице сто сорок восьмой!

Летописец ухватился за поданный лист бумаги, брызгая чернилами, высокими тонкими буквами принялся писать.

— Так вот и напечатай!

Читая сегодня страницы «Исторических сведений» Щеголькова, видишь, что жила, не угасала в Николае Михайловиче авторская честность, его гражданская демократическая позиция. Не покривил он душой, жестко сказал о дворянах, что, живя в городе, постоянно отгораживались от общественных нужд. Действительно, выстегал Николай Михайлович купеческих сыновей Цыбышевых за их безнаказанные бесчинства, а других толстосумов — за их несправедные наживы и за то, что, потихоньку покупая крепостных крестьян, они жестоко эксплуатировали их, держали в черном теле. «Прошелся» летописец и по крючкотоям-чиновникам, что вымогали даже на похоронах, зло высмеял взяточника городничего, рассказавая о Выездной слободе, с горечью отозвался о положении тамошних крепостных. И уж, конечно, поведал о жестоких казнях разинцев в 1670 году, о телесных наказаниях, что до поры до времени практиковались властями. Единственно, по цензурным, понятно, соображениям умолчал Щегольков о 1905 годе. Так ведь далеко не все и столичные записные историки тогда выступили с глубокой объективной оценкой этих событий.

Книга Николая Михайловича становится более значимой и нужной сейчас, когда мы обретаем память, тянемся к первоистокам нашего русского бытования, когда в народную жизнь возвращаются давно выверенные временем духовные ценности, когда иссушенная душа взыскует нравственных высот, простой человеческой доброты, высокой совести, открытого милосердия.

...Настало хорошее время дарения книги. Многих и многих обошел летописец в городе. Однажды позвонил в дом к протоиерею Федору Ивановичу Владимирскому. Тот жил в недавно выстроенном доме по улице Новой. За домом, за легкой изгородью поднимался молодой сад.

Долгие годы работы по открытию водопровода — нить его от Мокрого оврага уже подвели к городу, утомили 68-летнего священника. Он и начал разговор с тихой стариковской жалобы на эту свою усталость.

— Ну, теперь-то все позади, — мягко ободрил Щегольков о. Федора.

— Да, в январе будущего двенадцатого года, полагаю, откроем... Вчера земляк наш, художник Николай Андреевич Кошелев, образ Христа преподнес — горожане просят освятить водонапорную башню..

Сидели в верхней светелке на жестком деревянном диване дедовских времен. Владимирский с его бородатым, выразительным в старости лицом был одет по-домашнему просто, в потертый подрясник. Длинные седые волосы его, падавшие из-под зеленой камилавки, на затылке заплетены в косицу и свернуты луковицей.

«Нет, он еще крепок!» — порадовался про себя Николай Михайлович. И опять мелькнула давняя, может быть, где-то вычитанная и живущая в нем, радующая мысль: точно, фамилии наследственных священнослужителей — они более всего и хранят русскую породу, содержат ее силу.

Хотелось ободрить и впрямь уставшего человека.

— Дали вы, отец Федор, людям, городу источник истинно живой воды.

— А ты пищу для души, ума и сердца. Мой-то источник может и иссякнуть, как леса неразумные потомки вырубят, а твоя пища навечно. Явлен труд на похвалу Арзамасу — спасибо, открыл ты свету нашу историю...

Щегольков развернул оберточную бумагу, подал книгу.

— Мое вам подарение с подписом — плод моих сорокалетних досугов...

Священник подержал на своих больших огрубевших от работы ладонях книгу, усмехнулся.

— Значит внял ты моему совету, поспешал медленно... Та-ак-с... Увесиста по бумаге, а по фактам, по мыслям? Ныне вот я тебе говорю любезные похвалы... А коли где наврал, а хуже того слукавил умышленно — после перед налоем поставлю на правило поклоны бить... Ну, еще раз спасибо за подношение. Иной раз бессонница мучит, очеса и до утра не сомкну — стану читать. А там, глядишь, тобой раззадоренный, возьмусь и сам за перо.

— Вы же автор двух духовных книг...

— Теперь возьмусь по гражданской истории. У тебя, сказывают, собралась важная библиотека. Как нужда будет, не откажи в нужной книге.

— Какой разговор!

Ф. И. Владимирский с 1898 года был действительным членом Губернского статистического комитета, а в 1913 году 10 октября его избрали членом Нижегородской ученой архивной комиссии.

Губернская интеллигенция удостоила еще одного арзамасца высокой чести.

Подрастали сыновья и заботили родителя. Учить надо, да в мир пустить не с копейкой же в кармане.

Завел меховое дело. При доме со временем работало до пятнадцати наемных мастеровых. Скупал готовые меха в Кирилловке, Ямской слободе — неожиданно поднялось в Щеголькове фамильное упрямство: поддержать давнее родовое скорняжное ремесло.

А меховой промысел падал. Число скорняков-одиночек, в 1880 году их насчитывалось 400 человек, неизменно сокращалось. В 1915 году в городе числилось только 8 меховых заведений с наемной силой. Владели ими Муравины, Сурин, Поляков, Кокуев. В уезде оставалось 3 скорняжных мастерских, правда, до 40 возросло число овчинношубных.

Пришлось немало поездить по Приуралью, завязать связи с торговцами «сырья». Дело пошло, и не трудно объяснить почему. Арзамас с Нижним наконец-то соединила железная дорога, а потом выпала полоса устойчивого спроса на меха.

Не кичился, долго оставался мещанином, в купеческую гильдию не вступал.

Ни губернская слава летописца, ни хорошая обеспеченность не изменили образа жизни стареющего Николая Михайловича. Давно понял он суть старой истины: все в жизни суета сует и томление духа. Чтобы поменьше томился дух — жил скромней некуда. Признавался: «В маленьком домике я и сейчас живу и не променяю его ни на какие хоромы».

Прихожая, кухня да всего-то две жилые комнаты. Самая простая мебель, иконы, книги и книги... И одевался Щегольков летом в простую поддевку, сапоги и суконную фуражку, а зимой в теплую шубу-сибирку. Он не пил вина и не курил.

В 1913 году любовь соединила младшего сына Федора с дочерью простого скорняка из Ямской слободы — Пелагеей Сергеевной Чановой, через два года стал дедом двух внучат Ермогена и Сергея. Сына определил, а сам второй раз искать друга жизни уже не рискнул, хотя после смерти Веры Михайловны историк был еще далеко не стар.

Последние годы жизни отдал напряженной общественной работе на выборных должностях в городском самоуправлении.

Николай Михайлович, как впрочем очень многие обеспеченные люди прошлого, особо к службе не тяготел — зачем? У него свое дело, сыновья на верном пути, хочется расширить «Сведения», сделать книгу более документальной, глубокой, пополнить ее справочный аппарат... Но арзамасцам лестно же было видеть своего летописца и благочестивого человека на тех должностях, где нужен трезвый ум, честность, рачение к родному городу.

И вот Щегольков гласным (депутатом) в городской Думе, а потом с 1901 года и городской голова в управе.

*Н. М. Щегольков в форме Арзамасского
городского головы.*

Общественная деятельность Н. М. Щеголькова часто выходила далеко за рамки его прямых служебных обязанностей.

Так в 1908 году 20 апреля арзамасская депутация присутствовала на торжестве чествования и поминовения арзамасских воинов, погибших 30 марта 1608 года у города Зарайска под Москвой в неравном бою с польскими интервентами. На холме — месте захоронения арзамасцев, в день отдания почестей церковных, гражданских и военных сказал свое патриотическое слово и Николай Михайлович.

Как краевед и городской голова Щегольков много сделал для того, чтобы достойно отметить столетнюю годовщину Бородинского сражения в 1812 году. Арзамасское общество хоругвеносцев, в котором Николай Михайлович вел письменную часть, 16 сентября 1912 года организовало шествие горожан на Всехсвятское кладбище, где находилась братская могила русских воинов — участников Бородинского сражения. Ко дню поминовения на могиле поставили крест с литым чугуном

Распятием работы известных мастеров Каслинского завода на Урале. Расходы на материал и отливку Распятия взял на себя лично Николай Михайлович.

Был Щегольков в разные годы членом попечительского Совета городского училища, попечителем кладбищенской Тихвинской церкви, старостой Владимирской церкви, помощником старосты Воскресенского собора, во многом содействовал в строительстве городского водопровода и т. д.

19 июля 1914 года Германия объявила войну России. Опять внешний враг испытывал силу Отечества.

Беженцы из западных губерний. Прибывают пленные австрийцы — надо тех и других накормить, дать работу.

В городе Усть-Двинский лазарет, большая богадельня для престарелых, детский приют — этих-то в первую очередь призреть, не оставить голодом.

Начальные школы, два городских училища, женская гимназия, реальное училище, учительская семинария, школа ремесленных учеников, церкви, монастыри — всем нужно топливо — спасибо боярину Ртищеву, из его бывших лесных угодий двести лет снабжается дровами город. Но наготовить их — это тоже забота управы.

Водопровод, телефон, телеграф, ежедневные требования сверху по бесперебойному движению поездов через две станции — крохотный аппарат городской управы работал на пределе.

Но главное — продовольственный вопрос, растущая дороговизна. В 1915 году рабочие кожевенного завода Бебешина добились увеличения зарплаты — вот и хорошо, одна заботушка с городского головы спала.

Выездные сапожники не беспокоили — эти работают на военное ведомство, получают вполне сносно. Радовал патриотизм обувщиков. Из двух давальческих кож «делюшек» мастера шьют три пары солдатских сапог заданного размера и с должным качеством — молодцы, слобожане!

Почти ежедневные совещания по хлебу: везет, везет деревня продукты в город, потихоньку наживается на росте цен, хотя общее производство зерна крестьянских дворов уезда вряд ли растет — работнички-то уходят на другую жатву...

Уже близкой, видимой казалась победа на фронте.

И вот неожиданное-негаданное — отречение царя от престола.

Это как же так? — как и многие, мучился Николай Михайлович и пугался в страшном прозрении. На кого ты, батюшка, народ, Россию оставил? Без царя — это что же начнется в миру. Опять смута и смута великая. А как крайние, левые, посягнут на власть, кровь же польется!

После вспомнил: ходил он смотреть новинку — кинематограф. Что-то там в аппаратной случилось — лента задержалась, и все изображение побежало, замельтешило...

Так вот и в марте — весь, март этого 1917 года.

1 марта. Митинговали у дома Гоппиус в конце Сальниковской улицы, а потом та маленькая, но крикливая толпа двинулась к городской Думе, и раздались крики о разоружении полиции, об освобождении заключенных из тюремного замка.

Вот уже и оружие кой-кому потребно, и помощнички из уголовников...

2 марта. Опять смутьяны от дома Гоппиус ринулись к Думе, теперь уже требовали ареста полицейских чинов...

А 5 марта и фамилию городского головы трясли в криках.

Николай Михайлович, глядя из своего рабочего кабинета на улицу, грустно улыбался. Хотелось думать: дело, конечно, не в самом Щеголькове, как таковом, — оратели подняли главный лозунг столичных митингов: долой старые власти... Но где же то большинство, пожалуй, верное престолу? Попрятались, позакрывали толстые двери на замки и засовы. Э, нет, не отсидитесь, повывудет ветер революции из уютных домов и квартир, и не поведут ли вас на заклание, как тех бычков на веревочке? Да, граждане, новые власти, новые метлы, так уж извечно ведется, станут мести похлеще. Пометет революция русскую землю!

Встретился с Вязовым, что возглавлял городскую Думу. Сказал обдуманно, с убеждением:

— Конечно, могли бы мы с тобой и клич кликнуть, и собрали бы многих... Но не желаю и малого кровопролития в городе. Прошу мирной отставки.

Вязовов, напряженный в последние дни, отводил глаза в сторону, ответил не сразу.

— Все не так просто, дорогой Николай Михайлович. Пока дадим личную охрану. Вас губерния утверждала, вот и снесите с губернией, как же без ее разрешения?! Должно соблюсти субординацию!

6 марта. Пришел на службу, написал текст телеграммы на имя управляющего губернией и губернской земской управой П. А. Демидова:

«Желая более всего на свете общественного спокойствия, покорнейше прошу освободить от обязанности начальника города и должности городского головы».

Потом написал письмо благочинному арзамасских церквей, чтобы духовенство обратилось к населению спокойно относиться к переживаемым событиям, не обострять положения в городе.

Отправил письмо с дежурным рассыльным и встал из-за стола.

— Ну-с, господин гласный, спасибо за совместную и очень полезную работу. Временно сдаю вам бразды правления.

Член управы Николай Иванович Верхоглядов понимающе кивнул.

— Только на малое время...

— Ну, разумеется. Похоже, все мы тут уже временные...

Вскоре на должность городского головы избрали потомственного Почетного гражданина Арзамаса Вячеслава Алексеевича Бебешина.

8 марта. Отрешился от должности и вздохнул: свободен ты, старче Щегольков!

Но только 18 марта сдал дела, честно отчитался за городскую казну, в которой оказалось денег и ценных бумаг благотворительных учреждений на сумму 233 226 рублей.

Вышел из управы, по Красноярьдью гулял шалый весенний ветер, гнал в гору легкую сенную труху, обрывки газет и старой оберточной бумаги.

В голове вертелось насмешливое: «Ну, вот попал и ты, историк, в историю!» Николай Михайлович освобожденно рассмеялся, запахнул длиннополую сибирку и тихо пошел домой. Вдруг вспомнилось, как Бебешин важно примерял серебряный нагрудный знак городского головы — большую бляху с гербом Арзамаса на толстой цепи. Стало смешно: дорогой Вячеслав... Тяжелы теперь гербы, ох, тяжелы. Долго ли поносишь? А грудь у тебя, купчик-голубчик, широка...

Последняя служба Щеголькова арзамасцам и замечательному человеку города — это ходатайство о постройке храма в память боярина Ф. М. Ртищева и во имя святого великомученика Федора Стратилата.

Дружеское участие, благородство помыслов побудили Николая Михайловича к делу.

...Общественность города благодарила Федора Ивановича Владимирского за его гражданский подвиг создание водопровода. Скромный священник сказал:

— Ничего не нужно, как одну квадратную сажень земли на милом Мокром овраге, которую прошу подарить мне в вечное владение...

Началась война, как-то призабылась просьба о. Федора, а он старел, прихварывал. И вот 28 апреля 1917 года Николай Михайлович пишет в Думу:

«Владимирский просил одну сажень для своей могилы, ему хотелось быть погребенным на Мокром овраге, где им положено столько трудов».

Похоронить-то не сложно, да вот закавыка. Людей хоронили же на освященной земле кладбищ. Вне их предавали земле лишь всякого рода самоубийц, утопленников, насильственно убиенных. А тут священник! Освятить землю в овраге могла бы построенная церковь...

Далее летописец писал в Думу, что почитатели Ф. И. Владимирского просят 10 или 12 квадратных сажень для храма. И еще:

«Просить о. Владимирского при жизни, пока силы позволяют ему, служить в этом храме: об этом о. Владимирскому объявлено было 8 февраля в день его ангела, и он выразил по этому поводу свое удовольствие и согласие».

Предполагалось, что маленькая деревянная церковь будет построена на собранные средства почитателей о. Федора. Щегольков брался за покупку стройматериалов. Городская Дума дала разрешение на землю, но задуманное не осуществилось — новая власть города явно не благоволила к церквям и прежним народным обычаям...

Собрал скорняков, что работали при доме, и объявил:

— Признаюсь, не хотелось бы, но расходимся с вами, ребята. — И поклонился. — Спасибо, трудились добросовестно, и шибко-то мы не ругались. Ели-пили у меня досыта. А платил я вам то возможное, что учено сказать, не мной, а самой жизнью — экономической жизнью Отечества устанавливается. Поймите, я ведь тоже... Иной раз, рад бы накинуть что-то на готовый мех, ан нет. Глядишь, государыня Нижегородская ярмарка уж ко всему примерилась, уже свою твердую цену ставит — баста! И торопишься скорей сбыть, кабы завтра цена-то на мех еще ниже не упала...

— Куда же мы теперь! — задумчиво подал голос Сергей Иванович Карасев, тот самый, который много позже скажет:

— Умная голова, Николай Михайлович. Был строг, но справедлив. А без строгости в любом деле нельзя. Давно же заведено: дай скорняку сырья на две шапки, а он, такой-сякой, и третью выгадает. Неловко сказать, но глаз да глаз за нами был нужен. А потом... Я вот ровно работал, а другими водочка вертела. Бывало, ярмарка на носу, иной раз меху много, торопит хозяин, а Ванька запил, Гришка тож задурил.

Это верно. Исследователь народных промыслов А. В. Карпов, родом он из Арзамасского села Кирилловка, рассказывал о бедной, но веселой жизни многих скорняков. Это ведь про них осудительную песню сложили в Арзамасе. Пелась она на мотив известной: «За Уралом за рекой казаки гуляют».

*Как за Шамкою рекой Скорняки гуляют
И косушкою пустой За реку
бросают. Скорняки — не простаки —
Вольные ребята, Все на шапках*

хохолки, Только не женаты. Мало робят, Мало спят На битках они лежат...

Сошли скорняки со двора, не надо ходить в управу — не у дел... Книги да бумаги — они одни и спасали от едучей тоски, от тяжелого душевного разлада.

Незаметно пришло лето. Приехал старший сын Михаил и добавил отцу переживаний. После Нижегородской духовной семинарии окончил в 1912-1916 годах и Духовную академию в Сергиевом-Посаде, но сана священника не принял. 28 лет — ученый, по характеру и взглядам во многом светский человек. А сколь всего связывал родитель с этим сыном, ранее исподволь направляя его на изучение богословия. Свой, родовой молитвенник перед Богом — этого ждал тайно и явно отец. Вон он молодой, очень красивый в форменной гужурке школьного учителя ходит по саду с книгой в руке. Болен, смертельно болен Мишенька. Надо же так: в Москве случайно попал под трамвай — измяло ногу и вот чахнет от костного туберкулеза...

Болит сердце и за младшего, Федора. Тот кончил Арзамасское реальное, потом начинал учиться в Лейпциге, в Германии, изучал химию. Тоже жило горделивое мечтанье у родителя: окраска мехов — важнейшая составная часть в скорняжном ремесле. Как бы мог сынок после развернуться в большом предприятии! С той же Германией торговлю завести... На фронте Федор. Вот, надо сообщать ему скорбную весть: родился у него сын Иоанн в июне, а в июле приказал долго жить...

Так быстро летит в старости время... Давно ли, давно ли все согрело душу, наполняло ее радостными надеждами... На дворе уже 1918-й, опять жаркие дни лета, опять Мишенька вернулся из своей школы в Вятской губернии. Он знает свою безысходность, неспокоен, настороженно зол. Все происходящее понимает по-своему, отстраненно. А ведь именно у него, ученого человека, хотелось искать надежной опоры, теплой словесной поддержки.

Снова и снова спрашивал себя и сына Николай Михайлович: что же теперь будет?

На бледном лице Михаила, на белой его рубашке лежали зеленоватые тени от яблони, сидел он за деревянным столом устало, тяжело. Отвечал с какой-то жесткой веселостью:

— Ежели на твой язык перевести, отец, то грозит всем нам наказание за то, что к Богу и царю были не столь усердны. Так ведь вы мыслите? Ах, милые уездные караси... Вам бы, папенька, не только читать старые исторические анналы, но заглядывать и в литературу социал-демократов. Теперь-то уже поздно, раньше бы, раньше... «Интернационал» слышал? У нас в академии ребята любопытствовали, читали и печать самых левых, большевиков. Радикалы решительные, да-с...

— И что же? — робко подсаживался поближе к сыну Щегольков.

Красивое страдающее лицо Михаила покрылось натужной краснотой.

— У большевиков все ясно и четко: царя, буржуев разэтаких, купцов, помещиков, мужиков, что покрепче — всех, всех под метлу — ясно?! Теперь у нас восемнадцатый... Давно ли товарищи агитировали на фронте: ступайте солдатики по домам — мир народам! Не успел человек в серой шинели на полатах отогреться, как его опять под винтовку, теперь Советы защищать. Вот и началось, и покатился кровавый вал гражданской по России...

Сын, будто нарочито, пугал словами. Николай Михайлович нервно теребил пегую бороду, прикладывал платок к потеющей лысине и вспоминал свои же слова: пометет революция Россию — это уж так...

— Мишенька, ведь выйдет по Писанию: брат на брата...

— Да, и сын на отца, а отец на сына!

Тяжко вздыхал Щегольков, большими грустными глазами спрашивал: что делать-

то?

Михаил нехорошо кривил губы, покусывал усы.

— Вы, папенька, автор книги по истории... Работали вы ее не только в безмятежные часы, но и под бедой. Вспомните, за стенами монастырей гремели мечи, а монахи писали свои свитки — попробуйте стать летописцем и новых времен...

— Нет уж, не менять мне, сынок, ни голосу, ни песен. Я — реставратор прошлого....

— Вы — цельный человек! — коротко польстил родителю Михаил и надолго замолчал.

...Михаил Николаевич умер 27 марта 1919 года. Это было таким ударом, после которого Щегольков уже не оправился.

То, что предрекал сын — сбывалось.

Кровь, голод, холод... Проливалась кровь и там, где не проходила линия фронта.

Контрибуции оставили почти без средств семью в шесть человек. Этого мало. Не однажды хозяйски громко стучались в ворота вооруженные. Кой-кому из местного ЧК в революционном рвении хотелось видеть Щеголькова и под дулом нагана...

После уж жена младшего сына Федора Пелагея Сергеевна рассказывала:

— Несколько раз приходили забирать свекра, обыски делали. Все искали ценных вещей, а у нас только иконы в доме самым дорогим, книги да малые ребята.

И рассказывала Мария Алексеевна Фирфарова:

— Культяпый из Ямской слободы — так звали Борисова, что до революции учительствовал, явился раз ночью арестовывать Николая Михайловича, он лежал уже больной. Николай Михайлович и говорит:

— Иван Васильевич, давно ты меня знаешь... На моих руках пятеро внуков, сноха... Не знаю, чем кормить, а ты — капиталы...

И опять слезная жалоба Пелагеи Сергеевны:

— Мы, все домашние, вцепились в Николая Михайловича, под руки его держим, плачем. А он нас утешает.

Втолкнули его в милицейскую повозку.

Только вздохнул:

— Воля ваша...

А то и так бывало. Начнут Николая Михайловича из дому выводить, а на улице толпа — не дает свекра!

Да, еще не все были поражены страхом. Соседи, те кто еще недавно работал на Щеголькова и, случалось, поругивали его, становились стеной перед вооруженными: не дадим Николая Михайловича!

Пелагея Сергеевна заканчивала:

— Которые с оружием-то... Видят, что народ, соседи в гневе и начинают заигрывать:

— Может, граждане, под домашним арестом подержать Щеголькова? Крикнут:

— Под домашним! Никуда он не убежит...

Разом тогда поседела Пелагея Сергеевна.

В это суровое время за летописца города вступились адвокат Николай Африкантович Вердевский, протоиерей Ф. И. Владимирский, художник А. Д. Иконников. Левацкие наскоки на Николая Михайловича кончились лишь тогда, когда из Москвы пришла грозная бумага: сын Щеголькова — Федор Николаевич — геройский командир Красной Армии, и без законных оснований семью его не утеснять!

Федор писал часто, то из Уфы, то из Астрахани, то из Царицына, по болезни приезжал домой на побывку, показывал благодарность от самого М. В. Фрунзе, вспоминал известных красных командиров Ласточкина, Кедрова. А с Сергеем Сергеевичем Каменевым, командующим Восточным фронтом, поддерживал связь и после гражданской. Демобилизовался Федор Николаевич в 1923 году, его направляли как грамотного командира — он отлично знал немецкий язык, в военную академию, но подвело здоровье, да и измучилась, изголодалась большая семья в Арзамасе

...Запись из семейной хроники Щегольковых:

«А 13 ноября... 1919 года скончался в семь часов утра и сам летописец и общественный деятель Николай Михайлович Щегольков».

Не выдержало измученное сердце... Та же Пелагея Сергеевна после рассказывала:

— Подошел ко мне, тихо пал на руки и говорит скорбно: «Полинька, света не вижу, свет выкатился из глаз». Вздыхнул и умер.

...Осень в тот год была необыкновенно долгой и теплой. Несмотря на трудное время, на похороны вместе с духовенством неожиданно много пришло людей от простолудинов до верхов местной интеллигенции. Шли за гробом раздетыми, тело историка несли на руках. Только в этот скорбный час открылось всем то главное, что Щегольков был и гражданином, тем человеком, чье имя уже навсегда стало составной частью истории родного города.

Справа от маленькой древней зимней церкви Тихвинского кладбища встал большой дубовый крест, свежий могильный холм утонул в венках.

Печальный звон колокола поплыл над Ивановскими буграми, редкая уже листва берез и лип мягко падала на умиротворенную землю, обласканную тихим осенним солнцем...

Затерялись в памяти людской искренние слова на траурных лентах. Но сохранились воспоминания нескольких уважаемых арзамасцев, современников Щеголькова, и мы не вправе умолчать о них.

Казанкин Иван Ильич:

— Был Николай Михайлович симпатичным человеком. Говорил тихо, вежливо. В городе слыл умным человеком.

Перебирая в памяти интересных арзамасцев, доктор медицины профессор Константин Васильевич Бебешин писал:

«... следует упомянуть о другом арзамасце — Николае Михайловиче Щеголькове, очень почтенном человеке, которого я знал при его жизни, очень скромном скорняке, который старательно записывал со слов старых горожан историю города».

Сын известного писателя П. И. Мельникова (Андрея Печерского) — Андрей Павлович Мельников — художник, этнограф и историк Нижегородской ярмарки вспоминал о Щеголькове:

«... один из уважаемых граждан Арзамаса, образец честного труженика в коммерческом деле».

Очень чтит своего земляка художник Алексей Дмитриевич Иконников, любовно написавший акварельный портрет летописца.

Краевед Александр Семенович Потехин признавал:

— Щегольков был глубоко порядочным человеком.

Гордилась Нижегородская ученая архивная комиссия своим творческим сотрудником.

Гордится своим сыном Арзамас и сегодня.

— Говорить о Владимирском — думать и говорить о судьбах России, о страдающем православном...

Не повезло Арзамасу с водой.

Бежала рядом с городом речка Теша, да жесткость воды в ней велика — не годная для питья. Много раз арзамасцы приступали рыть, а позднее и бурить колодцы в жилых гранях, но и в них крепко горчила вода.

В давние-то времена еще вполне терпелось. По зимам только с крыльца спустись — белы снега слезальными сугробами у огородных прясел — нагребай в бочата, грей, вода поднебесная чиста. Летом все свободные посудины собирали дождевую воду — никаких вредных кислот опять же поднебесье еще не знало. А потом, почти в каждом дворе лошадка держалась, мещане кормились и извозным промыслом. За городом всего-то в полутора верстах истекали Рамзайские источники — бочку на телегу, глядь, и вернулся с водицей, часок-от из суточного времени для нее выкроить всегда можно.

Арзамас рос, рос и спрос на воду, и многие лошадные стали ездить за водицей ключевой уже за три версты к истокам Мокрого оврага, что на северо-востоке от города, там водовозная бочка наливалась скорей. И опять было терпимо, да в середине XIX века кончился для арзамасцев «Золотой век», в который так легко добывалась торговая денежка, стали мещане, да и мелкие купцы беднеть, нужда сильно поубавила лошадок, и вода стала продаваться, купля ее для бедных обернулась тягостью — бочка-то до сорока копеек поднялась!

Почти в центре города, в русле малой овражной речки Сороки, еще в старые-старые времена арзамасцы посредством плотин устроили большие пруды, и многие вынужденно пользовались водичкой с известным застойным запашком. Запашок тот все больше и больше портил настрой мещан, и для городских властей, что называется, ребром встал вопрос о снабжении Арзамаса хорошей питьевой водой.

Впервые о подводе воды к городу серьезно заговорили в 1849 году. Богатый помещик села Красного — обыкновенно жил он в Арзамасе — Николай Яковлевич Стобеус из человеколюбия предложил Магистрату деньги для постройки водопровода из Рамзайских, тогда еще довольно обильных, источников. Тестем у помещика был известный в России арзамасский миллионер купец Александр Михайлович Заяшников. Власть имущие быстро смекнули, что из простеца-доброхота можно вытянуть денег поболее. Магистрат поставил условие: Стобеусу должно добавить средств. На проценты с добавленного капитала и будет содержаться будущий водопровод.

Видимо, купеческая родня отговорила Николая Яковлевича от чрезмерных затрат,

и не сладилось у барина с Магистратом.

Шло время, стали заметно иссякать Рамзайские источники, и это на время сняло заботу о воде у городского начальства. Нет воды близко, а на нет и суда нет.

— А Мокрый овраг?! — напоминала беднота.

— А что Мокрый... — пожимали плечами городничие. — Три версты тянуть водопровод. Нет таких целковых в городской казне!

Но вот к голосу простонародья добавился голос уважаемого человека — священника:

— Народ зыскует о воде. Давайте озаботимся всерьез!

Федор Иванович Владимирский, из потомственных духовных, служил в Воскресенском соборе, исполнял разные должности в церковных учреждениях, преподавал Закон Божий в городских училищах.

Никто, конечно, не обязывал батюшку заниматься водной затеей, он эту многотрудную, многолетнюю работу взвалил на себя сам. И не корысти какой ради, свыше его однажды осенило: выйди ты к людям делателем! Так вот и впрягся в тяжкий воз, и не бросал оглобель...

Водоснабжение — особь статья в любом городском миру. Тут сразу две заботы. Надо отыскать воду, доказать, что ее будет довольно для горожан. И второе: техническая сторона дела. А главное — деньги, много денег!

В 1874 году, как и повсеместно в России, в Арзамасе открылось городское самоуправление. От Духовного ведомства гласным (депутатом) избрали в городскую Думу и Владимирского. Теперь от «водного» вопроса отмахиваться власти стало посложней.

Думается, что не без влияния Федора Ивановича богатый купец — известный жертвователь на нужды людские, Иван Степанович Белоусов в конце жизни решил оставить по завещанию родному городу 15 тысяч рублей на водопровод. 20 тысяч на эту же цель или на общество взаимного страхования от огня оставил Арзамасу и купец Петр Иванович Серебренников. Пожары полыхали в городе частенько, но погорельцы не могли ожидать возмещения убытков — недвижимостью еще не страховалась. Некоторые купцы, чиновные и иные требовали страхования, но не хотели делать страховые взносы — Серебренников-де завещал на общество... Между тем батюшка искал себе сторонников.

Как ни странно, первым из них оказался городской голова Иван Иванович Потехин. За свои средства начал он водоискательные работы: определял силы грунтовых вод в районе Горячего пруда и на ближнем Рамзае. Окончание работ показало, что запас подземных вод в исследуемых местах невелик и заводить с водопроводом не стоит.

Не сразу определились этапы работы. Следовало начать с отыскания контрольных колодцев, узнать, на каком грунте лежит водоносный слой земли, нарыть соединительные каналы и замерить суточные протоки воды в стороны выхода ее из оплечья оврага, а потом записывать перепады водного баланса в течение весны, лета, осени и даже зимы. Тут так: один год мало что скажет. Выходит, наблюдения вести надобно несколько лет, чтобы уж точно узнать мощность и устойчивость водотоков.

Зудил, не давал покоя думским деятелям «водопроводный поп». И вот, наконец, образовали особую Водопроводную комиссию, которая долгое время осторожничала в действиях. Впрочем, Федор Иванович не торопился с укорами к членам комиссии — он сам поначалу должен поусердствовать на Мокром.

Пригласил мужиков с лопатами.

Сидели у источника, батюшка больше бодрил себя:

— У Бога всего много. Исходил, порыскал я тут немало. Вода, провижу, есть. Вот мы ее отворим, выпустим из затвора подземного, а там и в город пригласим...

— А не обманком этот источник? А как не даст более того, что изливает? — усомнился морозовский мужик.

— Не будь Фомой-неверующим! — урезонил вопрошавшего отец Федор. — Ну так: сначала рощисти сделаем, а где тычки поставлю, тут и колодцы рыть.

— Глыбко копать?

— До глины, ежели она есть. Ну, с Богом, ребятки!

...Уже первые колодцы показали, что водоносный слой земли покоится на плотной глине, что вода циркулирует на одном горизонте. Это обрадовало, обнадежило священника.

Отрыли колодцы, соединили их стоками, стал Владимирский записывать суточные нормы выхода воды.

Доверие к Мокрому оврагу сильно подорвали засушливые 1890–1893 годы, когда заметно истощился водоносный слой. Но именно в эти годы Федор Иванович с помощью частных пожертвований копал колодцы и рыл новые каналы, устраивал запруды, пробные бассейны для скопления воды и наконец-то смог и себе, и всему городу объявить, что источники вполне могут удовлетворить город отличной водой.

В 1897 году батюшка представил в городскую Думу «Записку», в которой цифрами доказывал, что источники Мокрого оврага дают уже 12 тысяч ведер хорошей воды в день. В городе живет 10 500 человек. По ведру на человека... Немного, но, скажем, в Курске на жителя приходится 1,3 ведра в день, в Казани — 1 ведро, в Саратове — 0,9 ведра, и там не убоились строить водопроводы из местных источников! Можно и должно начать дело в Арзамасе, тем более, что есть возможность увеличить отдачу воды на Мокром...

Увеличить отдачу — значит провести дополнительные земляные работы, создать систему водохранилищ. Члены Думы и соглашались, но денег из завещанных купцами капиталов расходовать не торопились.

...Он только в этот день, 2 октября 1898 года, вернулся в Арзамас из Москвы, куда ездил советоваться по водопроводным делам. За час до появления дома скоропостижно отошла в мир иной матушка Екатерина Дмитриевна, подарившая батюшке восьмерых детей, стойко несшая нелегкий крест семейной жизни, ее сердце было до конца переполнено любовью к ближним... Горько оплакал Федор Иванович утрату дорогой супруги и еще пуще взялся за работы на Мокром овраге.

После похорон зашла в дом Мария, бывшая замужем за работником телеграфа и приватно владельцем типографии Николаем Никаноровичем Доброхотовым.

В комнату крались ранние осенние сумерки, за окнами грустил сырой оголенный сад.

— Вы не скорбите так, отец, — ласкалась словом дочь. Она сидела у темнеющего окна, перебирала в пальцах длинные кисти теплой шали.

Священник в черном подряснике, в своей потертой камилавке из фиолетового бархата тихо сидел в старом кресле и тихо же признавался:

— В храме столько лет провожал в последний путь прихожан. Кажется, давно-давно пора бы и попривыкнуть, а вот... Остаться одному в мои лета... А тут еще и водная затея удручает. Все-то идет ни шатко ни валко...

— В мирском-то я вас укреплю, батюшка, — Мария Федоровна встала и прошла к

высокому зеркалу — на подзеркальнике лежала ее сумочка. Вернулась, выложила перед отцом толстую пачку денег.

— Тут три тысячи рублей — все наши сбережения с Николаем Никаноровичем. — Дочь улыбнулась и стала так похожа на родителя в этой своей улыбке. — Это на «мокрое» дело... После, как сможешь — вернешь. А в типографии заказов так себе, еле тянем...

— Я объявлю эти деньги в Думе, чтобы после знали, что заемные трачу.

— Это уж как хотите!

— С рабочими рассчитаюсь, наконец. Спасибо, доча!

Всероссийский водопроводный съезд, а проходил он в Нижнем Новгороде в конце мая 1903 года, поддержал Владимирского. Все внимание на съезде обратили к арзамасцу. Смотрите-ка, столько лет доброхотных изысканий... Научный подход... Пример для подражания... Побольше бы таких энтузиастов...

Вот как вспоминал один из участников съезда:

«...импонировала и личность докладчика, и то живое увлечение, которое сквозило в каждом слове, в каждой фразе человека, всей душой преданного излюбленному и теперь почти законченному делу. Из уст убеленного сединой старенького священника лилась тоже такая живая речь... Его работа является единственным блестящим выполнением такой задачи, какая оказалась, например, посильной в Германии целому ряду научных сил».

Под громкие аплодисменты с трибуны съезда отец Федор. Особая комиссия из разных отраслей гидротехники и геологии пришла к заключению, что «все работы по каптированию источников Мокрого оврага в Арзамасе, произведенные под руководством Федора Владимирского вполне правильны и соответствуют современному уровню знаний по гидрологии».

Радостным возвращался домой. С доброй надеждой успокаивал себя: ничего-ничего... Тихий воз на горе будет!

Дебют Алексея Максимовича Пешкова (Максима Горького) в русской литературе состоялся в последнюю неделю марта 1898 года. В апреле вышел второй том «Очерков и рассказов». Яркое, раскованное слово молодого литератора сразу заметили критики и читатели. Успех был громкий, неожиданный. Особое внимание привлекли «Песня о соколе», «Макар Чудра», «Челкаш»... Лев Толстой и Антон Чехов увидели несомненный талант «певца протестующей тоски».

Автор из простого народа, пишущий о людях социального «дна», сближается с левым крылом русской социал-демократии, участвует в революционной пропаганде, помогает друзьям обрести множительную технику. В апреле 1901 года в печати появилась его «Песня о буревестнике», предвещающая приближение революции. Революционные романтики подхватили этих «буревестников» и «соколов», стали возносить писателя, объявили его «буреглашатаем».

Четыре раза «нижегородский цеховой Пешков» подвергался дознаниям и арестам. 17 апреля 1901 года его арестовали в Петербурге, посадили, но вскоре выпустили — власти опасались общественного мнения... Позднее по представлению департамента полиции министр внутренних дел отправил Горького в ссылку в Арзамас.

В город Алексей Максимович приехал с семьей 5 мая 1902 года и поселился в большом доме купчихи Мелании Подсосовой на Сальниковой улице, 17. Прожил он тут до 3-4 октября.

В тихом живописном провинциальном городке писателю хорошо жилось и работалось. Тут он закончил драму «На дне», начал пьесу «Дачники», написал очерк «Городок», рассказ «Как сложили песню», одновременно Горький вел немалую переписку с друзьями и издательскими работниками.

Из арзамасцев первым пришел к ссыльному отец Федор.

Что направило батюшку к писателю — простое человеческое любопытство? Наверное, и это. Но хотелось в ожидаемых разговорах понять ту среду, с которой повязал себя ушедший в революцию старший сын Михаил. Подмывало желание поделиться со сторонним той горечью, которая накопилась у священника за долгие годы одиночного поиска воды для Арзамаса. Что таить: иные из градского начальства судачат о причудах «водопроводного попа», живет неверие и в простых горожанах — хотелось пожаловаться не просто стороннему, а известному талантливому писателю, который явно радеет о судьбе простого человека.

До этой первой их встречи, надо полагать, от хозяйки дома, что вышла замуж за либерального врача Н. А. Грацианова и была знакома с семьей Пешковых в Нижнем, Алексей Максимовичи узнал о Владимирском.

Позже он писал: «Я уже много слышал о нем, знал, что сын его политический эмигрант, одна дочь сидит в тюрьме „за политику“, другая усиленно готовится попасть туда же, знал, что он затратил все свои средства на поиски воды, заложил дом, живет, как нищий, сам копает канавы в лесу... а когда сил у него не хватало — Христа ради просил окрестных мужиков помочь ему. Они помогали, а городской обыватель, скептически следя за работой „чудака“, палец о палец не ударил в помощь ему.

...Отец Федор пришел ко мне вечером под проливным дождем, весь с головы до ног мокрый, испачканный глиной, в тяжелых мужицких сапогах, сером подряснике и выцветшей шляпе — она до того размокла, что сделалась похожей на кусок грязи.

Крепко сжав руку мою мозолистой и жесткой ладонью землекопа, он сказал угрюмым басом:

— Это вы — нераскаянный грешник, коего сунули нам исправления вашего ради? Вот мы вас исправим! Чем угостить можете?

В седой бородке спрятано сухонькое лицо аскета, из глубоких глазниц кротко сияет улыбка умных глаз.

— Прямо из леса зашел. Нет ли чего переодеться мне?»

Писатель скоро проникся заботой Владимирского о водопроводе и несколько раз скрашивал дни одинокого в своем подвиге священника, ходил с ним на Мокрый овраг.

Взволнованно, даже в какой-то горячности, сообщал Горький об отце Федоре К. П. Пятницкому — директору-распорядителю издательства «Знание»:

«Познакомился я с одним попом. Хороший, редкий поп!

Здесь нет воды... Он все изучил, расковырял уйму земли, добыл воду, убил кучу своих денег и — не умрет, пока не напоит арзамасцев хорошей водой.

Как приятно встретить среди сонных, трусливых баранов и жадных, скупых волков — упругую человечью энергию, неуклонное стремление к цели сквозь трясины всякой глупости, пошлости и жадности. Сидел он, поп, у меня сегодня, читали мы с ним книжку Мадзини, восторгался поп и говорил мне, подмигивая: „А? Человек-то? Что есть лучше человека? Ничего нет, государь мой! Так и знайте — ничего нет! И другим поведайте — нет ничего, что было бы лучше человека в мире сем!“»

Батюшка стал бывать на Сальниковой у Горького. У писателя в доме шумно,

весело. Вереницей приезжали и неделями жили столичные и нижегородские гости: писатели Леонид Андреев, Степан Петров (Скиталец), театральный деятель Владимир Немирович-Данченко, художник С. А. Сорин, врач А. Н. Алексин, нижегородские революционеры В. Н. Кольберг и П. Э. Гашер, арзамасцы: инспектор народных училищ А. М. Храбров, учителя Д. М. Корнилов, П. П. Цыбышев, сестры Е. Г., Н. Г. Кузьмины и другие.

Лето 1902 года. А. М. Горький с семьей и гостями на крыльце дома Мелании Подсосовой в Арзамасе.

...Как-то Алексей Максимович снова пригласил к себе Владимирского. Сидел он веселый, какой-то домашний, за письменным столом, покрытым грубым серым сукном. В соседней гостиной серебристо звенел веселый смех малого сынишки писателя и слышался тихий, уговаривающий шепот Екатерины Павловны.

— Отец Федор... — Горький заторопился в слове, заметно заокал. — Во-от, возьмите-ка, государь мой, на труды ваши.

И подал аккуратно сложенную пачку денег.

— Сами-то как же? — обеспокоился священник. — Семья у тебя, а потом ежедневно и гостей густовато. Всех кормите-поите — самовар не остывает. А что супруга

скажет?

— Выдержу! — зарокотал писатель. — Мне хороший гонорарий прислали. Берите, берите доброхотную жертву!

И Федор Иванович сдался, опустил усмиренные глаза.

— Беру на нужду народную. Надеюсь, сборне отдадим!

...Плотные, уже затяжелевшие говорливой под ветром листвой, березовые перелески, яркие покрывала луговых окраек на опушках и даже взъерошенные осочными кочками болота — все трепетно росло и цвело под голубым, еще не выгоревшим июньским небом.

Птичье разноголосье весело венчало начало лета.

— Тут каждое дыхание славит Господа, — открыто радовался батюшка в темной широкополой шляпе, в холстинковом пыльнике и крепких смазных сапогах.

— И вы, отец Федор, добрым мастером в этом райском уголке, — писатель спешил угодить словом своему восторженному не по летам спутнику. Высокий, худой, в просторной русской рубаше под ремень, разгоряченный ходьбой, Горький был сейчас красив. Длинные темные волосы, густые усы очень шли к его удлинённому худощавому лицу с глубокосидящими глазами. Он вытирал большим платком легкую испарину с широкого лба и выпирающих скул.

Они наконец остановились на оплечье Мокрого оврага — отсюда далеко просматривались млеющие в разморном тепле солнечного денька голубоватые дали.

— Вот тут я и пребываю смиренным зрителем земли сей, — вскинул руки Федор Иванович.

— Архитерпеливым зрителем... Как же вы воду здесь опознали? — размашисто махал тростью писатель.

— Так, сама себя оказала! Под городом — Теша... Ежели бы мы с вами поднялись над Арзамасом, то увидели бы, что овраги-то к реке тянутся и овраги эти влагой сочатся. Сорока-речка, Рамзай, а это вон болото — они ж первой и верной подсказкой... Теперь у меня задачка деньги взять у Думы — рабочим опять задолжал. Думцы все еще верят и не верят, что я тут обильную воду пророчу...

Писатель привалился к березе, закурил, глухо закашлялся.

— Слышал, что купцы на водовод растрясли мошну?

— Серебренников-то завещал и на страховое общество, и в этом заковыка...

— В Думе, конечно, сидят купецкие степенства... Трусливые, жадные бараны, тупые волки! Да ихними башками арзамасские улицы бы мостить! — внезапно разошелся Горький и затажно закашлялся.

Отец Федор не сдержал себя, укоризненно покачал головой.

— Ой горек, горек ты, дружилушко... Не благоволи употреблять такие ярлыки! Социалист из тебя выпирает, сударь! Тут все сложней. Тут трезвая осмотрительность, бережное отношение к городской казне, а ведь она составляется-то в основном из податной денежки с тех же купцов. С бедняка что взять... Какая там жадность, завещанные капиталы никто умыкнуть не может, они в ста ведомостях записаны вкупе с процентами. Да начни я сейчас перечислять, сколь наши купцы благотворили, так перед ними впору шляпу снять, да и поклониться большим поклоном. Вон, собор Воскресенский, кто поднял?! Это диво дивное мало разве стоило... Что у нас тормозом — косность, неверие, то есть нет еще умного взгляда на природу. Благоговение у русского мужика перед ней есть,

но вот умом еще не всегда достигает — просвещайте-ка вы народ поболее, за обязанность сочтите, что проку хулить направо и налево...

— Ты гляди-и... — отходчиво, даже и добродушно поворчал Алексей Максимович. Он отошел от березы, повернулся с добродушным лицом. — И верно: каждый кулик свое болото хвалит! Ну-с, шагаем дальше?

Священник опомнился, не хватил ли он лишков, не обидел ли писателя? Потому и намеренно польстил:

— Станлив ты, Алексей! Во всем рослый на зависть, ей-ей!

У пруда близ Мокрого оврага.

Как-то в другой раз за легким полевым обедом на том же Мокром Владимирский завел с писателем загодя обмысленный разговор.

Они прошлись по лесу давней натопанной тропой, проголодались и присели у серенькой осевшей копны сена, приглаженной прошедшими дождями.

— Хлеб, рыба и вино, — коротко объявил батюшка и раскрыл кожаную сумку, которую постоянно носил через плечо.

— Вот и хорошо-о! — весело заокал Горький. — Постная трапеза... А то меня Екатерина Павловна закармила, базар у вас дешев...

— Это у жадных-то, тупых волков... — Федор Иванович скособочил голову, — ваши сентенции, господин писатель...

Легкое виноградное вино разливать в старинные серебряные чарки взялся Алексей Максимович. Он был хорош в белой войлочной шляпе, глаза его почти озорно посверкивали.

— Ну-с, за радости жизни!

Охотно поели. Горький удобно устроился у копны, закурил длинную пахучую папиросу, с удовольствием затянулся. Священник укладывал салфетки в сумку. Писатель примял длинными пальцами мундштук папиросы и, хитровато поглядывая на приятеля, шутливо поддразнил его:

— Жду, батюшка, вашего гневливого слова — за этим вы и завели меня сюда.

Отец Федор тоже привалился к копне, тотчас отозвался:

— Помню, грозился я... Изволь, дружилушко мой, выслушать пастырское назидание — сие обязанность слуги Божьева. По доброхотству скажу, а ты покамест молчи, не перечь.

— Любопы-ытно! — насторожился Алексей Максимович.

— Прочитал твои сочинения, сударь... Слишком уж много на страницах авторского напора в словах и деяниях представленных лиц. И все-то оно, знаешь, не ново! Во Франции, начиная хотя бы с Бальзака, пишущие буржуа помойчиками поливают, в Германии тож давненько немецкого филистера беспокоят... А у нас шелкоперы наотмашь стегают заводчиков, купцов, мещан и всяких прочих обывателей. Ну, а мужик, а сельщина-деревенщина для вас и вовсе сплошная дикость. Дорогой дружилушко... Кто тебя в богоспасаемом граде Арзамасе так добротой кормит. Не мужик ли? Сказывал, все дупелей да рябчиков потребляешь: мещанин ведь лазает по болотам. А мещанка у тебя на кухне с раннего утра и до поздней ночи жарит и парит да ведерные самовары таскает... А эти вот отличные сапоги тебе не арзамасский ли мещанин сшил? Эт-то тебе не твои пьянствующие, паразитирующие босяки... А чем русский купец вам не угодил? Нижегородская ярмарка... Названа она карманом России, и кто этот карман исправно набивает?! Да русский купец, начиная с белокаменной, всю Россию отстроил! Знаешь ли ты, сударь мой, что Отечество наше сейчас нависает над всей Европой в своей экономической мощи... заводчики, купцы, рабочие поднимают силу и крепость России!

— В классовой гармонии...

Владимирский будто ждал этих слов.

— Не надо, Максимыч! И в семье-то не всегда миром живут, но вот дело и — дружно хлеб идут жать, и пиво примирительное скопом варят... Ведь я о чем — безнравственно все-то наше черной краской мазюкать. Странно, лучшие писатели из дворян — это крепостники-то! — так мужика простого навек возвеличили, а вы, разночинцы, чем заняты — возле помоек дозорите, в язвах копаетесь. Да разве по язвам о любом народе судят?! Читится народ по лучшему в нем. Думайте, как ваше слово-то отзовется!

Горький сидел с напряженным, даже злым лицом. Закуривая новую папиросу, гремел спичками, ворчал:

— Какие знакомые, какие благонамеренные речи... Но молчу, молчу, раз назидает поп.

— Молчание — золото! — Федор Иванович снял свою шляпу с жесткими полями, пахнувший ветерок приятно освежал его темное уже от загара лицо. — Теперь я, дружилушко, о главном. Тебе, наверное, уж сказывали — мир не без умных людей. Не возноси ты своего босяка, своего сверхчеловека. Ты же в этом на поводу у немца Ницше — читал я, доченька на столе объявила... Ох уж эти сумеречные германские философы! Не породили бы они такого чудища, что будет в миру пострашней Змея Горыныча. Плачем изойдет тот же немецкий люд. Вот ты Сатина мне открыл с его величальным словом человеку, да еще и добавил: «Безумство храбрых — вот мудрость жизни». Нет уж, спаси Господи и Матерь Божья Россию от бесовского безумства!

— Мы противу духовного мещанства! — писателю не сиделось спокойно, он шумел сеном.

— Ах, вы о духовном мещанстве... Ну, так и пишите научные трактаты об оном. У тебя, сударь, ведь уже лозунги, призывы, буреглашатай... А как твое босячество да перейдет в духовное, как вывернется... Не трудно провидеть... Вам, интеллигенции, в первую очередь надлежит опасаться всяких «сверх»... Задумайся, Максимыч, какого предтечу готовите, каков заряд гипноза кроется в твоих энергичных словах.

Бойся стать художником зла. Вон Андреев туда же... Э-эх, повнимательней почитали бы Федора Михайловича Достоевского — прозорливец, он-то увидел того зверя и кощунника...

— Достоевского не люблю! — буркнул Горький.

— Еще бы! Конечно, Левушка Толстой куда проще с его моралью нигилизма и анархизма, с его отрицанием государственности. Это ж подлинный разрушитель России. Ну, разрушим до того основания, и кто окажется под теми страшными обломками. А как революция начнет пожирать своих детей, как в той шибко просвещенной Франции, помнишь ли Робеспьеров?!

— Я противу зла... — хмуро отозвался Алексей Максимович.

— Да уж, конечно, против, но работаешь на пагубу разрушения. Я ведь тоже против... Потому и говорю в храме почти сорок лет одну и ту же проповедь: люди, любите друг друга, не попускайте злу, ибо зло родит только зло!

— Достал ты меня, батюшка-воитель, — уже по дороге в Арзамас признался Горький, заглядывая в лицо приятеля.

— Да что проку! — досадливо махнул рукой священник. — Вы, господин писатель, себе уже не принадлежите, ты, дружилушко, служишь уже той буре... Жаль, мало возле тебя настоящих русских людей. Смотри, после, как ризу свою после бури сушить станешь, как сумеешь сохранить душу, не покайся бы. Поздно будет! Помни, кто замаран злом, от зла и погинет! Впрочем, о чем это я?! У вас свои мудрецы...

Больше на эту тему отец Федор и писатель не говорили, оберегали друг друга, им хватало и того, что соединяло их в это чудное лето 1902 года. Назидания Владимирского писатель вспомнит много, много позже, где-то после семнадцатого...

Случилась и еще одна их встреча, уже в Нижнем, куда возвратились Пешковы из арзамасской ссылки. Да, это тогда Владимирский еще раз погорячился в слове. Он ездил в Губернское по городским делам присутствие, задержался и решил навестить приятеля — Алексей Максимович теперь проживал неподалеку от центра на Мартыновской улице в доме Киршбаума.

Позже в очерке «Леонид Андреев» писатель рассказал: «В Нижнем у меня Леонид встретил отца Федора Владимирского, протоиерея города Арзамаса, а впоследствии члена второй Государственной Думы — человека замечательного...

Октябрь, сухой холодный день, дул ветер, по улице летели какие-то бумажки, птичьи перья, облупки лука... Пыль скреблась в стекла окон, с поля на город надвигалась огромная дождевая туча. В комнату к нам неожиданно вошел отец Федор, протирая запыленные глаза, лохматый, сердитый, ругая вора, укравшего у него саквояж и зонт, губернатора, который не хочет понять, что водопровод полезнее кредитного общества...

Через час за самоваром он, Андреев, буквально разинув рот, слушая, как протоиерей нелепого города Арзамаса, пристукивая кулаком по столу, порицал гностиков за то, что они боролись с демократизмом церкви, старались сделать учение о богопознании недоступным разуму народа.

— Еретики эти считали себя высшего познания искателями, аристократами духа, — а не народ ли в лице мудрейших водителей своих суть воплощение мудрости Божией и духа Его.

— „Докеты“, „офиты“, „плерома“, „Карпократ“, — гудел отец Федор, а Леонид, толкая меня локтем, шептал:

— Вот олицетворенный ужас арзамасский!

Но вскоре он уже размахивал руками перед лицом отца Федора, доказывая ему бессилие мысли, а священник, встряхивая бородой, возражал:

— Не мысль бессильна, а неверие.

— Оно является сущностью мысли...

— Софизмы сочиняете, господин писатель.

... Ниспровергнув все, что успели, мы разошлись по комнатам далеко за полночь. Я уже лег в постель с книгой в руках, но в дверь постучали, и явился Леонид, встрепанный, возбужденный, с расстегнутым воротом рубахи, сел на постель ко мне и заговорил, восхищаясь:

— Вот так поп! Как он меня обнаружил, а?

Он махнул рукою. Я стал рассказывать ему о жизни отца Федора, о том, как он искал воду, о написанной им „Истории Ветхого Завета“, рукопись которой у него отобрана по постановлению Синода, о книге „Любовь — закон жизни“, тоже запрещенной духовной цензурой. В этой книге отец Федор доказывал цитатами из Пушкина, Гюго и других поэтов, что чувство любви человека к человеку является основой бытия и развития мира, что оно столь же могущественно, как закон всеобщего притяжения, и во всем подобно ему.

— Да, — задумчиво говорил Леонид, — надо мне поучиться кое-чему, а то стыдно перед попом...

Снова постучали в дверь — вошел отец Федор, запахивая подрясник, босой, печальный.

— Не спите? А я того... пришел! Слышу — говорят, пойду, мол, извинюсь! Покричал я на вас резковато, молодые люди, так вы не обижайтесь. Лег, подумал про вас — хорошие человеки, ну, решил, что я напрасно горячился. Вот пришел — простите! Иду спать...

Забрались оба на постель ко мне, и снова началась бесконечная беседа о жизни. Леонид хохотал и умилялся:

— Нет, какова наша Россия?.. „Позвольте, мы еще не решили вопроса о бытии Бога, а вы обедать зовете!“ Это же — не Белинский говорит, это — вся Русь — говорит Европе — ибо Европа, в сущности, зовет нас обедать, сытно есть, — не более того!»

У Владимирского было восемь детей: Михаил, Мария, Елизавета, Алексей, Александра, Софья, Елена, Иван.

Почти до конца прошлого века родитель пребывал в том счастливом предположении, что его столь развитые, послушные чада со временем поднимут фамилию, станут доброй опорой родительской старости. Девочек он выдаст за порядочных людей, а старший может далеко пойти по духовной стезе, его ждет Петербургская духовная академия. И младшим сынам сыщется достойное гражданское поприще.

Но вот окончил Михаил Нижегородскую духовную семинарию в 1894 году, окончил ее блестяще и как холодной водой окатил: нейдет он в академию! Он посвятит себя не врачеванию душ человеческих, а лечению грешного тела...

Только на медицинские факультеты университетов принимались выпускники духовных семинарий. Сын уже определил для себя: врачебная наука это так, прокормления ради... За шесть лет обучения в Нижнем он не только вкусил от социалистических идей, но и твердо решил уйти в революцию.

Открылся Михаил, что уезжает с товарищами на учебу в Томский университет.

Родитель, давненько прислушиваясь к внезапным откровениям сына, опередил старшего в разговоре:

— Кружковщину собрались начинать в Сибири, смущать молодежь. Кем же это ты уполномочен судьбу ломать другим, а?!

Михаил повернулся к отцу — сидели на лавочке у калитки дома и смотрели на затихающий к ночи город, посерьезнел лицом.

— Когда Маркса спросили, каково ваше представление о счастье, он, не колеблясь, ответил: борьба!

Федор Иванович тяжело потянул слова:

— В надежде, что оковы тяжкие падут... Вот о чем твои мечтания, попович. Но ведь после старых оков, как показывает история, появляются новые, еще более тяжкие, еще более изощренные...

Через год Михаил, закончивший первый курс медицинского факультета, вернулся из Томска. Он как-то криво усмехнулся в разговоре, коротко отчитался:

— Считаю, никого не совратил — сибиряки тугодумы.

— А теперь, значит, сюда, на стремнину идей и дел... Да ты честолюбив!

— Вот-вот, — порадовался Михаил догадке отца.

С тем и уехал сын в московский университет, опять же на медицинский.

В Москве после разгрома «Рабочего союза» в 1896 году молодого Владимирского арестовали, и он девять месяцев отсидел под следствием в Таганской тюрьме. «Дела не пришли», и Михаил отделался легкой ссылкой в Нижний Новгород. В 1899 году, в разгар студенческих волнений в Москве, Владимирский опять выслан в Нижний, теперь уже под гласный надзор. Осенью этого года он уезжает в Германию и только после окончания Берлинского университета в 1902 году возвращается в Россию. Михаилу 28 лет.

...Едва взят фельдшером близ Арзамаса в Дальне-Константиново — иностранный диплом не давал права занимать врачебную должность. Через четыре месяца фельдшер увольняется за неблагонадежность. В конце августа 1903 года Владимирский сдает экстерном экзамены за полный курс медицинского факультета в Казанском университете и далее служит санитарным врачом в Сормове. В 1905 году принимает активное участие в выступлениях сормовских рабочих, в организации вооруженных дружин. Осенью, опасаясь ареста, скрывается в Москве.

Но вначале Михаил объявился в родительском доме.

И опять отец Федор приступил к разговору, впрочем, уже не надеясь, что его слово что-то изменит в судьбе старшего.

— Елена тоже в сормовских беспорядках была замешана?

— Тоже! — коротко отозвался сын. — Сестра там фельдшером служила.

— От мужа-священника сбежала — позор! Мне-то каково на сердце ложилось?.. Соблазнил ты и сестер, — тоскливо вспомнил батюшка.

Сын — здоровый, начинающий полнеть, качнулся за обеденным столом, забывчиво позванивал чайной ложечкой в стакане, пробовал отшутиться:

— Женщин все равно кто-то да соблазнит...

Федор Иванович будто не слышал этих слов.

— Да согрей они у семейного очага свою семью — разве это не счастье?! Им бы и своей женской, материнской судьбы за глаза хватило. Знала бы мать ваша... Как бы она, голубушка, печаловалась...

Михаил оправдывался и за себя, и за сестер:

— Уж если серьезно, отец. Это вы нас соблазнять-то начали. Сколько раз с завидным жаром вещали о лучших сынах и дочерях России. Это ведь от вас впервые я услышал Пушкина: «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы...» Вот и посвящаем!

В долгом разговоре Владимирский, едва ли не в первый раз, попустил себе, перешел на крик:

— Какие ропотливые вы стали у меня: выучил, выкормил на свою шею. Ему слово а он пять, да все с насмешкой!..

Хлопнул дверью и, снедаемый какой-то неизвестной прежде тоской, заперся в своей горенке.

Сын — уже явно отрезанный ломоть, исчез из дома не попрощавшись.

В сумятице молодости поддался слабости и ушел из жизни второй сын — аптекарский ученик Алексей. Умер в болезни младший Ваня. Тяжело пережил эти две беды священник, навсегда они остались у него в душе острой саднящей болью.

Глядя на старшего брата, преклоняясь перед его «революционной волей», решительным выбором судьбы «борца за счастье народное», одна за другой готовились служить революции и дочери Владимирского. Еще в девяностом году в случайно подслушанном разговоре дочерей услышал он с каким захлебом восторга говорили его милые девочки о Марии Гоппиус, что вела уроки кройки и шитья в городе, о бесподобном учителе городского училища Козыреве. Тогда батюшка еще не догадывался, что Гоппиус — эта маленькая росточком, некрасивая, с каким-то диковатым лицом дамочка — профессиональная революционерка. А вот Николай Козырев — да сей муж почти и не скрывал своих прогрессивных, конечно, взглядов...

Когда Федор Иванович понял, куда и зачем сманили его девочек, было уже поздно воротить их в сытый домашний уют. Да они будто сговорились с Михаилом, и однажды Софья выразительно вспомнила перед родителем: «Не может дочь (в подлиннике „сын“) глядеть спокойно на горе матери родной, не будет гражданин достойный к Отчизне холоден душой!» Может, не прав Некрасов?! И еще более поразила отца Федора прежняя хохотушка Леночка. Прямо в лицо отцу, срываясь в декламации голосом, выпалила слова гимна поэта Плещеева: «Вперед! без страха и сомненья, на подвиг доблестный, друзья!»

Владимирский растерялся, разом почувствовал себя слабым, униженным, и горьким было это его унижение. Бессонными порой ночами в покаянном порыве терзал он себя тем главным: какой ты пастырь, если детей своих не уберег от стороннего влияния. Ну там блудный сын, а девочки-то в пагубе политики! Молчаливой боли нет... Кричала, кричала она внутри батюшки, долго не утихала. Не был ты ревностен, как подобает, к ребяткам, сеял в их души скупое, скупое и пожинаяешь теперь. Очевидно, так... Ты же хотел своим чадам этого... «свободного роста души», глаголил о высокой свободе личности... «Безумство храбрых — вот мудрость жизни!» Так, так тебе и надо! — высмеивал старик свои грешные «демократические» порывы далекой молодости. О, лукавые мудрости века, сколько же вы сатанински содеяли зла во всем мире... Случалось, где-то в дальних тайниках своей души Федор Иванович пусть робко, но оправдывал детей в выборе судьбы, но отец, отец-то в нем чаще вскипал другим.

Дети уходили и уходили из родного дома навсегда. И нет даже слухов, что после, когда они, большевики, столь свободные после революции в обретенных привилегиях, жаловали престарелого родителя своим присутствием. Не провожали

они его и в последний путь.

Утешала одна старшая. Мария Федоровна слыла волевой женщиной, с сильным характером. Мать двенадцати детей, всегда обремененная бесконечными заботами о них и делами типографии, она до самой смерти родителя преданно служила ему, как могла, покоила его старость. Еще сестра Владимирского Елизавета Ивановна — учительница женской гимназии, пока она жива была, до революции помогала вдовеющему брату...

На всякого смертного в то или иное время, а чаще смолоду, нападают они, разные там искушения и соблазны, бывает долго держат в крепком плену греховных затмений слабого телом и духом человека.

Не избежал и Владимирский соблазнов мира сего. Сын псаломщика Владимирской церкви в Арзамасе в 21 год в 1864 году успешно закончил курс Нижегородской духовной семинарии.

Семинария того времени давала довольно обширные знания по трем десяткам разных дисциплин. В программу обучения, кроме специальных предметов, входили: естествознание, логика, древние и новые языки, начала медицины, сельского хозяйства, гражданская история, психология, археология, физика, математика... Семинаристам часто предлагали писать сочинениями разные темы, составлять проповеди, что развивало в юношах и широту мышления, и любовь к слову, учило говорить с будущей паствой, полнее раскрывать сокровенный смысл Божьего слова.

Семинаристы — те, чьи интересы выходили за рамки учебных программ, кто серьезно готовил себя к духовно-нравственному воспитанию народа, много читали, включая лучшие журналы того времени: «Телеграф», «Московский вестник», «Библиотека для чтения», «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Сын Отечества»... Приобщил к этим изданиям арзамасца и Владимир Иванович Даль, детей которого одно время Федор обучал в домашних условиях. Друг Пушкина, автор знаменитого «Толкового русского словаря», не мог не повлиять на литературные пристрастия и мировоззрение молодого человека.

Пытливый разум юноши постоянно искал пищи для осмысления прошлого России, Европы и того, что происходило в русском обществе в эти шестидесятые годы.

Идеи атеистического вольтерьянства первой французской революции, захлебнувшейся в крови, крушение наполеоновской Франции, революции конца сороковых годов в Европе завершились в конце концов крахом утопического социализма и появлением коммунистических идей Маркса.

Русская общественная мысль «разморозилась» после 14 декабря 1825 года П. А. Чаадаевым в его «Философских письмах».

Та часть «просвещенного» либеральнейшего дворянства и отечественной интеллигенции, столь падких на все западное, отринув духовных светочей православия, отпали от благотворных основ народного бытия, потерявши чистоту национальной души, кинулись питаться заемным — изучать Шеллинга, Прудона, Кабе, Фурье, Луи Блана, а затем и Фейербаха. Западные идеи позитивизма, материализма, а после и социализма, начально на уровне публицистики, горячо подхватили в России революционные демократы Добролюбов, Белинский, Чернышевский, Герцен, Лавров, Михайловский... Высокомерный нигилизм Писарева, выродившийся в наглый цинизм, попирающий все нравственные основы, все разрушающий анархизм Бакунина, а после и толстовское опрощение — все эти русские «совлечения» опьяняли, крепко дурманили головы неокрепшей в мировоззрениях университетской и другой учащейся молодежи — одних соблазненных они отвергали от православия, других манили в народники, а третьих прямоком толкали в революционеры-бомбисты, всех же вместе в

«освободительное движение» против царизма, против государственных устоев России.

Семинарист, а потом и священник Владимирский потерялся в разномыслии. Да, жила в нем крепкая, святая сила православия, что создала Русь, великую Россию, вековые традиции нашей государственности, живительные силы здорового патриотизма. Но батюшка несомненно подпал под влияние и христианского социализма. Социализм же навеян гуманизмом! Ведь столь многое, в идеале, согласуется... Царство небесное и царство земное... В христианской демократии примиряются, по заповедям Христа, богатые и бедные...

Полагаем, что арзамасец едва ли не до конца своей жизни «похварывал» христианским социализмом, его коснулись и другие, «передовые» (конечно!) деяния, не случайно потому интерес Федора Ивановича и к Максиму Горькому и другим «новым людям» «новой эпохи».

Россия, нелегко пережившая тайный заговор декабристов против царя, строгости николаевской администрации, отмену крепостного права в 1861 году, только-только начала испытывать себя в рамках либеральной судебной реформы, земского управления, самоуправления городов...

Особых предпосылок в государстве к революции 1904–1905 годов вроде и не было. Потому эта «боевая репетиция» и закончилась скорым закрытием занавеса... В России в начале века финансовое состояние являлось самым устойчивым в мире — в обращении ходил золотой рубль, его принимал, разумеется, весь торговый Запад. Русско-японская война, навязанная извне, на которую ушло 2,5 млрд. рублей, не привела к разрухе промышленности, золотое содержание рубля росло. Гибель солдат на востоке исчислялась мизером по сравнению с общей численностью россиян.

Народ в целом не голодал. Доходы населения увеличивались. В 1905 году построена длиннейшая в мире сибирская железная дорога, которая тут же начала работать на развитие экономического потенциала богатейших восточных районов страны. Увеличивался сбор хлебов, деревня благодаря реформам не так быстро, как хотелось, неуклонно освобождалась от общинного землевладения...

Бурное экономическое развитие России, быстрый рост ее народонаселения показывали, что где-то к 30-м годам XX века восточный гигант будет, безусловно, дозвониться над Европой, превосходить ее в своей мощи. Запад, естественно, опасался этого, и потому совсем не случайно произошла русско-японская война, а затем первая, да и вторая мировая.

Подталкивали Россию к внутренним смутам и к революции. В 1904–1905 годах после заключенного униженного мира с Японией резко возросла революционная пропаганда, в нескольких городах начались открытые выступления боевых дружин против самодержавия.

Оказали себя социал-демократы и в Арзамасе, летом 1904 года они оформились организационно. Под воздействием российских событий 20 июня 1905 года в городе забастовало 56 рабочих фабрики Жевакина и хозяину пришлось увеличить им заработную плату. 7 октября того же года бросили работу арзамасские железнодорожники, произошла забастовка работников почтово-телеграфного ведомства.

Революционные события в стране вынудили царское правительство, царя объявить манифест о «незыблемых основах гражданской свободы».

Манифест вызвал разную реакцию в стране. Умеренные либералы; большинство интеллигенции, учащейся молодежи, деловых людей, купечества, городского и сельского населения с удовлетворением и радостью приняли обещание свободы слова, собраний, союзов, вероисповедания, образование народного представительства в избранной Государственной Думе. Радикал-социалисты и иже

с ними сочли манифест за обман и всюду раздували пламя желанной революции.

...19 октября 1905 года весело зазвонили с утра колокола арзамасских храмов. Соборная площадь скоро заполнилась народом, виделось много интеллигенции, учащихся.

С напряжением слушали в этот сухой прохладный денек люди царский манифест, священники города отслужили царю небесному и царю земному благодарственный молебен.

...Прежний «народник», отбывший ссылку, землевладелец Юрий Тархов сиял лицом. Дюжие руки поставили его, «страдальца за народ», на бочку, с которой он веско одобрял манифест.

Вдруг рядом запели «Марсельезу».

Присланный из Нижнего, надо полагать, большевик Моисеев кричал:

— Манифест — провокация и обман! Долой самодержавие!

Тархов вскинул руки, молебно просил:

— Не надо проклятий и отречений. Все и всем простим. Пойдем на мирную созидательную работу во имя России!

Взметнулся над горожанами красный флаг, загодя приготовленный в доме бывшей домашней учительницы Марии Гоппиус. Наконец-то эта маленькая, тощая особа с холодными жесткими глазами открылась арзамасцам. Впрочем, скоро она исчезла с площади.

От многолюдной толпы на Соборной отделились те, кто встал под красное знамя, и пошли улицами города. В манифестации приняли участие несколько рабочих винного склада и кошмовалов. Юрий Тархов все еще кричал: «Да здравствует свобода!»

Поздно в тот день засыпал растревоженный Арзамас.

Вечером состоялось собрание социал-демократов и эсеров в городском клубе, где после громких речей приняли резолюцию с требованием амнистии политическим заключенным, введения общего избирательного права, отмены смертной казни... Собирали подписи, нашлись те, кто ретировался, отмежевался от радикалов... Партийные активисты решили на следующий день, 20 октября, провести революционную демонстрацию и непременно с участием рабочих. Умельцы далеко за полночь все еще писали грозные лозунги и готовили знамена...

Утром — день уж налаживался, с красным и черным флагом, лозунгами, как говорили, социалисты всех мастей и сочувствующие двинулись от Березовой рощи, что близ Всехсвятского кладбища, в центр города. Ветер трепал полотнища со словами «Долой царя!», «Да здравствует свобода!»

Демонстранты пришли к затешной кошмовальной фабрике с надеждой пополнить свои ряды, но там их встретили и те рабочие, которые вовсе не разделяли громких революционных призывов. Слово за слово, зло на зло, и вот уж послышались крики:

— Бей смутьянов!

— Им царя не надо!

— Им Бога не надо...

Социалисты спешно вернулись на Соборную площадь, где уже собралось немало разного городского люда — многие поняли, что без заварушки в этот день не обойдется. И — точно: зло распоясалось с обеих сторон скоро. Началась драка...

Рядом, у аптеки Москвина на углу улицы Новой, стояла развернутым фронтом полусотня казаков, которые по приказу не вмешивались в происходящее. Оно и понятно: только взмахни нагайкой, как завтра же на всю страну поднимутся газетные вопли: эти верные сатрапы царизма...

Безучастно наблюдали за происходящим и чины арзамасской полиции во главе с исправником Софоновым.

— Служивые, вы что же не прекратите!.. — разноголосо кричали из толпы благонамеренные обыватели.

— Так ведь объявлена свобода волеизъявлений... Народная демократия в действии! — мрачно шутил Софонов, зная, что он-то и окажется главным виновником этого дня, на него навешают всех собак, на нем и отыграются те же леваки. — Мы, граждане, люди в шинелях, не приказано мешать проявлению народных устремлений. Молите Бога, что дело закончится несколькими пощечинами, а то ведь может дойти и до того, что в городе не останется ни одного «пиджака»...

А страсти на площади разгорелись не на шутку.

Тут-то в скором порыве и появился на Соборной Владимирский.

С крестом в руках смело вошел он в бурлящую толпу, и голос его, полный напряжения и боли, услышали все:

— Откуда у вас такое зло, а, братья?! Да побойтесь вы Бога!

Те, кто подняли кулаки на «смутьянов», неохотно, но мало-помалу начали отходить — их успокоил крест.

В эти короткие минуты отхода «черносотенцев» и услышал батюшка такое горькое, разом доставшее до сердца.

Ехидный голос откуда-то справа вопрошал:

— Ты, кутейник, спроси-ка у своего сыночка Мишеньки, у дочек своих спроси: откуда оно зло на нас кидается?!

И Федор Иванович замер в себе от убойного укора. Сник, смолчал — толпа медленно расступилась перед священником.

С этого дня он и стал страдающим отцом. И не хотелось — так не хотелось, но признался себе, что он несчастлив в детях. И в этом его, его первая вина.

В России свирепствовал политический террор.

Ну, как ему не свирепствовать, если даже в тишайшем Арзамасе за осень 1905 года торговцы скобяным товаром Вербовский и Вандышев продали желающим до пятидесяти револьверов, немалое число патронов к ним, а еще и до двадцати кинжалов, финских ножей. Так просто было: заходи в лавку, плати — вооружайся и, копя злобу, присматривайся в кого бы пальнуть из-за угла. Мало того, левые создали в городе боевую дружину из 30 человек и, естественно, обучались стрельбе — после сгодились!

Росло и росло число жертв террора.

«С февраля 1905 года по май 1906 года совершено пятнадцать покушений на губернаторов и градоначальников, 267 — на строевых офицеров, двенадцать — на священников, двадцать девять — на торговцев. Среди жертв террора — дети».

Первая Государственная Дума, а выборы в нее проходили в марте 1906 года, распущена царским манифестом 8 июля ввиду неконструктивной ее работы,

резкого противостояния правительству. Левые и другие с ними, не имея законного права обращаться к населению напрямую, в пропагандистских, провокационных целях открыто пообещали изъятие частновладельческих земель, чем и вызвали волну террора в деревне. За 1905–1906 годы сожжено и разграблено около двух тысяч усадеб.

Почти двести членов распущенной Думы обнародовали воззвание: «Не платить податей», «Не отдавать сыновей в солдаты». И это породило всплеск новых спровоцированных беспорядков. Произошли даже военные бунты на флоте, попытки всеобщей забастовки в Москве.

После роспуска первой Думы премьером правительства в России стал мужественный, энергичный П. А. Столыпин, прежде занимавший пост министра внутренних дел.

12 августа террористы взорвали дачу Столыпина под Петербургом. Ранены дети премьера, погибло тридцать человек и столько же ранено. Терпению властей пришел конец, и 25 августа для борьбы с террором опубликован закон о военно-полевых судах, который действовал до весны 1907 года. За время это казнили по приговорам всего 683 человека. Вместе с тем была опубликована программа реформ, издан ряд указов, которые заметно улучшили положение крестьян, давали свободу старообрядческим общинам, ограничивали рабочий день на предприятиях, ввели день отдыха торговым служащим.

Левая и другая открытая печать — а после манифеста 1905 года выходили газеты и другие издания самых различных партий и направлений, пугала россиян военно-полевыми судами, «стольпинскими галстуками», ругательными ярлыками: «черносотенец», «погромщик», «националист» и т. д. Правительство же убеждало народ: «Сначала успокоение, а потом реформы». Но бомбы и выстрелы гремели и гремели.

Позднее, в 1909 году П. А. Столыпин дал интервью французскому журналисту Гастону Дрю. Тот спросил: верны ли заявления о том, что Россия тонет в произволе?

П. А. Столыпин отвечал:

«Да, я схватил революцию за глотку и кончу тем, что задушю ее, если сам останусь жив... Революционеры обвиняют нас в жестокости... Я сошлюсь на факты. Знаете ли вы, до какой цифры достигают в 1906–1907 годах проявления бандитизма и анархических покушений?

В 1906 году совершено 4742 покушения, в которых поплатилось жизнью 738 должностных и 640 частных лиц. Ранено 972 должностных и 707 частных лиц. В 1907 году зарегистрировано 12102 покушения, убито 1231 должностное лицо и 1284 ранено. Частных лиц убито 1768, а ранено 1734. Экспроприировано из казны и у частных лиц 2 771 000 рублей. В 1908 году состоялось 9 424 покушения, убито 365 должностных лиц, ранено 571. Убито частных лиц 1349, ранено 1384, экспроприировано 2 200 000 рублей. Итого за три года — покушений 26 268; убито должностных лиц и частных — 6091, ранено больше 6 тысяч, ограблено — более 5 млн. рублей».

В ответ на массовый террор начался, было, террор «черносотенцев». Из видных левых убито всего трое — два депутата Госдумы и редактор «Русских ведомостей». На этом террор патриотов почти прекратился.

Выборы во вторую Государственную Думу состоялись в январе 1907 года, а открытие ее произошло 20 февраля.

6 марта премьер П. А. Столыпин выступил с декларацией правительства. В ответ же на привычные угрозы он твердо заявил: «Не запугаете». А на другом заседании в ответ на чрезмерные требования тех же левых и иже с ними произнес: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». В связи с тем, что

думская фракция социал-демократов начала незаконно создавать свою «военную организацию» в войсках, 3 июня появился манифест о роспуске и второй Государственной Думы.

Депутатом этой Думы совсем не случайно избрали Владимирского. Федор Иванович всегда верно служил родному городу.

В 1895 году специалисты завершили проектирование железной дороги от Нижнего Новгорода до Ромоданово. Инженер Александров предлагал построить вокзал для Арзамаса за Выездной слободой близ напольной церкви, что во всех отношениях не устраивало горожан. Направили батюшку в Москву в железнодорожное ведомство, и там он настоял, чтобы здание вокзала и все станционные строения расположить над «Заводским участком».

Май 1899 года. По инициативе отца Федора учащиеся школ Арзамаса заложили около Рамзайских источников сосновую рошу в память столетия со дня рождения великого Пушкина. Лесные посадки в районе роши продолжались и впоследствии.

4 ноября 1903 года вдруг загорелось внутри Крестовоздвиженской церкви, что стояла рядом с родовым домом Владимирских. Случился священник дома — дал знать о пожаре и бросился в храм бороться с огнем. Вскоре стихию укротили.

И позже, будучи уже членом второй Думы, Владимирский не раз хлопотал перед высшими властями по просьбам простых людей. Спас он нижегородских крестьян: Василия Лебедева, Ивана Абрамова, Василия Иванова и Василия Курышева. 1 марта 1907 года Николай II помиловал их, виновных в тяжких преступлениях, смертная казнь заменена каторгой.

По доброте своей батюшка проектировал даже жилые дома своим землякам.

На одном из заседаний второй Государственной Думы выступил и Федор Иванович.

...Торжественный Екатерининский зал Таврического дворца в Петербурге. Высокая трибуна. В тишине старый священник говорит поначалу тихо, как бы отрешенно, но его голос все крепнет, все набирает силу и слышен во всех уголках огромного колонного зала.

Он хорошо обдумал свое выступление. Десятки лет говоривший проповеди, церковнослужитель мог бы уснастить свою речь высокими цитатами, но отец Федор говорил просто, как с авмона храма. Ратовал Владимирский за отмену военно-полевых судов.

...С христианской точки зрения суды эти не отвечают Божьим заповедям. Христос дозволил себя убить, чтобы люди более не убивали друг друга. Правительство, признающее себя христианским, должно и править людьми по-христиански... Правительство первым обязано пойти на примирение с теми, кто начинает открытую борьбу. Революционный террор в разгаре, следует немедленно прекратить противостояние обеих сторон... Устраиваются самосуды на площадях, а ведь манифест 17 октября девятьсот пятого года даровал неприкосновенность личности...

В конце речи, как бы спохватившись, наверняка зная, что кто-нибудь может выкрикнуть каверзный вопрос, отец Федор заявил, что он принадлежит к русским людям старого строя, которые на весь мир отличались своим благодушием, своим геройством за справедливость...

Бурные аплодисменты центра и левых стали ответом на слова арзамасца. Батюшка — невысокий, плотный, тяжело сошел с трибуны, а потом решительно присоединился к рядам конституционных демократов — к оппозиции!

Вскинулся и мощный ропот патриотов. И без того взволнованный, Федор Иванович пришел в замешательство. Все правильно он сказал. Исходил от заповеди Христа: «Не убий!»

Позднее, в разбросе мыслей объявил себе: но в святом Евангелие определено, что всякая власть от Бога. Как же поступать с террористами этой власти? И что значат слова: кто взял меч... Царь — это законный представитель верховной власти, его власть освящается церковью, помазанник Божий обязан охранять своих подданных, страну от внешних и внутренних врагов... Что же ты, когда речь-то готовил...

Не столько само выступление Владимирского против военно-полевых судов взорвало патриотов-государственников — о судах и другие говорили, сколько открытое присоединение священника к кадетам. Это был уже вызов правительству, а значит и царю. Казалось бы, священство — первая опора трону, а тут...

И — началось. Синод заподозрил протоиерея из Арзамаса в революционной пропаганде и временно ему запретили службу в храме.

В Арзамасе благочинный Троицкий, исправник Софонов и городской голова Бебешин написали донос на батюшку, повязали его со свободомыслием, объявили о его принадлежности к «красным». Авторы напоминали, что Федор Иванович водит знакомство с бывшим народовольцем Юрием Тарховым, инспектором народных училищ Арзамасского уезда либералом Храбровым и, наконец, с писателем А. М. Пешковым, который сделал «характерную надпись на собрании своих сочинений, подаренных Владимирскому».

Бумажный донос послужил основанием для дотошного расспроса отца Федора в нижегородской Духовной консистории, однако «дела» не получилось, так как авторы доноса «трусливо попрятались».

А случись «дело», очевидно депутату Думы был бы задан тот главный вопрос, который задал начально в Арзамасе благочинный:

— Какой вы, пастырь, оказывается, простачок... Этого не знали, этого не ведали. Вас в депутаты Думы выдвинули кадеты — почему именно они? Уж коли вы независимы, как утверждаете, так взяли бы да и сразу отказались публично от притязаний тех кадетов и прочих аплодирующих... И все тотчас определилось. И отпали бы разные подозрения. Ведомо ли вам, батюшка, что в городе нашем о вас многие говорят как о крамольнике, красном прихвостне...

Пересилил себя, сделал-таки смелое публичное заявление Владимирский: он вне партий!

30 июля 1907 года председатель думской фракции Долгорукий объявил, что Владимирский не принадлежит к какой-либо фракции в Государственной Думе и в частности к кадетам. 17 октября того же года вышло уведомление Нижегородской Духовной консистории о том, что с протоиерея сняты всякие подозрения в политической неблагонадежности.

Так вот и замяли «дело» — огласка его наделала бы много шума в оппозиционных кругах. Синоду и нижегородскому епархиальному начальству сего не требовалось...

Прочитал Федор Иванович уведомление, бросил бумагу на край стола, задумался в настоявшейся тишине своей комнаты. Так одиноко в ней, не придет матушка Елизавета Дмитриевна, не приласкает взглядом родных глаз, не успокоит добрым словом — один, опять не с кем размыкать душевную тугу.

Как все складывается, как он оказал себя! Благочинному не ответил, трусливо отмолчался. И в девятьсот пятом на Соборной площади, когда о сыне и дочерях кто-то прокричал в спину... Умышленно, малодушно смолчал — согрешил! Ведь и молчание, в иных случаях является тяжким грехом. Ну сколь не молчи перед людьми, а наедине-то не сцепишь зубов, в молчанку играть не станешь. И начал священник дотошно перебирать свои грехи, а после явилось и покаянное отрезвление, осознание, что впал он в искушения и соблазны грешного мира, позволил ввергнуть себя в мирскую суету сует, очертя голову ринулся в политические страсти и, вовсе не желая того, стал игрушкой для политиканов. И

ведь сам, сам качнулся к ним, никто тебя насильно за рясу не тянул к тем же кадетам... Нет, как же, позвольте, сударь...

Отец Федор с облегчением вздохнул, когда в самом начале июня этого 1907 года прочитал манифест о роспуске второй «говорильни», об изменении избирательного закона.

Наконец-то вернется он в родной Арзамас, в то свое первобытное, как говорят, состояние, такое далекое от дурных ветров истории, от бреда политической жизни. Давно заждался его Мокрый овраг, на котором он делает для породнелых людей поистине доброе, святое дело!

Уже перед самым отъездом из Петербурга вдруг вспомнилось:

Арзамас, Арзамас, Мы соскучились по вас!

Эва откуда тепло дохнуло! Двустешие это пришло однажды в голову, когда он, будучи еще семинаристом, отправлялся на летние вакации в родительский дом.

Какие хорошие, неторопливые шли годы...

Тогда, после отъезда Пешковых из Арзамаса, Владимирский не дал себе расслабиться. Поддержанный писателем словом и рублем, он без устали руководит работами по насыпи плотин для трех водоемов и главного пруда в границах оврага, после площадь водохранилища составила 3500 кубических сажен. В последующие годы рабочие прорыли водосборную магистраль, обложили ее камнем дренажным способом. Исправно давали о себе нужные сведения наблюдательные скважины.

Городской голова Бебешин вдруг — не показно ли? — зауважал батюшку, а прежде было и открытое несогласие между ними. Так, еще в 1903 году члены Думы включили Федора Ивановича в Водопроводную комиссию с правом решающего голоса, но Бебешин отклонил кандидатуру священника.

Отец Федор тогда не выдержал, встал и высказался открыто на очередном заседании комиссии:

— Как-никак, я немало положил трудов, практически создал уже водосбор. Поймите, не ради пустого тщеславия... Я должен влиять на принятие всяких дальнейших решений в водопроводном деле. Корысти, опять же, моей тут нет! Стану говорить высоким штилем: свершаем дело Богу угодное, а беднякам зело нужное. Дать воду городу — это работа, освященная трудами угодников Божьих, начиная с древнего патриарха Иакова и кончая новоявленным чудотворцем преподобным Серафимом Саровским. Вы что же, муж двоедушен, идете противу Божьего и человеческого?..

Бебешин обмяк полным лицом, опустил глаза. Возражать священнику было нечего — прав!

Члены Комиссии потянули руки в поддержку Владимирского, утвердили его в своих рядах. Теперь он мог полноправно влиять на решения своих товарищей.

Труднее оказалось склонить городские власти к широким, нужным тратам завещанных купцами тысяч на водопровод. Оно и понятно: деньги лежали в банке, с них шли проценты на городские нужды, а нужды эти не кончались.

И верилось Бебешину. Тот как-то принялся убеждать:

— Телеграф разве мало нам стоил?! Пятьдесят тысяч город задолжал за открытие новых школ, женской прогимназии. А на благоустройство сколько ухлопали. Реальное открыли... Отец Федор — все это же на ваших глазах... Да стань я далее перечислять!

В 1908 году в Арзамас приехал инженер Московской водопроводной службы Е. К. Кнорре, чтобы поддержать Владимирского. 5 сентября Евгений Карлович написал в Думу:

«Приехав в Арзамас, я немало был удивлен видеть здесь примененным уже способ искусственного увлажнения почвы для усиления источников, исполненным по инициативе протоиерея Ф. И. Владимирского им лично. Городу Арзамасу принадлежит честь такого нововведения в водопроводном деле впервые в России, насколько мне известно».

Полагаем, что не без участия батюшки 350 домохозяев города подписали заявление в городскую Думу с требованием строительства водопровода. С таким же предложением выступили и члены ремесленного цеха Арзамаса. Уже и Губернское по городским делам присутствие настоятельно советовало заняться водопроводом не мешкая.

Наконец Дума решительно качнулась к делу, стала оплачивать все плановые работы. Но и после этого «водопроводному попу» попортили кровушку. Возник инженер Фадеев со своими замечаниями «О деятельности Мокрого оврага». По мнению дипломированного специалиста, что был призван сделать окончательное заключение по водосбору — несть же пророка в отечестве своем! — Фадеев заявил, что овраг «ясно маломощный, а значит для водопровода и бесперспективный». И далее ученый муж давал ряд рекомендаций по очистке воды.

Федор Иванович такого «вывода» не ожидал, возвысил в Думе свой голос:

— Ка-ак это так?! Да у меня же многолетний журнал регистрации количества истекаемой воды за сутки, за месяцы, за годы... Да, как он смел, Фадеев?! Этот зложелатель в душу мне плюнул...

6 мая 1910 года священник дал доказательную в цифрах объяснительную записку на заключение Фадеева, начисто опроверг выводы самонадеянного спеца, который не скрывал своей неприязни к отцу Федору.

Цифры Владимирского оказались красноречивыми: до начала разработок источников Мокрого оврага они давали в сентябре 1899 года до 9 тысяч ведер воды в сутки. После постройки водосборных сооружений, даже в «тропически жаркое лето 1906 года» баланс выхода подземных вод составил 43 210 ведер воды в сутки — это 5-го июля! Вот и выходило, что на каждого арзамасца истекало два ведра в сутки — этого вполне довольно! К этому Федор Иванович предлагал действенные меры для дальнейшего увеличения водоотдачи Мокрого оврага.

... Члены Водопроводной комиссии сидели с довольными лицами. Бебешин встал из-за стола и торопливо подал отцу Федору свою мягкую вялую ладонь.

— Если и что было, пробегала там какая кошка, простите, батюшка!

— Бог простит! Так начинаем тянуть водопровод?

— Пора.

— Слава тебе, Господи! — истово перекрестился священник.

...Этот 1912 год арзамасцы сравнивали с 1812 годом — годом победы над европейскими полчищами Наполеона. Сто лет спустя горожане праздновали победу воли русского человека, которая «живой водой» влилась в каждый дом и подняла в душах такое же великое торжество, какое испытали они 15 сентября 1842 года, когда освящали последний престол во имя Иоанна-воина, завершили почти тридцатилетнее созидание Воскресенского собора, посвященного подвигу россиян в Отечественной войне.

22 января — воскресный денек выдался тихим, мягким. Пышные гроздья серебристой изморози свисали с деревьев, лица собравшихся у водонапорной

башни румянились — поистине молодеет зимой наш человек!

С утра — молебствие в переполненном соборе. Отслужили панихиду по усопшим жертвователям на водопровод Иване Степановиче Белоусове и Петре Ивановиче Серебренникове. Потом народ отправился на Мокрый овраг, там молебен отслужил сам Владимирский, а теперь вот шло освящение водонапорной башни. Тут служило все священство города.

На лицевой, обращенной к городу, стене башни из красного кирпича так хорошо смотрелся большой образ Христа с жаждущим юношей.

Батюшка, давно привыкший к службе в храме, к близости внимательных глаз мирян, сейчас чувствовал себя как-то стесненно — арзамасцы смотрели на него с такой живой, горячей благодарностью... Вон и художник Кошелев. Вполне светский человек, академик, профессор, столь известный в художественных кругах России, а вот тож с лаской в темных прекрасных глазах. Да, похоже это действительно праздник для всех...

Наконец кончилась служба, в бодрящем воздухе растаял сладковатый дымок ладана — из крана шумно хлынула вместе с вспышкой холодного пара прозрачная тугая струя родниковой воды, и толпа горожан дружно подняла радостный крик — ур-ра! Гремел духовой оркестр.

К Федору Ивановичу торопились, кто с поклоном, кто с крепким рукопожатием, а кто и с простым «спасибо». Николай Андреевич едва протиснулся к священнику. Молча взглянули друг на друга. Показалось, что профессор был слишком уж красив с его длинными каштановыми волосами, что выбивались из-под искрящейся бобровой шапки, с заиндевелой бородой и легкими усами.

— Отец Федор... Через триста пятьдесят лет со времени основания города дали вы его людям чистую, живую воду... У меня родня вчера даже всплакнула на радостях...

— Я сам рад-радешенек! Ведь через душевные скорби и труды долгих лет далось мне, всем арзамасцам... — батюшка не договорил, к нему подступала для благословения и благодарности бедно одетая старушка. — После мы с тобой сойдемся, Николай Андреевич, после...

В двенадцать дня городская Дума давала банкет с подношением благодарственных адресов Владимирскому.

Федор Иванович с наперстным золотым крестом и орденом Святой Анны на груди в своей старенькой наградной камиллавке из фиолетового бархата — седой, с сухим утомленным лицом старого человека сидел на почетном месте смущенный, счастливый.

Собравшиеся почтили вставанием память жертвователей на водопровод, а также бывших городских голов Афанасия Федоровича Колесова и Ивана Ивановича Потехина, которые в свое время в меру своих возможностей способствовали снабжению наиболее бедных горожан водой. И участники банкета тепло поблагодарили инока Арзамасской Высокогорской пустыни Алексея Львовича, который много поработал с Владимирским по созданию водосбора.

Говорил, мягко откашлявшись в кулак, историк города Николай Щегольков.

Едва ли не с детства приятели, они, любящие свой город, отдали ему свои жизни, все свои труды.

— Вот он, Федор Иванович... Свершил гражданский подвиг, и честь и хвала ему! Да что похвалы наши... Сам Господь воздаст подвижнику по заслугам...

И председатель Водопроводной комиссии Думы И. И. Муравин расточал похвалы, а потом объявил:

— Сословное собрание решило возбудить перед высочайшею властью ходатайство о присвоении Владимирскому звания Почетного гражданина города Арзамаса и наименовании именем Вашим городского водосбора и водопровода. Первая идея исследования источников Мокрого оврага всецело принадлежит Вам...

Глаза старого священника увлажнились, когда читался этот вот приветственный адрес:

«Мы, граждане города Арзамаса, купеческого, мещанского, ремесленного и иных сословий, покорнейше просим Вас принять нашу искреннюю, глубочайшую благодарность за Вашу инициативу и те огромные труды, которые понесены Вами по устройству питьевого, пищевого и противопожарного водопровода в Вашем родном городе Арзамасе.

Ваши свыше двадцатипятилетние труды всегда будут в памяти нашей, детей наших и будущих поколений. Земно кланяемся Вам, глубокоуважаемый, добрый ПАСТЫРЬ; да продлит Господь Бог Вашу деятельную, высокополезную и драгоценную жизнь еще на многие годы для служения бедному, страждущему народу... Граждане города Арзамаса».

Тут же отец Федор был избран и Почетным попечителем водопровода.

Была шумная застольная часть банкета. Весело хлопали пробки дорогих вин. В застолье чинно сидел назначенный заведующим городским водопроводом Василий Сергеевич Шныров. Уже после, провожая Владимирского до вешалки, совершенно искренне объявил:

— Ваше дело покорило всех!

...Уставший, батюшка вернулся домой, прилег на старом диване, перебрал в памяти прошедший день, подивился такой открытой людской благодарности к нему. Да что, собственно, сделано? Ведь он по обязанности... С древних времен — времен библейского Моисея — духовные давали людям воду. Он только исполнил свой долг перед бедняками. И вся-то радость для него подспудная, что Господь умудрил и дал сил на исполнение этого святого долга.

Тихо, глуховато били старые напольные часы и странным образом напомнили глуховатый голос Алексея Пешкова. Вот бы кого желал видеть на банкете. Вот бы чье слово истинно помаслило стариковскую душеньку. Давненько молчит, надо написать ему, дружилушке.

Только летом почтальон Юрлов принес в небольшой серенький домик на улице Новой письмо с иностранным штемпелем,

— Радуйтесь, Федор Иванович! Знаю, ждали вы...

И подал плотный конверт.

Сладко зыбнуло сердце. Вона где он, Максимыч... Отец Федор заторопился в свой густой вишневый сад, в спасительную тень зеленой листвы. Водрузил на нос очки и развернул бумагу.

Горький писал:

«Дорогой ютец Федор, прочел я в „Нижегородском листке“ об открытии водопровода, вспомнил героические труды Ваши, наши хождения по лесу вокруг „Мокрого“, лицо Ваше и речи, вспомнил все и радостно заплакал. Такой праздник душевный все это, и так прекрасно, ярко встала предо мною Ваша жизнь, Ваша добрая работа. Вы простите меня, что пишу Вам, старшему, в таком тоне, но Боже мой, как мало на Руси людей, Вам подобных, и как высока цена жизни, велико значение работы таких людей».

Батюшка бережно свернул лист, понюхал — чуть слышно отдавало табачной

горчинкой.

— Так ведь и не бросил курить! — поворчал вслух Федор Иванович. — А ведь я просил, просил! Да где же молодежь стариков слушает...

И Владимирский тихонько засмеялся, сам не зная отчего.

Александра Георгиевича Чернорукова Владимирский сторонне называл «мой сотрудник». Объявился он подручным по водопроводу, кажется, с весны 1920 года.

Черноруков с рачением отдался делу, не обманул ожидаемых надежд Федора Ивановича, незаметно стал близок к одинокому, давно заштатному священнику, нередко занимал его всякими разговорами — время шло такое бурное, страшное: русские люди в дьявольском ослеплении, остервенело истребляли друг друга под улюлюканье недругов России.

Как-то Александр Георгиевич, ругая окаянство гражданской, ругая все и вся — опять на базаре цены безбожно взлетели, сообщил неожиданное:

— Намедни остановил художник Иконников, очень уж желает написать ваш портрет.

...Они возвращались с Мокрого — сивая кобылка бежала легко, тележка постукивала колесами по засохшим комьям дорожной грязи — денек настоялся славным: желтым пожаром полыхала березовая роща, обрызганная красными кистями раскидистых рябин. Тихие, примятые прошедшими дождями стожки сена на опушке грустили над побуревшей луговиной.

— Чево ж он сам-то не изъяснился желанием? — повернулся к Чернорукову батюшка. Тот торопил лошадку, прихлестывал ее гладкие бока волосяными вожжами.

— Знать, не по летам стеснителен. Задумал он, как сказывал, написать портреты интересных арзамасцев...

— Уходящих людей на память потомству... Что же, замах хороший — явит нам проходное свидетельство в грядущие времена. Передай, пусть заходит. Экой день-от разгулялся! Голубизна небес святым спокойствием дышит. Во-от, Александр Георгиевич, как бы люди не бесновались в своих заблуждениях, как бы не поганили свою жизнь — мир Божий во все времена, во все веки — прекрасен! Уж одна красота его должна бы вразумлять враждующих, умирять и возвышать, звать к пониманию и любви — ан нет, не могут еще люди подняться до осмысления этих дарованных в вечное назидание красот, и все больше и больше звереют в своих социальных расправах, в жажде власти. Повторяю десятки лет всем и каждому: любите друг друга — так это просто и ясно...

Иконников любил акварель, он избрал ее давно, когда еще жил, работая и учась в доме Андрея Осиповича Карелина в Нижнем. Европейски известный фотограф содержал у себя рисовальные классы, и юный Алеша скоро освоил гипсы, живую натуру, а в фотосалоне хозяина овладел и тонким искусством ретуши, способом подкрашивания фотографий — оптический аппарат да рука художника отлично дополняли друг друга. Обретенный навык в рисунке, усвоенная техника акварели и соделали портретиста Иконникова.

Знать, работа понравилась Владимирскому, и однажды после конечного сеанса Федор Иванович, разминаясь перед художником, долго сидел напряженно, озаботился:

— Чем же вознаградить тебя за труд? — священник хитровато поглядывал на франтоватого Алексея Дмитриевича, тот донашивал береженные дореволюционные костюмы... — А, вот что! — старик торопливо закивал головой — бодрил свои

мысли. — Ты говоришь, что мое лицо выразительно, даже красиво. Перестань! Владимирские никогда красотой не отличались. Так вот, напишу-ка я тебе, землячок, портрет своей духовной личности. Вы... многие из вас, художников кисти и пера, мягко говоря, живете в мире сем потерянно... Как ты сейчас-то?

Иконников махнул рукой.

— Трое дочерей... Ладно, что моя Мария Григорьевна батрачкой в огороде и саду — кормимся подсобным. Прежде, при царском-то прижиме, платили мне в гимназиях впо-ол-не приличное жалованье, то я и скопил на постройку дома. А ныне картошечка на базаре некупна — о чем говорить! Девчонок одевать не во что!

— Так-то вот в царстве труда и свободы... Ну-ну, не смотри на меня так, не привычен старик изворачиваться в слове. Я и смолоду правду-матку всегда возносил. Сан не позволяет кривить душой.

Алексей Дмитриевич получил рукопись от священника. Она называлась коротко, емко «Мое кредо».

Работа уместилась на десяти большеформатных страницах, она переписана с оригинала женской рукой красивым, даже изящным почерком.

— Великие потрясения, кровавый раздрай переживаем, дорогой Алексей. За грехи тяжкие наказуемся! Но после бури всегда наступает затишье, обретается в мире тишина и грустный покой. Сегодня атеисты воюют и против веры человека во Всевышнего. Но придет время, опамытуются иссушенные души, поймут такое простое, что они минутным гостем на земле, а Бог, а мир вечен. И придут в нашу православную церковь покаяться и набраться сил на предбудущее. Ты будешь подготовлен к этому времени моими словами... И еще к напутному слову: учи дочерей любить и друг друга, и людей. Ступай!

Иконников жил в конце прежней Ильинской улицы в своем небольшом двухэтажном доме. Радовал поднявшийся сад, по летам Мария Григорьевна — красавица смолоду, пестовала тут лучшие в городе цветы. Вечером Алексей Дмитриевич поднялся на второй этаж в свою мастерскую, присел к настольной лампе и стал читать.

Вначале показалось странным, что отец Федор слишком уж долго не говорит о себе, но каждое слово на странице несомненно подавалось душой его.

Сперва Владимирский излагал, как любовью Бог сотворил мир, создал человека и вдохнул в него жизнь, бессмертную душу.

Иконниковаудивила логика изложения, особая научность, как ему показалось. «Это пишет эрудированный богослов,» — порадовался художник и опять углубился в чтение.

Взволнованно были написаны строки о небе Божиим, его внешней открытой и для человека красоте, о сокрытом смысле звездного мира.

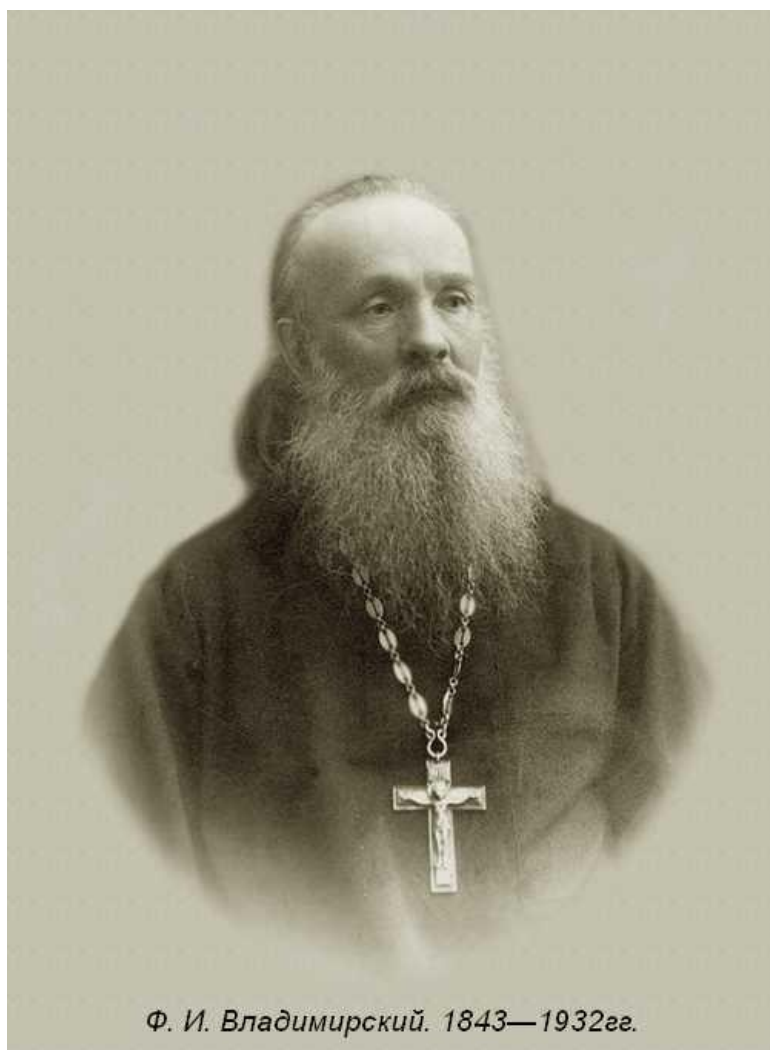
«Творцом необъятной и беспредельной вселенной с ее бесчисленными мириадами миров не напрасно раскрыта чарующая картина звездного неба пред человеком с челом, обращенным не к земле, как у бессловесных животных, а в высоту небесную.

Только в этой одной чудной картине, особенно в премудром устройстве вселенной, человек наглядно уже может видеть с одной стороны величие и благость ее Творца, а с другой понимать и свое собственное высокое назначение, решительно отличающее его от других земных тварей».

И через несколько строк:

«Думаю, раз Творец создал весь этот чудный космос и вложил в разумную душу

человека незыблемые идеи: Добра, Истины и Красоты, то не может человек проходить слепым мимо величия необъятной и беспредельной вселенной подобно бессловесному животному».

Ф. И. Владимирский. 1843—1932гг.

Развивая мысль далее о множестве миров, автор «Кредо» говорит и о братском общении всех разумных существ вселенной, подкрепляя эту мысль словами Иисуса Христа: «В доме Отца Моего обителей много».

Яркими словами проповедника батюшка излагает блага любви Божией к своему детищу — человеку, говорит о высоком назначении его, просвещенного любовью его, духовной сущности, и далее — до конца поется восторженный гимн Богу, Христу, его любви к человеку. Но также говорит отец Федор и о греховности человека, последствиях этой греховности. И еще о смерти, которая существует по собственной природе физического мира и является вследствие этого неизбежной. В физический мир первородный человек ввергнул себя тогда, когда отведал плод с запрещенного дерева. «...Люди подчинили свою духовную природу физическому закону механической причинности и, значит, ввели свой дух в общую цепь мировых вещей».

В «Моем кредо» Федор Иванович подводит читателя к мысли: «...кто имеет благодатную любовь к себе, будет ли убивать других, себе подобных? Кто любит Бога и ближнего своего, разве может пожелать чужой собственности? Любящий Бога и ближнего своего разве станет отнимать и похищать ему не принадлежащее? Все это зло произошло и происходит в мире от оскудения, а иногда и совершенного

погашения Божественной любви, внедренной Творцом в разумных Его созданиях. Вообще всяким общественным деятелям нелишне вспоминать справедливые слова Л. Н. Толстого: «Только увеличение любви между людьми может изменить существующее общественное устройство».

В своем откровенном, в этом «Моем кредо» видим отклик арзамасского священника на те пережитые страшные события, свидетелем которых он стал. Три революции, первая мировая война, гражданская с военным коммунизмом, хозяйственная разруха, ломка всего уклада прежней жизни, бесчисленные жертвы... В чем можно было найти опору тогда отцу Федору — в этом вот гимне чаемой христианской любви человека к человеку. Слова «Кредо» стали духовным завещанием не только художнику Иконникову, но также всем арзамасцам, всему русскому православному миру на все времена!

Заканчивалась работа пастыря евангельским заповеданием, словами святых проповедников: «Носите бремена друг друга и так исполните закон Христов». (Галатам 6, 21).

К пониманию Владимирского как служителя Господа является и вторая его известная нам работа.

28 августа (старого стиля) 1926 года батюшка написал «Пятидесятницу». После он признавался: «А, „Пятидесятница“ имеет связь с кончиною моего Вани». Потерял его родитель 16 мая 1882 года.

Произведение невелико, но оно обладает большой эмоциональной силой, свидетельствует о великом счастье — утешении Богом смятенной души отца, потерявшего свое дитя.

«Во время освящения Святых даров произошло как-то вдруг, совершенно неожиданно, что-то необычайное, которое словами трудно передать со всеми подробностями душевного переживания. Произошло следующее: главная сущность самосознания (дух) как будто куда-то, оставляя телесную свою оболочку, устремился к самостоятельному и обособленному от телесного существа бытию.

Процесс этого восхищения исполнен был какою-то несказанною тихою радостью, совершеннейшим душевным покоем и искреннейшею любовью, объемлющею всех и вся — всякого друга и недруга безразлично».

Батюшка пришел в смущение: слишком уж необычным было его состояние, чтобы дать ему надлежащую оценку. Тут Федор Иванович и услышал как бы внутренний голос: «Чего ты, глупыш, смутился?»

И состояние радости, мира и покоя не ослабло и далее, когда священник после литургии был в доме церковного старосты, а потом и у себя дома, в своей семье. Домашние не заметили в нем никакой перемены.

Признание дальше:

«Особенно замечательной чертой, по моему мнению, в этом душевном переживании было ясное до реальности ощущение самого источника переживаемого настроения, находящегося не во мне самом, а вне меня, как бы от „НЕЧТО“ меня окружающего и вливающего в меня „услаждение духа“. Причем с моей стороны не требовалось ни малейшего напряжения к поддержанию протекающего душевного настроения. Требовалось только в простодушии держать двери души моей открытыми и благодатный источник сам собой вливался в мою душу подобно тому, как благодатный воздух вливается в открытые двери и окна жилища».

«Из всего пережитого в описанном душевном состоянии с совершенной для меня несомненностью имел возможность как бы воочию убедиться в субстанциональности бытия, как окружающей меня таинственной силы, совершающей услаждение нашего духа, так и самого нашего психического

существа — духа».

И в конце:

«Запоздание написанного на несколько годов нисколько не препятствует точности повествования, ибо вот прошли десятки лет, а все пережитое для меня все так живо; как будто это было вчерашний день».

Уже эти две работы Владимирского говорят о его постоянной, богатой внутренней духовной жизни. И напрасно некоторые местные краеведы заземлили личность отца Федора, выделяя только его гражданские мужественные устремления. Добрые устремления практические дела Федора Ивановича всегда опирались на Божью силу, которая даруется тем, кто любит ближних и дальних, кто живет для других людей.

Однажды, листая «Ниву», увидел репродукцию картины известного художника Максимова «Все в прошлом» и невольно загрустил. Вот и он такой же седенький, на исходе, как и старая барыня, и у него все в прошлом, в далеком прошлом...

В этой своей тоскливой грусти и начал Владимирский ворошить прошлое, прожитое.

Ежели о гражданском служении людям — успел всего-то в двух делах. Сказал на всю Россию слово — нашумевшее слово в Думе, а потом привел в город дар Божий — спасительную воду.

Как это там у Гаврилы Романовича Державина: «Река времен в своем течении уносит все дела людры...» В забвенье уходит та думская речь его, а не станет ныне здравствующих арзамасцев — для многих вновь рожденных истаёт память и о трудах его, да и о нем самом. Разве новые дотошные Щегольковы иногда помянут на страницах своих книг.

Одно оказалось навсегда живо: его служение Богу и людям в храмах — в кровь, в гены православных оно вошло. Святое таинство служения, как и благодать Божья — навечно живо и действенно.

Тем укреплялся, что для него-то самого еще не ушло прошлое, оно еще не оборвало ближних и давних связей. Крепкой была нить этой связи с Горьким — человеком, который повязал с собой и еще в будущем повяжет многих и многих, ибо большой притягательный талант живет долго-долго — уж такова его счастливая судьба.

Писатель на какое-то время озаботил батюшку той тысячью рублей, которые Алексей Максимович передал на строительство водопровода. Федор Иванович, в крайних случаях, тратил свои рубли, дочери Марии, посягнул на те пятьсот целковых, которые завещали ему родители на помин души, но тысячу-то Горького берег. В 1912 году он ждал письменного распоряжения от приятеля.

Дружилушко не замедлил отозваться с острова Капри, что в Италии. «Деньги, о коих Вы пишете, я не считаю принадлежащими мне и не вижу за собою права распоряжаться ими, — это ваши деньги, и мне горячо хотелось бы, чтобы они легли в основание библиотеки как ваша личная жертва благому делу».

Отец Федор объявил властям города волю писателя, и 4 марта 1914 года городская Дума постановила: «Признать пожертвование в собственность города 1000 рублей имени Алексея Максимовича Пешкова с тем, чтобы проценты с 1000 рублей выдавались на нужды существующей в г. Арзамасе Некрасовской библиотеки».

Радовали старика пусть и редкие, но искренние слова признания его прошлых заслуг. Так, в 1913 году участники очередного Всероссийского водопроводного съезда в Риге высоко оценили труды Федора Ивановича, которые «вполне

соответствуют современному уровню знаний гидрологии». Специалисты благодарили арзамасца за то, что он «познакомил съезд с его оригинальными и чрезвычайно интересными и вполне целесообразными работами по каптированию Мокрого оврага в Арзамасе».

В 1915 году Владимирский послал Горькому свою брошюру о водосборе и водопроводе. На этот поистине творческий отчет батюшки писатель отозвался взволнованным словом: «Восхищен Вашей энергией. Будьте здоровы, редкий человек, сердечно приветствую Вас».

...Оказался нужным Владимирский Советской власти. 26 ноября 1918 года уисполком назначил его на должность заведующего водосбором и водопроводом. Ему предоставили для разъездов лошадь, выдавали «красноармейский паек». Старик рекомендовал начать строительство второй очереди водосбора и бассейна на Мокром, понимая, что населению города расти.

В 1922 году состоялся 12-й Всероссийский водопроводный съезд, и отца Федора пригласили на его заседания. Он выступил перед коллегами с призывом шире использовать подземные кладовые воды, делился своим опытом работы. Съезд признал, что гидросооружения по типу арзамасских «могут служить практическим примером в решении вопроса водоснабжения местностей бедных хорошей водой».

... Зеркало безжалостно показывало ущербную старость: поределье седины длинных волос, которые он заплетал на затылке в косицу, белую, иссеченную уже бороду, глубоко запавшие глаза, потерявшие прежний живой блеск. Все чаще прислушивался к себе, все чаще ощущал затяжную усталость. В конце 1923 года Арзамасский уисполком передал все водное хозяйство под ответственность инженера Гусева, а на Федора Ивановича возложили лишь надзор за состоянием водосбора и водопровода.

Одиночество скрашивали, а точнее еще больше нагнетали щемящую тоску старые, зажившиеся на белом свете священнослужители, с кем некогда начинал нести святое тягло церковной службы Господу. Недужные, смиренные, они приходили прощаться, отдать последний поклон. Батюшка ответно кланялся каждому, принимал и отдавал последнее целование... А вот старый подруг, верный сомысленник Николай Щегольков не успел проститься. Ведь еще и не стар, ему бы жить да жить — замучили сердце историка допросами, наглыми наскаками не в меру ретивые совдеповцы.

Он, Владимирский, еще знавший тех, кто, не щадя живота своего, изгонял из пределов Отечества пестрые полчища Наполеона, воспитанный на патриотической послевоенной литературе 20—40-х годов прошлого века, на правде Некрасова, Достоевского, Лескова, не принял братоубийственной гражданской, понимая, что кому-то очень надо бросить на распыл русских в костер мировой революции.

Священник не мог принять и грубого изъятия церковных ценностей в 1922 году и репрессий против церковных иерархов. Почему же сын, что так удобно уселся в высоких московских креслах — такой честный о прошлом, такой непримиримый борец за свободу, не подал голоса протеста?! А что же доченьки-большевички, мечтавшие о всемирной справедливости, о достоинстве каждого человека...

Никогда Федор Иванович не принимал насилия. Потому и выступал во второй Государственной Думе против военно-полевых судов...

Едва только разогрел себя старым честными вопрошениями, как тут же чей-то смешливый голос из-за левого плеча хихикнул с издевочкой и зачистил: сынок и дочери во власти-сласти, пригрелись, развелись... Понимай! Ну, а ты, честной старче, что же ты. Почетный гражданин града сего, не кинулся с крестом к исполкому с протестом, а?! Ну, потерял бы жизнь в подвале или в овраге, увенчал бы себя мученической смертью при защите Дома Молитвы... То-то! Смалодушничал, духовного мужества не хватило. Да, да, эт-то тебе, правдолюбец, не старые времена, нынче все куда как покрусче...

И, едва не бегая по своей комнате, уже сам себя бичуя, зло хохотал, кричал, тыча перстами в грудь:

— Во-от... Ты некогда уговаривал себя, что возможен он, христианский социализм. Как же ты забыл, что социализм Маркса — это атеизм! Тщился в чаянии добра соединить несовместное. Да-а... Сколько прекраснотушних слепцов поддались на эту удачку, но теперь естественно отрезвели — помилуйте-с, неувязочка вышла-с... Как там, Максимыч: человек — это звучит гордо и куда как великолепно... «Безумство храбрых — вот мудрость жизни»?! Кайся, кайся, старик... И поднимай чистоту православия!!!

А нет, оказывается, не отрывался от души Горький. Ведь тогда, в самом-то начале века в нем еще жила такая подкупающая искренность. И человеческая, и писательская. Но уже и в ту пору не принимал священник Владимирский «глашатая» и «буревестника», как можно лепить кумира, когда сказано: не сотвори его! И сверхчеловека Горького провинциальный пастырь не принимал. Ведь за этим «сверх» уже тогда виделась страшная личина социального насилия... Да-с, и тебя, старче, взяли грехи под белые руки...

В апреле 1927 года городские власти определили Владимирскому персональную пенсию и отпустили на покой.

...Грелся на ярком и теплом весеннем солнышке, щуря слезливые стариковские глаза, смотрел на грязноватые остатки тающего снега под густым вишенником, соглашался, успокаивал себя: полно, тебе восемьдесят четыре года, ты уже обузой новым людям, новому времени. Радуйся, истекло бремя дел твоих и кончились всякие туги сердца — нет всяких там забот и ожиданий.

В 1927 году прощальной радостью строки Горького.

Ждал Федор Иванович его слов. Составился исторический очерк водопроводе, отослал его своему дружилушке, и Алексей Максимович не замедлил отозваться:

«Искренне уважаемый отец Федор!

Примите мою сердечную благодарность за Вашу добрую память обо мне. Очерк, присланный вами, напомнил мне историю самоотверженного труда вашего на благо людей, напомнил мне жизнь мою в Арзамасе и все то, поистине прекрасное, чем наградило меня знакомство с вами.

На днях приедет из Москвы Екатерина Павловна, — ее тоже обрадует весть о вас.

В моих воспоминаниях о Леониде Андрееве я решил позволить себе упомянуть и о вас, — не сетуйте на меня за это! Весьма жалею, что все еще не нахожу времени достойно описать подвижническое житье Ваше, дорогой человек.

З/IX — 27 г. Сорренто. Почтительно кланяюсь.

А. Пешков — Горький.

Рад буду, если напишите о жизни вашей более подробно».

...Постучала летом в дверь арзамасская девица Лена Курячевая, тогда студентка Нижегородского университета.

Слово за слово... Прочитала она очерк «Леонид Андреев» Горького, и вот захотелось встретиться, значит...

Позже, много лет спустя, рассказывала:

«Здороваемся. Принимает очень радушно. Начинаю разговор.

— Вы ведь знакомство водили с Горьким, когда он жил в Арзамасе.

— Как же, как же, большими приятелями были. Алексей Максимович очень интересовался моей затеей — снабдить город хорошей питьевой водой. Немало побродили мы с ним по Мокрому оврагу...

Задаю Владимирскому последний вопрос:

— Правда ли, что Горький хотел написать вашу биографию?

— Да, хотел, но я отклонил это. Ведь мы с Алексеем Максимовичем все-таки люди разных убеждений, и я опасался, что он представит жизнь мою в нежелательном для меня духе...»

Разбередила душу священника скоро ушедшая девица.

Отец Федор мелкими торопливыми шажками ходил по летней, ярко освещенной в этот день комнате, путался в длинном старом подряснике и, по многолетней привычке священнослужителя, картинно воздевал руки пред собой, крепким голосом убеждал себя:

— Да-с, именно в духе, в духовном, в главном несовпадении у нас с тобой, Максимыч. И не надо Владимирскому приписывать то, что ему всегда было не свойственно! Так-то, сударь мой...

Не написал Горький биографического сказа о Владимирском.

Но он всегда помнил об арзамасце и попытался использовать гражданский подвиг Федора Ивановича в своем литературном персонаже. В 1930–1931 годах писатель работал над неоконченными сценами пьес «Евграф Букеев» и «Христофор Букеев». В обоих набросках явлен некий священник Самсон, который с завидным упорством строит водопровод для своего городка, а богатенькие тихой сапой так и этак мешают этому. В городке десять тысяч жителей. И в этом тоже совпадение с Арзамасом. В тексте писателя Самсон проходит через горнило революции...

Прошел и Владимирский через горнило революции, но чистых риз своих ничем не запятнал!

В 1927 году Федор Иванович написал в частном письме: «Кое-как тяну свою жизненную лямку. Благодарение Богу, без острых немощей».

До самого конца он держался на ногах и пребывал в твердом уме и ясной памяти.

Батюшка сознавал, что зажился на белом свете. Уже почти никого не осталось из тех, с кем некогда входил в жизнь, с кем делил незабывный праздник детства и юности, кого уважал, с кем делил постоянные житейские приязни. Одни были, как говорят, «на месте», других повыметали из насиженных отчих гнездовий крутые ветры революции и гражданской — родной Арзамас для него опустел.

Он попросил, чтобы свозили на Мокрый овраг.

Опять в миру красовалось красное лето. Походил, полюбовался истоком чистых подземных вод, тихими прудами в оторочке темной осоки, медленно прошелся по лесу, где когда-то бродили с Горьким и говорили, невинно дурачились и спорили. Посидел на знакомой лавочке возле маленькой часовенки, которая осветила навсегда дорогое для арзамасцев место. Попрощался с людьми, что обслуживали систему, и так почтительно встретили старца.

...Тележка опять мягко катила по накатанной дороге, только не было рядом дружилушки Максимыча, и мысли были не те, давние. Более не бывать «водному труднику» в сих местах породнелых. Березовая роща-то как поднялась, иные березы уж застарели... Ладно, будь ты, Владимирский, тем радостен, что всю свою жизнь отдал «малым сим».

В последнее время больше молчал. Часто лежал на старом диване, прислушивался, как с каждым днем все слабее, все тише билось усталое сердце и становилось трудно дышать. Все чаще захватывала смертная тоска, и отец Федор понимал: это душа просится к Богу.

Молился, готовился предстать перед Всевышним. С него, пастыря, особый, строгий спрос.,

Последнее, что сказалось священником людям в том помянутом письме: «Любящий вас Владимирский».

Спокойно произнес сокровенные слова:

«Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по слову Твоему с миром...».

Умер Владимирский 10 июля 1932 года в возрасте 89 лет.

... В памяти арзамасцев, в памяти всех, кто знал его, он навсегда остался отцом Федором.

Отцом!

АРЗАМАССКАЯ ХРОНИКА

1556 г. Основан Арзамасский Спасский мужской монастырь.

1562 г. Упоминание в жалованной грамоте Е. Д. Бахметеву «Орзамаса» и Собакинской волости. Грамота неподлинная, копия XVII века.

1564 г. 8 марта. Грамота Ивана Грозного мордвину И. Кельдяеву на вотчину в Арзамасском уезде.

1572 г. Жалованная грамота Ивана Грозного своему сыну на «город Арзамас с мордвами и черемисами...»

1574 г. Грамота Ивана Грозного Марье Абрамовой в Арзамасский уезд в Иржинский стан.

1578 г. Современная условная дата основания города.

1606 г. Осень — начало зимы. Арзамасцы выступают на стороне самозванца против царя Василия Шуйского. Подавление сторонников самозванца.

1608 г. 30 марта. Гибель отряда арзамасцев в бою против польского отряда полковника Лисовского под Зарайском.

1638–1643 г.г. Строительство соборной церкви Преображения Господня в Спасском мужском монастыре. Древнейший из сохранившихся архитектурных памятников города.

1670 г. Октябрь — декабрь. Казни в Арзамасе участников крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина. Казнь предводительницы одного из крупных повстанческих отрядов — Алены Арзамасской в г. Темникове.

1708–1710 г.г. В России образованы 8 губерний. Арзамасский уезд вошел в Казанскую губернию.

1719 г. Арзамас причислен в состав вновь образованной Нижегородской губернии. В Арзамасе открыта первая частная школа.

1720–1730 г.г. При Спасском монастыре открыта Духовная школа.

1721 г. В городе на основании «Регламента главного магистрата» открыл свои действия городской магистрат, как административно-полицейский, судебный и налогово-выборный орган.

1726 г. Большой пожар уничтожил крепостную стену, которая более не возобновлялась. Сгорел в центре города Николаевский монастырь, много частных строений.

1742 г. Построение первого каменного Воскресенского собора.

1767 г. 11 июня. Город проездом посетила императрица Екатерина II, возвращающаяся из путешествия по Волге.

1774 г. Июль — август. Арзамасская провинция охвачена крестьянским восстанием. В город введены войска для подавления отрядов Е. И. Пугачёва.

Август. Пребывание А. В. Суворова в Арзамасе.

8-9 ноября. Через Арзамас в Москву провезли под конвоем Е. И. Пугачева.

1775–1850 г.г. «Золотой век» Арзамаса — время бурного развития экономики города.

1776 г. 13 февраля. Родился А. В. Ступин — основатель первой провинциальной

школы живописи в России. Умер академик в 1861 году.

1779 г. 28 декабря. В России упраздняется власть воевод. В городском управлении появляется городничий, капитан-исправник... Городское самоуправление включает в себя городскую Думу, магистрат, уездный, земский и сиротский суд, мещанскую управу.

Арзамас вновь стал центром Арзамасского уезда Нижегородской губернии. В городе открыты ремесленные цеха: кожевенный, скорняжный, крашенинный и калачный.

1781 г. Родился М. П. Коринфский, выдающийся русский архитектор, много работавший в Поволжье. Умер в Казани в 1851 году.

16 августа Арзамасу дан герб и первый «Геометрический план» застройки.

1787 г. Открыто малое городское училище. В 1808 году преобразовано в уездное, а в 1878 году — в городское.

1802 г. После окончания академии художеств А. В. Ступин открыл школу рисования и живописи. Существовала до середины 1861 года.

1805–1855 г.г. Годы жизни и творчества известной русской писательницы М. С. Жуковой. Часть детства и юности провела в Арзамасе, после писала о нем. Умерла в Саратове.

1808 г. В городе открыт лазарет.

1809 г. Упразднена существовавшая с 1787 года ремесленная управа с ее цехами.

1812 г. Формирование в Арзамасе полков народного ополчения. Создание Арзамасской дружины народного ополчения, которая приняла участие в военных действиях против французов в Германии.

1814–1842 г.г. Строительство нового каменного Воскресенского собора в честь победы русского оружия над Наполеоном. Автор проекта храма М. П. Коринфский...

1815 г. Духовная школа преобразована в Духовное училище.

1823 г. Большой пожар в нижней части города. Сгорело с 6 на 7 августа 120 домов.

1830–1833–1834 г.г. Проезд через Арзамас в родовое Болдино А. С. Пушкина.

1833 г. На кожевенном заводе купца П. И. Подсопова появилась первая в городе паровая машина.

1845 г. Ноябрь. Открыта первая в городе частная библиотека Сахарова.

1851–1885 г.г. «Серебряный век» Арзамаса. Спад экономики города.

1856–1919 г.г. 18 апреля. Родился историк города Н. М. Щегольков.

1858 г. 30 января. Открыта общая ремесленная управа после 48-летнего закрытия цехов.

1861 г. Учреждена, а в 1862 году открыта публичная библиотека при Крестовоздвиженской церкви.

1864 г. 12 сентября. Приступило к работе Уездное земское собрание.

1869 г. Судебная реформа упразднила сословные суды. Учрежден новый мировой суд с участием прокурора и адвоката.

1869 г. 2 сентября. Проездом в Арзамасе останавливался Л. И. Толстой.

1870 г. Продолжается демократизация властных структур в России. Создается в Арзамасе городская Дума и ее исполнительный орган — городская управа с выборными депутатами.

Открытие по инициативе А. Н. Карамзина — сына историка, благотворительного Кирилло-Мефодиевского братства, которое много способствовало делу народного просвещения.

1872 г. Открытие женской прогимназии на базе первого приходского женского училища, открытого в 1861 году. С 1902 года — Екатерининская гимназия.

1874 г. 1 октября. В городе заработал телеграф.

1877–1878 г.г. Участие добровольной дружины арзамасцев в русско-турецкой войне на Балканах.

1885–1900 г.г. Время «Арзамасского лихолетья» — резкого спада экономической деятельности.

1890 г. Начало работы по исследованию запасов грунтовых вод в районе «Мокрого оврага» для проведения водопровода в город.

1900 г. Создание социал-демократического кружка в Арзамасе.

1901 г. 11 августа. Начало движения по железной дороге Нижний Новгород — Арзамас.

1902 г. 5 мая — 3 сентября. Пребывание в ссылке А. М. Горького в Арзамасе.

1903 г. Открытие школы ремесленных учеников. Открытие педагогических курсов при Екатерининской женской гимназии.

Арзамасский социал-демократический кружок преобразован в группу РСДРП.

1904 г. 9 марта. Открыта библиотека им. Н. А. Некрасова.

3 октября. Открыто Реальное училище.

1905 г. 20 июня. Забастовка рабочих кошмовальной фабрики Жевакина.

19–20 октября. Первая революционная демонстрация в городе в связи с обнародованием царского манифеста 17 октября.

1906 г. 2 июня. Нелегальный уездный съезд крестьянских комитетов.

1908 г. Открыта учительская семинария.

1909 г. Открылось движение по Московско-Казанской железной дороге. Возникла станция Арзамас-2.

1910 г. В городе открылся первый кинематограф «Мираж» В. К. Воскресенского.

1912 г. 22 января. Открытие водопровода в Арзамасе, построенного при активнейшем участии священника Ф. И. Владимирского.

1913 г. 15 декабря. Начала работать телефонная станция.

1915 г. Стачка рабочих на заводе Бебешинной.

1916 г. Появление в Арзамасе первой электростанции на войлочной фабрике Жевакина.

1917 г. 27 февраля. Падение самодержавия в России. Создано Временное

правительство, создание Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

17-18 ноября. Провозглашение Советской власти в Арзамасе.

БИБЛИОГРАФИЯ

(Основные труды)

- Нестеров Ф. Связь времен. «Молодая гвардия». — М., 1987.
- История города Горького. — Горький, 1971.
- Каптерев Л. М. Нижегородское Поволжье X-XVI веков. — Горький, 1939.
- Мельников П. И. (Андрей Печерский) Соч. Т. 7. — СПб, 1909.
- Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. — Ставрополь, 1993.
- Иоанн, высокопреосвященнейший, митрополит С-Петербургский и Ладужский. Будь верен до смерти. (Православие и современность) — М., 1993.
- «За землю русскую!» Памятники литературы древней Руси XI-XV веков. — М., 1981.
- «Историческая хрестоматия по русской истории». Т. 1. — СПб, 1880.
- Козлов Ю. Ф. Страницы правления государства российского. — Йошкар-Ола, 1990.
- «История СССР с древнейших времен до 1861 года». — М., «Просвещение», 1993.
- Макарий, архимандрит. Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния. — СПб, 1857.
- «Святая Русь или всенародная история великого Российского государства» IX-XIX в.в. — М. 1994.
- «Очерки истории Арзамаса». — Горький, 1981.
- Терешенко А. Заметки об Арзамасе. — «Москвитянин», 1852. Т. 6.
- Щегольков Н. М. Исторические сведения о городе Арзамасе. — Арзамас, 1911.
- Щегольков Н. М. Арзамасский Воскресенский собор. — Арзамас, 1909.
- Георгиевский Г. П. История Смутного времени в очерках и рассказах. — М., 1902.
- Смирнов Д. Н. Очерки жизни и быта нижегородцев XVII-XVIII веков. — Горький, 1971.
- Шишов Алексей. Крылами бьет беда. — «Молодая гвардия», М., 1990.
- Мордовцев Д. Л. Русские женщины. — М., 1993.
- Гацисский А. С. Нижегородка. — Н. Новгород, 1877.
- Крестьянская война под предводительством С. Разина. Сборник документов. — АН СССР, М., 1957.
- Костомаров Н. И. Бунт Стеньки Разина. — «Отечественные записки», 1858, декабрь.
- Смирнов П. П. и Чистякова Е. В. Алена Арзамасская-Темниковская. — Саранск, 1986.
- Записки иностранцев о восстании Степана Разина. — Л., 1968.
- Курмачева М. Д. Крестьянская война 1773-1775 г. г. в Нижегородском крае. — Горький, 1975.

- Пушкин А. С. Сочинения. Т. 6. — СПб, 1859.
- «Русские мемуары». Избранные страницы. 1800-1825 г.г. — М., 1989.
- «Приходское чтение». 1912, № 23, 25.
- «Отечественная война» — СПб., 1912.
- Кондратьев И. К. Драма на Лубянке. Божие знаменье. — М., 1992.
- Щегольков Н. М. Исторические сведения о городе Арзамасе. — Арзамас, 1911.
- Описание Сатисо-Градо-Саровской пустыни. — М., 1866.
- Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. — М., 1880.
- Ступин А. В. Собственноручные записки о жизни академика А. В. Ступина. Щукинский сборник. Вып. 3. — М., 1904.
- Назимов М. В провинции и Москве. — «Русский вестник», 1876.
- Путевые записки графа Д. И. Хвостова. — М., 1824.
- Короленко В. Г. Рассказы и очерки. — Горький, 1948.
- Корнилов П. Е. Арзамасская школа живописи первой половины XIX века. — Л. — М., 1947.
- Свиньин П. И. Поездка на Нижегородскую ярмарку. — «Отечественные записки», 1821, 45.
- Федоров С. И. Марьино. — Воронеж, 1965.
- Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. — СПб., 1994.
- Карпов Г. М. Русская культура на пороге новой эпохи — XVII век. — М., 1994.
- Егерев В. В. Архитектор М. П. Коринфский. — Казань, 1961.
- Дульский П. Михаил Петрович Коринфский. — Казань, 1917.
- Фаворский И. Памятник 1812 года в Арзамасе. — «Москвитянин», 1841, ч. V.
- Еремеев П. В. Зодчий Поволжья. — «Записки краеведов». Н. Новгород, 1991.
- Коноплева М. Мария Семеновна Жукова. — «Голос минувшего», 1913, N 7.
- Межевая М. Н. М. С. Жукова. — «Русские писатели в Саратовском Поволжье», Саратов, 1964.
- Еремеев П. В. Мария Семеновна Жукова. — «Записки краеведов». Горький, 1981 г.
- Федотов-Давыдов А. В. Г. Перов. — М., 1934.
- Дитерихс А. К. Перов, его жизнь и художественная деятельность. — СПб. 1893.
- Лясковская О. А. Перов В. Г. — М., 1979.
- Владимирский Ф. И. Записка об устройстве водосбора из источников Мокрого оврага. — Арзамас, 1915.
- Горький М. Собрание соч. в 30 томах. Т. 28. — М., 1954.
- Горький М. Портреты. — ЖЗЛ, М., 1967.

Острецов В. Черная сотня и красная сотня. — М., «Отечество», 1991.

Кожин Вадим. Загадочные страницы XX века. (Черносотенцы и революция) — «Наш современник», 1994, № 3.

Дьяков Игорь. Забытый исполин. — Роман-газета, 1994, № 20.

Фонды Государственного архива Нижегородской области.

Фонды Арзамасского филиала Государственного архива Нижегородской области.

Фонды Арзамасского историко-художественного музея.

Действия Нижегородской Губернской ученой архивной комиссии (ДНГУАК),
Сборники... — Н. Новгород, 1887-1917 г.г.

Бебешина Н. Н., Иконникова И. Д., Потехина А. С., Лисина Н. М., Пыхониной А. Н.,
Холодной М. А., Формозова Г. Н., Яковлева В. А., Айгистовой Е. Ф., Щеголькова
Н. Ф., Перетрутова Н. Н., Доброхотовой Л. Н., Курячьсвой Е., Шилова С. и др.

ОБ АВТОРЕ

...писатель, журналист, краевед.

Родился 12 июля 1930 года в селе Большой Имыш Ужурского района Красноярского края. Детство и юность прошли в поселке Луговом Молчановского района Томской области...

В 1943 году П. Еремеев окончил семилетнюю школу в поселке Луговом. Получил профессию библиотекаря в Томском библиотечном техникуме (1947–1950 гг.), позднее заочно окончил Московский институт культуры. Работал в редакции «Причудымской правды» (г. Асино), заведующим Асиновской районной библиотекой. С 1962 года жил в Арзамасе, где работал в местной газете, в филиале Госархива, в краеведческом музее, преподавателем краеведения в школах.

Член Союза журналистов, Союза писателей России. Лауреат Пушкинской премии. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

До последних дней писатель активно продолжал свою деятельность, работал над новыми произведениями. Скончался 12 мая 2005 года.

Петр Васильевич ушел из жизни, оставив большое литературное наследие. Его называли «арзамасским Нестором». Занимаясь изучением истории Арзамасского края, старинными ремеслами, бытованием людей, он выпустил несколько книг об истории города, таких как «Арзамас-городок», «Арзамасские мастера», «Пушкины и Арзамас», «Арзамасская муза», а так же, не мало, очерков на историческую тему. В 1983 г. по его пьесе «Выстрел в галерее» был поставлен спектакль на сцене Арзамасского драматического театра.

Второе направление творчества писателя — сибирская тематика. Ей посвящен ряд художественных произведений, таких как «Пятая мата», «Обиход», «Чулымские повести». И не случайно.

Родился «арзамасский Нестор» в глухих ссыльных местах Нарыма, детство и юность его прошли на суровых берегах реки Чулым, рано началась тяжелая трудовая деятельность в Усть-Чулымской сплав конторе, куда он пришел тринадцатилетним парнишкой в 1943 году.

О литературном творчестве Петр Васильевич начал подумывать, участь в Томском библиотечном техникуме, а затем пробуя себя на журналистском поприще в родном Причудымье.

В Арзамас Петра Васильевича привела, ни много ни мало, любовь. Наталья Владимировна став супругой еще молодого литератора стала и его музой, она

поддерживала его во всех начинаниях не только словом, но и делом, всю их долгую совместную жизнь.

О творчестве Петра Васильевича Еремеева «Арзамасская правда» публиковала глубокие аналитические статьи профессора Арзамасского педагогического института Г. А. Пучковой. Высокую оценку документально-художественной прозе талантливого арзамасца дал нижегородский писатель — Юрий Адрианов. Доброе слово о книге Петра Еремеева «Обиход» сказал академик Д. С. Лихачев

«Арзамасу, где издавна прижился коренной сибиряк Еремеев, повезло. Никто из местных краеведов не смог, „накопать“ столько, сколько удалось прилежному и усердному исследователю труднику Еремееву. И в каждом открытии — теплота непосредственного живого чувства, потому что любой факт под пером писателя как бы соединяет в себе плоть и душу, наполняясь такой сдержанностью, что даже в своей обыденности кажется исключительным».

Писал о творчестве Петра Васильевича Секретарь правления союза писателей России Валерий Шамшурин.

Будучи членом Союза писателей России и членом Союза журналистов России, Петр Васильевич принимал активное участие в общественной жизни города. Он являлся бессменным членом Пушкинского комитета, отделения фонда славянской письменности и культуры, отделения Всемирного русского народного собора, книгоиздательского совета города.

Творчество Петра Васильевича, его активная гражданская позиция были оценены литературными премиями им. А. С. Пушкина и А. М. Горького. Он был удостоен медали за доблестный труд в годы Великой Отечественной Войны.

В последние годы Петр Васильевич обратился к духовной тематике, он выпустил книгу о Преподобном Серафиме Саровском, о настоятеле Саровской пустыни схииеримандрите Иоанне «Ярем Господень» и работал над книгой об Арзамасских церквях.

Петр Васильевич писал о простом, и жизненном, но в то же время, возвышенном, и высоком. Он был — истинный талант. Об этом свидетельствует все его разнообразное творчество, исключаящее фальшь и равнодушие и основанное на высоких христианских заповедях любви.

Как то его спросили на встрече с читателями, для кого он пишет. «Для русской праведной души» — ответил Петр Васильевич Еремеев. Лукавить он не умел.

Примечания

1

Не лишним дополнением к этой книге являются опубликованные ранее произведения Петра Еремеева — повесть «Арзамасская муза» и «Арзамасские мастера» (Рассказы о народном искусстве), изданные Волго-Вятским книжным издательством в 1987 и 1992 годах. В них содержится достаточно богатый материал о деятельности первой провинциальной в России школы рисования и живописи академика А. В. Ступина в Арзамасе (1802–1861 г.г.) и многочисленных арзамасских рукодельниках — мастерах своего пожизненного дела.

После победы русских на поле Куликовом на Руси «установлена Дмитриевская Суббота, явилось сказание о Богоматери, кадящей поле воинских Страстей, и предание — до сих пор живое — о световых столпах, восходящих над ним в канун Дмитриевской Субботы, тех же столпах, что будто бы бывают видны на Светлояре: чистое свечение духа, субстанция жертвенного воинского усилия, горний образ народа, лишаясь которого он расчеловечивается, низводится к чисто физическому бытию».

Светлояр упоминается в связи с тем, что якобы в воды его ушел русский город в дни Батыева нашествия и когда в Егорьевском ключе погиб правнук крестителя Руси Владимира, князь Георгий Всеволодович. Дмитриевская Суббота — перед днем Св. Дмитрия Солунского (26 октября ст. стилия).

Здесь и далее примечания автора.

3

Уже в 1560–1561 годах его описал «с товарищи» дозорщик Григорий Сукин.

4

Татары отомстили Лжедмитрию II за то, что он утопил их Касимовского царя, тайно изменившего самозванцу.

5

Умер Лисовский в октябре 1616 года во время подготовки нового набега на Россию. В двадцати верстах от Стародуба он упал с коня и расшибся. Его соратники еще долго искали удачи в России, Польше, Австрии, Пруссии, Ломбардии и Чехии.

6

От города Арзамаса выборным был игумен Спасского монастыря Иов.

7

Приведенное иностранцем число казненных не подтверждено архивными данными и может вызывать сомнения.

8

Савва, как уточнено, — кадомский священник.

Смерть Алена приняла поистине страшную.

Акт сожжения за «ведовство» исходит из «Уложения» 1649 года, который определял подобную меру наказания за связь человека с нечистой силой. Таковы были узаконенные воззрения средневекового человека. К чести России царские власти очень редко прибегали к такой жестокой мере наказания. Сожженных у нас, как говорится, можно счесть на пальцах. Зато в цивилизованной Европе сожжение еретиков применялось инквизицией долго и широко. Были случаи, когда сжигали всех женщин городов, якобы одержимых бесом. По «Уложению» царя Алексея Михайловича смерти могли предаваться в России за 60 видов преступлений. В просвещенной Франции казнили за 115 видов преступлений.

10

Здсь и далее строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино».

Некоторые краеведы в последнее время усомнились в пребывании в Арзамасе воинского госпиталя, засомневались и в местоположении могилы воинов 1812 года.

О госпитале в городе, кроме историка Н. М. Щеголькова, доктор исторических наук Н. Добротвор писал: «В Арзамасе был учрежден военный госпиталь, в нем содержалось одновременно свыше полутора тысяч человек бальных».

Подтверждение о наличии госпиталя в городе находим в публикации краеведа Д. Абкина: «Военный министр князь Горчаков известил Кутузова, что отданы распоряжения о доставлении в Арзамас ружей, патронов, пороха и свинца, а также сум, ранцев, портупей и госпитального оборудования».

См.: Н. Добротвор. Нижний Новгород в войне 1812 года. «Горьковская правда». 1962, 2 октября.

Д. Абкин Арзамас в Отечественной войне 1812 года. «Арзамасская правда», 1958, 24 июня.

Ну, а что касается местоположения могилы воинов на Всехсвятском кладбище, то Н. М. Щегольков писал в 1912 году: «Прошло сто лет, но народная тропа к этому кургану не заросла».

Не могла зарости уже потому, что ежегодно в Дмитриевскую Субботу — 2 октября по-старому, православная церковь поминает павших за Отечество.

И если арзамасское священство ежегодно в Семик служило панихиды над захоронениями тех на Ивановских буграх, кто уходил из жизни неестественным путем, то наверное, пусть время от времени, курился пахучий дым ладана и над братской могилой героев 1812-го. Как же было забыть горожанам святое место успокоения защитников Отечества.

12

Имя Пушкина улица получила в 1899 году, когда Россия отмечала 100-летие со дня рождения великого национального поэта.

13

Названия старых улиц даны на 3 ноября 1918 года.

Душой считался человек мужского рода. Чиновники прошлого включали в общее число не только самих купцов, ремесленников, духовных и прочих, но и их домашних.

К сожалению, некоторые литераторы вместо того, чтобы тяжелое психическое состояние писателя объяснить внутренней депрессией, которая исподволь накапливалась у Льва Николаевича переутомлением, стали увязывать его с надуманным «арзамасским», с «мордовским ужасом», придавая словам социальное и даже национальное звучание.

М. Горький пишет о двенадцати комнатах в снятом им доме купчихи Мелании Подсосовой и это верно. Скиталец же сообщает о шести комнатах, снятых за 30 рублей «на все лето!» Это было очень дешево. Вот и верь необузданной жадности этих «тупых волков» из Арзамаса...

Курение на улицах в России разрешено только в 1884 году.

Когда запасы стали иссякать, братия предложила настоятелю Ефрему прекратить раздачу милостыни, но тот отказался. «Лучше умереть вместе с народом, а не пережить народ».

19

Четверть равнялась 6 пудам ржи или 5 пудам ржаной муки, или 209,9 кг. Впрочем, четверть была не везде одинаковой.

20

Ямы — отсюда ямская гоньба, учреждены по образцу, заведенному еще Чингизханом.

21

Здесь расстояние до самой ярмарки.

22

Сажень — 2 м 13 см.

23

Террасы позднее убраны.

24

Квадратная сажень — 4.55 кв. метров.

25

Каждое городское издание.

26

Каждое городское издание.

Лечебники, связанные с латинской традицией. Первый перевод сделан лекарем Василия III Николаем Булевым из Любека в 1534 году.

28

Очевидно, этой датой и надо считать 1808 год.

29

От города Ростова Великого.

Заглавия книг даны в орфографии оригинала описи, 1801 год.

Судя по обилию драматических произведений в библиотеке, г-н Волков, возможно, содержал свой театр. А обилие живописных полотен в доме говорит о том, что у него был свой художник, столь нужный для театра и украшения дома.

Добавим: с 1858 года, со времени службы старостой А. И. Будылина, денежная плата распространялась также и на хористов.

Первая скульптурная группа Василия Ильина куплена настоятельницей Алексеевской женской общины М. П. Протасьевой и поставлена в Псалтирной келье. В 1848 ее поновили, раскрасили вновь. Впоследствии находилась в Рождественской (Строгановской) церкви Н. Новгорода.

На гробе сделана надпись: «Гробница устроена игуменией Марией на сборные деньги 1779 г. сентября 20 дня».

34

Ныне находится в Арзамасском историко-художественном музее.

35

Вандыш — снеток, сушеная рыба вроде ерша.

Сборное воскресенье — первое воскресенье Великого поста. Названо так потому, что в старину в этот день духовенство собиралось на совещание о церковных делах.

Мытный базар, торг. Истоки термина от слова «мыть» — пошлины на право торговли, взимаемой с 1654 года. Тогда брали 5 % с рубля с продающего и 2,1/2 % с покупателя.

38

Русская меры длины, равная 0,71 м.

39

Пуд — шестнадцать килограммов.

40

Здесь и далее числа дней постов и праздников даны по старому стилю.

41

В народе живо убеждение, что солнце «играет» в году пять раз. На Рождество — 25 декабря, на Крещение — 6 января, на Благовещение — 25 марта, на Пасху и Иоанна Крестителя (Иван Купала) — 24 июня и на Петров день — 29 июня по-старому.

42

Кутафья — небрежно одетая женщина. Тут — ласкательное.

Святочные песни записаны учеником школы Ступина В. Е. Раевым.

Игра «Похороны Костромы» обычно приурочивалась в русской деревне к весеннелетнему рубежу, когда «Кострому» — чучело из костры — отходов льна, конопли, — топили в реке. В Арзамасе, как видим, «Кострому» пели и в святки. Здесь потерял ритуальный смысл игры, она превращалась в нехитрое шуточное действие.

45

В масленицу и в другие зимние праздники насчитывали в городе до 60 выездов.

46

Полевая десятина — 30 сажень в ширину и 80 в длину. Лесная десятина — 20 сажень в ширину и 120 в длину.

Записано от поэта Ивана Дмитриевича Иконникова.

Вокзал или чаще тогда «воксал» — увеселительное место, зал для игр, зрелищ.

Иконников И. Д. — Запевы. Первая книга стихов. Арзамас. 1914, с. 15.

Слова из акафиста св. Николаю Чудотворцу.

Локоть — около четырнадцати вершков.

Алтын — старинная русская монета в три копейки.

Ореховая — ныне улица Кр. милиции.

См.: «Словарь русских писателей XVIII века». Вып. А-И. М. 1988, с.318.

Филипп Берже в 1831 году назван в документах «вольным общником» Академии художеств. Автор двух портретов поэта К. Н. Батюшкова, поэта Е. А. Баратынского и портрета Марии Семеновны Жуковой (около 1835 года).

Работы Р. А. Ступина представлены в монографии «Русский портрет XVIII-XIX веков в музеях РСФСР» М. 1976, с. 235, 237, 239.

Один из первых исследователей жизни и творчества В. Г. Перова искусствовед Н. П. Собко сообщает, что у художника с 1870 по 1875 годы жил брат Анатолий, врач. Это неверно. В 1875 году ему было только 18 лет. Врачом был другой брат — Леонид, о котором как о враче вспоминает нижегородский художник и этнограф А. П. Мельников. Леониду в 1870 году исполнилось 26 лет, он, видимо, и кончил медицинский факультет. См.: Собко Н. П. Василий Григорьевич Перов. Его жизнь и произведения. — СПб. 1892.

У художников, как и у всякого творческого человека, редко объявляется «случайное» полотно, особенно если оно предназначается для выставочных залов. Четыре картины В. Г. Перова, связанные с критикой священнослужителей и монахов, конечно же, не случайны. Не случайно и то, что после того, как у Василия Григорьевича открылись явные признаки чахотки в 1874 году — болезнь далеко не всегда вылечивалась в те времена, он обращается к образу Христа в работе «Христос в Гефсиманском саду» и к истории православия в России в картинах «Никита Пустосвят», «Первые русские христиане в Киеве», «Блаженный» и другие.

Полицейское управление задержалось в здании Ступинской шкалы ненадолго. В него перевели Троицкое мужское и женское церковно-приходские училища. В 1910 году, после построя на усадьбе Ступина здания Реального училища, школу разобрали.

Рамзайские источники ослабели после того, как возле них вырубили сосновый лес и большие заросли орешника. Орешник-то отчасти вымерз в одну из суровых зим.

Позволим себе высказать невольные сомнения. Как-то мало верится этой оценке. Священник был умным, деликатным человеком, а тут вломился некий босяк! Ну, ладно, промок под проливным — бывает. Только зачем же мокрому, грязному да еще и вечером являться в дом к уважаемому писателю, к тому же зная, что у того постоянно полно приезжих — какая особая нужда гнала? Тем паче, что дом батюшки в пяти-семи минутах ходьбы от усадьбы Мелании Подсосовой. И как старый, почтенный священник мог просить переодеться в чужую одежду, включая белье? Так и хочется сказать, что здесь скорее «литература», нежели подлинная правда события, создание художественного образа этакого раскованного попа...

Мадзини — его книга «Об обязанностях человека».

Трудно принять, что это слова Ф. И. Владимирского. Уж кто-кто, а священник-то еще на семинарской скамье вполне усваивал, что человек — высшее творение Божье, и зачем ему понадобилось повторять не какому-то мужику, а писателю семинарские азы, да еще в форме восклицания. Фразы эти, конечно же, принадлежат самому Горькому, которыми он жил в это время, когда устами Сатина вещал извечную истину: «Человек! Это — великолепно! Это звучит... гордо! Человек! Надо уважать человека!» Ставить нового человека на котурны подтолкнул писателя, несомненно, модный Ницше, к которому тогда тяготел и Алексей Максимович. В периодической печати были публикации на эту тему.

Тут нетрудно понять Горького, который, оправдывая свой слишком уж любовой текст, хотел сказать К. П. Пятницкому: смотри, слова-то Сатина сверены с народными низами. Провинциальный поп и тот величит человека!

Кредитного общества в Арзамасе в это время никто не добивался. В городе имелся с 1863 года Общественный банк, который и давал кредиты большому числу мелких торговцев, нуждавшихся в деньгах. Существовал и городской ломбард, где, по крайней мере, можно было получить деньги за залог вещей. М. Горький явно призабыл эту часть разговора Ф. И. Владимирского.

Гностики соединяли Христианскую теологию с религиями Древнего Востока, а также с неоплатонизмом и пифагореизмом.

Не случайно в разговоре возникла Европа, давно живущая не духом, а брюхом, в то время как «вся Русь говорит о бытии Бога».

Странно, что М. Горький приписывает далее умному православному пастырю такие слова: «Однако Европа все ж таки мать крестная нам... Без Вольтеров ее и без ученых — мы бы с вами не состязались в знаниях философических, а безмолвно блины кушали бы и — только всего!» Просторечие, предписанное писателем провинциальному священнику, тут явно не срабатывает.

В духовном плане Европа для Руси, России никогда не была крестной матерью. Много раз православных склоняли к католицизму и протестантству — тщетно! На счет Вольтеров, этих атеистов... Еще в семинариях хорошо просвещали будущих служителей православной церкви, что такое вольтерьянство, почему Екатерина II, а после и сын ее, Павел I, настрого запретили его в России. Не мог так пасть перед Вольтером Владимирский!

Исходная из византийского православия русская философская мысль всегда являлась вполне самостоятельной, богатой, вполне окормляющей народ, атеизм Вольтера и иже с ним глетворно коснулся лишь части космополитического российского дворянства и части такой же университетской интеллигенции, студенчества. «Чужебесие» потом и привело Россию к пагубным катаклизмам.

Уже при первой встрече с писателем Владимирский пригрозил шутя-не шутя, что «Вот мы вас исправим!» Слова эти надо понимать в широком аспекте. Далее из очерка М. Горького о Леониде Андрееве, из воспоминаний Алексея Максимовича видно, что отец Федор спорил с писателями, отстаивал основы православия и богословия — это видно хотя бы из разговора о тех же гностиках... А поэтому, повторяем, странно читать лукавые мудрости некоего западника, вкладываемые в уста Федора Ивановича.

Осенью 1905 года в Петербурге Михаила Владимирского арестовали — он шел на связь с Лениным. Снова отсидел девять месяцев под следствием, снова власти не могли предъявить ему веского обвинения и выпустили. В 1908 году Михаил Федорович эмигрировал за границу, где пробыл до 1917 года.

Христианский социализм в России теоретически разрабатывали Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и др. Исповедали эту общественную мысль в начале XX века «Христианское братство борьбы» — В. В. Эрн, В. Свеницкий и др.

Примечательно, что в 1927 году, уже в глубокой старости, на рабочем столе Владимирского среди прочих находилась и книга Л. Фейербаха «Социализм и религия». Не ради же известной показухи держал ее при себе священник. Надо думать, отец Федор все еще искал точки соприкосновения религии и социализма. Или, напротив, искал несовместимые противоречия. См.: Курячьева Е. Дорогие сердцу воспоминания. «Арзамасская правда», 1972 г., 6 сентября.

71

Имеется в виду «пиджачная» интеллигенция, в данном случае те, кто рьяно поддерживал социалистов.

«Смутьянов» была, конечно, горстка по сравнению с населением города. Кто-то из «большинства» находился в подпитии — день-то объявили праздничным и потому ошибка явилась неизбежной, тем более что и «леваки» собрались не из пугливых. В советское время историк С. Шилов писал, что от побоев «погромщиков» умерли демонстранты-интеллигенты «пиджачные»: ветеринарный врач Дилекторский и служащий Сазонов. Позже краеведы добавили к числу жертв учительницу Шаронову. Ссылок на врачебные документы при этом нет. Организаторы этой второй, явно провокационной, демонстрации, конечно, отсиделись в укромных местах...

Черная сотня — так называли себя в прошлом русские патриоты, готовые умереть за Отечество. Монахи Ослябя и Пересвет на поле Куликовом из их числа.

«Черносотенная» патриотическая организация «Союз Русского Народа» начала создаваться в ноябре 1905 года, а устав ее зарегистрирован только 7 августа 1906 года, т. е. после основной волны политического террора.

П. А. Столыпин убит в Киеве в сентябре 1911 г.

Кадеты — конституционные демократы, имевшие целью ограничение монаршей власти.

Шум церковных и патриотических кругов поднялся большой потому, что кадеты и октябристы в 1905–1908 годах «всячески поддерживали левых террористов». См.: Кожин Вадим. Загадочные страницы истории XX века. «Черносотенцы» и революция. — «Наш современник», 1994, № 3, стр. 154.

Кубическая сажень в данном случае — около 800 ведер воды.

Освящение закладки водонапорной башни в конце улицы Сальниковой состоялось 1 марта 1911 года. В этот день горожане обычно ходили к Рамзайскому источнику для водоосвящения.

Водонапорную башню проектировал арзамасец студент Харьковского технологического института Леонид Кашеев.

Кошелев Николай Андреевич — арзамасский уроженец, подолгу жила в родном городе. Ко дню открытия водопровода написал на изразцах в натуральную величину образ Спасителя с тем, чтобы укрепить его на водонапорной башне. Полагаем, что керамика обжигалась в Понетаевском монастыре, где Кошелев преподавал монахиням рисунок и живопись. К сожалению, при переезде на новую квартиру икона разбилась. Тогда профессор написал Христа с жаждущим юношей для Воскресенского собора с тем, чтобы копия с его работы была помещена на стене водонапорной башни.

Строительство водопровода от Мокрого оврага до города осуществлялось под контролем инженера Алексея Алексеевича Некрасова.

Черноруков — учитель школы ремесленных учеников. Производил чертежные работы, вел делопроизводство Водопроводной комиссии.

Кредо — убеждения, мировоззрение.

Предполагаем, что «Мое кредо» является отчасти извлечением из книги Ф. И. Владимирского «Любовь — закон жизни», запрещенной церковными властями потому, видимо, что автор очень уж духовное Божественной любви заземлил, начинил свой труд цитатами известных поэтов... Не все земное сочетается с небесным!

Иконников А. Д. (1876–1952) учился у А. О. Карелина в Нижнем Новгороде в 1895–1898 годах. В марте 1900 года после окончания рисовальных курсов при Императорской академии художеств получил свидетельство на право преподавания «графических наук» в средних учебных заведениях. Работал в Варшаве, Херсонской учительской семинарии, Калужской гимназии. Вернулся в родной Арзамас в 1917 году и начал работать в городских учебных заведениях.

Ф. И. Владимирский вспоминает, что такое же состояние в свое время пережили Макарий Египетский и другие подвижники христианства.

Некрасовская библиотека создана в Арзамасе по инициативе М. Горького и инспектора народных училищ Арзамасского уезда А. М. Храброва в 1904 году. Библиотека получала от писателя книги до 1915 года. В 1928 году в дни 60-летнего юбилея Алексея Максимовича библиотеке присвоено имя М. Горького.

Декрет об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих подписан был Лениным 23 февраля 1922 года. 19 марта этого же года в секретном директивном письме членам Политбюро было сказано: «Чем больше число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам поэтому расстрелять, тем лучше». Расстреляно было 32 митрополита и архиепископа 40 тысяч священников, дьяконов и монахов, а также около ста тысяч верующих, входящих в церковные двадцатки и общины. См.: Бунич Игорь. Золото партии. С-Петербург. 1992, с. 90-93.

«Исторический очерк устройства водопровода в городе Арзамасе Нижегородской губернии и его 15-летнего существования». Арзамас, 1927 г. Рукопись очерка составил Василий Гладков, в монашестве архимандрит Панкратий. Окончил в Арзамасе в 1910 году реальное училище, а затем Духовную академию.